

Брусницын Л.В.

**Обеспечение
безопасности лиц,
содействующих
уголовному правосудию:
мировой опыт
и развитие
российского
законодательства**

Издательство «Юрлитинформ»

Л.В. Брусницын

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ
ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ
УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ:
МИРОВОЙ ОПЫТ И РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Издательство «Юрлитинформ»

Москва

2010

УДК 343.143-027.45
ББК 67.411
Б89

Автор:

Брусницын Л.В. — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Московского государственного индустриального университета.

Рецензенты:

Власова Н.А. — заведующая кафедрой уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Московского государственного индустриального университета, доктор юридических наук;

Головкин Л.В. — профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук.

Брусницын Л.В.

Б89 Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): Монография. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 464 с.

ISBN 978-5-93295-624-3

В начале XXI в. Россия приступила к решению проблемы, уже несколько десятилетий осложняющей отечественное уголовное судопроизводство: проблемы, заключающейся в незащищенности граждан, участвующих в судопроизводстве, от посткриминального воздействия. Первым шагом в решении проблемы стало принятие УПК РФ 2001 г., содержащего ряд мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса. В 2004 г. принят Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; Правительством РФ утвержден ряд нормативных актов, принятых в развитие названного Закона.

В предлагаемом издании предпринят анализ отечественного законодательства, освещен обширный зарубежный опыт в исследуемой сфере, представляющий ценность как для изучения в юридических вузах страны, так и для становления соответствующей деятельности отечественных правоохранительных и судебных органов. Освещены и малоизвестные в России международно-правовые документы, содержащие оценки допустимости в национальном уголовном процессе тех мер безопасности, которые до сих пор вызывают споры в среде российских юристов, поскольку до настоящего времени эти меры и условия их применения не нашли адекватного отражения в отечественном законодательстве.

Книга предназначена студентам и преподавателям юридических вузов, преподавательскому составу учреждений по повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов, судьям, прокурорам, следователям и иным должностным лицам, на которых возложено обеспечение безопасности участников судопроизводства, гражданам, интересующимся данной проблематикой.

Содержащаяся в книге информация может быть использована в законотворческой деятельности, поскольку очевидна необходимость дальнейшего развития отечественного законодательства в рассматриваемой сфере.

УДК 343.143-027.45
ББК 67.411

ISBN 978-5-93295-624-3

© Брусницын Л.В., 2010
© Издательство «Юрлитинформ», 2010

Введение

Общемировые тенденции преступности обусловили то, что возможность уголовного наказания уже не удерживает преступников от угроз и насилия в отношении лиц, которые изобличают их в преступлениях. Страх жертв и очевидцев преступлений перед преступным миром, негативные последствия страха (уклонение от уголовно-процессуальных обязанностей и др.) достигли масштабов, которые заставили говорить о себе не только специалистов в сферах уголовного, уголовно-процессуального права, криминологии и криминалистики на национальном уровне. Экспертами международного сообщества было признано, что угрозы и насилие в отношении лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами, стали «наиболее распространенным средством подрыва системы уголовного правосудия»¹.

Оставаясь в течение длительного времени среди стран-аутсайдеров в обеспечении безопасности граждан, участвующих в борьбе с преступностью², в XXI в. Россия приступила, наконец, к формированию необходимого законодательства. Первым шагом в этом стало принятие УПК РФ 2001 г., в котором законодатель предусмотрел такие меры безопасности, как *прослушивание переговоров, опознание в условиях, безопасных для опознающего, использование в уголовном процессе псевдонимов и закрытое судебное разбирательство*. В 2004 г. принят Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (Далее — Закон «О государственной защите потерпевших...»), содержащий группу *универсальных мер безопасности*. В апреле 2006 г. Правительством РФ утверждена Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006—2008 годы» (Далее — Программа «Обеспечение безопасности потерпевших... на 2006—2008 гг.»)³, а в октябре того же года, во исполнение указанной Программы

¹ Выводы и рекомендации Совещания Специальной группы экспертов по уменьшению риска насилия в системе уголовного правосудия // Док. E/CN.15/1994/4/Add.3. 25 february. 1994. P. 10.

² В книге не рассматриваются вопросы обеспечения безопасности *должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и производство по уголовным делам, присяжных заседателей* (обеспечение их безопасности урегулировано Федеральным законом от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СПС «Гарант»).

³ См.: Постановление Правительства РФ от 10 апреля 2006 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006—2008 годы» // СПС «Гарант».

мы — «Правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁴. В МВД РФ и других структурах, на которые Законом «О государственной защите потерпевших...» возложена реализация универсальных мер безопасности, идет процесс разработки необходимых для этого ведомственных нормативных правовых актов.

Но нельзя сказать, что результаты проделанной законотворческой работы оптимальны, а задачи, оставшиеся нерешенными, и пути их решения ясны для законодателя. Недостатки законодательства в значительной степени обусловлены тем, что законотворчество в России до сих пор не основывается на *единой концепции* обеспечения безопасности указанных лиц в сфере борьбы с преступностью — в сфере, охватывающей оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность, пенитенциарное и постпенитенциарное воздействие. Для исправления допущенных и предотвращения новых ошибок в законотворчестве необходим учет ряда концептуальных положений, которые излагаются в предлагаемой читателю книге.

Что касается правоприменения, то российские правоохранительные органы и суды все чаще используют введенные в законодательство меры безопасности. Только в период 2006 г. — первой половины 2008 г. и только в 28 субъектах Российской Федерации в общей сложности эти меры использовались 7224 раза; в досудебных стадиях — 5504 и в ходе судебного производства — 1720 раз⁵. Естественно, при их применении выявились проблемы, обусловленные не только недостатками законодательства, но и новизной для правоприменителей самого института *обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию*, поэтому значительное место в книге уделено освещению уже накопленного опыта по использованию мер безопасности, содержатся рекомендации по их применению. Уделено внимание и зарубежному опыту, который, будучи выверенным многолетней практикой, может служить ориентиром в отечественной законотворческой и правоприменительной деятельности. В предлагаемой книге этот опыт систематизирован, приведено зарубежное законодательство, практически неизвестное в России.

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».

⁵ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Состояние законности и проблемные аспекты применения мер государственной защиты к потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства. М.: Генеральная прокуратура РФ, 2008. С. 4, 9.

Вниманию читателей предлагаются также международно-правовые акты, имеющие непосредственное значение для развития национального, в том числе российского, законодательства, в частности выводы о допустимости мер безопасности⁶, правомерность которых до сих пор вызывает дискуссии среди российских юристов, основаны автором на прецедентах Европейского Суда по правам человека, решения которого в данной дискуссии имеют определяющее значение.

И последний, *терминологический* вопрос, на который автор хотел бы обратить внимание: в некоторых научных работах *обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию*, обозначается термином «государственная защита», в свою очередь последняя сводится к анализу различных аспектов данного *обеспечения*⁷, что не соответствует отечественному законодательству: согласно ст. 1 Закона «О государственной защите потерпевших...», эта защита заключается не только в обеспечении безопасности соответствующих лиц, но и в осуществлении в отношении них мер социальной поддержки. Поэтому исследования, объект и предмет которых авторы связывают с «государственной защитой», должны включать анализ применения мер социальной поддержки. В предлагаемой монографии последние не рассматриваются, потому и монография озаглавлена так, как она озаглавлена⁸.

⁶ Под *безопасностью* автором понимается *состояние физической и психологической защищенности индивида*, что соответствует определению безопасности личности, содержащемуся в ст. 1 Закона РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности». Естественно, приведенное краткое определение может быть расширено в научных исследованиях, что и предпринято некоторыми авторами.

⁷ См., например: *Левченко О.В.* Уголовно-процессуальные меры безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, содействующих правосудию: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12; *Крайнов В.И.* Особенности государственной защиты потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 6.

⁸ Закон Украины, направленный на защиту от посткриминального воздействия, и, в отличие от российского Закона «О государственной защите потерпевших...», не содержащий меры социальной поддержки, получил точное — в соответствии с предметом регулирования — название: «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» (см.: Уголовная юстиция: Сборник нормативных актов. Издание четвертое, исправленное и дополненное. Харьков, 2006. С. 374–386). Пример точного использования терминов есть и в отечественном нормотворчестве: пунктом 1 Указа Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» в МВД РФ предусмотрено создание «подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите» — название подразделений сформулировано в точном соответствии с тем, что осуществление мер социальной поддержки в их компетенцию не входит.

Глава I

ПОСТКРИМИНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

§ 1. Тенденции преступности, обуславливающие феномен посткриминального воздействия

Посткриминальное воздействие — выраженное в запрещенных УК РФ и в иных деяниях воздействие преступников и других лиц в отношении жертв, очевидцев преступлений и иных граждан, способных оказать содействие, содействующих или оказавших содействие уголовному правосудию. Данное воздействие осуществляется с целями принудить граждан отказаться от намерения содействовать правосудию либо прекратить это содействие, а также из мести за оказанное (оконченное) содействие правосудию. Кроме того, существует так называемое «назидательное» посткриминальное воздействие, которое осуществляется с целью устрашения будущих (потенциальных) свидетелей в других (будущих) уголовных делах⁹.

Каковы же перспективы посткриминального воздействия? Останется оно в прошлом или и в наступившем веке будет являть собой фактор, существенно осложняющий уголовное судопроизводство? Ответ — в генезисе самой преступности.

Глобальной тенденцией, детерминирующей распространение посткриминального воздействия, является общий для большинства развитых и развивающихся стран *криминологический вектор, заключающийся в росте преступности*¹⁰. Россия, в которой с ослаблением тотального государственного контроля в середине 50-х гг. XX в. преступность стала эволюционировать по мировым законам¹¹, — в числе этих стран: в пе-

⁹ Подробно характеристики *посткриминального воздействия*, как и содержание *содействия* уголовному правосудию, рассмотрены в следующем параграфе настоящей главы.

¹⁰ За последние 30–40 лет преступность в странах мира увеличилась в среднем в 3–4 раза; в Великобритании и Швеции, например, в 6–7 раз, во Франции — в 5–6 раз, в Германии — в 3–4 раза (см.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прокуратуре РФ; ВНИИ МВД России, Департамент уголовного розыска МВД России; под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М., 2007. С. 8).

¹¹ См. об этом: *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. С. 336.

риод с 1997 г. по 2001 г. количество зарегистрированных в России преступлений возросло на 23,8%; в 2007 г. было зарегистрировано уже более 3,5 млн преступлений¹², общее же количество ежегодно совершаемых в России преступлений, включая латентные, в настоящее время оценивается в 9–12 млн¹³. Данный вектор вызван комплексом экономических, социальных и других причин, устранение которых на современном этапе не под силу обществу в целом, поскольку они кроются во всех сферах общественных отношений и связаны с социальными противоречиями, которые пока остаются неразрешимыми¹⁴. Очевидно, что не требуется доказательств *прямой зависимости* роста преступности, количества жертв преступлений и фактов посткриминального воздействия на них, а также на иных лиц, вовлекаемых государством в борьбу с преступностью.

Качественные и количественные изменения российской преступности находятся в русле ее общемировых тенденций. Кроме того, в России существует ряд факторов, катализирующих общемировые тенденции преступности: массовый негативный социально-психологический и нравственный сдвиг, способствующий вовлечению людей в криминальную среду; снижение жизненного уровня большинства населения и резкая имущественная дифференциация различных социальных групп; отсутствие стабилизирующего криминогенную обстановку среднего класса и др.

Среди тенденций, обуславливающих распространение посткриминального воздействия, — *рост организованных форм преступности*. И наметившееся в настоящее время улучшение экономического состояния страны не повлечет уменьшения организованной преступности, а приведет лишь, как показывает мировой опыт, к ее *диверсификации*¹⁵: при ослаблении насильственной направленности к развитию других форм преступной деятельности: продажа краденых автомобилей, предметов культурного, исторического и художественного наследия, произведений искусства, торговля людьми, незаконная торговля трансплантатами, оружием, боеприпасами, цветными и редкоземельными металлами, фальшивомонетничество, мошенничество¹⁶.

¹² Из материалов Всероссийского совещания органов Следственного комитета при прокуратуре РФ в феврале 2008 г. (<http://www.soprotivlenie.org/?id=24&cid=304&t=v>).

¹³ Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / Под общ. ред. А.А. Сухарева, С.И. Гирько. М., 2007. С. 65.

¹⁴ См.: Лунеев В.В. Указ. соч. С. 476.

¹⁵ См.: Проект Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» // А/CONF.203/L.5, 23 April, 2005, P. 2.

¹⁶ Например, доходы преступных групп Канады и США от мошенничества достигают 10% общего объема продаж в сфере телемаркетинга, составляющего 500 млрд долл. США.

В специальной литературе приводятся различные определения организованной преступности и элементы ее структуры: организованные преступные группы, преступные сообщества (объединения организованных преступных групп), межрегиональные объединения преступных сообществ, преступные ассоциации в масштабах государства, транснациональные преступные объединения. В рамках настоящей работы допустимо ограничиться использованием терминов: *организованная преступная группа (ОПГ)* и, в качестве обобщающего термина, *преступное сообщество*.

Во второй половине 90-х гг. XX века рядом криминологов был сделан вывод о завершении в России начальной стадии становления организованной преступности (в которой преобладают ОПГ небольшой численности с узкой специализацией и локальной зоной действия) и о начале следующей стадии — формирования преступных сообществ со сложной структурой, имеющих большую численность (до 1000 и более человек), гибкую специализацию и региональный, межрегиональный либо транснациональный масштаб деятельности¹⁷.

Организованная преступность непосредственно сопряжена с массивным посткриминальным воздействием. Опрос 120 следователей, сотрудников уголовного розыска и прокуратур показал, что практические работники относят незащищенность жертв и свидетелей к основным препятствиям борьбы с ней¹⁸. О все большем распространении посткриминального воздействия, обусловленного организованной преступностью, свидетельствует и то, что в России убийства свидетелей стали одним из мотивов «заказных» убийств¹⁹; еще в 1995 г. в Москве была установ-

В странах Европы в 2003 г. было изъято фальшивых банкнот на сумму 30 млн евро. Стремительно развивается мошенничество с использованием поддельных кредитных и лебетовых карточек. По оценкам МВФ, мошенничество вскоре сможет соперничать с незаконным оборотом наркотиков в качестве источника прибыли организованных преступных групп (см.: «Экономические и финансовые преступления: вызовы устойчивому развитию». Рабочий документ к одиннадцатому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // A.CONF.203/7, 23 february, 2005, P. 4–7).

¹⁷ См., в частности: *Любичева С.* О состоянии преступности в России // Уголовное право. 1997. № 4. С. 87; *Максимов С.В.* Организованная преступность в России: состояние и прогноз развития // Юридический бюллетень предпринимателя. 1998. № 4. С. 125–126; *Зминов В.Е., Максимов С.В.* Прогноз развития организованной преступности в России на период до 2000 г.: общие оценки // Труды Московской государственной юридической академии. М., 1997. № 2. С. 123.

¹⁸ См.: *Белоцерковский С.Д.* Рэкет: криминологическая характеристика. Меры общего и специального предупреждения: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. С. 135.

¹⁹ См. об этом: *Лунеев В.В.* Указ. соч. С. 207; *Хачароев Х.Д.* Организация и тактика оперативно-розыскного обеспечения расследования корыстно-насильственных преступлений: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. С. 25; *Бурданова В.С., Гуняев В.А.* Программа раскрытия

лона ОПГ, специализировавшаяся в том числе на совершении убийств свидетелей²⁰.

Эти данные согласуются с зарубежными реалиями, свидетельствующими, что воздействие на участников уголовного процесса — одно из свойств, присущих организованной преступности²¹. В ФРГ, например, сам факт уклонения свидетеля от дачи показаний расценивается как сигнал того, что преступление могло быть совершено членами преступной группировки²², такая оценка стала встречаться и в исследованиях российской организованной преступности²³. Именно рост организованной преступности, а также терроризма стали главными причинами принятия в 1998 г. в Германии Закона «О регулировании вопросов обеспечения защиты свидетелей, которым угрожает опасность»²⁴.

Здесь надо заметить, что исследование феномена организованной преступности относится к задачам наук криминологии и уголовного права, поэтому в рамках настоящего (процессуального) исследования автором не ставилась задача получения новых научных данных об этом виде преступности; ниже лишь приводятся факторы, которые, помимо роста абсолютных показателей организованной преступности, определяют и перспективу посткриминального воздействия.

Во-первых, по данным статистики и науки уголовного права, наибольшую долю в структуре преступлений, совершаемых российскими преступными сообществами, составляет вымогательство²⁵. О размахе этого

убийств, совершенных по найму // Южно-Уральские криминалистические чтения. Вып. 7. Уфа, 1999. С. 13.

²⁰ См.: Глазырин В. Ф. Особенности расследования «заказных» убийств на начальном этапе (отдельные аспекты): Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. С. 55, 94–95.

²¹ См.: *Chiavario M.* Aperçus sur la procédure d' audience en Italie entre réforme et «post-réforme» // *Rev. de science criminelle et de droit penal compare.* Paris, 1994. № 2. P. 215; *Gosk Z.* Zaris instytucji świadka anonimowego w polskiej procedurce karniej na tle rozwiazan europejskich // *Palestra.* Warszawa, 1996. № 9/10. S. 67, 72; *Benec S.* Pravne aspekty ochrany svedka // *Pravny obzor.* Bratislava, 1997. Roc. 80, c. 2. S. 184–185; *Witness protection programs in America: Hearing before the Subcommittee on crime of the Committee on the judiciary, House of representatives, 104th Congr., 2nd session, Nov. 7, 1996.* Washington, 1999. P. 13; *Организованная преступность в ФРГ на этнической основе // Борьба с преступностью за рубежом.* 2001. № 1. С. 27.

²² См.: *Хаклендер У.* Борьба с организованной преступностью в Федеративной Республике Германии (оперативно-розыскной аспект): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 24, 128.

²³ См.: *Хачароев Х. Д.* Указ. соч. С. 102.

²⁴ См.: *Казакова В. А.* Новый закон об обеспечении социальной и правовой защиты свидетелей в ФРГ // *Гос. и право.* 2000. № 9. С. 74, 76.

²⁵ См.: *Турских Г. И.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с вымогательством: Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 114, 124; *Гришко Е. А.* Проблемы борьбы

вида деятельности ОПГ в России свидетельствуют данные криминологических исследований, в частности, из 800 опрошенных предпринимателей 25% респондентов заявили, что они платят «дань» криминальным группировкам²⁶. Показатель латентности вымогательства: 17 000 случаев на 1 зарегистрированный — наиболее высокий показатель латентности среди всех преступлений²⁷.

Можно предположить, что и в будущем вымогательство будет являть собой существенную составляющую в деятельности ОПГ, поскольку они применяют все более замаскированные его способы, например, вместо прямых требований о передаче имущества или прав на него вымогательство маскируется под охранную деятельность, либо владелец предприятия принуждается к оформлению членов ОПГ в качестве сотрудников предприятия, и последние получают вымогаемые деньги по ведомости; применяются и другие изощренные способы вымогательства.

Непосредственными же факторами, предопределяющими активное посткриминальное воздействие вымогателей, являются:

1. Вымогатели, как правило (более чем в 90% зафиксированных случаев), совершают преступления по месту проживания. Причина этого — в необходимости для преступников постоянно контролировать определенную территорию, то есть постоянно или большую часть времени находиться в определенном районе²⁸. Занимающиеся вымогательством преступные группы на 80% состоят из местных жителей²⁹; 95% вымогательств совершается в том же районе, городе, где проживают преступники³⁰. Естественно, в задачи вымогателей входит осведомленность о местах жительства своих жертв и близких им лиц, получение о них иной информации³¹. Таким образом, членам ОПГ известен круг лиц,

с преступными сообществами // Московский журнал международного права. 1999. № 1. С. 93; Белоцерковский С.Д. Указ. соч. С. 13.

²⁶ См.: Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 годы). Аналитический доклад. М., 1995. С. 66.

²⁷ См.: Кудрявцев В.Н. Современные проблемы борьбы с преступностью в России. Доклад на заседании Президиума Российской академии наук // Вестник Российской академии наук. 1999. Том 69. № 9. С. 791.

²⁸ См.: Белоцерковский С.Д. Указ. соч. С. 89–90.

²⁹ См.: Вафин Р.Р. Вымогательство (рэкет) — криминалистические проблемы. Екатеринбург, 1993. С. 87.

³⁰ См.: Валеев Х.М. Криминалистическая характеристика и особенности первоначального этапа расследования вымогательства: Дисс. ...канд. юрид. наук. Уфа, 1997. С. 110.

³¹ Насилие над людьми, близкими жертвам вымогателей — одна из самых действенных санкций за невыполнение требований вымогателей. Угрозы близким являются и наиболее

воздействием на которых можно добиться желаемых для преступников результатов, будь то период, когда преступная деятельность — вымогательство только начинается, или же при уголовном преследовании вымогателей — то есть имеются все предпосылки, делающие возможным посткриминальное воздействие.

2. Свойственные современным преступным сообществам высокий уровень конспирации, наличие специальных структур, обеспечивающих их внутреннюю и внешнюю безопасность (один из системообразующих признаков организованной преступности), коррумпированные связи в правоохранительных и иных государственных органах. Эти факторы не просто облегчают потенциальную возможность посткриминального воздействия, они предопределяют его. Правильно обращено внимание на то, что цель осуществляемого ОПГ противодействия правоохранительным органам — безопасность преступного сообщества в целом, а не только уклонение от уголовной ответственности его отдельных членов — исполнителей преступлений³², и если сокрытие преступления, будучи в своей основе элементом его способа, осуществляется, как правило, субъектом этого же преступления, то противодействие (а посткриминальное воздействие является одним из его элементов) организуется членами преступного сообщества, является логическим продолжением организованных форм преступной деятельности³³. Вследствие этих обстоятельств организованный характер имеет не только собственно преступная деятельность (вымогательство и проч.), но и посткриминальное воздействие со всеми вытекающими из этой организованности негативными последствиями для граждан, подвергающихся этому воздействию.

3. Социально-демографические данные и психологические качества лиц, совершающих вымогательства: их, как правило, совершают мужчины, причем более чем в 70% случаев в возрасте от 19 до 30 лет³⁴ — в возрасте, в котором человек наиболее склонен к посткриминальному воздействию³⁵. Кроме того, одной из характерных черт членов ОПГ яв-

частым мотивом обращения жертв вымогателей в правоохранительные органы. По данным опроса 112 потерпевших, причиной их сообщения в правоохранительные органы о вымогательстве в 50% послужили опасения за жизнь и здоровье близких им лиц, и лишь в 23,2% — опасения за собственную жизнь (см.: Белоцерковский С.Д. Указ. соч. С. 116).

³² См.: Бобровский И.В. Социальная обусловленность квалифицированного вымогательства и его расследование: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1996. С. 60.

³³ Там же. С. 54, 61.

³⁴ См.: Тирских Г.И. Указ. соч. С. 94–95.

³⁵ См.: Вандышев В.В. Воздействие на жертву преступления как средство побуждения ее к участию в противодействии расследованию // Человек против человека. 1994. С. 161, 163.

ляется готовность к насилию³⁶, что также детерминирует как посткриминальное воздействие в целом, так и наиболее жесткие его формы.

4. Более 80% вымогателей в возрасте 21–30 лет в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства не признают себя виновными и дают ложные показания³⁷, то есть заинтересованы в даче ложных показаний другими участниками процесса, что достигается в том числе, а порой и прежде всего, посткриминальным воздействием.

Учитывая, что в 80% уголовных дел о вымогательстве не устанавливаются все участники преступных групп, не привлекаются к уголовной ответственности от 30 до 70% членов ОПГ³⁸, прежде всего их руководители³⁹, преступники, оставшиеся вне поля зрения правоохранительных органов, располагают всеми возможностями для посткриминального воздействия как во время уголовного судопроизводства — в целях заставить жертв, свидетелей преступлений и других лиц отказаться от сотрудничества с правоохранительными органами, так и по его окончании — из мести указанным лицам либо с целью так называемого «устрашающего насилия».

Другая причина распространения в России посткриминального воздействия — *рост наркобизнеса*. Если в 1989 г. в СССР на учете состояла 131 тысяча потребителей наркотиков, то в 1997 г. более 2,5 млн граждан России регулярно употребляли наркотики⁴⁰. В конце XX в. прогнозировался рост числа таких лиц в первом десятилетии XXI в. до 4 млн человек⁴¹. Прогноз оказался более чем верным: уже в 2007 г. число лиц, допус-

³⁶ См.: Галимов И.Г. Проблемы борьбы с организованной преступностью: Дисс. ...канд. юрид. наук. Казань, 1998. С. 110.

³⁷ См.: Валеев Х.М. Указ. соч. С. 108.

³⁸ См.: Бобровский И.В. Указ. соч. С. 129.

³⁹ Опрос в Москве, Воронежской и Иркутской областях сотрудников правоохранительных органов показал их единодушие в том, что руководители преступных организаций, лидеры преступной среды никогда или крайне редко — в 1–5% случаев — привлекаются к уголовной ответственности (См.: Преступность в России и проблемы борьбы с ней / Под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 42).

⁴⁰ См.: Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учеб. пособие / Под ред. А.Н.Сергеева. М., 2001. С. 25. См. также: Князев В.В. Правовые и организационные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков за рубежом: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 6, 16; Состояние законности в Российской Федерации (1996–1997 гг.). Аналитический доклад. М., 1998. С. 44.

⁴¹ См.: Долгосрочный прогноз развития криминальной ситуации в Российской Федерации. М., 1996. С. 58.

ключающих немедицинское потребление наркотиков, по разным оценкам, оставило от 5 до 6 млн человек⁴².

Устойчивая тенденция роста наркотизма в России выражается, во-первых, в том, что она носит не локальный характер, а наблюдаются во всех регионах страны; во-вторых, в повышении числа потребителей наркотических средств, происходящего не за счет людей, принимающих наркотики по медицинским показателям, а вследствие наркотизации здоровой части населения; в-третьих, в формировании «черного рынка» наркотиков, который все в большей степени контролируется сетью преступных группировок наркодельцов; по оценкам криминологов, число наркодельцов достигло 200 тысяч⁴³.

Рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, происходит во всех странах, но в России ему способствуют также: географическое положение страны при незащищенности границ с государствами, которые все в большей степени становятся производителями и поставщиками наркотиков (Азербайджан, Грузия, Украина, Белоруссия) либо являются транзитными территориями (Казахстан, Таджикистан), ужесточение в других странах наказаний за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (в Иране, например, введена смертная казнь для наркоторговцев), наличие в России *нарколобб*, препятствующего ужесточению законодательства по борьбе с незаконным оборотом наркотиков⁴⁴, слабость паспортного и визового контроля. Все это привлекает внимание международного наркобизнеса к России как к обширному рынку сбыта и наименее опасному пути нелегального транзита наркотиков.

В России уже сформировалась подпольная индустрия производства и распространения традиционных для России, а также других наркотиков, и идет процесс *монополизации* наркорынка организованными преступными группировками. Очевидно, что этот процесс будет завершен, и Россия пойдет по тому же пути, что и другие страны, в которых наркобизнес превратился в одно из главных направлений деятельности ОПГ. Причина в том, что по доходности он превосходит другие преступления;

⁴² См.: Доклад Директора ФСКН В. Черкесова на расширенном заседании коллегии ФСКН 18 марта 2008 г. (<http://www.gnk-pskov.ru/index2>); Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник. С. 53.

⁴³ Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник. С. 54.

⁴⁴ См.: Романова Л.И. Наркотики: преступления, ответственность. Владивосток, 2000. С. 50–51.

в России, например, один вложенный в наркобизнес рубль приносит около 1000 рублей прибыли⁴⁵; по данным ООН, наркобизнес в мире ежегодно приносит доход 400 млрд долларов США, то есть 8% всей международной торговли⁴⁶, по некоторым же оценкам, этот доход достигает 800 млрд долларов⁴⁷.

В специальных источниках указывается, что неразглашение наркоманами источника приобретения наркотика чаще всего продиктовано страхом потерять этот источник или стать жертвой расправы за его разглашение⁴⁸; обращается внимание, что в борьбе с наркобизнесом особую сложность представляет обеспечение безопасности свидетелей, лиц, принимавших участие в подготовке и проведении проверочных закупок и контролируемых поставок, наконец, обвиняемых, сотрудничающих с органами следствия⁴⁹. Монополизация наркобизнеса преступными сообществами сопряжена с учащением случаев посткриминального воздействия.

Следующий фактор, влекущий увеличение масштабов посткриминального воздействия, — *распространение терроризма*. В период с 1970 г. по 1980 г. масштабы террористической деятельности в мире удвоились. В 80-х гг. XX в. ежегодно совершалось в среднем 800 терактов⁵⁰. В последнее десятилетие XX в. было совершено более 6 тысяч актов терроризма, в результате которых погибли и получили ранения около 25 тысяч человек. Начало XXI в. ознаменовалось беспрецедентными терактами в городах Нью-Йорк и Беслан (Россия).

⁴⁵ См.: Миньковский Г.М., Побегайло Э.Ф., Ревин В.П., Целинский Б.П. Наркотизм: профилактика и стратегия борьбы. М., 1999. С. 40.

⁴⁶ См.: Проблемы укрепления законности и борьбы с преступностью на региональном уровне (наркотики и преступность). Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право на рубеже веков (материалы международной научно-практической конференции) // Гос. и право. 2000. № 4. С. 112; Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001. С. 190.

⁴⁷ См.: Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учеб. пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. М., 2001. С. 53.

⁴⁸ См.: Гасанов Э.Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с наркотиками. Одесса, 1998. С. 69.

⁴⁹ См.: Брылев В.И. Некоторые проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сфере наркобизнеса. Екатеринбург, 1994. С. 99; Шапошников А.Ю. Криминалистическая характеристика преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота наркотических средств: Дисс. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 222.

⁵⁰ См.: Назаркин И.В. Причинный комплекс терроризма в современной России // Борьба с организованной преступностью и терроризмом. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. М., 1998. С. 205.

Отмечаются следующие общие тенденции в генезисе терроризма:

- 1) возрастает его общественная опасность: терроризм становится заметным средством достижения политических целей, прежде всего в районах с высоким уровнем национализма, межконфессиональных противоречий и организованной преступности;
- 2) расширяется социальная база терроризма, что выражается не только в притоке свежих сил в террористические организации, но и в систематических или разовых услугах, например в форме предоставления конспиративных квартир, посредничества в доступе к интересующей террористов информации и др.;
- 3) повышается уровень организации терроризма: в террористических организациях формируются специализированные звенья по обеспечению собственной безопасности, материально-техническому обеспечению, пропагандистской работе и др.;
- 4) наблюдается соединение (взаимопроникновение) политического терроризма и организованной преступности, что серьезно осложняет борьбу с обоими составляющими⁵¹.

Конец XX — начало XXI в. ознаменовались распространением терроризма с присущими ему перечисленными тенденциями и в Российской Федерации. Проблема усугубляется существованием в России сепаратистских тенденций, превращением ее в объект внимания других стран, рассматривающих Россию как сферу своих интересов и готовых для их реализации использовать террористические средства.

В России террористическая деятельность криминализована в ст.ст. 205 и 205¹ УК РФ. Примечания к этим статьям содержат нормы, стимулирующие сотрудничество лиц, участвовавших в подготовке терактов и содействовавших террористической деятельности в иных формах, с правоохранительными органами, но необходимы и меры по защите этих лиц, поскольку высок риск их убийств, организуемых террористическими организациями⁵². Опыт борьбы с терроризмом в Дагестане показал, что велика вероятность расправы и над свидетелями⁵³. На необходимость

⁵¹ Подробнее об этих тенденциях см.: *Авдеев Ю.И.* Основные тенденции современного терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 157–175; *Петрищев В.Е.* Российское законодательство: профилактика терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 202; *Лунеев В.В.* Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Гос. и право. № 2002. С. 35–37.

⁵² См.: *Салимов К.Н.* Современные проблемы терроризма. М., 2000. С. 199, 203.

⁵³ См.: *Алиев Х.* Борьба с преступлениями террористической направленности // Законность. 2002. № 4. С. 7.

обеспечения их безопасности не раз прямо обращалось внимание в международно-правовых документах (указаны в главе II)⁵⁴.

По мнению специалистов, предпринимаемые усилия государств не способны устранить социальные и политические корни терроризма, вследствие чего это явление продолжит существование в XXI в., в том числе в России⁵⁵. В данной ситуации следует использовать зарубежный опыт борьбы с терроризмом⁵⁶, в частности необходимо изучение мер, содержащихся в принимаемых за рубежом специальных законах по борьбе с ним: учреждение специальных следственных и судебных органов (Испания, Италия, Франция); установление срока (во Франции — 36 часов), только по истечении которого задержанным, подозреваемым в террористической деятельности, предоставляется право встретиться с защитником⁵⁷; увеличение для таких подозреваемых максимального срока задержания (во Франции — до четырех суток); сокращение сроков рассмотрения судами уголовных дел о терроризме (Испания)⁵⁸; возможность вынесения приговора в отсутствие обвиняемого (Перу); ограничение прав задержанных на встречи с адвокатами, на освобождение под залог, исключение дел о терроризме из подсудности судов присяжных (Великобритания); обязательный арест обвиняемых в совершении тер-

⁵⁴ Здесь нужно назвать лишь один из них — Резолюция № 1 «Борьба с международным терроризмом», принятая на 24-й Конференции министров юстиции государств — членов Совета Европы (октябрь 2001 г., Москва). В подпунктах «iii» и «iv» пункта «с» Резолюции обращено внимание на необходимость совершенствования защиты жертв террористических актов, членов их семей, свидетелей и иных лиц, участвующих в расследовании терактов (см.: Росс. юстиция. 2001. № 12. С. 3–4).

⁵⁵ См., в частности: *Гринько С.Д.* Борьба с терроризмом и захватом заложника (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1998. С. 28; *Ипполитов К.Х., Гончаров С.А.* Разрастание угрозы терроризма в регионе Северного Кавказа // Современный терроризм: «состояние» и перспективы. М., 2000. С. 105–119.

⁵⁶ Рост терроризма обусловил создание специальной структуры в ООН для мониторинга его тенденций и оптимизации борьбы с ним. Планируется издание периодических обзоров по этим вопросам (см.: *Квашин В.* Преступность и правосудие: ответы на вызовы XXI века // Росс. юстиция. 2000. № 9. С. 35).

⁵⁷ См.: *Меньших А.А.* Законодательство о борьбе с терроризмом во Франции — гарантия государственной защиты прав личности: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2000. С. 68, 90–91; *Фоков А.П.* Конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод граждан в современном уголовно-процессуальном законодательстве Франции // Гос. и право. 2001. № 2. С. 74; *Галовко Л.В.* Реформа уголовного процесса во Франции // Гос. и право. 2001. № 8. С. 91.

⁵⁸ Подробнее см., в частности: *Меньших А.А.* Особенности расследования и рассмотрения дел о террористических преступлениях по законодательству зарубежных стран // Журнал российского права. 2004. № 2.

актов (Италия)⁵⁹. Приведенные законодательные новеллы находятся в русле рекомендаций международного сообщества по выработке путей борьбы с терроризмом⁶⁰.

Специальный закон «О борьбе с терроризмом» в 1998 г. был принят и в России, однако верно мнение, что лишь для демонстрации озабоченности власти проблемой терроризма, о чем свидетельствует, в частности, то, что операции, именуемые в Законе контртеррористическими, проводились и до его принятия (будучи регламентированными в подзаконных нормативных правовых актах), а права субъектов, осуществляющих борьбу с терроризмом, данным Законом сколько-нибудь существенно не были расширены по сравнению с правами, которыми эти субъекты обладали ранее⁶¹.

За время своего существования указанный Закон претерпел лишь незначительные изменения. В 2003 г., например, он был дополнен ст. 16¹ «Погребение террористов, умерших в ходе пресечения террористической акции». Возможно, и этот вопрос подлежит урегулированию в федеральном законе, но неужели другие, более важные вопросы борьбы с терроризмом на тот момент были уже решены на законодательном уровне? Только в апреле 2004 г. ст. 100 («Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого») УПК РФ была дополнена частью 2, предусматривающей увеличение срока с 10 до 30 суток, в течение которого лицу, в отношении которого выдвинуто подозрение в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205¹ УК РФ, и избрана мера пресечения, включая заключение под стражу, должно быть предъявлено обвинение⁶².

Толчком для развития в России антитеррористического законодательства послужил лишь беспрецедентный по своим последствиям захват заложников в Беслане в сентябре 2004 г.: в 2006 г. принят Федеральный закон: «О противодействии терроризму»⁶³, урегулировавший, безусловно, ряд важных аспектов борьбы с терроризмом (пресечение терактов в

⁵⁹ См.: *Петрищев В. Е.* Антитеррористическое законодательство за рубежом // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 222, 226, 233; *Францифоров Ю.* Терроризм вчера и сегодня // Правозащитник. 1999. № 4. С. 31.

⁶⁰ См., в частности: подпункт «d» п. 17 «Семинара-практикума 4: Меры по борьбе против терроризма согласно соответствующим международным конвенциям и протоколам». Справочный документ к одиннадцатому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // A.CONF.203/12, 21 march, 2005.

⁶¹ См.: *Сумин А.* Вопросы борьбы с терроризмом // Законность. 1999. № 11. С. 5.

⁶² Если обвинение в указанных преступлениях не будет предъявлено в течение 30 суток с момента избрания меры пресечения либо задержания, мера пресечения отменяется.

⁶³ См.: Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «Гарант».

воздушной среде, участие Вооруженных Сил РФ в контртеррористических операциях и др.), но только не вопросы, связанные с обеспечением безопасности граждан, содействующих правосудию.

Помимо роста организованной преступности и терроризма, существуют и другие факторы, детерминирующие распространение посткриминального воздействия. Один из них — то, что *преступность в целом* (не только организованная) *становится все более профессиональной*⁶⁴. Если в 1995 г. доля осуждаемых, ранее совершавших преступления, составляла 15,2%, то в 2001 г. — уже 30,1%. Из числа привлеченных в 1997 г. к уголовной ответственности за совершение преступлений в составе организованных формирований около 30% составляли лица, ранее судимые⁶⁵, в 1999 г. число таких лиц составило уже 34,2%⁶⁶. В 2007 г. отмечалось, что за последние 20 лет количество рецидивных преступлений возросло более чем в 3,5 раза⁶⁷. А именно профессиональными преступниками культивируется активное противодействие правоохранительным органам, в том числе — наиболее жесткие формы посткриминального воздействия.

Распространению посткриминального воздействия способствует также констатируемый в России *существенный рост корыстных и корыстно-насильственных преступлений, а также преступлений, совершаемых группой лиц по предварительному сговору*⁶⁸. В середине 60-х гг. XX в. удельный вес корыстных деяний в России составлял 40–50%, в 1990 г. — уже 70%, и их максимальный удельный вес еще не достигнут. В США, например, они составляют 93% совершаемых преступлений, в Великобритании — 95% (рост корыстной преступности является общей тенденцией в

⁶⁴ См.: Колмогоров В. Следствие ищет новые пути борьбы с преступностью // Росс. юстиция. 2000. № 3. С. 6; Борбат А.В., Гладких В.И., Гриб Н.Н. Общая характеристика преступности и прогноз развития криминогенной ситуации на территории Московской области // Следователь. 1998. № 2. С. 15; Состояние законности в Российской Федерации (1998–1999 гг.). Аналитический доклад. М., 2000. С. 74–75.

⁶⁵ См.: Состояние законности в Российской Федерации (1996–1997 гг.). Аналитический доклад. М., 1998. С. 35; Краткий анализ состояния преступности в России в 2001 году // Росс. юстиция. 2002. № 4. С. 78.

⁶⁶ См.: Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В. Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999). М., 2000. С. 40–41.

⁶⁷ Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник... С. 205.

⁶⁸ См.: Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. С. 7, 68; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. С. 302; Краткий анализ состояния преступности в России (январь–июль 2000 г.) // Росс. юстиция. 2000. № 10. С. 58; Состояние законности в Российской Федерации (1998–1999 гг.). Аналитический доклад. М., 2000. С. 89.

странах рыночной экономики)⁶⁹. В 2001 г. в России почти половину всех преступлений — 42,9% — составили кражи, грабежи и разбой⁷⁰. Среди отдельных видов преступлений в 2003 г., по сравнению с 2002 г., наибольший рост коэффициентов у грабежей (19,1%), разбоев (4,1%) и краж (24,9%). В 2004 г. по сравнению с 2003 г. количество грабежей возросло на 27%, разбоев — на 13,9%, вымогательств чужого имущества — на 17,4% при росте общего числа преступлений на 5%⁷¹.

За последние 30 лет доля осужденных к лишению свободы за кражи выросла почти вдвое, за грабежи и разбой — в полтора, за убийства — в два раза⁷², и совершающие их лица склонны к посткриминальному воздействию: в результате изучения более 1000 уголовных дел сделан вывод, что такое воздействие характерно именно для преступников, совершающих насильственные и корыстно-насильственные преступления⁷³. Такой вывод подтверждается и зарубежными исследованиями: по данным американского *Национального Института по предотвращению организованной преступности и незаконного оборота наркотиков*, в 75–100% случаев расследования насильственных преступлений на свидетелей обвинения оказывается незаконное воздействие⁷⁴. О том же, что совершение преступлений группой лиц облегчает посткриминальное воздействие, было сказано выше.

Немаловажным фактором, влияющим на рост посткриминального воздействия, является и *общее* (как в преступной среде, так и в российском социуме в целом) *ожесточение нравов*. Одно из свидетельств тому — опережение Россией большинства стран по коэффициенту убийств. В мире в среднем совершается 9,8 убийств на 100 тыс. населения: в арабских государствах — 2,4, в Западной Европе — 3,5, в Южной Азии — 7,2, в Северной Америке — 9, Африке — 15, в Латинской Америке — 21⁷⁵.

⁶⁹ См.: Кудряцев В.Н. Указ. соч. С. 791.

⁷⁰ См.: Краткий анализ состояния преступности в России в 2001 году // Росс. юстиция. 2002. № 4. С. 77.

⁷¹ См.: Жевлаков Э. О состоянии законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовное право. 2005. № 2. С. 96.

⁷² См.: Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2001. С. 37.

⁷³ См.: Вандышев В.В. Указ. соч. С. 156, 163.

⁷⁴ См.: Тимошенко А.А. Сохранение в тайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как уголовно-процессуальная мера безопасности: Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 27.

⁷⁵ См.: Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Гос. и право. 2009. № 1. С. 50.

Если в 1990 г. в России этот коэффициент был равен среднемировому: 9 на 100 тыс. населения, то в 2000 г. он составил уже 22⁷⁶, а в 2005 г. — 48⁷⁷. По сравнению с США количество убийств на 100 тыс. жителей в начале XXI века в России было больше в три с лишним раза, количество убийств женщин в семьях — в двадцать раз⁷⁸; по сравнению со странами Евросоюза количество убийств на 100 тыс. жителей в России больше в 19–20 раз⁷⁹. Кроме того, в России ежегодно регистрируется до 50–60 тыс. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, более трети которых заканчиваются последующей смертью потерпевшего⁸⁰.

Ожесточение нравов привело к тому, что посткриминальное воздействие нередко стало обнаруживаться при расследовании преступлений, которые совершаются лицами, не входящими в преступные сообщества⁸¹, при расследовании взяточничества⁸², преступлений несовершеннолетних, причем последние, как показывают исследования, не менее взрослых склонны к посткриминальному воздействию⁸³.

Распространение посткриминального воздействия связано и с тенденцией все большего вовлечения в уголовное судопроизводство в качестве потерпевших и свидетелей женщин и несовершеннолетних.

В соответствии с резолюцией 45/114 1990 г. Генеральной Ассамблеи ООН *Отделением ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию Центра по социальному развитию и гуманитарным вопросам*

⁷⁶ См.: «Семинар-практикум 3: стратегии и наилучшие методы предупреждения преступности, в частности применительно к преступности в городах и молодежи, относящейся к группам риска». Справочный документ к одиннадцатому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // А.CONF.203/11, 11 february, 2005, P. 9.

⁷⁷ Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник... С. 173.

⁷⁸ См.: Рекомендация № (2002) 5 Комитета министров государствам—членам о защите женщин от насилия, принятая 30 апреля 2002 г., и Пояснительная записка // [http://hrlibrary.ngo.ru/russian/euro/RRec\(2002\)5.html](http://hrlibrary.ngo.ru/russian/euro/RRec(2002)5.html).

⁷⁹ См.: По количеству убийств Россия уступает только ЮАР // http://naviny.by/rubrics/criminal/2009/02/09ic_articles_123_161153.

⁸⁰ См.: *Лунеев В. В.* Социальные последствия, жертвы и цена преступности // *Гос. и право*. 2009. № 1. С. 50.

⁸¹ См.: *Парий А.* Защита прав жертв преступления в российском уголовном процессе // *Правозащитник*. 1997. № 1. С. 48.

⁸² См.: *Кирюшина О. М.* Предварительное расследование уголовных дел о взяточничестве (процессуальные и тактические аспекты): Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. С. 19.

⁸³ См.: *Лившиц Л. В.* Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних: Дисс. ...канд. юрид. наук. Уфа, 1998. С. 48, 145–146.

совместно с рядом международных и национальных организаций еще в конце 90-х гг. XX в. был подготовлен документ: «Стратегии борьбы с насилием в семье: справочное руководство», где говорится о все большем распространении насилия в семьях («домашнего насилия»), жертвами которого обычно становятся женщины и дети. Отмечается, что в таких делах трудно добиться обвинительного приговора, часто единственным свидетелем выступает потерпевшая, при этом она продолжает жить под одной крышей или, по меньшей мере, поддерживать контакты с обвиняемым до начала судебного процесса. В этих условиях потерпевшая вынуждена сносить угрозы и неоднократные просьбы не давать показания в суде⁸⁴. В указанном документе нежелание жертв давать показания названо одним из основных препятствий для уголовного преследования виновных лиц, а среди причин такого нежелания — угрозы правонарушителей в адрес жертв в ходе уголовного судопроизводства⁸⁵. В полной мере сказанное относится к России.

Свидетельством остроты проблемы «домашнего насилия» является включение в некоторых странах в юридическую формулировку изнасилования совершение этого деяния «в условиях брака»⁸⁶. В Канаде, Новой Зеландии и Австралии внесены изменения в процедуру уголовного преследования: теперь правоохранительные органы «должны вести дела о насилии в семье так, как если бы речь шла о незнакомых между собой людях... такая процедура освобождает ее (потерпевшую. — *Примеч. авт.*) от требований со стороны мужа о прекращении дела, ибо у нее нет возможности повлиять на ситуацию»⁸⁷.

В законодательство Великобритании, Канады и большинства штатов Австралии внесены изменения, согласно которым жены стали «принуждаемыми свидетелями... по обвинению их мужей»⁸⁸, то есть свидетелями, *обязанными* давать показания, как если бы они не состояли в браке с об-

⁸⁴ См.: Стратегии борьбы с насилием в семье: Справочное руководство. Нью-Йорк, 1998. С. 6–8, 17.

⁸⁵ Там же. С. 42. Наряду с организованной преступностью, именно насилие в семьях послужило причиной принятия 10 сентября 1997 г. Советом Европы *Рекомендации № R(97)13 «По вопросу затупивания свидетелей и обеспечения прав защиты»* (см.: Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. Сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / Под общ. ред. В.В.Черникова. М., 2000. С. 36–72).

⁸⁶ См.: Стратегии борьбы с насилием в семье: Справочное руководство. Нью-Йорк, 1998. С. 12.

⁸⁷ Там же. С. 17.

⁸⁸ Там же. С. 18.

виняемыми. В 1988 г. в Норвегии был принят закон, согласно которому дела о нанесении телесных повреждений супруге (супругу), детям и остальным членам семьи отнесены к делам *публичного* обвинения при том, что дела о причинении телесных повреждений иным лицам в этой стране по-прежнему являются делами *частного* обвинения⁸⁹.

Автор не призывает к принятию аналогичных мер в России. Зарубежные законодательные новеллы приведены здесь в качестве иллюстраций незащищенности женщин от посткриминального воздействия — проблемы, как уже было отмечено, характерной и для нашей страны. Очевидно, что предусмотренное в ч. 4 ст. 20, ч. 4 ст. 147 и ч. 3 ст. 318 УПК РФ право дознавателя с согласия прокурора, следователя и руководителя следственного органа возбудить уголовное дело, считающееся делом частного или частно-публичного обвинения, при отсутствии заявления потерпевшей, находящейся в зависимом от правонарушителя состоянии, — мера явно недостаточная.

Крайне важна разработка механизма обеспечения безопасности несовершеннолетних и малолетних лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. По данным психологии и педагогики, у нормально развивающегося ребенка уже к трем годам словарный запас составляет около 800 слов, а память охватывает события на протяжении четырех-пяти месяцев, в связи с чем значимую для процесса доказывания информацию от ребенка можно получить уже в этом возрасте⁹⁰. Необходимость же в получении такой информации возрастает⁹¹. Причина — развитие кризисных явлений в семье, одним из проявлений которых и является «семейная» преступность, характеризующаяся все большей жестокостью в отношении несовершеннолетних. В России «домашнему насилию» в различных его формах ежегодно подвергаются до двух миллионов детей, более 50 тысяч из них ежегодно убегают из семей, интернатов, учебных заведений, спасаясь от жестокости родителей, воспитателей или сверстников, и эти процессы нарастают⁹².

⁸⁹ См.: *Ананян Л.Л.* Жестокость в семье. М., 2000. С. 20.

⁹⁰ См.: *Челышева О.В.* Психологические особенности следственных действий с участием малолетних потерпевших // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. СПб., 1997. Вып. 2. С. 96.

⁹¹ В 2001–2002 гг., например, почти четверть — 21% из 131 несовершеннолетней жертвы преступлений — были дети в возрасте до 7 лет (см.: *Галушко Д.М.* Несовершеннолетние жертвы преступлений и культура возмещения причиненного им ущерба // Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002. С. 56–57).

⁹² См.: Долгосрочный прогноз развития криминальной ситуации в Российской Федерации. М., 1996. С. 54; *Пристанская О.В.* Применение уголовно-правовых норм, направленных против жестокого обращения с несовершеннолетними // Журнал российского права. 2001.

В то же время происходит увеличение латентной доли преступлений в отношении малолетних и несовершеннолетних; растет количество их самоубийств (за 30 лет их количество выросло в несколько раз и в 2007 г. достигло 3 тысяч⁹³). По мнению специалистов, большинство этих смертей спровоцированы жестоким обращением со стороны взрослых. В следственной и судебной практике последних десятилетий по делам о половых преступлениях отмечаются отказы несовершеннолетних от первоначальных изобличающих преступников показаний, и эти отказы связываются с посткриминальным воздействием⁹⁴.

Удельный вес посягательств, по которым установлены *малолетние потерпевшие*, возрос с 0,5% в 1994 г. до 1% в 1999 г.⁹⁵ В отношении *несовершеннолетних потерпевших* в 2001 г., по данным ГИЦ МВД РФ, этот показатель составил 4,5%, а в 2007 г. — уже 11%⁹⁶. *Красноречивы и абсолютные показатели*: в 90-х гг. XX в. в России жертвами только сексуальных посягательств ежегодно становились около 8 тысяч детей⁹⁷, в 2001 г. количество таких жертв превысило 20 тысяч. За период с 2003 г. по 2007 г., по данным МВД РФ, количество зарегистрированных случаев педофилии выросло в 26 раз; только в 2007 г. в результате сексуальных посягательств было убито 2,5 тысяч детей⁹⁸. Что касается динамики всех преступлений в отношении несовершеннолетних: на протяжении 2001–2003 гг. ежегодно около 94 тыс. детей становились жертвами преступных деяний, в 2004 г. их численность составила 113,5 тыс. человек (+ 24,5%), в 2005 г. — 175 тыс. человек (+ 54,1%), в 2006 г. — уже 194,4 тыс. человек (+ 11%)⁹⁹. В 2008 г. жертвами только *насильственных преступлений* стали

№ 8. С. 112–122; *Балибалова Д.И., Глуценко П.П., Тихомирова Е.М.* Социально-правовая защита женщин. Предотвращение насилия в отношении женщин и детей: Научно-методическое пособие. СПб., 2001. С. 113, 119.

⁹³ По данным директора Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского // www.soprotivlenie.org/?id=24&cid=307&t=v.

⁹⁴ Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 гг.). Аналитический доклад. М., 1995. С. 130; *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001. С. 85.

⁹⁵ См.: Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. С. 11.

⁹⁶ См.: <http://www.soprotivlenie.org/?id=54&cid=17&t=v>.

⁹⁷ См.: *Краснюк Г.П.* Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: Дисс. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 24–25.

⁹⁸ Эти данные прозвучали в ряде передач с 1 по 8 апреля 2008 г. по каналам телевидения «Россия» и «РЕН-TV».

⁹⁹ См.: *Стражевич Ю.Н.* Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 3.

126 тыс. детей, из которых 1914 погибли¹⁰⁰. При этом весьма высок уровень латентных *сексуальных* посягательств; по оценкам ряда экспертов, их в 10 раз больше зарегистрированных¹⁰¹. В связи с этим важен тот факт, что дополнение законодательства ряда зарубежных стран специальными мерами для защиты интересов жертв сексуальных посягательств, в том числе *мерами по обеспечению их безопасности* в ходе уголовного судопроизводства, повлекло снижение латентности данных посягательств, поскольку существенно возросло количество заявлений жертв преступлений в правоохранительные органы¹⁰².

Следует заметить, что в конце XIX — начале XX вв. в ряде научных исследований, проведенных, в частности, в Швеции и Дании, обосновывалось отношение к детям как к «опасным и ненадежным» свидетелям. Однако исследования конца 70-х — начала 80-х гг. XX в. привели к выводам, что не существует «большой разницы» в способностях детей и взрослых отвечать на «нейтральные и наводящие вопросы», что дети лучше запоминают детали событий. В исследовании профессора Университета г. Копенгагена Е. Смит сделан вывод, что подростки в возрасте 13–14 лет подвержены внушению не более, чем взрослые¹⁰³.

Аналогичные выводы сделаны учеными Великобритании. По данным Г. Дэвиса, профессора психологии Университета г. Лёчестер, дети уже в возрасте пяти лет способны правильно излагать события. Первая, «спонтанная» оценка событий, высказываемая детьми, столь же точна, как и оценка взрослых, хотя количество воспроизводимой информации может быть меньше. Рассказ детей о сути событий был достаточно точным даже по прошествии одного года. Были предприняты также первые систематические исследования, чтобы определить, насколько часто дети говорят неправду, утверждая, что с ними состоялся насильственный сексуальный контакт. Выяснилось, что случаи лжи со стороны детей в указанной ситуации редки. Был сделан вывод, что показания детей «не

¹⁰⁰ По материалам правозащитного движения «Сопrotивление» (см.: <http://www.soprotivlenie.ru>).

¹⁰¹ См.: *Горячева С.П.* Законодательные инициативы в области защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации и растления как средство профилактики преступлений в России // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–20 апреля 2002 г.). М., 2002. С. 41.

¹⁰² См.: Семинар-практикум 2: Укрепление реформы системы уголовного правосудия, включая реституционное правосудие. Справочный документ к одиннадцатому Конгрессу Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию // А.СОНF.203/10, 24 february, 2005, P. 10–11.

¹⁰³ См.: *Аниан Д.Л.* Указ. соч. С. 33–36.

настолько ненадежны, чтобы требовалось их обязательное подтверждение другими показаниями или данными».

Данная оценка нашла отражение в *Зако́не об уголовном правосудии 1988 г.*¹⁰⁴ Этим Законом отменено также «судейское предостережение», обязательное ранее во всех случаях, когда рассматривались показания детей (оглашаемое судьей во время напутственного слова присяжным, предостережение «предупреждало их об опасности, сопутствующей вынесению обвинительного приговора на основании показаний ребенка. Подобное выделение показаний, данных детьми, независимо от качества самих показаний, было дискриминационным и неизбежно могло вызвать необоснованные сомнения в умах присяжных»¹⁰⁵), хотя такое предостережение сохранено с оговоркой, что оно касается и взрослых, и детей, которые делают заявления о том, что они подверглись изнасилованию¹⁰⁶.

Обобщенные результаты современных зарубежных исследований заключаются в следующем: опровергнуты ранее господствовавшие представления о том, что дети легко поддаются внушению, фантазируют при даче показаний; установлено, что способность свидетеля воспринимать, запоминать и воспроизводить информацию и его добросовестность определяются не возрастом, а индивидуальными особенностями конкретной личности; сделан вывод, что достоверность показаний детей, как и взрослых, определяется главным образом индивидуальными свойствами свидетеля, его личностными особенностями, заинтересованностью в исходе дела, а не возрастом¹⁰⁷. В Великобритании *Законом об уголовной юстиции 1991 г.* отменено ограничение на допросы детей младше 6 лет¹⁰⁸; УПК РФ 2001 г. подобное ограничение не предусматривает, как не предусматривал его и УПК РСФСР 1960 г., и на практике в российских судах допрашивают детей 5–7 лет¹⁰⁹.

Позиция, согласно которой малолетний возраст не является препятствием для участия в уголовном судопроизводстве, выражена на международном уровне. В п. 18 принятых 21 июля 2004 г. ЭКОСОС ООН

¹⁰⁴ См.: *Davies G. Children in the Witness Box: Bridging the Credibility Gap // Sydney Law rev. Sydney, 1993. Vol. 15. № 3. P. 285–286.*

¹⁰⁵ *Davies G. Op. cit. P. 284.*

¹⁰⁶ *Op. cit. P. 286.*

¹⁰⁷ См.: *Ананиан Л.Л. Указ. соч. С. 36–42.*

¹⁰⁸ См.: *Гуценко К.Ф., Галовко Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 88.*

¹⁰⁹ См.: *Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Практ. пособие / Под ред. В.П. Верина. М., 2008. С. 247.*

«Руководящих принципах, касающихся правосудия для детей-жертв и свидетелей преступлений» говорится: «Любой ребенок имеет право на обращение в качестве дееспособного свидетеля, показания которого должны обладать презумпцией... достоверности в ходе судебного разбирательства, если не доказано иное и при условии допустимости дачи разумных показаний с учетом возраста и степени зрелости ребенка с использованием или без использования вспомогательных средств общения и других видов помощи»¹¹⁰.

В то же время в зарубежных источниках обращается внимание на то, что малолетние и несовершеннолетние свидетели подвергаются «более сильной нагрузке», нежели взрослые и особенно нуждаются в правовой защите, поскольку уголовный процесс «рассчитан» на взрослого человека; дети же не готовы к участию в таком процессе, в частности, «не способны выдержать очную ставку с причинителем вреда и пережить психологически все преступление заново», прежде всего в процессах, связанных с преступлениями против морали и нравственности¹¹¹. По данным отечественных исследований¹¹² и статистики, среди преступных посягательств в отношении несовершеннолетних значительное место занимают именно сексуальные посягательства. Так, в 2002 г. в России в отношении несовершеннолетних было совершено более 44 тысяч преступлений, из них сексуального характера — каждое девятое; в 2006 г. — более 80 тысяч преступлений, из них сексуального характера — каждое восьмое; в 2007 г. — 70 тысяч преступлений, в том числе сексуального характера — каждое седьмое; за январь — сентябрь 2008 г. в отношении несовершеннолетних зафиксировано 784 случая сексуальных действий¹¹³.

Американский исследователь Г. Гудман (G. Goodman) спросил 42 ребенка об их ощущениях непосредственно перед тем, как им предстояло дать показания в судах г. Денвер (США). Опрос показал, что подавляющее большинство детей в основном испытывали страх увидеть обвиняемого. Аналогичный результат был получен при опросе 22 детей, которым предстояло давать показания в суде г. Абердин (Шотландия). Другая установ-

¹¹⁰ См.: Руководящие принципы, касающиеся правосудия для детей-жертв и свидетелей преступлений // E/2004/INF/2/Add.2.

¹¹¹ См.: *Brockner L.* Der Schutz Kindlichen Opferzeugen // *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform.* Köln etc. 1996. Jg. 79. H. 6. S. 406; *Meier B.D.* Zwischen Opferschutz und Wahrheitssuche // *Juristenzeitung.* Tübingen. 1991. № 13. S. 639, 644; *Шнайдер Г.Й.* Криминология. Пер. с нем. М., 1994. С. 370.

¹¹² См., например: *Скурту И.Г.* Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних: Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 111–112.

¹¹³ По материалам правозащитного движения «Сопrotивление» (см.: <http://www.soprotivlenie>).

ленная причина страха — необходимость давать показания в открытом заседании и перекрестный допрос. Наблюдения за детьми, дающими показания в суде, показали, что «обычные залы судебных заседаний действительно могут вызвать страдания у детей»¹¹⁴. В рамках исследования поведения еще одной группы детей, участвовавших в стадии предварительных слушаний, было установлено, что половина из наблюдаемых (20 из 40) «выказывала признаки «умеренного» или очень сильного страдания».

В ходе другого исследования наблюдались 89 детей, которые давали показания в судах г. Глазго (Шотландия). Несмотря на то, что дети в последней группе были старше (60% в возрасте от 14 до 15 лет) и только небольшая их часть (10 из 89) была вовлечена в дела, связанные с сексуальным насилием, 10 несовершеннолетних «испытали нервный срыв и плакали во время допроса, такое же количество показали аналогичную реакцию при перекрестном допросе». При этом обращено внимание на явную недостаточность мер, которые были предприняты с целью облегчить детям выступления в суде: двое из них давали показания, находясь за ширмой (в делах о половых преступлениях); одиннадцати детям было дано разрешение выступать с места адвокатов, а не с места для дачи показаний¹¹⁵.

В российских источниках также отмечается, что участие в уголовном судопроизводстве для малолетних свидетелей и потерпевших является тяжелым испытанием, сопряжено с возникновением у них робости, страха¹¹⁶. Безусловно, эти обстоятельства способны повлиять на содержание показаний несовершеннолетних и малолетних. Ситуация усугубляется стремлением участников процесса использовать детскую ранимость в своих интересах¹¹⁷. Такое стремление вполне возможно в судебных процессах, подобных состоявшемуся в одном из судов Омской области, где на скамье подсудимых оказалась организатор семейного детского дома по обвинению в доведении до самоубийства приемного малолетнего ребенка (осуждена по указанному обвинению), а показания в суде давали другие ее приемные малолетние дети¹¹⁸.

Очевидно, что участие в уголовном судопроизводстве малолетних и несовершеннолетних, являющихся порой единственными носителями доказательственной информации, возможно и необходимо, но условием их

¹¹⁴ См.: *Davies G.* Op. cit. P. 287.

¹¹⁵ Op. cit. P. 287–288.

¹¹⁶ См., например: *Галимов О.Х.* Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием малолетних: Дисс. ...канд. юрид. наук. Омск, 1997. С. 176.

¹¹⁷ См.: *Ананиан Л.Л.* Указ. соч. С. 42–43.

¹¹⁸ См.: *Галимов О.Х.* Указ. соч. С. 103.

уголовно-процессуальной деятельности должно стать исключением любого воздействия, способного повлиять на правдивость их показаний.

Итак, феномен распространения посткриминального воздействия детерминирован общемировыми тенденциями самой преступности, а генезис преступности в России находится в русле этих тенденций. Данные обстоятельства обуславливают то, что и в XXI веке посткриминальное воздействие в нашей стране останется фактором, существенно осложняющим борьбу с преступностью. Следовательно, необходимо полноценное национальное законодательство, защищающее тех, кто содействует уголовному правосудию.

§ 2. Характеристики и последствия посткриминального воздействия

Автором не ставится задача исчерпывающего изучения феномена посткриминального воздействия — это задача науки криминологии. В данной (процессуальной) работе изложены лишь те характеристики воздействия, без учета которых невозможно создать эффективное законодательство о защите лиц, содействующих правосудию, в частности, невозможно определить систему мер безопасности, корреспондирующих разнообразным формам посткриминального воздействия, и оптимальный порядок их применения.

Значимыми в русле предпринимаемого исследования характеристиками посткриминального воздействия являются: (1) круг лиц, подвергающихся такому воздействию и (2) осуществляющих его, (3) временные параметры и (4) способы воздействия.

При определении *круга лиц, подвергающихся посткриминальному воздействию*, необходимо учитывать, что посягательства на них осуществляются в основном с целями:

- воспрепятствовать началу их содействия правосудию;
- принудить к прекращению содействия;
- из мести за оказанное (оконченное) содействие.

Соответственно, причинами посягательств являются: намерение и даже потенциальная способность лица содействовать правосудию; осуществляемое содействие; оказанное содействие. Именно данные факторы, а не наличие у лица официального уголовно-процессуального статуса являются причиной посткриминального воздействия (будучи наделенным процессуальным статусом, человек может занимать и пассивную позицию; кроме

того, содействие правосудию может осуществляться вне пределов уголовного судопроизводства, о чем более подробно будет сказано ниже).

Содействием же уголовному правосудию является:

- 1) сообщение в правоохранительные и судебные органы о совершенном, совершаемом или готовящемся преступлении в виде заявлений (в том числе анонимных) об указанных деяниях; дача объяснений в ходе оперативно-розыскной деятельности;
- 2) задержание гражданами лиц, совершивших преступления, для доставления их органам власти и пресечения возможности совершения ими новых преступлений;
- 3) участие в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с ч. 1 ст. 17 Федерального закона РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»;
- 4) дача объяснений и показаний в ходе уголовного судопроизводства;
- 5) осуществление уголовно-процессуальных функций защиты, уголовного преследования (обвинения) потерпевшим и его представителем, поддержания гражданского иска гражданским истцом и защиты от гражданского иска;
- 6) предусмотренная УПК РФ деятельность переводчиков, понятых, специалистов, экспертов, педагогов и психологов, то есть осуществление ими вспомогательной (удостоверительной) функции в уголовном процессе.

При проведении ОРД, предворяющей уголовное судопроизводство, к кругу субъектов, подлежащих (при наличии соответствующих оснований¹¹⁹) защите, следует отнести: 1) лиц, которым преступными деяниями причинен вред; 2) очевидцев этих деяний и иных граждан, обладающих информацией, входящей в предмет доказывания по уголовным делам¹²⁰; 3) граждан, участвующих в оперативно-розыскных мероприятиях (ОРМ) в соответствии с ч. 1 ст. 17 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹²¹; 4) лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния.

Говоря о последней из указанных групп, следует отметить, что при решении вопроса о защите недопустима какая-либо «селекция» людей в зависимости от совершенных ими деяний. Сотрудничество же указан-

¹¹⁹ Изложены в § 2 главы IV.

¹²⁰ Определен в ст. 73 УПК РФ.

¹²¹ Поскольку лица, добровольно участвующие в подготовке и проведении ОРМ, не относятся к должностным лицам, обеспечение безопасности которых регулируется Законом «О государственной защите судей...».

ных лиц с правоохранительными органами будет развиваться, поскольку в мире все большее признание завоевывает концепция *расширения компромиссов в уголовной политике*. Реализация этой концепции правоохранительными органами США, Италии, Франции, Австрии, Германии и ряда других стран приносит ощутимые результаты в борьбе с преступностью, и прежде всего с ее организованными формами.

На законодательном уровне указанная концепция выражается в существенном смягчении уголовно-правовых санкций и даже в освобождении от уголовной ответственности лиц при их позитивном посткриминальном поведении, заключающемся в предоставлении информации об иных, в том числе более тяжких преступлениях, и изобличении лиц, их совершающих¹²². В качестве примера реализации рассматриваемой концепции в США можно привести дачу показаний о преступной деятельности М. Норьеги осужденным к пожизненному заключению и дополнительно к 135 годам заключения без права на досрочное освобождение К. Ривасом — одним из руководителей «Медельинского картеля». После дачи К. Ривасом показаний срок его заключения был сокращен до 55 лет с правом на досрочное освобождение, а в ходе дальнейших сокращений срока наказания он был освобожден в 1995 г.¹²³ (К. Ривас ранее был осужден на основании показаний защищенных свидетелей¹²⁴). Другой пример — пример важности сотрудничества с правоохранительными органами членов преступных сообществ еще до их ареста и осуждения: Д. Базиль (один из представителей организованной преступности Чикаго) в конце 80-х гг. XX в. сделал более 100 записей разговоров своих «коллег» с помощью спрятанного под одеждой магнитофона и более 80 записей телефонных разговоров, которые предоставил ФБР, дал важные показания о деятельности преступного сообщества, что стало основанием для существенного снижения срока его тюремного заключения¹²⁵.

В России концепция расширения компромиссов в уголовной политике нашла широкую поддержку еще в 90-х гг. прошлого века и в научных кругах, и среди представителей правоохранительных органов.

¹²² В США к тому же сотрудничающим с правоохранительными органами лицам в определенных случаях позволяет сохранить «в личном пользовании деньги и другие ценности, полученные в результате их преступной деятельности» (см.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 6).

¹²³ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 16.

¹²⁴ См.: Программа защиты свидетелей — мощное оружие в борьбе с наркотиками // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 199.

¹²⁵ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 11–12.

Но в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. данная концепция была выражена явно недостаточно: в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве смягчающего наказание обстоятельства, помимо предусматривавшегося ранее активного способствования раскрытию преступления, было прямо указано «изобличение других соучастников преступления» и, согласно ч. 1 ст. 62 УК РФ, ограничение в этом случае возможных срока или размера наказания 3/4 максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ. В ч. 1 ст. 64 РФ в качестве основания назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, было установлено «активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления».

Эти шаги российского законодателя оценивались как недостаточные прежде всего для борьбы с организованной преступностью. Отсутствие компромиссных норм и в российских, и в зарубежных источниках обоснованно оценивалось в качестве одной из причин недостижимости лидеров преступных сообществ и привлечения к ответственности лишь их рядовых участников¹²⁶; показания же начавшего сотрудничать с правоохранительными органами участника ОПГ обоснованно называлось «отправной» точкой в процессе доказывания. Вот мнение представителя правоохранительных органов США о ценности таких показаний: «Не существует более весомых улик, чем показания... лица, являвшегося членом самой организации, в которых он разоблачает... основы преступной организации. Эти показания настолько убедительны, что порядка восьми из каждых десяти подсудимых признаются виновными и приговариваются к значительным срокам тюремного заключения и штрафам»¹²⁷.

И отечественный законодатель предпринял дополнительные шаги. Возможно, им способствовал не только зарубежный опыт, но и принятая в 2000 г. *Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности* (ратифицирована Россией¹²⁸), которая по оценке исполнительного директора подразделения ООН — *Отдела по борьбе с*

¹²⁶ См., в частности: *Лунеев В. Патологическая анатомия организованной преступности // Уголовное право. М., 1999. № 2. С. 104–105; Gask Z. Zaris instytucji swiadka anonimowego w polskiej procedurce karnej na tle rozwiazan europejskich // Palestra. Warszawa. 1996. № 9/10. S. 68.*

¹²⁷ *Сафир Г. Программа защиты свидетелей в Соединенных Штатах Америки // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 201.*

¹²⁸ См.: *Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26–ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказаний за нее» // Росс. газета. 2004. 29 апреля.*

наркотиками и профилактики преступлений П. Арлакчи отражает современный взгляд на проблему борьбы с этим видом преступности¹²⁹. В частности, ст. 26 Конвенции гласит: «Каждое Государство-участник принимает надлежащие меры для того, чтобы поощрять лиц, которые участвуют или участвовали в организованных преступных группах» к сотрудничеству с правоохранительными органами (п. 1); каждое Государство-участник рассматривает вопросы о том, чтобы: «предусмотреть возможность смягчения, в надлежащих случаях, наказания обвиняемого лица, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании в связи с каким-либо преступлением, охватываемым настоящей Конвенцией» (п. 2), «предусмотреть, в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, возможность предоставления иммунитета от уголовного преследования» таким лицам (п. 3)¹³⁰.

В 2003 г. ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации)» дополнена примечанием: «Лицо, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе... и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления»¹³¹.

В 2009 г. ст. 62 УК РФ «Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств» получила новую редакцию, согласно ч. 1 которой при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать уже 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ. Для подозреваемого, обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (далее — соглашение)¹³² и выполнившего его условия, предусмотрены дополнительные благоприятные последствия:

¹²⁹ См.: Арлакчи П. Создание международных альянсов для борьбы с организованной преступностью // *Организованная преступность, миграция, политика*. М., 2002. С. 154.

¹³⁰ Цит. по: Овчинский В. С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001. С. 88–89.

¹³¹ См.: Федеральный закон РФ от 8 декабря 2003 г. № 162–ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

¹³² Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ *досудебное соглашение о сотрудничестве* — соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

- в соответствии с ч. 2 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ и отсутствии отягчающих обстоятельств, срок и размер наказания не могут превышать 1/2 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ;
- согласно ч. 4 той же статьи исключается применение пожизненного лишения свободы и смертной казни, а срок или размер наказания не могут превышать 2/3 максимального срока или размера наиболее строго вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного за совершении соответствующего преступления¹³³.

Правда, из сравнения ч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ возникает вопрос: какие еще действия, помимо перечисленных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, можно возложить на подозреваемого (обвиняемого) в соглашении? Деятельность, предусмотренная в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в соглашении может быть конкретизирована, но может ли она быть расширена и за счет каких действий? И если мы не сможем ответить на этот вопрос положительно, то следует вывод: указанные в ч. 2 ст. 62 УК РФ дополнительные благоприятные последствия для подозреваемого (обвиняемого) в сравнении с теми, что указаны в ч. 1 ст. 62 УК РФ, будут наступать не вследствие большего объема его позитивного посткриминального поведения, а лишь потому, что в уголовном деле имеется документ — соглашение, сам же подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) не сделал ничего сверх того, что указано в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Следующий вопрос связан с содержанием ч. 4 в ст. 62 УК РФ: учитывая, что в России не применяется смертная казнь, достаточна ли мотивация для заключения подозреваемым, обвиняемым соглашения в тех случаях, когда ему грозит лишь пожизненное лишение свободы? Задаться этим вопросом заставляет достаточно большой, в соответствии с ч. 4 ст. 62 УПК РФ, возможный срок лишения свободы в сравнении с максимально возможным сроком, предусмотренным соответствующей статьей УК РФ¹³⁴. Правда, согласно ч. 5 ст. 317⁷ УПК РФ подсудимому, выполнившему предусмотренные соглашением обязательства, с учетом положений

¹³³ Одновременно УПК РФ был дополнен главой 40¹ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» и рядом иных норм, корреспондирующих приведенным новеллам УК РФ (см.: Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант»).

¹³⁴ В Австрии же, например, суд вправе назначить подсудимому, сотрудничавшему со следствием, наказание в виде 1 года лишения свободы даже при возможном пожизненном заключении.

ст.ст. 64, 73 и 80¹ УК РФ, могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение либо он может быть освобожден от отбывания наказания. Но эти благоприятные последствия не являются безусловными (обязательными). Их наступление, как следует из содержания ч. 5 ст. 317⁷ УПК РФ, зависит от усмотрения суда. Кроме того, в соответствии со ст. 80¹ УК РФ от наказания может быть освобождено только лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести. Но очевидно, что новый институт — *досудебное соглашение о сотрудничестве* — создавался для стимулирования сотрудничества со следствием прежде всего не тех, кто, если можно так выразиться, «оступился» в своей жизни — совершил одно из деяний, указанных в ст. 80¹ УК РФ, а представителей профессионального преступного мира¹³⁵.

Далее, согласно ч. 2 ст. 62 УК РФ, предусмотренные в ней благоприятные последствия наступают при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» части первой статьи 61 того же Кодекса, и отсутствии отягчающих обстоятельств. Из текстуального (буквального) толкования приведенной формулировки следует: отсутствие хотя бы одного из обстоятельств, перечисленных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, например, явки с повинной, независимо от последующего позитивного посткриминального поведения лица, влечет невозможность применения к нему благоприятных последствий, указанных в ч. 2 ст. 62 УК РФ. Можно, конечно, истолковать указанную формулировку как не требующую наличия *всех* вышеуказанных элементов посткриминального поведения, но такое толкование — лишь одно из возможных. Что касается такого условия, как отсутствие отягчающих обстоятельств, то к таковым в п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ отнесено «совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества», то есть совершение преступления в соучастии. Но, в соответствии с ч. 2 ст. 317¹ УПК РФ, именно для избличения *соучастников* подозреваемого, обвиняемого и заключается соглашение. Получается, что оно не может быть учтено судом при назначении наказания. Исключение — соглашения с подозреваемыми и обвиняемыми, которым грозит пожизненное лишение свободы или смертная казнь, так как согласно ч. 4 ст. 62 УК РФ для наступления предусмотрен-

¹³⁵ Поэтому, например, ст. 129 УК ФРГ предусматривает освобождение от наказания члена ОПГ, «добровольно и своевременно» заявившего о ее существовании и планируемых преступлениях. В Италии допускается снижение (вплоть до отмены) наказаний обвиняемым в террористической деятельности при их «дейтельном» сотрудничестве с полицией и судом. Генеральный прокурор Латвии в определенных случаях вправе прекратить уголовное дело против лица, оказавшего «существенную помощь» в раскрытии тяжкого преступления, совершенного ОПГ.

ных этой частью благоприятных последствий не требуется наличие всех смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствие отягчающих обстоятельств¹³⁶.

Наконец, указание в ч. 2 ст. 317¹ УПК РФ на то, что соглашение заключается для изобличения *соучастников* преступления, само по себе сужает возможности борьбы с преступными группами, в которых подозреваемый (обвиняемый) может быть соучастником лишь в некоторых преступных эпизодах деятельности группы, но обладать информацией и о других преступлениях, совершенных как рядовыми участниками группы, так, и это главное, ее лидерами без соучастия с «нашим» подозреваемым (обвиняемым).

Ограниченная цель заключения соглашения — изобличение *соучастников* преступления — обусловила то, что, согласно ч. 2 ст. 317¹ УПК РФ, оно может быть заключено лишь в рамках уголовного дела в отношении *данного* подозреваемого, обвиняемого. Установление в ч. 2 ст. 317¹ УПК РФ временных границ «внутри» дела для заключения соглашения — с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия — целесообразно, но возможность заключить соглашение лишь при производстве по делу в отношении *данного* подозреваемого (обвиняемого) лишает стимула этого лица вне производства по *данному* делу, например после осуждения сотрудничать с правоохранительными органами в раскрытии преступлений, в которых он не участвовал, но обладает информацией о них.

Все вышеизложенное заставляет задаться вопросом, и это — главный вопрос применительно к новому институту отечественного законодательства — досудебному соглашению о сотрудничестве: насколько этот институт будет эффективен в борьбе с преступностью, прежде всего — с ее организованными формами?

В контексте настоящего исследования важна констатация того, что готовность представителей преступного мира к сотрудничеству с правоохранительными органами зависит в значительной степени от качества предоставляемой защиты¹³⁷; Ф.Л. Вои — сотрудник прокуратуры Италии,

¹³⁶ Вопрос: нужно ли было вообще обуславливать наступление благоприятных последствий, предусмотренных ч. 2 ст. 62 УК РФ, отсутствием отягчающих наказание обстоятельств, во всяком случае, отсутствием таких, как «особо активная роль лица в совершении преступления» (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ), «совершение преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти» (п. «н» ч. 1 той же статьи)?

¹³⁷ См.: «Неапольская политическая декларация и Глобальный план действий прогив организованной транснациональной преступности» // Док. А/49/748. 2 december. 1994. P. 12, 16; Основы борьбы с организованной преступностью. М., 1996. С. 82.

то есть одной из стран с наибольшим опытом в рассматриваемой сфере, обращает внимание, что основное требование таких лиц — обеспечить их безопасность¹³⁸. Это закономерно, поскольку для преступного мира характерны расправы над его представителями даже при подозрении их в сотрудничестве с правоохранительными органами.

Среди наиболее известных зарубежных примеров сотрудничества после предоставления гарантий безопасности — показания С. Гравано (одного из лидеров преступного мира Нью-Йорка), на основании которых были осуждены более 30 влиятельных членов действующих в этом городе преступных сообществ¹³⁹. Приводятся и другие примеры — когда оставление без защиты члена преступного сообщества, заявившего о готовности к сотрудничеству с правоохранительными органами, влекло его убийство преступниками¹⁴⁰. В Германии «лица, подлежащие защите, часто сами являются выходцами из криминальной среды и нередко принимали участие в расследуемых преступлениях»¹⁴¹; в одном из субъектов ФРГ — в Северном Рейне — Вестфалии более 60% защищаемых — это лица, «причастные» к криминальной среде или имеющие «уголовное прошлое»¹⁴². Исследование, предпринятое в США, показало, что с 1992 г. по 1994 г. «практически каждый» защищаемый свидетель имел преступное прошлое¹⁴³. Такое же прошлое имеют многие защищаемые в Канаде и Великобритании¹⁴⁴.

¹³⁸ См.: *Вои Ф.Л.* Меры по привлечению к сотрудничеству с органами правосудия лиц, участвующих или участвовавших в преступных группировках или иных преступных организациях // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 171.

¹³⁹ См.: Материалы для занятий с российскими прокурорами и следователями. Документ Управления по уголовным делам Департамента юстиции США. С. 57 (распространен среди участников международной научно-практической конференции «Компромисс как эффективное средство в борьбе с преступностью», состоявшейся в сентябре 1999 г. в Москве).

¹⁴⁰ См.: *Бальзамо У., Карпоцци Дж.* Мафия. Первые 100 лет. Пер. с англ. М., 1996. С. 273–274, 420–422; *Образцов В.А.* Выявление и изобличение преступника. М., 1997. С. 200–201.

¹⁴¹ *Казакова В.А.* Новый закон об обеспечении социальной и правовой защиты свидетелей в ФРГ // Гос. и право. 2000. № 9. С. 79.

¹⁴² *Хаклендер У.* Указ, соч. С. 153.

¹⁴³ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 7.

¹⁴⁴ См.: Обзор практики применения программ по защите свидетелей Канадской королевской конной полиции // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 350; *Кларк М.* Специальная группа помогает свидетелям // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 192.

Лица, подлежащие защите в ходе ОРД, предвещающей российское уголовное судопроизводство, в процессе последнего наделяются соответствующим статусом — подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), потерпевшего, свидетеля (в том числе и участники ОРМ, если в ходе данных мероприятий они стали носителями доказательственной информации), в предусмотренных законом случаях приобретают также статус гражданского истца, гражданского ответчика.

С началом уголовного судопроизводства посткриминальное воздействие распространяется не только на жертв и очевидцев преступлений, но и на иных лиц, деятельность которых — неотъемлемый элемент уголовного процесса: с 90-х гг. XX в. отмечается учащение не только лжесвидетельств, но и уклонений граждан от участия в следственных действиях в качестве понятых, переводчиков — от явки в следственные и судебные органы¹⁴⁵. Но наиболее часто посткриминальному воздействию подвергаются все же потерпевшие и свидетели преступных деяний, включая несовершеннолетних и престарелых (вплоть до их убийств¹⁴⁶).

Посткриминальное воздействие и, более того, его усиление обусловлено расширением прав потерпевшего: его участием в соответствии со ст. 22 УПК РФ в уголовном преследовании подозреваемого, обвиняемого, реализацией в ходе уголовного преследования широкого спектра прав, предусмотренных ст. 42 и иными статьями УПК РФ. Очевидно, что чем больше у потерпевших легитимных возможностей влиять на исход процесса, тем чаще они могут подвергаться воздействию с целью принудить использовать (либо не использовать) эти права в интересах тех, кто противодействует уголовному судопроизводству. О такой возможности свидетельствует и опыт США, Канады, где констатируется, что преступники нередко угрожают жертвам, требуя «примирения» как основания прекращения уголовного преследования¹⁴⁷.

Поэтому необходимо исключение — в том числе с помощью мер безопасности — случаев, когда в основе заявления жертвы о примирении с причинителем вреда будет лежать страх перед последним, а не выполнение виновным предусмотренных законом действий в пользу жертвы. Еще в приказе Генерального прокурора РФ от 18 июня 1997 г. «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и

¹⁴⁵ См., в частности: Пономарев Г., Никандров В. Лжесвидетельство — угроза правосудию // Сов. юстиция. 1991. № 18. С. 8–9.

¹⁴⁶ См.: Валеев М.Х. Указ. соч. С. 230–231; Бобраков И.А. Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 196–197.

¹⁴⁷ См.: Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000. С. 218.

дознанием» прокурорам было предписано проверять, не является ли заявление потерпевшего о прекращении дела в связи с примирением с обвиняемым результатом незаконного воздействия¹⁴⁸.

Вторую группу субъектов, которые могут подвергаться посткриминальному воздействию, составляют: защитник, законные представители подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), гражданский истец, гражданский ответчик и их представители¹⁴⁹, представители, законные представители потерпевшего, а также близкие родственники погибших от преступных деяний, которым переходят права потерпевших в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ. Эти лица не обладают доказательственной информацией вследствие обстоятельств, указанных для лиц первой группы. Причиной посткриминального воздействия является осуществление ими уголовно-процессуальных функций: защиты, поддержания гражданского иска и защиты от него, уголовного преследования, реализация которых может противоречить незаконным интересам тех, кто противодействует деятельности правоохранительных и судебных органов.

Посткриминальное воздействие может применяться и в отношении переводчиков, понятых, специалистов, педагогов и психологов, которые выполняют в уголовном процессе вспомогательную (удостоверительную) функцию¹⁵⁰. Участвуя в обеспечении *допустимости* доказательств, переводчики, понятые и педагоги играют важную роль в процессе доказывания, что и влечет распространение на них, хотя и в значительно меньшей степени, воздействия. Последствия воздействия на понятых, педагогов и психологов — передача ими информации о результатах следственных действий заинтересованным лицам, дача в суде ложных показаний о следственных действиях в досудебных стадиях¹⁵¹; возможные последствия воздействия на переводчика¹⁵² — передача допрашиваемому на род-

¹⁴⁸ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В. М. Лебедева. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2000. С. 44.

¹⁴⁹ О случаях воздействия на гражданских ответчиков см., в частности: *Марченко С.Л.* Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1994. С. 61–62.

¹⁵⁰ О данной функции см.: *Элькин П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 64–65; *Якубович Н.А., Батищева Л.Б., Радутная Е.С., Пичкалева Г.И.* Охрана конституционных прав личности на предварительном следствии. М., 1989. С. 60; *Хитрова О.В.* Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве. М., 1998. С. 26, 37.

¹⁵¹ См. об этом: *Масленникова Л.* Обжалование ареста в суд: трудности практики // Законность. 1993. № 6. С. 39.

¹⁵² О таких случаях см.: *Махов В.Н.* Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 181–182.

ном для него (и непонятном для допрашивающего) языке информации от соучастников и сообщение последним данных следствия, которые известны переводчику.

Что же касается посткриминального воздействия на специалистов, то его возможность обусловлена прежде всего не обеспечением специалистом работы технических средств, а тем, что, согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ, он привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, для постановки вопросов эксперту, для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию; в соответствии с п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК РФ специалист дает заключение и показания. В современный период участие специалистов стало необходимым в делах о налоговых и иных финансовых преступлениях, о преступлениях с использованием компьютерных технологий.

Посткриминальное воздействие оказывается и на экспертов, причем констатируется все больше таких случаев¹⁵³. Воздействие вызвано тем, что деятельность экспертов приводит к получению новых доказательств (заключений и показаний), играющих ключевую роль в доказывании по многим категориям дел. Возможные последствия воздействия — отказ эксперта от производства экспертизы¹⁵⁴, возвращение постановления о назначении экспертизы без исполнения под предлогом того, что эксперт не обладает знаниями для производства исследования, дача вероятного заключения при возможности сделать категоричный вывод, дача заведомо ложных заключения и показаний, несанкционированное уничтожение представленных для исследования вещественных доказательств либо изменение их основных свойств (невосполнимая утрата доказательств), заведомое использование при производстве экспертизы устаревших или неапробированных методик; при очевидной для эксперта недостаточности представленных для экспертизы данных — незаявление ходатайств о предоставлении дополнительных материалов, неиспользование других прав, указанных в ч. 1 ст. 57 УПК РФ, а в итоге — дача заключения и показаний, удовлетворяющих интересы преступников.

В той или иной форме оказываемое или оказанное содействие правосудию обуславливает возможность посткриминального воздействия на всех вышеуказанных субъектов, а также на подозреваемых, обвиняемых, их за-

¹⁵³ См.: Стулин О. Как препятствовать противодействию расследованию // Законность. 2000. № 2. С. 27.

¹⁵⁴ В УК РФ данное деяние декриминализировано, но негативные последствия его для судопроизводства очевидны.

щитников и законных представителей — когда их деятельность противоречит интересам соучастников преступлений или иных лиц, противодействующих предварительному расследованию и судебному разбирательству¹⁵⁵.

Однако последние не ограничиваются воздействием на лиц, непосредственно содействующих (способных содействовать) правосудию. Под угрозой оказываются здоровье, жизнь их родственников, причем воздействие на последних — *характерная* черта посткриминального воздействия и в России, и за рубежом¹⁵⁶. В итальянском преступном мире распространено убеждение, что месть за сотрудничество с правоохранительными органами наиболее жестока, если она направлена на людей, дорогих для того, кто пошел на такое сотрудничество¹⁵⁷. Американский юрист К.М. Келли констатирует, что наиболее действенны угрозы, касающиеся матерей, детей, жен тех, кого хотят запугать¹⁵⁸. При характеристике посткриминального воздействия российских ОПГ обращается внимание, что в первую очередь возникает необходимость защиты от него не жертв вымогательства, а их детей¹⁵⁹. Известны случаи, когда избличаемые соучастники доводили до самоубийства начавшего сотрудничать с правоохранительными органами обвиняемого неоднократными попытками (как реальными, так и имитируемыми) убийства детей, родителей, иных близких для обвиняемого лиц¹⁶⁰. Характерны данные, приведенные Е.А. Галактионовым по трем масштабным уголовным делам: 98% из 398 свидетелей принуждались к даче ложных показаний; при этом принуждение выражалось в угрозе насилием самим свидетелям в 75 случаях (19%), а в отношении их близких — в 102 случаях (26%)¹⁶¹.

¹⁵⁵ На воздействие в отношении обвиняемых, сотрудничающих с правоохранительными органами, указали 24% из 192 респондентов, опрошенных автором; о возможности воздействия на защитников свидетельствует установление в ч. 4 ст. 18 Федерального закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанности органов внутренних дел принимать необходимые меры по обеспечению безопасности адвокатов и членов их семей (см.: Росс. газета. 2002. 5 июня).

¹⁵⁶ См.: Минна Р. Мафия против закона / Пер. с итал.; под ред. Ф.М. Решетникова. М., 1998. С. 281; Млечин Л. Неудачники идут в свидетели // Известия. 1996. 10 янв.; Васильев В.Л. Избранное: Статьи. СПб., 2001. С. 60.

¹⁵⁷ Бальзамо У., Карпоцци Дж. Указ. соч. С. 147–148.

¹⁵⁸ Келли К.М. Запугивание потерпевших и свидетелей. Исследование проблемы и результаты // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 229.

¹⁵⁹ См.: Вафин Р.Р. Указ. соч. С. 124.

¹⁶⁰ См.: Основы борьбы с организованной преступностью. М., 1996. С. 296.

¹⁶¹ См.: Галактионов Е.А. Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 86–87.

Авторы не конкретизировали используемый ими термин «близкие». В русле же предпринимаемого исследования необходимо точное определение субъектов, подлежащих защите. Минимальный, но далеко не исчерпывающий круг таких лиц определен понятием «близкие родственники» в п. 4 ст. 5 УПК РФ: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Однако на поведение людей влияют чувства любви, дружбы, ответственности не только по отношению к перечисленным лицам. Духовные отношения, не обусловленные родственными связями, также являются детерминантой поведения человека, в том числе его уголовно-процессуальной деятельности. Зарубежное законодательство учитывает это обстоятельство. В США в соответствии с *Законом от 12 октября 1984 г. Об усилении безопасности свидетеля (Witness Security Reform Act of 1984)* защищаются не только родственники свидетеля, но и иные лица, которые *тесно связаны* со свидетелем. Такие лица включены в круг защищаемых в Италии¹⁶², Германии¹⁶³, Польше¹⁶⁴, Молдавии¹⁶⁵, Румынии¹⁶⁶, Белоруссии¹⁶⁷, Болгарии¹⁶⁸. В то же время законы Азербайджана и Казахстана к защищаемым лицам относят только *близких родственников* участников уголовного процесса¹⁶⁹, что, конечно, является недостатком законодательства данных стран; такой же (ограниченный) круг лиц, подлежащих защите, был предусмотрен и в ст. 97 «а» ранее действовавшего УПК Бол-

¹⁶² См.: Отдельные положения итальянского законодательства в отношении лиц, сотрудничающих с законом // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 313.

¹⁶³ См.: Казакова В.А. Указ. соч. С. 75.

¹⁶⁴ См.: Закон Республики Польша от 25 июня 1997 г. «О главном свидетеле» // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 79.

¹⁶⁵ Согласно ст. 2 Закона Республики Молдавия от 28 января 1998 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному процессу» // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 99.

¹⁶⁶ Согласно ст. 2 Закона Румынии от 19 декабря 2002 г. № 682 «О защите свидетелей».

¹⁶⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. Минск, 1999. № 28–29. Ст. 433.

¹⁶⁸ Согласно абз. 1 ст. 123 УПК Республики Болгарии, принятому 14 октября 2005 г. (Наказательно-процессуален кодекс на Република България 2005 г. // Държавен вестник. София. Брой 86. 28 октомври 2005 г.).

¹⁶⁹ См.: ст. 3 Закона Азербайджанской Республики «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе»; ст. 3 Закона Республики Казахстан «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе».

гари, в связи с чем юристами этой страны высказывались критические замечания¹⁷⁰.

Возможность воздействия, основанного на использовании не только родственных, но и иных связей, предопределила включение в ст. 1 Закона РФ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее — Закон «О государственной защите судей...») в круг защищаемых, наряду с должностными лицами и близкими родственниками последних, также и «иных лиц, на жизнь, здоровье и имущество которых совершается посягательство с целью воспрепятствовать законной деятельности судей... либо принудить их к изменению ее характера, либо из мести за указанную деятельность».

Таким образом, круг лиц, подлежащих защите, образуют: 1) лица, способные оказать содействие правосудию, осуществляющие или осуществлявшие такое содействие; 2) *близкие родственники* и *родственники* этих лиц, а также и иные *близкие* им лица, которые могут подвергаться посткриминальному воздействию с целями: заставить субъектов, указанных в п. 1, отказаться от намерения содействовать правосудию, прекратив это содействие, а равно из мести за оказанное содействие.

Первоначальный проект российского УПК предусматривал возможность применения содержащихся в нем мер безопасности лишь для защиты участников уголовного процесса и их *близких родственников*, однако впоследствии законодатель обоснованно изменил свою позицию, и в настоящее время в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ эти меры безопасности служат защите и лиц, являющихся *близкими*¹⁷¹ для участников процесса. К лицам, подлежащим защите, наряду с участниками уголовного судопроизводства, отнесены их *близкие* и в ст. 2 Закона «О государственной защите потерпевших...»¹⁷²

¹⁷⁰ См.: *Беленски Р.* Някои аспекти на процесуалната организация на разпита на защитен свидетел по чл. 97а от НПК // Съвременно право. София. 1999. Г. X. Кн. 1. С. 58–59, 61; *Чанова М.* Защитата на свидетел — обща характеристика // Съвременно право. София. 1999. Г. X. Кн. 6. С. 58.

¹⁷¹ В п. 3 ст. 5 УПК РФ поясняется, что *близкие лица* — это иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений. Следовало учесть в этом определении, что *близкими* лица могут быть не только для потерпевшего и свидетеля, но и для иных участников уголовного судопроизводства.

¹⁷² В то же время в п. 4 ч. 1 ст. 2 данного Закона к подлежащим защите участникам уголовного процесса не отнесены лица, совершившие запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, а также лица, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение уголовного

Установление в законодательстве необходимых мер безопасности и оптимального порядка их применения в значительной степени зависит от определения *круга лиц, осуществляющих посткриминальное воздействие*. По данным И.А. Бобракова, опросившего 255 следователей органов прокуратуры и внутренних дел, воздействие в 75,6% зафиксированных случаев осуществлялось лицами, совершившими преступления¹⁷³. В остальных (взятых за 100%) случаях оно осуществлялось их родственниками (45,4%), знакомыми из криминальной среды (31,9%), знакомыми, связь которых с криминальной средой не установлена (16%), защитниками (1,7%)¹⁷⁴.

Очевидно, что участие в посткриминальном воздействии защитников не является типичным, но, тем не менее, и другие авторы (российские и зарубежные) все чаще обращают внимание, что защитники проявляют интерес к адресам и другим данным свидетелей не только для получения характеризующих свидетелей сведений, но и для оказания на них посткриминального воздействия; передают от содержащихся под стражей подзащитных оставшимся на свободе соучастникам указания, на кого из потерпевших, свидетелей и каким образом воздействовать; будучи предупрежденными о недопустимости разглашения данных следствия, сообщают их заинтересованным лицам, осуществляют связь между членами ОПГ, содержащимися под стражей и находящимися на свободе, наконец, непосредственно участвуют в посткрими-

наказания или его исполнение, в отношении которых суд вынес *постановление не о прекращении уголовного дела, а об освобождении от уголовной ответственности (наказания) и о применении принудительных мер медицинского характера*, хотя, по мнению Ю.Н. Аргуновой, указанные лица могут нуждаться в защите при направлении на амбулаторное либо на стационарное принудительное наблюдение и лечение (см.: *Аргунова Ю.Н. Государственная защита экспертов, специалистов и других участников уголовного судопроизводства // Независимый психиатрический журнал. 2004. № 4* (<http://www.nprg.ru/journal/2004/4/protection.php>).

¹⁷³ Воздействие может осуществляться и лицами, содержащимися под стражей, в том числе с помощью коррумпированных сотрудников ИВС и СИЗО. При производстве по одному из уголовных дел были установлены факты несанкционированных встреч содержащихся в СИЗО обвиняемых с потерпевшими и свидетелями, которые организовал начальник оперативной части СИЗО (см.: *Обзорная справка прокуратуры Рязанской области о применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства* (исх. № 15–916–03 от 15 декабря 2003 г.; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ).

¹⁷⁴ При этом само воздействие выражалось в уговорах (41,6% всех случаев воздействия); физическом воздействии или угрозе такого воздействия (24,9%); подкупе (12,2%); шантаже (4,1%); в иных способах, например в распространении слухов о своем могуществе и пр. — 17,2% (см.: *Бобраков И.А. Указ. соч. С. 198*).

нальном воздействии, вплоть до подстрекательства к убийству участников уголовного процесса¹⁷⁵.

Один из примеров посткриминального воздействия со стороны защитника: после ознакомления защитника с материалами уголовного дела, возбужденного по ст. 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста), следователю поступила телеграмма, в которой мать потерпевшего — 10-летнего мальчика — сообщала о том, что сын ошибся в показаниях, и претензий к обвиняемому они не имеют. После допросов потерпевшего и самой матери выяснилось, что текст телеграммы продиктовал защитник, пригрозив мстью со стороны обвиняемого, и эти обстоятельства нашли подтверждение в ходе других следственных действий¹⁷⁶.

Участие в посткриминальном воздействии защитника может делать воздействие более завуалированным, а объяснения подвергшихся ему потерпевших и свидетелей, почему они якобы ошиблись, дав изобличающие преступников показания более правдоподобными. Решению проблемы противоправных действий защитников уделено достаточное внимание в законодательстве ряда европейских стран; данная проблема нашла отражение и на международном уровне — в решениях Европейского Суда по правам человека, о чем подробно будет сказано в главе III.

Многие авторы обращают внимание на участие в посткриминальном воздействии родственников и знакомых тех, кто совершает преступления¹⁷⁷. Что касается воздействия при расследовании деятельности ОПГ,

¹⁷⁵ См.: *Мешкова В.С.* Изобличение лидера (организатора) преступной группы в ее создании и руководстве: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 121; *Брылев В.И.* Некоторые проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сфере наркобизнеса. Екатеринбург, 1994. С. 100–101; *Бобровский И.В.* Социальная обусловленность квалифицированного вымогательства и его расследование: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1996. С. 55–57; *Булатов В.А.* Обеспечение следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей: Дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. С. 99–100; *Багаутдинов Ф.* Закон об адвокатуре: взгляд с другой стороны // Росс. юстиция. 2001. № 5 С. 8; *Гармаев Ю.П., Раднаев В.С.* Конфиденциальность свидания адвоката с клиентом: каковы ее пределы? // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 56–57; *Войников В.В.* Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: Дисс. ...канд. юрид. наук. Калининград, 2002. С. 126, 134–135; *Варфоломеев Е.В.* Противодействие расследованию убийств, совершаемых военнослужащими, и криминалистические методы его преодоления: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2002. С. 95; *Келли К.М.* Указ. соч. С. 230.

¹⁷⁶ См.: *Бабаева Э.У.* Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления. М., 2001. С. 81.

¹⁷⁷ См.: *Дворкин А.И., Бабаева Э.У., Токарева М.Е., Чернова К.Т.* Расследование убийств, совершенных организованными вооруженными группами: Методическое пособие. М., 1995. С. 46; *Быков А.Г.* Первоначальный этап расследования вымогательств, совершенных

то участие в нем иных (не обвиняемых) лиц еще более активно. Это подтверждают и зарубежные¹⁷⁸, и отечественные источники. В частности, по данным Е.А. Галактионова, около 90% лиц, осуществлявших воздействие при расследовании преступлений ОПГ, были не обвиняемые, а, по выражению указанного автора, их «связи» в преступной среде¹⁷⁹. Такая ситуация закономерна, поскольку, например, при расследовании вымогательств — одного из наиболее часто совершаемых ОПГ преступлений — к уголовной ответственности не привлекаются, так как остаются неустановленными, от 30% до 70% участников ОПГ, причем далеко не рядовых участников, которые и осуществляют посткриминальное воздействие¹⁸⁰. Здесь уместно обратить внимание на то, что преступная деятельность *организации*, вне зависимости от ее целей — криминальных или политических, сопряжена с посткриминальным воздействием не только исполнителей конкретного преступного деяния, но самой организации. Иллюстрацией тому служит деятельность ИРА в Северной Ирландии, где данная организация неоднократно прибегала к запугиванию свидетелей с целью помешать нормальному отправлению правосудия¹⁸¹.

Что касается такой характеристики посткриминального воздействия, как *осуществление его во времени*, то 44% опрошенных автором следователей и судей указали на его попытки в стадии возбуждения дела, 69% — в ходе предварительного расследования, 28% — в стадии судебного разбирательства, 6% — по его окончании. Из 112 опрошенных С.Д. Белоцерковским потерпевших 33,6% сообщили, что воздействию (большей частью угрозам) они подвергались в ходе предварительного расследования; 17,9% респондентов заявили, что такое воздействие преступники и их «окружение» применяли во время разрешения уголовного дела в суде¹⁸². Данные И.А. Бобракова также подтверждают, что наиболее активно воздействие осуществляется в стадии предварительного расследования¹⁸³. Ряд авто-

группами лиц: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1994. С. 15–17, 130; Сильнов М.А. Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 116.

¹⁷⁸ См.: Келли К.М. Указ. соч. С. 231.

¹⁷⁹ См.: Галактионов Е.А. Угроза убийством // Жизнь и безопасность. СПб. 1996. № 2. С. 34–35.

¹⁸⁰ См.: Вафин Р.Р. Указ. соч. С. 62, 102.

¹⁸¹ См.: Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека (практика Совета Европы). М., 1992. С. 221–222.

¹⁸² См.: Белоцерковский С.Д. Рэкет: криминологическая характеристика. Меры общего и специального предупреждения: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. С. 117.

¹⁸³ См.: Бобраков И.А. Указ. соч. С. 51.

ров, не исследуя динамику посткриминального воздействия, констатируют противодействие установлению истины во всех стадиях уголовного процесса¹⁸⁴. Указывается на данное воздействие в период ознакомления обвиняемых и защитников с материалами уголовного дела (причем с целью осуществления воздействия ознакомление может умышленно затягиваться)¹⁸⁵, в период между окончанием предварительного расследования и судебным разбирательством¹⁸⁶, в процессе последнего¹⁸⁷.

Проблема посткриминального воздействия в стадии судебного разбирательства находит отражение и в работах, посвященных оперативно-розыскной деятельности. В ходе исследования, проведенного В.П. Хомколовым в 90-х гг. XX в., 32% из 600 респондентов — сотрудников подразделений, осуществляющих ОРД, ответили, что они располагали оперативной информацией о воздействии подсудимых и их «пособников» в ходе судебного разбирательства на свидетелей и потерпевших. При этом 50% респондентов никак не отреагировали на указанную информацию, 46% передали ее руководителям оперативных аппаратов, 1,2% сообщили о ней прокурорам и лишь 0,2% — судьям, в производстве которых находились уголовные дела, причем во всех случаях информация передавалась в устной форме¹⁸⁸. Очевидно, что столь малое число оперативных работников, посчитавших необходимым сообщить прокурорам и судьям (пусть в устной форме) об угрозе правосудию, как и то, что половина из располагавших информацией о посткриминальном воздействии вообще не предприняла никаких мер, в значительной степени было обусловлено пониманием того, что прокуроры и судьи не располагали в рамках действовавшего тогда законодательства достаточными средствами для борьбы с посткриминальным воздействием.

¹⁸⁴ См., в частности: *Минеева Г.П.* Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего. Дисс... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 55; *Золотарев А.С.* Теоретические и практические проблемы расследования корыстно-насильственной организованной преступной деятельности: Дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 55.

¹⁸⁵ См.: *Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В.* Указ. соч. С. 176–177.

¹⁸⁶ См.: *Трухачев В.В.* Принципы криминалистической деятельности, направленной на предупреждение и разоблачение сокрытия преступлений // *Расследование преступлений: вопросы теории и практики.* Воронеж, 1997. Вып. 7. С. 48; *Лакаева О.А.* Особенности допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 68.

¹⁸⁷ См.: *Яблоков Н.П.* Проблемы методики расследования преступлений, совершенных организованными преступными сообществами // *Вестник Московского университета.* 1993. № 5. С. 26.

¹⁸⁸ См.: *Хомколов В.П.* Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. М., 1999. С. 107.

Что касается воздействия, оказываемого после судебного разбирательства, то сравнительная его редкость в этот период не может служить оправданием прекращения защиты тех, кто дал показания или оказал содействие правосудию в иной форме. Оставление этих лиц без защиты недопустимо, поскольку по окончании судопроизводства возможно посткриминальное воздействие из мести, а также так называемое «назидательное» насилие — они и их близкие могут быть «убиты для того, чтобы показать будущим возможным свидетелям, с какими последствиями им придется столкнуться в случае предоставления доказательств»¹⁸⁹. С.Дж. Ткач (S.J. Tkach) — один из руководящих сотрудников американской службы, обеспечивающей защиту свидетелей, обращает внимание: «Крупные преступные сообщества, обладающие соответствующими ресурсами, после их разрушения сохраняют способность выследить свидетелей, нанести им увечья или убить»¹⁹⁰. И, как показывает практика российских правоохранительных органов, потерпевшие и свидетели нередко высказывают опасения таких последствий именно по окончании уголовного судопроизводства¹⁹¹.

Не случайно на X Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, апрель 2000 г.) было обращено внимание, что «даже в случае обеспечения определенной степени защиты свидетелей до начала и в ходе судебного разбирательства вопрос об их безопасности в долгосрочном плане по-прежнему вызывает серьезную озабоченность»¹⁹². Основания для такой озабоченности есть. Например, в статье заместителя Генерального прокурора Казахстана было обраще-

¹⁸⁹ «Назидательное» посткриминальное воздействие выделено международными экспертами (см.: Выводы и рекомендации Совещания Специальной группы экспертов по уменьшению риска насилия в системе уголовного правосудия // Док. E/CN.15/1994/4/Add.3, 25 february, 1994, P. 6). И, как отмечают зарубежные правоведы, последствия этого воздействия весьма ощутимы: «Каждый случай запугивания потерпевшего или свидетеля способствует распространению общественного мнения о том, что сотрудничество с системой уголовного судопроизводства может представлять опасность» (Келли К.М. Указ. соч. С. 223).

¹⁹⁰ См.: Witness protection programs in America: Hearing before the Subcommittee on crime of the Committee on the judiciary, House of representatives, 104 th Congr., 2 nd session, Nov. 7, 1996. Washington, 1999. P. 45.

¹⁹¹ См.: Обзорная справка прокуратуры Рязанской области о применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства (исх. № 15—916—03 от 15 декабря 2003 г.; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ).

¹⁹² Правонарушители и жертвы: ответственность и справедливость в процессе отправления уголовного правосудия. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом к X Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/8. 15 december. 1999. P. 9.

но внимание, что применяемая в этой стране охрана жертв преступлений лишь в период дачи показаний позволяет преступникам и их «связям» в дальнейшем совершать покушения на жертв¹⁹³. В принятом в 1993 г. в Украине Законе «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве»¹⁹⁴ указывается (в ст. 2), что родственники этих лиц имеют право на обеспечение безопасности, если «путем угроз либо иных противоправных действий в отношении их предпринимаются попытки повлиять на участников уголовного судопроизводства», тем самым в данном Законе оставлен открытым вопрос о защите указанных лиц от мести *по окончании уголовного судопроизводства*.

Необходимость защиты содействовавших правосудию после судебного разбирательства обусловлена возможностью их участия в стадии кассационного производства; в стадии исполнения приговора могут приниматься решения об условно-досрочном освобождении от наказания и ряд других решений, которые могут касаться безопасности указанных лиц. Таким образом, обязанность государства защитить лицо, содействовавшее правосудию, не оканчивается с прекращением уголовно-процессуальных правоотношений. К сожалению, из содержания норм российского Закона «О государственной защите потерпевших...» следует, что *принятие решения* о применении мер безопасности возможно в ходе уголовного судопроизводства, но не по его окончании. Такой вывод обусловлен, в частности, содержанием ч. 2 ст. 3 этого Закона, гласящей: «Решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания или следователь, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело...». Это очевидный недостаток Закона, подлежащий устранению.

В правоприменительной деятельности следует учитывать, что посткриминальное воздействие может осуществляться вне зависимости от места нахождения лиц, осуществляющих воздействие и подвергающихся ему: почти в половине зафиксированных случаев (46,8%) воздействие оказывалось по месту жительства потерпевших и свидетелей; в 20% — на улицах и в других общественных местах; в 6,3% — по месту работы (учебы) потерпевших и свидетелей; в 25,4% — в зданиях правоохранительных ор-

¹⁹³ См.: Жумабеков О.И. Проблемы защиты прав жертв преступлений в Казахстане // Прокурорская и следственная практика. 2000. № 3/4. С. 35.

¹⁹⁴ См.: Закон Украины от 23 декабря 1993 г. «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» (с изменениями и дополнениями на 6 февраля 2003 г.) // Уголовная юстиция: Сборник нормативных актов. Издание четвертое, исправленное и дополненное. Харьков, 2006.

ганов, судов и вблизи них¹⁹⁵. Так, во дворе Тушинского районного суда г. Москвы был застрелен свидетель по уголовному делу о вымогательстве¹⁹⁶.

Следующий аспект — *формы (способы) посткриминального воздействия*. Оно может выражаться в *запрещенных уголовным законом деяниях*, и лица, их совершающие, подлежат уголовному преследованию, в частности, на основании п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 117, ч. 1—4 ст. 309 УК РФ. Однако 62% из 180 респондентов — работников правоохранительных органов указали на сложность доказывания *преступного* посткриминального воздействия¹⁹⁷. Очевидно, именно это обстоятельство влечет отмечаемое многими авторами крайне редкое возбуждение уголовных дел в связи с таким воздействием¹⁹⁸, за исключением, конечно, случаев, когда оно сопряжено с совершением тяжких и особо тяжких преступлений.

Кроме того, существуют способы воздействия, которые не могут быть криминализованы, но с успехом применяются: фразы по телефону: «нам известно, где ты живешь», «подумай о детях», когда, не высказывая откровенных угроз, свидетелям дают понять, что известны места учебы их детей и то, какими путями они возвращаются домой¹⁹⁹. Для запугивания применяются и постоянное следование за человеком, его демонстративное фотографирование, сопровождаемое замечанием, что теперь его везде найдут, послание преследуемому фотографии трупа, подбрасывание трупов убитых животных, другие подобные средства.

С подобными способами воздействия сталкиваются и зарубежные правоохранительные органы. Б.Дж. Вудард (B.J. Woodard) — сотрудник управления федерального атторнея в графстве Принс Джордж (штат Мериленд) в ходе посвященной защите свидетелей слушаний в Конгрессе США обратил внимание: «При разбирательстве одного из дел судье пришлось делать внушения друзьям и родственникам обвиняемого, чтобы они прекратили строить угрожающие гримасы 17-летней свидетельнице во время дачи ею показаний. Но гораздо чаще случается другое — свидетель становится

¹⁹⁵ См.: Бобраков И.А. Указ. соч. С. 49—50.

¹⁹⁶ См.: Куликов В. Свидетелю положен автомат // Российская газета. 2002. 29 марта.

¹⁹⁷ См.: Минеева Г.П. Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1993. С. 47.

¹⁹⁸ См.: Марченко С.Л. Указ. соч. С. 87—88; Елихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995. С. 90.

¹⁹⁹ 38% из опрошенных потерпевших указали именно на подобные формы воздействия (см.: Елихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве: Мониторинг общественного мнения Республики Коми. Сыктывкар. 2002. С. 30).

объектом пристальных и многозначительных взглядов как в стенах суда, так и за его пределами. При этом не произносится никаких устных угроз, но они и не нужны²⁰⁰. Солидарность с подсудимым и угрозы свидетелю могут демонстрироваться и с помощью присущего преступному миру стиля одежды, стрижки целыми группами лиц, находящимися в зале суда²⁰¹. По словам окружного атторнея графства Кингс Дж. Хайнса (J. Hynes), запугивание может принимать различные формы, в том числе почти незаметные жесты или взгляды, намекающие на расправу за сотрудничество с властями; незнакомые люди звонят свидетелям по телефону или долгое время проводят вблизи их домов, повсюду сопровождают свидетелей, даже в суд, дверь жилища свидетеля может быть залита кровью²⁰².

Как показывает российская практика, воздействие должностного лица на подчиненных может выражаться в умышленном создании им сложностей в служебной деятельности. От должностных лиц административных и иных властных структур, способных влиять на финансово-хозяйственную деятельность предприятия, возглавляемого лицом, сообщившим о преступлении в правоохранительные органы, могут исходить высказывания, которые не являются *прямыми* угрозами чего-либо, но реализация которых парализует экономическую деятельность предприятия. В небольших населенных пунктах действительна угроза потери рабочего места.

В некоторых трудовых коллективах и в воинских подразделениях цели посткриминального воздействия могут достигаться за счет нарочитого отчуждения вокруг содействующих правосудию, когда все их поступки встречают демонстративную негативную оценку окружающих; преследуемого превращают в изгоя, навешивают клеймо стукача. На использование таких способов воздействия указали 50% из 192 работников военных прокуратур и судов, опрошенных автором. Не случайно среди военнослужащих более 85% жертв насильственных преступлений не сообщают о случившемся из-за боязни не только физической расправы, но и угрозы клейма стукача; 88% таких потерпевших заявили, что после того, как о насилии стало известно командованию и правоохранительным органам, они испытали бойкот сослуживцев²⁰³. Еще более сложная ситуация с защитой лиц, содействующих правосудию, складывается в пенитенциарных учреждениях (подробно этот вопрос рассмотрен в § 6 главы III).

²⁰⁰ Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts. P. 18–19.

²⁰¹ См.: Келли К.М. Указ. соч. С. 230.

²⁰² Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts. P. 67, 73.

²⁰³ См.: Мацкевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М., 1994. С. 58, 60.

Посткриминальное воздействие может осуществляться как скрытно, так и явно для окружающих. В период судебного разбирательства воздействие может выражаться в *завуалированном* либо *демонстративном* враждебном поведении у зданий судов многочисленных лиц — знакомых подсудимого либо принадлежащих к одной с ним этнической диаспоре. В некоторых судебных процессах один лишь вид преступника может вызывать у потерпевших страх. Иллюстрациями таких случаев могут служить уже упоминавшийся судебный процесс в Омской области по обвинению женщины в доведении до самоубийства приемного малолетнего ребенка, когда показания в суде давали другие ее приемные малолетние дети, а также случай, приведенный сотрудником прокуратуры, когда не только вид, но одно лишь упоминание фамилии обвиняемого вызывало страх у несовершеннолетнего сына убитой женщины — очевидца убийства²⁰⁴.

Что касается посткриминального воздействия со стороны ОПГ, то в *Пояснительном меморандуме к Рекомендации № R (97) 13 «По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты»* обращается внимание: «запугивание» свидетелей обусловлено самой природой организованной преступности — угроза для свидетелей существует вследствие одной лишь принадлежности преступника к ОПГ²⁰⁵.

В применении форм посткриминального воздействия, криминализация которых невозможна, заключается еще одна, и не маловажная причина того, что национальное законодательство, помимо уголовно-правовых должно содержать и процессуальные гарантии безопасности лиц, содействующих правосудию. Бесспорно, запрещенные уголовным законом деяния представляют наибольшую опасность, однако формы посткриминального воздействия значительно шире. Это подтвердили и результаты исследования, проведенного автором: 50% респондентов указали на применение воздействия, не предусмотренного УК РФ, некоторые же его формы объективно не могут быть криминализованы, в частности уже упоминавшееся превращение человека в изгоя в коллективе.

Изложенное приводит к выводу: меры безопасности должны использоваться во всех случаях воздействия — как запрещенного уголовным законом, так и иного, и определяющим здесь является не форма и степень воздействия, а цели, с которыми оно может осуществляться: заставить отказаться от намерения содействовать правосудию, прекратить содействие либо из мести за оказанное (оконченное) содействие. К сожалению,

²⁰⁴ См.: *Евтехова Е.В.* Защита свидетелей и потерпевших // Амурская заря. 2002. 12 июня.

²⁰⁵ См.: *Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства...* С. 56.

это важное положение не нашло отражения ни в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, ни в ч. 1 ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших...», устанавливающих *основания* применения мер безопасности. И это при том, что в международных актах, посвященных проблеме посткриминального воздействия, специально обращено внимание на необходимость защиты участников судопроизводства от любых, автор подчеркивает, *любых* форм запугивания²⁰⁶.

Каковы же *последствия* посткриминального воздействия? В России это воздействие и его последствия приняли угрожающие масштабы на рубеже 80–90-х гг. XX века. С этого времени его распространение отмечается криминологами. Угроза посткриминального воздействия превратилась в один из факторов, обуславливающих высокий уровень латентной преступности. В частности, В.В. Лунеевым приведены сведения, что при причинении телесных повреждений и совершении мошеннических действий только 25% жертв обращаются в правоохранительные органы, в случаях угрозы убийством или иной угрозы — около 20%; при совершении вымогательств — лишь 10%. Указанный автор связывал это в том числе с отсутствием защиты жертв — будущих участников уголовного процесса²⁰⁷. При прогностических оценках тяжкой преступности в качестве одного из ее отличительных признаков стали обращать внимание на многоэпизодность (серийность) тяжких преступлений, а среди причин этого явления — вычленять боязнь граждан давать показания²⁰⁸. Без-

²⁰⁶ См., в частности: Рекомендация Совета Европы № R (2005) 9 «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием» // Recommendation Rec (2005) 9 of the Committee of Ministers to members states on the protection of witnesses and collaborators of justice // <https://wcd.coe.int/ViewDoc...>; пункт 15 «Принципов эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней», утверждены резолюцией 1989/65 ЭКОСОС ООН от 24 мая 1989 г. (в кн. *Зайцева О.А. Государственная защита участников уголовного процесса*. М., 2001. С. 343).

²⁰⁷ См.: Углубление социального контроля преступности — одна из предпосылок решения социально-экономических проблем (материалы круглого стола) // *Гос. и право*. 1999. № 9. С. 76.

²⁰⁸ См.: *Борбат А.В., Гладких В.И., Гриб Н.Н.* Общая характеристика преступности и прогноз развития криминогенной ситуации на территории Московской области // *Следователь*. 1998. № 2. С. 16. Число тяжких серийных преступлений растет. Например, в 1995 г. в суды были направлены 139 уголовных дел о серийных убийствах, в 1996 г. — 145, в 1997 г. — 156, в 1998 г. — 208, в 1999 г. — 218, в 2000 г. — 241 уголовное дело. В 2002 г. в России расследовалось свыше 400 убийств, имеющих признаки серийности, раскрыто менее половины (см.: *Исаенко В.* Серийные убийства // *Законность*. 2002. № 6. С. 21; *Алишиев Э.Н.* Понятие и признаки серийного убийства (уголовно-правовой и криминологический аспекты) // *Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью*. М., 2002. С. 70; *Шкрябач С.Я.* Состояние борьбы с серийными убийствами и проблемы их раскрытия и расследования // *Следственная практика*. М., 2003. № 4. С. 19).

защитность участников уголовного процесса стала квалифицироваться в качестве одной из *общих причин* роста преступности и «усугубления ее качественных характеристик»²⁰⁹.

И надо признать, что опасения мести преступников имеют реальную основу. По данным В.В. Вандышева, изучившего в 90-х гг. XX в. более тысячи уголовных дел, посткриминальное воздействие осуществлялось в отношении 30% жертв преступлений, вследствие чего большинство из них (65,4%) вынужденно предпринимали меры, направленные на противодействие расследованию²¹⁰. Естественно, что при проведении социологического исследования на вопрос «Какие предложения по улучшению правового положения потерпевшего в уголовном процессе Вы одобряете?» 100 респондентов-потерпевших в 100% выбрали ответ: «Надлежащим образом обеспечить право потерпевшего на личную безопасность, включая членов его семьи»²¹¹; на вопрос же: «Что позволяет уходить в настоящее время преступникам от ответственности?» 41% респондентов ответили — «незащищенность потерпевших и свидетелей»²¹².

Не менее красноречивы результаты исследований, проведенных в 90-х гг. XX в. среди сотрудников правоохранительных органов и судей. Так, 80% из 142 следователей и более 60% из 50 судей, опрошенных автором, констатировали факты посткриминального воздействия в ходе расследования ими преступлений и разрешения уголовных дел. При этом лишь 7% респондентов отметили уменьшение попыток посткриминального воздействия, 43% считали, что оно не уменьшается, 29% констатировали его усиление. Прекращение уголовных дел на стадии предварительного расследования вследствие просьбы потерпевшего или очевидца, на которых было оказано посткриминальное воздействие, признали «нередким» явлением 33%, «обычным явлением» — 12% респондентов — работников правоохранительных органов; лишь 6% респондентов ответили, что такие случаи не имели места²¹³. Более поздние исследования подтвердили ранее выявленную картину: из общего числа респондентов с воздействием на потерпевших и

²⁰⁹ Состояние законности в Российской Федерации (1998–1999 гг.). Аналитический доклад. М., 2000. С. 80–81.

²¹⁰ См.: Вандышев В.В. Указ. соч. С. 156–157. См. также: Горяинов К.К. Жертвы насилия и их защита // Человек против человека. СПб., 1994. С. 54.

²¹¹ См.: Акрамходжаев Б.Т. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 202.

²¹² См.: Криминальная ситуация в России и ее изменения. М., 1996. С. 50.

²¹³ См. Минеева Г.П. Указ. соч. С. 57.

свидетелей сталкивались более 50% судей и 80% следователей прокуратуры, на экспертов — 10% судей и 12% следователей прокуратуры, на других участников уголовного процесса — соответственно 30% и 28% респондентов²¹⁴; по данным опроса 150 респондентов — представителей правоохранительных, судебных органов и адвокатов, около 50% потерпевших и свидетелей меняют показания, при этом, по мнению 48% респондентов, причиной изменения показаний являются «соображения собственной безопасности»²¹⁵.

В ходе уголовного судопроизводства последствия посткриминального воздействия чаще всего выражаются в уклонениях от явок в правоохранительные, судебные органы и в ложных показаниях подвергшихся ему лиц. Посткриминальное воздействие относят к основным причинам лжесвидетельства²¹⁶. Обращается внимание, что создаются целые системы ложных доказательств, позволяющих преступникам избегать уголовной ответственности²¹⁷. Ложные показания сопровождаются заявлениями потерпевших и свидетелей, что после допроса на предварительном следствии они лишь бегло просмотрели протокол допроса, подписали его, не читая, что их подписи подделаны. Проверки подобных заявлений, включающие порой почерковедческие экспертизы, существенно затягивают судопроизводство.

Подвергшиеся посткриминальному воздействию могут допускать сокрытие, уничтожение, фальсификацию материальных следов преступлений²¹⁸, порой воздействие приводит к самооговору²¹⁹. Известны и другие последствия: потерпевшие и свидетели вынуждены отправлять свои

²¹⁴ См.: *Елихин А.Ю.* Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве: Мониторинг общественного мнения Республики Коми. Сыктывкар, 2002. С. 23.

²¹⁵ См.: *Авдеев М.А.* Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 4.

²¹⁶ См.: Безопасность человека и преступность. Материалы международной научно-практической конференции // Гос. и право. 1995. № 12. С. 117; *Кузьмина С.С.* Лжесвидетельство (уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты): Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 1991. С. 22; *Блинников В.А.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты лжесвидетельства: Дисс. ...канд. юрид. наук. Ставрополь, 1998. С. 92–93.

²¹⁷ См.: *Волбуев А.Ф.* Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Гос. и право. 2002. № 4. С. 44.

²¹⁸ См.: *Бобраков И.А.* Указ. соч. С. 42–44.

²¹⁹ См.: *Селянин А.Н.* О некоторых аспектах психологической характеристики личности преступников, совершающих убийства по найму // Актуальные проблемы правовой науки и практики: Сб. научн. тр. Кемерово, 1999. С. 450.

семьи к родственникам в другие города, сами скрываются от следствия и суда, иногда за границу²²⁰. Известен случай, когда уже по окончании судебного процесса свидетель вместе с женой устроились работать проводниками на поезде дальнего следования и в таком качестве год ездили по стране, скрываясь от мести членов ОПГ, которые избежали уголовной ответственности²²¹. Иногда запуганных участников процесса доставляют в суд принудительно, но вот слова одного из них: «Я проклинаяю тот день, когда поверил в правосудие и согласился быть свидетелем по уголовному делу. Теперь жизнь моей семьи и моя в опасности»²²². Сложно ожидать от такого свидетеля правдивых показаний.

О тех же последствиях говорят зарубежные юристы. Вот фрагмент выступления уже упоминавшегося Б.Дж. Вударда: «В соответствии с законодательством Мериленда за отказ от дачи показаний свидетель может быть подвергнут задержанию, а судебное заседание приостановлено на то время, пока он помещается «под замок», и такие меры применяются. Однако заключение свидетелей под стражу — конечно же, не самый лучший способ борьбы со страхом и запугиванием свидетелей. Во-первых, их сотрудничество с правосудием, если они и согласятся давать показания, будет находиться на минимальном уровне. Во-вторых, вряд ли в подобных условиях свидетели дадут полную картину происшедшего. В-третьих, их поведение и манеры могут вызвать у присяжных сомнения в правдивости их показаний»²²³.

Далее Б.Дж. Вудард отмечает: «Мне удалось успешно довести эти дела (речь идет о двух делах, в которых свидетели подвергались посткриминальному воздействию. — *Примеч. авт.*) до конца только потому, что свидетели обладали достаточной храбростью, чтобы дать показания. Но нам не всегда везет до такой степени. Одна из основных причин того, что нам приходится закрывать дела уже после предъявления обвинительного акта, состоит в том, что мы не можем найти свидетелей и пострадавших. Они переезжают на другое место, а точнее, намеренно теряются из виду. Когда нам все же удается найти свидетелей, следующая проблема, которую приходится решать, заключается в том, чтобы убедить их в необходимости сотрудничества с нами. И даже в том случае, когда свидетель

²²⁰ См.: *Валеев М.Х.* Указ. соч. С. 230; *Туйков В., Ковалев Л.* Развитие прокуратуры: взгляд из региона // *Законность.* 2000. № 4. С. 20; *Абабков А.* Защитить права потерпевшего // *Росс. юстиция.* 1997. № 3. С. 16.

²²¹ См.: *Гамаюнов И.* Кто защитит Геракла // *Росс. газета.* 2003. 26 марта.

²²² *Филиппов В.* Юстиция умывает руки // *Известия.* 1997. 24 окт.

²²³ *Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts.* P. 19.

выступает в суде, у нас нет уверенности, что он скажет правду»²²⁴. О делах, которые были доведены до судебного разбирательства, указанный автор говорит: «На протяжении полутора лет перед каждым судебным заседанием я никогда не был уверен, явятся ли все свидетели в суд, и если да, то скажут ли они все, что знают»²²⁵ (эти сложности — следствие недостаточности законодательных мер, принимаемых на уровне штатов²²⁶; на федеральном же уровне в США действует *Программа защиты свидетелей*, о которой подробнее будет сказано в главе III).

Изложенные обстоятельства создают существенные, нередко непреодолимые препятствия для осуществления правосудия. Отказы потерпевших и свидетелей от ранее данных показаний, отказы других участников уголовного судопроизводства от исполнения своих обязанностей, иные вынужденные действия указанных лиц влекут затягивание предварительного и судебного следствия и, в конечном итоге, необоснованное прекращение уголовного преследования.

1. Во второй половине XX в. посткриминальное воздействие приобрело угрожающие масштабы во многих зарубежных странах, а в конце ушедшего века и в России. Предотвращение воздействия и его последствий (роста латентной преступности и указанных проблем в ходе судопроизводства) возможно, если обеспечивается безопасность тех, кто участвует в борьбе с преступностью.
2. Российские реалии борьбы с преступностью и зарубежный опыт ясно показывают: эта цель может быть достигнута при использовании *уголовно-процессуальных* и *иных процессуальных мер безопасности*. Собственно же обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию, на рубеже веков стало одной из гарантий самого правосудия, гарантией не менее важной, чем право обвиняемого на защиту и иные (традиционные) постулаты уголовного судопроизводства.

²²⁴ Op. cit. P. 18.

²²⁵ Op. cit. P. 18.

²²⁶ Поэтому свидетели преступлений, которые расследуют правоохранительные органы штатов, порой вынуждены прибегать к помощи частных служб безопасности (см.: Обеспечение безопасности свидетелей при угрозе преследования преступниками // Борьба с преступностью за рубежом. 2002. № 2. С. 27–35).

Глава II

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ

§ 1. Международно-правовые основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию

Международным сообществом разработаны документы, охватывающие ключевые вопросы уголовного правосудия и составившие свод его *международных стандартов*. В русле общего процесса правовой интеграции, участником которого является Россия, сближение с этими стандартами российского законодательства естественно и необходимо. Данные обстоятельства объясняют обращение автора к международно-правовым документам, во многом предопределяющим пути решения рассматриваемой проблемы на национальном уровне.

Обеспечению прав человека в сфере правосудия мировое сообщество уделяет внимание с начала 50-х гг. XX в. В настоящее время эта проблема исследуется *Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию* Экономического и Социального Совета ООН (до 1992 г. — *Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней*²²⁷; до 1971 г. — *Комитет экспертов по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями*), *Конгрессами ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию*²²⁸. Значительное внимание проблемам правосудия уделяется на сессиях *Экономического и Социального Совета ООН* и *Генеральных Ассамблеях ООН*, в деятельности региональных международных организаций, в том числе — *Совета Европы*, участником которого с 1996 г. является и Россия.

²²⁷ Этим Комитетом разработан план, одобренный Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция 32/58 от 8 декабря 1977 г.) в качестве руководства деятельности ООН, направленной на борьбу с преступностью. План включает главу «Руководящие принципы и нормы отправления уголовного правосудия», где, в частности, установлено, что одной из главных задач ООН должна быть разработка «руководящих принципов для широкого включения... в национальные законодательства» (цит. по: *Бородин С.В., Ляхов Е.Г.* Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М., 1983. С. 169).

²²⁸ Проводятся раз в пять лет. I Конгресс состоялся в 1955 г. в Женеве и собрал представителей 61 страны, с тех пор количество участников конгрессов постоянно растет. СССР, а затем Россия принимают в них участие со II Конгресса (Лондон, 1960 г.).

Значение деятельности указанных международных органов в том, что они, во-первых, выявляют *глобальные* тенденции преступности, обобщают мировой опыт борьбы с ней, исследуют эффективность конкретных средств борьбы и рекомендуют их для применения на национальном уровне. Благодаря данной деятельности, государства получают весьма ценную информацию для законодательной деятельности, в том числе для решения проблемы, которой посвящено настоящее исследование.

Во-вторых, помимо рекомендаций, ООН и Советом Европы принят ряд актов, имеющих обязательную юридическую силу для ратифицировавших их государств. Анализ этих актов и основанных на них прецедентов международных судов позволяет определить меры безопасности для лиц, содействующих правосудию, которые международным сообществом оценены как допустимые в национальном судопроизводстве, в том числе меры, до сих пор подвергающиеся критике отдельными российскими юристами вследствие незнания международно-правовых документов.

Приступая к анализу международно-правовых актов, необходимо отметить, что они образуют систему документов как универсального, так и регионального характера. Один из универсальных документов — принятая 29 ноября 1985 г. резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН *Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью* (Далее — Декларация).

Наряду с традиционными проблемами жертв преступности (возмещение причиненного преступлением ущерба и проч.) причиной ее принятия послужила обострившаяся к тому времени проблема безопасности потерпевших, свидетелей, иных лиц, содействующих правосудию, и их близких: в резолюции Генеральной Ассамблеи о причинах, побудивших принять Декларацию, сказано: «Жертвам преступлений, а также зачастую их семьям, свидетелям и другим лицам, оказывающим им помощь, несправедливо наносится ущерб, телесные повреждения или ущерб их собственности и что, помимо этого, они могут подвергаться лишениям при оказании содействия судебному преследованию правонарушителей»²²⁹.

В связи с этим подпункт «d» п. 6 Декларации рекомендует принять меры «для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести». Краткость приведенной нормы, общий характер содержащейся в ней рекомендации и отсутствие механизма ее реализации

²²⁹ Док. A/CONF.144/INF.2, 11 мая, 1990.

не свидетельствуют о малозначительности проблемы безопасности указанных лиц. Дело в том, что в международном праве существует правило, согласно которому выбор способов осуществления его норм оставляется на усмотрение государства. По выражению С.С. Алексеева, нормы международного права в области прав человека обнаруживают свойства норм-принципов, правовые принципы направляют функционирование права, помогают установить пробелы в праве, необходимость отмены устаревших и принятия новых юридических норм²³⁰. Таково значение и приведенной нормы Декларации. Причем следует отметить, что подпункт «д» п. 6 Декларации не ограничивает обязанность государства принять необходимые меры на том или ином этапе (стадии) национального судопроизводства, то есть проблема должна быть решена в рамках всего уголовного процесса, в том числе и в его кассационной и надзорной инстанциях. Автор специально обращает внимание на это, поскольку в УПК РФ оказались не предусмотренными меры, которые обеспечивали бы безопасность жертв при их обращении с жалобами в суды указанных инстанций (подробнее этот вопрос рассмотрен в § 4 главы III).

Следует сказать, что Декларация, как и иные документы в форме деклараций и резолюций, относится к группе международных документов рекомендательного характера, то есть не подлежит подписанию и ратификации или иным процедурам, влекущим ее превращение в акт обязательной юридической силы. Назначение таких документов в ином — в создании международно-правового контекста, который позволяет совершенствовать и применять национальное право с точным пониманием того, что соответствует международным стандартам.

Вскоре после принятия Декларации ее значимость была подтверждена оценками, данными в различных странах. По заявлению Генерального прокурора штата Южная Австралия, принятие Декларации подтвердило «огромное значение роли и статуса жертв для политики в области уголовного права и отправления правосудия»²³¹; был сделан вывод, что «больше нет необходимости спорить о более широком признании прав жертв; проблема сегодня состоит в том, чтобы это признание получило свое материальное выражение в принятии эффективных программ и законодательства»²³². И этот процесс идет. В докладе Генерального секретаря ООН «Меры по осуществлению Декларации основных принципов

²³⁰ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 88.

²³¹ Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней. 11 сессия. Вена. 5–16 февраля 1990 г. // Док. E/AC.57/1990/3, 15 december, 1990.

²³² Там же.

правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» констатировалось, что Декларация получила широкое признание, «выразившееся если не в виде точных формулировок ее положений, то в соблюдении ее духа и содержания»²³³.

Текст Декларации правительствами Аргентины, Белоруссии, Венгрии, Канады, Нидерландов, Франции, Чехии и других стран был передан в национальные правоохранительные органы, ее положения стали изучаться в юридических образовательных учреждениях²³⁴. В провинции Манитоба (Канада) в 1986 г. был принят закон, в который включены большинство положений Декларации. В Новой Зеландии принят Закон о жертвах правонарушений 1987 г.²³⁵, в Австралии — административный акт, регулирующий выполнение Декларации. На ее основе в Великобритании в 1990 г. принята «Хартия жертв преступлений». Декларация привлекла внимание ко всему спектру проблем потерпевших в Австрии, Польше, Нидерландах, Франции, Италии, ряде других стран, придала новый импульс обеспечению прав потерпевших и свидетелей в государствах, где эта работа велась и ранее, например, в США.

Надо сказать, что проблемам жертв преступлений и иных лиц, действующих правосудию, мировое сообщество уделяло внимание и до принятия Декларации. Важная роль в этом принадлежит *Конгрессам ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию*, призванным анализировать наиболее актуальные проблемы правосудия.

Исследование проблем жертв преступлений стало одним из основных направлений деятельности VII Конгресса (Милан, 1985 г.). В итоговом документе Конгресса — «Миланском плане действий» рекомендовано уделять внимание совершенствованию систем уголовного правосудия в целях укрепления их способности реагировать на изменения общественных условий и потребностей (п. 5h); государствам активизировать усилия по обеспечению как можно более широкого участия общественности в предупреждении преступности и борьбе с ней (п. 5m)²³⁶. На необходимость принятия мер, поощряющих участие общественности в борьбе с преступностью, неоднократно обращалось внимание и позже — в п. 11 *Рекомендаций № R (96) 8 по политике борьбы с преступностью в изменя-*

²³³ Доклад Генерального секретаря ООН «Меры по осуществлению Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» // Док. E/AC.57/1988/3, 8 July. 1988. P. 5.

²³⁴ Там же. P. 7.

²³⁵ Там же. P. 6–7.

²³⁶ Док. A/CONF.144/INF.2. 11 May. 1990. P. 51–52.

ющейся Европе, принятых Советом Европы 5 сентября 1996 г.²³⁷, в рамках совещания экспертов международного сообщества, проходившего в 1997 г. в Буэнос-Айресе²³⁸.

Следование указанным рекомендациям в странах Европы, в США, Канаде, Новой Зеландии, Японии принесло ощутимые результаты²³⁹. Важность реализации этих рекомендаций разделяется российскими юристами, признающими, что без помощи населения успех в борьбе с многими видами преступлений невозможен²⁴⁰. Понимание проблемы продемонстрировано при планировании законотворческой деятельности: в соответствии с п. 2.1.8. «Федеральной целевой программы по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 годы» в России еще в 1996 г. должен был появиться законопроект, предусматривающий систему поощрения граждан, способствовавших предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений. Однако эта задача не выполнена до настоящего времени. Предпринимались лишь разрозненные шаги. Ранее п. 20 ст. 11 Федерального закона РФ от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции» предусматривал вознаграждение лицам, представившим информацию о налоговом преступлении или нарушении, в размере до 10% от сокрытых сумм налогов, сборов и других законодательных платежей, поступивших в соответствующий бюджет. В настоящее время вознаграждение гражданам за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, предусматривает п. 32 ст. 11 Закона РФ «О милиции» и ст. 25 Федерального закона РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Опыт зарубежных стран показывает, что помощь правоохранительным органам со стороны граждан активизируется при условии их защиты от посткриминального воздействия. Что же для этого предпринимают зарубежные страны? В США, например, насчитывается около 600 различных программ взаимодействия правоохранительных органов с на-

²³⁷ Рекомендации № R (96) 8 по политике борьбы с преступностью в изменяющейся Европе. Приняты Комитетом Министров стран-участниц Совета Европы 5 сентября 1996 г. // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1999. № 10. С. 23–27.

²³⁸ См.: Укрепление законности и упрочение системы уголовного правосудия. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом // Док. А/CONF.187/3, 14 december, 1999, P. 12–13.

²³⁹ См.: п. 14 Доклада Генерального секретаря ООН «Положение в мире в области преступности и уголовного правосудия» на X Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. А/CONF.187/5, P. 5.

²⁴⁰ См., в частности: *Воронцов А.В.* Совершенствование взаимоотношений милиции и населения: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. С. 99; *Лунев В.В.* Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Гос. и право. 2000. № 4. С. 110.

селением. Лица, обладающие сведениями о преступлении, могут сообщить их в полицию анонимно по телефону. По присвоенному заявителю номеру выплачивается денежное вознаграждение, если сведения оказались полезными для расследования преступления. Впервые описанный механизм был применен в 1976 г. в г. Альбукерке (штат Нью-Мексико). В Вашингтоне благодаря такому сотрудничеству за достаточно короткий срок было раскрыто 537 преступлений, возвращено похищенное на сумму 2,8 млн долл., конфисковано наркотиков на 8,7 млн долларов. Аналогичные меры применяются в Канаде. В то же время в ходе реализации таких программ сотрудничества установлено, что значительная часть заявителей сообщает о преступлении не в целях получения вознаграждения, а для «очищения города от преступных элементов»; было опровергнуто мнение о выплате вознаграждения, как о единственной причине, побуждающей граждан оказывать помощь полиции²⁴¹. Позитивные результаты возможности анонимно сообщить по специальному телефону об известных гражданам преступлениях находят подтверждение и в России: с начала соответствующего эксперимента в сентябре 2001 г. в Рязани за 4 месяца по такому телефону поступили 247 сообщений, из которых подтвердились 30; только в рамках одного из возбужденных дел к уголовной ответственности были привлечены более 10 наркоторговцев²⁴².

Возвращаясь к VII Конгрессу ООН, необходимо отметить, что в принятых им *Руководящих принципах в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка* в п. 12 было рекомендовано предпринять необходимые законодательные и другие меры в целях обеспечения жертв преступлений эффективными средствами правовой защиты²⁴³. Эти При-

²⁴¹ См.: Полиция и борьба с преступностью за рубежом (информационный сборник). М., 1991. С. 125–126; Козловский А. Б. Участие общественности в борьбе с правонарушениями: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 89–90; Стефанович С. С., Смирнов В. А. Состояние и меры противодействия преступности в крупных городах зарубежных государств // Криминологические проблемы борьбы с преступностью в сверхкрупном городе. М., 1994. С. 101; Филиппов А. Г. Использование помощи общественности и граждан в борьбе с организованной преступностью // Вопросы организованной преступности и борьбы с ней. М., 1993. С. 56. Подробнее о формах сотрудничества населения с правоохранительными органами в США, Канаде, Великобритании, ФРГ, Японии см.: Смирнов М. П. Оперативно-розыскная деятельность полиции зарубежных стран. М., 2001. С. 88, 93–96.

²⁴² См.: Рыжков Ю. М. Проблемы предупреждения организованной преступности и наркомании // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–20 апреля 2002 г.). Выпуск 1. М., 2002. С. 142–143.

²⁴³ См.: Док. А/CONF.144/INF.2. 11 мая. 1990. Р. 55.

нции утверждены резолюцией 40/32 Генеральной Ассамблеи ООН, которой, в свою очередь, рекомендовано государствам уделять должное внимание «судьбе жертв преступлений» и предложено (п.п. 4 и 6) положения Руководящих принципов и Миланского плана действий реализовать в национальном законодательстве²⁴⁴.

В августе–сентябре 1990 г. в Гаване состоялся следующий — VIII Конгресс ООН с темой: «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в XXI веке». На этом форуме посткриминальное воздействие заняло заметное место среди обсуждаемых вопросов. В разработанных Конгрессом *Рекомендациях относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития* в п. 18 «с» к проблемам, подлежащим дальнейшей разработке, отнесено обеспечение надлежащей защиты потерпевших и свидетелей. Специально обращено внимание на необходимость решения данной проблемы применительно к террористическим актам²⁴⁵.

Международное сообщество и в дальнейшем не оставалось в стороне от решения указанной проблемы. Резолюцией ГА ООН 46/152 от 18 декабря 1991 г. была учреждена *Программа ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия*, объединившая деятельность Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию²⁴⁶, Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (так до 2005 г. назывались Конгрессы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию) и других институтов ООН. В этой Программе подчеркнута важность «охраны прав жертв преступности»²⁴⁷.

Далее, в п. 86 Предварительной повестки IX Конгресса (Каир, апрель–май 1995 г.) в качестве положительного фактора было отмечено, что «в целях сведения к минимуму возможности вторичной виктимизации... создаются специальные условия (отдельные комнаты ожидания,

²⁴⁴ Там же. Р. 45–46.

²⁴⁵ Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Нью-Йорк, 1993 г. С. 18.

²⁴⁶ Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию создана в 1992 г. (вместо Комитета по предупреждению преступности и борьбе с ней) в качестве «функциональной» комиссии ЭКОСОС; состоит из 40 государств-членов, избираемых ЭКОСОС на 3 года. В ее компетенцию входят: разработка руководящих принципов для ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, содействие и помощь в координации деятельности институтов ООН по предупреждению преступности, а также ряд других направлений деятельности.

²⁴⁷ См.: Док. А/RES/46/152. 7 april. 1992. Р. 6.

представление свидетельских показаний в записи на видеопленку)»²⁴⁸, в ходе Конгресса обращено внимание на эффективность записанных на видеопленку свидетельских показаний по делам о преступлениях в отношении детей²⁴⁹, на необходимость разработки мер, обеспечивающих безопасность потерпевших-женщин²⁵⁰.

Подтвердился сделанный автором в середине 90-х гг. XX в. прогноз, что в последующей деятельности ООН и действующих под ее эгидой организаций будет сделан акцент на рекомендациях конкретных мер безопасности²⁵¹. Данный вывод был основан на том, что в русле рассматриваемой проблемы международным сообществом уже в достаточной степени приняты нормы принципиального, общего характера, и в документах конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. отмечалась тенденция наполнения международно-правовых норм более конкретным содержанием²⁵².

Таковы *Рекомендации по осуществлению Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью*, принятые резолюцией 1989/57 от 24 мая 1989 г. ЭКОСОС ООН²⁵³. В п. 2 этого документа государствам-членам ООН было рекомендовано реализовать положения, содержащиеся в Декларации, посредством: «d) разработки мер защиты жертв от злоупотреблений, клеветнических обвинений или запугивания в ходе или в результате любого уголовного или иного разбирательства, связанного с преступлением». В приведенной норме уже дифференцированы основания применения мер безопасности: клеветнические обвинения и иные формы воздействия, указана необходимость защиты и по окончании судопроизводства.

Следующим шагом явилось принятие в 1990 г. *Руководства для сотрудников системы уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и зло-*

²⁴⁸ См.: Док. А/CONF.169/PM.1, 27 July, 1993.

²⁴⁹ См.: Док. А/CONF.169/7, 24 January, 1995, P. 35.

²⁵⁰ См.: Док. А/CONF.169/16, 12 May, 1995, P. 34.

²⁵¹ См.: Брусницын Л.В. Международно-правовые и конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию // Гос. и право. 1996. № 3. С. 104.

²⁵² Спустя десятилетие указанный вывод автора подтвержден XI Конгрессом ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, апрель 2005 г.), в документах которого обращено внимание: за прошедший период международным сообществом многое сделано для преобразования общих стандартов «в более детальные рекомендации и руководства по реформированию системы уголовного правосудия» (см.: Семинар-практикум 2: Укрепление реформы системы уголовного правосудия, включая реституционное правосудие. Справочный документ // А.CONF.203/10. 24 February. 2005. P. 14).

²⁵³ См.: Док. А/CONF.144/INF.2. 11 May. 1990. P. 75.

употребления властью²⁵⁴. В разделе *В. Жертва и система уголовного правосудия* п. 35 гласит: «Когда жертва испытывает чувство страха в результате угроз со стороны преступника, полицией и другими учреждениями должны быть приняты надлежащие меры по защите и поддержке (например, полицейская охрана, изменение места жительства)... важно, чтобы в случае угроз принимались эффективные меры и чтобы о принятых мерах сообщалось жертве». В п. 55 раздела *Е. Обвинители, суды и слушания* можно найти: «Когда жертвы боятся давать свидетельские показания... некоторые законодательства допускают использование записанных на видеопленку свидетельских показаний или прямую видеозапись».

Таким образом, в последнем документе предлагалась уже группа конкретных мер безопасности. При этом в п. 114 Руководства указано, что оно представляет собой лишь краткое изложение опыта различных стран, является исходным пунктом для дальнейшего развития этого опыта.

В рамках проходивших под эгидой ООН в октябре 1991 г. в Суздале *Международного семинара по борьбе с организованной преступностью*²⁵⁵ и в августе 1993 г. в Чикаго *Совещания Специальной группы экспертов по уменьшению риска насилия в системе уголовного правосудия*²⁵⁶ исследовалось значение и содержание такой меры безопасности, как переселение свидетелей, подчеркнута необходимость *превентивного и комплексного* применения защитных мер²⁵⁷.

В процессе подготовки к *Всемирной конференции по организованной транснациональной преступности*, состоявшейся 21–23 ноября 1994 г. в Неаполе (в ней приняли участие представители 142 стран, включая Россию), признана необходимость принятия «стратегических» мер для защиты сотрудничающих с правосудием свидетелей и потерпевших²⁵⁸. При этом указывалось, что меры по защите свидетелей играют ключевую роль в борьбе с преступлениями²⁵⁹ и должны стать «неотъемлемой составной частью» политики государств в этой сфере²⁶⁰.

Итогом Конференции стало принятие *Неапольской политической декларации и Глобального плана действий против организованной транс-*

²⁵⁴ Принято резолюцией ЭКОСОС 1990/22 24 мая 1990 г. (Док. А/CONF.144/20. 7 June. 1990).

²⁵⁵ См.: Док. E/1992/92 (Suppl.1).

²⁵⁶ См.: Док. E/CN.15/1994/4/Add.3. 25 February. 1994.

²⁵⁷ Там же. P. 15, 18.

²⁵⁸ См.: Док. E/CONF.88/3. 25 August. 1994. P. 31.

²⁵⁹ Там же. P. 21.

²⁶⁰ См.: Док. E/CONF.88/5. 19 September. 1994. P. 26.

национальной преступности. В п.п. 17, 42 этого документа содержатся рекомендации о принятии в максимально широких масштабах мер, «поощряющих членов преступных организаций к сотрудничеству и даче свидетельских показаний, включая адекватные программы защиты свидетелей и членов их семей»²⁶¹. Данный документ был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 49/159, призвавшей государства в безотлагательном порядке претворять сделанные рекомендации (Россия приступила к их претворению с опозданием почти на 10 лет).

С учетом документов, принятых Неапольской конференцией, в 1995 г. экспертами по организованной преступности стран «большой восьмерки» разработаны рекомендации для их рассмотрения на ежегодных встречах глав этих стран. В рекомендациях подчеркнута важность защиты свидетелей²⁶². В рамках последовавшей встречи глав государств «восьмерки» в июне 1996 г. в Лионе, посвященной вопросам борьбы с транснациональной организованной преступностью, обращено внимание, что для защиты свидетелей можно использовать «дачу показаний с помощью телекоммуникаций» (Россия, принявшая участие в разработке этих рекомендаций, тем не менее, до настоящего времени не реализовала их в национальном законодательстве).

В 1997 г. Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию подготовила проект *Руководства по применению Декларации ООН по основным принципам правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью*, содержащий информацию и рекомендации по реализации норм данной Декларации. В частности, относительно реализации подпункта «b» п. 6 Декларации («обеспечение возможности изложения и рассмотрения мнений и пожеланий жертв на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия») приводится информация об учете мнения жертв при условно-досрочном освобождении осужденного²⁶³ (еще одна мера безопасности, оставленная без внимания российским законодателем).

В качестве примеров реализации в национальном законодательстве подпункта «d» п. 6 Декларации (его содержание приведено в начале параграфа) указывается на использование в судах «видеозаписи либо зеркальных экранов при даче свидетельских показаний там, где это могло

²⁶¹ Док. А/49/748. 2 december. 1994. P. 12, 16.

²⁶² См.: Усиление международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1999. № 11. С. 22.

²⁶³ См.: Док. E/CN.15/1997/CRP.9. 25 april. 1997. P. 19.

бы обеспечить для жертвы возможность говорить более свободно, как, например, в делах об изнасилованиях и в делах, где жертвами преступления стали дети», а также «выслушивание детей специалистом-исследователем, который затем передаст их показания суду», рекомендовано применение кабельного телевидения для представления в суд показаний потерпевших²⁶⁴.

К сожалению, большинство перечисленных мер безопасности законодательство Российской Федерации не предусматривает.

Далее, в 1998 г. в России был распространен подготовленный под патронажем ООН (и уже упоминавшийся в главе I) документ — *Стратегии борьбы с насилием в семье (справочное руководство)*, которые рекомендуют конкретные меры безопасности, применяемые в различных странах при производстве по делам о «домашнем насилии» (приведены в главе III)²⁶⁵.

В апреле 2000 г. в Вене состоялся очередной — X Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. В рамках подготовки к нему был проведен ряд мероприятий и среди них: региональные подготовительные совещания стран Латинской Америки и Карибского бассейна (г. Сан-Хосе, февраль 1999 г.), Африки (г. Кампала, декабрь 1998 г.). Итогом этих совещаний стали доклады к X Конгрессу, в которых отмечена необходимость продолжения разработки программ защиты потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства²⁶⁶, в частности, обращено внимание на необходимость принятия мер «по неразглашению личности потерпевших и членов их семей на всех стадиях уголовного судопроизводства»²⁶⁷ — еще один аспект защиты от посткриминального воздействия, оставшийся не урегулированным в УПК РФ 2001 г.

В ходе X Конгресса проблемы защиты лиц, содействующих правосудию, обсуждались в рамках нескольких пунктов его повестки. Так, в п. 21 рабочего документа *Укрепление законности и упрочение системы уголовного*

²⁶⁴ Там же. Р. 20–21, 29.

²⁶⁵ Данный и некоторые другие упомянутые в параграфе документы не относятся к источникам международного права. Тем не менее автор счел возможным обратиться к этим документам, поскольку они ориентируют отечественного законодателя в важных вопросах защиты от посткриминального воздействия, но мало или совсем неизвестны в России.

²⁶⁶ См.: п. 11 Доклада Регионального подготовительного совещания стран Латинской Америки и Карибского бассейна к десятому Конгрессу Организации Объединенных наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. А/CONF.187/RPM.4/1, Р. 4; п.п. 34 и 63 Доклада Африканского регионального подготовительного совещания к десятому Конгрессу Организации Объединенных наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. А/CONF.187/RPM.3/1. Р. 6, 11.

²⁶⁷ См.: Док. А/CONF.187/RPM.4/1. Р. 11.

правосудия (п. 3 повестки Конгресса) было отмечено, что положение потерпевших и свидетелей «вызывает все большее беспокойство» и обращено внимание на их «право на безопасность и защиту от угроз или от мести в связи с подачей иска или участием в уголовном разбирательстве»²⁶⁸.

В документе *Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке* (п. 4 повестки) среди мер, необходимых для успешной борьбы с коррупцией, в подпункте «а» п. 90 указана защита свидетелей и осведомителей и рекомендовано (в подпункте «с» того же пункта) принятие соответствующего законодательства²⁶⁹.

В п. 28 справочного документа *Женщины в системе уголовного правосудия* (п. 6 повестки Конгресса — «Правонарушители и жертвы: ответственность и справедливость в системе правосудия») констатировалось, что «эффективность правоохранительной практики серьезно подрывается из-за того, что жертвы не желают или не имеют возможности свидетельствовать против преступников»; в то же время в п. 31 обращено внимание, что при оказании помощи жертвам и их защите, в частности по делам о торговле людьми, количество изобличающих преступников показаний возрастает²⁷⁰.

Право на обеспечение безопасности жертв преступлений было квалифицировано в качестве одного из элементов «основных принципов правосудия»²⁷¹.

В п. 27 принятой X Конгрессом *Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века* 2002 г. был указан в качестве срока «для проведения государствами обзора их соответствующей практики» в отношении жертв преступлений и свидетелей²⁷². Сведений, что Рос-

²⁶⁸ Укрепление законности и упрочение системы уголовного правосудия. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом // Док. A/CONF.187/3. 14 december. 1999. P. 9.

²⁶⁹ См.: *Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке*. Справочный документ к семинару-практикуму по борьбе с коррупцией X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/9. 31 december. 1999. P. 17.

²⁷⁰ См.: *Женщины в системе уголовного правосудия*. Информационно-справочный документ для семинара-практикума по вопросу о женщинах в системе уголовного правосудия X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/12. 2 march. 2000. P. 8–10.

²⁷¹ *Правонарушители и жертвы: ответственность и справедливость в процессе отправления уголовного правосудия*. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом к X Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/8. 15 december. 1999. P. 3.

²⁷² См.: *Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века* // Док. A/CONF.187/4/Rev.3. 15 april. 2000. P. 5–6.

сия предприняла такой обзор, не имеется, а Закон «О государственной защите потерпевших...» был принят только в 2004 г., причем он содержит далеко не все необходимые меры безопасности (в него не вошли, например, меры безопасности, изложенные в § 5 главы III настоящего исследования).

В апреле 2005 г. в Бангкоке прошел XI Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Вновь на высоком международном уровне констатирована необходимость национальных законодательных мер, обеспечивающих безопасность тех, кто сотрудничает с правоохранительными органами; особенно при расследовании коррупционных преступлений, в борьбе с организованной преступностью и терроризмом; вновь привлечено внимание к видеоконференциям для получения национальными судами свидетельских показаний²⁷³.

Проблема безопасности лиц, содействующих правосудию, учитывается и при регламентации деятельности международных судов. В правилах процедуры *Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права (МГП) на территории бывшей Югославии с 1991 г.*²⁷⁴, и *Международного уголовного трибунала для преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения МГП, совершенные на территории Руанды и соседних государств в период с 1 января по 31 декабря 1994 г.*²⁷⁵ предусмотрены: охрана потерпевших и свидетелей в месте их проживания, при доставке в суд и обратно, переселение в безопасное место, сохранение в тайне личности потерпевших. В последнем из указанных международных судов ответственность за безопасность потерпевших и свидетелей возложена на *секции помощи потерпевшим и свидетелям* — структурные подразделения *Отдела судебного и юридического обслуживания*, входящего в свою очередь в *Секретариат Международного уголовного трибунала по Руанде*²⁷⁶.

²⁷³ См.: Доклад Азиатско-Тихоокеанского регионального подготовительного совещания к одиннадцатому Конгрессу Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию // A/CONF.203/RPM.1/1. P. 7; Доклад Регионального подготовительного совещания стран Латинской Америки и Карибского бассейна к одиннадцатому Конгрессу Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию // A/CONF.203/RPM.2/1. P. 11, 32; Проект Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» // A/CONF.203/L.5. 23 april. 2005. P. 5.

²⁷⁴ Учрежден ООН в 1993 г. (резолюция 827 Совета Безопасности).

²⁷⁵ Учрежден ООН в 1994 г. (резолюция 955 Совета Безопасности).

²⁷⁶ См.: Правонарушители и жертвы: ответственность и справедливость в процессе отправления уголовного правосудия. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом

17 июля 1998 г. в Риме дипломатической конференцией полномочных представителей (в том числе России) под эгидой ООН принят *Римский Статут Международного Уголовного Суда* (МУС)²⁷⁷. Еще до его принятия в рамках *Совещания группы экспертов по вопросу о жертвах преступлений и злоупотребления властью в международном контексте* (Всн, декабрь 1995 г.) были приняты *Принципы, гарантирующие права и интересы жертв в ходе разбирательства в предлагаемом международном уголовном суде* и среди них — принцип «сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни и обеспечения их защиты, а также защиты их семей и свидетелей с их стороны от запугивания и мести до, во время и после судебного процесса»²⁷⁸.

Данный принцип нашел отражение в *Статуте МУС*. Статья 68 Статута содержит следующие положения: «Суд принимает надлежащие меры для защиты безопасности, физического и психического благополучия, достоинства и неприкосновенности личной жизни потерпевших и свидетелей... Прокурор принимает такие меры, в особенности при проведении расследования и осуществлении уголовного преследования... Такие меры не должны наносить ущерб правам обвиняемого или быть несовместимыми с ними, а также наносить ущерб проведению справедливого и беспристрастного судебного разбирательства» (ч. 1 ст. 68);

«Как исключение из принципа проведения открытых слушаний, предусмотренного в статье 67, палаты Суда могут для защиты потерпевших и свидетелей или обвиняемого провести любую часть разбирательства *in camera* или разрешить представить доказательства с помощью электронных или иных специальных средств. В частности, такие меры принимаются в случае, когда речь идет о жертве сексуального насилия или

к X Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/8, 15 december, 1999, P. 4; Доклад Генерального секретаря ООН «Финансирование Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января по 31 декабря 1994 года» // Док.: A/55/12. 23 October. 2000. P. 64–67, 99, 133–134.

²⁷⁷ МУС действует с 1 июля 2002 г. и призван осуществлять правосудие в отношении лиц, виновных в совершении тяжких международных преступлений (геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений). Он не подменяет национальные суды, а является их дополнением, если последние неэффективны либо перестают существовать.

²⁷⁸ См.: Обзор первоочередных тем. Стандарты и нормы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Добавление: Рекомендации Совещания группы экспертов по вопросу о жертвах преступлений и злоупотребления властью в международном контексте // Док. E/CN.15/1996/16/Add.5. 26 february 1996. P. 27.

ребенке, который является потерпевшим или свидетелем, если Судом не предписано иное, с учетом всех обстоятельств, в особенности мнения такого потерпевшего или свидетеля» (ч. 2 ст. 68);

«На стадиях судебного разбирательства, которые Суд сочтет для этого подходящими, Суд разрешает представлять и рассматривать мнения и опасения потерпевших, когда их личные интересы оказываются затронутыми, но таким образом, чтобы это не наносило ущерба и не противоречило правам обвиняемого и проведению справедливого и беспристрастного судебного разбирательства» (ч. 3 ст. 68);

«Когда раскрытие доказательств или информации в соответствии с настоящим Статутом может повлечь за собой серьезную угрозу для безопасности любого свидетеля или членов его семьи, Прокурор может для целей осуществления любых процессуальных действий, имеющих место до начала слушания по делу, не раскрывать такие доказательства или информацию, и вместо этого представить их резюме. Указанные меры осуществляются таким образом, чтобы это не наносило ущерба и не было несовместимым с правами обвиняемого и проведением справедливого и беспристрастного судебного разбирательства» (ч. 5 ст. 68).

Часть 2 ст. 69 гласит, что «показания даются свидетелями в судебном заседании лично, поскольку иное не предусматривается мерами, изложенными в ст. 68 или в Правилах процедуры и доказывания. Суд может также разрешить дачу *in vivo* (устных) или записанных с помощью видео- или аудиотехники показаний свидетеля... Эти меры не должны наносить ущерб или противоречить правам обвиняемого»²⁷⁹.

Помимо Римского статута применение этих мер регулируется *Правилами процедуры и доказывания в Международном Уголовном Суде* (подготовлены в 1999–2000 гг.²⁸⁰). Ими предусматривается, что дачу свидетелем *in vivo* (устных) показаний с использованием аудио- или видеотехники Палата разрешает при условии, что такая техника позволяет Прокурору, защите и самой Палате наблюдать за свидетелем во время дачи им показаний; место, выбранное для дачи показаний по каналам аудио- или видеосвязи, должно способствовать даче правдивых показаний и обеспечивать безопасность свидетеля. Судебная палата может в соответствии с п. 2 ст. 69 Статута разрешить представить ранее записанное с помощью аудио- или видеотехники показание свидетеля либо запись или иные

²⁷⁹ Римский Статут Международного Уголовного Суда // Док. А/CONF.183/9.

²⁸⁰ См.: Доклад Подготовительной комиссии для Международного Уголовного Суда. Добавление. Часть I. Окончательный проект текста Правил процедуры и доказывания // Док.: PCNICC/2000/1/Add.1. 1 november. 2000.

документальные доказательства таких показаний, когда: «(а) свидетель, который дал записанные ранее показания, не присутствует в Судебной палате, но и Прокурор, и защита имели возможность наблюдать за свидетелем во время записи; или (б) свидетель, который дал записанные ранее показания, находится в Судебной палате, не возражает против представления записанных ранее показаний, а Прокурор, защита и Палата имеют возможность наблюдать за свидетелем во время разбирательства».

В качестве общего условия установлено, что Прокурор и защита на этапе досудебного производства предоставляют друг-другу имена свидетелей, которых они намерены вызвать для дачи показаний, но предусмотрено и исключение из этого общего условия: «Если приняты меры... в соответствии со ст. 68, для обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших и членов их семей, такая информация не раскрывается», за исключением случаев, предусмотренных в ст. 68... «когда раскрытие такой информации может повлечь за собой угрозу для безопасности свидетеля, Суд заблаговременно принимает меры по информированию свидетеля»; в соответствии со ст. 68 для обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших и членов их семей Палата, в частности, может разрешить «не раскрывать их личность до начала судебного разбирательства»; «если в распоряжении или под контролем Прокурора находится материал или информация, которые не раскрываются в соответствии с п. 5 ст. 68, такой материал или информация не может впоследствии представляться в качестве доказательства в ходе судебного разбирательства без надлежащего предварительного раскрытия обвиняемому» (п. 5).

Правила содержат и специальный подраздел *Защита пострадавших и свидетелей*, в котором предусматривается возможность: а) изъять из открытых протоколов Палаты имена потерпевшего, свидетеля или другого лица, «которым угрожает опасность в результате показаний, данных свидетелем, или любой информации, которая могла бы способствовать установлению их личности»²⁸¹; б) «запретить Прокурору, защите или любому другому участнику разбирательства раскрывать такую информацию какой-либо третьей стороне»; в) «представлять показания с использованием электронных или иных специальных средств, включая технические средства, которые позволяют изменять изображение или голос, аудиовизуальную технику, в частности видеоконференции и за-

²⁸¹ Очередной аспект защиты от посткриминального воздействия, оставшийся вне поля зрения российского законодателя: УПК РФ не содержит указания на возможность такого изъятия в случаях, когда защищаемое лицо было допрошено до возникновения угрозы посткриминального воздействия и в протоколе указаны его подлинные биографические данные.

крытые передачи, и исключительное использование звуковых средств»;
d) «использовать по отношению к потерпевшему, свидетелю или иному лицу, которым угрожает опасность в результате показаний, данных свидетелем, псевдонимы».

В реализации перечисленных защитных мер предусмотрено участие специального подразделения МУС — *Группы по оказанию помощи потерпевшим и свидетелям*, деятельности которой посвящен самостоятельный подраздел Правил. В компетенцию Группы, в частности, входят: разработка долго- и краткосрочных планов защиты свидетелей и потерпевших; рекомендации Суду о принятии защитных мер; осуществление сотрудничества с государствами в связи с применением этих мер; обсуждение с государствами соглашений (в том числе конфиденциальных) о переселении защищаемых лиц на территории соответствующего государства.

Как видно, в наднациональном уголовном процессе обеспечению безопасности потерпевших и свидетелей уделяется весьма существенное внимание.

Но стоит вернуться к международным документам, имеющим непосредственное значение для решения рассматриваемой проблемы на внутригосударственном уровне. О необходимости принятия мер по нейтрализации посткриминального воздействия давно говорится не только в рамках ООН, но и на региональном уровне.

Так, 28 июня 1985 г. Совет Европы²⁸² принял *Рекомендацию № R (85) 11 О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса*. В этом документе государствам-членам Совета Европы рекомендовано пересмотреть законодательство с учетом необходимости обеспечения безопасности жертв преступлений; в п. 16 говорится: «Всякий раз, когда становится необходимым, особенно в случаях с организованной преступностью, потерпевший и его семья должны получить эффективную защиту от запугивания и возмездия преступника»²⁸³.

5 сентября 1996 г. в рамках той же международной организации принята *Рекомендация № R (96) 8 по политике борьбы с преступностью в изменяющейся Европе*, п. 25 которой гласит: «Должна быть обеспечена адекватная защита свидетелей и других лиц, участвующих в процедурах по борьбе с организованной преступностью». В *Пояснительном меморандуме*

²⁸² Совет Европы — старейшая международная организация континента, основан в 1949 г.

²⁸³ См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 114–116.

к данной Рекомендации обращено внимание, что, помимо свидетелей, объектами угроз и других форм воздействия со стороны преступников рискуют стать, в частности, эксперты и потерпевшие²⁸⁴.

10 сентября 1997 г. Совет Европы принимает *Рекомендацию № R (97) 13 По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты*²⁸⁵, о содержании которой более подробно речь пойдет ниже.

4 ноября 1998 г. Советом Европы принята *Конвенция Об уголовной ответственности за коррупцию* (ратифицирована Россией 25 июля 2006 г.), ст. 22 которой устанавливает: «Каждая сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения эффективной и надлежащей защиты: а) тех, кто сообщает об уголовных преступлениях, квалифицированных в качестве таковых в соответствии со Статьями 2–14, или иным образом сотрудничает со следствием...; б) свидетелей, дающих показания, касающихся этих преступлений»²⁸⁶.

На необходимость защиты от посткриминального воздействия обращается внимание в п.п. 28–31 *Приложения к Рекомендации № R (2000) 11 О борьбе с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации* (принята Советом Европы 19 мая 2000 г.²⁸⁷) и в п. 32 *Рекомендации № R (2000) 19 О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия* (принята Советом Европы 6 октября 2000 г.²⁸⁸).

10 июля 2003 г. в рамках Совета Европы принята *Рекомендация № R (2003) 13 О предоставлении через СМИ информации относительно уголовных процессов*, в *Приложении* к которой обращено внимание: «Личность свидетелей ни в коем случае не должна раскрываться, если это угрожает их жизни или безопасности. Должное внимание следует уделять программам защиты свидетелей, особенно в уголовных процессах против организованной преступности или в отношении преступлений по отношению к членам семьи»²⁸⁹.

²⁸⁴ Политика борьбы с преступностью и уголовное право в изменяющейся Европе // Борьба с преступностью за рубежом. 1999. № 10. С. 23–36.

²⁸⁵ См.: Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 36–72.

²⁸⁶ Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию // Чистые руки. 1999. № 3. С. 69–79.

²⁸⁷ См.: [http://www.coe.int/t/1/human_rights/\[rus_docs\]/%5BEquality_docs%5D/RecR\(2000\)1](http://www.coe.int/t/1/human_rights/[rus_docs]/%5BEquality_docs%5D/RecR(2000)1).

²⁸⁸ См.: Журнал российского права. 2001. № 8. С. 65–92.

²⁸⁹ Рекомендация № R (2003) 13 «О предоставлении через СМИ информации относительно уголовных процессов» // http://www.medialaw.ru/laws/other_laws/european/rec2003-13.html.

Наконец, 20 апреля 2005 г. Совет Европы принял *Рекомендацию № R (2005) 9 О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием*²⁹⁰, специально посвященную исследуемой проблеме. К содержанию этого документа мы не раз будем обращаться в связи с различными аспектами обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию.

Проблеме посткриминального воздействия уделяют внимание и другие региональные международные организации. Так, *Европейским союзом* 23 ноября 1995 г. принята *Резолюция № 95/C/327/04*, рекомендующая: (1) меры, в соответствии с которыми адрес и биографические данные свидетеля могут быть известны только компетентным органам; (2) использование видеотрансляции при даче показаний свидетелями²⁹¹.

15 марта 2001 г. этой же организацией принято *Основополагающее решение о месте жертв преступлений в уголовном судопроизводстве*, где обращено внимание на необходимость исключения в здании суда контактов между жертвами и правонарушителями, «если только такой контакт не требуется для уголовного судопроизводства» и рекомендовано создание в судах специальных комнат ожидания для потерпевших (к сожалению, наличие в российских судах таких комнат — не правило, а исключение).

В 1997 г. *Европейским форумом помощи жертвам преступлений* принят рекомендательный документ *The Social Rights of Victims of Crime*, содержащий «руководящие принципы», среди которых указано право жертв преступлений на «конфиденциальность и физическую безопасность». Россия не является членом данной организации²⁹², но указанный документ признан (опубликован) Советом Европы²⁹³.

Негативные тенденции преступности на постсоветском пространстве, необходимость объединения усилий в борьбе с преступностью обусловили то, что в середине 90-х гг. XX в. проблема защиты содействующих правосудию стала рассматриваться в рамках Содружества Независимых Государств. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 6 декабря 1997 г. № 10-14 был принят модельный Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей

²⁹⁰ Recommendation Rec (2005) 9 of the Committee of Ministers to members states on the protection of witnesses and collaborators of justice // <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=849237&BackColorInternet=9999CC&BackColorPaper=9999CC>...

²⁹¹ См.: Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 47.

²⁹² В нее входят Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Ирландия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Франция, ФРГ, Швейцария, Швеция и Чехия.

²⁹³ См.: *Квашин В.Е.* Основы виктимологии. М., 1999. С. 73.

и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» (далее — *модельный Закон о государственной защите потерпевших*) и рекомендован для использования при подготовке соответствующих национальных законов²⁹⁴. Многие его положения, в том числе и далекие от совершенства, вошли в российский закон «О государственной защите потерпевших...», анализ которых приводится в последующих главах настоящей работы. В то же время отдельные позитивные положения *модельного Закона о государственной защите потерпевших* проигнорированы отечественным законодателем, на что также будет обращено внимание ниже.

Говоря о международно-правовых основах борьбы с посткриминальным воздействием, надо отметить особое значение *Конвенции о защите прав человека и основных свобод* (далее — Европейская конвенция)²⁹⁵, принятой 4 ноября 1950 г. Советом Европы (вступила в силу 3 сентября 1953 г.), и основываемых на ее нормах решениях Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), поскольку в этих решениях определяется *допустимость конкретных мер безопасности во внутрисударственном уголовном процессе*. Учитывая это, следует более подробно осветить данный международный акт (ратифицирован Россией в 1998 г.²⁹⁶) и роль в развитии национального уголовно-процессуального законодательства ЕСПЧ, юрисдикция которого по вопросам толкования и применения Конвенции признана Россией.

В настоящее время отмечается, что Европейская конвенция приобрела значение «конституционного закона» Европы, влияние ее на национальное право возрастает во всех странах-участницах, в том числе и на их уголовно-процессуальное законодательство²⁹⁷. Будучи наиболее эффективным из всех ныне действующих международных инструментов обеспечения прав человека, она, в частности, послужила образцом при подготовке Межамериканской конвенции по правам человека и Африканской хартии прав человека и народов²⁹⁸.

Что касается контрольно-судебного механизма Совета Европы, то ранее в него, помимо ЕСПЧ, в качестве «первой ступени» входила Ев-

²⁹⁴ См.: <http://pravo.kulichki.com/zak/megd/megd02399.htm>.

²⁹⁵ См.: СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

²⁹⁶ См.: Федеральный закон РФ от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

²⁹⁷ См., в частности: *Рисдал Р.* Проблемы защиты прав человека в объединенной Европе // *Защита прав человека в современном мире*. М., 1993. С. 122–123.

²⁹⁸ См.: *Энтин М.Л.* Международные гарантии прав человека (практика Совета Европы). М., 1992. С. 6.

ропейская комиссия по правам человека. В 1998 г. она была упразднена, ЕСПЧ стал единственной инстанцией, наделенной компетенцией по вопросам интерпретации и применения Европейской конвенции, и, после ее ратификации Россией, дополнил собой механизм защиты прав и свобод российских граждан. Это, в частности, нашло выражение в ст. 413 УПК РФ «Основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств», среди которых указано установленное ЕСПЧ «нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с: а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод; б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Надо сказать, что деятельность ЕСПЧ постоянно активизируется. В 60-х гг. XX века он вынес 10 решений, в 80-х — 169, к концу 1998 г. количество его решений превысило 1000²⁹⁹, а в 2005 г. ЕСПЧ только за этот год было принято 1105 решений³⁰⁰. В 1998 г. в ЕСПЧ поступили 5981 жалоба на решения национальных судов, в 1999 г. — 8396 жалоб³⁰¹, в 2000 г. — более 10 000 жалоб³⁰² (в 2003 г. количество нерассмотренных жалоб достигло 30 тысяч³⁰³). В 2004 г. в ЕСПЧ поступили 40 943 жалобы³⁰⁴, к концу 2005 г. в нем на рассмотрении находилась 81 000 жалоб³⁰⁵. Растет и количество жалоб, направляемых в ЕСПЧ российскими гражданами. И хотя значительная часть поступающих жалоб признается «неприемлемыми» (не рассматривается), очевидно, что количество прецедентов ЕСПЧ будет увеличиваться.

При установлении ЕСПЧ несоответствия внутригосударственного права Конвенции он не полномочен отменить решение национального

²⁹⁹ См.: Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. XI.

³⁰⁰ См.: Вильдхабер Л. Европейский Суд по правам человека как символ Европы // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2006. № 8.

³⁰¹ См.: Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие. М., 2001. С. 458.

³⁰² См.: Приветствие Председателя Европейского суда по правам человека Л. Вильдхабера V Всероссийскому съезду судей // Росс. юстиция. 2001. № 2. С. 7.

³⁰³ См.: Де Сальвиа М. «Будущее Европейского Суда: интенсификация деятельности или реформирование системы?» // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 7–11.

³⁰⁴ См.: Страсбургский Суд как «фол последней надежды» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2005. № 4.

³⁰⁵ См.: Вильдхабер Л. Европейский Суд по правам человека как символ Европы // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2006. № 8.

суда или указывать государству, как ему следует изменить национальное законодательство. Тем не менее решения ЕСПЧ имеют исключительно важное значение. За все годы не было зафиксировано ни одного случая неисполнения государствами — членами Совета Европы его решений. Иное, согласно Уставу Совета Европы, может привести к исключению государства из этой организации. Решения ЕСПЧ повлекли, в частности, существенные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве Великобритании, Франции, Швеции, Нидерландов и в конституционном законодательстве (в контексте вопросов уголовного судопроизводства) Италии. Исходя из решений ЕСПЧ, к 2001 г. члены Совета Европы около 300 раз корректировали национальное законодательство и правоприменительную деятельность³⁰⁶.

Важность решений ЕСПЧ обуславливается и тем, что положения Европейской конвенции «применяются так, как они истолкованы в решениях Европейского Суда»³⁰⁷. Сам ЕСПЧ в своих решениях, в частности, в делах *Тюрера (Tyrrer)* и *Гуззарди (Guzzardi)* неоднократно подчеркивал, что Европейская конвенция является «живым инструментом, который необходимо толковать в соответствии с условиями настоящего времени», что она «не может толковаться только в соответствии с замыслом ее авторов, как это было зафиксировано более 40 лет назад»³⁰⁸.

И в специальной литературе отмечается: «Комиссия и Суд практически заново «переписали» Европейскую конвенцию... вдохнули в нее жизнь, наполнили краткие упоминания и сжатые формулировки глубоким содержанием. При разборе конкретных дел Комиссия и Суд смело следовали телеологическому толкованию прав человека и основных свобод, признаваемых Европейской конвенцией, то есть исходили не из первоначальных намерений, которыми руководствовались государства в период подготовки текста конвенции, а из тех задач, которые, по их мнению, те или иные права могут и должны решать в современном демократическом обществе. Они выдвинули и обосновали концепцию

³⁰⁶ См. об этом: *Берестнев Ю.* Меры общего характера. Влияние практики Европейского Суда на реформирование национальных правовых систем // Росс. юстиция. 2001. № 12. С. 65; *Де Сальвиа М.* Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004. С. 96–97.

³⁰⁷ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. XI.

³⁰⁸ Цит. по: *Лаусон Р.А., Шермерс Х.Г.* Обзор основных положений Европейской конвенции о защите прав и основных свобод (из книги «Избранные дела Европейского Суда по правам человека») // Бюллетень № 2. Правоохранительная деятельность и соблюдение прав человека. Научно-практический семинар, 3–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 124. См. также: *Де Сальвиа М.* Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004. С. 68–69.

динамической интерпретации положений Европейской конвенции, согласно которой конвенция воспринимается как «живой организм», развивающийся наряду и параллельно с политической и социально-экономической эволюцией государств-участников. Это позволило им давать с каждым годом все более емкое и расширительное толкование правам человека и основным свободам, учитывающее прогрессивные изменения, вносимые в национальное законодательство большинства или достаточно представительной группы государств — участников... Благодаря прецедентному праву, разъясняющему, в чем состоят права и свободы, признаваемые Европейской конвенцией, текст последней утратил самодостаточное значение и превратился не более чем в один из главных элементов более обширной системы обязательств, налагаемых на государства участием в конвенции. Не только или не столько сама Европейская конвенция рассматривается ныне как общее достояние европейских народов, сколько прецедентное право, являющееся ее конкретным воплощением и обеспечивающее ее прогрессивное развитие»³⁰⁹.

И далее констатируется: «В настоящее время ответ на вопрос о том, каков объем обязательств, взятых на себя государствами — членами Совета Европы по Европейской конвенции, следует искать не только или не столько в тексте конвенции, сколько в соответствующих судебных решениях»³¹⁰. Значение решений данного наднационального судебного органа объясняется и тем, что нормы Европейской конвенции отличает, по выражению одних, сжатость, лаконичность³¹¹, по мнению других — неконкретность, в связи с чем «суд прямо заявляет, что считает творческое толкование норм составной частью своих судебных обязанностей»³¹².

Решения ЕСПЧ обязательны лишь «для государства-ответчика по делу, однако фактически они носят прецедентный характер, поскольку в соответствии с принципом *stare decisis* ЕСПЧ при вынесении новых решений руководствуется оценками и подходами, которые он сформулировал ранее по другим аналогичным делам»³¹³. Понимание этого вполне демонстрируется в странах, ставших членами Совета Европы, в том чис-

³⁰⁹ Энтин М.Л. Международные гарантии прав человека (практика Совета Европы). М., 1992. С. 11–12.

³¹⁰ Там же. С. 155.

³¹¹ Энтин М.Л. Указ. соч. С. 155.

³¹² Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии). Пер. с англ. М., 1997. С. 8.

³¹³ Европейский Суд по правам человека: Избранные постановления 1999–2001 гг. и комментарий / Под ред. Ю.Ю. Берестнева и А.О. Ковтуна. М., 2002. С. 6.

ле сравнительно недавно. Так, польский юрист П. Хофмански замечает: «Формально национальные суды связаны решениями Суда по правам человека только в случае, когда такие решения касаются непосредственно данного государства... Однако это не означает, что Польша может и должна игнорировать решения, выносимые в адрес других государств, в том случае, если они касаются аналогичных или схожих обстоятельств... В этом случае следует принимать такие решения во внимание с учетом возможности направления жалобы против Польши, что может повлечь — в случае игнорирования правовой позиции Суда — вынесение им решения, констатирующего нарушение Польшей Конвенции»³¹⁴.

Итак, правоохранительные органы всех государств — членов Совета Европы должны учитывать в своей деятельности решения ЕСПЧ независимо от того, в отношении какой страны вынесено конкретное решение, что находит признание и в России³¹⁵.

Автор позволил себе столь обширное цитирование специалистов в сфере международного права, поскольку роль прецедентов ЕСПЧ исключительно важна в русле предпринимаемого исследования. Речь идет о прецедентах, в основе которых лежат положения ст. 6 Европейской конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство». Учитывая многократные последующие обращения к этой статье, следует привести ее текст:

- «1. Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.
2. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.

³¹⁴ Hofmański P. Glosa do wyroku Sądu Najwyższego z 9 listopada 1999 r. II KKN 295/98 // Palestra. Warszawa. 2000. № 2/13—S. 214.

³¹⁵ См.: Рекомендации о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров (приняты на Всероссийском совещании 24 декабря 2002 г.) // Росс. юстиция. 2003. № 3. С. 6—8.

3. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права:
- а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;
 - б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;
 - в) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;
 - г) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;
 - е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке»³¹⁶.

Незнание созданных на основе этой статьи прецедентов, анализ одних лишь конвенциональных положений при определении допустимости мер безопасности неоднократно приводил российских юристов к ошибочным выводам³¹⁷. Прецеденты, раскрывающие и развивающие положения статьи 6, излагаются при рассмотрении конкретных мер безопасности в главе III.

³¹⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

³¹⁷ Например, о недопустимости *допроса защищаемого лица в отсутствие подсудимого*, поскольку такой допрос якобы противоречит ст. 6 Европейской конвенции (см.: *Мельниковский М.* Подсудимый имеет право допросить свидетеля обвинения // Росс. юстиция. 1997. № 8. С. 37). Сделанный вывод ошибочен, поскольку ЕСПЧ и Европейской комиссии признано, что хотя свидетели «в принципе» должны допрашиваться в присутствии подсудимого, последний может быть удален на время их допросов, если он угрожал свидетелям или может угрожать им (см.: Док.: E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1. 15 may. 1992. P. 39; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 134). Ошибочно и мнение, что обвиняемый обладает неотъемлемым правом допрашивать тех, кто его обвиняет (см.: *Шейфер С.А.* Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Гос. и право. 2003. № 2. С. 59; *Кондратьев Е.Е.* Новый УПК: защита свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса // Гос. и право. 2003. № 8. С. 52). Данное мнение ошибочно, поскольку в 2002 г. ЕСПЧ в решении по делу *С.Н. (S.N.) против Швеции* указал: «Нельзя считать, что подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции требует во всех случаях, чтобы вопросы (потерпевшему. — *Примеч. авт.*) задавались непосредственно обвиняемым или его адвокатом» (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 1. С. 34).

Иллюстрацией важности знания этих прецедентов может служить длившаяся в России почти десятилетие полемика о возможности участия граждан в уголовном процессе под псевдонимом. Одни представители отечественной уголовно-процессуальной науки утверждали, что использование псевдонимов — ни что иное как возвращение в Средневековье, другие эту меру безопасности рассматривали как адекватный ответ современным тенденциям преступности и условиям, в которых ведется борьба с ней. Конец спору положило принятие УПК РФ 2001 г., в котором, исходя из позиции ЕСПЧ, законодатель предусмотрел использование псевдонимов.

Но возможны новые дискуссии, например, вокруг такой меры безопасности, как ограничение права защитника на свидания с подзащитным, содержащимся под стражей. Можно предположить, что сама постановка вопроса о дополнении этой мерой безопасности российского УПК вызовет острую критику со стороны некоторых процессуалистов, и возникнет дискуссия подобной той, что велась вокруг псевдонимов. Очевидно, что поиск ответа в рамках отечественной уголовно-процессуальной доктрины о допустимости ограничения права защитника на свидания с подзащитным, содержащимся под стражей мог бы затянуться, но ответ уже дан на уровне европейского права: такое ограничение признано допустимым при соблюдении определенных процессуальных условий ЕСПЧ (подробнее об этом см. в главе III).

Завершая характеристику значения прецедентов ЕСПЧ в русле принимаемого исследования, надо назвать Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 *О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации*, в п. 10 которого разъяснено: применение судами Европейской конвенции «должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции...»³¹⁸

Одно из важных условий борьбы с преступностью — *сотрудничество государств* в защите тех, кто содействует правосудию.

В *Пояснительном меморандуме* (выполняет роль комментария) к уже упоминавшейся *Рекомендации Совета Европы № R (97) 13 По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты* указывается, в частности, на возможность использования видеотехнологий для организации дачи показаний свидетелем, находящимся за рубежом,

³¹⁸ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

на необходимость помощи иностранных государств в сокрытии защищаемого лица³¹⁹.

В п. 31 *Пояснительной записки* к также упоминавшейся *Рекомендации № R (2000) 11 О борьбе с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации* говорится о том, что «в некоторых случаях жертвы не решаются начать судебную процедуру в странах пребывания, так как торговцы (людьми. — *Примеч. авт.*) угрожают репрессиями в отношении их семей, оставшихся на родине... Это предполагает тесное сотрудничество между странами... посредством подписания двусторонних и /или многосторонних соглашений»³²⁰.

На *Европейском семинаре, посвященном проблеме лиц, сотрудничающих с правосудием* (Рим, 21–23 сентября 1999 г.)³²¹, обращено внимание, что сотрудничество может развиваться за счет заключения двух- и многосторонних межгосударственных соглашений; отмечена позитивная роль Европола в развитии сотрудничества. В докладе обращается внимание и на конкретные формы сотрудничества, в частности на возможность выдачи одной страной по запросу другой новых документов защищаемому лицу, на возможность переселения защищаемых в другую страну; предложено разрабатывать совместные программы по защите лиц, содействующих правосудию³²².

В п. 32 *Рекомендации № R (2005) 9 О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием* выделены следующие аспекты международного сотрудничества: предоставление помощи в перемещении защищаемых лиц за границу; помощь в применении телекоммуникационных средств для дачи показаний защищаемым лицом при его нахождении за рубежом; содействие государств защите лиц, сотрудничающих с международными уголовными судами.

Пункт 3 ст. 24 *Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности* гласит: «Государства-участники рассматривают вопрос о заключении с другими государствами соглашений или догово-

³¹⁹ См.: Рекомендация № R (97) 13 «По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты» Комитета министров государств-членов Совета Европы // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 42, 71–72.

³²⁰ См.: [http://www.coe.int/t/r/human_rights/\[rus_docs\]/%5BEquality_docs%5D/RecR\(2000\)1](http://www.coe.int/t/r/human_rights/[rus_docs]/%5BEquality_docs%5D/RecR(2000)1).

³²¹ В семинаре участвовали Италия, Германия, Франция и Испания в рамках программы FALCONE по обмену, обучению и сотрудничеству организаций, борющихся с организованной преступностью.

³²² См.: Заключительный доклад на европейском семинаре, посвященном проблеме лиц, сотрудничающих с правосудием // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 185–190.

ренностей относительно переселения» свидетелей и их близких³²³; это же предусматривается для защиты потерпевших (п. 4 ст. 24 Конвенции) и членов ОПГ, сотрудничающих с правоохранительными и судебными органами (п. 4 ст. 26). По сути — это ответ на процесс глобализации преступности, прежде всего ее организованной составляющей.

И объединение усилий стран в защите лиц, содействующих правосудию, происходит. В конце XX в. шаги в этом направлении предприняты ФРГ, Австрией и Италией. Их сотрудничество признано удачным³²⁴. Иностранцы, предоставляющие информацию правоохранительным органам США о террористических организациях, в некоторых случаях переселяются в США и другие страны³²⁵ (для трудоустройства этих лиц обеспечивающие защиту службы поддерживают связи с более 300 корпорациями в США и других странах³²⁶).

На необходимость международного сотрудничества в защите жертв и свидетелей обращено внимание и в странах центральной Европы — в частности, из-за невозможности обеспечить безопасность защищаемых при их переселении в пределах небольших по территории государств³²⁷, и такое сотрудничество осуществляется, например, между Латвией, Литвой и Эстонией в соответствии с договором, заключенным в 2000 г.³²⁸ В рамках договоров о борьбе с организованной преступностью Словакией к 2007 г. заключены соглашения о сотрудничестве в защите свидетелей с одиннадцатью странами³²⁹.

³²³ Цит. по: *Овчинский В.С.* Указ. соч. С. 87.

³²⁴ См.: *Kertesz I.* Op. cit. 198. old.

³²⁵ См.: *Салимов К.Н.* Указ. соч. С. 49–50; *Дольник А.* Американский кошмар, или Усама бен Ладен и оружие массового уничтожения // Независимая газета. 2001. 18 сент.

³²⁶ См.: *Сафур Г.* Указ. соч. С. 205.

³²⁷ См.: *Kertesz I.* Op. cit. 198. old.; *Benec S.* Pravne aspekty ochrany svedka // *Pravny obzor.* Bratislava., 1997. Roc. 80, c. 2. S. 190. На XI Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию также отмечено, что защита свидетелей особенно сложна в малых государствах, где «даже анонимных свидетелей относительно легко опознать и подвергнуть мести или запугиванию» (см.: Семинар-практикум I: Укрепление международного сотрудничества в правоохранительной сфере, включая меры по выдаче. Справочный документ // A.CONF.203/9. 2 march. 2005. P. 8).

³²⁸ В России существует свой осложняющий защиту фактор — низкий уровень экономических, культурных и других условий жизни во многих регионах страны, что затруднит или сделает невозможным изменение места жительства для защищаемых, проживающих в сравнительно благополучных регионах, ведь одним из условий применения данной меры безопасности является сохранение для защищаемого определенного уровня жизни.

³²⁹ По информации Яна Кучерака (Jan Kucera) — участника международной конференции «Безопасность свидетелей в эпоху транснациональной преступности» (Будапешт, январь 2007 г.).

По сообщению *Руководителя группы по борьбе с организованной преступностью Европола* Роберта Дилегами (R. DiLegami)³³⁰, в рамках *Европейского Союза* для сотрудников национальных правоохранительных органов разрабатываются соответствующие образовательные программы, методические рекомендации, периодически проводятся семинары и курсы по защите жертв и свидетелей, на которых рассматриваются различные аспекты защиты: оказание психологической поддержки защищаемым лицам и проч. Развивается сотрудничество стран — членов Европейского Союза с Австралией, Канадой, Новой Зеландией, США. Главные составляющие сотрудничества: обмен опытом в защите лиц, содействующих правосудию, и информацией, полезной для разработки национального законодательства. Р. Дилегами также обращено внимание, что из-за малых территорий большинства европейских стран порой единственным средством, обеспечивающим безопасность защищаемого лица, является переселение в другую страну. Например, до 2007 г. защищаемые лица дважды переселялись из Италии. При этом переселение в сопредельные страны со сходными культурными и иными традициями облегчает адаптацию защищаемого лица в новом месте жительства. В связи с необходимостью таких переселений в рамках *Европейского Союза* разработаны требования к международному запросу государства, обращающегося с просьбой к другому государству принять переселяемое лицо. Запрос, в частности, должен содержать информацию об уголовном деле и переселяемом лице, достаточную для того, чтобы запрашиваемое государство смогло оценить возможные риски поведения переселяемого. Первоочередной задачей после переселения защищаемого лица в новую для него страну является изучение языка этой страны, что, по опыту Латвии, занимает от 3 месяцев до 1 года³³¹.

В январе 2004 г. в Таллине состоялась встреча представителей правоохранительных органов стран Балтийского бассейна и других стран Северной Европы (Германии, Дании, Исландии, Латвии, Норвегии, Польши, России, Финляндии, Швеции, Эстонии), на которой обсуждалось создание в этом регионе единой системы защиты свидетелей³³².

Россией предпринимаются и другие шаги в развитии международного сотрудничества. Так, соглашением между правительствами Россий-

³³⁰ Участник той же международной конференции.

³³¹ Информация *Заместителя руководителя подразделения полиции по обеспечению безопасности свидетелей* в Латвии Э. Янковскиса (Edmunds Jankovskis) — участника той же международной конференции.

³³² Полиция десяти стран Балтики — за единую систему защиты свидетелей // <http://rus.delfi.ee/archive.php?id=7033075>

ской Федерации и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 27 июня 1995 г. предусмотрено принятие «согласованных мер» по обеспечению безопасности свидетелей в уголовных делах о деятельности ОПГ. Вопросы обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей нашли отражение в двустороннем соглашении правительств России и Венгрии о сотрудничестве в области борьбы с преступностью (1997 г.), в соглашении министерств внутренних дел России и Латвии о сотрудничестве в сфере борьбы с организованной преступностью (1996 г.)³³³.

На уровне СНГ — в рамках утвержденной Советом глав государств СНГ 17 мая 1996 г. «Межгосударственной программы совместных мер борьбы с организованной преступностью и иными видами опасных преступлений на территории государств — участников Содружества Независимых Государств на период до 2000 года»³³⁴ Прокуратурой Грузии (в бытность этой страны членом СНГ) был подготовлен проект межгосударственного Соглашения «О защите участников уголовного процесса, свидетелей и других участвующих в деле лиц». Согласно проекту применение *временного помещения защищаемого в безопасное место на территории другого государства, переселения в другое государство, замены документов, изменения гражданства* и других мер безопасности предусматривалось, если осуществление аналогичных мер на внутригосударственном уровне не обеспечивает безопасность защищаемых и имеется соответствующее согласие другого государства, на территории которого эти меры планируется осуществлять.

В качестве недостатков проекта можно отметить, что применение мер безопасности он предусматривал лишь после возбуждения уголовного дела (то есть исключал их использование в ходе оперативно-розыскной деятельности, предвещающей уголовное судопроизводство, и в первой его стадии — стадии возбуждения уголовного дела) и только к участникам уголовного процесса и их близким родственникам. В то же время в проекте среди *оснований* применения защитных мер была указана (в ст. 17) не только угроза этим лицам, но сама *возможность* такой угрозы, чем проект Соглашения в лучшую сторону отличался от российского Закона «О государственной защите потерпевших...»

В июне 2000 г. данный проект был обсужден и одобрен на заседании Координационного совета Генеральных прокуроров государств — участников СНГ³³⁵, в работе которого приняли участие председатели Конс-

³³³ См.: Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 25.

³³⁴ См.: Росс. газета. 1996. 22 июня.

³³⁵ Координационный совет Генеральных прокуроров государств — участников СНГ создан в 1995 г., имеет статус межгосударственного органа СНГ. В его компетенцию входит

титудинного, Верховного и Высшего Арбитражного судов России. Координационным советом было принято решение о необходимости внесения проекта соглашения на рассмотрение Исполнительного Комитета и других компетентных органов СНГ (сведениями о дальнейшей судьбе указанного проекта автор не располагает).

В настоящее время в России правовым основанием для межгосударственного сотрудничества является ст. 5 Закона «О государственной защите потерпевших...», в соответствии с которой российское законодательство о защите граждан, содействующих правосудию, включает и международные договоры.

В 2005–2006 гг. в рамках СНГ был разработан новый проект межгосударственного «Соглашения о защите участников уголовного судопроизводства» (далее — Соглашение). 28 ноября 2006 г. оно заключено в Минске; его подписали представители Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Украины (Соглашение не было подписано представителями Грузии, Молдавии, Туркмении и Узбекистана). В соответствии со ст. 31 Соглашения оно вступает в силу с даты сдачи на хранение депозитарию третьего уведомления о выполнении подписавшими его Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу (для Сторон, выполнивших необходимые процедуры позднее, оно вступает в силу с даты сдачи соответствующих документов депозитарию). На 29 мая 2008 г. соответствующие внутригосударственные процедуры были завершены в Белоруссии и Казахстане; в остальных подписавших Соглашение государствах эти процедуры не были завершены.

Позитивным в этом Соглашении явилась, в частности, возможность присоединения к нему государств, не являющихся членами СНГ (ст. 34 Соглашения). Унаследовало оно и некоторые недостатки проекта-предшественника, разработанного Прокуратурой Грузии, в частности, невозможность, исходя из содержания п. «б» ч. 1 ст. 16 Соглашения, применения его норм в ходе оперативно-розыскной деятельности, предваряющей уголовное судопроизводство, и в стадии возбуждения уголовного дела, которая может занимать значительное время (в России, например, до 30 суток в соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

Появились в Соглашении и иные недостатки. Так, согласно п. «б» ч. 1 его ст. 16 в запросе в другое государство об оказании помощи в за-

организация взаимодействия и сотрудничества прокуратур участников СНГ, координация деятельности межгосударственных органов в сфере борьбы с преступностью, участие в развитии договорно-правовой базы СНГ.

шите участника судопроизводства *должны* быть указаны: (1) данные о лице, совершившем преступление, либо о лице, от которого исходит угроза посткриминального воздействия (фамилия, имя, отчество, гражданство, место жительства или пребывания и пр.); (2) содержание показаний участников судопроизводства, в связи с которыми принято решение об осуществлении мер безопасности. При этом, в соответствии со ст. 17 Соглашения, возможно оставление запроса «без рассмотрения», если он не содержит всех необходимых данных, предусмотренных ст. 16 Соглашения. Но далеко не всегда при возникновении угрозы посткриминального воздействия (например, если лицо, совершившее преступление, не установлено) правоохранительные органы будут располагать информацией о *фамилиях, именах и отчествах* преступника и иных лиц, представляющих опасность для участника судопроизводства³³⁶, и не всегда информация об угрозе посткриминального воздействия будет содержаться именно в *показаниях участников судопроизводства*³³⁷. Представляется, что перечисленные недостатки указанного Соглашения подлежат устранению.

Все изложенное в параграфе приводит к следующим выводам:

1. Международное сообщество рассматривает обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию, как исключительно важный компонент борьбы с преступностью. Один лишь перечень посвященных данной проблеме форумов и принятых на них документов исключает какие-либо сомнения в необходимости исчерпывающего решения этой проблемы на национальном уровне.
2. Совокупность изложенных в международных документах рекомендаций и прецедентов ЕСПЧ позволяет сформировать эффективное внутригосударственное законодательство, гарантирующее безопасность лиц, действующих в интересах правосудия. В российском законодательстве эти рекомендации и прецеденты до настоящего времени не нашли должного отражения — в определенной степени вследствие того, что рекомендации редко становятся достоянием научной общественности и законодательных органов, доступ же российских юристов к прецедентам ЕСПЧ по ряду причин ограничен.

³³⁶ К таким лицам, например, относятся все осужденные — *носители тюремной субкультуры*, среди которых в исправительном учреждении находится осужденный, сотрудничающий с правоохранительными органами (подробнее об этом см. в § 6 главы 3), либо неустановленные следствием члены ОПГ, преследующие жертв и свидетелей преступлений.

³³⁷ Подробнее об этом см. в § 2 главы 4.

3. При установлении в отечественном законодательстве мер безопасности, сопряженных с ограничением непосредственности исследования доказательств и других важных условий судебного разбирательства, законодатель должен исходить из признания таких мер допустимыми во внутригосударственном уголовном процессе ЕСПЧ. Его прецеденты являются определяющим ориентиром при решении вопроса о допустимости той или иной меры безопасности в национальном судопроизводстве.
4. Необходимым компонентом обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, является международное сотрудничество на региональном и общемировом уровне.

§ 2. Российские конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию

В правовых доктринах демократических государств *личность* рассматривается как высшая социальная ценность, а обеспечение фундаментальных прав и свобод личности — как одна из важнейших государственных задач. Правовой основой реализации данной задачи являются национальные конституционные законы. В полной мере это относится и к Конституции Российской Федерации, в ст. 2 которой права и свободы человека провозглашены в качестве высшей ценности, а их защита возложена на государство.

К фундаментальным правам человека Конституцией РФ отнесены право на жизнь (ст. 20), свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23), достоинство (ст. 21), собственность (ст. 35 и 36), право на судебную защиту прав и свобод (ч. 1 ст. 46), доступ потерпевших к правосудию (ст. 52). Важными конституционными установлениями является то, что эти права и свободы неотчуждаемы (ч. 2 ст. 17), составляют основу правового статуса личности (ст. 64), действуют непосредственно, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием (ст. 18). Не менее важное положение — гарантированность прав и свобод личности (ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 45 и ст. 52).

Приведенные конституционные установления предопределяют ряд принципиальных положений, относящихся к сфере борьбы с преступностью в целом и непосредственно к предмету данного исследования. Во-первых, неотчуждаемость прав и свобод личности обуславливает то, что они в качестве элемента конституционного статуса, представляющего собой

совокупность основных, главенствующих отношений гражданина с государством, входят в отраслевой статус личности и составляют его основу.

Проблема соотношения конституционного и отраслевого (уголовно-процессуального) статусов в 80-х гг. XX в. исследовалась В.М. Корнуковым, которым сделан вывод, что статус участников уголовного судопроизводства базируется на конституционном статусе гражданина, что этот статус, являясь стержнем всего правового статуса личности, определяет исходные начала отраслевого уголовно-процессуального статуса³³⁸. Исходя из этого, следует признать, что вышеперечисленные фундаментальные (конституционные) права и свободы представляют собой обязательный элемент отраслевого статуса индивидуума в сфере борьбы с преступностью (в ходе уголовного судопроизводства — обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, переводчика и других; при осуществлении оперативно-розыскной деятельности — граждан, участвующих в ОРД).

Во-вторых, установленные Конституцией прямое действие ее норм, непосредственно действующий характер фундаментальных прав и свобод личности, их определяющая сущность по отношению как к законотворческой деятельности³³⁹, так и к правоприменению обуславливают содержание правоотношений индивидуума и государства. Данные конституционные установления предопределяют направленность развития уголовно-процессуального и иного отраслевого законодательства, регулирующего борьбу с преступностью, делают необходимым разработку правового механизма, обеспечивающего не только те или иные отраслевые, но и конституционные права индивидуума, вовлекаемого государством в борьбу с преступностью.

В-третьих, требование гарантированности конституционных прав и свобод личности распространяется на сферу государственной деятельности, которая обусловлена наиболее тяжкими — запрещенными уголовным законом посягательствами на права и свободы граждан и сопряжена с опасностью посткриминального воздействия. Соотношение конституционного и отраслевого статусов определяет соотношение и их элементов, то есть наличие конституционной гарантии фундамен-

³³⁸ См.: Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. Харьков, 1987. С. 7, 12.

³³⁹ Конституционалисты так комментируют данное положение: права и свободы человека и гражданина «должны выступать главным ценностным ориентиром законодательной... практики», «соответствие правам и свободам человека — неперемнное условие законодательной деятельности, важнейшее требование, адресованное Конституцией органам законодательной власти» (Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. М., 1997. С. 173).

тальных прав и свобод личности, и вхождение фундаментальных прав и свобод в отраслевой статус обуславливают необходимость создания соответствующих юридических *отраслевых* гарантий³⁴⁰ этих прав и свобод, в частности — системы мер безопасности лиц, действующих (действовавших) в интересах правосудия.

Анализ рассмотренных конституционных положений приводит к выводу: участие индивидуума в оперативно-розыскной деятельности и уголовном судопроизводстве не должно влечь снижение его безопасности. Следовательно, если государством на индивидуума возлагаются, в частности, уголовно-процессуальные обязанности, выполнение которых сопряжено с угрозой посткриминального воздействия, государство же обязано гарантировать безопасность индивидуума³⁴¹. Иное делает отказ человека от участия в уголовном судопроизводстве правомерным, соответствующим приведенным выше конституционным установлениям, основанным на них. Требование же государства к индивидууму выполнять уголовно-процессуальные обязанности при отсутствии гарантий безопасности и, тем более, применение санкций за невыполнение обязанностей, когда причиной их невыполнения явился страх расправы со стороны преступников, являются неправомерными (неконституционными).

Все вышесказанное соответствует концептуальному положению о *взаимной ответственности* государства и гражданина в правовом государстве³⁴². Понятно, что провозглашение России правовым государством в ч. 1 ст. 1 Конституции может рассматриваться не как констатация достигнутого, а лишь в качестве программного заявления. И закрепление в законодательстве, регулирующем борьбу с преступностью, с одной стороны — права человека на обеспечение безопасности, с другой — обя-

³⁴⁰ В широком смысле понятием «гарантии» охватывается вся совокупность факторов, направленных на реализацию прав и свобод граждан. В научной литературе общепринятым стало деление гарантий прав и свобод на социально-экономические, политические, юридические (правовые). Под юридическими (правовыми) гарантиями понимаются закрепленные в законодательстве средства и способы, с помощью которых обеспечивается реализация гражданами их прав и свобод.

³⁴¹ Такой подход к взаимным обязанностям индивидуума и государства находит выражение и в международном праве. В преамбуле *Рекомендации № R (2005) 9 О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием* говорится: «Будучи убеждены, что в то время как гражданский долг всех людей — давать правдивые свидетельские показания... их права и потребности должны... признаваться, в том числе право... не подвергаться личному риску».

³⁴² Подробнее о данной характеристике правового государства см.: *Сальников М.В.* Право и закон в правовом государстве // Правоохранительная деятельность и правовое государство. СПб., 1995. С. 24; *Малько А.В.* Правовое государство (лекция) // Правоведение. Известия вузов. 1997. № 3. С. 143—144, 146.

занности компетентных субъектов обеспечить его безопасность станет шагом в приведении отраслевого законодательства в соответствие с конституционным, в построении правового государства. Такое понимание взаимной ответственности индивидуума и государства в сфере борьбы с преступностью находит признание и у российских, и у зарубежных правоведов — авторов отраслевых исследований. Так, Г.П. Минеевой предложено исключить уголовную ответственность свидетелей и потерпевших за отказ от дачи показаний, если это деяние совершено после сообщения в правоохранительные органы о «противоправном воздействии», и последние не приняли мер по защите указанных лиц³⁴³. О.И. Роговой, а в последующем М.В. Новиковой высказано мнение, что в условиях, когда не гарантируется безопасность в связи с дачей показаний, свидетелю должно быть предоставлено право выбрать — давать показания или же отказаться от их дачи³⁴⁴, об этом же говорится в работах германских³⁴⁵ и латвийских³⁴⁶ юристов. И в ряде стран — в Швеции, Норвегии, Швейцарии и Дании (в государствах, без сомнения, в большей степени имеющих право называться правовыми, нежели Россия) — свидетелям, которым угрожает посткриминальное воздействие, закон предоставляет право отказаться от дачи показаний³⁴⁷.

В отечественной юридической литературе возложение на граждан уголовно-процессуальных обязанностей и, в то же время, возможность применения санкций за их неисполнение при оставлении без защиты тех, кто подвергается опасности в связи с исполнением обязанностей, квалифицируется порой как проблема *нравственная*³⁴⁸. Такой подход

³⁴³ См.: *Минеева Г.П.* Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 17.

³⁴⁴ См.: *Рогова О.И.* Некоторые аспекты проявления диспозитивности в деятельности свидетелей // Применение нового законодательства в области борьбы с преступностью. Домодедово. 1994. С. 74–75; *Новикова М.В.* Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: Дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 202–203.

³⁴⁵ См. об этом: *Kerteszi I.* A tanu vedelemre szorul // Magyar Jog. Budapest. 1993. 4. sz. 197. old.

³⁴⁶ См.: *Шешуков М.П.* Латвийское законодательство о защите лиц, содействующих правосудию по уголовным делам // Гос. и право. 1999. № 2. С. 87.

³⁴⁷ См.: *Gosk. Z.* Op. cit. S. 73; *Heine G.* Zur Recht und Praxis des Spannungsfeldes von Zeugen im schweizerischen Strafverfahren // Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht. Bern. 1992. Bd. 109. H. 1. S. 55, 62.

³⁴⁸ См., например: *Москалькова Т.Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. С. 115; *Комиссаров В.И.* Предъявление для опознания и допрос опознающих в уголовном судопроизводстве: состояние и перспективы // Правоведение. Известия вузов. 2001. № 4. С. 174.

продемонстрирован, в частности, В.Б. Гончаровым и В.В. Кожевниковым в поставленных ими вопросах и в предложенном ими же ответе: «Как себя вести... лицу, вовлеченному в уголовное судопроизводство: либо правомерно, исполняя юридическую обязанность соблюдать Конституцию РФ и законы... согласно которым свидетель (потерпевший) обязан сообщить компетентным органам все известное... по делу и ответить на поставленные вопросы либо вести себя неправомочно, но вполне целесообразно, самостоятельно проявляя заботу о своей безопасности, безопасности членов своей семьи и близких родственников?»³⁴⁹, то есть отказаться от дачи показаний, и как поступать «в отношении свидетеля или потерпевшего, который отказывается давать показания или уклоняется от их дачи по причине боязни возможной мести со стороны обвиняемого (подозреваемого), его родственников, иных лиц... Здесь существуют два варианта: либо привлечь такого свидетеля (потерпевшего) к уголовной ответственности по ст.ст. 307, 308 УК РФ, либо, исходя из *нравственных* (здесь и далее выделено автором. — *Примеч. авт.*) соображений, избегать применения норм права, изложенных в указанных статьях уголовного закона»³⁵⁰. Такая же мысль высказана О.А. Лакаевой³⁵¹. Но проблемы, ни нравственной, о которой говорят указанные авторы, ни правовой не существует со времени принятия Конституции РФ 1993 г., если, конечно, не ограничиваться анализом норм отраслевого — Уголовно—процессуального закона и ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, а исходить из вышерассмотренных конституционных установлений в их взаимосвязи.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что в законодательстве, регулирующем борьбу с преступностью, должны найти ясное нормативное выражение три слагаемых: 1) право индивидуума, содействующего правосудию, на обеспечение безопасности; 2) корреспондирующая этому праву обязанность правоохранительных органов обеспечить безопасность; 3) система мер, достаточных для защиты от посткриминального воздействия.

Реальное положение дел далеко от желаемого. В УПК РФ, например, указанное право индивидуума в прямой, ясной для правоприменителя форме не закреплено. Данный отраслевой закон предусматривает лишь право *ходатайствовать* об обеспечении безопасности, причем право на заявление такого ходатайства указано в перечне прав лишь потерпевше-

³⁴⁹ Гончаров В.Б., Кожевников В.В. Проблемы безопасности участников уголовного процесса // Гос. и право. 2000. № 2. С. 54.

³⁵⁰ Там же. С. 55.

³⁵¹ См.: Лакаева О.А. Указ. соч. С. 68–69.

го (п. 21 ч. 2 ст. 42) и свидетеля (п. 7 ч. 4 ст. 56), хотя, как было показано выше, правом на обеспечение безопасности обладают все вовлекаемые в уголовное судопроизводство граждане вне зависимости от их уголовно-процессуального статуса. Указанный недостаток УПК РФ в правоприменительной деятельности должен компенсироваться за счет ч. 3 ст. 11 УПК РФ (она предусматривает применение мер безопасности не только в отношении потерпевшего и свидетеля, но и в отношении иных участников уголовного судопроизводства) и ч. 1 ст. 119 УПК РФ, которая гласит, что правом на заявление ходатайств о принятии процессуальных решений для «обеспечения прав и законных интересов» обладают также: подозреваемый, обвиняемый, его защитник, эксперт, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители (однако оказались «забытыми» в ч. 1 ст. 119 УПК РФ специалист, переводчик, понятые, участвующие в уголовном процессе педагог и психолог).

Оценивая эти разрозненные нормы УПК РФ, надо признать: они не дают четкого представления лицам, осуществляющим производство по делу, что они обязаны обеспечить безопасность участников судопроизводства вне зависимости от процессуального статуса последних и наличия их ходатайств о защите, поскольку такое ходатайство является лишь одним из поводов, но не обязательным условием для применения мер безопасности. В отличие от УПК РФ, в ст. 2 Закона «О государственной защите потерпевших...» перечислены все участники уголовного процесса, подлежащие защите, но последний Закон предусматривает возможность применения лишь одной из *подсистем* мер безопасности, а именно: *универсальных* мер безопасности (изложены в § I главы III).

Возвращаясь к анализу российских конституционных норм, надо обратить внимание на ст. 46 Конституции. В ней провозглашена гарантированность *судебной* защиты прав и свобод³⁵². Близка по содержанию к ст. 46 и ст. 52 Конституции, где сказано, что государство обеспечивает, то есть гарантирует потерпевшим доступ к правосудию³⁵³.

³⁵² Стоит обратить внимание, что «признание естественной природы и неотъемлемого характера основных прав и свобод человека ни в какой мере не снижает значимости государства... в создании системы их юридических и иных гарантий. Гарантированность государственной защиты прав и свобод человека и гражданина непосредственно связана с обязанностью государства (установленной в ст. 2 Конституции. — *Примеч. авт.*) признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина» (Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. С. 310).

³⁵³ Здесь уместно отметить справедливость критики Л.Д. Воеводиным помещения таких институтов, как права, свободы, обязанности и их гарантии в рамках единой (второй) главы Конституции и обоснованность его мнения о том, что посвящение этим институтам самостоятельных глав оказало бы существенную помощь разработчикам законов,

В литературе высказано мнение, что предусмотренное в ст. 46 *право на судебную защиту* в уголовном процессе включает: (1) право на обращение в установленном законом порядке в различные судебные инстанции для защиты прав и свобод, а также (2) своевременное и правильное рассмотрение дела судом с вынесением законного и обоснованного решения³⁵⁴. Отнесение данных элементов к содержанию права на судебную защиту сомнений не вызывает, но почему-то за пределами внимания автора изложенного мнения осталась *гарантированность* рассматриваемого права — то, без чего, по точному выражению Л.Д. Воеводина, права и свободы человека и гражданина — ничто³⁵⁵.

По мнению автора настоящей работы, гарантированность судебной защиты прав и свобод заключается в том числе в создании государством условий, обеспечивающих потерпевшим и иным гражданам свободу выбора — свободу в обращении с заявлением о совершенном преступлении в правоохранительные и судебные органы. Такое понимание гарантированности рассматриваемого права соответствует теоретико-правовому положению о том, что *возможность избирать вариант поведения* является главным элементом всякого юридического права³⁵⁶. Но свободный выбор индивидуумом может быть сделан только в условиях, когда он не подвергается угрозам и иным посягательствам, связанным с его намерением и даже самой возможностью воспользоваться правом на судебную защиту. Следовательно, государство обязано создать такие условия, поскольку оно же (государство) в соответствии с ч. 1 ст. 45 Конституции РФ выступает гарантом юридических прав человека, а инструментом создания условий для реализации прав является соответствующее отраслевое законодательство.

Однако, несмотря на включение в УПК РФ ряда мер безопасности и принятие Закона «О государственной защите потерпевших...», полноценного института, обеспечивающего безопасность индивидуума, участвующего в борьбе с преступностью, законодателем не создано: предусмотренные законодателем меры безопасности не образовали *системы*, которая во

развивающих и конкретизирующих конституционные права, свободы и обязанности (см.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 144). Большая степень выделения в Конституции института *гарантий* прав и свобод способствовала бы лучшему пониманию содержания данного института и *адекватному* отражению его содержания в отраслевом законодательстве (созданию отраслевых систем гарантий).

³⁵⁴ См.: Ильясов Р.Х. Право личности на судебную защиту и его обеспечение Верховным Судом РФ в уголовном процессе // Юрист. 1997. № 11. С. 37.

³⁵⁵ Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 36.

³⁵⁶ Там же. С. 131.

всех случаях посткриминального воздействия гарантирует безопасность индивидуума; далеки от оптимальных и установленные в указанных федеральных законах основания применения мер безопасности.

Таким образом, действующее законодательство не всегда обеспечивает *внутреннюю свободу выбора* гражданину при решении вопроса о том, прибегать ли ему к судебной защите прав (по делам частного и частно-публичного обвинения), использовать ли предоставленные ему процессуальные права в ходе уголовного судопроизводства в целях защиты своих конституционных прав³⁵⁷. Без активности же самих граждан возможность судебной защиты их прав весьма проблематична.

Недостаточная защищенность потерпевшего влечет и невозможность реализации конституционного установления об осуществлении судопроизводства на основе *состязательности сторон* (ч. 3 ст. 123), поскольку нельзя ожидать от потерпевшего *активности* в использовании уголовно-процессуальных прав (естественное условие состязательности), если такая активность влечет посткриминальное воздействие, в том числе наиболее его жесткие формы — избиения и убийства.

Выше был сделан вывод, что в соответствии с конституционными установлениями отказ человека участвовать в борьбе с преступностью, например отказ очевидца преступления выполнять обязанности свидетеля в уголовном судопроизводстве, будет правомерным, если государство не гарантирует ему безопасность³⁵⁸. В связи с этим надо обратить внимание, что безопасность индивидуума в сфере борьбы с преступностью выступает не только в качестве условия, необходимого для реализации жертвой преступления права на обращение за судебной защитой и последующего активного использования представляемых уголовно-процессуальных прав, но и, что не менее важно, является одним из необходимых условий *выполнения гражданами* (прежде всего свидетелями) *возлагаемых на них уголовно-процессуальных обязанностей*. Безопасность индивидуума, таким

³⁵⁷ Только две иллюстрации этого: 1) отсутствие в УПК РФ каких-либо мер безопасности в стадии возбуждения уголовного дела; 2) излишняя узость оснований для применения мер безопасности, указанных в Законе «О государственной защите потерпевших...».

³⁵⁸ Данный вывод, сформулированный автором еще в 1997 г. (см.: *Брусницын Л. В.* Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. С. 43–44), получил поддержку в последующих исследованиях. См., например: *Литвинцева Н. А.* Процессуальный статус свидетеля в российском уголовном судопроизводстве: Дисс. ...канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. С. 145–146; *Андреева О. И.* Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: Дисс. ...докт. юрид. наук. Томск, 2007. С. 192, 195.

образом, в равной степени важна как для беспрепятственной реализации им своих конституционных и отраслевых прав, так и для надлежащего выполнения индивидуумом юридических обязанностей. Причем, как показывают исследования, безопасность является более значимой предпосылкой выполнения обязанностей, нежели юридическая ответственность за неявку в правоохранительные органы, отказ от дачи показаний и уклонение от других уголовно-процессуальных обязанностей³⁵⁹.

Следует сказать, что необходимость решения на законодательном уровне проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, в России осознана достаточно давно. Еще в 1990 г. в Академии МВД СССР эта проблема была включена в перечень тем для научной разработки, и предполагалась подготовка соответствующего законопроекта³⁶⁰. В «Концепции судебной реформы в Российской Федерации», при всех ее недостатках³⁶¹, обоснованно было указано на необходимость создания эффективных мер защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, включая изменения места жительства и документов³⁶².

В 1994 г. рассматриваемая проблема нашла отражение в принятом Советом Федерации ФС РФ Заключении по парламентским слушаниям «Борьба с преступностью и укрепление правопорядка в Российской Федерации». Принятие Федерального закона «О защите свидетелей, потерпевших и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» было отнесено к приоритетным задачам³⁶³. В марте 1999 г. в рамках парламентских слушаний в Государственной Думе ФС РФ вновь было обращено внимание на проблему посткриминального воздействия³⁶⁴.

³⁵⁹ Почти 90% из 260 опрошенных потерпевших и свидетелей ответили, что в случае угрозы их жизни или здоровью они откажутся от дачи показаний либо дадут ложные показания несмотря на наказуемость таких деяний (см.: Юнусов А.А. Обережение участников уголовного процесса и их близких: Дисс. ...канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1998. С. 29).

³⁶⁰ См.: Алексеев А.И., Журавлев М.П., Миньковский Г.М. Концептуальные проблемы уголовно-правовой и процессуальной защиты жертв преступлений // Актуальные проблемы управления и правового регулирования деятельности органов внутренних дел. М., 1994. С. 41.

³⁶¹ Об этих недостатках см., в частности: Заключение Совета Федерации Федерального Собрания РФ по результатам парламентских слушаний «О состоянии борьбы с преступностью и об укреплении правопорядка в Российской Федерации в современных условиях» // Росс. газета. 1997. 1 окт.; Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. М., 1997. С. 89; Кашенов В. О приоритетах в законодательстве об уголовном судопроизводстве // Уголовное право. М., 1998. № 3. С. 45–46.

³⁶² См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 86.

³⁶³ См.: Росс. газета. 1994. 19 апр.

³⁶⁴ См.: Координация действий в борьбе с преступностью // Росс. юстиция. 1999. № 5. С. 36.

Разработка процессуальных мер безопасности квалифицировалась как одна из первоочередных задач всеми российскими федеральными программами по усилению борьбы с преступностью в период с 1994 г. по 2000 г.³⁶⁵ В 2002–2003 гг. проблема обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, обсуждалась на «круглых столах» профильных комитетов Совета Федерации ФС РФ.

Проект соответствующего федерального закона был разработан еще в начале 90-х гг. XX в. В 1994 г. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» был принят Государственной Думой, но в январе следующего года отклонен Президентом Российской Федерации. В 1995 г. он был вновь принят Государственной Думой, но на этот раз не одобрен Советом Федерации РФ. В 1997 г. Государственная Дума приняла закон в третий раз, и после одобрения его Советом Федерации он был направлен Президенту, однако последний отклонил его по ряду оснований, в том числе из-за якобы противоречия содержащихся в нем мер безопасности международно-правовым актам, закрепляющим права человека в сфере уголовного судопроизводства³⁶⁶.

В 1999 г. разработка закона о защите граждан, действующих в интересах правосудия, была возобновлена. В соответствии с «Планом подготовки проектов федеральных законов на 1999–2000 годы», утвержденном Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 1999 г. № 803-р³⁶⁷, в IV квартале 1999 г. в Государственную Думу должен был быть внесен вновь подготовленный проект Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству». Причем подготовка этого законопроекта уже традиционно была отнесена к приоритетным задачам. Тем не менее поставленная задача не была выполнена. Лишь в феврале 2002 г. соответствующая законодательная деятельность была возобновлена Федеральным Собранием России, несколько позже подготовка законопроекта началась в Совете Безопасности РФ.

³⁶⁵ См.: Федеральная программа по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы // Росс. юстиция. 1994. № 10. С. 10–11; Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 годы (утверждена Постановлением Правительства РФ от 17 мая 1996 г. № 600 // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2696; Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1999–2000 годы (утверждена Постановлением Правительства РФ от 10 марта 1999 г. № 270) // СЗ РФ. 1999. № 12. Ст. 1484; 1999. № 52. Ст. 6403; 2000. № 7. Ст. 820; 2000. № 17. Ст. 1887; 2000. № 31. Ст. 3291; 2000. № 33. Ст. 3394.

³⁶⁶ О соответствии мер безопасности нормам международного права см. в главе III.

³⁶⁷ См.: СЗ РФ. 1999. № 23. Ст. 2876; 1999. № 38. Ст. 4553; 1999. № 42. Ст. 5098.

В то же время надо отметить, что еще в 90-х гг. XX в. в ряд федеральных законов были внесены дополнения, направленные на защиту вышеуказанных лиц. Важное значение имело признание Президиумом Верховного Суда РФ допустимости в российском уголовном процессе нескольких мер безопасности, которые уже использовались в судебной практике; предпринимались шаги и на региональном уровне.

Если говорить о мерах, принятых в общегосударственном масштабе, то первым шагом (еще в период существования Союза ССР) стало принятие Закона СССР от 12 июня 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»³⁶⁸, установившего в ст. 27¹ Основ: «При наличии достаточных данных, что потерпевшему, свидетелю или другим участвующим в деле лицам, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными действиями орган дознания, следователь, прокурор, суд обязаны принять предусмотренные Законодательством Союза ССР и союзных республик меры к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества этих лиц, а также к установлению виновных и привлечению их к ответственности».

Содержание этой нормы, за исключением определения круга лиц, подлежащих защите, носило декларативный характер, она не предусматривала процессуального механизма защиты участвующих в уголовном процессе. Отсылка же правоприменителя к действующему законодательству сводилась к указанию на известные меры материального права, а также на явно недостаточные меры процессуального характера, установленные указанным Законом: закрытое судебное разбирательство (ст. 12 Основ); прослушивание переговоров, ведущихся с телефонов или других переговорных устройств потерпевшего или свидетеля (ч. 2 ст. 35¹ Основ). Тем не менее указанные новеллы инициировали продолжение законотворчества в русле рассматриваемой проблемы. В п. 24 ст. 10 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 г. «О милиции» была установлена обязанность милиции «принимать предусмотренные законом меры по охране потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса, а также членов их семей и близких, если здоровье, жизнь или имущество данных лиц находятся в опасности»³⁶⁹. Впрочем, по степени декларатив-

³⁶⁸ См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 26. Ст. 495.

³⁶⁹ В настоящее время данная обязанность милиции выражена в следующей редакции: «Применять предусмотренные федеральным законом меры по охране потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству, их близких, жизнь, здоровье или имущество которых находятся в опасности».

ности данная норма была близка к ст. 27¹ Основ — та же отсылка к «предусмотренным законом мерам», которых действовавшее в тот период законодательство не содержало.

13 марта 1992 г. был принят Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», в соответствии с п. 6 ст. 12 которого органы, осуществляющие эту деятельность, были обязаны «содействовать обеспечению личной безопасности, сохранности имущества... участников уголовного судопроизводства, членов их семей, близких от преступных и иных противоправных посягательств». В ст. 11 Федерального закона РФ от 21 июля 1997 г. «О судебных приставах» законодатель предусмотрел их обязанность обеспечивать в судах безопасность участников судебного процесса.

Что же касается регионального уровня, то, например, в Республике Башкортостан 14 октября 1994 г. был принят республиканский Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству»³⁷⁰, предусматривавший, в частности, следующие меры безопасности:

- закрытое судебное разбирательство;
- ведение видеозаписи показаний в стадии предварительного расследования для их воспроизведения в суде;
- производство допроса свидетеля, потерпевшего, эксперта в отсутствие подсудимого или вне зала судебного заседания с использованием технических средств связи (в исключительных случаях — в месте нахождения свидетеля вне помещения суда председательствующим единолично);
- освобождение от явки в судебное заседание защищаемого лица и оглашение его показаний, данных при производстве предварительного расследования, либо воспроизведение видеозаписи этих показаний.

Как видно, субъект Российской Федерации установил *уголовно-процессуальные* меры защиты. Но такой шаг — нарушение Конституции РФ, поскольку регулирование уголовного судопроизводства не входит в компетенцию ее субъектов: в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ такое регулирование находится в ведении Российской Федерации, вследствие чего в 2002 г. указанный Закон был отменен.

Далее, Верховным Судом и МВД Республики Татарстан в 1990 г. были разосланы рекомендации:

- не указывать при необходимости в протоколах следственных действий адрес, место работы или учебы защищаемого;
- подсудимому вручать обвинительное заключение без списка лиц, подлежащих вызову в суд;

³⁷⁰ См.: Законы Республики Башкортостан. Уфа, 1995. Вып. IX.

— в ходе судебного разбирательства не оглашать адреса и сведения о местах работы и учебы свидетелей и потерпевших³⁷¹. Такие же меры в 90-х гг. XX века применялись в Свердловской и Кировской областях³⁷², органами прокуратуры в тот период были разработаны рекомендации по применению некоторых защитных мер³⁷³.

С принятием в 2001 г. УПК РФ и в 2004 г. Закона «О государственной защите потерпевших...» Россия приступила, наконец, к формированию федерального законодательства, призванного обезопасить тех, кто, по-рой рискуя жизнью, исполняет свой гражданский долг и процессуальные обязанности, однако принятые законы оказались далеко не совершенными (их анализ содержится в соответствующих главах настоящего исследования).

Задачами, стоящими перед отечественным законодателем, являются: совершенствование в контексте рассматриваемой проблемы УПК РФ, Закона «О государственной защите потерпевших...» и других отраслевых законов, регулирующих борьбу с преступностью, разработка подзаконных нормативных правовых актов, исчерпывающе определяющих порядок осуществления тех мер защиты, реализация которых объективно не может быть урегулирована на уровне федеральных законов.

Системе мер безопасности посвящена глава III, а вопросы, связанные с их применением, изложены в главе IV.

§ 3. Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, — принцип российского уголовного процесса

В основе уголовно-процессуального законодательства и осуществляемой в соответствии с ним деятельности лежат руководящие положения, которые принято называть принципами³⁷⁴ уголовного процесса и которым посвящена весьма обширная научная литература. Для этой литера-

³⁷¹ См.: *Блинников В.А.* Уголовно-правовые и криминалистические аспекты лжесвидетельства: Дисс. ...канд. юрид. наук. Ставрополь, 1998. С. 127.

³⁷² См.: *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001. С. 245–246.

³⁷³ См.: *Хайруллин Ф.А.* Опыт и рекомендации по обеспечению безопасности свидетелей и потерпевших в уголовном процессе // Прокурорская и следственная практика. 2000. № 1/2. С. 116–124.

³⁷⁴ От латинского *principium* — начало, основа, основное исходное положение какой-либо теории, учения, вида деятельности. По определению В.И. Даля, принцип — научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 3. М., 1990).

туры характерны: разнообразие критериев, в соответствии с которыми авторы квалифицируют те или иные черты уголовного судопроизводства в качестве его принципов и, как следствие, различное определение их количества (до 31 принципа в различных источниках)³⁷⁵; различные, порой противоречивые выводы о содержании связей между принципами, о существовании иерархии в их системе³⁷⁶ либо об отсутствии таковой³⁷⁷. Причиной всего этого является сложность самого предмета исследования.

Одно из немногих положений, не вызывающих полемику, — признание того, что принципы уголовного процесса являются отражением экономики государства, его политического строя, правовой системы в целом, исторических, национальных, культурных традиций и других объективно существующих факторов в жизни общества, то есть правовые принципы являются результатом (выражением) определенного уровня в развитии общественных отношений во всем их многообразии, сложности и взаимообусловленности, выражают объективные процессы общественного развития. В то же время связь уголовно-процессуальных принципов с уровнем (содержанием) общественных отношений, как правило, имеет *опосредованный* характер: генезис научных взглядов на принципы уголовного процесса протекает в рамках общего развития уголовно-процессуальной доктрины и нормативного массива.

Применительно к периодам постепенного, эволюционного развития общества, то есть к периодам, характеризующимся и эволюционированием права, верна оценка принципов, как «наиболее устойчивой части права»³⁷⁸. Когда же эволюция сменяется качественными и резкими изменениями в общественной жизни, влекущими массу новых, ранее неизвестных данному социуму явлений и подлежащих нормативному регулированию, зависимость установлений, квалифицируемых в качестве правовых принципов, от состояния общества становится более очевидной. В такие периоды изменение содержания принципов, появление

³⁷⁵ См.: Якулов Р.Х. Принципы уголовного процесса: Лекция. М., 1997. С. 4; Тертышник В., Щерба С. Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения // Уголовное право. 2001. № 4. С. 74.

³⁷⁶ См.: Пастухов П.С. Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России (досудебное производство): Дис. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 70, 89. Баландин В.Н., Павлушина А.А. Принципы юридического процесса. Тольятти. 2001. С. 78, 80–81.

³⁷⁷ См.: Громов Н.А., Николайченко В.В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Гос. и право. 1997. № 7. С. 35–36.

³⁷⁸ Воложинин В.П. Судебная реформа и принципы судопроизводства // Российский юридический журнал. 1996. № 4. С. 3–4.

новых принципов и отказ от тех или иных положений, ранее признававшихся таковыми порой *непосредственно детерминируется процессами, происходящими в обществе*, а не эволюционирующей правовой доктриной и развивающимся в ее рамках учением о правовых принципах.

Примеры этого видны в России 90-х гг. XX в. Один из них — отказ от *принципа коллегиальности* в уголовном процессе: в соответствии со ст. 35 УПК РСФСР в редакции Закона РФ № 2869-1 от 29 мая 1992 г. по 44% составов преступлений от общего числа составов, предусмотренных в то время российским УК, судебное разбирательство велось судьей единолично; еще по 36% составов преступлений оно могло осуществляться единолично с согласия обвиняемого. Лишь по остальным делам (20%) и по делам о преступлениях несовершеннолетних была сохранена коллегиальность судебного разбирательства. Коллегиальный порядок рассмотрения и разрешения вопросов был заменен на единоличный и в стадиях подготовки к судебному разбирательству, исполнения приговора.

Приведя эти новеллы, Р.Х. Якупов поставил вопрос, не означают ли указанные изменения превращение принципа коллегиальности в принцип единоличного ведения судопроизводства, и, анализируя ст. 35 УПК РСФСР в вышеуказанной редакции, ответил на него отрицательно, сославшись на то, что «законодатель относит к исключительным нормы ч.ч. 2 и 3, содержащие перечни составов преступлений, по которым может вестись единоличное производство. Часть же 4, где речь идет об остальных преступлениях, является нормой с открытым перечнем составов преступлений, который может расширяться. Это указывает на то, что законодатель признает коллегиальный порядок общим правилом. Следовательно, коллегиальность, несмотря на многочисленные исключения, по-прежнему сохраняет свое значение принципа...»³⁷⁹ Но ведь очевидно, что невозможно квалифицировать в качестве принципа положение, которое не реализуется в большинстве случаев осуществления правосудия. В конце 90-х гг. прошлого века отмечалось, что в соответствии с действующей в тот период редакцией ст. 35 УПК РСФСР единоличное судопроизводство было возможно по большей части уголовных дел (70–80% составов преступлений, подсудных суду первой инстанции)³⁸⁰. Что касается УПК РФ, то и в соответствии с ним большинство уголовных дел разрешается единолично в суде первой инстанции (п. 1 и 4 ч. 2, ч. 6 ст. 30 УПК РФ), в апелляционном порядке все уголовные дела рассматриваются единолично судьей районного звена (ч. 3 ст. 30 УПК РФ).

³⁷⁹ Якупов Р.Х. Указ. соч. С. 29–30.

³⁸⁰ См.: Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 202.

Каковы же причины такой трансформации уголовно-процессуального закона? Представляется, что среди основных причин — коренное изменение (прежде всего экономических) условий жизни российского общества в конце XX в., которое привело к массовым отказам граждан от участия в отправлении правосудия в качестве народных заседателей. В Москве, например, в 1990 г. вместо 33 тыс. народных заседателей было избрано всего 9 тыс., которые к тому же нередко уклонялись от участия в судебных заседаниях³⁸¹. Другой пример — замена выборности судей их назначением, что, безусловно, также явилось прямым результатом изменений в жизни общества последних десятилетий прошлого века, а не следствием признания законодателем результатов каких-либо научных исследований, проведенных в условиях *эволюционного* развития общества и приведших к выводу о необходимости такого кардинального изменения принципа формирования судейского корпуса.

В конце XX века явлением, непосредственно оказывающим в России очевидное и весьма негативное влияние на осуществление уголовного судопроизводства и достижение его целей, стал и *феномен посткриминального воздействия*. Масштабы этого воздействия, его негативные последствия, отсутствие каких-либо факторов, которые позволяют хотя бы предположить его снижение в обозримом будущем³⁸², и, следовательно, *необходимость для осуществления правосудия обеспечивать безопасность лиц, ему содействующих*, заставляют задаться вопросом: каков статус такого обеспечения, имеются ли основания для его квалификации в качестве нового принципа российского уголовного процесса?

В 90-х гг. XX в. в некоторых источниках в качестве элемента такого принципа, как *охрана прав и свобод, чести и достоинства граждан*, содержание которого и так отличается широтой³⁸³, вычленилась «охрана

³⁸¹ См.: Воложанин В. П. Указ. соч. С. 4. См. также: Курченко В. Отказ от института народных заседателей оправдан // Росс. юстиция. 2004. № 1. С. 18.

³⁸² Такими факторами могут стать только положительные тенденции самой преступности, но в России преступность растет. Более того, помимо роста ее абсолютных показателей, существуют и другие обстоятельства, предопределяющие рост посткриминального воздействия (см. § 1 главы I).

³⁸³ Данный принцип осуществляется посредством: 1) соблюдения правил о неприкосновенности личности, жилища, частной жизни, переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных переговоров; 2) обеспечения охраны чести, достоинства, жизни и здоровья лиц, участвующих в производстве следственных действий; 3) запрета на причинение личности физического, морального или иного ущерба (запрещается, в частности, оглашать выявленные при обыске или выемке обстоятельства интимной жизни лица, занимающего данное помещение и др.); 4) возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (см.:

безопасности... участвующих в деле лиц, членов их семей или близких родственников от возможных на них посягательств со стороны кого бы то ни было»³⁸⁴; при анализе содержания указанного принципа обращалось внимание, что «если потерпевшему, свидетелю, другим участвующим в деле лицам, а также членам их семей или близким родственникам угрожают какими-либо противоправными действиями, то лица, ведущие производство по делу, обязаны принять меры к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества этих лиц... Эти меры должны быть предусмотрены законом»³⁸⁵.

Но попытка такого, чрезмерно широкого толкования содержания принципа *охраны прав и свобод, чести и достоинства граждан* привела к тому, что в ст. 9 («Уважение чести и достоинства личности») ³⁸⁶ и в ст. 11 («Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве») УПК РФ, в которых этот принцип получил нормативное выражение, при урегулировании вопросов защиты участников уголовного процесса от посткриминального воздействия законодателем допущены серьезные ошибки.

Во-первых, в качестве *основания* применения мер, обеспечивающих безопасность участников процесса, указаны лишь «угрозы убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями». Таким образом, если посткриминальное воздействие выражается в иных формах (их разнообразие показано в § 2 главы I), использование предусмотренных в УПК РФ мер безопасности при *текстовом (грамматическом)* толковании ч. 3 ст. 11 становится невозможным. Не исправляет ситуацию и указание среди оснований применения мер безопасности угрозы «иных опасных противоправных деяний» — ведь ни определения, ни перечня таких деяний российское законодательство не содержит³⁸⁷.

Громов Н. Охрана прав и свобод, чести и достоинства граждан как принцип уголовного процесса // Правозащитник. 1998. № 2. С. 55–57.

³⁸⁴ Громов Н. Указ. соч. С. 55.

³⁸⁵ Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.С. Кобликова. М., 1999. С. 29–30.

³⁸⁶ Часть 1 ст. 9 УПК РФ устанавливает запрет обращения с участниками уголовного судопроизводства, *создающего опасность для их жизни и здоровья*, однако из контекста данной статьи понятно, что речь в ней не идет о посткриминальном воздействии.

³⁸⁷ Что дало основание для вывода о том, что к «опасным противоправным деяниям» относятся и административные правонарушения (см. об этом: Гребенчикова Л.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 26). Обоснованность этого вывода здесь не рассматривается.

Во-вторых, в качестве условия использования мер безопасности установлены *осуществляемые угрозы* вышеуказанных деяний. Но это по сути уже приготовление к преступлению либо покушение на его совершение, то есть невозможно применение мер безопасности для *предотвращения* посткриминального воздействия. А ведь именно в превенции воздействия — их предназначение. И надо заметить, что вскоре после вступления в действие УПК РФ в среде практических работников было обращено внимание на указанный недостаток: «Согласно этой формулировке угроза должна быть каким-либо образом выражена... в таком виде статья (ч. 3 ст. 11 УПК РФ. — *Примеч. авт.*) мало применима к делам, связанным с организованной преступностью. Лицо может отказаться от дачи показаний и до того, как с чьей-либо стороны поступила угроза. Просто он знает, что имеет дело с сильной, агрессивной, нарушающей закон группой. К тому же ее члены могут быть и не столь предупредительны, чтобы сначала проинформировать возможных свидетелей о намерении совершить в отношении них противоправные действия в случае сотрудничества с правоохранительными органами»³⁸⁸.

В-третьих, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ указано, что меры безопасности применяются в отношении всех участников уголовного судопроизводства, и в то же время право ходатайствовать о их применении ясное нормативное выражение получило лишь для потерпевшего (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), его представителя и законного представителя (согласно ч. 3 ст. 45 УПК РФ они наделяются правами потерпевшего), свидетеля (п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

Далее УПК РФ предусматривает участие граждан под псевдонимом в следственных действиях и, в то же время, согласно ч. 2 ст. 141 УПК РФ, не допускает использование псевдонима при заявлении ими о преступлениях, то есть законодатель не учел временные характеристики посткриминального воздействия — его возможность уже в первой стадии уголовного судопроизводства — в стадии возбуждения уголовного дела.

Перечень недостатков УПК РФ в контексте предпринимаемого исследования может быть продолжен³⁸⁹, однако и приведенные просчеты законодателя ясно свидетельствуют, что Кодекс не обладает качеством *криминологической обусловленности* — не содержит мер безопасности, корреспондирующих характеристикам посткриминального воздействия, то есть не способен защитить от посткриминального воздействия во всех его случаях.

³⁸⁸ Никешкин В.А. Проблемы квалификации и доказывания преступлений, связанных с организованной преступностью // Следственная практика. 2002. № 1 (155). С. 253–254.

³⁸⁹ Подробнее об этих недостатках см. в главе III.

Итак, в УПК РФ не предусмотрены нормы, которые при реализации принципа «охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» обеспечивают защиту *от посткриминального воздействия*, что со всей очевидностью свидетельствует: отнесение законодателем обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства к принципу охраны их прав и свобод — необоснованно. Но является ли обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства самостоятельным *принципом* уголовного процесса? Этот вопрос может быть решен путем сопоставления *содержания* (характеристик) указанного обеспечения и *сущности* уголовно-процессуальных принципов, выраженной в их *определении*, то есть в совокупности характеристик, наличие которых в исследуемом нами институте и предопределяет вывод — имеет ли этот институт принципиальное значение для осуществления уголовно-процессуальной деятельности либо нет.

Надо заметить, что *определению* уголовно-процессуальных принципов посвящено немало дискуссий, тем не менее распространено следующее обобщенное определение: принципы правосудия — это основополагающие, руководящие начала, имеющие нормативно-правовой характер; они отражают наиболее существенные стороны уголовного судопроизводства, его задачи, характер и систему процессуальных форм, стадий и институтов³⁹⁰.

Соответственно, вычлняются следующие основные характеристики или признаки принципов уголовного процесса: они (принципы) должны: (1) действовать во всех стадиях уголовного процесса, то есть быть «общепроцессуальными» или, реже, действовать в некоторых стадиях; наиболее полное выражение находят в судебном разбирательстве и хотя бы частичное — на более ранних стадиях; (2) обладать самостоятельным содержанием, не дублирующим содержание других принципов; (3) иметь основополагающее значение для всего уголовного судопроизводства; (4) быть выраженными в нормах права³⁹¹; (5) быть невыводимыми из

³⁹⁰ См.: Громов Н.А., Николайченко В.В. Указ. соч. С. 33.

³⁹¹ См.: Кобликов А.С. Конституционные принципы правосудия в СССР. М., 1980. С. 10, 14–15; Громов Н.А., Николайченко В.В. Указ. соч. С. 34–35; Шестакова С.Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 36–37; Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. Общая часть и досудебные стадии (курс лекций). М., 1998. С. 27; Зажицкий В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Гос. и право. 1996. № 11. С. 92; Тертышник В., Шерба С. Указ. соч. С. 73; Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 41–42; Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. Известия вузов. 2001. № 4. С. 164–165.

других понятий — быть «первичными»³⁹²; (б) определять «такие черты уголовного судопроизводства, которые не носят очевидного, банального характера, но представляют собой альтернативу возможных и известных из истории решений»³⁹³.

Итак, присущи ли перечисленные характеристики обеспечению безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве? Что касается первой из указанных характеристик, то социологические и другие данные, приведенные в § 2 главы I, показывают: посткриминальное воздействие осуществляется на протяжении всего уголовного процесса. Данное обстоятельство обуславливает необходимость обеспечения безопасности граждан, подвергающихся такому воздействию, во всех без исключения судопроизводственных стадиях, то есть рассматриваемое обеспечение имеет «общепроцессуальный» характер.

Вторая характеристика — *самостоятельность* содержания уголовно-процессуального принципа — также присуща обеспечению безопасности указанных лиц. Выше была показана несостоятельность включения обеспечения их безопасности в принцип *охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве*. Еще более очевидна необоснованность возможных попыток интегрировать обеспечение безопасности содействующих правосудию в любой другой из описываемых в настоящее время принципов уголовного процесса. Причем это очевидно вне зависимости от того, сформулирован ли тот или иной принцип непосредственно в конституционных и уголовно-процессуальных нормах или же он выводится посредством научного анализа определенного массива правовых норм.

Третье условие квалификации нормативного установления в качестве принципа — соответствующее установление должно иметь основополагающее значение для всего уголовного судопроизводства. К рассматриваемому в работе институту данная характеристика вполне относима. Иное, то есть незащищенность от посткриминального воздействия, парализует уголовное судопроизводство. Доказательство тому — масштабы, которых на рубеже XX — XXI вв. в России достигли уклонения граждан от явок в правоохранительные и судебные органы, ложные показания подвергшихся посткриминальному воздействию и другие негативные последствия, изложенные в § 2 главы I.

Далее к характеристикам уголовно-процессуальных принципов относятся обязательность их выражения в нормах права. Хотя обязатель-

³⁹² Якутов Р.Х. Указ. соч. С. 5.

³⁹³ Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. Указ. соч. С. 165.

ность такого выражения признается не всеми; существует мнение, что отдельные принципиальные идеи не находят своего закрепления в правовых нормах в виде специальных терминов и соответствующих формулировок, и по этой причине принципы не следует отождествлять с процессуальными нормами³⁹⁴. Тем не менее оптимален вариант, когда уголовно-процессуальный принцип, как и любой другой, со всей определенностью выражен в законе. Это способствует наполнению отраслевых законов нормами, обеспечивающими реализацию принципа в правоприменительной деятельности, лучшему пониманию закона правоприменителем; законодателю же указывает пути совершенствования законодательства, позволяет в законотворческой деятельности руководствоваться научно обоснованными идеями и реализовывать их в законопроектах. Отсутствие же нормативного выражения принципа может поставить под сомнение существование собственно принципа либо, по меньшей мере, осложнить понимание его содержания и тем самым затруднить реализацию принципа.

Еще в 1996 г. автором была опубликована статья с изложением конституционных основ обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию³⁹⁵. Анализ российской Конституции, безусловно, приводит к выводу об обязанности государства защищать участников уголовного процесса от посткриминального воздействия (соответствующие конституционные положения изложены в § 2 данной главы). И хотя принципы уголовного процесса могут получать нормативное закрепление не только на отраслевом, но и на конституционном уровне³⁹⁶, применительно к обеспечению безопасности содействующих правосудию ограничиться при обосновании принципиального значения этого обеспечения анализом конституционных норм — значило бы остановиться на формулировании положения, в понимании многих лишь претендующего на роль уголовно-процессуального принципа. Закрепление данного принципа непосредственно в уголовно-процессуальном законе тем более необходимо в период *реформирования* российского уголовного судопроизводства. В период реформ одним из первых шагов в подготовке законопроектов должно быть *нормативное определение* принципов, что в

³⁹⁴ См.: Демидов И. Ф. Принципы советского уголовного процесса. В кн.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М., 1989. С. 136–137.

³⁹⁵ См.: Брусицын Л. В. Международно-правовые и конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию // Гос. и право. 1996. № 3. С. 106–109.

³⁹⁶ См. об этом: Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Указ. соч. С. 128–129; Якулов Р. Х. Указ. соч. С. 5.

значительной степени обеспечивает внутреннюю логику разрабатываемых законопроектов и эффективность будущих законов. Иллюстрацией важности сказанному служит УПК РФ 2001 г., в котором не оказалось мер, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства во всех его стадиях.

Оценивая обеспечение безопасности участников судопроизводства в контексте характеристик уголовно-процессуальных принципов, отмечаем, что ему присуща и такая характеристика, как *невыводимость из других понятий (первичность)*, поскольку: во-первых, вывод о принципиальном значении защиты от посткриминального воздействия непосредственно предопределен условиями, в которых в настоящее время осуществляется уголовное судопроизводство; во-вторых, предпринятый автором анализ нормативного массива привел к данному выводу без обращения к другим уголовно-процессуальным принципам.

Наконец, состоянию защищенности участников судопроизводства от посткриминального воздействия возможна и альтернатива — их беззащитность, причем альтернативна не гипотетическая. Таково было состояние отечественного уголовно-процессуального законодательства до принятия УПК РФ 2001 г.

Рассматривая возможность квалификации того или иного установления в качестве принципа уголовного процесса, нельзя не сказать о позиции Р.Х. Якупова, полагающего, что «принцип всегда регулирует соотношение двух групп (систем) правовых норм, конкурирующих между собой... одна из них, количественно доминирующая, представляет собой основное начало, определяющая главное содержание и название принципа. Вторая группа норм выступает как исключение из основного правила... Можно сказать, что всякий принцип — это общее правило с исключениями»³⁹⁷, то есть каждому принципу присуще свойство «бинарности»³⁹⁸.

Признав обоснованность данной позиции, следует признать и то, что обеспечение безопасности участников процесса не может претендовать на статус уголовно-процессуального принципа, поскольку не обладает признаком бинарности (очевидно, что незащищенность от посткриминального воздействия не может быть допущена в уголовном судопроизводстве даже в качестве исключения). Анализируя позицию Р.Х. Якупова, необходимо заметить, что некоторым принципам уголовного процесса действительно свойственны исключения из устанавливаемых ими общих начал судопроизводства. Однако здесь не найти признака бинарности в принци-

³⁹⁷ Якупов Р.Х. Указ. соч. С. 6.

³⁹⁸ Там же. С. 6–7.

пах презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ), осуществления правосудия только судом (ст. 118 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ), обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ)³⁹⁹ — в положениях, принципиальный статус которых не подвергается сомнению. Следовательно, изложенное мнение Р.Х. Якупова не может быть признано обоснованным. И еще одно «за» квалификацию обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе, в качестве его принципа: для такого обеспечения в 2004 г. принят специальный Федеральный закон — «О государственной защите потерпевших...».

Последний вопрос: можно ли квалифицировать обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе, в качестве его принципа, если при производстве по большинству уголовных дел меры безопасности, рассматриваемые в настоящем исследовании, не применяются. Представляется, что это не противоречит квалификации рассматриваемого обеспечения как принципа уголовного процесса. Дело в том, что *безопасность* участника уголовного процесса есть *состояние его физической и психологической защищенности*⁴⁰⁰. И обеспечение (наличие) такого состояния не следует связывать с *обязательным* использованием мер безопасности, которым посвящено настоящее исследование: применение этих мер не требуется, если физическая и психологическая защищенность (безопасность) лиц, содействующих правосудию, обеспечивается одной лишь угрозой уголовного наказания за посягательства на них, то есть за совершение деяний, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 117, ч. 1–4 ст. 309 УК РФ.

В заключение следует заметить, что в отличие от УПК РФ иные отраслевые процессуальные законы, регулирующие борьбу с преступностью — «Об оперативно-розыскной деятельности», «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Уголовно-исполнительный кодекс РФ, — содержат *принципиальные* положения, посвященные безопасности соответствующих категорий граждан. И установление в УПК РФ обосновываемого автором принципа устранил «бреешь» в правовом обеспечении безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию по сути завершит законодательное установление соответствующего *межотраслевого* принципа в сфере борьбы с преступностью.

³⁹⁹ Нельзя согласиться с мнением Р.Х. Якупова о том, что исключением из права на защиту являлась норма (ч. 6 ст. 201 УПК РСФСР), позволявшая при явном затягивании обвиняемым и его защитником ознакомления с материалами дела ограничить время ознакомления (см.: Якупов Р.Х. Указ. соч. С. 11).

⁴⁰⁰ Что соответствует определению безопасности личности, содержащемуся в ст. 1 Закона РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности».

Глава III

СИСТЕМА МЕР БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ

Меры безопасности автором классифицированы в зависимости от того, в рамках какой *составляющей борьбы с преступностью* (оперативно-розыскной деятельности, уголовного судопроизводства, пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия) эти меры могут применяться⁴⁰¹. Такая классификация позволяет, во-первых, проанализировать российское *отраслевое* законодательство в контексте исследуемой проблемы и, во-вторых, сформировать *подсистемы (группы)* мер безопасности, подлежащие нормативному урегулированию в соответствующих законодательных актах.

§ 1. Универсальные меры безопасности

Некоторые меры безопасности обладают свойством *универсальности*: могут применяться как в ходе уголовного судопроизводства, так и за его пределами⁴⁰², как к лицам, содействующим правосудию, так и к их близким; при этом продолжение реализации этих мер возможно и по завершении всех составляющих борьбы с преступностью. В России большинство таких мер вошло в Закон «О государственной защите потерпевших...»⁴⁰³,

⁴⁰¹ Возможны и другие критерии классификации мер безопасности, поскольку их совокупность, как любой системный объект, обладает свойством *полиструктурности*. Однако несколько искусственным — классификация ради классификации, выглядит членение мер безопасности на *активные и пассивные* — в зависимости от такого условия их реализации, как *желание* соответствующих должностных лиц (см.: Шапакидзе В.Я. Обеспечение процессуальной безопасности частных лиц в досудебном уголовном производстве: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 190), на *первоочередные, дополнительные и экстренные* (об этой классификации см.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 56).

⁴⁰² В США, например, меры безопасности, предусмотренные федеральной *Программой защиты свидетелей* для уголовного судопроизводства, находят применение и при производстве по гражданским, административным делам, при даче показаний в Сенате США (см.: Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts. P. 30; Oversight of the Department of justice witness security program. P. 45).

⁴⁰³ Этим Законом установлены и *меры социальной поддержки* защищаемых лиц. В настоящей работе, посвященной проблемам *безопасности* лиц, содействующих правосудию, меры социальной поддержки не исследуются. О некоторых проблемах их применения см.:

а порядок применения значительной их части урегулирован «Правилами применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», утвержденными Постановлением Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 (далее — Правила)⁴⁰⁴. Кроме того, в ряде ведомств из числа тех, на которые в ч.ч. 3–6 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...» возложены обязанности по избранию и реализации универсальных мер безопасности, приняты подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие данные аспекты защиты от посткриминального воздействия (подробнее о них см. §1 главы IV).

В настоящем параграфе рассматривается собственно подсистема (группа) универсальных мер безопасности, которую образуют:

- *Охрана защищаемого лица, его жилища и имущества* (п. 1 ч. 1 ст. 6, ст. 7 Закона «О государственной защите потерпевших...»). Применение охраны в ФРГ показало, что иногда ее достаточно в течение нескольких дней до-, в течение и по окончании судебного разбирательства⁴⁰⁵, что, конечно, не относится к ситуациям, связанным с организованной преступностью. На это же обстоятельство обращает внимание прокурор графства Коул (штат Миссури, США) Р. Калахан (R. Callahan), говоря, что в отличие от ситуаций «когда приходится иметь дело с организованной преступностью... опасность для человека, ставшего свидетелем обычного уличного преступления, существует на время проведения расследования, когда становится ясно, что арест (обвиняемого. — *Примеч. авт.*) неизбежен, а также в то время, когда приближается судебное разбирательство»⁴⁰⁶. Необходимость охраны защищаемого лица в одних случаях — достаточно краткосрочной, а в других — в течение десятилетий отмечена и в России⁴⁰⁷.

Охрана включает широкий спектр действий. Например, в Польше в соответствии с § 4 Распоряжения Совета Министров от 30 декабря 1998 г. № 1196 «Об определении условий, области и порядка предостав-

Брусницын Л.В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства. М., 2009. С. 77, 95–96.

⁴⁰⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».

⁴⁰⁵ См.: *Kertesz I.* Op. cit. 198. old.

⁴⁰⁶ *Witness protection programs in America...* P. 15.

⁴⁰⁷ См. об этом: интервью с начальником Управления по обеспечению охраны лиц, подлежащих государственной защите, О.В. Зиминым // <http://www.soprotivlenie.org/?id=53&cid=75&t=v>.

ления и отмены охраны и помощи главным свидетелям и иным лицам» (принято в развитие уже упоминавшегося Закона Республики Польша «О главном свидетеле») данная мера безопасности предусматривает: присутствие полицейских рядом с охраняемым лицом, постоянное или периодическое наблюдение за его окружением, указание охраняемому места пребывания, времени и способов передвижения, общения с другими лицами⁴⁰⁸.

В России, помимо Закона «О государственной защите потерпевших...» и Правил, правовым основанием охраны участников процесса в судах является ст. 11 Федерального закона «О судебных приставах», возлагающая охрану на *судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов*. Обеспечение ими безопасности участников процесса осуществляется путем проверок помещения судебного заседания и других помещений, где могут находиться защищаемые лица, на предмет обнаружения бесхозных вещей, взрывчатых, отравляющих и иных опасных предметов, а также лиц, поведение которых либо внешний вид вызывают подозрение (такие лица задерживаются и передаются в органы внутренних дел), использования физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и другими средствами. Для предупреждения нападений на участников судебного процесса конвойное подразделение в зале суда может быть усилено группой судебных приставов⁴⁰⁹.

В то же время на рубеже XX–XXI вв. отмечалось, что при наличии 3 тысяч служебных помещений в российских судах существующих в тот период 7,5 тысяч приставов оказалось недостаточно для выполнения возложенных на них задач, констатировалась и их невысокая профессиональная подготовка⁴¹⁰. В постановлении V Всероссийского съезда судей «О судебных приставах по обеспечению установленного порядка

⁴⁰⁸ См.: Распоряжение Совета Министров от 30 декабря 1998 г. № 1196 «Об определении условий, области и порядка предоставления и отмены охраны и помощи главным свидетелям и иным лицам» // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 83.

⁴⁰⁹ Подробнее см.: пп. 3.6, 3.7, 7.1. Инструкции «О порядке исполнения судебными приставами распоряжений председателя суда, судьи или председательствующего в судебном заседании и взаимодействия судебных приставов с должностными лицами и гражданами при исполнении обязанностей по обеспечению установленного порядка деятельности судов и участия в исполнительской деятельности» (утверждена Приказом Минюста РФ от 3 августа 1999 г. № 226) // <http://zakon.kuban.ru/nd/pr/226.htm>.

⁴¹⁰ См.: Мельников А. Судебные приставы — исполнительная власть // Росс. юстиция. 2000. № 4. С. 26–27; Постановление Совета судей РФ от 20 апреля 2001 г. «О ходе исполнения Федерального закона «О судебных приставах» // Росс. юстиция. 2001. № 7. С. 10.

деятельности судов» прямо было указано, что приставы не сумели обеспечить в судах безопасность участников процесса⁴¹¹.

Правовой основой охраны участников уголовного процесса *вне судебного разбирательства* является также уже упоминавшийся п. 24 ст. 10 Закона «О милиции». Еще в 1997 г. специальные подразделения для защиты участников процессов по делам о преступлениях, совершенных ОПГ, были созданы в ГУВД Москвы и Московской области⁴¹².

- *Выдача оружия.* Данная мера безопасности предусмотрена в ст. 10 *модельного Закона о государственной защите потерпевших*, рекомендованного Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ для учета при разработке национальных законов, и применяется, в частности, в Азербайджане и Казахстане⁴¹³. Высказываются мнения о необходимости данной меры защиты и в России⁴¹⁴, тем не менее Российский Закон «О государственной защите потерпевших...» выдачу оружия пока не предусматривает. Естественно, при законодательном установлении рассматриваемой меры безопасности надлежит исключить выдачу оружия защищаемым подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и осужденным.

Определенная правовая база для применения данной меры безопасности создана: ст. 15 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. «Об оружии» предусматривает выдачу оружия лицам, «подлежащим государственной защите в соответствии с законодательством Российской Федерации». «Порядок выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите» утвержден Постановлением Правительства РФ от 17 июля 1996 г. № 831; в настоящее время его нормы применяются при выдаче оружия субъектам, указанным в Федеральном законе РФ «О государственной защите судей...».

⁴¹¹ См.: Постановление V Всероссийского съезда судей «О судебных приставах по обеспечению установленного порядка деятельности судов» // Росс. юстиция. 2001. № 2. С. 5–6.

⁴¹² См.: *Осипкин В.Н.* Организованная преступность. СПб., 1998. С. 31; *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: Дисс. ...докт. юрид. наук. М., 1999. С. 235–236.

⁴¹³ В соответствии со ст. 9 Закона Азербайджанской Республики от 11 декабря 1998 г. № 585 ПГ «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» (<http://stracker.bos.ru/laws/0585-1g.html>) и ст. 7, 15 Закона Республики Казахстан от 5 июля 2000 г. № 72-III ЗРК «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» (<http://pmicro.kz/db/busn/govern/Laws/Act/2000/Advocacy.htm>).

⁴¹⁴ См.: *Шапакидзе В.Я.* Указ. соч. С. 96; *Фадеева М.П.* Теория и практика государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2006. С. 71–72.

- *Выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности* (п. 2 ч. 1 ст. 6, ст. 8 Закона «О государственной защите потерпевших...»). Согласно п. 8 Правил в качестве специальных средств защищаемому лицу могут выдаваться бронежилет, электрошоковое устройство, аэрозольный распылитель с раздражающим составом. Тип выдаваемых спецсредств определяется в соответствии с перечнями спецсредств, состоящих на вооружении органа, осуществляющего меры безопасности. Для обеспечения защищаемого лица средствами связи и оповещения об опасности могут выдаваться переносное портативное радиоустройство, телефон сотовой связи и (или) пейджер.

Орган, осуществляющий меры безопасности, проводит обучение или инструктаж защищаемого лица в части правил хранения, ношения и применения спецсредств защиты, связи и оповещения об опасности, осуществляет контроль за соблюдением правил обращения с указанными средствами (п. 9 Правил). Программой «Обеспечение безопасности потерпевших... на 2006–2008 годы» предусмотрено создание новых современных средств индивидуальной защиты от посткриминального воздействия.

- *Временное помещение в безопасное место* (п. 8 ч. 1 ст. 6, ст. 12 Закона «О государственной защите потерпевших...»; Правилами порядок применения данной меры безопасности оказался не предусмотренным).

Данная мера сопряжена с финансовыми затратами, однако ее необходимость в системе мер безопасности подтверждает опыт и российских⁴¹⁵, и зарубежных правоохранительных органов. В начале 80-х гг. XX в. В.М. Николайчик приводил данные о ее эффективности в США, где в качестве безопасных мест используются гостиницы, пенитенциарные учреждения, специально выделенные земельные участки с жилыми помещениями⁴¹⁶. В гостиницах защищаемые могут регистрироваться под вымышленными именами, оплата гостиниц осуществляется не напрямую правоохранительным органом, чтобы скрыть связь с защищаемым лицом⁴¹⁷. Данная мера безопасности целесообразна, если предполагается, что угроза посткриминального воздействия прекратится по истечении *определенного* времени и защищаемый сможет вернуться на свое место жительства.

⁴¹⁵ См., например: Деева Е. Мифы и факты в деле Холодова // Московский комсомолец. 2001. 8 июня.

⁴¹⁶ См.: Николайчик В.М. Уголовный процесс США. М., 1981. С. 194.

⁴¹⁷ См.: Келли К.М. Указ. соч. С. 235.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в США получили распространение уличные преступные группировки, для которых характерны ограниченные районы действий и выраженная склонность к насилию, в том числе в отношении свидетелей. В рамках «Обзорных слушаний по Программе Министерства юстиции по обеспечению безопасности свидетелей», состоявшихся в июне 1996 г. в Сенате США, и.о. министра юстиции США Д. Кини (J. Keeney) сообщил, что в федеральном округе Колумбия, где уличные группировки получили наибольшее распространение, «страх потенциальных свидетелей был настолько силен, что он серьезнейшим образом подрывал способность правоохранительных органов привлечь к ответственности преступников... Осведомленность о таком страхе, а также кажущаяся неспособность работников правоохранительных органов гарантировать безопасность свидетелям и их семьям еще более убеждали преступников в безнаказанности и приводили к тому, что они мстили даже самым второстепенным свидетелям их преступлений»⁴¹⁸.

Данные обстоятельства повлекли учреждение в США в 1991 г. *Краткосрочной программы защиты свидетелей*, прошедшей апробацию в указанном федеральном округе (программа явилась плодом совместной работы Уголовного управления Министерства юстиции; Управления Федерального атторнея по округу Колумбия; Федеральной службы судебных исполнителей и Управления полиции г. Вашингтон). Суть ее заключается во *временном перемещении* из опасной зоны в другую местность тех свидетелей, которые, как предполагается, смогут без опасения вернуться на прежнее место жительства после дачи показаний, и, в отличие от *федеральной Программы защиты свидетелей*, о которой речь пойдет ниже, не предусматривает изменение постоянного места проживания, имени, фамилии и помощи в устройстве на новую постоянную работу. При нахождении в другой местности свидетели имеют ограниченные контакты с семьей и друзьями⁴¹⁹.

Помещение в безопасное место может применяться до переселения защищаемого на новое постоянное место жительства, поскольку, как показывает зарубежный опыт, решение вопросов, связанных с переселением, может занимать значительное время, в США, например — до одного года⁴²⁰. В этот период со свидетелем проводят консультации и тестирование психологи, специалисты по профессиональному отбору и трудоустройству (определяется, в частности, коэффициент интеллек-

⁴¹⁸ Oversight of the Department of justice witness security program... P. 48.

⁴¹⁹ Op. cit. P. 48.

⁴²⁰ См.: Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts... P. 75.

туального развития — IQ) свидетеля⁴²¹. В американских источниках обращается внимание на исключительную важность в этот период общения защищаемого с психологами⁴²². Необходимость психологической поддержки защищаемых лиц осознана и в России: согласно п. 20 Приложения № 1 к Программе «Обеспечение безопасности потерпевших... на 2006—2008 годы» на Минздравсоцразвития России была возложена задача до окончания 2008 г. не только разработать, но и внедрить «программы по оказанию психологической помощи защищаемым лицам», на решение этой задачи выделено 600 тысяч рублей. Однако, судя по результатам проверки, проведенной в 2008 г. Генеральной прокуратурой РФ, эта задача не выполнена: в ходе проверки выявлены факты отказа защищаемых от продолжения мер безопасности, предусмотренных Законом «О государственной защите потерпевших...», именно вследствие психологических нагрузок и отсутствия при этом профессиональной помощи психологов⁴²³.

Возвращаясь к зарубежному опыту, стоит отметить, что временное помещение в безопасное место — «шелтер» (первый шелтер был открыт в Лондоне в 1971 г.) получило распространение в отношении женщин — жертв «домашнего насилия» в Великобритании, Египте, Зимбабве, Израиле, Италии, Малайзии, Фиджи, Финляндии, Франции, Коста-Рике, ФРГ, Нидерландах, Исландии, Норвегии, Швеции⁴²⁴. Во Франции, например, к 1987 г. насчитывалось более 140 шелтеров, в Германии — свыше 200 (только в течение одного года в немецких шелтерах нашли убежище более 215 тыс. потерпевших-женщин и их детей). В Канаде в период с

⁴²¹ См.: Witness protection programs in America... P. 46.

⁴²² Важность такого общения становится очевидной, если принять во внимание следующее: «Представьте себе... ситуацию, отяченную отказом от имени, которое вы носили с рождения, и тем обстоятельством, что вы никому, даже вашим родственникам и ближайшим друзьям, не можете сказать, где вы теперь. Представьте, что вы пытаетесь обзавестись друзьями на новом месте, не говоря ни слова о вашей прежней жизни, постоянно контролируя себя, чтобы случайно не упомянуть о своей прошлой жизни. Когда-то такое простое и автоматическое действие, как указание подписи на документах, должно вначале производиться с большим вниманием, чтобы не подписаться своим старым... именем. Со стрессами такого рода участники программы сталкиваются каждый день» (*Сафир Г.* Указ. соч. С. 207).

⁴²³ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 17.

⁴²⁴ См.: Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995. С. 41, 44—47; Стратегии борьбы с насилием в семье: Справочное руководство. Нью-Йорк, 1998. С. 57, 65; Ананиан Л.Л. Жестокость в семье. М., 2000. С. 46; Бойченко Л.Д. Кризисные центры в Норвегии, Швеции и Финляндии // <http://www.owl.ru/content/openpages/p52488.shtml>.

1980 г. по 1990 г. количество шелтеров увеличилось с 70 до 400⁴²⁵. В США они представляют собой далеко отстоящие от центров городов здания (иногда находящиеся в частной собственности), адреса которых держатся в секрете; средняя «наполняемость» американских шелтеров — 30–50 человек, продолжительность пребывания в них — от 2 до 5 недель⁴²⁶. Помимо обеспечения собственно безопасности, при нахождении в таких убежищах жертвам оказывается юридическая помощь для подготовки к участию в судебном процессе. Финансируется деятельность шелтеров как за счет государственных бюджетов, так и за счет общественных фондов и частных пожертвований⁴²⁷.

В Украине в соответствии со ст. 14 Закона от 23 декабря 1993 г. «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» защищаемые могут помещаться в предназначенные для других целей учреждения: малолетние — в дошкольные воспитательные учреждения, а совершеннолетние нетрудоспособные лица — в учреждения органов социальной защиты населения. Это может быть учтено российскими правоохранительными органами в их деятельности, но лучше, если данные учреждения будут непосредственно указаны если не в отечественном Законе «О государственной защите потерпевших...», то хотя бы в подзаконном нормативно-правовом акте, регулирующем применение универсальных мер безопасности.

При направлении защищаемых лиц в шелтеры надо учитывать, что преступники могут предпринимать попытки воздействовать на этих лиц через подставного потерпевшего — соучастника преступников, помещенного в тот же шелтер (информация сотрудника полиции Италии Альберто Андреани (Alberto Andreani)⁴²⁸).

- *Временное или постоянное изменение места работы (службы), учебы и (или) жительства* (п. 4, 7 ч. 1 ст. 6, ст. 10 и 11 Закона «О государственной защите потерпевших...»). Эти меры представляют собой весьма дорогостоящие средства защиты, поскольку их применение, как и остальных защитных мер, согласно ч. 3 ст. 4 данного Закона, «не должно ущемлять жилищные, трудовые, пенсионные и иные права защищаемых лиц». Этому принципу может быть уделено и большее внимание

⁴²⁵ См.: Федотов И. Актуальные вопросы обеспечения безопасности малолетних, потерпевших от насильственных преступлений // Уголовное право. 2009. № 3. С. 115.

⁴²⁶ См.: Квашиш В. Е., Вавилова Л. В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. М., 1996. С. 25–29, 31, 33–34.

⁴²⁷ См.: Квашиш В. Е. Основы виктимологии. М., 1999. С. 66–67, 70–71, 79.

⁴²⁸ Участник международной конференции «Безопасность свидетелей в эпоху транснациональной преступности» (Будапешт, январь 2007 г.).

при совершенствовании Закона «О государственной защите потерпевших...»: в нем могут быть предусмотрены конкретные нормативные установления, обеспечивающие реализацию указанного принципа, в том числе заимствованные из зарубежного законодательства (в Украине, например, в ч. 2 ст. 12 Закона «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» установлено, что «время вынужденного прогула лица, взятого под защиту, включается в трудовой стаж, а за указанный период выплачивается компенсация, при более низком заработке на новом месте работы выплачивается разница в заработной плате в соответствии с действующим законодательством и в порядке, установленном Кабинетом Министров Украины»).

В *Выводах Совещания Специальной группы экспертов по уменьшению риска насилия в системе уголовного правосудия* (п. 38) констатируется, что рассматриваемая мера эффективна, если «правительство берет на себя ответственность за судьбу целой семьи, которая может стать объектом мести»⁴²⁹. При применении данной меры безопасности может возникнуть, например, необходимость оказания помощи защищаемому в приобретении новой профессии, установления государственной опеки над лицом, о котором ранее заботился защищаемый⁴³⁰. Изменение места жительства защищаемого порой требует решения множества вопросов. О широте этих вопросов дает представление перечень сведений, которые должен сообщить о себе защищаемый правоохранительным органам в Италии. К таким сведениям законом отнесены: информация о гражданском состоянии, семье, имуществе, о своих обязательствах, вытекающих из действующего законодательства, о возбужденных в отношении его уголовных, гражданских и административных делах, о лицензиях и иных правах и т.д.⁴³¹

Дорогостоящим переселение делает и сопряженная с ним необходимость «получить для защищаемых лиц временное жилье, перевезти на новое местожительство мебель... предоставлять другие необходимые услуги с тем, чтобы свидетели могли вести полноценную нормальную жизнь»⁴³². Для обеспечения нормальной жизни в США, например, фе-

⁴²⁹ Док. E/CN.15/1994/4/Add.3. 25 february. 1994. P. 11.

⁴³⁰ Такие виды помощи предусмотрены, в частности, в § 5 и 7 уже упоминавшегося Распоряжения Совмина Польши «Об определении условий, области и порядка предоставления и отмены охраны и помощи главным свидетелям и иным лицам».

⁴³¹ См.: Отдельные положения итальянского законодательства в отношении лиц, сотрудничающих с законом // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 314.

⁴³² См.: Практические меры борьбы с организованной преступностью, сформулированные Международным семинаром по борьбе с организованной преступностью, состоявшимся в Суздале 21—25 октября 1991 г. (Док. E/1992/92/Suppl.1. P. 34).

деральной Службой судебных исполнителей (Federal Marshal Service⁴³³) организуются «конспиративные» переписка и встречи защищаемых с родственниками и другими близкими им лицами, не включенными в программу защиты⁴³⁴; ежемесячно (в течение 14–18 месяцев) защищаемому выплачивается в зависимости от стоимости жизни в том или ином штате от 1100 до 1400 долларов, кроме того, защищаемый имеет право подавать заявки на дополнительные выплаты, которые рассматриваются в Службе маршаллов⁴³⁵. По данным представителя этой Службы Джозефа Паонессы (J. Paonessa), только в течение первого года выплаты одному защищаемому лицу (либо небольшой по составу семье) могут достигать 70 тысяч долларов США; при этом — вследствие дороговизны медицинской страховки в США — сумма выплат существенно увеличивается при оказании защищаемым медицинских услуг.

Служба судебных исполнителей осуществляет свою деятельность в тесном контакте с психологами, которые, в свою очередь, дают рекомендации о том, какой подход требуется к тому или иному свидетелю и как преодолевать возникающие проблемы⁴³⁶. В течение 18 месяцев представители Службы маршаллов содействуют ассимиляции свидетеля на новом месте жительства, постепенно сокращая свое влияние на его жизнь; по прошествии этого срока «свидетель больше никогда не увидит судебного исполнителя, если только не возникает чрезвычайная ситуация»⁴³⁷.

В России определенные гарантии решения подобных проблем при переселении защищаемых предусматривает ч. 2 ст. 10 отечественного Закона «О государственной защите потерпевших...», которая гласит: «При переселении защищаемого лица на другое постоянное место жительства ему за счет средств федерального бюджета предоставляется жилище, возмещаются расходы, связанные с переездом, оказывается материальная помощь, гарантируется трудоустройство и оказывается содействие в подборе места работы (службы) или учебы, аналогичного прежнему».

Возвращаясь к зарубежному опыту, надо обратить внимание, что в Италии защищаемым выплачивается ежемесячное пособие, зависящее

⁴³³ Другой употребляемый перевод — Служба маршаллов.

⁴³⁴ По данным Я. Кучерака, в Словакии для общения защищаемого с членами семьи используется также видеоконференция; кроме того, их очные встречи могут проводиться на территории сопредельных стран в рамках заключенных межгосударственных соглашений о сотрудничестве при защите свидетелей.

⁴³⁵ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 18.

⁴³⁶ Op. cit. P. 46.

⁴³⁷ Witness protection programs in America. P. 47.

от количества членов семьи и не превышающее *средний прожиточный минимум*⁴³⁸. Аналогичное правило установлено в ч. 2 ст. 14 польского Закона от 25 июня 1997 г. «О главном свидетеле». В ФРГ, если получение на новом месте жительства работы является «затруднительным или вообще невозможным», защищаемому оказывается «временная экономическая помощь» (как правило, на период не свыше 6 месяцев; в исключительных случаях этот срок продлевается). При этом «материальное положение свидетеля не должно быть выше, чем до начала реализации программы по его защите. Тем самым исключается возможность получения показаний от свидетеля благодаря не предусмотренным законом выгодам, прибылям и т.д.»⁴³⁹. В Германии данное положение отнесено к «основополагающим принципам» защиты свидетелей⁴⁴⁰; этому правилу следуют Великобритания⁴⁴¹, Австрия (где защищаемому обеспечивается «привычный уровень жизни»; финансовая поддержка «не направлена на улучшение финансового положения»⁴⁴²). В Канаде суммы, выдаваемые защищаемому, зависят от его финансового положения до включения в Программу защиты, обеспечивают защищаемому обычный для него образ жизни⁴⁴³.

Данному вопросу уделяется внимание и в США. Говоря о временном помещении свидетеля в безопасное место и о переселении на новое место жительства, старший помощник федерального атторнея в графстве Онондага (штат Нью-Йорк) — начальник специального бюро по делам потерпевших Р. Транфио (R. Trunfio) сообщает: «Наша Программа предусматривает максимальное исключение прямых выплат свидетелям. Мы установили договорные отношения с различными гостиницами и мотелями в нашей местности. Этими договорами предусматривается, что указанные заведения либо принимают наши ваучеры, либо напрямую выставляют счет нашему управлению (Управлению федерального атторнея в указанном графстве. — *Примеч. авт.*). Для переезда свидете-

⁴³⁸ См.: *Вои Ф.Л.* Указ. соч. С. 172.

⁴³⁹ *Казакова В.А.* Указ. соч. С. 79.

⁴⁴⁰ См.: *Мертен У.* Меры по защите уязвимых лиц, программы защиты свидетелей и органы, их реализующие // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 181.

⁴⁴¹ См.: *Кларк М.* Указ. соч. С. 191.

⁴⁴² *Митц К.* Австрийская программа защиты свидетелей // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 250.

⁴⁴³ См.: Обзор практики применения программ по защите свидетелей Канадской королевской конной полиции // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 348.

ля билеты приобретаются предварительно. Случаи, когда необходима выдача наличных денег или выписка чека непосредственно свидетелю, достаточно редки и тщательно контролируются. Обычно такие ситуации возникают, когда требуется оплатить питание во время экстренного переселения или внести депозит за новое место жительства. Но даже в подобных случаях мы стараемся выслать чек напрямую домовладельцу»⁴⁴⁴.

Представляется, что данный аспект защиты содействующих правосудию должен найти отражение в российском Законе «О государственной защите потерпевших...». Один из возможных вариантов соответствующей нормы: «Переселение на другое место жительства, замена документов, изменения места работы (службы) или учебы не должны ущемлять и существенно улучшать жилищные, трудовые, пенсионные и иные права как защищаемых, так и других лиц».

Наибольшим опытом переселения обладают США, поэтому автор считает необходимым более подробно осветить опыт этой страны. Переселение — один из основных элементов уже упоминавшейся *федеральной Программы защиты свидетелей*, которая действует с 1971 г. В том году с ее помощью были защищены 92 свидетеля. В период с 1975 по 1977 г. в среднем 450 свидетелей ежегодно «включались» в эту Программу, в первой половине 90-х гг. — около 200 свидетелей в год⁴⁴⁵.

Нехватка в 70-х гг. XX в. персонала, жалобы на непредоставление защищаемым положенной помощи, отсутствие единых стандартов их «приема» в Программу повлекли создание в 1977 г. независимого комитета под руководством заместителя министра юстиции в целях анализа реализации Программы и выработки предложений по ее улучшению. Созданный комитет совместно с *Сенатским комитетом по административной практике и процедурам* подготовил отчеты, содержащие предложения по реформированию деятельности федеральной Службы судебных исполнителей и Уголовного управления Министерства юстиции. В соответствии с этими предложениями в феврале 1979 г. в рамках Министерства юстиции был создан *Отдел принудительных операций (Office of Enforcement Operations)*⁴⁴⁶, которому от Уголовного управления того же министерства было передано руководство Программой защиты свидетелей. До этого момента право включать свидетелей в Программу имели все подразделения Уголовного управления, и критерии «допуска» в нее

⁴⁴⁴ Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts. P. 89.

⁴⁴⁵ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 6.

⁴⁴⁶ В данном контексте возможен и такой вариант перевода: *Отдел реализации Программы (защиты свидетелей)*.

устанавливались этими (различными) подразделениями в соответствии с их внутренними инструкциями; централизованного контроля не было⁴⁴⁷. По этому поводу представителем прокуратуры штата Дэлавер было заявлено, в частности: «Нигде определенно не сказано, что Министерство (юстиции. — *Примеч. авт.*) должно установить, что лицо, допускаемое в Программу, является менее опасным, чем лицо, подвергаемое уголовному преследованию... в число участников Программы нельзя допускать лиц, которые представляют большую опасность для общества, чем те, против кого они собираются дать показания»⁴⁴⁸.

В настоящее время Программа защиты свидетелей реализуется с помощью трех постоянно взаимодействующих подразделений Министерства юстиции. Это, во-первых, уже упомянутый Отдел принудительных операций (подразделение Уголовного управления Министерства юстиции США), который решает вопрос о приеме в члены Программы, контролирует ее выполнение, отвечает за разрешение проблем, которые могут возникать между защищаемыми, Службой судебных исполнителей, Управлением тюрем и курирующим федеральным атторнеем. Во-вторых, федеральная Служба судебных исполнителей, непосредственно обеспечивающая защиту свидетелей, их перемещение к новому месту жительства и изготовление новых документов для защищаемых. Кроме того, как уже было отмечено, данная Служба помогает свидетелям в обустройстве на новом месте, решая вопросы, связанные с обеспечением жильем, работой, медицинским и социальным обеспечением. И, в-третьих, Федеральное управление тюрем, которое отвечает за безопасность заключенных, являющихся участниками Программы, то есть лиц, которые дали показания или согласились дать их, но должны отбыть срок заключения⁴⁴⁹.

Переход руководства Программой к Отделу принудительных операций (ОПО) привел к установлению единого управления «допуском» в Программу, применению стандартных и строгих критериев допуска. В настоящее время ОПО является единственным органом, который решает, какой свидетель станет участником Программы. Одно из основных условий: ни один человек не может быть «принят» в Программу, если он не является «важнейшим свидетелем по делу, которое касается значительного преступления, совершенного организованной преступной группировкой, или другого тяжкого преступления, и если только этот свидетель не подверга-

⁴⁴⁷ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 43—44.

⁴⁴⁸ Op. cit. P. 33.

⁴⁴⁹ Op. cit. P. 45.

ется опасности в результате дачи показаний»⁴⁵⁰. В дополнение к данному критерию рекомендуется, чтобы ежегодно в Программу принимались не более 360 человек, поскольку ресурсы Программы ограничены⁴⁵¹.

Процедура отбора участников Программы защиты свидетелей чрезвычайно строга. Первичная заявка на включение в Программу подается в ОПО соответствующим федеральным атторнеем, который намеревается использовать показания свидетеля. По запросу ОПО прокуратура представляет подробную информацию о значимости уголовного дела и предполагаемых обвиняемых, о характере показаний свидетеля и мнение о том, какие «полезные результаты» будут получены при успешном исходе уголовного преследования. ОПО направляет копию вышеуказанной заявки в соответствующий отдел Уголовного управления, «отвечающий» за тот вид уголовных преступлений, к которому относится дело с участием предполагаемого свидетеля — кандидата в участники Программы. Одновременно ОПО запрашивает мнение упомянутого отдела в составе Уголовного управления о значимости уголовного дела и тяжести преступлений, совершенных обвиняемыми. Правоохранительный орган, ведущий расследование, представляет в свою «верховную» инстанцию доклад, в котором детализируется угроза свидетелю и обосновывается необходимость его защиты с помощью Программы. Доклад должен содержать также оценку риска, которому может подвергнуться население со стороны переселяемого свидетеля. Представленный доклад анализируется и направляется вместе с рекомендациями «верховой» инстанции в ОПО. В то время, как составляются вышеупомянутые независимые друг от друга доклады, Служба судебных исполнителей проводит интервью со свидетелем и взрослыми членами его семьи, переселение которых предполагается. Цель интервью — убедиться, что они понимают, «что может Программа и чего она не может», а также выявить возможные проблемы, связанные с переселением. В процессе интервью свидетель ставится в известность о правилах поведения участника Программы. По окончании интервью Служба судебных исполнителей направляет копию отчета в ОПО со своим мнением о пригодности свидетеля для участия в Программе. Затем, если кандидат в участники Программы является осужденным и находится в пенитенциарном учреждении, психолог Управления тюрем проводит его психологическое освидетельствование и направляет соответствующий отчет в ОПО.

По завершении описанного процесса в ОПО анализируются все пять отчетов: запрос прокурора; заключение соответствующего отдела Уго-

⁴⁵⁰ Op. cit. P. 44.

⁴⁵¹ Op. cit. P. 44.

ловного управления о значимости уголовного дела; заключение правоохранительного органа об угрозе свидетелю и риске для общества со стороны самого свидетеля; заключение Службы судебных исполнителей о пригодности свидетеля для участия в Программе; отчет психолога из Управления тюрем. Кроме того, ОПО принимает во внимание следующие факторы: наличие альтернативных способов защиты свидетеля (не связанных с Программой); возможность получения показаний из других источников; относительную важность показаний свидетеля; результаты психологического освидетельствования как самого свидетеля, так и членов его семьи, желающих переехать на новое место жительства; при переселении ребенка — возможное негативное воздействие на его отношения с родителем, который не меняет место жительства, а также другие факторы, которые ОПО сочтет имеющими значение для решения о допуске свидетеля в Программу или об отказе в допуске⁴⁵².

Если правоохранительный орган делает заключение об отсутствии опасности, угрожающей свидетелю, то запрос прокурора о предоставлении защиты свидетелю отклоняется. Если соответствующий отдел в составе Уголовного управления считает, что расследование данного дела не представляет большой значимости, или показания свидетеля не обладают достаточной важностью, либо их будет недостаточно для вынесения обвинительного приговора, то запрос прокурора также отклоняется. Если Служба судебных исполнителей делает вывод о непригодности данного свидетеля для участия в Программе или перемещение к новому месту жительства может повлечь значительные трудности, то запрос прокурора, *скорее всего*, будет отклонен. Если результаты психологического освидетельствования показывают, что переселенный будет представлять собой опасность для общества на новом месте жительства, то заявка на участие в Программе, *по всей вероятности*, будет отклонена.

Прежде чем свидетелю предоставляется возможность воспользоваться услугами Программы, Министерство юстиции и свидетель подписывают *меморандум*⁴⁵³. Если свидетель является заключенным, меморандум подписывается с Федеральным Управлением тюрем, а свидетель, перемещаемый на новое место жительства, — со Службой судебных исполнителей. В меморандуме оговариваются обязанности свидетеля, выполнение которых является *предварительным условием* для принятия в

⁴⁵² Op. cit. P. 45.

⁴⁵³ Возможно и «экстренное» принятие в Программу. В этом случае предварительная оценка пригодности свидетеля для «включения» в Программу дается немедленно, а остальная требуемая информация должна быть представлена в ОПО «впоследствии, но как можно скорее» (Witness protection programs in America. P. 42).

«члены» Программы. Данные обязанности, в зависимости от ситуации, могут включать: согласие давать свидетельские показания; обязательства: не совершать преступлений; предпринимать все необходимые шаги во избежание разглашения посторонним фактов, связанных с предоставлением защиты; выполнять все разумные требования должностных лиц, которые обеспечивают защиту в рамках Программы, регулярно информировать их о своих действиях и местонахождении; обязательство заявить под присягой о всех невыполненных правовых обязательствах на момент вступления в Программу, включая опеку над детьми; обязательство заявить о факте досрочного или условно-досрочного освобождения, а если такое было применено в соответствии с законом штата, то согласиться на федеральный надзор. Меморандум определяет конкретные формы защиты свидетеля, равно как и порядок действий в случае нарушения меморандума. Отдельные меморандумы подписываются с каждым взрослым членом семьи свидетеля, которые включаются в Программу вместе с ним. Любое лицо может быть лишено защиты, если оно «серьезно» нарушает меморандум либо сообщает ложную информацию на стадии составления меморандума, в том числе об обстоятельствах, обусловивших предоставление защиты.

Как только человек становится участником Программы, Служба судебных исполнителей принимает на себя обязательство предоставить ему новые документы, удостоверяющие личность. В большинстве случаев защищаемый снабжается набором идентификационных документов, включающих полис социального страхования, водительские права или удостоверение личности жителя штата и, если свидетель является гражданином США, — документы, подтверждающие гражданство⁴⁵⁴. При определении нового места жительства учитываются медицинские характеристики защищаемого, его этническая и культурная принадлежность (в качестве сложности отмечается, что многие лица, дающие показания о колумбийских наркокартелях, не говорят по-английски, и для них организуется изучение языка)⁴⁵⁵.

По выражению С.Дж. Ткача (S.J. T'Kach) — заместителя руководителя ОПО, «старая личность свидетеля «стирается»... Если мы принимаем решение о переселении свидетеля, то это означает, во-первых, что он никогда не был там раньше, во-вторых, он никого там не знает, и, в-треть-

⁴⁵⁴ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 45–46.

⁴⁵⁵ См.: Программа защиты свидетелей — мощное оружие в борьбе с наркотиками // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 196, 198.

их, его никто не знает... в этом случае свидетель будет в безопасности»⁴⁵⁶. Однако о переселении лиц с «преступным прошлым» правоохранные органы по месту нового жительства защищаемых могут уведомляться. При этом им передаются образцы отпечатков пальцев переселяемого и, если он ранее совершал сексуальные преступления, образцы ДНК, другая информация для идентификации⁴⁵⁷. Как отмечает С.Дж. Ткач, решение об уведомлении правоохранных органов принимается «на основании нескольких факторов: заключений правоохранный органа и федерального атторнея о риске со стороны свидетеля для общественности на новом месте жительства, обстоятельств совершенных им преступлений, результатов его психологического освидетельствования, уже имеющегося опыта переселения свидетелей. Мы рассматриваем всю совокупность факторов, чтобы выявить участников Программы, склонных к насилию или сексуальным преступлениям... не так давно имел место случай, когда была выявлена склонность человека к бытовому насилию и не более того, но мы настояли на уведомлении местных правоохранных органов при его принятии в Программу. Впоследствии стало известно, что он ударил свою жену, за что был исключен из Программы... Как правило, мы учитываем историю только насильственных и сексуальных преступлений, но по просьбе заместителя министра юстиции при принятии решения об уведомлении местных правоохранных органов стали учитываться и некоторые преступления, связанные с наркотиками»⁴⁵⁸. В то же время на состоявшейся в январе 2007 г. в Будапеште международной конференции «Безопасность свидетелей в эпоху транснациональной преступности» Дж. Паонессой обращено внимание, что в настоящее время сама Служба судебных исполнителей при совершении определенных преступлений в месте жительства переселенного лица осуществляет проверку возможной его причастности к этим преступлениям, и только по результатам проверки сообщает информацию о переселенном в местные правоохранные органы, из чего можно предположить, что рассматриваемый вопрос в США окончательно не урегулирован.

Изложенные аспекты защиты лиц, сотрудничающих с правоохранными органами США, в российском законодательстве пока не нашли отражения, но можно предположить, что практика применения отечественного Закона «О государственной защите потерпевших...» выявит те же проблемы и необходимость их решения на законодательном уровне.

⁴⁵⁶ Witness protection programs in America... P. 46.

⁴⁵⁷ Op. cit. P. 14.

⁴⁵⁸ Op. cit. P. 44–45.

В США после установления новых правил приема в Программу защиты свидетелей количество защищаемых сократилось: в период с 1968 г. по 1996 г. оно указано в диаграмме № 1; диаграмма № 2 содержит также сведения о взятых под защиту членах семей свидетелей (обе диаграммы приведены в «Обзорных слушаниях по программе Министерства юстиции по обеспечению безопасности свидетелей»; данные за 1993-1995 гг. приведены без учета свидетелей — участников Краткосрочной программы защиты⁴⁵⁹).

Диаграмма № 1

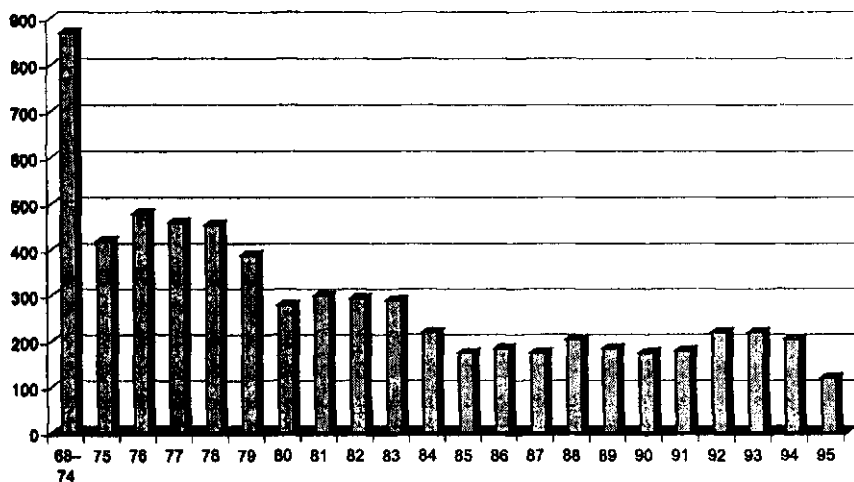
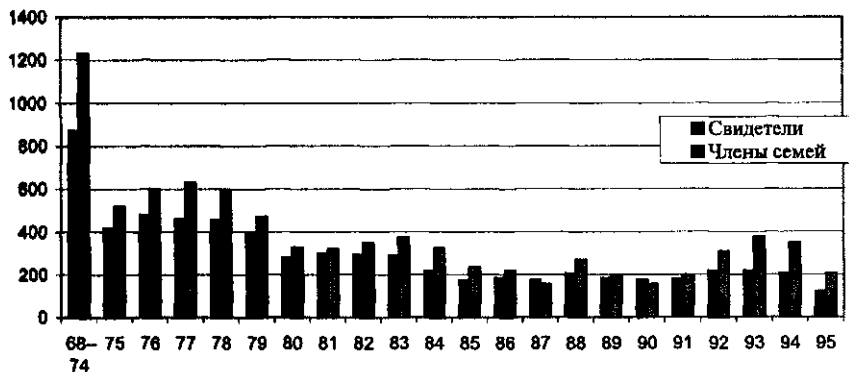

Диаграмма № 2

⁴⁵⁹ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 56-57.

В 1993 г. Министерство юстиции получило 480 заявок на участие в Программе, но принят в нее был 231 свидетель (54% из них являлись заключенными и участвовали в Программе в таком качестве). В 1994 г. получено 392 заявки, принято — 200 человек, из которых 50% — заключенные. В 1995 г. получено 356 заявок, из которых удовлетворено 132 (из этих 132 свидетелей 64% были заключенными). В 1996 г. к 1 июня Министерство юстиции получило 177 заявок и одобрило 88 из них (55% сделавших заявления — лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы)⁴⁶⁰. Количество полученных и удовлетворенных заявок за период с 1987 г. по 1996 г. указано в нижеприведенной таблице:

Год	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996*
Заявлено	260	305	338	310	282	352	480	392	356	177
Одобрено	173	205	183	173	162	219	231	200	132	88

* данные по состоянию на 1 июня 1996 г.⁴⁶¹

Всего к 1996 г. более 6600 свидетелей и более 8000 членов их семей воспользовались услугами Программы, и из тех, кто следовал установленным правилам, ни один человек не был ранен или убит⁴⁶². Нарушениями, повлекшими убийства свидетелей, явились: их телефонные звонки, уведомления иными способами родственников или знакомых о новом местопребывании, возвращения к прежнему месту жительства⁴⁶³. Так, была убита пошедшая на сотрудничество с правоохранительными органами и включенная в Программу защиты свидетелей восемнадцатилетняя девушка — член преступной уличной группировки выходцев из Сальвадора, когда она появилась в месте встреч членов этой группировки⁴⁶⁴.

⁴⁶⁰ Op. cit. P. 49.

⁴⁶¹ Op. cit. P. 55.

⁴⁶² Op. cit. P. 49.

⁴⁶³ См.: Witness protection programs in America... P. 42–43.

⁴⁶⁴ Представляет интерес информация Дж. Паонессы о том, что адвокаты убийц девушки в качестве аргумента защиты своих клиентов указывали на то, что правоохранительные органы лишь использовали девушку для получения показаний о других членах преступной группы, при этом Служба судебных исполнителей не оказала ей должную психологическую помощь, что в определенной степени и послужило причиной ее неосторожного появления в месте сбора преступников и самого убийства. Информация защитников была опровергнута в суде; один из убийц приговорен к смертной казни, двое других — к длительным срокам лишения свободы.

В федеральную Программу лицо может быть «включено» по инициативе правоохранительных органов не только федерального уровня, но и штатов (в 1994–1996 гг., например, таких свидетелей было около 20); в последнем случае расходы, связанные с защитой свидетеля, несет соответствующий штат⁴⁶⁵.

В случае исключения из Программы средства, затраченные на защиту человека, с него не взыскиваются. При этом ранее исключенному из Программы всегда возвращали его подлинное имя и фамилию, в настоящее время возможны варианты: исключенному из Программы возвращают прежние либо сохраняют новые биографические данные. Выбор варианта зависит от того, как долго человек находился под защитой. Человек может быть исключен из Программы даже в том случае, если угроза его безопасности не устранена, поскольку при включении в Программу он подписывает меморандум (соглашение), в котором указывается, что при нарушении правил Программы защищаемый может быть лишен защиты (информация Дж. Паонессы).

В 1992 г. Службой судебных исполнителей был проведен опрос 175 свидетелей, находившихся под защитой, из которых 95% ответили, что им и их семьям обеспечен надлежащий уровень безопасности и что Программа защиты свидетелей оправдала их ожидания; 81% респондентов заявили, что, если бы им пришлось вновь принимать решение об участии в Программе, они дали бы положительный ответ⁴⁶⁶.

Но не следует забывать, что большинство свидетелей, которым пришлось решать этот вопрос, отбывали наказание в виде лишения свободы, и, конечно, последнее обстоятельство оказывало (и будет оказывать в России) существенное влияние на принятие решения. Что же касается свидетелей, не причастных к преступной деятельности, и потерпевших, то, видимо, далеко не от всех следует ожидать согласия на переселение, поскольку при применении данной защитной меры можно обеспечить «неущемление» жилищных и иных юридических прав переселяемых, но невозможно воспроизвести условия жизни, имеющие порой не меньшее значение для человека: тот же круг общения, имя в искусстве, науке, бизнесе (стоит вспомнить слова С.Дж. Ткача о «стирании старой личности» свидетеля). Невозможно воспроизвести и все то, что входит в понятие «малой родины». Данные обстоятельства позволяют, по мнению автора, сделать вывод, что в ситуации, когда обеспечить безопасность индивидуума можно, лишь изменив его место жительства, но он отказы-

⁴⁶⁵ См.: Witness protection programs in America. P. 43, 48.

⁴⁶⁶ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 48.

вается от переселения по вышеизложенным причинам, ему должно предоставляться право отказаться от дачи показаний и от исполнения других уголовно-процессуальных обязанностей. Впрочем, как показывает опыт США, ФРГ, Италии — стран, обладающих наибольшим опытом применения рассматриваемой меры безопасности, в большинстве случаев переселяют свидетелей, которые сами принадлежат к преступному миру, являются инициаторами сотрудничества с правоохранительными органами и потому подвергаются опасности. Эти обстоятельства вполне объясняют согласие защищаемым на переселение и готовность при этом пойти на определенные жертвы⁴⁶⁷. Можно предположить, что и в России данная мера безопасности в большинстве случаев будет применяться к той же категории граждан.

Что касается США. Результаты применения Программы защиты свидетелей высоко оцениваются в американских правоохранительных органах, представители которых отмечают: «Программа защиты свидетелей считается в правоохранительных кругах страны одним из самых больших достижений правительства. Программа стала одним из наиболее эффективных инструментов из когда-либо имевшихся в распоряжении правоохранительных органов в борьбе против организованной преступности. Результат ее применения с 1970 г. — несколько тысяч обвинительных приговоров в отношении членов главных организованных преступных групп и других опасных преступников. Программа была создана в то время, когда и Министерство юстиции, и Конгресс пришли к выводу, что значительное количество уголовных дел не были завершены или даже начаты из-за неспособности системы правосудия представить свидетелей, которые бы имели сведения о совершенных преступлениях и были бы готовы дать показания в суде. Лидеры организованной преступности создали себе репутацию безжалостных людей, использующих любые средства, в том числе убийства, чтобы заставить свидетелей замолчать. Не имея в своем распоряжении механизма, позволяющего убедить потенциальных свидетелей в безопасности дачи

⁴⁶⁷ Так, переселяемый — владелец шести питбулей — согласился отказаться от содержания собак, поскольку на новом месте жительства мог быть разыскан преступниками по этому хобби. В другом случае защищаемому лицу было отказано в переселении с ним любовницы вместо его семьи. Но, поскольку любовница родила ребенка и заявила требование о выплате алиментов, Службой судебных исполнителей часть доходов переселенного изымалась в ее пользу. В другом случае любовницу переселили вместе с защищаемым лицом, поскольку ей также грозила расправа со стороны преступников. Вообще при разводе супругов и переселении одного из них Служба судебных исполнителей контролирует выплату алиментов и обеспечивает реализацию права переселенного на свидания с детьми (информация Дж. Паонессы).

показаний и предоставить им и членам их семей защиту, мы были не в состоянии привлечь к ответственности лиц, совершающих самые тяжкие преступления»⁴⁶⁸.

Уже упоминавшийся Р. Транфио свидетельствует: «Программа защиты свидетелей превратилась в эффективный метод обеспечения их безопасности... мы сделали вывод, что эта Программа оказалась эффективным инструментом для повышения качества расследования дел, когда показания свидетелей являются важнейшим условием привлечения преступников к ответственности и когда сами свидетели становятся объектом запугивания, мести или насилия. Использование данной Программы привело к уменьшению отказов от показаний, вызванных страхом. Никто из свидетелей — участников Программы — не отказался давать показания»⁴⁶⁹. Обращается внимание и на другой аспект защиты свидетелей: «Свидетели не только чувствуют себя в безопасности, когда дают показания против своих бывших «коллег», но в большинстве случаев они возвращаются к жизни законопослушного гражданина. Конечно, некоторые из них возвращаются к преступной деятельности, но в среднем этот показатель не превышает 17–23%. Уровень рецидива среди участников программы меньше вполтину среднестатистического по стране. Следовательно, программа имеет и реабилитационный эффект»⁴⁷⁰. На этот же аспект обращают внимание канадские специалисты⁴⁷¹.

В переселении свидетелей, проживающих в муниципальных домах, в США важная роль принадлежит *Министерству жилищного строительства и урбанизации*, в ведении которого такие дома находятся⁴⁷². В 1994 г. министерством принят нормативный документ, в соответствии с которым указанные свидетели подлежат «первоочередному» переселению в пределах страны⁴⁷³. Вообще в американских источниках обращается внимание на важность организации сотрудничества при переселении защищаемых с соответствующими органами социального и иного обес-

⁴⁶⁸ Witness protection programs in America. P. 41.

⁴⁶⁹ Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts. P. 90.

⁴⁷⁰ Сафир Г. Указ. соч. С. 207.

⁴⁷¹ См.: Обзор практики применения программ по защите свидетелей Канадской королевской конной полиции // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 350.

⁴⁷² Изучение проблем применения российского Закона «О государственной защите потерпевших...» показало необходимость создания для переселяемых «резервного фонда жилья» (см.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 21).

⁴⁷³ Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts. P. 49, 52–53, 76.

печения⁴⁷⁴; в качестве негативного примера приводится случай, когда в г. Балтимор (штат Мериленд) переселяемым свидетелям «пришлось лично являться в органы социального обеспечения для получения документов (в связи с предоставлением нового жилья. — *Примеч. авт.*) — ситуация недопустимая не только для них самих, но и для работников управления социального обеспечения, которые просто боялись находиться в непосредственной близости от свидетелей, которым угрожает опасность»⁴⁷⁵.

В 1992 г. расходы Службы судебных исполнителей на выполнение Программы защиты свидетелей составили 47,6 млн долл.⁴⁷⁶, в 1995 г. — 53 млн долл., причем эта сумма составляет лишь часть стоимости Программы, поскольку ОПО, ФБР, Управление тюрем и другие государственные органы несут собственные расходы, связанные с ее исполнением; происходит рост расходов (в 1977 г., например, на осуществление Программы было выделено всего 14 млн долл.)⁴⁷⁷. В первой половине 90-х гг. XX в. стоимость переселения семьи из четырех человек на новое (постоянное) место жительства в среднем составляла 100 000 долл., а временное помещение семьи в безопасное место в рамках Краткосрочной программы защиты свидетелей — 20 000 долл.⁴⁷⁸

В США изменение места жительства защищаемых предусматривается и законодательством штатов, в частности в Колорадо, Мэриленде, Миссури, Нью-Джерси, Вирджинии, Калифорнии, Айове, Нью-Йорке, а также в Род-Айленде и Пуэрто-Рико (островная территория США), причем переселение свидетелей правоохранительными органами штатов за их пределы обычно не применяется⁴⁷⁹, но иногда необходимость в этом возникает, например, в Пуэрто-Рико — из-за небольшого размера острова. Обращая внимание на данное обстоятельство, М. Герболини (M. Gierbolini) — заместитель директора *Специального бюро расследования Департамента юстиции* Пуэрто-Рико — отмечает: «Пуэрто-Рико — маленький остров... — менее 100 миль в длину и 35 в ширину при высокой плотности населения. Размеры и высокая степень заселенности значи-

⁴⁷⁴ См.: Предупреждение неправомерных действий, связанных с угрозами свидетелям по делам об организованной преступности и незаконному обороту наркотиков (доклад Министерства юстиции США, ноябрь 1996 г.) // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 258, 278–279.

⁴⁷⁵ Там же. С. 269.

⁴⁷⁶ См.: *Kertesz I. Op. cit.* 198. old.

⁴⁷⁷ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 6.

⁴⁷⁸ См.: Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts. P. 55.

⁴⁷⁹ См.: Witness protection programs in America... P. 2.

тельно ограничивают возможности по сокрытию личности или местонахождения пострадавших и свидетелей»⁴⁸⁰. Поэтому из Пуэрто-Рико защищаемые переселяются в Коннектикут, Иллинойс, Канзас, Мэриленд, Массачусетс, Нью-Джерси, Пенсильванию, Род-Айленд, Теннесси, Техас и Висконсин, но в большинстве случаев (очевидно, из-за схожести климатических и других условий; обращается, в частности, внимание, что при переселении учитываются этнические корни защищаемого⁴⁸¹) — во Флориду. За время действия программы с 1987 г. по ноябрь 1996 г. в нее были «включены» более 2000 человек. Из них за пределы Пуэрто-Рико переселены 329, в том числе во Флориду 95 человек (из них 40 человек — в район столицы этого штата — г. Орlando). В небольшом по территории Пуэрто-Рико подразделение, обеспечивающее безопасность свидетелей, включает 65 сотрудников⁴⁸².

В США опыт переселения за пределы штата показал необходимость взаимодействия правоохранительных органов соответствующих штатов. Его отсутствие чревато случаями, подобными произошедшему 15 июня 1996 г. в графстве Оцеола (штат Флорида), о котором сообщает член Палаты представителей Конгресса США Б. Мак-Колам (В. McCollam): «В тот день патрульные дорожной полиции штата Флорида и офицеры полиции в штатском из Пуэрто-Рико, перемещавшие свидетеля, едва избежали перестрелки. Патрульные приняли офицеров полиции из Пуэрто-Рико за преступников, выдающих себя за агентов ФБР, а пуэрториканцы приняли патрульных за наемных убийц, посланных уничтожить свидетеля»⁴⁸³. Этот случай заставил развивать сотрудничество штатов в деле защиты свидетелей. По мнению помощника комиссара *Управления правоохранительных органов* Флориды Р.Е. Каминга (R.E. Cumming), одна из необходимых форм сотрудничества — заключение между штатами соответствующих соглашений; в Пуэрто-Рико и Флориде рассматривается вопрос создания единого координирующего органа при переселении защищаемых⁴⁸⁴.

В связи с переселением защищаемых обращается также внимание: «В некоторых случаях следует уведомлять местные правоохранительные органы (о переселении свидетеля. — *Примеч. авт.*), чтобы они могли оказать содействие в защите свидетеля. Но как только вы расширяете круг осведомленных о секретной информации, возрастает угроза ее

⁴⁸⁰ Op. cit. P. 9.

⁴⁸¹ См.: Сафир Г. Указ. соч. С. 204.

⁴⁸² См.: Witness protection programs in America. P. 9–10.

⁴⁸³ Witness protection programs in America. P. 2.

⁴⁸⁴ Op. cit. P. 10–11, 14.

разглашения. Если предусмотреть процедуру обязательного уведомления правоохранительных органов в других штатах — значит фактически согласиться с возможностью разглашения секретной информации»⁴⁸⁵. На эту же угрозу обращает внимание представитель федеральных органов — С. Дж. Ткач: «Программа защиты свидетелей требует соблюдения строжайших мер секретности... Именно поэтому, даже на уровне федерального правительства, информация о новых личных данных свидетеля и его местонахождении доводится до соответствующих должностных лиц строго в ограниченной мере. Например, ни я, ни кто-либо из моего ближайшего окружения не имеют доступа к такой информации. Распространение такого рода информации, независимо от того, кто ее получает, увеличивает риск для свидетеля»⁴⁸⁶.

В документах международного сообщества прямо указывается, что возможность переселения защищаемых зависит от финансовых возможностей государства⁴⁸⁷. В законодательстве Австрии⁴⁸⁸, Канады⁴⁸⁹, Италии⁴⁹⁰, Франции⁴⁹¹ и, как уже показано, в США эта мера безопасности предусмотрена. В других странах, например в Великобритании, законодательство не регулирует ее применение, однако изменение места жительства применяется и там, поскольку иные меры безопасности не всегда спасают от посткриминального воздействия⁴⁹². Нет урегулированных на законодательном уровне программ защиты свидетелей в Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии, тем не менее, по информации представителя *Управления ООН по контролю за наркотиками и предупреждению преступности И. Чациса*

⁴⁸⁵ Op. cit. P. 16.

⁴⁸⁶ Op. cit. P. 42.

⁴⁸⁷ См.: Док. E/1992/92/ (Suppl.1) P. 34; Док. E/CONF.88/3, 25 august, 1994, P. 20.

⁴⁸⁸ См.: Митц К. Указ. соч. С. 250.

⁴⁸⁹ Обзор практики применения программ по защите свидетелей Канадской королевской конной полиции // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 347.

⁴⁹⁰ См.: Док. E/CONF.88/3, 25 august. 1994. P. 21; Отдельные положения итальянского законодательства в отношении лиц, сотрудничающих с законом // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. С. 315.

⁴⁹¹ См.: «Закон № 2004-204 от 9 марта 2004 г., касающийся адаптации правосудия к изменениям преступности» («Loi № 2004-204 du 9 mars 2004 portant adaptation de la justice aux evolutions de la criminalite») // Legifrance.gouv.fr. Le service public de la diffusion du droit. Le Journal officiel de la Republique Francaise. Mardi 28 juin 2005 // Legifrance — Le service public de l'accès au droit.htm.

⁴⁹² См.: Защита свидетелей полицией // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1993. № 9. С. 8; Док. E/CONF.88/3. 25 august. 1994. P. 21.

(I. Chatzis)⁴⁹³, защищаемых переселяют и там; при этом вопросы, связанные с переселением, отражены в ведомственных инструкциях правоохранительных органов, что, конечно, не является оптимальным решением проблемы. В условиях правовой неурегулированности переселение применялось в Германии; с принятием в 1998 г. Закона «О регулировании вопросов обеспечения защиты свидетелей, которым угрожает опасность» эта мера безопасности урегулирована на законодательном уровне.

В российской юридической литературе о необходимости данной меры говорилось неоднократно, и условия, в которых борьба с преступностью в России ведется последние десятилетия, заставили применять переселение защищаемых лиц еще до принятия Закона «О государственной защите потерпевших...». Впрочем, в СССР переселение, в том числе под измененным именем, применялось и значительно раньше, например в 50-х гг. XX в., — для обеспечения безопасности тех, кто содействовал борьбе с бандами «лесных братьев» в Литве⁴⁹⁴.

Все изложенное приводит к выводу, что в российском Законе «О государственной защите потерпевших...» переселение предусмотрено вполне обоснованно (к сожалению, в ст. 10 Закона остались неурегулированными вопросы, связанные с *правом собственности* на жилище, оставляемое переселяемым, и на предоставляемое ему на новом месте жительства, с использованием жилищ, не находящихся в собственности переселяемого).

Что касается затрат государства на переселение защищаемых, то результаты в борьбе с преступностью, которые могут быть достигнуты в том числе благодаря применению данной защитной меры, возможно, оправдают эти затраты⁴⁹⁵.

- *Замена документов, удостоверяющих личность, иных документов защищаемого лица, изменение его внешности* (п. 5, 6 ч. 1 ст. 6, ч. 4 ст. 10 Закона «О государственной защите потерпевших...»). В соответствии с ч. 4 ст. 10 данного Закона указанные меры безопасности применяются в порядке, установленном Правительством РФ, и этот порядок установлен в п. п. 11–13 Правил. Отрадно то, что отечественный законодатель при установлении данного порядка избежал ошибки, допущенной в США, где, по информации Дж. Паонессы, в начальный период применения рассматриваемой меры безопасности защищаемому выдавались

⁴⁹³ Участник международной конференции «Безопасность свидетелей в эпоху транснациональной преступности» (Будапешт, январь 2007 г.).

⁴⁹⁴ См.: *Войников В. В.* Указ. соч. С. 54.

⁴⁹⁵ По данным ООН, затраты на систему уголовного правосудия составляют не более 40–50% всех потерь, связанных с преступностью (см.: *Преступность в России и проблемы борьбы с ней.* М., 2001. С. 192).

по сути поддельные документы, поскольку они изготавливались не в государственных органах, полномочных их изготавливать.

Замена документов, как и изменение места жительства, может быть сопряжена с необходимостью урегулирования многих вопросов. Поэтому, например, в ст. 13 латвийского «Закона об особой защите лиц» от 31 мая 2005 г. в перечень обязанностей защищаемого лица включена обязанность информировать орган, обеспечивающий безопасность данного лица, о гражданско-правовых обязательствах последнего. При этом, согласно ст. 19 указанного закона, придание человеку статуса «защищаемого лица» не должно влиять на его гражданско-правовые обязательства по отношению к третьим лицам, как и на обязательства последних в отношении защищаемого лица; при разрешении гражданско-правовых вопросов в суде интересы защищаемого лица представляет должностное лицо специального охранного учреждения.

Итальянское законодательство также предусматривает: «Смена анкетных данных не должна затрагивать гражданские, уголовные и административные отношения... существовавшие на момент изменения установочных данных лица»; «должна быть обеспечена гарантия защиты прав третьих лиц»; «защищаемым лицам должна быть обеспечена возможность действовать через своих представителей в правоотношениях гражданского и административного характера, возникших до изменения установочных данных таких лиц»; «должен быть определен специальный порядок для регистрации судимостей и выдачи соответствующих справок о судимостях за преступления, совершенные до и после издания распоряжения об изменении установочных данных лица»⁴⁹⁶.

В соответствии с ч. 5 ст. 6 Указа от 28 марта 1993 г. № 119 под названием «Положения, касающиеся изменения установочных данных личности для защиты лиц, сотрудничающих с законом» такое лицо, если оно является стороной в гражданском процессе, при его вызове в суд для дачи показаний «может обратиться в Центральную службу защиты с просьбой уведомить... судью, направив ему... сертификат, в котором указывается, что такое лицо освобождается от явки в суд в связи с существующей угрозой его личной безопасности. Сертификат приобщается к материалам дела; неявка лица в суд в этом случае не должна истолковываться как обстоятельство, дающее преимущество другой стороне, участвующей в деле»⁴⁹⁷.

⁴⁹⁶ См.: Отдельные положения итальянского законодательства в отношении лиц, сотрудничающих с законом // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 318.

⁴⁹⁷ Там же. С. 323.

В то же время ч. 1 ст. 8 данного Указа предусматривает: «Если изменение установочных данных лиц, включенных в специальную программу защиты, затрагивают права добросовестной третьей стороны, суд, основываясь на запросе заинтересованной стороны... может потребовать от председателя Центральной комиссии (орган, осуществляющий в Италии защиту лица. — *Примеч. авт.*) предоставить истцу измененные установочные данные защищаемого лица, приняв при этом необходимые меры к обеспечению его безопасности». Согласно ч. 3 этой же статьи «исковое заявление направляется как защищаемому лицу, так и в Центральную комиссию, которая выступает стороной в деле... В суде представитель Центральной комиссии или защищаемое лицо принимают меры к удовлетворению требований истца»⁴⁹⁸.

Исследовать и учесть подобные вопросы в законотворческой деятельности предстоит и в России. Дело в том, что ч. 2 ст. 9 отечественного Закона «О государственной защите потерпевших...», которая гласит: «В исключительных случаях, связанных с производством по другому уголовному либо гражданскому делу, сведения о защищаемом лице могут быть представлены в органы предварительного расследования, прокуратуру или суд на основании письменного запроса прокурора или суда (судьи) с разрешения органа, принявшего решение об осуществлении государственной защиты», относится только к одной мере безопасности — обеспечению конфиденциальности сведений о защищаемом лице.

Российские правоохранительные органы уже столкнулись с проблемой реализации меры безопасности в виде замены документов: после избрания сотрудниками *ГУ МВД России по Уральскому федеральному округу* меры безопасности в виде замены свидетелю документов управление ЗАГС Свердловской области, областные Минобразования и подразделение ФНС отказали в выдаче новых документов из-за «отсутствия законодательно закрепленных процедур реализации государственной защиты указанным способом»; анализ этой ситуации привел к выводу о необходимости внесения соответствующих дополнений в жилищное, трудовое и пенсионное законодательство⁴⁹⁹. Возможно, требуются изменения и других отраслевых законов, но дело в том, что эти вопросы не относятся к предмету уголовно-процессуальной науки, в то же время вряд ли они интересны в качестве объекта исследований представителям других отраслевых наук. Выход видится в создании, возможно под эгидой Коми-

⁴⁹⁸ Там же. С. 324–325.

⁴⁹⁹ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 18.

тета по безопасности Государственной Думы ФС РФ⁵⁰⁰, рабочей группы из юристов соответствующих специальностей для подготовки законопроекта, объединяющего все необходимые разноотраслевые новеллы.

Далее, на что следует обратить внимание: в ч. 3 ст. 6 российского Закона «О государственной защите потерпевших...» установлена возможность *переселения, замены документов, изменения внешности, места работы (службы), учебы* защищаемого лица только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Помимо этого, согласно ч. 5 ст. 10 Закона, перечисленные меры безопасности (кроме *изменения места работы (службы) и учебы*) осуществляются лишь в случаях, если безопасность защищаемого не может быть обеспечена другими мерами безопасности. В то же время следует учитывать, что Закон не требует *предварительного* применения других мер безопасности в качестве условия для переселения, замены документов и изменения внешности.

О техническом прогрессе в связи с рассматриваемыми мерами безопасности: этот прогресс не только позволяет использовать новые достижения науки и техники в деле защиты от посткриминального воздействия, но и порождает проблемы. В частности, компьютерные базы данных, содержащие сведения о персональных документах граждан, и их биометрические данные облегчают преступникам поиск защищаемых лиц, которым были заменены документы. На эту и другие проблемы, связанные с развитием компьютерных баз данных о гражданах, обращено внимание на международной конференции «Безопасность свидетелей в эпоху транснациональной преступности» (Будапешт, январь 2007 г.). Представляется, что изучение этих проблем и путей их решения может стать предметом самостоятельных исследований.

Очевидно, что замена документов и (или) изменение внешности, по меньшей мере в ряде случаев, должны сочетаться с изменением места жительства и работы защищаемого. В совокупности они представляют наиболее дорогостоящие средства в системе мер безопасности⁵⁰¹ и, как было показано, их применение влечет необходимость решения множест-

⁵⁰⁰ Поскольку именно этим Комитетом в начале 90-х гг. XX в. был разработан проект закона «О государственной защите потерпевших...», он же в 2001 г. инициировал возобновление законодательной деятельности по принятию данного Закона.

⁵⁰¹ Ранее в отечественных СМИ приводились предварительные оценки затрат на защиту содействующих правосудию в России: от 5 до 15 млрд рублей в год (см.: Романова Л. Депутаты готовятся одобрить судебную реформу // Независимая газета. 2001. 18 мая; Куликов В. Свидетелю положен автомат // Росс. газета. 2002. 29 марта). В соответствии с утвержденной в 2006 г. Правительством РФ Программой «Обеспечение безопасности потерпевших... на 2006–2008 годы» расходы в рамках этой Программы в 2006–2008 гг. должны были составить 948,72 млн рублей.

ва вопросов. Однако очевидно и то, что в ряде случаев только с помощью этого комплекса мер можно обеспечить безопасность защищаемых.

В качестве возможных источников финансирования этих мер российские юристы предлагали использовать средства, вырученные от реализации бесхозного и конфискованного имущества, штрафы за уголовные и административные правонарушения, средства, внесенные при применении меры пресечения — залога и обращенные в доход государства, отчисления от заработков осужденных, суммы, взысканные за лечение граждан — жертв умышленных преступлений⁵⁰², и с этими предложениями, по мнению автора, следует согласиться. За рубежом значительную часть необходимых средств составляют пожертвования частных лиц (побудительные мотивы — предоставление при таких жертвованиях налоговых льгот и опасения растущей преступности). Кроме того, в Бельгии, например, по сообщению судьи Верховного Суда этой страны Бенуа Дежемеппе (Benoit Dejemeppe) с каждого осужденного взыскивается 50 евро в фонд жертв преступлений, средства которого могут использоваться и для финансирования рассматриваемых мер безопасности. В США часть средств, конфискуемых у преступников, идет на финансирование *Программы защиты свидетелей*, кроме того, каждый осужденный в этой стране выплачивает штраф (100 долларов)⁵⁰³, и, по сведениям Дж. Паонессы, эти суммы также используются для финансирования данной *Программы*. Зарубежный опыт может быть учтен Россией.

В других бывших республиках СССР и иных странах, испытывающих по сравнению с Россией не меньшие экономические трудности, дорогостоящие меры безопасности предусмотрены. При этом в Азербайджане, Молдавии и Украине расходы, связанные с реализацией таких мер, по общему правилу осуществляются государством, однако защищаемый может взять их на себя частично или полностью. В Молдавии в данном случае между защищаемым и органом, обеспечивающим защиту, заключается соответствующий договор⁵⁰⁴; в Азербайджане (согласно ст. 23 Закона Азербайджанской Республики «О государственной защите лиц,

⁵⁰² См.: *Ведерникова О.* Фонд для жертв преступлений // Соц. законность. 1990. № 11. С. 27; *Новичков В. Е.* Применение уголовно-правовых норм, поощряющих или обязывающих граждан оказывать помощь правоохранительным органам: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 85; *Галактионов Е. А.* Угроза убийством // Жизнь и безопасность. СПб., 1996. № 2. С. 32.

⁵⁰³ Сумма этих штрафов превышает 600 млн долларов США.

⁵⁰⁴ Это предусмотрено в ч. 3 ст. 19 Закона Республики Молдавия от 28 января 1998 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному процессу» (см.: *Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства...* С. 104).

участвующих в уголовном процессе») и в Украине (согласно ст. 27 Закона «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве») финансирование защитных мер осуществляется за счет лиц, взятых под защиту, если на это есть их письменное согласие.

Российский Закон «О государственной защите потерпевших...», как и Закон Республики Казахстан «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе», а также «Закон об особой защите лиц» Латвийской Республики, подобных положений не содержит, более того, ч. 3 ст. 28 российского Закона запрещает возложение расходов, связанных с реализацией мер безопасности, на защищаемое лицо. Однако практика показала, что существующий порядок выделения госбюджетных средств на реализацию мер безопасности не обеспечивает их своевременного применения. Так, в органах внутренних дел (а это основная структура по реализации мер безопасности в России) для получения денежных средств необходимо представить целый «пакет» документов: обоснование необходимости собственно государственной защиты, «финансово-экономическое обоснование» затрат на конкретные меры безопасности, справку соответствующих организаций о стоимости тех или иных услуг в регионе, где планируется реализация этих мер и проч. Лишь по получении перечисленных документов *Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите*, рассматривает запрос средств. И даже при его удовлетворении средства перечисляются в течение месяца, нередко позже; имеют место и немотивированные отказы в их выделении. Как следствие — случаи подобные тому, когда предприниматель А. — свидетель убийства участника ОПГ, совершенного в Удмуртии членами конкурирующей ОПГ, из-за угроз преступников содержался в безопасном месте за его же счет с мая по декабрь 2006 г.⁵⁰⁵ Изложенное свидетельствует, по меньшей мере, о необходимости изменения порядка финансирования реализации мер безопасности из госбюджета. Кроме того, представляется необходимым на законодательном уровне рассмотреть вопрос о допущении использования других, помимо бюджетных, средств, в том числе — на добровольной основе — средств защищаемого лица (вариант: с условием возмещения ему затрат в определенный срок).

- *Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице.* Содержание этой меры приведено в ч. 1 ст. 9 Закона «О государственной защите потерпевших...». Для ее реализации может потребоваться участие не только государственных, но и иных органов. Например, *запрет на выдачу сведений из справочных служб телефонной связи пот-*

⁵⁰⁵ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 20–22.

ребует участия в осуществлении этого запрета негосударственных организаций, осуществляющих услуги связи (поэтому в соответствии со ст. 22 Закона «О государственной защите потерпевших...» решения о применении мер безопасности обязательны для исполнения должностными лицами предприятий, учреждений и организаций независимо от их формы собственности).

За исключением *изменения номеров телефонов и регистрационных знаков транспортных средств*, обеспечение конфиденциальности иных сведений о защищаемом лице возможно лишь в течение определенного времени, поскольку вышеуказанные запреты могут препятствовать осуществлению защищаемыми лицами их гражданских прав и обязанностей. Поэтому, если по прошествии определенного времени угроза посткриминального воздействия не исчезла, к защищаемому вместо вышеуказанных запретов должны применяться другие меры безопасности.

Для обеспечения безопасности военнослужащих, помимо рассмотренных, необходимы дополнительные (специальные) меры безопасности, поскольку, во-первых, обстоятельства совершения многих преступлений в воинских условиях и, во-вторых, особенности военной службы обуславливают неэффективность многих из вышеприведенных мер безопасности. Использование специальных мер позволяет также использовать собственные ресурсы Вооруженных Сил, оптимизировать деятельность по обеспечению безопасности военнослужащих (охрана защищаемых лиц военнослужащими, имеющими специальную подготовку, использование принадлежащих Вооруженным Силам гостиниц и иных зданий в качестве безопасных мест для защищаемых, возможность использования принадлежащих Вооруженным Силам транспортных средств и проч.).

В качестве дополнительных мер безопасности военнослужащих ч. 2 ст. 13 Закона «О государственной защите потерпевших...» предусматривает:

- *командирование защищаемого лица в другую воинскую часть, другое военное учреждение (п. 1 ч. 2 ст. 13);*
- *перевод защищаемого лица на новое место военной службы, в том числе в воинскую часть или военное учреждение другого федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба по согласованию между соответствующими должностными лицами федеральных органов исполнительной власти (п. 2 ч. 2 ст. 13);*
- *командирование или перевод военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, от которого может исходить угроза защищаемому лицу, в другую воинскую часть, другое военное учреждение (п. 3 ч. 2 ст. 13).*

Установленный в ст. 4 Закона «О государственной защите потерпевших...» принцип *неущемления* прав защищаемого реализуется в том числе за счет указанного в ч. 3 ст. 13 Закона условия: при переводе военнослужащий назначается на равную воинскую должность и используется по основной или однопрофильной военно-учетной специальности.

Предусмотренные п.п. 1 и 2 ч. 2 ст. 13 Закона меры безопасности по своему содержанию близки к временному помещению в безопасное место и переселению, в том числе по финансовым затратам на их реализацию, если защищаемые — военнослужащие, проходящие службу *по контракту*, прежде всего — офицеры. Данные меры оптимальны для военнослужащих, проходящих службу *по призыву*, так как не сопряжены с существенными финансовыми затратами и обеспечивают безопасность этих военнослужащих до окончания срока их службы, что важно, поскольку существует угроза посткриминального воздействия со стороны друзей осужденного, остающихся в подразделении после судебного разбирательства. Одно из свидетельств тому — заявления более 40% жертв насильственных преступлений о беспомощности и бессилии, испытываемых ими и после осуждения их «обидчиков»⁵⁰⁶.

Эффективность в воинских условиях командирования отмечена 59% следователей военных прокуратур и 32% военных судей; перевода — соответственно 37% и 28% респондентов, причем 40% всех опрошенных обратили внимание на необходимость в ряде случаев командирования и перевода на новое место службы в другой гарнизон, а 19% — в другой военный округ (опрос проведен в 1997 г.). Практическими работниками обращено внимание и на необходимость переводов защищаемых военнослужащих из одних ведомств в другие, где предусмотрена военная служба, например, из Вооруженных Сил РФ во внутренние войска МВД РФ. Выбор одной из мер безопасности, предусмотренных ч. 2 ст. 13 Закона «О государственной защите потерпевших...», зависит от *количественного соотношения* военнослужащих, оказывающих посткриминальное воздействие и подвергающихся ему. При преобладании первых целесообразны командирование или перевод защищаемых лиц. Если же один военнослужащий представляет опасность для нескольких, и их командирование может повлечь более негативное влияние на боеготовность подразделения, большие финансовые затраты и организационные трудности при производстве процессуальных действий с командированными (переведенными) в другую воинскую часть, то следует использовать

⁵⁰⁶ См.: Мацкевич И.М., Эминов В.Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М., 1994. С. 59–60.

меры безопасности, предусмотренные п. 3 ч. 2 ст. 13 указанного Закона. По данным Главной военной прокуратуры органы, предварительного расследования применяют все меры, перечисленные в ч. 2 ст. 13 Закона «О государственной защите потерпевших...»⁵⁰⁷.

Необходимость мер безопасности, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 13 данного Закона, обусловлена также следующими обстоятельствами:

Военнослужащие, освобождаемые после отбытия наказания из дисциплинарной воинской части, а также при освобождении из гауптвахт для осужденных военнослужащих и из соответствующих отделений гарнизонных гауптвахт⁵⁰⁸, в соответствии с п. 92 «Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими»⁵⁰⁹, как правило, направляются в те части, в которых они проходили службу до осуждения. Учитывая, что содержание в дисциплинарной воинской части для значительной части осужденных устанавливается на срок не более 1 года, к содержащимся в этих частях применяется условно-досрочное освобождение (арест же военнослужащих в качестве уголовного наказания предусмотрен лишь до 6 месяцев) возвращение в свою часть может происходить еще до увольнения в запас потерпевших и свидетелей, избличивших их в совершении преступлений, что делает возможным посткриминальное воздействие из мести. Такое воздействие возможно и в случаях, когда осужденный остается в своей воинской части, например при условном осуждении.

Для предотвращения указанного воздействия необходимо направление военнослужащего при его освобождении из дисциплинарной воинской части и из гауптвахты после отбытия уголовного наказания в виде ареста не к прежнему месту службы, а в другую воинскую часть. С этой же целью перевод к новому месту службы в порядке п. 3 ч. 2 ст. 13 Закона «О государственной защите потерпевших...» может применяться и при прекращении в отношении военнослужащего уголовного дела

⁵⁰⁷ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 11–12.

⁵⁰⁸ Гауптвахты являются местом отбывания уголовного наказания в виде ареста для военнослужащих в соответствии с ч. 7 ст. 16 УИК РФ. Согласно ст. 5 Закона РФ от 8 января 1997 г. «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» (Росс. газета. 1997. 16 янв.) положения УИК РФ об аресте должны были начать действовать по мере создания необходимых условий для исполнения этого наказания, но не позднее 2001 г. Федеральным законом РФ от 10 января 2002 г. № 4-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в федеральные законы «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» и «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»» (СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 130) введение в действие этих положений было перенесено на 2006 г.

⁵⁰⁹ Утверждены Приказом министра обороны РФ от 29 июля 1997 г. № 302.

либо уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, при его условном осуждении, при постановлении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания или без назначения наказания, при назначении иных уголовных наказаний, не связанных с ограничением, лишением свободы, содержанием в дисциплинарной воинской части и арестом. В этих случаях решение о переводе военнослужащего в порядке п. 3 ч. 2 ст. 13 Закона «О государственной защите потерпевших...» принимает соответствующее командование на основании решения о применении мер безопасности, вынесенного следователем при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям либо судьей (судом) при постановлении приговора.

В первоначальных проектах Закона «О государственной защите потерпевших...» в качестве меры безопасности военнослужащих предлагалась также *охрана защищаемого командованием воинской части*. Но очевидно, что такая охрана в равной мере не гарантировала бы безопасность ни офицеров и иных военнослужащих, проживающих за пределами воинской части, ни военнослужащих, располагающихся на ее территории.

В первом случае неэффективность охраны была бы обусловлена ее осуществлением лицами, не имеющим специальной подготовки (законопроекты предполагали осуществление охраны военнослужащими той же воинской части, что и защищаемое лицо), а во втором, помимо указанного обстоятельства, тем, что при размещении военнослужащих в казармах и общежитиях на территории воинской части субъекты, совершившие преступления, свидетели их деяний и потерпевшие, как правило, большую часть времени находятся вместе. В таких условиях возложение охраны на военнослужащих данного подразделения или других подразделений этой же воинской части не обеспечит безопасность защищаемых, так как посткриминальному воздействию, во всяком случае психологическому, могут подвергаться не только охраняемые, но и охраняющие лица.

Охрана защищаемого в условиях военного быта может быть эффективной при условии ее осуществления военной полицией, для которой специальные охранные функции станут одним из видов профессиональной деятельности⁵¹⁰. Участие военной полиции в обеспечении безопасности военнослужащих позволит расширить перечень специальных защитных мер. Речь идет о *направлении защищаемого в подразделение военной полиции*. Это самостоятельная мера защиты, и ее не следует смещи-

⁵¹⁰ Осуществление военной полицией охранной функции предусматривалось в законопроекте «О военной полиции», разработанном еще в середине 90-х гг. XX в. (см.: Военная полиция: реальный шаг на пути реформ // Красная звезда. 1996. 28 нояб.).

вать с командированием, так как последнее предполагает продолжение исполнения военнослужащим обязанностей по его специальности, что при направлении в подразделение военной полиции, как правило, будет невозможным. Территория подразделений военной полиции может использоваться в качестве безопасного места не только для военнослужащих, но и для других защищаемых лиц.

Что касается вопроса о нормативном урегулировании реализации универсальных мер безопасности, то очевидно, что, помимо названного Закона, необходим подзаконный нормативный правовой акт, в котором должен быть *исчерпывающе* установлен порядок их реализации. Названный Закон предусмотрел принятие такого акта для урегулирования личной охраны, охраны жилища и имущества защищаемого лица (ч. 1 ст. 7), выдачи защищаемому средств индивидуальной защиты, связи и оповещения (ч. 2 ст. 8), но почему-то не для урегулирования более сложных мер безопасности: переселения, временного помещения защищаемого в безопасное место. Такая половинчатость Закона повлекла то, что порядок применения некоторых мер безопасности, предусмотренных Законом, в Правилах оказался не урегулированным.

Еще несколько слов о Правилах. Достаточна ли в них *степень детализации* порядка осуществления личной охраны защищаемого лица (п.п. 4–6 Правил); охраны его жилища и имущества (п. 7); выдачи специальных средств индивидуальной защиты и проч. средств (п.п. 8–9); замены документов и изменения внешности (п.п. 11–13); изменения места работы, учебы (п. 14) — покажет (и уже показывает) практика применения этих мер безопасности. Позитивно то, что хотя бы в Правилах нашли отражение вопросы, которые следовало урегулировать непосредственно в Законе «О государственной защите потерпевших...»:

— в п. 2 Правил установлено, что об избрании мер безопасности и способах их применения орган, их осуществляющий, выносит соответствующее *постановление* (его форма указана в приложении № 1 к Правилам);

— в п. 3 Правил и в приложении № 2 к ним указана *форма*, в которой орган, осуществляющий меры безопасности, обязан информировать об избранных мерах, их изменении и результатах применения суд и других соответствующих должностных лиц;

— абзац третий п. 11 предусматривает, что *замена документов* может носить как временный⁵¹¹, так и постоянный характер;

⁵¹¹ Временная замена документов может сочетаться с временным изменением внешности, когда защищаемое лицо лишь *примиряют* (см. об этом интервью с начальником Управления по обеспечению охраны лиц, подлежащих государственной защите, О.В. Зиминим // <http://www.soprotivlenie.org/?id=53&eid=75&t=v>).

— в абзаце четвертом п. 14 указано, что при устройстве защищаемого лица на временное место работы, учебы за ним сохраняется право на *восстановление по прежнему или аналогичному месту работы, учебы*.

В то же время в Правилах имеется и ненужное *дублирование* норм указанного Закона. Так, п. 14 повторяет содержание ч. 3 ст. 6 Закона, где установлено, что изменение места работы (службы) или учебы защищаемого лица осуществляется *только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях*. Пункт 10 дублирует содержание ст. 27 Закона, где говорится об ответственности защищаемого лица в случае продажи, залога, передачи другим лицам выданных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, утраты либо порчи этих средств. Вряд ли такое дублирование оправданно, ведь для сотрудников правоохранительных органов, реализующих универсальные меры безопасности, «настойной книгой», наряду с Правилами, является и Закон «О государственной защите потерпевших...».

Правила могут, и надо надеяться, будут дополнены нормами, не дублирующими, а раскрывающими содержание Закона. В частности, абзац первый п. 11 Правил, где говорится о том, что замена документов и изменение внешности применяются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и только в случае, если безопасность защищаемого лица не может быть обеспечена путем применения других мер безопасности, может быть дополнен разъяснением, что в соответствии с Законом «О государственной защите потерпевших...» не требуется *предварительного* применения других мер безопасности в качестве условия для замены документов, изменения внешности.

Правила следует дополнить также указаниями на то, что:

— *договор* между защищаемым лицом и органом, обеспечивающим его безопасность, может быть заключен вне зависимости от избранной меры безопасности (сейчас в Правилах говорится о договоре лишь применительно к замене документов и изменению внешности в абзаце втором п. 11);

— при заключении этого договора в нем следует предусматривать *дополнительные* права и обязанности сторон, поскольку для осуществления их прав и обязанностей, которые непосредственно указаны в ст.ст. 23 и 24 Закона, заключать договор не требуется. Очевидно, больше внимание в Правилах должно быть уделено содержанию и *трехстороннего договора*, предусмотренного абзацем вторым п. 13 Правил, при осуществлении меры безопасности в виде изменения внешности защищаемого лица. В приложении к Правилам целесообразно привести *типовые формы* соответствующих договоров, поскольку отсутствие таких форм затрудняет реализацию Закона «О государственной защите потерпевших...».

Для приведения Правил в соответствие Закону «О государственной защите потерпевших...» следует изменить редакцию п. 15, где говорится, что при переводе защищаемого военнослужащего к новому месту службы ему предоставляется равная либо *иная* должность. Это противоречит ч. 3 ст. 13 указанного Закона, установившей, что при переводе военнослужащий назначается именно на *равную* должность. Пункт 15 Правил противоречит и ст. 4 указанного Закона, где в качестве одного из принципов государственной защиты установлено *неущемление прав защищаемого*. Обращает на себя внимание и следующий недостаток п. 15 Правил: им предусмотрены командирование и перевод *в соответствии с законодательством Российской Федерации о воинской обязанности и военной службе* лишь защищаемых военнослужащих, хотя ч. 3 ст. 13 Закона «О государственной защите потерпевших...» в качестве меры безопасности допускаются командирование, перевод и тех военнослужащих, от которых может исходить угроза посткриминального воздействия.

Тем не менее даже при названных недостатках Правил их утверждение Правительством РФ является важным шагом в нормативном урегулировании обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Конечно, Правила будут дополняться — основания для этого даст практика применения Закона и самих Правил. Очевидно и то, что уже сейчас в Правила следует внести ряд изменений и дополнений, которые приведут подзаконный нормативный акт в соответствие Закону, а положения последнего сделают более «прозрачными» для правоприменителя.

В заключение следует отметить, что применение Закона «О государственной защите потерпевших...» к иностранцам не отменяет действие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Согласно его ст. 2 «законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин — лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации». Срок *временного пребывания* (и порядок его продления), срок *временного проживания*, условия *постоянного проживания* иностранных граждан в России урегулированы в ст.ст. 5, 6, 6¹, 8 и в иных статьях указанного Федерального закона. Так, постоянное проживание иностранного гражданина в России осуществляется на основании выданного ему *вида на жительство сроком на пять лет*; по окончании срока действия вида на жительство данный срок по заявлению гражданина может быть продлен на пять лет, при этом количество продлений

срока действия вида на жительство не ограничено (п. 3 ст. 8 указанного Федерального закона). Данная норма позволяет применять к иностранным гражданам меры безопасности, предусмотренные Законом «О государственной защите потерпевших...», в течение длительного времени.

1. Завершая рассмотрение *универсальных* мер безопасности, надо сказать, что Закон «О государственной защите потерпевших...» находит все большее применение в деятельности российских правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел. Если в январе 2005 г. эти меры применялись 6 раз, то в декабре того же года число защищаемых лиц превысило 500 человек (в большинстве случаев применялись личная охрана и охрана жилища)⁵¹². С марта 2005 г. по март 2007 г. количество защищенных лиц подразделениями МВД РФ составило около 2 тысяч человек⁵¹³, в 2008 г. — 596 человек, из них: 187 потерпевших, 345 свидетелей, 64 иных участников уголовного процесса, родственников и других близких лиц участникам уголовного процесса. В 2008 г. применялись: личная охрана, охрана жилища и имущества — 359 раз, выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности — 86 раз, в 239 случаях — обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом, в 68 случаях — временное помещение в безопасное место⁵¹⁴. Причина большего числа примененных мер безопасности в сравнении с количеством защищенных лиц, очевидно, в одновременном либо последовательном использовании в отношении отдельных лиц нескольких мер безопасности, что возможно на основании ч. 1 ст. 6 Закона «О государственной защите потерпевших...».
2. Следует ожидать дальнейший рост числа защищаемых лиц, поскольку в соответствии с Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 в составе центрального аппарата МВД РФ создано *Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (УОГЗ*

⁵¹² Информация Управления общественных связей Административного департамента, Правового департамента и Департамента по борьбе организованной преступностью и терроризмом МВД РФ «О реализации органами внутренних дел положений Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 10 февраля 2006 г. // <http://www.mvdinform.ru/index.php?docid=3891>.

⁵¹³ «В Москве проходит Первая Международная конференция по вопросам защиты прав потерпевших и свидетелей в уголовном процессе. Информация МВД РФ» // <http://www.mvdinform.ru/anounce/4661>.

⁵¹⁴ См.: Интервью с начальником Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России О.В. Зиминим // <http://www.mwd.rus-truct/10000153/10000225/6498/6498/>.

МВД РФ), а в МВД, ГУВД и УВД по субъектам Российской Федерации — одноименные *центры и группы*. Только за первые 5 месяцев 2009 г. под защитой указанных структур находились 700 человек⁵¹⁵. В отличие от МВД РФ, в ФСБ РФ реализация универсальных мер безопасности возложена на существующие структуры: 9 Управление центрального аппарата ФСБ РФ, территориальные органы безопасности, органы безопасности в войсках и пограничных органах⁵¹⁶.

3. Несмотря на приведенную позитивную динамику использования универсальных мер безопасности, настораживает тот факт, что по прошествии четырех лет со времени принятия Закона «О государственной защите потерпевших...» не знали о его существовании 11% из 211 опрошенных следователей и 5% из 100 судей⁵¹⁷. Очевидно, что наряду с развитием законодательства, регулирующего использование универсальных мер защиты, и созданием специальных подразделений для осуществления этих мер, другой не менее важной задачей является разработка программ по изучению указанного законодательства и внедрение этих программ как в процесс обучения студентов юридических вузов, так и в деятельность учреждений, в которых сотрудники правоохранительных органов повышают свою квалификацию.

§ 2. Меры безопасности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности

Наиболее активно посткриминальное воздействие осуществляется в ходе уголовного судопроизводства, но обязанность государства защищать тех, кто содействует или содействовал правосудию, не может быть ограничена его пределами.

Защита граждан от посткриминального воздействия актуальна в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), которая, как и уголовно-процессуальная, обусловлена потребностью борьбы с пре-

⁵¹⁵ Из интервью с начальником Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, О. В. Зиминим // <http://www.soprotivlenie.org/?id=53&eid=75&t=v>.

⁵¹⁶ Согласно п. 3 «Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства и их близких» (утвержден Приказом ФСБ России от 3 февраля 2009 г. № 39 // СПС «Гарант»).

⁵¹⁷ См.: *Полстовалов О. В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 41.

ступностью и, наряду с уголовным судопроизводством⁵¹⁸, направлена на осуществление правосудия. Значение ОРД в борьбе с преступностью возрастает, что обусловлено все возрастающей изощренностью способов совершения и сокрытия преступлений, в свою очередь вызванной общим для большинства стран ростом организованных форм преступности, распространением терроризма и другими тенденциями преступности, которые характерны и для современной России.

В Российской Федерации, наряду с наличием возбужденного уголовного дела, основанием проведения ОРД являются сведения о *признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела* (подпункт 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД). Тем самым предусмотрена ОРД, *предваряющая* уголовное судопроизводство, причем длительное время. О ее длительности свидетельствует выделение в этой деятельности нескольких этапов: 1) *разведывательного поиска*; 2) *предварительной оперативной проверки* (проводится, если в результате предыдущего этапа становится известно о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния и о лицах, причастных к нему); 3) *последующей оперативной проверки («оперативной разработки»)*, которая может заканчиваться установлением информации, используемой в качестве основания возбуждения уголовного дела⁵¹⁹. Только успешное окончание последнего этапа и делает возможным уголовное судопроизводство.

В процессе ОРД решаются задачи: розыск очевидцев преступления, получение сведений о документах и предметах, имеющих отношение к преступлению и предотвращение их уничтожения. Однако субъекты, совершившие преступления, в настоящее время уже не ограничиваются уничтожением документов и предметов, их посягательства распространяются и на лиц — носителей доказательственной информации, на граждан, участвующих в оперативно-розыскных мероприятиях (ОРМ). Угроза же таких посягательств приводит к нежеланию граждан сообщать в правоохранительные органы об известных им преступлениях,

⁵¹⁸ В то же время это различные виды деятельности. Подробнее об этом см.: *Милицин С.Д.* Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. Свердловск, 1991. С. 78; *Зажичкий В.И.* Связь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса // Гос. и право. 1995. № 6. С. 60, 62, 66.

⁵¹⁹ См.: *Основы оперативно-розыскной деятельности* / Под ред. В.Б. Рушайло. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2000. С. 33–34.

давать о них объяснения. Но в ряде случаев именно эти действия — выполнение гражданского долга, а не юридических обязанностей⁵²⁰ — делают возможным успешное окончание ОРД, последующее уголовное судопроизводство и, в конечном итоге, само правосудие.

Содействие граждан ОРД является первым этапом их содействия правосудию, а меры, обеспечивающие их безопасность при проведении ОРД, — одной из подсистем в системе мер безопасности лиц, содействующих правосудию.

Лица, содействующие ОРД (не являющиеся штатными сотрудниками спецслужб⁵²¹), делятся на три группы. Первую группу образуют лица, оказывающие содействие анонимно; вторую — гласно (открыто), третью — негласно (конфидененты). Правовым основанием содействия является ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД, где указано, что отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению ОРМ с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту.

Анонимное содействие заключается в предоставлении информации гражданами, не желающими раскрывать свое имя, участвовать в ОРД и в уголовном процессе. Мерой безопасности в данном случае является собственно анонимность лица, передающего информацию органу, осуществляющему ОРД (по телефону, в письменной форме, в процессе непосредственной встречи с оперативным сотрудником либо через посредника)⁵²².

Гласное содействие оказывается при подготовке и проведении ОРМ, в ходе которых гражданин не требует (или не требуется) сохранения в тайне его участия в данных мероприятиях.

Конфиденциальное содействие означает, что сведения о лицах, оказывающих содействие в такой форме, не подлежат оглашению. Для таких лиц устанавливается обязанность сохранять в тайне сведения, которые им становятся известными в ходе подготовки и проведения ОРМ, в том числе о других конфидентах. В свою очередь на органы, осуществляющие ОРД, возложены обязанности: защищать сведения о конфидентах, свести к минимуму штатных сотрудников, знающих их личности, разрабатывать и соблюдать правила конспирации в работе с конфидентами.

⁵²⁰ Поскольку УК РФ декриминализировал недонесение о преступлениях, ранее предусмотренное в ст. 190 УК РСФСР 1960 г.

⁵²¹ Штатные сотрудники — действующие открыто (гласно) от имени соответствующего ведомства и сотрудники, принадлежность которых к осуществляющему ОРД органу скрывается (офицеры особого назначения).

⁵²² В США таким лицам, неоднократно вступающим в контакт с оперативными подразделениями, может присваиваться «кодовое имя» — псевдоним (см.: Чечетин А. Е., Буряков Е. В. Опыт борьбы с организованной преступностью в США: Учеб. пособие. Омск, 1998. С. 53).

Конфиденциальное сотрудничество по контракту⁵²³ означает, что конфиденты ведут активную разведывательно-поисковую деятельность, и получение за нее вознаграждений является одним из источников их существования. Конфиденциальное сотрудничество может осуществляться и без заключения контракта и выражаться в предоставлении гражданином соответствующему подразделению информации, служебных, жилых и иных помещений (для засад, наблюдения, конспиративных встреч и т.п.), транспортных средств и предметов для осуществления ОРМ, в консультировании по вопросам, связанным с проведением ОРМ, оказании других услуг.

Закон об ОРД не устанавливает форму фиксации конфиденциального сотрудничества, в связи с чем делается вывод, что могут использоваться различные формы и отмечается, что наиболее распространенными являются: устная договоренность⁵²⁴, подписка лица о сотрудничестве с оперативно-розыскным органом, контракт⁵²⁵. Если заключается контракт, то в нем указываются: срок и цель сотрудничества, условия и порядок его продления, сумма (характер) вознаграждения, обязанности и права сторон, включая *обязательства по обеспечению личной безопасности конфиденнта и его близких*⁵²⁶.

А. Деминым обращено внимание, что контракт должен содержать гарантии безопасности для содействующих ОРД. При этом подлежащие указанию в контракте гарантии безопасности указанный автор делит на «установленные нормативно» и «специальные — индивидуально оговоренные в контракте (изменение внешности, выдача новых документов, удостоверяющих личность, переезд в другую местность)»⁵²⁷. Но

⁵²³ В соответствии с ч. 2 ст. 17 Закона об ОРД контракты могут заключаться с совершеннолетними дееспособными лицами независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений.

⁵²⁴ В США, например, это наиболее часто используемая форма, поскольку вселяет в конфиденнта уверенность, что его сотрудничество с полицией не будет раскрыто преступниками (см.: *Смирнов М.П.* Оперативно-розыскная деятельность полиции зарубежных стран. М., 2001. С. 127).

⁵²⁵ См.: *Шумилов А.Ю.* Основы уголовно-розыскного права (правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности). Общая часть: Учеб. пособие. М., 2000. С. 109.

⁵²⁶ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постатейным приложением нормативных актов и документов. Автор-составитель А.Ю. Шумилов. М., 1999. С. 148–149; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий. Под ред. В.В. Николюка. 4-е изд. перераб. и доп. М., 1999. С. 166.

⁵²⁷ См.: *Демин А.* Контракты в сфере оперативно-розыскной деятельности // Росс. юстиция. 1997. № 6. С. 10–11.

указание в контракте «установленных нормативно» мер безопасности излишне, поскольку их применение согласно Закону об ОРД является обязанностью соответствующих подразделений вне зависимости от того, заключен контракт о сотрудничестве или же сотрудничество осуществляется гражданином на бесконтрактной основе. Что касается «специальных» (по классификации А. Демина) мер безопасности, то возможность их применения к лицам, содействующим ОРД, должна быть предусмотрена не только в контракте, но, прежде всего, в Законе «О государственной защите потерпевших...», что к сожалению, не сделано.

В специальных источниках указывается, что содействие со стороны граждан является неотъемлемой чертой ОРД, а *конфиденциальная форма содействия* — стержень ОРД. Именно с помощью конфиденентов раскрывается около половины всех преступлений, разыскивается значительная часть преступников, использование конфиденциального содействия граждан выступает в качестве одного из эффективных способов получения тактически значимой информации и воздействия на процессы, протекающие в криминогенной среде⁵²⁸.

О значимости такой формы участия граждан в борьбе с преступностью свидетельствует и зарубежный опыт: в США, например, с помощью конфиденентов раскрывается более 85% наиболее серьезных преступлений (и указывается на необходимость привлечения к сотрудничеству самого широкого круга лиц: студентов, служащих аэропортов, гостиниц, автостоянок, водителей автобусов и такси, консьержей, почтальонов, уличных торговцев, официантов, работников различных муниципальных органов и других лиц)⁵²⁹. Важная информация о преступной деятельности может поступать от конфиденентов как из числа законопослушных граждан, так и от представителей преступного мира. Об организованной преступности наиболее ценная информация поступает именно от конфиденентов⁵³⁰. Для борьбы с этим видом преступности в США, например,

⁵²⁸ См.: Харитонов А. Н. Государственный контроль над преступностью: (Теоретические и правовые проблемы). Омск, 1997. С. 211–212.

⁵²⁹ См.: Смирнов М. П. Оперативно-розыскная деятельность полиции зарубежных стран. М., 2001. С. 131; Губанов А. В. Полиция запада. М., 1993. С. 59–60.

⁵³⁰ Подробнее о роли конфиденентов см., в частности: Яблоков Н. П. Общетеоретические проблемы оперативно-розыскной деятельности в борьбе с организованной преступностью // Вестник Московского университета. 1996. № 2. С. 47; Власихин В. Операция «АБСКЭМ». Жучки, маячки и жало в борьбе с коррупцией // Чистые руки. М., 1999. № 3. С. 43–44; Дынин С. В. Правовые и организационно-тактические основы документирования преступной деятельности по сбыту наркотиков: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 126–127; Минин А. Я., Попов В. И., Кудин В. А. Практика и порядок проведения тайных действий и операций против организованной преступности в США: Учеб. пособие. М., 1999. С. 6–7, 26.

только в Чикаго с 1966 по 1976 г. к такому сотрудничеству было привлечено более 5 тыс. человек⁵³¹.

Важность роли конфиденентов объясняется и тем, что перевоплощение штатных сотрудников требует тщательного сокрытия их прошлого, длительного обучения, и, в то же время, личные способности, спецподготовка и «легенда» не гарантируют полной адаптации в преступной среде, серьезной опасностью является риск провала вследствие случайности либо контрразведовательной проверки⁵³².

Значение конфиденентов обусловлено также широким кругом ОРМ, к которым их привлекают: *опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка* (мнимая сделка купли-продажи с лицом, подозреваемом в противозаконной деятельности); *исследование предметов и документов, наблюдение* (обычно заключается в тайном непосредственном визуальном или с помощью оперативно-технических средств восприятия значимых для решения задач ОРД явлений⁵³³); *отождествление личности* (проводится тайно от опознаваемого в местах его вероятного появления, при этом специально обращается внимание на необходимость обеспечения безопасности граждан, участвующих в данном ОРМ); *обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контролируемая поставка; оперативное внедрение* (комплекс ОРМ по продвижению конфиденнта в изучаемый объект и приобретению в нем позиций, позволяющих получать необходимую информацию; долговременное внедрение занимает от нескольких месяцев до нескольких лет, кратковременное — от нескольких часов до нескольких суток).

Кроме того, при проведении перечисленных и иных ОРМ используются видео- и аудиозапись, фотосъемка и иные технические средства, применение которых может потребовать участия в ОРМ не только штатных сотрудников, но и других лиц, обладающих необходимыми специальными знаниями, в том числе на конфиденциальной основе.

Очевидно, что конфиденциальное содействие сопряжено с опасностью посткриминального воздействия, поскольку преступниками оказывается активное противодействие ОРД. Это противодействие включает и комплекс действий по обнаружению проникших в преступную среду сотрудников осуществляющих ОРД служб, а также предста-

⁵³¹ См.: *Осипкин В.Н.* Организованная преступность. СПб., 1998. С. 14, 20.

⁵³² См.: Основы оперативно-розыскной деятельности. С. 89–90.

⁵³³ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С. 59.

вителей этой среды, негласно сотрудничающих с правоохранительными органами⁵³⁴.

Одной из предпосылок реальной защиты конфиденентов является ее *нормативно-правовая регламентация*. Необходимые шаги в этом направлении предприняты. Во-первых, в ст. 3 Закона об ОРД в принципы этой деятельности включены: 1) *конспирация*; 2) *сочетание гласных и негласных методов и средств*. Содержание данных принципов раскрывается в специальных источниках, при этом большее внимание уделяется принципу конспирации. Его содержание заключается в осуществлении ОРД таким образом, чтобы сохранить в тайне от посторонних (прежде всего от лиц, совершающих преступления) тактику, содержание, формы и методы, силы и средства проведения конкретных ОРМ и операций; в использовании правил и приемов, позволяющих сохранять в тайне от преступников действия правоохранительных органов⁵³⁵. В русле рассматриваемой проблемы важна констатация того, что конспирация рассматривается и как способ обеспечения безопасности тех, кто сотрудничает с осуществляющими ОРД органами⁵³⁶. Принципу *сочетания гласных и негласных методов и средств* уделяется меньшее внимание, но при этом непосредственно указывается, что негласные начала ОРД «проявляются прежде всего в процессе конфиденциального сотрудничества с гражданами»⁵³⁷.

Реализация закрепленных в Законе об ОРД норм-принципов возможна, если он содержит необходимые для осуществления принципиальных установлений конкретные нормы. Выше уже было отмечено, *конспирация и сочетание гласных и негласных методов и средств* имеют важное значение не только для достижения целей ОРД, но и для обеспечения безопасности конфиденентов. Поэтому нормы закона, посредством которых реализуются названные принципы, следует квалифицировать в качестве *мер безопасности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности*. Достаточны ли они? Ответ — в рассматриваемых ниже положениях Закона об ОРД:

⁵³⁴ См. об этом: *Хажколов В.П.* Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. М., 1999. С. 114–116; *Коробейников В.Н.* Организационные и тактические вопросы оперативно-розыскного обеспечения расследования преступления // Вестник Удмуртского университета. 1998. № 1. С. 112.

⁵³⁵ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С. 23; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий. С. 15.

⁵³⁶ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий. С. 145.

⁵³⁷ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С. 24.

- Часть 4 ст. 5 Закона об ОРД предусматривает, что лицо, «в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе истребовать от органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной о нем информации *в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны*».

Часть 5 этой же статьи гласит, что осуществляющий ОРД орган обязан предоставить судье по его требованию оперативно-служебные документы, содержащие информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано заявителю, *«за исключением сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе»*.

- Согласно п. 5 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД осуществляющие эту деятельность органы вправе собирать данные, необходимые для принятия решений по обеспечению их безопасности. Обычно эта деятельность называется *обеспечением собственной безопасности* и представляет собой комплекс мер по пресечению проникновения в оперативные аппараты представителей криминальной среды, предотвращению утечки служебной информации и сведений, составляющих государственную тайну, выявлению фактов совершения должностных преступлений, коррупции и предательства интересов службы сотрудниками правоохранительных органов, а также *«осуществление защиты сотрудников оперативных аппаратов, членов их семей и лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, в случае реальной угрозы посягательства на их жизнь, здоровье и имущество»*⁵³⁸. В рамках этой деятельности обеспечению безопасности конфиденентов уделяется такое же внимание, как и безопасности штатных сотрудников.
- В соответствии с ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД «в случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц по их заявлению или с их согласия в письменной форме разрешается прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов, на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего

⁵³⁸ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий. С. 84.

оперативно-розыскную деятельность, с обязательным уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов».

Наряду с прослушиванием телефонных переговоров в ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД следует указать и возможность *снятия* (на тех же условиях, что и прослушивание телефонных переговоров) *информации с технических каналов связи* — то есть следует указать возможность осуществления без судебного решения ОРМ, которое предусмотрено в п. 11 ч. 1 ст. 6. Пока же, поскольку *снятие информации с технических каналов связи* сопряжено с ограничением конституционного права на тайну сообщений, передаваемых по сетям электрической связи, данное ОРМ, как и другие мероприятия, ограничивающие указанное конституционное право, в соответствии с ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД возможно только на основании судебного решения.

- Согласно ч. 10 ст. 8 Закона об ОРД оперативно-розыскные мероприятия по обеспечению безопасности органов, осуществляющих ОРД, проводятся в соответствии с данным Законом. Специалисты так комментируют эту норму: при обеспечении безопасности органов, осуществляющих ОРД, разрешается проводить ОРМ без каких-либо ограничений в целях обеспечения безопасности как штатных сотрудников оперативных аппаратов, так и лиц, оказывающих им содействие⁵³⁹.
- Согласно ч. 3 ст. 9 («Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий») Закона об ОРД по требованию судьи ему могут представляться материалы, «касающиеся оснований для проведения оперативно-розыскного мероприятия, *за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе...*».

На обеспечение безопасности содействующих ОРД направлена и ч. 7 этой же статьи, гласящая: «Руководители судебных органов *создают условия*, обеспечивающие защиту сведений, которые содержатся в представляемых судье оперативно-служебных документах». Надо заметить, что фраза «создают условия» довольно аморфна, но ситуацию исправляет ч. 2 ст. 16 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», прямо предписывающая: органы государственной власти, запрашивающие сведения, составляющие государственную тайну, «обязаны создать условия, обеспечивающие защиту этих сведений. Их руководи-

⁵³⁹ См.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий. С. 94–95.

тели несут персональную ответственность за несоблюдение установленных ограничений по ознакомлению со сведениями, составляющими государственную тайну».

- В ч. 1 ст. 12 («Защита сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность») Закона об ОРД непосредственно установлено, что сведения о лицах, внедренных в ОПГ, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, и «о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе... составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность».

В ч. 2 данной статьи предусмотрена еще одна гарантия безопасности: *предание гласности сведений о конфидентах*, наряду с преданием гласности сведений о штатных сотрудниках, *допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами*. Это означает, в частности, что в уголовном процессе допрос конфиденнта даже под псевдонимом возможен только при его согласии.

- В ст. 14 Закона об ОРД среди *обязанностей* органов, осуществляющих ОРД, указано: «Соблюдать правила конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (п. 5); «содействовать обеспечению... безопасности и сохранности имущества своих сотрудников, лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, участников уголовного судопроизводства, а также членов семей и близких указанных лиц от преступных посягательств» (п. 6).

Обеспечение безопасности возлагается на подразделения, которые осуществляют защиту лиц, указанных в Федеральном законе РФ от 20 апреля 1995 г. «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее — Закон «О государственной защите судей...»), и на службы собственной безопасности органов, осуществляющих ОРД⁵⁴⁰. Здесь следует отметить, что при проверке исполнения законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства, проведенной Генеральной прокуратурой РФ в 2008 г., был отмечен ряд недостатков в деятельности органов, осуществляющих ОРД и участвующих в данном обеспечении:

⁵⁴⁰ Представляется обоснованным и мнение В.Ф. Луговика о том, что требование п. 6 ст. 14 Закона об ОРД обращено ко *всем* оперативным подразделениям органов, осуществляющих эту деятельность, поскольку речь в п. 6 идет не о *собственно* обеспечении безопасности вышеуказанных лиц, что может выходить за рамки компетенции того или иного подразделения, а о *содействии* в обеспечении их безопасности (см.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий. С. 145–146).

— должностные лица этих органов при изучении дел оперативного учета, заводимых в связи с вышеуказанным обеспечением, не дают каких-либо указаний;

— не планируются все ОРМ, необходимые для установление лиц, заинтересованных в физическом устранении защищаемого субъекта;

— защищаемое лицо не опрашивается об обстоятельствах, знание которых сотрудниками, проводящими ОРМ, способствует выполнению возложенных на них задач⁵⁴¹.

Очевидно, что эти недостатки снижают в целом уровень осуществляемой защиты. Представляется, что ситуация должна измениться в лучшую сторону, поскольку в соответствии с упоминавшимся в предыдущем параграфе Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 в системе МВД РФ созданы подразделения, наделенные правом осуществления ОРМ, функция которых (подразделений) заключается именно в защите участников уголовного процесса, взятых под защиту в соответствии с Законом «О государственной защите потерпевших...»⁵⁴².

- Пункт 4 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД разрешает осуществляющим эту деятельность органам «использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие... личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе». Профессиональный термин *зашифровка* означает систему оперативно-розыскных, организационных, административно-режимных и иных мер (в том числе использование «документов оперативного прикрытия») по сокрытию и сохранению в тайне от посторонних принадлежности и функционального назначения субъектов ОРД⁵⁴³. Кроме того, ч. 1 ст. 17 Закона об ОРД обязывает лиц, содействующих ОРД, сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения ОРМ. Естественно, это относится и к сведениям о конфидентах.
- В Законе об ОРД предусмотрена ст. 18 («Социальная и правовая защита граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность»), которая содержит ряд общих положений. Часть 1 этой статьи гласит: «Лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства». Согласно ч. 2 данной статьи государство гарантирует лицам, изъявившим согласие содействовать по контракту органам,

⁵⁴¹ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 8–9.

⁵⁴² См.: Информационно-справочные материалы о деятельности подразделений государственной защиты (официальный сайт МВД РФ) // <http://www.mwd.ru/struct/10000153/10000227/>.

⁵⁴³ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С. 133–134.

осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, выполнении своих обязательств, предусмотренных контрактом, в том числе гарантирует правовую защиту, связанную с правомерным выполнением указанными лицами общественного долга или возложенных на них обязанностей. И, в соответствии с ч. 3 данной статьи, при возникновении угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье, имущество лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим ОРД, а равно их близких «эти органы обязаны принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации».

Данная обязанность реализуется путем принятия оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных и других мер, используемых для предотвращения и раскрытия преступлений³⁴⁴; в ведомственных нормативных актах, регулирующих ОРД, предусмотрены: охрана, предоставление «квартир-убежищ», смена места жительства, замена паспортов с изменением фамилий, то есть *универсальные* меры безопасности — явное свидетельство необходимости предусмотреть в Законе «О государственной защите потерпевших...» возможность применения этих мер в ходе ОРД.

- В ч. 5 ст. 18 Закона об ОРД установлено, что вознаграждения лицам, сотрудничающим с органами, осуществляющими ОРД, *«налогами не облагаются и в декларациях о доходах не указываются»*, что, безусловно, способствует сохранению конфиденциальности сотрудничества. Данной цели служит и то, что при включении в трудовой стаж указанных лиц времени сотрудничества оформление соответствующих документов для органов социального обеспечения осуществляется таким образом, что факт сотрудничества гласности не придается (порядок подготовки необходимых для органов социального обеспечения документов определяется ведомственными нормативными актами).
- Часть 7 ст. 18 Закона об ОРД предусматривает, что в целях обеспечения безопасности граждан, сотрудничающих с осуществляющими эту деятельность органами, и членов их семей (здесь законодатель «забыл» иных близких лиц) *допускается проведение специальных мероприятий по их защите в порядке, определяемом законодательными и иными нормативными правовыми актами России*. При этом высказано мнение, что под специальными мероприятиями следует понимать

³⁴⁴ См.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий. С. 169.

меры, аналогичные принимаемым для защиты *должностных лиц* оперативно-розыскных органов⁵⁴⁵, то есть предусмотренные Законом «О государственной защите судей...». Но нормы последнего Закона не могут применяться к лицам, указанным в ч. 7 ст. 18 Закона об ОРД — ведь они не включены в круг защищаемых субъектов, установленный Законом «О государственной защите судей...».

Надо признать, что ч. 7 ст. 18 Закона об ОРД в значительной степени декларативна, и она будет оставаться таковой, пока Закон «О государственной защите потерпевших...» не будет дополнен нормами, позволяющими применять изменение места жительства и иные *универсальные* меры безопасности не только к участникам уголовного судопроизводства, но и к гражданам — участникам ОРД⁵⁴⁶ как до начала судопроизводства, так и в ходе ОРД, сопровождающей уголовный процесс. Впрочем, высказано мнение, что содержание ч. 2 ст. 2 Закона «О государственной защите потерпевших...»⁵⁴⁷ позволяет применять предусмотренные им меры безопасности *до начала* стадии возбуждения уголовного дела⁵⁴⁸. Однако автор этого мнения не учел другие нормы того же Закона. Во-первых, согласно его ст. 1 и ч. 1 ст. 16 содержащиеся в Законе меры безопасности применяются к гражданам *в связи с их участием в уголовном судопроизводстве*, то есть в начатой уголовно-процессуальной деятельности. Во-вторых, согласно ч. 2 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...» решение об осуществлении государственной защиты принимают субъекты, в производстве которых находится уголовное дело либо заявление о преступлении. *Производство же по заявлению о преступлении* есть не что иное как уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела. Наконец, согласно ч. 5 ст. 18 названного Закона об избранных мерах безопасности реализующий их орган информирует опять же субъектов, осуществляющих властную уголовно-процессуальную деятельность по заявлению о преступлении либо по уголовному

⁵⁴⁵ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С. 158.

⁵⁴⁶ Подобно тому, как это предусматривает, например, Закон Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве», согласно ч. 2 ст. 3 которого «решение о применении мер безопасности принимается органом дознания, следователем, прокурором, судом... а также органом (подразделением), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в отношении лиц, которые принимали участие или оказывали содействие в обнаружении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений».

⁵⁴⁷ Часть 2 ст. 2 гласит: «Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления».

⁵⁴⁸ См.: *Крайнов В. И.* Указ. соч. С. 154.

делу. Таким образом, исходя из совокупного смысла ст. 1, ч. 2 ст. 3, ч. 1 ст. 16 и ч. 5 ст. 18 Закона «О государственной защите потерпевших...», предусмотренные им меры безопасности *до начала* первой судопроизводственной стадии применяться не могут.

Одна из иллюстраций необходимости дополнения Закона «О государственной защите потерпевших...» нормами, которые позволят применять универсальные меры безопасности к гражданам — участникам ОРД и к «иным лицам, способствующим предупреждению или раскрытию преступления» вне уголовного судопроизводства: в марте 2005 г. Центр общественных связей ФСБ РФ сообщил, что граждане, сообщившие подразделению спецназа о месте нахождения А. Масхадова (благодаря чему тот был уничтожен), при необходимости будут переселены на новое место жительства, поскольку подпадают под действие Закона «О государственной защите потерпевших...»⁵⁴⁹. Однако, как было показано выше, меры безопасности в отношении этих лиц, исходя из совокупного содержания ч. 2 ст. 2 и ч. 2 ст. 3 указанного Закона, могут быть применены лишь в пределах *стадии возбуждения уголовного дела*, то есть не ранее регистрации в правоохранительном органе *повода* к возбуждению дела (в порядке, предусмотренном главой 19 УПК РФ) и не позднее принятия одного из решений, указанных в п. 1 и 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ (о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении). Поскольку информация о А. Масхадове была получена после завершения данной стадии⁵⁵⁰, переселение вышеуказанных граждан — исходя из перечня лиц, подлежащих защите после возбуждения уголовного дела (этот перечень дан в ч. 1 ст. 2 Закона «О государственной защите потерпевших...») — возможно лишь после их допросов в качестве свидетелей. Если предположить, что информации о А. Масхадове была получена все же в стадии возбуждения дела, переселение вышеуказанных лиц до ее завершения на основании данного Закона все равно было бы невозможным, поскольку в соответствии с ч. 3 его ст. 6 переселение осуществляется только *по уголовным делам* (о тяжких и особо тяжких преступлениях), то есть не может осуществляться *до* возбуждения уголовного дела.

Изложенное ясно говорит о необходимости вышеуказанного дополнения Закона «О государственной защите потерпевших...». Применительно к ситуациям, аналогичным случаю с А. Масхадовым, это позволит

⁵⁴⁹ См.: Гаврилов В. 10 миллионов за Масхадова // Труд. 2005. № 044. 16 марта.

⁵⁵⁰ Уголовные дела в отношении А. Масхадова и иных лидеров незаконных вооруженных формирований, действовавших на территории Чечни, были возбуждены значительно ранее марта 2005 г.

использовать в отношении граждан, сообщивших сведения о преступнике, необходимые меры безопасности без легализации этих граждан в уголовном судопроизводстве, чреватой возникновением большей опасности для них, ведь с приданием им статуса свидетелей информация о них становится известной большому кругу лиц.

Помимо Закона об ОРД, обеспечению безопасности содействующих правосудию значительное место было уделено в подзаконном акте — Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» 1998 г.⁵⁵¹ Данная Инструкция содержала раздел IV «Защита сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и обеспечение безопасности ее участников».

В соответствии с п. 26 этого раздела результаты ОРД указанным в названии Инструкции субъектам не представлялись, «если невозможно обеспечить безопасность субъектов (участников) оперативно-розыскной деятельности в связи с представлением и использованием данных результатов в уголовном процессе; если их использование в уголовном процессе создаст реальную возможность расшифровки (разглашения) сведений... о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе...». Решение о непредставлении результатов ОРД по мотивам, изложенным в п. 26, оформлялось постановлением руководителя органа, осуществляющего ОРД, и приобщалось к материалам дела оперативного учета или соответствующего номенклатурного дела. О принятом решении уведомлялся инициатор запроса.

Данные положения соответствовали Закону об ОРД, конкретизировали его нормы. К сожалению, этого нельзя было сказать о содержании п. 23 того же раздела Инструкции, который гласил: «В целях обеспечения безопасности участников оперативно-розыскной деятельности и членов их семей допускается проведение специальных мероприятий по их защите в порядке, определяемом Федеральным законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». Очевидно, что участниками ОРД являются не только штатные сотрудники осуществляющих эту деятельность органов, но и лица, оказывающие им содействие. Однако выше уже отмечалось, что на последних

⁵⁵¹ Утверждена Приказом ФСНП России, ФСБ России, МВД России, ФСО России, ФПС России, ГТК России, СВР России от 13 мая 1998 г. № 175/ 226/ 336/ 201/ 410/ 56; согласована с Генеральным прокурором РФ 25 декабря 1997 г. // Новые правила документирования результатов оперативно-розыскной деятельности: Справочное пособие. М., 1999. С. 3–10.

действие Закона «О государственной защите судей...» не распространяется. В данном случае подзаконный нормативный правовой акт противоречил федеральному закону, что обуславливало невозможность реализации п. 23 Инструкции в части защиты лиц, содействующих ОРД.

С 2007 г. действует новая Инструкция «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд»⁵⁵². Как и прежняя, она конкретизирует нормы Закона об ОРД, направленные на обеспечение безопасности лиц — участников ОРД:

- согласно п. 5 новой Инструкции «результаты ОРД, содержащие сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих или оказывавших органам, осуществляющим ОРД, содействие на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц...»;
- в соответствии с п. 14 новой Инструкции «представление результатов ОРД, содержащих сведения об организации и тактике проведения оперативно-технических мероприятий, используемых при их проведении технических средствах, о штатных негласных сотрудниках оперативно-технических и оперативно-поисковых подразделений, должно в обязательном порядке согласовываться с исполнителями соответствующих мероприятий».

В то же время окончательного решения проблема обеспечения безопасности лиц, содействующих ОРД, в новой Инструкции не нашла (да и не могла найти в подзаконном нормативном правовом акте), а именно: согласно п. 6 Инструкции «в случаях необходимости привлечения к участию в производстве следственных и судебных действий лиц, внедренных (внедрявшихся) в организованные преступные группы, в том числе штатных негласных сотрудников органов, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих или оказывавших этим органам содействие на конфиденциальной основе, обеспечение их безопасности в условиях конспирации и конфиденциальности осуществляется в порядке, определяемом законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов, осуществляющих ОРД». Привлечение указанных лиц *к участию в про-*

⁵⁵² Утверждена Приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 // СПС «Гарант».

изводстве следственных и судебных действий есть не что иное, как осуществление ими уголовно-процессуальной деятельности, то есть обладание соответствующим уголовно-процессуальным статусом (свидетеля и проч.). С наделением таким статусом на данных лиц распространяется и действие Закона «О государственной защите потерпевших...». Однако всегда ли будет необходимым привлечение указанных лиц *к участию в производстве следственных и судебных действий*? И если такой необходимости не будет, то данные лица, не будучи наделенными уголовно-процессуальным статусом, как и до принятия Закона «О государственной защите потерпевших...», при возникновении угрозы посткриминального воздействия останутся без должной защиты, поскольку, как было показано, принятие решения о применении к ним *универсальных мер безопасности*, исходя из действующей редакции Закона «О государственной защите потерпевших...», возможно лишь в стадии возбуждения уголовного дела, то есть в течение короткого времени: по общему правилу, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ — в течение 3 суток, и в отдельных случаях, в соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ — в срок до 30 суток.

Выводы, к которым приводит исследование правовых норм, обеспечивающих безопасность граждан при осуществлении ОРД:

1. Российский Закон об ОРД содержит значительное количество норм, направленных на обеспечение безопасности участников этой составляющей борьбы с преступностью. Насыщенность такими нормами указанного Закона — естественное следствие самой сущности, содержания ОРД, органическое условие ее осуществления. В то же время Закон об ОРД обеспечивает безопасность граждан, участвующих в ОРМ, лишь при успешном завершении последних. В случае же провала ОРМ их жизнь может подвергаться опасности, поскольку необходимых на этот случай защитных мер указанный Закон не содержит.
2. Особенностью значительной части мер безопасности, предусмотренных в Законе об ОРД, является то, что они *не вычленены в отдельные, самостоятельные нормы*. Причина в том, что обеспечение безопасности лиц, сотрудничающих с осуществляющими ОРД органами, является неотъемлемой частью различных ОРМ, и потому меры безопасности *интегрированы* в нормы, определяющие *в целом* порядок осуществления ОРМ, и в иные нормы Закона об ОРД. Их вычленение на нормативном уровне, то есть конструирование *специальных норм*, направленных на обеспечение безопасности конфиденентов, было бы искусственным, и потому не предпринято законодателем.

3. Указанные в контексте исследуемого вопроса недостатки Закона об ОРД следует учесть в ходе его совершенствования. Другая необходимая компонента решения рассматриваемой проблемы — установление в Законе «О государственной защите потерпевших...» права должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, применять к содействующим ОРД гражданам универсальные меры безопасности, изложенные в § 1 настоящей главы. Это — необходимое условие для защиты граждан, оказывающих содействие ОРД как гласно, так и конфиденциально; в последнем случае — при провале ОРМ, предательстве коррумпированных сотрудников правоохранительных органов, при наличии иных негативных факторов, в результате которых личность конфидендента может стать известной преступникам⁵⁵³.

§ 3. Меры безопасности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования

Меры безопасности, возможные лишь в пределах уголовного судопроизводства, образуют самостоятельную подсистему. Их изложение целесообразно применительно к стадиям российского уголовного процесса. Для досудебных стадий мерами безопасности являются:

- *Неуказание в заявлениях о преступлении (опыт Китая, Дании⁵⁵⁴), в объяснениях и протоколах следственных действий (опыт Франции⁵⁵⁵)*

⁵⁵³ Высказано и иное мнение — о необходимости принятия для защиты лиц, содействующих ОРД, отдельного федерального закона (см.: *Тяжкин А.В.* Теоретические основы, организационно-правовые и тактические проблемы государственной защиты прав личности в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел России: Дисс. ...докт. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 80—81), однако такое решение вопроса вряд ли оптимально, ведь, за исключением круга лиц, подлежащих защите, содержание предлагаемого указанным автором закона по сути повторяет содержание Закона «О государственной защите потерпевших...».

⁵⁵⁴ См.: Национальное законодательство и его соответствие требованиям борьбы с различными формами организованной транснациональной преступности. Справочный документ. // Док. E/CONF.88/3. 25 august. 1994. P. 21; Толкования международных норм справедливого судебного разбирательства Европейской комиссией и Судом по правам человека. Добавление к третьему докладу Комиссии по правам человека ЭКОСОС ООН «Право на справедливое судебное разбирательство: признание в современных условиях и меры по его укреплению» // Док. E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1. 15 may. 1992. P. 27.

⁵⁵⁵ Во Франции при допросе в ходе дознания свидетель вместо своего адреса вправе назвать адрес ближайших к его месту жительства комиссарната или жандармской бригады. Такой «квази-адрес» используется и в последующих стадиях процесса. В каждом полицейском участке существует банк данных, куда заносятся данные о месте жительства свидетелей, пожелавших сохранить свое имя в тайне. И если суду необходимо вызвать такого свиде-

данных о личности защищаемого. В России эта мера безопасности была применена еще в 1993 г. в отношении потерпевших и свидетелей по уголовному делу о вымогательстве, которые отказывались давать показания, опасаясь мести преступников. Однако при проверке в порядке ст. 220² УПК РСФСР законности ареста обвиняемых такая мера судьей была квалифицирована как нарушение уголовно-процессуального закона, содержащиеся под стражей освобождены⁵⁵⁶.

Следует сказать, что УПК РСФСР (ст.ст. 141, 160, 161) позволял указывать в протоколе следственного действия лишь фамилию, имя и отчество его участника. Высказывавшиеся в период действия УПК РСФСР мнения об обязательном указании в протоколе места жительства и работы допрашиваемого⁵⁵⁷, а также о том, что неуказание этих сведений станет возможным лишь после дополнения закона разрешающей это нормой⁵⁵⁸ противоречили содержанию указанных статей УПК РСФСР. Данная мера защиты могла применяться и применялась⁵⁵⁹.

В настоящее время в России указание в протоколе следственного действия только фамилии, имени и отчества его участника возможно на основании п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ, где установлено, что адрес и другие данные о личности участников следственных действий указываются лишь в необходимых случаях, и данная мера безопасности применяется⁵⁶⁰. При этом, если участник следственного действия подлежит вызову в судебное заседание, то его место жительства не указывается в приложении к обвинительному заключению (в составляемом в соответствии с ч. 4 ст. 220 УПК РФ списке вызываемых в суд) и в обвинительном акте, а фиксируется в *отдельной справке*. Данная справка не относится к материалам уголовного дела и потому не предъявляется участникам уголовного судопроизводства при

теля, повестка направляется по квази-адресу, то есть в комиссариат полиции, которая, зная настоящий адрес свидетеля, обязана разыскать его (см.: *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А.* Указ. соч. С. 304).

⁵⁵⁶ См.: *Пастухов П.С.* Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России (досудебное производство): Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 138–139.

⁵⁵⁷ См.: *Вафин Р.Р.* Вымогательство (рэкет) — криминалистические проблемы. Екатеринбург, 1993. С. 123.

⁵⁵⁸ См.: *Сильнов М.А.* Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 132.

⁵⁵⁹ См.: *Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности.* М., 1998. С. 123.

⁵⁶⁰ См.: Информация прокуратуры Нижегородской области «О результатах обобщения практики применения мер безопасности участников уголовного процесса, предусмотренных УПК РФ» от 11 декабря 2003 г., исх. № 15–01–2003.

их ознакомлении с делом в порядке ст.ст. 216, 217 УПК РФ. В суд указанная справка направляется вместе с уголовным делом. В препроводительной к нему должно быть обращено внимание на важность неразглашения содержания справки, для чего в суде возможно:

- хранение справки отдельно от уголовного дела в условиях, исключающих доступ к ней иных лиц, кроме судьи, в производстве которого находится уголовное дело, в том числе по окончании судебного разбирательства;
- направление указанным в справке лицам повесток о вызове в суд в конвертах и без указания на конвертах обратного адреса;
- принятие иных организационных мер, находящихся в компетенции судей⁵⁶¹.

Очевидно, что далеко не во всех случаях изложенная мера безопасности достаточна. Пример тому: очевидец убийства на допросе из-за страха перед преступниками отказался сообщить свой домашний адрес, в связи с чем в протоколе допроса были указаны только его место работы и должность; по окончании предварительного следствия и ознакомлении с делом эти данные обвиняемый сообщил своим знакомым. Те, подкупив сотрудника отдела кадров по месту работы свидетеля, выяснили его адрес, после чего, угрожая поджогом дома и изнасилованием дочери, вынудили отказаться от изобличающих преступника показаний⁵⁶².

УПК РФ предусматривает нужную меру защиты: *участие потерпевших, их представителей и свидетелей в уголовном судопроизводстве под псевдонимом*. Эта мера безопасности уже нашла достаточно широкое применение в России и приносит положительные результаты в борьбе с преступностью. Например, в 2003 г. псевдонимы использовались: следственными структурами ГУВД Москвы — в 30 уголовных делах, УВД Липецкой области — в 28, Иркутской области — в 15, Тюменской области — в 14 и Тверской области — в 11 уголовных делах; в большинстве случаев — при расследовании грабежей, разбоев, вымогательств, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ⁵⁶³. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в период 2006 г. — первого полу-

⁵⁶¹ Заслуживает поддержки и предложение установить в УПК РФ в качестве *общего правила* неуказание в приложении к обвинительному заключению сведений о месте жительства потерпевших и свидетелей обвинения, так как до вручения копии обвинительного заключения обвиняемому оснований для применения мер безопасности может и не быть, в то же время именно ознакомление обвиняемого с вышеуказанными сведениями порой служит толчком к началу посткриминального воздействия (см. об этом: Курочкина Л. Потерпевший и свидетель в уголовном судопроизводстве // Законность. 2009. № 3. С. 52).

⁵⁶² См.: Марченко С.Л. Указ. соч. С. 98.

⁵⁶³ См.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 94.

годия 2008 г. в 28 субъектах Российской Федерации применение данной меры безопасности составило 80% всех случаев использования органами предварительного расследования мер безопасности, предусмотренных УПК РФ и Законом «О государственной защите потерпевших...»⁵⁶⁴.

В то же время использование псевдонимов объективно ограничивают:

- 1) совершение преступления в кругу знакомых, должностного преступления либо преступления, связанного с нарушением правил охраны труда, эксплуатации транспорта, преступления против военной службы, когда обвиняемые, потерпевшие и свидетели являются членами одного коллектива, вследствие чего в нем известно, кто и какой имеющей значение для уголовного дела информацией обладает;
- 2) совершение иных преступлений, когда сведения о потерпевшем были известны преступнику до преступления (например, при похищении человека, незаконном лишении свободы и других деяниях ОПГ, деятельность которых характеризуется тщательной подготовкой к совершению преступлений, в том числе сбором информации о будущих жертвах);
- 3) необходимость указания в постановлении о привлечении обвиняемого, в обвинительном заключении обстоятельств преступления, исключающих возможность использования псевдонима, например адреса квартиры потерпевшего, в которой совершено преступление;
- 4) возбуждение уголовного дела после отмены постановления об отказе в его возбуждении либо после административного производства, когда подлинные сведения о подлежащем защите гражданине уже известны другим лицам (вследствие их уведомления в установленном законом порядке о принятых ранее процессуальных решениях);
- 5) возбуждение уголовного дела по результатам ОРМ — проверочной закупки либо контролируемой поставки, в которых гражданин (будущий свидетель) участвовал под своими настоящими данными, вследствие чего стал известен преступникам.

В соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ рассматриваемая мера безопасности заключается в неуказании в протоколах следственных действий, участниками которых являются защищаемые лица, данных об их личности. При принятии решения об использовании псевдонима следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием⁵⁶⁵.

⁵⁶⁴ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 5.

⁵⁶⁵ Существенные изменения реализации рассматриваемой меры безопасности и содержания ч. 9 ст. 166 УПК РФ предложены С.А. Яниным. В частности, им предлагается не

Обоснованно обращено внимание, что предоставить защищаемому псевдоним, помимо следователя, вправе дознаватель, поскольку, согласно ч. 1 ст. 223 УПК РФ, дознание производится в порядке, установленном в том числе главой 22 (в ней находится и ст. 166) УПК РФ⁵⁶⁶. Очевидно, что согласие на использование псевдонима дознаватель должен получить у прокурора, а не у руководителя следственного органа.

Следует обратить внимание на необходимость указания в предусмотренном ч. 9 ст. 166 УПК РФ постановлении *причин*, то есть *оснований* избрания данной меры безопасности, ибо неуказание таковых повлекло признание ЕСПЧ использования псевдонима незаконным: в решении по делу *Красники (Krasniki) против Чешской Республики* (2006 г.), ЕСПЧ в качестве одной из причин нарушения пункта 3 (d) ст. 6 Европейской конвенции указал: «Поскольку в материалах дела не имеется ничего, что бы указывало на *причины* для дачи свидетельских показаний анонимно, невозможно установить, каким образом следователь и судья суда первой инстанции оценивали обоснованность опасений свидетелей относительно возможных актов мести со стороны заявителя. Областной суд также не исследовал *основания* для предоставления свидетелям возможности давать показания анонимно»⁵⁶⁷. И именно *мотивированность* постановления, которым в России свидетелю был присвоен псевдоним (наряду с соблюдением другого условия использования псевдонима: предоставление стороне защиты в ходе судебного разбирательства возможности задать свидетелю вопросы и получить на них ответы) позволила Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ прийти к выводу об отсутствии нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену либо изменение обвинительного приговора⁵⁶⁸.

Исходя из содержания ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в круг *должностных лиц*, имеющих доступ к постановлению об использовании псевдонима, то есть к подлинным сведениям о защищаемом лице, в пределах *досудебного про-*

указывать в постановлении подлинные сведения о защищаемом лице; для идентификации же его использовать отпечатки пальцев, образцы которых должны приводиться в указанном постановлении и использоваться вместо подписи защищаемого лица в протоколах следственных действий с его участием (подробнее см.: Янин С.А. Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 88–91).

⁵⁶⁶ См.: Тимошенко А.А. Указ, соч. С. 126.

⁵⁶⁷ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2006. № 9.

⁵⁶⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2006 г. № 43-006-9 // СПС «Гарант».

изводства входят: (1) лицо, вынесшее данное постановление; (2) лицо, давшее согласие на использование псевдонима, то есть соответствующий руководитель следственного органа либо прокурор; (3) прокурор, осуществляющий надзор за процессуальной деятельностью следственного органа, если согласие на использование псевдонима дано руководителем этого органа; а также, (4) в случае обжалования законности постановления об использовании псевдонима, соответствующий судья при проверке законности указанного постановления в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ⁵⁶⁹. Представляется, что все иные должностные лица не должны знакомиться с содержанием вышеуказанного постановления (цель: *максимально ограничить* круг субъектов, которым известны подлинные данные защищаемого лица). Автор придерживается изложенного мнения, хотя нормы УПК РФ не позволяют сделать вывод, что при осуществлении *вышестоящими прокурорами* своих полномочий по надзору за предварительным расследованием и при производстве ведомственного контроля за предварительным следствием со стороны *вышестоящих руководителей следственных органов* (количество таких лиц весьма значительно) материалы уголовного дела могут предоставляться им не полностью.

Очевидно, что перечень должностных лиц, имеющих право доступа к подлинным сведениям об участниках уголовного судопроизводства, защищенных псевдонимами, должен быть предельно минимизирован и указан непосредственно в ч. 9 ст. 166 УПК РФ⁵⁷⁰. Возможно установление и требования документально фиксировать каждый факт ознакомления должностных лиц с указанными сведениями, подобно тому, как это установлено в ч. 3 ст. 79¹ УПК Эстонии. Конечно, реализация данных предложений сопряжена с ограничением прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью применения рассматриваемой

⁵⁶⁹ Исключить случаи обжалования данного постановления в стадии предварительного расследования нельзя, поскольку о наличии постановления другим участникам уголовного судопроизводства может стать известно, например, при оглашении, в соответствии с ч. 3 ст. 190 УПК РФ, допрашиваемому лицу протоколов следственных действий, в которых принимало лицо, защищенное псевдонимом, либо с участием последнего проведено опознание по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ.

⁵⁷⁰ Именно такой — минимальный круг должностных лиц указан в ст. 6 *модельного Закона о государственной защите потерпевших*, который Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ был рекомендован для использования при разработке соответствующего национального законодательства. И, возможно, именно рекомендованная норма в Азербайджанской Республике была учтена при дополнении ст. 230 УПК этой страны положением о том, что доступ к сведениям о защищаемом лице в досудебном производстве имеют только следователь и надзирающий за следствием прокурор, а в суде — соответствующий судья.

меры безопасности, однако прецеденты ЕСПЧ дают основания полагать, что гарантией, достаточной для установления законности использования в уголовном процессе псевдонимов, ЕСПЧ считает исследование этого вопроса национальным судом первой инстанции при разрешении уголовного дела по существу и судами последующих инстанций.

По возможности надлежит ограничивать проведение с защищаемым лицом следственных действий, производство которых требует участия иных лиц: понятых, специалистов, экспертов и др.; исключать не обусловленные объективными обстоятельствами контакты защищаемых с сотрудниками оперативных и иных подразделений правоохранительных органов. Следует исключить также случаи необоснованной передачи уголовных дел, в которых лица участвуют под псевдонимами, другому следователю, поскольку, как обращают внимание практические работники, такие передачи порождают отказы указанных лиц от дальнейшего участия в уголовном судопроизводстве из-за опасения, что расширение круга сотрудников правоохранительных органов, знающих подлинные сведения о них, может привести к утечке информации.

Все действия, проводимые с участием защищаемого, должны осуществляться таким образом, чтобы была сохранена его анонимность. Для этого в протоколах соответствующих процессуальных действий не указываются не только подлинные данные защищаемого, но и любые сведения, которые позволяют установить его личность. Такими сведениями могут быть: этническая принадлежность и пол защищаемого лица (опыт Польши⁵⁷¹), его профессия и давность знакомства с потерпевшим (опыт России), другие факты биографии защищаемого и иные сведения. В силу самой сущности рассматриваемой меры безопасности это является естественным (объективным) ограничением того, что, согласно ч. 2 ст. 78 и ч. 2 ст. 79 УПК РФ, потерпевший и свидетель могут быть допрошены о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах (тем не менее представляется целесообразным в ст.ст. 78 и 79 УПК РФ прямо предусмотреть возможность не указания в протоколах процессуальных действий определенных сведений в случае применения в качестве меры безопасности псевдонима; целесообразно также дополнить ч. 9 ст. 166 УПК РФ указанием на то, что при производстве по уголовному делу должны приниматься все допустимые меры для сохранения в тайне сведений о личности защищаемого лица — подобно тому, как это предусмотрено в абз. 1 ст. 141 УПК Болгарии).

⁵⁷¹ См.: *Paprzycki L. Świadek anonimowy — standard europejski a realia postępowania karnego // Palestra. Warszawa. 2002. № 1/2-S. 21, 23.* На возможность сокрытия пола указано в решении Верховного Суда Польши (см.: *Paprzycki L. Op. cit. S. 24–25*).

Обоснованно обращено внимание на то, что при заявлении лицом, которому предоставлен псевдоним, ходатайств, необходима своего рода «цензура» текста ходатайства со стороны того, кто осуществляет производство по делу — для предотвращения появления в его материалах сведений, позволяющих идентифицировать защищаемое лицо⁵⁷².

Возможны ситуации, когда человек, обладающий важной доказательственной информацией, известен не только правоохранительным органам, но и преступникам, предполагающим, что данный человек может быть допрошен как свидетель. В этом случае не противоречит УПК РФ допрос такого человека в обычном порядке о малозначительных обстоятельствах преступления — для «маскировки» его роли в процессе доказывания, и допрос под псевдонимом об обстоятельствах, изобличающих виновного в совершении преступления.

Псевдоним защищаемого лица вместо его подлинных данных указывается не только в протоколах процессуальных действий, но и в постановлениях о признании потерпевшим, о привлечении в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении (акте), в прочих актах, принимаемых субъектом, осуществляющим производство по уголовному делу, в частности при выплате защищаемому лицу сумм на покрытие расходов, связанных с их явкой к месту производства процессуального действия и проживанием (в соответствии со ст. 131 УПК РФ). При этом, поскольку выплата этих сумм осуществляется на основании проездных и иных документов⁵⁷³, в некоторых из которых указываются фамилия и иные персональные данные пассажира, лица, проживавшего в гостинице, такие документы следует хранить вместе с постановлением, предусмотренным ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Не применяются в ходе следственных действий с участием защищаемого лица фото-, видео-, киносъемка, а если есть основания полагать, что защищаемый по голосу может быть узнан стороной защиты либо идентифицирован ею в будущем, то не применяется и аудиозапись. Данное условие необходимо, поскольку согласно ч. 1 ст. 217 УПК РФ обвиняемому и защитнику при ознакомлении с материалами уголовного дела могут предъявляться фотографии, материалы аудио-, видеозаписи, киносъемки и иные приложения к протоколам следственных действий.

⁵⁷² См.: Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 117.

⁵⁷³ Согласно п. 5 «Инструкции о порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения лицам в связи с их вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд (кроме Конституционного Суда Российской Федерации и арбитражного суда)», утвержденной Постановлением Совета министров РСФСР от 14 июля 1990 г. № 245; с изменениями от 2 марта 1993 г., 4 марта 2003 г.

УПК РФ, в отличие, например от УПК Белоруссии⁵⁷⁴ и Украины⁵⁷⁵, не предусматривает использование псевдонима в *стадии возбуждения уголовного дела*⁵⁷⁶: согласно ч. 2 и 3 ст. 141 УПК РФ, письменное заявление гражданина о преступлении должно быть им подписано, а устное — занесено в протокол, содержащий данные о заявителе и документах, удостоверяющих его личность. Не может использоваться псевдоним в данной стадии и в объяснениях граждан, в постановлении о возбуждении уголовного дела⁵⁷⁷. Поэтому при наличии *иных* данных, указывающих на признаки преступления (то есть при наличии *основания* для возбуждения уголовного дела), следует переносить первый контакт с лицами, обладающими важной доказательственной информацией, в следующую стадию — предварительного расследования, в которой при наличии соответствующих оснований и принимать решение о предоставлении им псевдонимов.

В российской практике известны случаи, когда протокол допроса свидетеля, допрошенного еще до возникновения угрозы посткриминального воздействия под настоящей фамилией, впоследствии — при возникновении такой угрозы изымался из уголовного дела и помещался в один конверт с постановлением о предоставлении свидетелю псевдонима. После этого свидетель допрашивался вновь — уже под псевдонимом, и протокол *этого* допроса помещался в уголовное дело. Изложенные действия не противоречат УПК РФ, но, как представляется, на их возможность следует прямо указать в УПК РФ, подобно тому, как это сделано

⁵⁷⁴ УПК Республики Беларусь // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. Минск, 1999. № 28–29. Ст. 433.

⁵⁷⁵ УПК Украины (с изменениями и дополнениями на 1 января 2008 г.). Харьков, 2008. 264 с.

⁵⁷⁶ Хотя в ст. 6 *модельного Закона о государственной защите потерпевших* рекомендовано «ограничение или изменение сведений о защищаемом лице, указываемых в заявлении (сообщении) о преступлении, материалах его проверки». И данная рекомендация учтена, например, в ч. 1 ст. 67 УПК Белоруссии. В соответствии с ч. 1 ст. 52¹ УПК Украины использование псевдонима также возможно как в заявлениях о преступлениях, так и в объяснениях граждан в стадии возбуждения уголовного дела. Причем, согласно ст. 97 УПК Украины, при принятии заявления о преступлении соответствующее должностное лицо обязано (при наличии соответствующих оснований) применить необходимые меры безопасности, а таковой в указанной стадии является именно псевдоним.

⁵⁷⁷ Этот недостаток УПК РФ должен быть устранен, поскольку посткриминальное воздействие может предшествовать заявлению о преступлении, осуществляться в течение стадии возбуждения уголовного дела. Реализация данного предложения не противоречит ч. 7 ст. 141 УПК РФ, запрещающей возбуждение уголовного дела по *анонимному* заявлению, поскольку сведения о заявителе не будут указываться в соответствующем заявлении, но будут известны субъекту, принимающему решение о возбуждении уголовного дела.

в УПК Польши⁵⁷⁸. Кроме того, российский УПК может быть дополнен нормой, имеющейся в УПК Украины: согласно ч. 1 его ст. 52³ «в случае замены фамилии лица, взятого под защиту, псевдонимом, из материалов дела изымаются протоколы следственных действий и другие документы, в которых указаны достоверные сведения об этом лице, и хранятся отдельно, а к материалам дела прилагаются копии этих документов с заменой настоящей фамилии псевдонимом». Украинский вариант оптимален в тех случаях, когда содержание показаний защищаемого лица не позволяет идентифицировать его. Если же по содержанию данных показаний можно установить его личность, необходим польский вариант решения вопроса, позволяющий при повторном допросе защищаемого лица не фиксировать информацию, «выводящую» на его личность.

Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ постановление об использовании псевдонима помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу. А.А. Тимошенко верно обращено внимание на то, что Уголовно-процессуальный закон разделяет понятия «приобщение» и «хранение» (применительно к вещественным доказательствам в ч. 2 ст. 81 УПК РФ)⁵⁷⁹, вследствие чего указанный конверт может храниться не непосредственно в материалах уголовного дела, а в другом месте, обеспечивающем его большую сохранность⁵⁸⁰. Во всяком случае, не следует вшивать конверт с указанным постановлением в уголовное дело и нумеровать его как очередной лист дела либо приклеивать к внутренней стороне обложки дела. При использовании последнего способа хранения конверта после поступления уголовного дела в суд защитник заявила ходатайство о дополнительном ознакомлении с материалами дела и в ходе ознакомления вскрыла конверт, вследствие чего подлинные сведения о защищаемом лице стали известны стороне защиты.

Сведения, содержащиеся в уголовном деле, относятся к сведениям *конфиденциального характера*⁵⁸¹. Представляется, что в необходимых случаях, например, когда существует угроза самой жизни защищаемого

⁵⁷⁸ См.: Gask Z. Zaris instytucji swiadka anonimowego w polskiej procedurce karnej na tle rozwiazan europejskich // Palestra. Warszawa. 1996. № 9/10. S. 69–70.

⁵⁷⁹ См.: Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 120–121.

⁵⁸⁰ Часть 3 ст. 99 УПК Армении 1998 г., например, прямо указывает на хранение сведений о защищаемом лице «отдельно от основного производства». Аналогичную, по сути, норму содержит ч. 1 ст. 52³ УПК Украины, согласно которой постановление об использовании псевдонима «к материалам дела не прилагается, а хранится отдельно в органе, в производстве которого находится уголовное дело».

⁵⁸¹ В соответствии с п. 2 «Перечня сведений конфиденциального характера», утвержденного Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1127).

лица, конверт с постановлением о предоставлении этому лицу псевдонима может храниться в осуществляющем расследование органе, пересылаться и храниться в суде по правилам секретного делопроизводства.

Одновременно с разъяснением права ходатайствовать о предоставлении псевдонима гражданину, хотя УПК РФ и не содержит прямого предписания, должно быть разъяснено, что его подлинные данные могут быть раскрыты сторонам по решению суда в стадии судебного разбирательства на основании ч. 6 ст. 278 УПК РФ. Следует учитывать, что непродуманность содержания ч. 6 ст. 278 УПК РФ может повлечь то, что человек, владеющий доказательственной информацией, не пойдет на сотрудничество с правоохранительными органами⁵⁸². И можно предположить, что именно содержание ч. 6 ст. 278 УПК РФ является одной из причин неуверенности граждан в эффективности псевдонимов, на которую (неуверенность) указали 32% из 250 следователей и дознавателей и 44% из 25 судей⁵⁸³.

Псевдонимы в уголовном процессе достаточно широко используются в международных и зарубежных судах. В *Гаагском трибунале* в качестве псевдонимов используются произвольные наборы букв и цифр, например К—12, А—7, В—4 и т.п. За десятилетия его функционирования так были защищены сотни потерпевших и свидетелей⁵⁸⁴. В Болгарии в качестве псевдонима используются идентификационные номера (согласно п. 6 абз. 4 ст. 123 УПК), в Чехии — вымышленные имена и фамилии, в Эстонии — условные имена, в Нидерландах и ЕСПЧ — буквы алфавита. В Молдавии согласно ч. 3 ст. 110 УПК защищаемому «разрешается сообщить иную, чем это есть на самом деле, информацию о своей личности».

По мнению автора, оптимален вариант, используемый в Нидерландах и ЕСПЧ, однако в словарях русского языка *псевдоним* поясняется как *вымышленное имя*⁵⁸⁵. Исходя из значения слова «псевдоним», допустимо применение к защищаемому лицу условных имен и фамилий *другого пола* (в практике это нашло применение⁵⁸⁶), так как в некоторых случаях исполь-

⁵⁸² В этой связи можно отметить, что в Швейцарии согласно ст. 151, ч. 2 ст. 288 и ч. 4 ст. 289 УПК 2007 г. сотрудникам полиции, ведущим так называемое «скрытое расследование» («verdeckte Ermittlung») и снабженным «легендой», в начале такого расследования совместным решением суда и прокуратуры может быть дана гарантия того, что подлинные сведения о них не будут раскрыты при их участии в судебном процессе в качестве свидетелей (см.: Schweizerische Strafprozessordnung vom 5. Oktober 2007-Bern. 2009).

⁵⁸³ См.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 95.

⁵⁸⁴ Необходима ли государственная защита свидетелей? Программа «Личное дело» Радио Свобода // <http://www.svoboda.org/programs/pf/2003/rf.041303.asp>.

⁵⁸⁵ См., например: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

⁵⁸⁶ См.: Полозова А. В суд — под чужим лицом // Областная газета. Свердловск. 2005. 26 авг.

зование псевдонима, соответствующего полу защищаемого лица, облегчает возможность идентификации последнего. Запись показаний в протоколе ведется в соответствии с выбранным псевдонимом *мужского* или *женского* рода. Ограничить выбор псевдонима могут лишь обстоятельства конкретного уголовного дела, обуславливающие объективную невозможность использования псевдонима *мужского* или *женского* рода (например, квалификация деяния как преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в соответствии с главой 18 УК РФ). Представляется обоснованным предложение А.А. Тимошенко в целях установления для практических работников полной определенности понятия «псевдоним» дать соответствующее определение в ст. 5 УПК РФ⁵⁸⁷.

При выборе псевдонима должны соблюдаться общие этические требования, в его выборе может участвовать сам защищаемый. Другие вымышленные данные (дату и место рождения, место жительства и пр.) в протоколах следственных действий с его участием указывать не следует, чтобы исключить совпадение с настоящими данными другого человека. Исходя из этого, не следует использовать в качестве псевдонимов и наиболее распространенные фамилии, что иногда встречается в практике.

В декабре 2008 г. ч. 9 ст. 166 УПК РФ была дополнена положением о том, что в случаях, не терпящих отлагательства, следственное действие может быть произведено на основании постановления следователя о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства *без согласия* руководителя следственного органа, но с *последующей проверкой* последним законности и обоснованности этого постановления. Основанием для признания указанного постановления незаконным является отсутствие на дату его принятия угрозы посткриминального воздействия. Хотя ч. 9 ст. 166 УПК РФ не содержит соответствующих предписаний, очевидно также, по аналогии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ, что по результатам проверки руководитель следственного органа (а при вынесении указанного постановления дознавателем — прокурор) обязан вынести *постановление* о законности либо о незаконности предоставления участнику процесса псевдонима. Что касается *срока* для принятия данного постановления, то опять же, применяя аналогию закона — положения ч.ч. 2 и 5 ст. 165 УПК РФ, представляется, что оно должно быть вынесено не позднее 24 часов с момента поступления к руководителю следственного органа либо к прокурору проверяемого постановления. При этом, в случае признания последнего незаконным, не может ставиться под сомнение допустимость доказательств, собранных

⁵⁸⁷ См.: Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 7, 128.

благодаря показаниям человека, допрошенного под псевдонимом, в частности, не может ставиться под сомнение допустимость доказательств, полученных в ходе осмотра, обыска либо выемки в жилище, о котором следователю стало известно из показаний человека, данных под псевдонимом. Сам же человек, допрошенный под псевдонимом, в последующих процессуальных действиях должен участвовать под своими настоящими биографическими данными, а постановления о предоставлении ему псевдонима и о признании данной меры безопасности незаконной должны быть помещены в материалы уголовного дела и доступны участникам уголовного судопроизводства при их ознакомлении с делом в случаях, предусмотренных УПК РФ.

Об участии гражданина в уголовном процессе под псевдонимом, но не о его подлинных данных обвиняемому и защитнику должно стать известно при ознакомлении с уголовным делом в порядке ст. 217 УПК РФ⁵⁸⁸. Для этого в протоколах процессуальных действий, в которых лица участвовали под условными именами, напротив таких имен следует делать пометку «псевдоним»⁵⁸⁹. Иное, то есть оставление обвиняемого и защитника в неведении, что некто участвует в уголовном процессе под псевдонимом, что его показания использованы при разрешении уголовного дела исключит возможность для осужденного обжаловать обвинительный приговор на том основании, что, по его мнению, приговор «в решающей степени» основан на показаниях, данных под псевдонимом (неотъемлемость у осужденного права на обжалование приговора по такому основанию вытекает из решений ЕСПЧ, о которых будет сказано ниже).

При ознакомлении обвиняемого и защитника с уголовным делом в соответствии с ч. 1 ст. 217 УПК РФ им предъявляются материалы дела за исключением случаев, предусмотренных ч. 9 ст. 166 УПК РФ, то есть не предъявляются постановления следователя, в которых указаны подлинные данные о лицах, выступающих в уголовном процессе под псевдонимом (содержащееся в ч. 1 ст. 217 УПК РФ положение не должно рассматриваться как противоречащее п. 12 ч. 4 ст. 47 и п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, где установлено право обвиняемого и защитника знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного

⁵⁸⁸ В отдельных случаях об участии псевдонима в уголовном процессе другим его участникам может стать известно и ранее: если в соответствии с ч. 3 ст. 190 УПК РФ допрашиваемому были оглашены протоколы следственных действий с участием псевдонима либо с участием последнего проведено опознание по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ.

⁵⁸⁹ Такие пометки в настоящее время делаются в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (см.: Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 155), очевидно, для пояснения причины неуказания места жительства вызываемого, и такую практику следует признать правильной.

дела⁵⁹⁰). Соответственно не предъявляются стороне защиты и другие документы, хранящиеся в конверте вместе с указанным постановлением.

Обвиняемый может заявить ходатайство о проведении очной ставки с тем, кто скрывается под псевдонимом. В соответствии с ч. 1 ст. 192 УПК РФ ее проведение — право, но не обязанность следователя, и, исходя из цели использования псевдонима, удовлетворению такое ходатайство не подлежит. Тем не менее следует согласиться с предложением М.В. Новиковой дополнить ч. 1 ст. 192 УПК РФ прямым указанием на то, что при предоставлении защищаемому лицу псевдонима очные ставки с ним проводятся с использованием технических средств, исключаяющих его идентификацию другим участником данного следственного действия, либо не проводятся вовсе⁵⁹¹, подобно тому, как это предусмотрено, например, абз. 1 ст. 143 УПК Болгарии. Автор солидарен и с выводом Л.А. Гребенчиковой о том, что сама сущность использования псевдонима обуславливает отказ подозреваемому (обвиняемому) в праве присутствовать при производстве экспертизы в случае ее проведения в отношении участников уголовного процесса, скрываемых под псевдонимом⁵⁹². Такой отказ допустим в рамках действующей редакции Кодекса, поскольку указанное право подозреваемый (обвиняемый) осуществляет, согласно п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, с разрешения следователя.

В обвинительном заключении и в списке лиц, вызываемых в суд, не должны указываться подлинные данные и место жительства лиц, участвующих в судопроизводстве под псевдонимом. Части 1 и 4 ст. 220 УПК РФ не содержат прямого указания на это, но данное требование обусловлено содержанием ч. 9 ст. 166, ч. 1 ст. 277, ч. 5 и 6 ст. 278 УПК РФ в их взаимосвязи, что, конечно, не умаляет целесообразности предложения дополнить п. 8 ч. 1 и ч. 4 ст. 220 УПК РФ прямым требованием о неуказании подлинных сведений о защищаемых лицах⁵⁹³ подобно тому, как это сделано в ст. 224 («Приложения к обвинительному заключению») УПК Украины.

Участвовать в уголовном процессе под псевдонимом, наряду с другими гражданами, могут: 1) лица, внедренные в ОПГ; 2) лица, сотрудничающие с осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ОРД) органами на конфиденциальной основе (конфиденты); 3) негласные

⁵⁹⁰ Тем не менее указанные пункты ст.ст. 47 и 53 целесообразно дополнить указанием на предусмотренное в ч. 1 ст. 217 исключение из права защитника и обвиняемого на ознакомление со всеми материалами дела.

⁵⁹¹ См.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 105, 204.

⁵⁹² См.: Гребенчикова Л.А. Указ. соч. С. 154.

⁵⁹³ См.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 205.

штатные сотрудники этих органов. Сведения о перечисленных лицах, согласно ч. 1 ст. 12 Закона об ОРД, составляют государственную тайну⁵⁹⁴ и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД. Кроме того, в соответствии с ч. 2 этой же статьи предание гласности сведений об указанных лицах допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Поэтому, если признать, что в выносимом в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ постановлении подлинные сведения о защищаемом лице *должны* приводиться (хотя соответствующего требования ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в отличие, например, от УПК Болгарии и Украины⁵⁹⁵, не содержит), то участие вышеперечисленных лиц в досудебном производстве под псевдонимом возможно только после выполнения условий, установленных в ч.ч. 1 и 2 ст. 12 Закона об ОРД. Это обусловлено тем, что приведение в указанном постановлении подлинных сведений о вышеперечисленных лицах, во-первых, является *рассекречиванием государственной тайны* (поскольку соответствующее постановление, как гласит ч. 9 ст. 166 УПК РФ, помещается в конверт, опечатывается и приобщается к уголовному делу; сведения же, содержащиеся в уголовном деле, не являются государственной тайной, а относятся, как уже было отмечено выше, к сведениям *конфиденциального характера*), и, во-вторых, является *преданием гласности* сведений о вышеперечисленных лицах, поскольку эти сведения становятся известны следователю, руководителю следственного органа, прокурору.

Если же признать, что в постановлении, выносимом в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ, указание подлинных сведений о защищаемых из числа: (1) лиц, внедренные в ОПГ, (2) конфиденентов и (3) негласных штатных сотрудников органов, осуществляющих ОРД, *необязательно*, то участие данных лиц в досудебном производстве под псевдонимом возможно и без выполнения условий, установленных в ч. 1 и 2 ст. 12 Закона об ОРД.

По мнению автора, *неуказание* в соответствующем постановлении подлинных сведений о перечисленных лицах являлось недопустимым

⁵⁹⁴ Это же установлено в ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» и в п. 80 «Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне», утвержденного Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203.

⁵⁹⁵ Согласно пункту 5 абз. 4 ст. 123 УПК Болгарии в правовом акте о защите свидетеля, наряду с присвоенным ему идентификационным номером, указываются и «данные о личности защищаемого лица»; в соответствии с ч. 1 ст. 52³ УПК Украины в постановлении об использовании псевдонима перечисляются: «настоящие фамилия, имя, отчество, год, месяц и место рождения, семейное положение, место работы, род занятий или должность, место жительства и другие анкетные данные, содержащие информацию о находящемся под защитой лице».

в период действия главы 57 УПК РФ, содержавшей перечень бланков процессуальных документов, в том числе приложение № 55 к ст. 476 УПК РФ («Постановление о сохранении в тайне данных о личности»), согласно которому в этом постановлении, помимо псевдонима, должны были указываться: действительные фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, а также место проживания (регистрации) защищаемого лица. С утратой главы 57 УПК РФ силы 7 сентября 2007 г.⁵⁹⁶ действующий Уголовно-процессуальный закон не содержит более требований об обязательном указании в постановлении, предусмотренном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, подлинных сведений о защищаемом лице.

Исходя из вышесказанного, автор полагает, что подлинные сведения о защищаемом лице должны приводиться в указанном постановлении кроме случаев, когда защищаемыми являются: (1) лица, внедренные в ОПГ; (2) конфиденты и (3) негласные штатные сотрудники органов, осуществляющих ОРД. Данное исключение является дополнительной и необходимой гарантией безопасности перечисленных лиц⁵⁹⁷, учитывая характер их деятельности и обусловленный ею повышенный риск расправы со стороны преступников⁵⁹⁸. При этом, поскольку подлинные сведения о защищаемом лице останутся неизвестными не только для обвиняемого и защитника, но и для следователя, руководителя следственного органа и прокурора, данным должностным лицам личность защищаемого должен удостоверить соответствующий полномочный представитель органа, осуществляющего ОРД (через этого же представителя защищаемое лицо должно вызываться в рамках досудебного производства и в суд).

В то же время подлинные сведения об указанных лицах не могут скрываться от суда в ходе судебного производства, поскольку ч. 5 ст. 278 УПК РФ говорит о допросе защищаемых лиц «без оглашения» подлинных данных о них. Это значит, что подлинные данные не оглашаются

⁵⁹⁶ В соответствии с Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Гарант».

⁵⁹⁷ Такое мнение автором было высказано еще до дополнения в 2003 г. УПК РФ приложением № 55 к ст. 476 УПК РФ (см.: *Брусницын Л.В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: Методические рекомендации. М., НИИ при Генеральной прокуратуре РФ, 2002. С. 18–19).

⁵⁹⁸ Возможно, именно данное обстоятельство учли в Швейцарии при разработке УПК 2007 г. Как уже отмечалось, согласно ч. 2 ст. 288 и ч. 4 ст. 289 данного УПК сотрудникам полиции, ведущим «скрытое расследование» и снабженным «легендой», дается гарантия о нераскрытии их подлинных данных при допросе в качестве свидетелей. Их безопасность гарантируется и тем, что согласно п. «б» ч. 1 ст. 151 УПК Швейцарии никакие данные о их личности не заносятся в уголовное дело.

судом, но известны ему. Следовательно, участие в судебном разбирательстве лиц, внедренных в ОПГ, конфиденентов и негласных штатных сотрудников органов, осуществляющих ОРД, возможно только при условии, если их подлинные данные станут известны суду (либо председателю, если дело рассматривается судом с участием присяжных заседателей), что в свою очередь становится возможным после выполнения условий, предусмотренных в ч.ч. 1 и 2 ст. 12 Закона об ОРД.

При принятии решения об использовании псевдонима и в ходе дальнейшего уголовного судопроизводства осуществляющим его лицам надлежит соблюдать *ограничительное условие* применения данной меры безопасности, которое выработано в решениях ЕСПЧ, основанных на ст. 6 Европейской конвенции. По сути ЕСПЧ установлен запрет на постановление национальными судами обвинительных приговоров, «в решающей степени» основываемых на показаниях, данных под псевдонимом (подробно этот вопрос освещен в следующем параграфе). В УПК РФ данная позиция ЕСПЧ пока не отражена, но это не освобождает лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, от обязанности следовать ей. Поэтому помимо показаний, данных под псевдонимом (под псевдонимами, если эта мера безопасности применена к нескольким лицам), в ходе предварительного расследования необходимо собрать и *иные* доказательства виновности обвиняемого. Они могут быть как прямыми, так и косвенными, исходя из принципа свободы оценки доказательств, согласно которому никакие доказательства не имеют заранее установленной силы и оцениваются лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств (ст. 17 УПК РФ). Конституционным Судом РФ указано: положения ч. 9 ст. 166 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ «не содержат каких-либо изъятий из установленных уголовно-процессуальным законодательством общих правил, использования, проверки и оценки доказательств»⁵⁹⁹. В обвинительном же заключении (акте) должно найти отражение то, что виновность обвиняемого в совершении преступления доказана *совокупностью* обвинительных доказательств, среди которых — и показания, данные под псевдонимом.

Основанием отмены использования псевдонима является устранение возможности посткриминального воздействия в отношении защищаемого лица. При этом, хотя УПК РФ и не содержит прямых предписаний, очевидно, что решение об отмене использования псевдонима должно

⁵⁹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

быть мотивированным и облечено в форму постановления (такое требование содержится, например, в ч. 3 ст. 52⁴ УПК Украины). При устранении возможности посткриминального воздействия согласия защищаемого лица на отмену использования псевдонима не требуется. Участие лица в судопроизводстве под псевдонимом по причине одного лишь его несогласия с отменой псевдонима делает его применение незаконным.

Следующая мера, способствующая обеспечению безопасности лиц, содействующих правосудию, заключается в *предупреждении участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения ставших им известными данных предварительного расследования, то есть и сведений о личности защищаемых лиц, содержащихся в протоколах следственных действий* — в соответствии с ч. 2 ст. 161 УПК РФ. Представляется, что на основании указанной нормы участники уголовного судопроизводства могут быть предупреждены не только о недопустимости разглашения указанных сведений, но и о самом производстве по уголовному делу, о производстве отдельных следственных действий и об участии в них.

До середины 90-х гг. XX в. такое предупреждение, в соответствии со ст. 139 УПК РСФСР, применялось крайне редко: в ходе изучения 1000 уголовных дел не было установлено ни одного случая его применения⁶⁰⁰. Ужесточение в ст. 310 УК РФ санкции за разглашение данных расследования, возможно, повлечет более активное применение ст. 161 УПК РФ. Кроме того, данная статья может быть усовершенствована. Во-первых, необходимо расширить круг лиц, которым может быть сделано предупреждение. Обоснованно мнение, что такое предупреждение может потребоваться в отношении:

— конвоиров, сопровождающих подозреваемых и обвиняемых при производстве следственных действий;

— медицинских работников, которые вследствие состояния здоровья допрашиваемого лица могут присутствовать при его допросе⁶⁰¹;

— работников телефонных станций, не принимающих участия в прослушивании телефонных переговоров, но вследствие своих профессиональных функций знающие о прослушивании⁶⁰².

Может возникнуть необходимость предупредить о неразглашении данных расследования и представителей СМИ, которые не присутство-

⁶⁰⁰ См.: *Макарова З.В.* Гласность уголовного процесса. Челябинск, 1993. С. 153.

⁶⁰¹ См.: *Замылин Е.И.* Социально-правовая природа безопасности в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. Владимир, 2009. № 2 (11). С. 91.

⁶⁰² См.: *Маркин А.Н.* Некоторые вопросы процессуальной регламентации прослушивания телефонных и иных переговоров // Современные проблемы расследования преступлений. Волгоград, 1992. С. 81–83.

вали при производстве следственных действий, но, пользуясь различными источниками, получают сведениями о ходе следствия, в том числе о свидетелях. Во-вторых, надлежит предусмотреть возможность применения ст. 161 УПК РФ не только в ходе предварительного расследования, но и в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку в этой стадии также проводятся следственные действия.

Необходимость мер безопасности обусловлена и существованием процессуальных средств доказывания, которые сопряжены с непосредственным аудио- и визуальным контактом содействующих правосудию с теми, кто представляет для них угрозу. Речь идет о предъявлении для опознания и очной ставке. Значительная часть потерпевших и свидетелей боится участвовать в этих следственных действиях, когда же очные ставки и опознания проводятся без учета состояния жертв и свидетелей, последние испытывают нервные срывы, что нередко вынуждает прекратить следственное действие, или же под воздействием страха дают ложные показания⁶⁰³. При расследовании же преступлений, совершаемых ОПГ, потерпевшие и свидетели зачастую просто отказываются участвовать в очных ставках и в опознании. Страх перед очной ставкой с соучастником, особенно с лидером преступной группы, может испытывать и лицо, совершившее преступление в соучастии и давшее об этом показания. В одном из последних комментариев к УПК РСФСР рекомендовалось в случае угроз одного участника очной ставки другому прервать проведение очной ставки, отразив это обстоятельство в протоколе⁶⁰⁴, но и в этом случае цель посткриминального воздействия может быть достигнута — ведь угрозы уже высказаны.

Рекомендуется не проводить очную ставку, если она сопряжена с опасностью для одного из ее участников⁶⁰⁵. Правильно обращалось внимание,

⁶⁰³ См. об этом, в частности: Михайлов В.А. Меры пресечения в уголовном судопроизводстве. Тюмень, 1994. С. 87; Багаутдинов Ф. Опознание // Законность. 1999. № 10. С. 19; Шевчук И.В. Уголовно-процессуальные, психологические и тактические аспекты предъявления для опознания лиц на предварительном следствии: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 25.

⁶⁰⁴ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 325.

⁶⁰⁵ В Швейцарии, например, в соответствии с абз. 4 и 5 ст. 5 федерального Закона о помощи жертвам преступлений от 4 октября 1991 г. общим правилом является то, что «жертва по собственному требованию может избежать очной ставки с обвиняемым». До принятия в Швейцарии УПК 2007 г. практически во всех кантонах «при наличии обоснованных подозрений о наличии опасности для свидетеля» право обвиняемого и защитника на проведение очной ставки ограничивалось (см.: Heine G. Op. cit. P. 64—65). Части 3 и 4 ст. 152 УПК Швейцарии, в которой установлены «общие» меры по защите потерпевших, гласят: «3. Правоохранительные органы избегают встречи потерпевшего с обвиняемым, если потерпевший этого требует. Они обес-

что в соответствии со ст. 162 УПК РСФСР ее проведение — право, а не обязанность следователя⁶⁰⁶, и данное положение воспроизведено в ч. 1 ст. 192 УПК РФ. Но отказ от производства очной ставки не освобождает следователя от обязанности установления истины, что, в свою очередь, требует выяснить причину противоречий в показаниях. Высказаны рекомендации устранять противоречия посредством более детальных допросов, проверками показаний на месте происшествия⁶⁰⁷; перед проведением очной ставки рекомендуется выяснить, не являются ли противоречия результатом добросовестного заблуждения (в том числе с помощью предъявления вещественных доказательств и документов, проведения следственного эксперимента)⁶⁰⁸. Данные рекомендации не противоречат нормам уголовно-процессуального закона, но ясно, что далеко не во всех случаях с помощью предлагаемых средств можно установить причину противоречий в показаниях. Очевидно, что Уголовно-процессуальный закон должен предусматривать возможность проведения указанных следственных действий без непосредственного аудио- и визуального восприятия защищаемых лиц субъектами, от которых может исходить угроза.

печивают в этом случае право обвиняемого на судебное разбирательство другим способом. В особенности они могут допросить потерпевшего с применением мер защиты в соответствии с п. «б» и «д» ч. 2 ст. 149. 4. Очная ставка может быть назначена, если: «а») право обвиняемого на судебное разбирательство не может быть обеспечено другим способом; или «б») этого настоятельно требует преобладающий интерес уголовного преследования». Согласно ч. 4 ст. 154 УПК Швейцарии, предусматривающей «особые» меры по защите детей-потерпевших, «если допрос или очная ставка могут быть сопряжены для ребенка (для лица моложе 18 лет. — *Примеч. авт.*) с тяжелой психической нагрузкой, действуют следующие правила: «а») очная ставка с обвиняемым может быть проведена только тогда, когда ее проведения требует ребенок или же право обвиняемого на судебное разбирательство не может быть обеспечено другим способом; «б») ребенок, как правило, не должен во время всего процесса быть допрошен более двух раз; «с») второй допрос проводится только тогда, когда стороны во время первого допроса не смогли воспользоваться своими правами или это необходимо в интересах расследования или ребенка. Если это возможно, опрос проводится тем же лицом, которое проводило первый допрос; «д») допросы проводятся в присутствии специалиста и специально подготовленным для этой цели работником следственных органов. Если очная ставка не проводится, ведется видео- и звукозапись допросов». Упомянутые же в ч. 3 ст. 152 УПК Швейцарии п. «б» и «д» ч. 2 ст. 149 предусматривают соответственно: допрос защищаемого лица с удалением сторон и публики; изменение его внешности и голоса, допрос за ширмой.

⁶⁰⁶ См.: *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. М., 1997. С. 121.

⁶⁰⁷ См.: *Дворкин А.И., Бабеева Э.У., Токарева М.Б., Чернова К.Т.* Расследование убийств, совершенных организованными вооруженными группами: Методическое пособие. М., 1995. С. 54.

⁶⁰⁸ См.: *Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В.М. Лебедева.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 323.

Опознание в указанных условиях давно применяется за рубежом⁶⁰⁹, а в последние десятилетия в ближнем зарубежье (Латвия, Молдавия, Украина, Белоруссия) и в России. Результаты такого опознания признавались российскими судами в качестве доказательств⁶¹⁰ несмотря на то, что опознание в указанных условиях УПК РСФСР не предусматривал. Установить данный способ опознания на законодательном уровне российскими юристами предлагалось многократно⁶¹¹, и законодатель предпринял это. В ч. 8 ст. 193 УПК РФ установлена возможность *производства опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым*. 97,6% из 211 респондентов — сотрудников МВД и прокуратуры указали на необходимость такого опознания⁶¹², и оно применяется, в частности, при расследовании преступлений, предусмотренных ст.ст. 111, 161, 162, 228 УК РФ⁶¹³, причем по частоте применения уступает только такой мере безопасности, как использование псевдонима⁶¹⁴. Опознание в указанных условиях может применяться и для обеспечения безопасности обвиняемого, являющегося, например, участником лишь одного эпизода деятельности ОПГ и готового опознать ее лидера⁶¹⁵.

По правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ опознание может проводиться независимо от того, участвует опознающий в уголовном судопроизводстве под псевдонимом либо без него. В первом случае в протоколе предъявления для опознания указывается псевдоним опознающего. Принятия *постановления* для обоснования необходимости производства опознания в условиях, предусмотренных ч. 8 ст. 193 УПК РФ, не требуется, поскольку основанием для такого опознания является само участие опознающего в уголовном процессе под псевдонимом.

⁶⁰⁹ См.: *Квашис В., Вавилова Л.* Поможем жертвам преступлений // Росс. юстиция. 1994. № 4. С. 48.

⁶¹⁰ См.: *Багаутдинов Ф.* Указ. соч. С. 19; *Топильская Е.В.* Организованная преступность. СПб., 1999. С. 142.

⁶¹¹ См., в частности: *Быков В.М., Журавлева Э.Г.* Защита прав потерпевших от преступлений — конституционный принцип уголовного процесса // Государственно-правовые проблемы обеспечения и защиты прав граждан. Тверь, 1997. С. 59; *Бадашханов В.И.* Народный элемент в уголовном судопроизводстве в современных условиях: Дисс. ...канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1993. С. 201—203.

⁶¹² См.: *Самолаета Е.Ю.* Теория и практика предъявления для опознания людей: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2003. С. 119.

⁶¹³ См.: *Новикова М.В.* Указ. соч. С. 102.

⁶¹⁴ См.: *Малов А.А., Тимошенко А.А.* Указ. соч. С. 5.

⁶¹⁵ См.: *Левченко О.В.* Указ. соч. С. 135.

Если опознающий не имеет псевдонима, то *постановление* для производства рассматриваемого опознания *может быть* вынесено, но обязательным оно не является, поскольку в ч. 1 ст. 164 УПК РФ в перечень следственных действий, производимых на основании постановления следователя, опознание по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ не включено. Естественно, решение провести опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, должно быть мотивированным, и обстоятельства, послужившие основанием для такого опознания, должны быть изложены в протоколе данного следственного действия.

Высказано и иное мнение — об *обязательности* постановления о производстве опознания в условиях, предусмотренных ч. 8 ст. 193 УПК РФ, даже если личность опознающего не скрыта псевдонимом — на том основании, что только соответствующее постановление делает опознание в указанных условиях мотивированным⁶¹⁶. Кроме того, обращено внимание на то, что п. 25 ст. 5 УПК РФ обязывает лиц, осуществляющих предварительное расследование, все решения облачать в форму *постановления* и на необходимость обеспечить опознаваемому *возможность обжаловать* в порядке ст. 123 УПК РФ решение о производстве опознания в вышеуказанных условиях⁶¹⁷.

Однако, согласно теории процессуальных решений, они могут облачаться в различные формы, в том числе содержаться в протоколах следственных действий⁶¹⁸. УПК РФ не противоречит теории: в п. 25 его ст. 5 дано *понятие* постановления, но не установлена обязанность при производстве предварительного расследования все решения облачать в форму постановления. Свидетельство этому — такие уголовно-процессуальные решения, как *утверждение* прокурором обвинительного заключения (п. 1 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), обвинительного акта (п. 1 ч. 1 ст. 226 УПК РФ), *решение* следователя допросить лицо в качестве свидетеля (на основании ч. 2 ст. 78 УПК РФ), *решение* произвести допрос не в месте производства

⁶¹⁶ См.: Шевченко К.Д. Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2004. С. 175.

⁶¹⁷ См.: Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 123.

⁶¹⁸ См. об этом: Лутинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972. С. 5; Дубинский А.Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы. Киев, 1984. С. 66; Михайленко А.Р. Составление процессуальных актов по уголовным делам (Теория, методика, примерные образцы документов). Киев, 1989. С. 9; Якутов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России. М., 1993. С. 159.

предварительного следствия, а в месте нахождения допрашиваемого (ч. 1 ст. 187 УПК РФ) и др. Что касается возможности обжалования условий опознания, предусмотренных ч. 8 ст. 193 УПК РФ, то такое обжалование (исходя из содержания ст. 123 УПК РФ, где предусмотрено обжалование именно *решений*, но не *постановлений*) возможно вне зависимости от того, в какую из двух возможных форм облечено решение провести опознание. Вывод: лицо, осуществляющее производство по делу, вправе изложить основания производства опознания в условиях, предусмотренных ч. 8 ст. 193 УПК РФ, как в соответствующем постановлении, так и в протоколе данного следственного действия без вынесения постановления.

Для производства опознания по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ в зданиях правоохранительных органов оборудуются смежные комнаты с отдельными входами и разделяющим комнаты окном с односторонним зеркальным покрытием, которое не позволяет видеть находящихся за зеркальным покрытием лиц. При закрытом окне между комнатами достигается также звукоизоляция, а при приоткрытом можно слышать голос опознаваемого — для опознания по голосу. Комнаты могут оборудоваться телефонной связью. Понятые находятся в месте нахождения опознающего и должны иметь возможность наблюдать обстановку в месте нахождения опознаваемого. В зависимости от того, каким образом организовано производство опознания, возможно привлечение и большего числа понятых — для их присутствия не только «в месте нахождения опознающего», но и в помещении либо в месте, где находится опознаваемый, что находит применение в практике правоохранительных органов⁶¹⁹.

При отсутствии специально оборудованных помещений и вышеуказанной ширмы опознание может проводиться с помощью автомобиля с тонированными стеклами, когда следователь, опознающий и понятые находятся внутри его, а остальные участники следственного действия — снаружи⁶²⁰. Можно поместить опознающего внутри здания, а опознаваемого перед зданием для опознания через окно. Для создания условий, указанных в ч. 8 ст. 193 УПК РФ, могут использоваться комнаты либо части одного помещения (коридора, холла), разделенные застекленной дверью; наблюдение опознаваемым опознающего в этих случаях может исключаться, например, с помощью жалюзи на окне, двери либо за счет затемнения комнаты с опознающим и яркого освещения комнаты, где

⁶¹⁹ См.: *Самолаева Е.Ю.* Указ. соч. С. 125; *Москаленко А.В.* Особенности государственной защиты участников уголовного процесса в ходе судебного разбирательства: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 97.

⁶²⁰ Такой способ опознания применялся, в частности, правоохранительными органами Калужской и Липецкой областей (см.: *Новикова М.В.* Указ. соч. С. 103).

находится опознаваемый. В протоколе указываются конкретные способы и средства, обеспечивающие то, что опознающий находится вне поля зрения опознаваемого. Хотя ст. 193 УПК РФ, в отличие, например, от ст. 174 УПК Украины, не содержит соответствующего предписания, понятным следует предоставить возможность убедиться в возможности в созданных условиях нормально наблюдать опознаваемого и отразить этот факт в протоколе.

Если опознающий участвует в уголовном процессе под псевдонимом, и его ответ на вопрос о том, при каких обстоятельствах он видел опознаваемого, может привести к установлению опознаваемым либо его защитником личности опознающего, ответ указывается в протоколе опознания лишь в той части, которая исключает возможность такого установления. Это же правило должно соблюдаться и в ходе предваряющего опознание, согласно ч. 2 ст. 193 УПК РФ, допроса опознающего, участвующего в процессе под псевдонимом. Верно и мнение Д.А. Бурыки о том, что во избежание раскрытия личности такого опознающего его предложения опознаваемому повернуться, пройти, произнести определенные фразы и проч. должен оглашать не опознающий, а следователь⁶²¹.

При проведении опознания в условиях, указанных в ч. 8 ст. 193 УПК РФ, защитник опознаваемого подозреваемого, обвиняемого либо подозреваемый (обвиняемый) могут заявить ходатайство о допуске защитника в помещение с опознающим на том основании, что в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник вправе участвовать в следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого. Если опознающий участвует в уголовном процессе под псевдонимом, то данное ходатайство удовлетворению не подлежит на том основании, что личность защищаемого скрывается от других участников уголовного процесса. Участие защитника в производстве опознания в этом случае выразится в присутствии и в реализации своих прав в *той же* мере, что и его подзащитный, и в *равной* с ним мере⁶²². Достаточной гарантией соответствия

⁶²¹ См.: Бурыка Д.А. Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 97.

⁶²² Аналогичное по сути правило установлено в ч. 5 ст. 278 УПК РФ, которая гласит, что при необходимости обезопасить свидетеля суд допрашивает его в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства. В этом случае защищаемый также находится вне визуального наблюдения *не только подсудимого, но и защитника*. Здесь следует обратить внимание, что ЕСПЧ в деле *Перри (Perry) против Великобритании* (2002 г.), не признано нарушением каких-либо норм Европейской конвенции то, что опознание заявителя было проведено без участия и даже ведома его защитника. Перри было предъявлено обвинение в вооруженных разбойных нападениях. Полиция предприняла несколько попыток провести его опознание, однако он уклонялся от процедуры опознания.

УПК РФ действий, осуществляемых в помещении, где находится опознающий, является присутствие в этом помещении понятых и реализация ими своих прав и обязанностей. Если же опознающий участвует в опознании под своими настоящими данными, то в случае заявления вышеуказанного ходатайства, защитник, из смысла норм действующей редакции УПК РФ, имеет право находиться в одном с опознающим помещении⁶²³.

В случае отказа лица участвовать в следственном действии в качестве опознаваемого, а равно в случае его поведения, которое исключает возможность опознания *непосредственно* лица, когда, например, опознаваемый с целью сорвать следственное действие закрывает лицо одеждой (такие случаи известны в следственной практике) или его поведение иным образом отличается от поведения лиц, предъявленных для опознания вместе с ним, опознание проводится по фотографии, то есть в соответствии с ч. 5 ст. 193 УПК РФ, поскольку указанное поведение является обстоятельством, обуславливающим *невозможность* предъявления лица для опознания, что в свою очередь является основанием опознания по фотографии.

УПК РФ не содержит прямого указания на возможность использования для опознания *видеоизображения* опознаваемого. Тем не менее, исходя из смысла ч. 8 ст. 193 УПК РФ, такой способ исключения визуального наблюдения опознаваемым опознающего представляется допустимым. В ряде случаев оптимальным может быть использование именно видеоизображения опознаваемого. Пример из следственной практики: подростки — очевидцы убийства заявили, что боятся участвовать в опознании задержанного подозреваемого, в связи с чем в следственном изоляторе с соблюдением соответствующих правил была сделана видеозапись подозреваемого и сходных с ним лиц, а затем предъявлена подросткам, и преступ-

Поэтому сотрудники полиции втайне от него сняли Перри на видео в полицейском участке. После этого была сделана видеозапись 11 добровольцев, имитировавших действия Перри. При просмотре 12 видеозаписей два свидетеля опознали Перри как преступника. Обвиняемый и его защитник не знали о существовании видеозаписи до ее демонстрации в суде. Во время судебного разбирательства защитник заявил ходатайство об исключении результатов опознания из обвинительных доказательств, однако судом данное ходатайство не было удовлетворено. Суд присяжных признал заявителя виновным. Апелляционный суд принял решение, что суд первой инстанции имел право принять указанный видеоматериал в качестве доказательства (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 2. С. 17–18).

⁶²³ Автор поддерживает предложение об установлении в ч. 8 ст. 193 УПК РФ запрета для защитника находиться в одном помещении с опознающим вне зависимости от того, участвует последний в уголовном судопроизводстве под псевдонимом либо под своими настоящими данными (см. об этом: *Новикова М.В.* Указ. соч. С. 205).

ник был опознан⁶²⁴. В данном случае опознаваемый содержался в СИЗО, и, возможно, доставление в него школьников и нахождение последних в условиях данного учреждения было признано нецелесообразным.

Видеоизображение опознаваемого может восприниматься опознающим с помощью *видеотрансляции* или, как в приведенном примере, при демонстрации *ранее сделанной видеозаписи*. Как при видеотрансляции, так и в ходе видеозаписи и последующей ее демонстрации должны соблюдаться требования, предусмотренные ст. 193 УПК РФ: число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех и проч. Должны соблюдаться и требования, обусловленные собственно применением видеоаппаратуры, в частности оператор должен одинаково по времени и по ракурсу фиксировать внешний вид всех лиц, не уделяя особого внимания опознаваемому, то есть не «подсказывая» его опознающему (порядок опознания по видеоизображению разработан достаточно подробно⁶²⁵).

Преимуществом *видеозаписи* является то, что она может быть предъявлена нескольким опознающим и в разное время. В то же время следует учитывать, что, в отличие от видеотрансляции, при демонстрации видеозаписи исключается возможность *по желанию опознающего* предложить опознаваемому и статистам выполнить определенные действия (вернуться, пройти, и проч.)⁶²⁶, поэтому при видеозаписи целесообразно показать опознаваемого как общим и средним планом, так и крупно, со всеми деталями, в статике и в движении, зафиксировать его голос.

Как при использовании для опознания *фотографии*, так и *видеоизображения* опознаваемого его защитник, исходя из норм УПК РФ, не наделяется правом находиться в одном помещении с опознающим, за исключением случая, когда для опознания используется *видеотрансляция* и при этом опознающий *не участвует* в уголовном процессе под псевдонимом⁶²⁷.

⁶²⁴ См.: Багаутдинов Ф. Опознание // Законность. 1999. № 10. С. 22.

⁶²⁵ См., например: Корниенко Н.А. Судебная видеозапись. СПб., 1995. С. 72; Бецуков А. Опознание по «фейсменеджеру» и видеозаписи // Законность. 2000. № 3. С. 29.

⁶²⁶ Именно по этой причине высказано мнение о недопустимости использования для опознания *видеозаписи* (см.: Власенко Н., Иванов А. Опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение // Законность. 2003. № 6. С. 23). Данное обстоятельство следует учитывать на практике, но само по себе оно, конечно, не исключает возможность использования в ходе опознания видеозаписи опознаваемого.

⁶²⁷ Автор не располагает сведениями об использовании в США при опознании видеоизображения опознаваемого, но что касается опознания в этой стране по фотографии, то в деле *Соединенные Штаты против Аша (Ash)* американский суд признал: «В случае, если для опознания предъявляются фотографии, присутствия адвоката не требуется» (*McGough L. S.*

О допустимости опознания по фотографии и видеоизображению в качестве *меры безопасности* (то есть когда опознаваемый не скрылся и находится в распоряжении следственных органов) в отечественной литературе не раз говорилось еще в период действия УПК РСФСР⁶²⁸, и такое опознание применялось⁶²⁹; иногда при этом выносилось постановление, в котором обосновывалась необходимость такого опознания с целью обезопасить опознающего, и допустимость такого решения была подтверждена, в частности, Рязанским областным судом и Верховным Судом РФ⁶³⁰. Тем не менее результаты опознания по видеоизображению не всегда принимались судами в качестве доказательств, поскольку закон прямо не указывал на возможность использования для опознания видеоизображения⁶³¹, то есть судебная практика была противоречива.

Изложенное свидетельствует о том, что в УПК РФ в качестве меры безопасности непосредственно следовало указать возможность использования при предъявлении для опознания *фото- и видеоизображения* опознаваемого. К сожалению, вопреки высказывавшимся мнениям⁶³², это не сделано, но указанный недостаток легко устраним.

Что касается очной ставки, то ее *проведение с аудио- и видеопомехами, исключающими идентификацию защищаемого лица*, предусмотрено в

Good enough for Government work: the Constitutional duty to preserve forensic interviews of child victims // Law and Contemporary Problems — Durham, 2002. Vol. 665. № 1. P. 204).

⁶²⁸ См., например: *Комиссаров В.* Свидетель и потерпевший в уголовном судопроизводстве // Росс. юстиция. 1994. № 8. С. 51; *Золотарев А.С.* Теоретические и практические проблемы расследования корыстно-насильственной организованной преступной деятельности: Дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург. 1997. С. 195–196.

⁶²⁹ См. об этом: *Бабаева Э., Ефимов И.* Противодействие изменению показаний обвиняемыми и свидетелями // Законность. 1995. № 9. С. 8; *Плоткин Д.М.* Расследование тяжких преступлений, совершенных членами организованных преступных сообществ // Прокурорская и следственная практика. 2001. № 3/4. С. 207.

⁶³⁰ См.: *Плоткин Д., Ищенко Е.* Борьба с бандитизмом: системный подход // Законность. 2001. № 11. С. 18.

⁶³¹ См.: *Солдатенко В.Ф.* Проблемы расследования преступлений, совершаемых организованными группами // Российское законодательство и правоприменительная деятельность органов внутренних дел. Ростов-на-Дону, 1995. С. 101; *Тихонов А.К.* Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевшего и свидетеля: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995. С. 139.

⁶³² См.: *Москвитина Т.А., Соколов А.Ф.* Проблемы совершенствования уголовно-процессуальных норм, регламентирующих предварительное следствие, и практики их применения // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1997. С. 161; *Брусницын Л.В.* Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. М., 1999. С. 50.

бывших субъектах Союза ССР: в Латвии⁶³³, Молдавии и Белоруссии⁶³⁴. Этот вариант очной ставки требует высокой технической оснащенности правоохранительных органов, то есть материальных затрат. Для их минимизации возможно применение такой меры, как *ознакомление лица с аудио- или видеозаписями показаний защищаемых*⁶³⁵. Здесь речь идет, конечно, не о собственно очной ставке, ибо, как справедливо отмечено, в данном случае допрашиваемый лишен возможности опровергнуть того, кто его уличает⁶³⁶, а об иной процессуальной форме, которая может быть использована наряду с очной ставкой.

Ознакомление допрашиваемого с аудиозаписью показаний другого лица, оглашение допрашиваемому этих показаний, безотносительно проблемы безопасности участников судопроизводства, применялось ранее на основании ст. 141¹ УПК РСФСР⁶³⁷, допускает это (как и ознакомление с *видеозаписью* показаний) УПК РФ: ч. 3 его ст. 190 предусматривает в ходе допроса, наряду с предъявлением допрашиваемому вещественных доказательств и документов, воспроизведение «материалов аудио- и (или) видеозаписи» следственных действий. Высказано мнение, что воспроизведение этих материалов — ни что иное, как наводящие вопросы, запрещенные в ч. 2 ст. 189 УПК РФ⁶³⁸, однако более обоснованной представляется позиция, согласно которой воспроизведение указанных материалов не подпадает под понятие наводящего вопроса⁶³⁹.

⁶³³ См.: *Шежуков М.П.* Указ. соч. С. 85.

⁶³⁴ В соответствии с п. «б» ст. 12 Закона Республики Молдавия «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному процессу», ч. 2 ст. 67 УПК Белоруссии.

⁶³⁵ Высказаны многочисленные предложения использовать эту меру защиты. См., в частности: *Газизов В.А., Филиппов А.Г.* Видеозапись и ее использование при производстве следственных действий. М., 1997. С. 39; *Бобровский И.В.* Социальная обусловленность квалифицированного вымогательства и его расследование: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1996. С. 133; *Ландау И.Л.* Видеозапись как эффективный способ фиксации и оценки доказательств // Проблемы уголовного судопроизводства в условиях правовой реформы. Калининград, 1991. С. 114; *Быков А.Г.* Первоначальный этап расследования вымогательства, совершенных группами лиц: Дисс. ... канд. юрид. наук. М. 1994. С. 139; *Галимов О.Х.* Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием малолетних: Дисс. ...канд. юрид. наук. Омск, 1997. С. 146.

⁶³⁶ См.: *Шейфер С.А.* Проблемы правовой регламентации доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве РФ // Гос. и право. 1995. № 10. С. 101.

⁶³⁷ См. об этом: *Соловьев А.Б.* Использование доказательств при допросе на предварительном следствии: Методическое пособие. М., 2001. С. 11, 14, 36, 42, 62, 67, 69.

⁶³⁸ См.: *Шейфер С.А.* Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Гос. и право. 2003. № 2. С. 58.

⁶³⁹ См.: *Центров Е.* Наводящий вопрос и оглашение показаний на допросе // Росс. юстиция. 2003. № 4. С. 28.

Представляется допустимым указать в УПК РФ и на возможность аудио- и видеопомех при ознакомлении с записями показаний защищаемого лица для исключения его идентификации.

Следующей мерой безопасности в стадии предварительного расследования может стать *аудио- и видеозапись показаний защищаемых с целью ее воспроизведения иным лицам в пределах данной стадии* (то есть для применения предыдущей защитной меры) *или же для демонстрации записи в стадии судебного разбирательства без вызова в суд защищаемого лица.* Следует согласиться с мнением российских юристов, что с применением этой меры снижается риск убийства свидетеля преступниками, так как даже в случае его смерти сообщенные им сведения будут использованы в суде⁶⁴⁰. На это же обстоятельство обращают внимание и зарубежные специалисты: «Тот факт, что ранее... свидетель уже давал показания, чаще всего исключает его из числа потенциальных объектов угроз и запугиваний. Все, что может быть сказано свидетелем в суде, уже было им сказано ранее на досудебной стадии, и будет принято судом во внимание при вынесении решения»⁶⁴¹.

В странах Скандинавии видеозапись применяется уже более сорока лет; в Великобритании с 1991 г. видеозапись допросов несовершеннолетних потерпевших по делам о насильственных и сексуальных преступлениях считается доказательством, равным непосредственному допросу свидетеля в суде присяжных. Видеозапись показаний несовершеннолетних для демонстрации в суде применяется в США⁶⁴² и Италии⁶⁴³. В Молдавии согласно ч. 7 ст. 110 УПК осуществляется видеозапись показаний защищаемого свидетеля (вне зависимости от его возраста), допрашиваемого под вымышленными биографическими данными; в стадии судебного разбирательства видеозапись этих показаний воспроизводится при невозмож-

⁶⁴⁰ См.: *Галактионов Е.А.* Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1993. С. 83; *Семенов В.А.* Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 1995. С. 34.

⁶⁴¹ *Хьертенберг Дж.* Вопросы соблюдения прав человека в связи с применением мер поощрения лиц, содействующих уголовному судопроизводству, и мер обеспечения их защиты // *Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства...* С. 163.

⁶⁴² *McGough L.S.* Op. cit. P. 181. При этом обращается внимание на проблему затрат, связанных с приобретением и эксплуатацией видеозаписывающей аппаратуры. В значительной степени эта проблема решается за счет средств «Центров защиты детей», которые имеются во многих городах и располагают необходимой аппаратурой (*McGough L.S.* Op. cit. P. 185).

⁶⁴³ См.: Решение ЕСПЧ в деле *Аккарди и другие (Accardi and others) против Италии* (2005 г.) // *Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание.* М., 2005. № 6.

ности обеспечить безопасность защищаемого (ст. 371 УПК Молдавии). На необходимость использования «альтернативных методов дачи показаний», защищающих свидетелей от посткриминального воздействия обвиняемых во время очных ставок, обращено внимание в п. 6 Приложения к *Рекомендации № R (2005) 9 Совета Европы «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием»*. В российском УПК рассмотренная мера безопасности оказалась не предусмотренной.

- *Контроль и запись переговоров* — мера безопасности, поскольку сведения, получаемые в результате этого следственного действия, осуществляемого в соответствии с ч. 2 ст. 186 УПК РФ, являются не только доказательством преступления, совершенного субъектами, которые противодействуют его расследованию, но и свидетельством посткриминального воздействия. Контроль и запись переговоров позволяет, в частности: установить номер телефона, по которому ведется разговор, задержать лицо, осуществляющее воздействие, с помощью экспертных исследований идентифицировать его по голосу, своевременно принять другие меры безопасности. По данным Ю.А. Ковтуна, на использование контроля и записи переговоров в качестве меры безопасности указали 10% из 148 опрошенных следователей⁶⁴⁴; эта мера находит применение при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), 159 (мошенничество), 162 (разбой), 163 (вымогательство), 228 (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) УК РФ⁶⁴⁵.

Указание в ст. 186 УПК РФ на контроль *переговоров* не означает, что прослушиваться может лишь человеческая речь. Данная мера безопасности допустима, если информация передается и с помощью других способов электрической связи: телексных, факсимильных каналов передачи данных, компьютерных сетей и проч., поскольку согласно п. 14¹ ст. 5 УПК РФ контроль телефонных и иных переговоров — это прослушивание и запись переговоров путем использования *любых* средств коммуникации. Представляется, что контролироваться и записываться на видео- и звукозаписывающую аппаратуру может и информация, передаваемая при непосредственном общении людей без использования ими каких-либо технических средств (на допустимость этого обращено внимание в п. 26 *Рекомендаций № R (96) 8 по политике борьбы с преступностью в*

⁶⁴⁴ См.: Ковтун Ю.А. Обеспечение прав и законных интересов личности при контроле и записи переговоров: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2006. С. 56.

⁶⁴⁵ См.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 111.

изменяющейся Европе, принятых Комитетом Министров стран-участниц Совета Европы 5 сентября 1996 г.).

В отличие от ч. 1 ст. 186 УПК РФ, в которой условием контроля и записи переговоров является производство по уголовным делам о преступлениях *средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях*, в соответствии с ч. 2 ст. 186 УПК РФ контроль и запись переговоров в качестве *меры безопасности* осуществляются независимо от уголовно-правовой квалификации расследуемого преступления, то есть по всем уголовным делам. Высказано и иное мнение — о том, что данная мера безопасности может применяться лишь по делам, указанным в ч. 1 ст. 186 УПК РФ⁶⁴⁶, однако основания применения рассматриваемой меры безопасности установлены не в ч. 1 ст. 186 УПК РФ, а в ч. 3 ст. 11 Кодекса, и они (основания) не связывают осуществление *меры безопасности — контроля и записи переговоров* с производством по отдельным категориям уголовных дел.

В ч. 2 ст. 186 УПК РФ говорится, что контроль и запись переговоров применяются для обеспечения безопасности *потерпевших, свидетелей и их близких*; в круг защищаемых лиц не включены другие участники уголовного судопроизводства, в частности: эксперт, специалист, переводчик, понятые, обвиняемый (изобличающий соучастников преступления и вследствие этого могущий подвергаться посткриминальному воздействию) и их близкие. Однако правом ходатайствовать о применении мер безопасности, включая контроль и запись переговоров, обладают все участники уголовного судопроизводства (этот вопрос рассмотрен в главе IV). Поэтому в качестве меры безопасности контролироваться и записываться могут переговоры *любого* участника уголовного процесса и *его близких* по их письменным заявлениям⁶⁴⁷, а при отсутствии такого заявления — в соответствии с ч. 2 ст. 186 УПК РФ — на основании судебного решения.

Высказано мнение, что даже при наличии письменного заявления гражданина о применении рассматриваемой меры безопасности для ее

⁶⁴⁶ См.: Ковтун Ю.А. Указ. соч. С. 56.

⁶⁴⁷ При этом представляется обоснованным мнение Л.А. Гребенчиковой о том, что у лиц, проживающих с заявителем в одном помещении, должно быть получено *согласие* на контроль переговоров с использованием стационарных устройств связи, установленных в этом помещении, то есть находящихся в общем пользовании. Заслуживают внимания и предложения установить в ст. 186 УПК РФ:

— обязанность органа, контролирующего переговоры, незамедлительно сообщать следователю о зафиксированных фактах посткриминального воздействия;

— возможность осуществления данного следственного действия по основанию, указанному в ч. 2 ст. 186 Кодекса, в течение всего срока предварительного расследования (см.: Гребенчикова Л.А. Указ. соч. С. 139, 140, 143, 144);

— возможность продления контроля и записи переговоров по указанному основанию вплоть до постановления приговора (см.: Ковтун Ю.А. Указ. соч. С. 57–58).

реализации необходимо судебное решение — на том основании, что, согласно ч. 3 ст. 63 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», ознакомление с информацией, передаваемой по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляется только на основании решений суда, за исключением случаев, установленных федеральными законами⁶⁴⁸. Но именно Федеральным законом — в ч. 2 ст. 186 УПК РФ и установлен случай, не требующий судебного решения для контроля и записи переговоров.

В обоснование необходимости судебного решения для контроля и записи телефонных и иных переговоров, осуществляемых в том числе в рамках ч. 2 ст. 186 УПК РФ, некоторые авторы ссылаются и на то, что данные контроль и запись в ч. 2 ст. 29 УПК РФ указаны в перечне действий, возможных только по решению суда. Однако в ч. 2 ст. 29 УПК РФ установлено лишь *общее правило*. Кодекс содержит и исключения из него. Так, согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ обыск и выемка в жилище, ряд других следственных действий, по общему правилу возможных только по решению суда, возможны и без судебного решения — если их производство «не терпит отлагательства». Соответственно, в ч. 2 ст. 186 УПК РФ также предусмотрено производство следственного действия — контроля и записи переговоров без судебного решения, но при наличии не безотлагательной ситуации, а иного условия — *письменного заявления лиц*, указанных в ч. 2 ст. 186 УПК РФ.

Наконец, в качестве аргумента «против» контроля и записи переговоров без судебного решения в ситуации, предусмотренной ч. 2 ст. 186 УПК РФ, приводится ст. 23 Конституции РФ, гласящая в части второй: «Каждый имеет право на тайну... телефонных переговоров... Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». Но ведь очевидно, что смысл данной нормы заключается в запрете без судебного решения ограничивать указанное конституционное право индивидуума помимо воли последнего. В случае же, когда сам индивидуум иницирует доступ третьих лиц к своим переговорам, желает, чтобы его переговоры прослушивались, что и выражается в заявлении, предусмотренном в ч. 2 ст. 186 УПК РФ, судебного решения не требуется. Соответственно этому в ч. 2 ст. 186 Кодекса прямо указана *альтернатива*: контроль и запись переговоров производятся либо по письменному заявлению индивидуума, либо на основании судебного решения.

Что касается такой проблемы, как позиция операторов узлов связи, по мнению которых контроль и запись переговоров без судебного реше-

⁶⁴⁸ См.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 111–113.

ния невозможны⁶⁴⁹, то данная проблема должна решаться повышением правовой грамотности несведущих в юридических вопросах лиц, а не коррекцией закона в угоду последним. В то же время следует согласиться с мнением, что для осуществления рассматриваемой меры безопасности, помимо письменного заявления защищаемого гражданина, осуществляющему производство по уголовному делу лицу необходимо вынести соответствующее *постановление*⁶⁵⁰, копия которого направляется для исполнения в соответствующий орган⁶⁵¹.

За рубежом прослушивание переговоров стало важным средством борьбы с преступностью⁶⁵², причем существует тенденция расширения его применения⁶⁵³. Оно широко используется в Бельгии, Дании, Нидерландах, США, Германии (в 1992 г., например, в четыре раза чаще, чем в США) и Великобритании⁶⁵⁴. Обращает на себя внимание и своевременность предпринимаемых мер. Так, в США еще в 1986 г. были внесены соответствующие изменения в законодательство в связи с появлением компьютерных сетей (электронной почты), видеотелефонов, спутниковой связи. Одним из нововведений стала возможность наблюдения за блуждающим объектом (*roving surveillance*) — прослушивание не конкретного средства связи, а переговоров лица вне зависимости от того, где и какой связью он пользуется⁶⁵⁵. И в России сфера прослушивания

⁶⁴⁹ Там же. С. 112.

⁶⁵⁰ См.: *Шевченко К.Д.* Указ. соч. С. 177–181, 191.

⁶⁵¹ В соответствии с п. 1 и 2 Указа Президента РФ от 1 сентября 1995 г. № 891 «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств» запись телефонных и иных переговоров осуществляют подразделения ФСБ РФ, а при отсутствии у них на объектах связи необходимых оперативно-технических возможностей — органы внутренних дел России.

⁶⁵² В США только за одно пятилетие в результате прослушивания переговоров были осуждены более 7 тысяч членов преступных групп, судами конфисковано более 330 млн долл. (см.: *Чечетин А.Е., Буряков Е.В.* Указ. соч. С. 26).

⁶⁵³ См. об этом: *Власихин В.* Указ. соч. С. 41; *Коряковцев В.В.* О расширении доказательственной базы в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1995. Вып. 2. С. 109; *Арнольд Й.* Ограничения правового государства в германском уголовно-процессуальном праве // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. М.—Чикаго. 1999. № 3. С. 23–25.

⁶⁵⁴ См.: *Арнольд Й.* Указ. соч. С. 23; Проблемы борьбы с организованной преступностью в ФРГ // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1999. № 5. С. 6–8; *Сурков К.В.* Некоторые вопросы ограничения прав и свобод личности в условиях борьбы с тяжкими преступлениями // Правоохранительная деятельность и правовое государство. СПб., 1995. С. 144–145, 146.

⁶⁵⁵ См.: *Пешков М.* Прослушивание и электронное наблюдение в уголовном процессе США // Росс. юстиция. 1997. № 4. С. 56.

переговоров расширяется: если в первоначальной редакции ч. 1 ст. 186 УПК РФ оно было возможно при производстве по делам только о тяжких и особо тяжких преступлениях, то в действующей редакции⁶⁵⁶, как уже было отмечено, ч. 1 ст. 186 УПК РФ допускает прослушивание при производстве по делам и о преступлениях средней тяжести.

• *Исключение из материалов дела перед ознакомлением с ним обвиняемого, защитника и из обвинительного заключения и его приложений сведений о защищаемых лицах.* Необходимость данной меры в России отмечалась многократно как практическими работниками⁶⁵⁷, так и представителями отечественной юридической науки⁶⁵⁸, поскольку обладание обвиняемым информацией о месте жительства потерпевших и свидетелей нередко приводит к посткриминальному воздействию. В.Т. Томин рассматривал данную меру безопасности как допустимую в рамках УПК РСФСР, если следователь приходил к выводу, что указание в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, адресов или мест нахождения всех или некоторых из них «нецелесообразно»⁶⁵⁹. Такие действия предпринимались следователями⁶⁶⁰, в том числе по согласованию с судами⁶⁶¹; на применение данной меры в 1996 г. указали 2% из 192 респондентов, опрошенных автором.

Высказывались мнения, что сокрытие места жительства защищаемых лиц соответствовало ч. 1 ст. 237 УПК РСФСР, в которой предусматривалось вручение подсудимому лишь копии обвинительного заключения и не упоминалось вручение его приложений, содержащих эти сведения⁶⁶².

⁶⁵⁶ В редакции Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211–ФЗ.

⁶⁵⁷ См., например: *Чуглазов Г.* Срок между окончанием следствия и направлением дела в суд // *Законность.* 1999. № 5. С. 32; *Кожевников И.* Упорядочить полномочия следователя // *Росс. юстиция.* 1997. № 12. С. 22.

⁶⁵⁸ См., в частности: *Дюрягин И.Я.* Гласность и тайна в уголовном процессе // *Российский юридический журнал.* Екатеринбург, 1995. № 4. С. 47; *Брылев В.И.* Некоторые проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сфере наркобизнеса. Екатеринбург, 1994. С. 102.

⁶⁵⁹ См.: *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 124.

⁶⁶⁰ См., в частности: *Епихин А.Ю.* Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995. С. 96–97; *Никитина Е.В.* Проблема совершенствования средств доказывания: Дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 101.

⁶⁶¹ См.: *Любичева С.Ф.* Защита потерпевшего от преступления: правовые аспекты // *Юридический бюллетень предпринимателя.* М., 1997. № 4. С. 38.

⁶⁶² См.: *Павлов Н.Е.* Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон (соотношение и проблемы применения). М., 1999. С. 201; *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: Дисс. ...докт. юрид. наук. М., 1999. С. 287.

Однако ч. 2 ст. 237 УПК РСФСР обязывала вручать подсудимому, наряду с копией обвинительного заключения, копию постановления судьи, если последним был изменен список лиц, вызываемых в суд. Поэтому нельзя согласиться и с мнением, что УПК РСФСР позволял в экземпляре списка лиц, подлежащих вызову в суд, предназначавшегося для подсудимого, не указывать адреса вызываемых⁶⁶³. Следует признать, что УПК РСФСР обязывал сообщать подсудимому все сведения о вызываемых в суд лицах.

Предложение не ознакомить обвиняемого и его защитника со сведениями о защищаемых лицах при выполнении требований ст. 201 УПК РСФСР противоречило и ст.ст. 46, 51 этого Кодекса, где было установлено право указанных субъектов знакомиться со всеми материалами дела. Исходя именно из данных норм в 80-х — 90-х гг. XX века Верховный Суд РСФСР, а затем Верховный Суд России указывали, что требование закона об ознакомлении обвиняемых со всеми материалами дела носит обязательный характер, и квалифицировали отступление от этого требования как существенное нарушение уголовно-процессуального закона⁶⁶⁴.

Однако впоследствии, основываясь уже на нормах Конституции 1993 г., Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 Постановления от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» разъяснил: «Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Данная конституционная новелла обусловила то, что уже в 1996 г. Президиум Верховного Суда РФ, исходя из норм международного пра-

⁶⁶³ См.: Хайруллин Ф.А. Опыт и рекомендации по обеспечению безопасности свидетелей и потерпевших в уголовном процессе // Прокурорская и следственная практика. 2000. № 1/2. С. 122.

⁶⁶⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1982. № 5. С. 9–10; п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 декабря 1999 г. № 84 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2.

ва и российских конституционных норм, признал допустимыми в российском уголовном процессе: 1) *невручение подсудимым приложения к обвинительному заключению — списка лиц, вызываемых в суд*; 2) *проведение закрытого судебного заседания для обеспечения безопасности участников уголовного процесса*; 3) *удаление подсудимых из зала судебного заседания на время допроса потерпевших и свидетелей, которые опасаются подсудимых* (при том, что УПК РСФСР изложенных мер не предусматривал), и указал, что применение этих мер обеспечило получение от потерпевших и свидетелей правдивых показаний⁶⁶⁵. Данное решение Президиума Верховного Суда — пример практического признания установленного в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ приоритета международно-правовых норм при выявлении противоречия между нормами международного и внутригосударственного, в данном случае уголовно-процессуального права.

Очевидно, что для внедрения в отечественный уголовный процесс общепризнанных принципов и норм международного права необходимо их знание практическими работниками, и определенные шаги для решения этой задачи предпринимаются. В частности, еще в 1998 г. Генеральным прокурором РФ был издан Приказ № 50 «Об организации международного сотрудничества прокуратуры Российской Федерации», в п. 7 которого соответствующим структурным подразделениям Генеральной прокуратуры РФ поручалось обеспечить органы прокуратуры текстами международно-правовых актов, изданиями по актуальным вопросам международного права, касающимся направлений деятельности прокуратуры⁶⁶⁶.

Но изучения собственно *кодифицированных* международных правовых норм в настоящее время уже недостаточно. Примером тому служит Европейская конвенция. Положения этого международного договора, ратифицированного Россией и имеющего исключительно важное значение для национального судопроизводства, к настоящему времени получили подробное толкование в решениях ЕСПЧ. Без знания этих весьма многочисленных решений уяснение смысла конвенционных норм и, следовательно, их реализация в национальном судопроизводстве невозможны⁶⁶⁷.

⁶⁶⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 2. С. 9–11.

⁶⁶⁶ См.: Сборник основных приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации. М., 1999. С. 507–512.

⁶⁶⁷ Вот мнение одного из специалистов в сфере международного права: «Подлинное содержание и смысл положений Конвенции понимаются нелегко. Сама Конвенция не содержит специальных положений о том, как ее толковать. Трудно вникать в Конвенцию, не зная обширной практики органов, принимающих решения по вопросам о правах человека... применяя национальное право, судья должен обращать внимание на практику Европейского суда по правам человека, потому что эта практика показывает, как должна пониматься норма Конвенции»

В то же время изучение работниками правоохранительных и судебных органов прецедентов ЕСПЧ вследствие их количества вряд ли реально. Во-первых, достаточную сложность представляет само ознакомление с решениями ЕСПЧ, поскольку он недостаточно активно способствует переводу своих решений с официальных языков на другие языки государств-участников Совета Европы. Во-вторых, в России публикуются лишь важнейшие его решения. По такому критерию, например, были отобраны прецеденты ЕСПЧ и для сборника, изданного в 2000 г.⁶⁶⁸, не имеющего, кстати, статуса официального перевода. И проблема безопасности участников уголовного процесса в этом издании отражения не нашла. В 2004 г. в России издан объемный труд Микеле Де Сальвиа (Michele de Salvia) — профессора права, юрисконсультанта ЕСПЧ, более тридцати лет проработавшего в структурах Совета Европы: «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г.». И, как отметил сам автор, эта работа не претендует на то, чтобы заменить изучение полных текстов решений ЕСПЧ⁶⁶⁹. Можно предположить, что и впредь далеко не все решения ЕСПЧ, в которых дается оценка применению национальными судами тех или иных мер безопасности, будут доступны для российских следователей, прокуроров и судей.

В-третьих, решения ЕСПЧ излагаются в стиле, отличном от российских и иных национальных юридико-технических традиций (этот стиль обоснованно называют «замысловатым»⁶⁷⁰ и даже «мало понятным», причем последняя оценка принадлежит одному из ведущих специалистов в сфере прецедентного права ЕСПЧ⁶⁷¹), что может затруднять точное восприятие смысла его весьма объемных решений и следование им в правоприменении. Существует и проблема переводов: «Все, что связано

(Куусимяки Р. О статьях пятой и шестой Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Московский журнал международного права. 1997. № 4. С. 68–69).

⁶⁶⁸ См.: Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М., 2000. 856 с.; Т. 2. М., 2000. 808 с.

⁶⁶⁹ См.: Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. С. 13.

⁶⁷⁰ Лаптев П.А. Европейский Суд по правам человека и российское правосудие // Интеграция и опыт правовых преобразований в условиях вызова мировому правопорядку: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 17–18 октября 2003 г.) М., 2003. С. 124.

⁶⁷¹ См.: Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004. С. 35.

с переносом в реалии русского юридического языка страсбургского права является весьма сложной задачей»⁶⁷².

В-четвертых, Россия принадлежит к континентальной правовой семье, то есть в ней нет традиций использования в правоприменительной деятельности сотен и сотен судебных прецедентов. Обычной для российских юристов является деятельность на основании кодифицированного права.

Поэтому, на взгляд автора, изучение обширного и постоянно развивающегося прецедентного права ЕСПЧ является задачей не только и, может быть, не столько практических работников, сколько отечественной юридической науки. Задача же законодателя — оперативно учитывать результаты научных исследований в законотворчестве. И в специальной литературе указывается, что под влиянием прецедентного права Совета Европы идет постоянная корректировка именно национального законодательства⁶⁷³, а не правоприменительной деятельности. Наконец, в решении ЕСПЧ по делу *Де Беккер против Британии (De Becker c. B)* прямо указано: «Договаривающиеся Стороны обязаны следить за тем, чтобы их внутреннее законодательство соответствовало Конвенции...»⁶⁷⁴

Исходя из изложенных факторов, очевидно, что *определяющим* условием соблюдения в отечественном уголовном судопроизводстве международных стандартов является приведение в соответствие с этими стандартами УПК РФ, и, в русле данного процесса, включение в него мер безопасности, не противоречащих нормам международного права, — мер, допустимость которых вытекает из решений ЕСПЧ.

Возвращаясь к вопросу о праве обвиняемого на ознакомление со всеми материалами уголовного дела, надо сказать, что такое право предоставляет далеко не каждое национальное законодательство. В Германии обвиняемый не имеет права знакомиться с материалами дела по окончании дознания; право ознакомиться с материалами дознания имеет только защитник⁶⁷⁵, при этом ему не сообщаются сведения о личности

⁶⁷² Берестнев Ю.Ю. Предисловие научного редактора в кн. *Де Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. С. 11.

⁶⁷³ См.: *Энтин М.Л.* Международные гарантии прав человека (практика Совета Европы). М., 1992. С. 8.

⁶⁷⁴ *Де Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. С. 78.

⁶⁷⁵ *Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А.* Указ. соч. С. 426.

свидетелей, если есть серьезные опасения, что на свидетелей может быть оказано «давление не в интересах следствия»; в этих случаях не указываются адреса свидетелей и в обвинительном заключении⁶⁷⁶. Ограничивается и право защитника знакомиться с материалами дела в ходе дознания, если, по мнению прокурора, ознакомление с материалами дела «представляет угрозу целям расследования. Такое решение прокурора не подлежит обжалованию»⁶⁷⁷. По этому же основанию защитник лишается другого права — присутствовать при производстве «определенных судебных следственных действий»⁶⁷⁸.

Во Франции в ходе следствия после первого допроса обвиняемого адвокат вправе потребовать представления ему копий любых материалов дела, «что должно быть сделано без каких-либо ограничений. Но во французском уголовном процессе ознакомление с материалами дела адвоката еще не означает ознакомления с ними его подзащитного. Адвокат, желающий ознакомиться с полученными документами своего клиента, обязан письменно уведомить об этом следственного судью..., который в течение пяти дней, если считает нежелательным либо даже опасным такое ознакомление, должен вынести мотивированное постановление, запрещающее адвокату доводить до сведения своего клиента содержание полученных им копий материалов дела»⁶⁷⁹. Институт ознакомления стороны защиты по окончании предварительного следствия со *всеми* материалами дела по *всем* уголовным делам не известен Бельгии (там дело предъявляют обвиняемому только в том случае, если он содержится под стражей) и Дании (где с материалами дела знакомится защитник, но не во всех случаях их содержание он вправе сообщить обвиняемому)⁶⁸⁰. В Японии, уголовно-процессуальное законодательство которой близко к континентальной правовой системе, при направлении дела в суд прокурор наделен правом не знакомить обвиняемого со всеми доказательственными, имеющимися в распоряжении следствия⁶⁸¹.

Аналогичное положение в странах англосаксонской правовой семьи, где «обвиняемый и его защитник до суда знают в лучшем случае лишь о

⁶⁷⁶ См.: О защите свидетелей в уголовном процессе // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1991. № 5. С. 39–40.

⁶⁷⁷ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 423–424.

⁶⁷⁸ Там же. С. 424.

⁶⁷⁹ Там же. С. 342.

⁶⁸⁰ См.: Барабанов П.К. Следует ли сохранить право ознакомления стороны защиты с материалами предварительного следствия (дознания) // Росс. юстиция. 2009. № 2. С. 41.

⁶⁸¹ См.: Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: Справочник. М., 1993. С. 250–251.

сути подозрения и кое-что об обвинительных доказательствах»⁶⁸². В Австралии, например, лишь в стадии *предания суду* обвинитель называет доказательства, которые им будут представлены при разрешении дела, и только в тех случаях, когда дело разрешается *судом присяжных заседателей*⁶⁸³. В Великобритании собранные в ходе досудебного производства обвинительные доказательства защите не представляются; обвинение обязано лишь не скрывать обнаруженные им оправдательные доказательства или доказательства, которые могут при определенных обстоятельствах стать таковыми⁶⁸⁴. То же и в США, где «наиболее известным решением об обязанности раскрытия доказательств стало решение по делу *Брэйди (Brady) против Мэрленда*, в котором суд установил, что имели место процессуальные нарушения, так как, несмотря на запрос защиты, правительственные органы замалчивали... доказательства, говорящие в пользу обвиняемого»⁶⁸⁵; в делах *Соединенные Штаты против Агурса (Agurs)* и против *Бэгли (Bagley)* суд «установил, что если защита и не истребовала доказательств невиновности обвиняемого, это не освобождает правительственные органы от обязанности предоставить защите доказательства... которые, будучи представленными защите, могут изменить исход процесса»⁶⁸⁶.

Конгрессом США отклонено предложение дополнить *Федеральные правила уголовного судопроизводства*⁶⁸⁷ положением о том, чтобы стороны за три дня до начала рассмотрения дела в суде обменивались именами и адресами своих свидетелей. В докладе комитета Палаты представителей, рассматривавшего это предложение, указано: «Большинство членов комитета полагают, что не в интересах эффективного отправления правосудия требовать от государственного обвинителя... раскрывать имена и адреса свидетелей до начала суда. В формулировании такого решения мы руководствуемся глубокой озабоченностью по поводу того, чтобы на свидетелей не оказывали давление с целью повлиять на характер их показаний или заставить отказаться от дачи показаний»⁶⁸⁸.

⁶⁸² Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 6.

⁶⁸³ См.: Барабанов П.К. Указ. соч. С. 42.

⁶⁸⁴ См.: Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 122.

⁶⁸⁵ *McGough L.S.* Op. cit. P. 191.

⁶⁸⁶ Op. cit. P. 191–192.

⁶⁸⁷ Регулируют уголовное судопроизводство наряду с нормами, содержащимися в части II («Уголовный процесс») раздела 18 и в разделе 28 («Судоустройство и судебная процедура») свода законов США.

⁶⁸⁸ Уайнреб Л.Л. Отказ в правосудии: Уголовный процесс в США / Пер. с англ. М., 1985. С. 188.

В настоящее время законодательство США предусматривает «право каждой из сторон просить об ознакомлении с доказательствами, собранными другой стороной, либо с их частью. Процедуру реализации этой возможности, регламентируемую в основном Федеральными правилами уголовного процесса или аналогичными актами, действующими в штатах, а также многочисленными казуистическими нормами неписаного права, обычно называют «раскрытием и ознакомлением» (discovery and inspection) с материалами досье каждой из сторон, а иногда — как и в Англии, «предъявлением» (disclosure)»⁶⁸⁹.

Примером может служить ст. 39.14 УПК штата Техас, где сказано: «По ходатайству обвиняемого, свидетельствующему о наличии *веских оснований*, и после уведомления других участников суд, в котором уголовное дело ожидает своего разбирательства либо уже рассматривается по существу, может издать приказ о предоставлении определенных (designated) документов, иных письменных доказательств... и о разрешении ознакомления с ними, а также копирования либо фотографирования их обвиняемым или по его поручению»⁶⁹⁰. В некоторых штатах для предотвращения посткриминального воздействия в период досудебного ознакомления с материалами дела «полицейские отчеты подвергаются редактированию, выдаются специальные «защитные» ордера с целью предотвратить разглашение имен и адресов свидетелей и любой другой идентификационной информации. Если суд требует предоставить защите доступ к свидетелям... правило состоит в том, чтобы защита допрашивала свидетеля... в офисе (атторнея. — *Примеч. авт.*), адрес свидетеля защите не сообщается»⁶⁹¹.

Теперь о позиции ЕСПЧ. Ограничение права стороны защиты на ознакомление с материалами дела, собранными стороной обвинения, в ЕСПЧ обжаловалось многократно — большинство жалоб на нарушение подпункта «b» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции, в котором установлено право обвиняемого «иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты». Позиция ЕСПЧ (до 1998 г. — и Европейской комиссии по правам человека) заключается в следующем: «При определенных обстоятельствах из статьи 6 (3) b) можно вывести право на разумный доступ к документации обвинения... Хотя обвинение может предоставлять защитнику в разумных пределах доступ к своим документам, оно не обязано уведомлять его о всех доказательствах, которые оно намерено представить суду. Европейская комиссия постановила,

⁶⁸⁹ Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 248.

⁶⁹⁰ Там же. С. 249.

⁶⁹¹ Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts. P. 74–75.

что государство может налагать разумные ограничения на доступ к документам обвинения»⁶⁹².

В качестве примера приводится дело *Хаазе против ФРГ*, в котором заявитель, обвиненный в шпионаже, утверждал, что «его защита не имеет достаточного доступа к документам обвинения». Европейская комиссия установила, что заявителю был предоставлен «надлежащий доступ к документам, и что ограничения были оправданными с точки зрения соблюдения интересов национальной безопасности»⁶⁹³.

Определенную *гарантию правомочности* ограничения доступа стороны защиты к обвинительным доказательствам ЕСПЧ указал в решении по делу *Роу и Девис (Rowe and Davis) против Великобритании*: «Председателю суда необходимо было иметь возможность самому ознакомиться с доказательствами, которые прокуратура не хотела раскрывать перед представителями защиты, для того, чтобы определить, будет ли отказ сообщить указанную информацию нарушать право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство»⁶⁹⁴. По сути, на это же обстоятельство ЕСПЧ указал в решении по делу *Даусетт (Dowsett) против Великобритании* (2003 г.): «Порядок, допускающий, чтобы сторона обвинения сама оценивала бы важность материалов и принимала бы решение о его неразглашении со ссылкой на государственные интересы без уведомления о том судьи противоречит ст. 6 Конвенции... Европейский Суд подчеркивает важность обязательного представления всех материалов, которые могут быть использованы в защиту обвиняемого, судье, рассматривающему дело, для решения вопроса об их предоставлении стороне защиты для ознакомления»⁶⁹⁵. Несоблюдение этого послужило основанием для констатации ЕСПЧ нарушения ст. 6 Европейской конвенции.

В деле *Эдвардс и Льюис (Edwards and Lewis) против Великобритании* (2003 г.), в котором заявители обжаловали то, что им не были предъявлены для ознакомления все материалы дела, а именно — «показания секретного сотрудника полиции», ЕСПЧ пришел к выводу, что нацио-

⁶⁹² «Толкования международных норм справедливого судебного разбирательства Европейской комиссией и Судом по правам человека». Добавление к третьему докладу Комиссии по правам человека ЭКОСОС ООН «Право на справедливое судебное разбирательство: признание в современных условиях и меры по его укреплению» // Док. E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1. 15 мая. 1992. P. 27.

⁶⁹³ Док. E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1. 15 мая. 1992. P. 27.

⁶⁹⁴ Комментарий к статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // http://creditors.chat.ru/EC_article6_comm.html. С. 41.

⁶⁹⁵ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 11. С. 19–20.

нальный суд допустил нарушение п. 1 ст. 6 Европейской конвенции, но в основу этого решения ЕСПЧ был положен не собственно факт неознакомления обвиняемых со всеми доказательствами обвинения, а следующее: во-первых, из материалов, представленных в ЕСПЧ, следовало, что эти доказательства могли свидетельствовать о провокации полиции совершения преступления, которая (провокация), как отметил ЕСПЧ, несовместима с п. 1 ст. 6 Европейской конвенции: «Требования, заложенные в принципе справедливого судебного разбирательства, не допускают использование на суде доказательств, полученных в результате подстрекательства полицейских к совершению человеком преступления»; и, главное, что предопределило решение ЕСПЧ в этом деле: он указал, что национальный суд, отказав стороне защиты в ознакомлении с соответствующими материалами дела, лишил эту сторону «в полной мере выдвинуть свои аргументы о наличии провокации преступления», подтверждение которой (провокации) повлекло бы прекращение производства по делу⁶⁹⁶.

Важен еще один аспект позиции наднационального судебного органа. В деле *Йесперс против Бельгии*, в котором заявитель жаловался на нарушение подпункта «b» п. 3 ст. 6 Конвенции, Европейской комиссией обращено внимание: на органы предварительного расследования «возлагается обязанность предоставлять (стороне защиты — Л.Б.) любые материалы, находящиеся в их распоряжении или доступные им, которые могут помочь обвиняемому освободиться от ответственности или получить менее суровый приговор. Действие указанного принципа распространяется на материалы, которые могут подрывать неопровержимость свидетельств обвинения»⁶⁹⁷, то есть далеко не на все доказательства, собранные в ходе предварительного расследования. Д. Гомиен так комментирует указанное решение: Европейская комиссия «определила «возможности» (подготовки защиты. — *Примеч. авт.*) как позволяющие обвиняемому ознакомиться с результатами расследования, которое осуществлялось на протяжении всего разбирательства, когда бы оно не проводилось и каким бы образом оно не было определено. Однако Комиссия отметила, что это определение не подразумевает неограниченный доступ лица к материалам следственных органов по данному делу»⁶⁹⁸.

⁶⁹⁶ Подробнее см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 12. С. 18–20.

⁶⁹⁷ Комментарий к статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // http://creditors.chat.ru/EC_article6_comm.html — С. 41.

⁶⁹⁸ *Гомиен Д.* Комментарий к «Европейской конвенции о защите прав человека». Страсбург, 1995. С. 39.

Что касается УПК РФ, то, как уже обращалось внимание, в соответствии с ч. 1 его ст. 217 обвиняемому и защитнику предъявляются материалы уголовного дела за исключением случаев, предусмотренных ч. 9 ст. 166 УПК РФ. И, на что также было обращено внимание, в соответствии с решением Президиума Верховного Суда РФ возможно невручение обвиняемому приложения к обвинительному заключению в виде списка лиц, вызываемых в суд⁶⁹⁹ (при окончании предварительного расследования в форме дознания — неознакомление обвиняемого и защитника с обвинительным актом в части, содержащей сведения о месте жительства вызываемых в суд).

Как видим, объем собранных органом предварительного расследования материалов, которые не предъявляются обвиняемому и его защитнику, в России существенно меньше, чем во многих зарубежных странах⁷⁰⁰ и, что должно представлять особый интерес для отечественного законодателя, существенно меньше по сравнению с ограничениями для стороны защиты на ознакомление с материалами предварительного расследования, которые (ограничения) признаны допустимыми ЕСПЧ.

Следующая мера безопасности *уведомление защищаемых лиц о принятии уголовно-процессуальных решений*: о возбуждении уголовного дела, об освобождении лица, которое было задержано в порядке ст. 92 УПК РФ, об отмене либо изменении меры пресечения (прежде всего заключения под стражу, домашнего ареста), о приостановлении предварительного следствия, о прекращении уголовного преследования, уголовного дела⁷⁰¹ и об основаниях этих решений. УПК РФ уже обязал (безотносительно проблемы посткриминального воздействия) уведомлять о некоторых из перечисленных решений: граждан, заявивших о преступлении — о возбуждении дела (ч. 4 ст. 146); потерпевших —

⁶⁹⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 2. С. 9–11.

⁷⁰⁰ Впрочем, высказано мнение, что большинство стран Европы приходят к выводу о необходимости ознакомления стороны защиты со всеми материалами дела (см.: *Барабанов П. К.* Указ. соч. С. 40, 43), однако фактических данных в подтверждение этого указанный автор не привел. Да и вряд ли возможны выводы об изменениях правовых воззрений в большинстве европейских государств при том, что речь в статье указанного автора идет лишь о шести странах: Франции, Германии, Бельгии, Дании, Англии и Эстонии. Более того, содержание статьи не позволяет согласиться с изложенным в ней выводом в отношении первых пяти стран. Что касается Эстонии, где по окончании предварительного расследования стороне защиты передается копия уголовного дела, вероятно, это — не итог развития правовой доктрины суверенной Эстонии, а вариант воспроизведения правовой нормы, обязывающей ознакомить сторону защиты со всеми материалами уголовного дела, которая была присуща всем странам в их бытность субъектами Союза ССР.

⁷⁰¹ Что предусмотрено, например, законодательством Великобритании и США. Статья 10 Закона Республики Казахстан «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» предусматривает немедленное уведомление защищаемого лица о изменении меры пресечения обвиняемому (подозреваемому), о побеге последнего из-под стражи.

о возбуждении и прекращении уголовного дела, о приостановлении предварительного следствия (п. 13 ч. 2 ст. 42, ч. 1 ст. 209, ч. 4 ст. 213), а также о возобновлении производства по делу (ч. 4 ст. 214).

Говоря о мерах безопасности, выражающихся в уведомлении защищаемых об уголовно-процессуальных решениях, представляется допустимым сказать и о необходимости уведомления о решениях, принимаемых в последующих стадиях уголовного процесса: об условном осуждении, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, замене наказания (ограничения, лишения свободы, ареста) более мягким и иных решениях, могущих облегчить месть лицам, оказавшим содействие правосудию; а также о побегах из-под стражи, из мест отбывания уголовного наказания, о направлении на работы вне пенитенциарного учреждения, о переводе в другое пенитенциарное учреждение, об освобождении после отбытия наказания. Перечисленные уведомления обязательны, например, во многих штатах США⁷⁰². Более того, в Нью-Йорке, например, потерпевшие и свидетели по специальному телефону могут получить информацию о месте отбывания наказания и дате освобождения осужденного; могут зарегистрировать свой пароль, по которому они будут уведомлены об освобождении осужденного.

- *Учет мнения потерпевших при принятии ряда уголовно-процессуальных решений*: прежде всего об избрании, отмене мер пресечения, а также о прекращении уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Как показывает практика, потерпевшие порой отказываются давать показания, если подозреваемый или обвиняемый не помещен под стражу; немало примеров, когда потерпевшие, подвергаясь воздействию со стороны обвиняемых, освобожденных из-под стражи, отказывались от первоначальных показаний, уклонялись от участия в следственных действиях и в судебном разбирательстве⁷⁰³.

Конечно, подлежит учету и обстоятельство, на которое указывают эксперты международного сообщества: «Если с потерпевшим будут консультироваться по вопросу об освобождении правонарушителя из-под стражи до суда, то может возникнуть угроза (со стороны правонарушителя. — *Примеч. авт.*) праву потерпевшего на личную безопасность»⁷⁰⁴.

⁷⁰² См.: *Вавилова Л.В.* Указ. соч. С. 95; *Кашиц В.Е.* Основы виктимологии. М., 1999. С. 105.

⁷⁰³ См.: *Масленникова Л.* Обжалование ареста в суд: трудности практики // *Законность.* 1993. № 6. С. 39; *Безнасюк А., Абабков А.* Государственная защита лиц, содействующих уголовному судопроизводству (зарубежный опыт, отечественные проблемы) // *Росс. юстиция.* 1997. № 8. С. 39.

⁷⁰⁴ Правонарушители и жертвы: ответственность и справедливость в процессе отправления уголовного правосудия. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом к X Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // *Док. А/CONF.187/8,* 15 december. 1999. P. 5.

Тем не менее в одном из последних международно-правовых актов, подписанных Россией — в «Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности», указывается: «Каждое Государство-участник, при условии соблюдения своего внутреннего законодательства, создает возможности для изложения и рассмотрения мнений и опасений потерпевших на соответствующих стадиях уголовного производства в отношении лиц, совершивших преступления, таким образом, чтобы это не наносило ущерба правам защиты» (п. 3 ст. 25)⁷⁰⁵.

Для исключения посткриминального воздействия в США (Индиана и ряд других штатов) по делам о так называемой «домашней жестокости» (Domestic Gruelty) арест носит обязательный, а не факультативный характер, и не применяется последующее освобождение под залог⁷⁰⁶. В Новой Зеландии не только в случаях семейного насилия, но и в случаях иных «серьезных» видов насилия прокурор информирует субъекта, решающего вопрос об освобождении обвиняемого под залог, «об опасениях, которые испытывает жертва в связи с освобождением правонарушителя»; в Австралии обвиняемый освобождается под залог при условии, если не будет «приближаться к жертве»⁷⁰⁷. *Отделением ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию* данные меры безопасности рекомендованы для применения и в других странах⁷⁰⁸.

В 90-х гг. XX в. российские юристы неоднократно предлагали предотвратить потерпевшему права:

- высказывать мнение о необходимости избрания мер пресечения;
- знать причины, по которым мера пресечения не избрана⁷⁰⁹;
- обращаться с жалобой в суд на неприменение к подозреваемому и обвиняемому органом следствия заключения под стражу⁷¹⁰;

⁷⁰⁵ Цит. по: *Овчинский В.С.* Указ. соч. С. 88.

⁷⁰⁶ *Гондолф Э.* США: Исследования насилия в семье // Правоведение. Известия вузов. 1997. № 3. С. 110–114; *Вавилова Л.В.* Указ. соч. С. 51.

⁷⁰⁷ См.: Стратегии борьбы с насилием в семье: Справочное руководство. Нью-Йорк., 1998. С. 31.

⁷⁰⁸ Там же. С. 5, 44–45.

⁷⁰⁹ См.: *Аширбекова М.Т.* О правах потерпевшего на предварительном расследовании // Современные проблемы расследования преступлений. Волгоград, 1992. С. 60; *Еникеев З.Д.* Проблемы развития законодательства об уголовно-процессуальном законодательстве // Российский юридический журнал. 1996. № 3. С. 60; *Колоколов Н.А.* Защита интересов жертв преступлений: возможные пути совершенствования процессуального закона // Юрист. 1999. № 2. С. 49.

⁷¹⁰ См.: Приложение к решению Ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ от 25 ноября 1998 г. // Проблемы защиты жертв преступлений. М., 1999. С. 81.

— принимать участие в рассмотрении судьей жалоб на задержание подозреваемого, на заключение под стражу и продление его срока;

— высказывать мнение о возможности освобождения из-под стражи;

— обжаловать в вышестоящий суд решение судьи об отмене заключения под стражу⁷¹¹, что способствует принятию обоснованных решений об избрании мер пресечения, снижению количества ошибок, влекущих совершение обвиняемыми новых преступлений, препятствует нарушениям судьями уголовно-процессуального закона, влекущим необходимость защиты потерпевших и свидетелей от угроз освобожденного из-под стражи обвиняемого⁷¹².

К сожалению, в УПК РФ эти идеи не нашли ясного для правоприменителя выражения. Тем не менее, если говорить о потерпевшем, он обладает правом ходатайствовать о применении мер пресечения, исходя из содержания п. 5 ч. 2 ст. 42 и ч. 1 ст. 119 УПК РФ, которые не ограничивают его в заявлении ходатайств о принятии процессуальных решений, имеющих значение для обеспечения его законных интересов (несомненно, что в сферу законных интересов потерпевшего входит предотвращение возможности того, что обвиняемый (подозреваемый) скроется от следствия или суда либо будет угрожать потерпевшему, а это — не что иное, как установленное в ст. 97 УПК РФ основание для избрания меры пресечения⁷¹³).

Потерпевший может не заявлять ходатайство, но высказать, например, в ходе допроса мнение о необходимости той или иной меры пресечения. В соответствии со ст. 99 УПК РФ такое мнение наряду с тяжестью преступления, личностью подозреваемого или обвиняемого подлежит учету при решении вопроса о необходимости меры пресечения и определении ее вида, так как мнение потерпевшего относится к указанным в ст. 99 УПК РФ «другим обстоятельствам»⁷¹⁴. Учет указанного мнения потер-

⁷¹¹ См.: Якимович Ю. К. Проект УПК и процессуальное положение потерпевшего // Проблемы защиты жертв преступлений. М., 1999. С. 17–18; Осипкин В. В защиту прав потерпевшего // Законность. 2000. № 2. С. 35; российское законодательство: проблемы и перспективы. М., 1995. С. 357–358; Еникеев Э. Д. Принципы применения мер пресечения по уголовным делам. Уфа, 1997. С. 125.

⁷¹² См. об этом: Судья пожалел «вора в законе» (информация о пленарном заседании Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации) // Росс. юстиция. 2000. № 2. С. 55–56.

⁷¹³ Тем не менее, в целях обеспечения большей определенности, «прозрачности» УПК РФ автор поддерживает мнение М. В. Новиковой о необходимости прямого указания в ч. 2 его ст. 42 на право потерпевшего ходатайствовать об избрании подозреваемому и обвиняемому меры пресечения (см.: Новикова М. В. Указ. соч. С. 202).

⁷¹⁴ В целях обеспечения «прозрачности» закона заслуживает поддержки и предложение дополнить ст. 99 УПК РФ прямым указанием на мнение потерпевшего (см. об этом: Калдин С. В.

певшего согласуется с позицией, выраженной в ряде международно-правовых документов: в подпункте «d» п. 6 «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» (его содержание приведено в § 1 главы II), в п. 1 ст. 24, п. 1 и 3 ст. 25 «Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности» (их содержание см. в том же параграфе), в п. 33 уже упоминавшейся Рекомендации № R (2000) 19 Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного судопроизводства», который гласит: «Прокуроры должны надлежащим образом учитывать мнения и интересы жертв преступлений...»

На необходимость учета «опасений потерпевших в тех случаях, когда затронуты их личные интересы», указано в подпункте «г» п. 13 «Руководства о роли прокуроров», утвержденного в 1990 г. VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями⁷¹⁵. Такое же требование содержит п. 4.3 «Норм профессиональной ответственности и декларации основных прав и обязанностей прокуроров» (данный документ утвержден 23 апреля 1999 г. Международной ассоциацией прокуроров⁷¹⁶). В п. 6.1. раздела II «Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением» («Токийские правила») обращается внимание, что предварительное заключение под стражу «используется... при условии должного учета интересов расследования предполагаемого правонарушения и защиты общества и жертвы»⁷¹⁷. На XI Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (апрель 2005 г.) среди примеров «передового опыта» реформирования уголовного судопроизводства многих стран названо предоставление потерпевшим права высказать мнение о возможности освобождения обвиняемого под залог⁷¹⁸.

Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 125). В то же время нельзя согласиться с предложением дополнить ту же статью указанием на «необходимость обеспечения безопасности» участников уголовного процесса (см. об этом: *Гребенникова Л.А.* Указ. соч. С. 153, 170–171), ведь их безопасность — не что иное, как результат мер пресечения, избранных на основании, которое уже предусмотрено в п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

⁷¹⁵ См.: Док. ST/HR/UN.

⁷¹⁶ Международная ассоциация прокуроров создана в июне 1995 г. под эгидой ООН. I съезд Ассоциации состоялся в сентябре 1996 г. в Будапеште (см.: «Нормы профессиональной ответственности и декларация основных прав и обязанностей прокуроров» // Материалы региональной конференции по вопросам межгосударственной организованной преступности. Будапешт, 17–21 июня 2002 г.).

⁷¹⁷ Цит. по: Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений (сборник нормативных актов и официальных документов) / Под общ. ред. О.О. Миронова. М., 2003. С. 32.

⁷¹⁸ См.: Семинар-практикум 2: Укрепление реформы системы уголовного правосудия, включая реституционное правосудие. Справочный документ к одиннадцатому Конгрессу

Но необходимо обратиться к недавнему российскому прошлому. Что касается учета мнения потерпевших при судебной проверке законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей, осуществлявшейся в соответствии со ст. 220¹, 220² УПК РСФСР, то еще в 1996 г. из п. 3 ч. 1 ст. 331 УПК РСФСР было исключено указание на постановление судьи, принимаемое по результатам проверки в порядке ст. 220² УПК РСФСР, как не подлежащее обжалованию и опротестованию⁷¹⁹. Это сделало потерпевшего (в соответствии со ст. 325 УПК РСФСР) правомочным обжаловать постановление судьи об отмене заключения под стражу и об освобождении лица из-под стражи, избрании другой меры пресечения. Однако случаи такого обжалования вплоть до окончания действия УПК РСФСР неизвестны, и это неудивительно, поскольку законодателем в уголовно-процессуальный закон не были внесены все необходимые дополнения.

А именно, ст. 220² УПК РСФСР не была дополнена указанием на обязанность судьи уведомить потерпевшего о принятом в итоге судебной проверки решении и вручить ему копию соответствующего постановления (очевидно, что потерпевший мог воспользоваться правом на обжалование при условии, если ему вручена копия постановления и разъяснен порядок обжалования). В результате данного упущения законодателя судьи не уведомляли потерпевших о принятых решениях, ссылаясь на то, что ст. 220² такой обязанности не предусматривает. Однако в этом случае претензии можно было предъявлять не только к законодателю, но и к представителям судебной власти, ссылавшимся на упущение законодателя и не желавшим исходить из смысла Уголовно-процессуального закона, из которого, безусловно, вытекала обязанность уведомить о принятом решении субъектов, если они наделены правом обжаловать это решение. Более того, несмотря на вышеуказанное изменение ст. 331 УПК РСФСР, из-за отсутствия в ст. 220² какого бы то ни было упоминания о потерпевшем судьи нередко отрицали само право потерпевшего обжаловать решение, принятое по итогам проверки в порядке ст. 220² УПК РСФСР⁷²⁰.

Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию // A.CONF.203/10, 24 february. 2005. P. 4, 5.

⁷¹⁹ См.: Федеральный закон РФ от 21 декабря 1996 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» // Росс. газета. 1996. 25 дек.

⁷²⁰ См.: *Никандров В.И., Пономарев Г.Е.* Проблемы кассационной проверки постановления судьи по жалобе на арест // Труды Кировского филиала МГЮА. Киров, 1998. № 2. С. 46.

Нельзя согласиться и с высказанным в тот период Заместителем председателя Военной коллегии Верховного Суда РФ мнением, что с наделением потерпевшего правом принесения частной жалобы на решения, принимаемые в рамках ст. 220² УПК РСФСР, в Уголовно-процессуальном законе оказался непредусмотренным порядок такого обжалования, вследствие чего в Закон необходимо было внести «соответствующие изменения»⁷²¹. Порядок обжалования УПК РСФСР предусматривал, поскольку подача и рассмотрение частных жалоб, согласно его ст. 331, осуществлялась по правилам, установленным относительно сроков, порядка подачи и рассмотрения кассационных жалоб и протестов.

Автор позволил себе столь подробное описание ситуации, сложившейся в последние годы действия УПК РСФСР, поскольку и в УПК РФ допущена непоследовательность в урегулировании вопросов, связанных с избранием заключения под стражу. Одно из следствий этого — кассационное Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 26 октября 2004 г. № 19-004-88, которым без рассмотрения оставлена жалоба потерпевшего на постановление Ставропольского краевого суда об отказе прокурору в удовлетворении ходатайства об избрании обвиняемому меры пресечения — заключения под стражу; кассационное производство по жалобе потерпевшего было прекращено. В обоснование своего решения Судебная коллегия Верховного Суда РФ сослалась на то, что «в соответствии со ст.ст. 101, 123, 127 УПК РФ право обжалования судебного решения в части избрания меры пресечения предоставлено лицу, в отношении которого избрана мера пресечения, но не потерпевшему»⁷²².

Представляется, что данный вывод не соответствует УПК РФ. Во-первых, ст. 101 УПК РФ не определяет круг лиц, наделенных правом обжалования соответствующих решений, и не устанавливает *порядок* их обжалования, а лишь обязывает *разъяснить* его лицу, в отношении которого избрана мера пресечения (неустановление в ст. 101 УПК РФ обязанности разъяснить порядок обжалования *другим* участникам уголовного процесса, наделенным соответствующим правом, не лишает их этого права, а лишь выявляет недостаток Кодекса — отсутствие в нем норм, гарантирующих реализацию одного из принципов уголовного судопроизводства — прин-

⁷²¹ См.: Док. № 0/ОБ-1083 от 31 мая 1999 г.; архив Главной военной прокуратуры.

⁷²² Цит. по: Колоколов Н.А. Пролонгация срока содержания под стражей в стадиях судебного разбирательства (ст. 255 УПК РФ): судебная практика // Уголовный процесс. 2008. № 11. С. 26.

ципа *охрана прав и свобод человека и гражданина*, составной частью которого, согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ, является обязанность соответствующих должностных лиц разъяснить участникам уголовного процесса их права и обеспечить возможность их осуществления).

Собственно *право* обжалования решений суда установлено в ст. 123 и 127 УПК РФ, и, исходя из их содержания, потерпевший, безусловно, данным правом обладает. Не вызывает в этом сомнений и указание в ст. 127 УПК РФ на то, что жалобы приносятся в *порядке*, установленном главами 43–45 Кодекса, поскольку ч. 4 ст. 354 УПК РФ («Право апелляционного и кассационного обжалования») гласит: «Право обжалования судебного решения принадлежит... потерпевшему и его представителю». Статья 127 УПК РФ содержит отсылку именно к указанным главам, но не к ст. 101 Кодекса, отсутствие в которой упоминания о потерпевшем, по сути, было положено в основу вышеуказанного Определения Судебной коллегии Верховного Суда РФ.

Итак, анализ уголовно-процессуальных норм, положенных в основу данного Определения, не позволяет согласиться с содержащимся в нем выводом. О необоснованности последнего свидетельствуют и другие нормы УПК РФ:

1. В ст. 19 Кодекса установлен еще один принцип уголовного судопроизводства — право на обжалование процессуальных действий и решений. Одним из его элементов является обжалование «в порядке, установленном настоящим Кодексом», то есть здесь также видно отсылку к ч. 4 ст. 354 Кодекса, где соответствующее право потерпевшего выражено предельно ясно.

Надо сказать, что и теория уголовного процесса⁷²³, и Кодекс⁷²⁴ допускают исключения из некоторых положений, квалифицируемых в доктрине и провозглашенных в Законе в качестве принципов. Применительно к рассматриваемому принципу исключение может выражаться в запрете обжалования *кем-либо* процессуальных решений и (или) в запрете обжалования *определенных* решений. Учитывая, что эти запреты ограничивают действие принципа, они, как и любые иные исключения из принципиальных установлений уголовного процесса, должны прямо указываться в Кодексе, и законодатель предпринял это: в ч. 5 ст. 355 УПК РФ дан *перечень* определений (постановлений) суда, не подлежащих обжалованию в кассационном порядке *всеми* участниками уголов-

⁷²³ См., например: Якулов Р.Х. Принципы уголовного процесса. М., 1997. С. 6–7.

⁷²⁴ Действие такого принципа, как *осуществление уголовного судопроизводства на основе состязательности сторон* (ст. 15 УПК РФ) ограничено положениями ст. 316 УПК РФ.

ного процесса. В 2003 г. ст. 236 УПК РФ была дополнена частью седьмой, расширившей перечень решений, не подлежащих обжалованию: к таковым были отнесены судебные решения, принятые по результатам *предварительного слушания* (за исключением решений о прекращении дела и о назначении судебного заседания в части разрешения вопроса о мере пресечения). Однако вскоре эта уголовно-процессуальная новелла Конституционным Судом РФ была квалифицирована как не соответствующая российской Конституции⁷²⁵, а затем ч. 7 ст. 236 УПК РФ получила новую редакцию⁷²⁶, предусматривающую возможность обжалования любого решения по результатам предварительного слушания, за исключением той части решения, которой определены: место, дата и время судебного заседания, назначение защитника, вызов в суд лиц по спискам, представленным сторонами, и рассмотрение дела в закрытом судебном заседании.

Таким образом, на сегодня в перечень судебных решений, не подлежащих обжалованию кем-либо из участников уголовного процесса, решения, выносимые судьей (судом) в рамках ст. 108 и 255 УПК РФ, не входят.

2. В рамках досудебного производства аргументом «за» вывод, содержащийся в вышеназванном Определении, является установленный в ч. 11 ст. 108 УПК РФ сокращенный срок обжалования судебного решения — 3 суток со дня вынесения постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо об отказе в этом. Поскольку — в соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ — вопрос об избрании меры пресечения судьей рассматривается без участия потерпевшего, в большинстве случаев объективно невозможно в течение 3 суток поставить последнего в известность о принятом решении и обеспечить возможность подготовки и принесения жалобы. В стадии судебного разбирательства в пользу вышеназванного Определения можно отнести указание в ч. 4 ст. 255 УПК РФ на возможность обжалования решения суда о продлении срока содержания подсудимого под стражей при том, что ч. 1 данной статьи предусматривает принятие судом и других решений: об избрании, изменении и отмене меры пресечения. Обычно решение о продлении сро-

⁷²⁵ См. об этом: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П; определения Конституционного Суда РФ от 9 июня 2004 г. № 223-О; от 30 сентября 2004 г. № 252-О; от 20 октября 2005 г. № 404-О.

⁷²⁶ В соответствии с Федеральным законом от 30 октября 2009 г. № 244-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

ка содержания подсудимого под стражей обжалуется подсудимым либо его защитником, но не потерпевшим. Поэтому можно предположить: устанавливая в ч. 11 ст. 108 УПК РФ сокращенный срок обжалования решений, принимаемых в отсутствие потерпевшего, и конструируя ст. 255 УПК РФ, законодатель не рассматривал потерпевшего в качестве субъекта, правомочного обжаловать указанные в этих статьях решения. Но если это предположение верно, законодателю следовало не ограничиваться изложением ч. 4 и 11 ст. 108, ч. 4 ст. 255 УПК РФ в известной редакции, а прямо установить в Кодексе ограничение по кругу субъектов, правомочных обжаловать решения судьи, предусмотренные в ст.ст. 108 и 255 УПК РФ. Этого сделано не было⁷²⁷.

3. То обстоятельство, что в соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ судья рассматривает ходатайство об избрании меры пресечения *без участия* потерпевшего, само по себе не является обстоятельством, исключающим право последнего обжаловать решение судьи по результатам такого рассмотрения (точно также, как разрешение дела судом первой инстанции в отсутствие потерпевшего в случаях, указанных в ч. 2 ст. 249 УПК РФ, не исключает его право на принесение кассационной жалобы на решение данного суда).

4. В ч. 11 ст. 108 УПК РФ установлен не только *сокращенный срок* обжалования — аргумент «за» вывод в вышеназванном Определении, но и *кассационный порядок* обжалования, а это уже аргумент «против» указанного вывода, ведь, как было отмечено, в ч. 4 ст. 354 УПК РФ потерпевший прямо указан среди участников уголовного процесса, наделенных правом обжаловать судебные решения в данном порядке.

5. Согласно ч. 11 ст. 108 УПК РФ решение суда кассационной инстанции может быть обжаловано в *порядке надзора* по правилам, установленным главой 48 Кодекса. Правила эти (ч. 1 ст. 402 УПК РФ) относят потерпевшего к субъектам, наделенным правом обжаловать судебные решения, вступившие в законную силу. Конечно, можно занять позицию непризнания за потерпевшим и права принесения надзорной жалобы, но можно ли найти достаточные аргументы для этого? Представляется, что нельзя. Потерпевший и прокурор, участвовавший в рассмотрении судьей

⁷²⁷ За неимением в УПК РФ указанного ограничения автор не рассматривает здесь вопрос его конституционности, но при установлении законодателем такого ограничения оно вполне может стать предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ с тем же итогом, что и в отношении положений ч. 7 ст. 236 УПК РФ. Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ могут стать и действующие нормы УПК РФ — вследствие их толкования судами, исключающего право потерпевшего обжаловать судебные решения об избрании (неизбрании) мер пресечения.

ходатайства о применении меры пресечения, представляют одну сторону — *сторону обвинения*, при этом не подлежит сомнению право прокурора обжаловать решение суда кассационной инстанции в отношении решения судьи, принятого по итогам рассмотрения указанного ходатайства. Почему же потерпевший должен быть лишен аналогичного права, если, по его мнению, неприменение к обвиняемому (подозреваемому) заключения под стражу может повлечь негативные последствия, предотвращению которых служит институт мер пресечения — только на том основании, что потерпевший не упомянут в ч. 3 ст. 101 УПК РФ? Но уже сказанное об этой статье и содержание иных вышерассмотренных уголовно-процессуальных норм не позволяют, по мнению автора, прийти к такому выводу.

6. Как уже было отмечено, исходя из содержания п. 5 ч. 2 ст. 42 и ч. 1 ст. 119 УПК РФ, потерпевший наделен правом *ходатайствовать* об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения. Но наличие у потерпевшего данного права и непризнание за ним права *обжаловать* решение, принятое по его ходатайству (к такому выводу приводит вышеназванное Определение) — явно нелогично.

7. Не менее нелогично непризнание за потерпевшим права обжаловать судебное *решение* об отказе избрать меру пресечения при том, что потерпевший — согласно ст. 123 УПК РФ — наделен правом обжаловать *бездействие* суда, выразившееся в *непринятии им вообще какого-либо решения* относительно мер пресечения. О нелогичности вывода об отсутствии у потерпевшего рассматриваемого права говорит и то, что указанное *бездействие* суда, исходя из содержания ст. 123 УПК РФ, может быть обжаловано не только потерпевшим, но и другими указанными в главах 6–8 Кодекса участниками уголовного судопроизводства, например свидетелями, и, более того, лицами, не являющимися участниками уголовного процесса (прежде всего их *близкими*) — если бездействие суда затрагивает законные интересы этих лиц.

Из всего вышеизложенного следует: несмотря на то, что право потерпевшего обжаловать избрание (неизбрание), отмену, изменение меры пресечения непосредственно не закреплено в ст.ст. 108, 255 и в иных статьях Кодекса, регулирующих принятие данных процессуальных решений, он этим правом обладает, исходя из смысла ч. 1 ст. 19, п.п. 18 и 19, ч. 2 ст. 42, ч. 11 ст. 108, ст. 123, ч. 1 ст. 127, ч. 4 ст. 354 и ч. 1 ст. 402 УПК РФ в их взаимосвязи. Для обеспечения данного права потерпевший должен быть уведомлен об избрании (неизбрании), отмене, изменении меры пресечения лицом, принявшим соответствующее решение, и о порядке его обжалования несмотря на то, что такое уведомление не предусмотрено статьями, которые регулируют избрание *конкретных* мер пресечения.

Но уведомляются ли потерпевшие о принятом решении и разъясняется ли им право обжаловать его? Вышеприведенная ситуация, длившаяся с 1996 г. до окончания действия УПК РСФСР, и указанное Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ дают основание сомневаться в этом.

Ранее уже было сказано, что, исходя из целого ряда международно-правовых актов и ст. 99 УПК РФ, при решении вопроса об избрании мер пресечения правоприменитель должен знать и учитывать мнение потерпевшего. Здесь уместно сказать о необходимости учитывать его мнение и при принятии решений об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания, о замене наказания более мягким, о помиловании, об условном осуждении подсудимого, об отсрочке отбывания наказания, при постановлении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания или без назначения наказания, при назначении уголовных наказаний, не связанных с ограничением, лишением свободы, содержанием в дисциплинарной воинской части и арестом.

За рубежом при решении этих вопросов мнение потерпевшего учитывается. Так, в Великобритании, если у потерпевшего есть основания бояться угроз правонарушителя, он должен сообщить о своих опасениях в полицию, и эта информация учитывается при принятии судом решения о передаче на поруки; при решении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного для исключения «беспокойства» потерпевшего осужденному могут быть установлены ограничения на места проживания, работы и передвижения⁷²⁸. В настоящее время служба условно-досрочного освобождения этой страны обязана консультироваться с жертвами сексуальных и насильственных преступлений о возможности условно-досрочного освобождения преступника⁷²⁹.

В 1990 г. в российской печати опубликована информация о принятии поправок к конституциям Флориды и Мичигана (США), «гарантирующих пострадавшим право на участие в судебном процессе на любой его стадии, вплоть до момента принятия судом решения об освобождении осужденного на определенных условиях досрочно»⁷³⁰. Тогда же в США был принят Федеральный закон «О правах жертв преступлений и реститу-

⁷²⁸ См.: Квашиц В.Е., Вавилова Л.В. Указ. соч. С. 46, 48; Квашиц В.Е. Основы виктимологии. М., 1999. С. 99, 102.

⁷²⁹ См.: Реорганизация службы условно-досрочного освобождения в Великобритании // Борьба с преступностью за рубежом. 2002. № 1. С. 24–25.

⁷³⁰ О защите прав жертв преступлений в США // Проблемы преступности в капиталистических странах. М., 1990. С. 22.

ции» (*Victims Rights and Restitution Act of 1990*), содержащий общую норму о праве жертв преступлений «на необходимую защиту от обвиняемого». В ряде штатов положения данного федерального закона развиты. Например, в законе о правах жертв преступлений, принятом в 1992 г. в Пенсильвании, перед условно-досрочным освобождением осужденного, отбывающего наказание в тюрьме, ее администрация должна запросить мнение потерпевшего об освобождении⁷³¹. В том же 1992 г. министр юстиции США призвал все штаты обеспечить учет мнений потерпевших при принятии таких решений⁷³² (права жертв преступлений в США находят более конкретное выражение не в федеральном законодательстве, а в законах штатов вследствие установившихся в этой стране правовых традиций). В настоящее время решение о досрочном освобождении из пенитенциарных учреждений в США принимают специальные комиссии, которые в конфиденциальном порядке запрашивают мнение потерпевших по поводу возможного досрочного освобождения; потерпевший имеет право быть заслушанным в комиссии⁷³³. Такая же мера безопасности применяется в Канаде⁷³⁴.

В России же в представлении, например, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания УИК РФ обязывает указывать данные, характеризующие личность осужденного, его поведение, отношение к учебе и труду во время отбывания наказания, но не обязывает учитывать мнение жертвы преступления. Надо сказать, что УПК РФ вообще не предоставил потерпевшему право участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, хотя решения, принимаемые судом в этой стадии уголовного процесса, могут затрагивать интересы жертв, в том числе вопросы их безопасности. Необходимая законотворческая работа в России начата лишь в 2002 г., когда аппаратом Уполномоченного по правам человека разработан проект федерального закона «О помиловании», в котором при принятии решения о помиловании предлагается учитывать мнение потерпевшего⁷³⁵.

⁷³¹ См.: *Квашин В.Е., Вавилова Л.В.* Указ. соч. С. 52–53.

⁷³² Там же. С. 54.

⁷³³ Там же. С. 57.

⁷³⁴ См.: Обзор практики применения программ по защите свидетелей Канадской королевской конной полиции // *Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства...* С. 345.

⁷³⁵ См.: *Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.* М., 2003. С. 59–60.

Далее, к мерам безопасности относятся собственно *меры пресечения*, когда основанием их применения является возможное или осуществляемое *посткриминальное воздействие*⁷³⁶. В УПК РСФСР эта направленность мер пресечения была выражена менее зримо, нежели в законодательстве других стран. Так, в США в *Акте о реформе освобождения под залог 1966 г.* среди обстоятельств, при которых может применяться содержание под стражей, указана ситуация, «когда существует серьезный риск, что обвиняемый будет... угрожать или пытаться угрожать, причинять вред или запугивать потенциального свидетеля»⁷³⁷. Согласно ст. 144 УПК Франции к обвиняемому применяется арест как превентивная мера, препятствующая оказанию давления на свидетеля или потерпевшего⁷³⁸. Сходную норму содержит § 112 УПК Германии⁷³⁹. В § 170 УПК Австрии среди оснований заключения под стражу подозреваемого указано то, что он «пытается оказать влияние на свидетелей, экспертов или соучастников... или на основании имеющихся фактов существует опасность того, что он будет пытаться сделать это»⁷⁴⁰.

Что касается России, то можно вспомнить Указ Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности», который предписывал не применять к подозреваемым и обвиняемым в указанных преступлениях подписку о невыезде, поручительство и залог, то есть устанавливал обязательное содержание под стражей. Такая мера положительно сказалась на результатах борьбы с организованной преступностью⁷⁴¹, но, поскольку установление данной меры в указе Президента РФ было неправомерным, это послужило одним из оснований его отмены. Представляется возможным вернуться к рассмотрению вопроса

⁷³⁶ В отличие от УПК РФ, в ч. 1 ст. 100 УПК Казахстана меры пресечения, избираемые по указанному основанию, непосредственно квалифицированы как меры безопасности (см.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // <http://lawlib.freenet.uz/laws/kazah/upkaz/12.html>).

⁷³⁷ См.: *Пешков М.А.* Мера пресечения — залог (правовой опыт судов США) // *Законность*. 1998. № 12. С. 51.

⁷³⁸ См.: *Прадэль Ж.* Защита свидетелей от давления. Аспекты французского уголовного права // *Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства...* С. 219.

⁷³⁹ См.: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм. / Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск, 2004. С. 132–133.

⁷⁴⁰ См.: *Österreichische Strafprozessordnung*. Wien., 2008.

⁷⁴¹ См.: *Скобликов П.А.* К вопросу о создании в России самостоятельной федеральной службы для борьбы с организованной преступностью // *Гос. и право*. 2000. № 2. С. 27.

об обязательном содержании под стражей в соответствующих случаях, и, при положительном его решении, предусмотреть такое содержание на надлежащем уровне — в УПК РФ.

Учитывая масштабы, которых достигло посткриминальное воздействие в России 90-х гг. XX в., автором было высказано мнение о целесообразности прямого указания в уголовно-процессуальном законе угроз среди оснований применения мер пресечения⁷⁴². Такой подход реализован в УПК РФ: в п. 3 ч. 1 ст. 97 *возможные угрозы* свидетелю и иным участникам уголовного судопроизводства непосредственно указаны в качестве одного из способов воспрепятствования производству по уголовному делу. Кроме того, по мнению автора, заслуживают поддержки предложения:

— дополнить ч. 1 ст. 108 УПК РФ новым пятым пунктом с указанием угрозы посткриминального воздействия как на одного из обстоятельств, влекущих возможность заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет⁷⁴³;

— в ст. 91 УПК РФ возможность угроз посткриминального воздействия установить в качестве основания задержания подозреваемого⁷⁴⁴.

Указание в п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ в качестве основания для избрания меры пресечения *возможных* угроз призвано нацелить лиц, осуществляющих производство по делу и полномочных применять меры пресечения, на установление не только высказываемых угроз, но самой их *возможности* (фактические данные, дающие основания полагать о *возможности* угроз, должны приводиться в процессуальных документах, в которых обосновывается необходимость избрания мер пресечения).

Из содержания п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ следует, что решение об избрании меры пресечения будет *своевременным* (законным), если избранная мера пресечения предотвратит *возможные* угрозы участникам уголовного судопроизводства, а не пресечет уже высказываемые и тем более осуществляемые угрозы. Поэтому практика, когда в качестве условия заключения под стражу рассматриваются осуществляемые, а не возможные угрозы участникам уголовного судопроизводства, противоречит УПК РФ (в определенной мере она, видимо, порождена стереотипом, сложившимся в период действия УПК РСФСР, в ст. 89 которого, в

⁷⁴² См.: Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001. С. 233.

⁷⁴³ См.: Шевченко К.Д. Указ. соч. С. 194.

⁷⁴⁴ См.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 107, 203.

отличие от УПК РФ, сама *возможность* деяний обвиняемого в качестве основания для избрания мер пресечения не была выражена столь ясно). Не основано на нормах УПК РФ и немалое число жалоб защитников на решения судов о заключении их подзащитных под стражу — жалоб, в основу которых положено то, что в судебных решениях не указано, «кому именно и чем ... угрожали» их подзащитные⁷⁴⁵.

В п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ в качестве основания избрания мер пресечения прямо не указаны возможные угрозы *близким родственникам, родственникам и близким лицам* участников процесса. Тем не менее меры пресечения должны применяться и при возможности таких угроз, поскольку они также негативно влияют на поведение участников процесса, следовательно, относятся к «иным путям» воспрепятствования производству по делу, что в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ является одним из оснований избрания меры пресечения. В п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ угрозы не конкретизированы, из чего следует, что основанием избрания мер пресечения являются деяния, и *не запрещенные законом*, но эффективно применяемые преступниками (молчаливое преследование потерпевших, свидетелей на улицах и проч.).

В соответствии с ч. 2 ст. 107 и ч. 4 ст. 108 УПК РФ постановления о возбуждении ходатайств об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста и заключения под стражу рассматриваются судьей с участием подозреваемого, обвиняемого и защитника. Кроме того, необходимо учитывать, что Конституционный Суд РФ в Определении от 12 мая 2003 г. № 173—О по жалобе гр. Коваля С.В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 УПК РФ признал: положения п. 12 ч. 4 ст. 47 и п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ не препятствуют обвиняемым, чьи права и свободы затрагиваются судебными решениями об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, и их защитникам в ознакомлении с материалами, на основании которых принимаются эти решения⁷⁴⁶. Поэтому рекомендуется в указанных постановлениях и в прилагаемых материалах, подтверждающих обоснованность ходатайств, не указывать какие-либо сведения, которые могут облегчить посткриминальное воздействие.

В местах содержания под стражей могут находиться и подозреваемые, обвиняемые, которые *содействуют правосудию*. Часть 3 ст. 10

⁷⁴⁵ Подробнее о таких жалобах см.: Ляхович М.Б. Кассационное обжалование судебных решений, принимаемых в ходе досудебного производства: статья 375 УПК РФ // Уголовный процесс. М., 2009. № 2. С. 13–14.

⁷⁴⁶ См.: СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2).

УПК РФ гласит: «Лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью». Угрозу же для этих лиц в местах содержания под стражей представляют изобличаемые ими соучастники, а также другие подозреваемые и обвиняемые, которые действуют в интересах изобличаемых лиц либо следуют «законам» преступного мира (подробнее об этом будет сказано ниже). Угроза вполне реальна, поскольку подозреваемые и обвиняемые содержатся, как правило, в камерах по десять и более человек⁷⁴⁷.

Что касается обеспечения безопасности, то в ст. 4 Федерального закона РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» среди принципов такого содержания указана *законность*, находящая выражение и в том, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый (содержащийся под стражей. — *Примеч. авт.*)... может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом»⁷⁴⁸. Далее, в ст. 6 данного Закона, устанавливающей правовой статус содержащихся под стражей, непосредственно указано: «Они пользуются правами и свободами и несут обязанности, установленные для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами». И, наконец, право подозреваемых, обвиняемых на личную безопасность и обязанность ее обеспечения сотрудниками мест содержания под стражей получили прямое закрепление в ст. 19 рассматриваемого Закона.

Важно то, что обязанность обеспечения безопасности подозреваемых, обвиняемых не поставлена в зависимость от наличия их просьбы о защите, и этим данный Закон в лучшую сторону отличается от УИК РФ (о нем речь пойдет в § 6 данной главы). В комментарии к Закону «О содержании под стражей...» обоснованно обращено внимание, что, помимо соответствующего заявления подозреваемых и обвиняемых, поводом для принятия мер по обеспечению их безопасности являются материалы оперативно-розыскных мероприятий, иные пись-

⁷⁴⁷ См.: Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2000. С. 50.

⁷⁴⁸ Алексеев В.И., Андреев В.Н., Семенченко И.Н. Права лиц, содержащихся под стражей, гарантированы законом // Актуальные вопросы совершенствования законодательства и практики деятельности учреждений, исполняющих наказания, в условиях реформы уголовно-исполнительной системы. М., 1996. С. 82.

менные и устные сообщения⁷⁴⁹. В качестве же недостатка ст. 19 Закона «О содержании под стражей...» приходится констатировать узость оснований применения защитных мер — наличие «угрозы совершения преступления... со стороны других подозреваемых и обвиняемых». Таким образом, при угрозе иных, не запрещенных уголовным законом посягательств допускается оставить человека во враждебном для него окружении, а ведь спектр приемов воздействия в СИЗО на тех, кто сотрудничает с правоохранительными органами, значительно шире, нежели круг деяний, запрещенных УК РФ. Это и распространение слухов о принадлежности лица к пассивным гомосексуалистам, что влечет превращение человека в изгоя в среде арестованных, и «перевод» в низшую субкультурную касту (касту «отверженных») — одна из самых унижительных и страшных по последствиям санкций в преступном мире, однако собственно процедура такого «перевода» не обязательно сопряжена с деянием, запрещенным УК РФ: с мужеложством с применением насилия либо с угрозой его применения.

Что касается мер безопасности, то две из них предусмотрены в ст. 33 Закона «О содержании под стражей...»:

- *Раздельное содержание подозреваемых и обвиняемых по одному уголовному делу*, являющееся обязательным правилом, поскольку именно между этими лицами чаще всего возникают противоречия, сопряженные с посягательствами на их безопасность.
- *Отдельное содержание подозреваемых и обвиняемых, жизни и здоровью которых угрожает опасность со стороны других подозреваемых и обвиняемых*. Решение об отдельном содержании, согласно ст. 33 указанного Закона, может быть принято не только администрацией места содержания под стражей, но и субъектом, в производстве которого находится уголовное дело; в этом случае последним соответствующее письменное решение направляется администрации места содержания под стражей. При этом, в соответствии со ст. 32 Закона «О содержании под стражей...», по мотивированному постановлению начальника места содержания под стражей допускается размещение в одиночных камерах как защищаемых подозреваемых и обвиняемых, так и тех, от кого исходит угроза; санкции прокурора на такое размещение не требуется. Рекомендуются, если защищаемый один, а опасность для него исходит от нескольких лиц, в одиночную

⁷⁴⁹ См.: Комментарий к Федеральному закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» / Под ред. А.С. Михлина и В.И. Селиверстова. М., 1999. С. 66.

камеру переводить защищаемого, если же один человек представляет опасность для нескольких, то изолировать представляющего опасность⁷⁵⁰.

Законом «О государственной защите потерпевших...» предусмотрены также:

- *Перевод защищаемого лица или лица, представляющего угрозу для защищаемого, из одного места содержания под стражей в другое* (п. 2 ч. 2 ст. 14). Естественно, перевод того, кто представляет угрозу, должен согласовываться с лицом, в производстве которого находится уголовное дело в отношении этого арестованного; порядок согласования перевода необходимо закрепить на законодательном уровне.
- *Раздельное содержание защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия* (п. 3 ч. 2 ст. 14).

В практике следственных и судебных органов нередки случаи, когда возможность посткриминального воздействия в отношении соучастников преступления становится очевидной еще до их задержания, заключения под стражу в ходе предварительного расследования или же в стадии судебного разбирательства. Поэтому в п. 1 ч. 2 ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...» предусмотрено:

- *Направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящиеся в других субъектах Российской Федерации.*

Надо сказать, что помещение в различные СИЗО применялось и до принятия Закона «О государственной защите потерпевших...»⁷⁵¹, что подтверждает: организационные сложности проведения следственных действий с содержащимися под стражей из-за их удаленности от места производства по делу — меньшее зло, нежели последствия посткриминального воздействия. Например, при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами на территории Саратовской области, лидеры ОПГ содержались под стражей отдельно от их рядовых членов (в СИЗО сопредельных областей), что исключило воздействие лидеров на рядовых соучастников преступлений и, в совокупности с предпринятыми мерами по защите потерпевших и свидете-

⁷⁵⁰ Там же. С. 108.

⁷⁵¹ См.: *Маевский В.* Организованной преступности можно противостоять // *Законность.* 1996. № 2. С. 9; *Панасюк А.* Указ. соч. С. 23.

лей, в значительной степени способствовало успеху следствия⁷⁵²; аналогичная мера безопасности применяется в США⁷⁵³.

В п. 4 ч. 2 ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...» в качестве меры безопасности для содержащихся под стражей указано изменение меры пресечения в порядке, предусмотренном УПК РФ. Но, во-первых, возникновение угрозы посткриминального воздействия на содержащегося под стражей не обязательно сопряжено с появлением предусмотренных в УПК РФ оснований для изменения меры пресечения (случай *одновременного* возникновения угрозы такого воздействия и оснований для изменения (отмены) заключения под стражу возможен, но в этом случае мера пресечения должна быть изменена независимо от наличия угрозы безопасности содержащегося под стражей). Во-вторых, собственно угроза безопасности подозреваемых и обвиняемых не может быть предусмотрена ни в Законе «О государственной защите потерпевших...», ни в УПК РФ в качестве основания изменения или отмены меры пресечения, поскольку сама по себе такая угроза не устраняет обстоятельства, послужившего основанием применения меры пресечения⁷⁵⁴. Приведенную «меру безопасности» можно объяснить только некомпетентностью ее автора в вопросах уголовного процесса. Вне всякого сомнения, п. 4 ч. 2 ст. 14 подлежит исключению из Закона «О государственной защите потерпевших...». Не вписывается в рамки уголовно-процессуальных норм и предложение в целях безопасности подозреваемого, обвиняемого заключать их под стражу⁷⁵⁵.

Обращаясь далее к зарубежному опыту, видим, что по УПК Франции в рамках «судебного контроля» — меры пресечения, заключающейся в применении различных сочетаний правоограничений (из шестнадцати возможных) обвиняемому может быть *запрещено посещать определенные*

⁷⁵² См.: Колдин В.А., Громов Н.А., Соловьев В.В. Некоторые аспекты создания новых организационных форм по борьбе с организованной преступностью // Межвузовский сб. научн. тр. Международная академия бизнеса и банковского дела. Серия: Юриспруденция. Тольятти. 1998. № 2. С. 34–35.

⁷⁵³ См.: Witness protection programs in America. P. 16; Гриффин Д.А. Правильное и неправильное использование тайных осведомителей // Материалы региональной конференции по проблемам расследования и уголовного преследования коррупции на публичной службе. Будапешт, 15–19 июля 2002.

⁷⁵⁴ Сказанное обуславливает и несостоятельность включения в п. 4 ч. 2 ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...» в качестве меры безопасности изменения уголовного наказания.

⁷⁵⁵ См.: Трухачев В.В. Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: Дисс. ...докт. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 384.

места, встречаться с определенными людьми. Данный запрет применяется для обеспечения безопасности потенциальных свидетелей и лиц, уже наделенных этим статусом⁷⁵⁶, причем в случае нарушения запрета, согласно ст. 141-2 французского УПК, судебный контроль может быть заменен предварительным заключением независимо от того, какое уголовное наказание грозит обвиняемому⁷⁵⁷. В США на основании Закона о защите потерпевших и свидетелей 1982 г. применяются «ограничительные приказы» в отношении субъектов, оказывающих на потерпевших и свидетелей воздействие, не запрещенное уголовным законом. Такой приказ выносится окружным судом, если какое-либо лицо причиняет «беспокойство» потерпевшему. В приказе указываются запрещаемые действия (указаны ниже), продолжительность запрета (до трех лет); под беспокойством понимается «серия актов в течение определенного, довольно короткого периода, причиняющих существенный эмоциональный стресс и преследующих незаконную цель»⁷⁵⁸. Такая же мера безопасности применяется в Германии⁷⁵⁹.

В Австралии судьи вправе выносить «приказ о защите» жертв домашнего насилия и других преступлений. Такие приказы могут содержать запрет правонарушителю приближаться к жертве и ограничить ему доступ к жилищу, включая его собственный дом. Количество выносимых приказов увеличивается. В штате Новый Южный Уэльс, например, в 1984 г. было вынесено 22 приказа, в 1987 г. — 270⁷⁶⁰. Ограничительные приказы применяются также в Австрии (в соответствии с Законом «О защите лиц от насилия в семье», вступившим в силу в 1997 г.; в 1999 г. выдано 2076 таких приказов), Финляндии (согласно Закону о «restraining orders» 1999 г)⁷⁶¹, Новой Зеландии, в большинстве провинций Канады, в Великобритании и ряде других государств.

⁷⁵⁶ См.: *Legeais R.* L' utilisation de temoignages sous forme anonime ou deguisee dans la procedure des juridictions repressives // *Revue internationale de droit compare.* Paris. 1998. A. 50. № 2 P. 712; *Lemonde M.* La Protection des temoins devant les tribunaux francais // *Revue de science criminelle et de droit penal compare.* Paris. 1996. № 4. P. 817.

⁷⁵⁷ См.: *Lemonde M.* Op. cit. P. 817.

⁷⁵⁸ См.: Законодательство зарубежных государств. Обзорная информация. Вып. 4. М., 1991. С. 12.

⁷⁵⁹ См.: Исследование феномена насилия // *Борьба с преступностью за рубежом.* М., 2001. № 2. С. 38–39.

⁷⁶⁰ См.: Стратегии борьбы с насилием в семье: Справочное руководство. Нью-Йорк, 1998. С. 19–20.

⁷⁶¹ См.: п. 92 Пояснительной записки к Рекомендации № (2002) 5 Комитета министров государствам-членам о защите женщин от насилия, принятой 30 апреля 2002 г. // [http://hlibrary.ngo.ru/russian/euro/RRcc\(2002\)5.html](http://hlibrary.ngo.ru/russian/euro/RRcc(2002)5.html).

Применение ограничительных приказов рекомендовано Советом Европы: согласно п. 58 Рекомендации № (2002) 5 *О защите женщин от насилия* следует «позволить судебным властям принять меры... направленные на защиту жертвы, препятствуя лицу, виновному в совершении насилия, входить в контакт с жертвой, общаться с ней или приближаться к ней, проживать в определенных местах или часто бывать в этих местах». Пункт 92 Пояснительной записки к данной Рекомендации гласит: «В тех случаях, когда лицу угрожает опасность, силы полиции должны иметь возможность заставить виновного в совершении насилия в семье немедленно покинуть жилище, без учета его прав на это жилище и несмотря на возражения со стороны других лиц, проживающих в нем».

Содержание ограничительных приказов в разных странах варьируется, но в целом их делят на два вида. К первому относят те, что запрещают правонарушителю «приставать» к жертве или беспокоить ее (такие приказы применяются, в частности, в случаях угроз, «постоянного преследования», телефонных звонков). Второй вид приказов квалифицируется как более жесткий: правонарушителю может быть запрещено появляться в доме или в его части, где проживает жертва, а также в районе, где расположен дом даже в том случае, если правонарушитель является владельцем дома. В случае нарушения лицом запретов, установленных для него в приказе, в одних странах полиции предоставляется право его ареста без ордера на арест, в других — ордер на арест для таких случаев суд выдает заранее — вместе с приказом, в третьих — арест применяется без ордера, если правонарушитель нарушает запреты, установленные приказом и жертва заявляет о необходимости ареста. Помимо ареста в случае нарушения приказа к нарушителю применяются и другие санкции, в частности в США и в Германии — уголовное наказание⁷⁶².

Цель судебных приказов — защитить жертву в период до применения к обвиняемому уголовного наказания. Приказ может быть вынесен судом в отсутствие правонарушителя, копия приказа вручается жертве насилия. Отмечается, что процедура вынесения приказа не занимает много времени, не связана с большими расходами и в то же время является достаточно эффективным средством защиты жертв преступлений⁷⁶³.

С принятием УПК РФ такой запрет стал возможен в России, но не в качестве самостоятельной меры пресечения, а в рамках *домашнего ареста*

⁷⁶² См.: Исследование феномена насилия // Борьба с преступностью за рубежом. М., 2001. № 2. С. 38–39.

⁷⁶³ См.: Стратегии борьбы с насилием в семье: Справочное руководство. Нью-Йорк, 1998. С. 19, 21, 46.

и, по мнению автора, при применении меры пресечения в виде *подписки о невыезде и надлежащем поведении*. Ст. 107 УПК РФ гласит: «Домашний арест заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете: 1) общаться с определенными лицами...» При этом перечень лиц, общение с которыми запрещается, должен указываться в постановлении об избрании данной меры пресечения. Запрещение общения достигается в том числе за счет запрета вести переговоры с использованием любых средств связи (п. 3 ч. 1 ст. 107 УПК РФ). Общение может быть запрещено не только с участниками УСП, но и с *близкими* им лицами, ибо последние, как отмечалось выше, также могут подвергаться посткриминальному воздействию.

Что касается меры пресечения в виде *подписки о невыезде и надлежащем поведении*, то при ее применении у подозреваемых и обвиняемых, помимо обязательств не покидать место жительства и являться по вызовам дознавателя, следователя и суда (п. 1 и 2 ст. 102 УПК РФ), отбрасывается обязательство «иным путем не препятствовать производству по уголовному делу» (п. 3 ст. 102 УПК РФ). Представляется, что в рамках последнего обязательства у подозреваемого (обвиняемого) может быть отобрано *обязательство не угрожать участникам уголовного судопроизводства и их близким, не общаться с ними, не посещать места (районы) их проживания* (последний запрет возможен и необходим в тех случаях, когда один лишь вид подозреваемого либо обвиняемого может вызывать у жертв и свидетелей преступления чувство страха, при этом посещение подозреваемым (обвиняемым) района проживания указанных лиц не обусловлено, например, его трудовой деятельностью). Нарушение данного обязательства следует рассматривать как нарушение избранной меры пресечения, и, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в этом случае подозреваемый (обвиняемый) может быть заключен под стражу независимо от уголовно-правовой квалификации деяния, в котором он подозревается (обвиняется).

Тем не менее следует согласиться с мнением К.Д. Шевченко о необходимости дополнить главу 14 УПК РФ новой мерой процессуального принуждения — «ограничительным приказом», выражающимся в ограничении либо запрете посещать определенные места, общаться с определенными лицами или вести с ними переговоры с использованием любых средств связи, однако такой приказ надлежит указать не в ч. 2 ст. 111 УПК РФ (что предлагает указанный автор⁷⁶⁴), поскольку данная статья включает меры принуждения, возможные лишь в отношении подозреваемого и обви-

⁷⁶⁴ См.: Шевченко К.Д. Указ. соч. С. 193.

няемого, а в новой статье главы 14 УПК РФ, предусмотрев возможность применения указанного «приказа» ко всем участникам уголовного судопроизводства и иным лицам. Что касается предложения К.Д. Шевченко установить в УПК РФ нарушение «ограничительного приказа» подозреваемым и обвиняемым в качестве *основания* для избрания или изменения в отношении них мер пресечения⁷⁶⁵, то избрание (изменение) последних в случае нарушения «ограничительного приказа» данными лицами может осуществляться и в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Действенной мерой, при использовании наряду с другими мерами безопасности, может выступать *временное отстранение от должности подозреваемого, обвиняемого*, предусмотренное ст. 114 УПК РФ, с целью предотвращения их воздействия на находящихся в служебной зависимости потерпевших и свидетелей. В то же время обращено внимание, что полномочия отстраненного от должности лица могут оказаться возложенными на его неизобличенного сообщника, что чревато продолжением посткриминального воздействия на свидетелей в форме различных притеснений их по службе (работе). В связи с этим предложено дополнить УПК РФ такой мерой безопасности, как временное установление (по решению суда) особого порядка применения трудового законодательства в отношении указанных свидетелей, а именно — принятие мер, ухудшающих их положение как работников, только в судебном порядке⁷⁶⁶.

Следующая мера безопасности: *предостережение лица в случае попыток с его стороны посткриминального воздействия*. В России такое предостережение возможно на основании ст. 25¹ Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», но лишь прокурором либо его заместителем, в отношении ограниченного круга лиц и только в тех случаях, когда угроза посткриминального воздействия сопряжена с *противоправным* деянием, то есть основания применения данной меры безопасности чрезвычайно узки. Представляется необходимым в УПК РФ право выносить предостережение представить руководителю следственного органа, следователю, начальнику органа дознания, начальнику подразделения дознания и дознавателю. Рассматриваемая мера найдет применение в деятельности этих лиц, поскольку установление намерений посткриминального воздействия является одной из задач оперативно-розыскного обеспечения предвари-

⁷⁶⁵ Там же. С. 194.

⁷⁶⁶ Подробнее см.: Кутуев Э.К., Лебедев В.В. Участие свидетеля в уголовном судопроизводстве: опыт совершенствования уголовно-процессуальной защиты при расследовании преступлений экономической направленности // Российский судья. 2008. № 10. С. 32–33.

тельного расследования⁷⁶⁷, информация о таких намерениях становится известной и в ходе ОРД, которая предшествует возбуждению уголовного дела⁷⁶⁸, следовательно, может быть представлена вышеуказанным лицам органами, осуществляющими ОРД.

Также необходимы следующие меры защиты: *задержание лиц, осуществляющих посткриминальное воздействие непосредственно при производстве следственных действий* (выкриками, угрозами в адрес участников следственного действия) *до их окончания*⁷⁶⁹; *удаление этих лиц с места производства следственного действия*⁷⁷⁰. Актуальность данных мер для России обусловлена тем, что при производстве следственных действий в так называемых «горячих точках» их участники подвергаются угрозам расправы и реальным посягательствам. Например, при осмотре места убийства группы российских военнослужащих вблизи села Комсомольское в Чеченской Республике следственная группа была вынуждена действовать под охраной более 60 военнослужащих — разведчиков, саперов и др.

Вероятно, критике со стороны некоторых российских юристов подвергнется мера безопасности в виде *временного ограничения права защитника и содержащегося под стражей подзащитного на свидания*. Однако практика отечественных правоохранительных органов, как уже отмечалось, свидетельствует об участии защитников в посткриминальном воздействии. Данная проблема существует и в других странах. Поэтому в Нидерландах, например, где защитник наделен правом «неограниченного и бесконтрольного доступа (лично или посредством переписки)» к содержащемуся под стражей обвиняемому, это право может быть ограничено при «наличии серьезных подозрений в том, что контакты между обвиняемым и адвокатом используются для воспрепятствования расследованию»⁷⁷¹.

В Великобритании в соответствии со ст. 58 *Закона о полиции и уголовных доказательствах 1984 г.* полиция в лице «офицеров по надзору» (custody officers) может «воспрепятствовать участию в деле конкретного адвоката, если есть основания полагать, что он будет воздействовать на

⁷⁶⁷ См.: *Коробейников В.Н.* Организационные и тактические вопросы оперативно-розыскного обеспечения расследования преступления // Вестник Удмуртского университета. 1998. № 1. С. 109.

⁷⁶⁸ См.: *Хамкалов В.П.* Указ. соч. С. 109.

⁷⁶⁹ Применилось в ГДР до объединения Германии (см.: *Михайлов В.А.* Меры пресечения в уголовном судопроизводстве. Тюмень, 1994. С. 109).

⁷⁷⁰ Эта мера предлагалась в проекте закона «О борьбе с организованной преступностью» (см.: *Правовое регулирование борьбы с организованной преступностью. Проект федерального закона и комментарий.* М., 1994. С. 32).

⁷⁷¹ *Правовая система Нидерландов.* М., 1998. С. 269.

свидетелей или фальсифицировать доказательства. При этом подозреваемый имеет право пригласить другого адвоката, то есть в данном случае речь идет не об ограничении права на участие в деле защитника, а об ограничении права на выбор защитника»⁷⁷².

Германский Закон «О дополнении первого закона о реформе уголовного-процессуального права» от 20 декабря 1974 г. предусмотрел неизвестный ранее в этой стране институт исключения защитника из процесса, «если он серьезно подозревается в конспиративных связях с подозреваемым или злоупотребляет своим правом посещения места заключения в целях совершения преступления»⁷⁷³. При этом обвиняемому назначается другой защитник «в порядке обеспечения обязательной защиты»⁷⁷⁴. Кроме того, по делам о террористических организациях письма защитника подзащитному просматриваются соответствующим судьей, свидания с подзащитным проходят в помещении, оборудованном разделительным стеклом, исключающим передачу письменных материалов и предметов⁷⁷⁵. Здесь уместно отметить ст. 100-7 французского Закона от 10 июля 1991 г. «О перехвате сообщений, передаваемых с помощью средств телекоммуникации», которая допускает с ведома руководителя адвокатской корпорации прослушивание переговоров адвоката независимо от того «участвует он в конкретном уголовном деле или нет»⁷⁷⁶. Возможность прослушивания телефонных переговоров адвокатов «с находящимися под стражей клиентами, включая тех, кому еще не были предъявлены официальные обвинения» с 2001 г. стала возможной в США⁷⁷⁷.

В Швейцарии в соответствии со ст. 46 УК, который содержит нормы не только материального, но процессуального и уголовно-исполнительного права, защитник имеет право «беспрепятственного общения» с подзащитным, находящимся в пенитенциарном учреждении, но «при злоупотреблении (данном правом. — *Примеч. авт.*) руководитель учреждения с согласия компетентного органа может запретить беспрепятственное общение с подзащитным»⁷⁷⁸.

С 2001 г. в Украине стало возможно отстранение защитника от участия в деле, если он, «злоупотребляя своими правами, препятствует уста-

⁷⁷² Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Указ. соч. С. 101.

⁷⁷³ Там же. С. 396–397.

⁷⁷⁴ Там же. С. 433–434.

⁷⁷⁵ Там же. С. 397.

⁷⁷⁶ Там же. С. 333.

⁷⁷⁷ См.: Дьячков В. Адвокатов будут прослушивать // Итоги. 2001. № 45 (283). С. 8–9.

⁷⁷⁸ Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2000.

новлению истины по делу» (ч. 4 ст. 61, ч. 1 ст. 61¹ УПК Украины). В ходе досудебного производства соответствующее решение по представлению лица, производящего предварительное расследование, принимает судья по месту проведения расследования, а в ходе судебного разбирательства — соответствующий суд (ч. 3 и 4 ст. 61¹ УПК Украины).

В России же согласно п. 9 ч. 4 ст. 47 и п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник и обвиняемый имеют право на свидания *наедине и конфиденциально* без ограничения их числа и продолжительности, а в соответствии с «Правилами внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы»⁷⁷⁹ попытка защитника передать в ходе свидания подзащитному сведения, «которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления», влечет лишь досрочное прекращение свидания (п. 147), информирование соответствующего территориального органа Минюста России и направление начальником СИЗО соответствующего заключения с копиями материалов проверки по такому факту в Совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, «для решения вопроса о его ответственности с последующим уведомлением администрации СИЗО» (п. 148). Таким образом, российское законодательство не предусматривает даже уведомления о произошедшем следователя или иного лица, в производстве которого находится уголовное дело⁷⁸⁰. Недостаточность в российском законодательстве мер для предотвращения противоправных действий защитника очевидна.

Конечно, ограничение права защитника на свидания с содержащимся под стражей подзащитным в зарубежных, в том числе более демократичных, странах не является достаточным аргументом в полемике по поводу того, допустимо ли это в России. Исчерпывающим аргументом в данном вопросе является позиция ЕСПЧ, и в его решениях рассматриваемая мера безопасности признана допустимой:

При рассмотрении дела *Кембелл и Фелл против Великобритании* (1984 г.) ЕСПЧ отметил: «В некоторых исключительных обстоятельствах государство может ограничить частный характер таких консультаций (встреч защитника с подзащитным. — *Примеч. авт.*), в частности, если есть основания подозревать, что адвокат злоупотребляет своим профес-

⁷⁷⁹ Утверждены Приказом Минюста РФ от 14 октября 2005 г. № 189 // СПС «Гарант».

⁷⁸⁰ Не предусматривают указанные Правила и уведомление лица, в производстве которого находится уголовное дело, о досрочном прекращении, в соответствии с п. 153 Правил, телефонных разговоров подозреваемых и обвиняемых в случаях попыток передачи сведений, которые могут помешать установлению истины по уголовному делу, оскорблений, угроз, призывов к расправе, совершению преступления или иного правонарушения.

сиональным положением, действуя в сговоре с подзащитным по сокрытию или уничтожению доказательств или иными способами серьезно препятствуя осуществлению правосудия»⁷⁸¹.

В деле *Крехер и Меллер против Швейцарии* заявители «жаловались на то, что после их ареста они были помещены в одиночные камеры на три недели, в течение которых они не имели возможности сноситься со своими адвокатами. Хотя в течение следующих шести месяцев такие контакты были разрешены, их продолжительность ограничивалась одним часом, два раза в неделю. Кроме того, они жаловались на то, что в ходе этих встреч адвокатам не разрешалось использовать магнитофоны, и они были отделены от заключенных стеклянной перегородкой. Европейская комиссия постановила, что ограничение контактов с адвокатами во время помещения обвиняемых в одиночную камеру не является таким ограничением, которое серьезно препятствовало подготовке защиты заявителей, поскольку им разрешалось сноситься с адвокатами, и позднее, в течение девяти месяцев, предшествовавших судебному разбирательству, они имели возможность встречаться с адвокатами с глазу на глаз»⁷⁸².

В деле *Бонци против Швейцарии* заявитель обжаловал то, что после ареста он содержался в течение месяца в одиночной камере, и в этот период ему не разрешались встречи с защитником (разрешались лишь письма защитнику); после освобождения из камеры «обвиняемый имел в своем распоряжении девять месяцев для подготовки к рассмотрению его дела и для встреч с защитником. Европейская комиссия установила, что в течение девяти месяцев заявитель имел достаточно контактов со своим защитником для подготовки своей защиты... Комиссия не согласилась с утверждением, что «косвенно гарантируемое право... сноситься со своим защитником и обмениваться с ним инструкциями или информацией конфиденциального характера не подлежит каким бы то ни было ограничениям»... Европейская комиссия сделала вывод о том, что относительные и временные ограничения контактов не означают отказа от предоставления необходимых возможностей для подготовки защиты заявителей»⁷⁸³.

Эксперт Совета Европы Э. Гротрайан (A. Grottrian), обобщая решения по указанным делам и по делу *Шертенляйб против Швейцарии* (в последнем случае заявитель также «подвергся изоляции и не мог говорить со своим адвокатом в течение ограниченного срока»), делает вывод, что в соответствии с позицией Европейской комиссии право обвиняемого

⁷⁸¹ Цит. по: *Гомиен Д.* Указ. соч. С. 40.

⁷⁸² Док.: E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1, 15 may. 1992. P. 26.

⁷⁸³ Док.: E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1, 15 may. 1992. P. 26–27.

беседовать со своим поверенным может быть подвергнуто ограничению и не является нарушением подп. «в» п. 3 ст. 6⁷⁸⁴, если «эта возможность предоставлялась ему в другое время»⁷⁸⁵. На допустимость ограничения права обвиняемого «свободно общаться с защитником» при «особых обстоятельствах дела» обращено внимание и известным специалистом в сфере прецедентного права ЕСПЧ М. Де Сальвиа⁷⁸⁶.

Данное ограничение ЕСПЧ было признано допустимым, во-первых, несмотря на констатацию в деле *С. против Швейцарии* (1991 г.) того, что «право обвиняемого сносятся со своим адвокатом вне пределов слышимости третьего лица представляет собой одно из основных требований справедливого судебного процесса в демократическом обществе и вытекает из положений пункта 3с статьи 6 Конвенции. Если адвокат не имеет возможности связаться со своим клиентом и получить от него конфиденциальные инструкции, не подвергаясь такому надзору, то его помощь в значительной степени утрачивает свою полезность, в то время как Конвенция призвана гарантировать право, которое носит практический и действенный характер»⁷⁸⁷, и, во-вторых, несмотря на то, что ст. 93 *Стандартных минимальных правил обращения с заключенными* (приложение к *Резолюции (73) 5 Комитета Министров Совета Европы*; известны также под названием «Европейские тюремные правила») гласила: «Подследственный заключенный имеет право... встречаться со своим адвокатом... вручать ему и получать от него конфиденциальные инструкции... Беседы заключенного с его адвокатом могут проходить на глазах, но вне пределов слышимости, прямой или косвенной, сотрудника полиции»⁷⁸⁸.

⁷⁸⁴ Подпункт «в» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции устанавливает право обвиняемого «иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты».

⁷⁸⁵ См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 129, 155.

⁷⁸⁶ См.: *Де Сальвиа М.* Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004. С. 216.

⁷⁸⁷ Цит. по: *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 250.

⁷⁸⁸ Цит. по: *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Указ. соч. С. 249. Российский Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» по сути воспроизводит эти положения: в ч. 2 его ст. 18 предусматривается, что свидания указанных лиц с защитником «могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать». Аналогичную норму содержит п. 145 «Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы». В п. 5 ч. 3 ст. 6 Федерального закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» говорится, что адвокат вправе беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей).

Новая редакция «Европейских тюремных правил» (приложение к *Резолюции (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы*⁷⁸⁹), наряду с общим правилом о том, что общение между заключенными⁷⁹⁰ и их юристами, включая переписку по правовым вопросам, носит конфиденциальный характер (подпункт 4 п. 23), предусматривает и отход от этого правила: «в исключительных обстоятельствах судебный орган может установить ограничения в отношении такой конфиденциальности с целью предотвращения тяжких преступлений или серьезной угрозы безопасности в пенитенциарном учреждении» (подп. 5 п. 23).

В документах другого органа Совета Европы — *Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (КПП)*⁷⁹¹ также признается: «Для защиты интересов правосудия в исключительных случаях возможна задержка на некоторое время с предоставлением задержанному лицу доступа к адвокату по его выбору... В подобных случаях, с тем чтобы не подвергать риску законные интересы полицейского расследования, необходимо организовать доступ к другому, независимому адвокату, который вызывает доверие» (Шестой общий доклад КПП [СРТ/Inf(96)21])⁷⁹².

Наконец, на уровне ООН — согласно п. 3 принципа 18 *Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме* (Свод утверждён резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г.)⁷⁹³ — признана возможность в исключительных случаях ограничивать право задержанных и содержащих-

⁷⁸⁹ «Европейские тюремные правила» — приложение к *Резолюции (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы* (неофициальный перевод: <http://www.prison.org/index.shtml>).

⁷⁹⁰ Под «заключенными» в данном международно-правовом акте понимаются как лица, взятые под стражу в рамках предварительного расследования, так и осужденные по приговору суда к лишению свободы (см. п. 10 «Европейских тюремных правил»).

⁷⁹¹ Создан в 1987 г.; правовой основой его деятельности является принятая 26 ноября 1987 г. Советом Европы «Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания» (ратифицирована Россией). Причиной ее принятия послужил вывод Совета Европы, что для обеспечения прав человека необходим не только ЕСПЧ, который реагирует на факты правонарушений, но и несудебная организация, способная оперативно обнаруживать нарушения и правомочная ставить вопрос об их устранении перед национальными органами.

⁷⁹² Существенные разделы общих докладов Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Бюллетень № 2. Правоохранительная деятельность и соблюдение прав человека. Научно-практический семинар, 3–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 68.

⁷⁹³ См.: Содержание под стражей: Сборник нормативных актов и документов. М., 1996. С. 229–238.

ся под стражей на посещение их адвокатом, на связь с ним «без промедления или цензуры и в условиях полной конфиденциальности».

Очевидно, учитывая прецеденты ЕСПЧ и нормы международного права, Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений отметил: «Как следует из статей 48 (часть 2), 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи, федеральный законодатель при урегулировании права на помощь адвоката (защитника), относящегося к основным правам и свободам человека и гражданина, обязан установить в уголовно-процессуальном законе все важнейшие элементы данного права, включая условия и порядок его реализации, в частности условия и порядок предоставления адвокату свиданий с обвиняемым (подозреваемым), поскольку такое регулирование непосредственно затрагивает само существо уголовно-процессуальных отношений, в том числе в части реализации функции защиты обвиняемым и его адвокатом, а также поскольку оно связано с установлением пределов осуществления данного права, *то есть возможными его ограничениями, и нахождением разумного баланса различных конституционно защищаемых ценностей конкурирующих прав и законных интересов*»⁷⁹⁴. Тем самым выражена позиция Конституционного Суда о допустимости ограничения права защитника и подзащитного на свидания, что должно быть учтено отечественным законодателем.

Вышеизложенное позволяет предусмотреть в отечественном УПК временное ограничение права защитника и содержащегося под стражей подзащитного на свидания (вариант — ограничение на свидания в условиях конфиденциальности). Один из возможных вариантов нормативного закрепления такого ограничения: «При наличии достаточных оснований полагать, что свидания защитника с содержащимся под стражей подозреваемым, обвиняемым наедине и конфиденциально могут использоваться ими с целью воздействовать угрозами на свидетеля, иных участников уголовного судопроизводства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, свидания проводятся в условиях, исключающих конфиденциальность».

Как было показано, ЕСПЧ признает допустимым не только свидания защитника и обвиняемого в условиях, исключающих конфиденциаль-

⁷⁹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева» // СЗ РФ. 2001. № 48. Ст. 4551.

ность (*дело Кембелл и Фелл против Великобритании*), но и временный запрет самих свиданий (*дело Крехер и Меллер против Швейцарии* и др.), что с уверенностью позволяет говорить о том, что включение в УПК РФ вышеприведенной новеллы и ее применение в российском уголовном процессе не будет квалифицироваться ЕСПЧ как нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Гарантии законности и обоснованности применения временного запрета на конфиденциальные свидания должны быть установлены в национальном уголовно-процессуальном законе. Их содержание следует определить, исходя из предусмотренных в ст. 108 УПК РФ правил применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Можно сказать, что содержание этих гарантий предопределено содержанием ст. 108 УПК РФ. В частности, в качестве гарантий следует предусмотреть: возбуждение перед судом *мотивированного* ходатайства о вышеуказанном ограничении следователем — с согласия руководителя следственного органа, а дознавателем — с согласия прокурора; возможность *обжалования* в кассационном порядке постановления судьи о применении предлагаемого ограничения либо об отказе в удовлетворении ходатайства. При установлении гарантий следует учесть и позицию ЕСПЧ в той части, что рассматриваемое ограничение не может занимать *значительную* часть времени предварительного расследования (дела: *Бонци против Швейцарии*, *Шертенляйб против Швейцарии*).

Мерой безопасности в российском уголовном процессе может служить и *выделение уголовного дела в отдельное производство с целью завершения предварительного расследования и направления уголовного дела в суд для разрешения его по существу* (естественно, при соблюдении условий, предусмотренных в ч. 2 ст. 154 УПК РФ). При вынесении судом обвинительного приговора и назначении наказания в виде лишения свободы и некоторых других наказаний обеспечивается изоляция осужденного и тем самым предотвращается возможность его воздействия на потерпевших и свидетелей по иным эпизодам его преступной деятельности.

Далее, в 2009 г., ч. 1 ст. 154 УПК РФ дополнена пунктом 4, согласно которому из уголовного дела в отдельное производство может быть выделено дело в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве⁷⁹⁵. При этом в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого

⁷⁹⁵ См.: Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

или обвиняемого материалы уголовного дела, идентифицирующие его личность, изымаются из возбужденного уголовного дела и приобщаются к уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого, выделенному в отдельное производство. Однако *досудебное соглашение о сотрудничестве*⁷⁹⁶ заключается при готовности подозреваемого (обвиняемого) изобличить в совершении преступления его *соучастников*, то есть лиц, которым он известен. Возможно, законодатель исходил из того, что данный подозреваемый (обвиняемый) в «первоначальном» уголовном деле будет допрошен как свидетель под псевдонимом, но само содержание показаний такого свидетеля в большинстве случаев без труда позволит идентифицировать его теми, кого он изобличает в совершении преступления даже под псевдонимом. Поэтому представляется, что указанная новелла — п. 4 ст. 1 ст. 154 УПК РФ — не способствует защите сотрудничающего со следствием подозреваемого (обвиняемого) от мести соучастников.

Далее, согласно ч. 3 ст. 317⁴ УПК РФ в случае угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которыми заключено вышеназванное соглашение, а также угрозы безопасности близких им лиц следователь выносит постановление о хранении документов, перечисленных в ч. 2 ст. 317⁴ УПК РФ⁷⁹⁷, в опечатанном конверте. И, в соответствии с новой редакцией ч. 1 ст. 216 УПК РФ⁷⁹⁸, эти документы — безотносительно того, помещены ли они в конверт — не предъявляются потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику при их ознакомлении с уголовным делом. Однако эти меры не скрывают роли обвиняемого в раскрытии преступления и в изобличении соучастников в его совершении, поскольку показания обвиняемого⁷⁹⁹, благодаря которым и до-

⁷⁹⁶ *Досудебное соглашение о сотрудничестве* — соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК РФ).

⁷⁹⁷ Это: ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым (обвиняемым) данного соглашения, постановление прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении указанного соглашения и собственно соглашение.

⁷⁹⁸ Установлена вышеуказанным Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ.

⁷⁹⁹ Согласно п. 6 ч. 2 ст. 317³ УПК РФ в досудебном соглашении о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) обязуется не давать показания, а совершить определенные «действия». Но очевидно, что эти «действия» заключаются в предоставлении следствию *сведений* о преступлении. Согласно же ст. 76 и 77 УПК РФ такие сведения являются *показаниями* подозреваемого, обвиняемого, сообщенными на допросе. Сведения, сообщаемые

стигаются эти позитивные результаты, остаются доступными лицам, имеющим право на ознакомление с материалами уголовного дела в соответствии со ст. 216 УПК РФ. Поэтому новая редакция ч. 1 ст. 216 и содержание ч. 3 ст. 317⁴ УПК РФ не привносят ничего нового в дело защиты участников уголовного процесса от посткриминального воздействия. Их безопасность в период уголовного судопроизводства должна обеспечиваться комплексным применением защитных мер из числа тех, что перечислены в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, и которые возможны не только в отношении потерпевших, свидетелей, но и в отношении подозреваемых (обвиняемых)⁸⁰⁰, и универсальных мер защиты, то есть мер, предусмотренных Законом «О государственной защите потерпевших...»; а по окончании судопроизводства — универсальными мерами защиты.

В 2009 г. УПК РФ дополнен также ст. 317⁹, гласящей: при необходимости обеспечить безопасность подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено вышеназванное соглашение, и близких ему лиц к подозреваемому (обвиняемому) применяются меры безопасности, предусмотренные ст. 11 и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, на него также распространяются меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные федеральным законом. Но эта новелла — лишь констатация того, что уже предусмотрено законодательством, и также ничего не добавляет к защите лиц, содействующих правосудию⁸⁰¹.

Исследуя нормы УПК РФ, которые можно использовать для предотвращения посткриминального воздействия, следует обратить внимание на такое *общее правило* производства следственных действий, как недопустимость создания опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц (ч. 4 ст. 164 УПК РФ) и на ч. 3 ст. 170 УПК РФ, согласно которой *в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия, предусмотренные в ч. 1 ст. 170 УПК (осмотр, следственный эксперимент, обыск и др.), могут производиться без участия понятых*. Очевидно, что причиной появления данной новеллы послужило стремление законодателя защитить понятых от опасностей, не

подозреваемым и обвиняемым, могут содержаться также в протоколах следственных экспериментов, проверок их показаний на месте, и эти протоколы, как и протоколы допросов, предъявляются лицам, обладающим правом на ознакомление с уголовным делом в порядке ст.ст. 216 и 217 УПК РФ.

⁸⁰⁰ Это меры защиты, предусмотренные ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193 и п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

⁸⁰¹ Допущена лишь юридико-техническая погрешность — ссылка в ст. 317⁹ УПК на меру безопасности, предусмотренную п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК, но такая ссылка не нужна, поскольку эта мера безопасности указана наряду с другими мерами в ч. 3 ст. 11 УПК.

обусловленных посткриминальным воздействием. Тем не менее содержание новеллы таково, что применение ч. 3 ст. 170 УПК РФ правомерно и при угрозе посткриминального воздействия, о вероятности которого в ходе следственных действий говорят следующие факты: при проведении следственного эксперимента лица, противодействовавшие следствию, установили на участке дороги, где проводились экспериментальные заезды автомобиля, шипы, из-за чего автомобиль съехал с дороги и врезался в дерево. Следствием этого стали телесные повреждения водителя, а также повреждения автомобиля, повлекшие невозможность его использования для установления обстоятельств происшествия. В другом случае перед проведением следственного эксперимента неизвестные ослабили крепежные болты деревообрабатывающего станка, в результате чего в ходе эксперимента произошла авария и пострадали участвовавшие в эксперименте лица⁸⁰². Особое значение рассматриваемая мера безопасности имеет в «горячих точках», где нередко следственные группы, выезжающие для осмотра места происшествия и производства иных следственных действий, подвергаются обстрелам со стороны незаконных вооруженных формирований и отдельных лиц, враждебно настроенных по отношению к правоохранительным органам⁸⁰³.

Следующая мера безопасности связана с установленным в ч. 1 ст. 281 УПК РФ запретом (в качестве общего правила) на оглашение без согласия сторон показаний потерпевшего и свидетеля при их неявке в суд. В то же время среди причин неявок далеко не последнее место занимает боязнь подсудимого и его окружения. 4 июля 2003 г. в ст. 281 УПК РФ внесены изменения, согласно которым в случаях, указанных в ч. 2 данной статьи, показания отсутствующего потерпевшего, свидетеля могут оглашаться и без согласия сторон, однако это не предусмотрено в целях безопасности указанных лиц. Поэтому, как и до 4 июля 2003 г., может возникать проблема: вследствие страха перед подсудимым (но не вследствие тяжелой болезни, вызванной пережитым преступным посягательством и препятствующей явке в суд⁸⁰⁴) потерпевший в судебное заседание не явился, а огласить его показания суд не вправе.

Учитывая, что еще до направления уголовного дела в суд можно прогнозировать, кто из участников судебного разбирательства подвергнется

⁸⁰² См.: *Войников В. В.* Указ. соч. С. 109, 118.

⁸⁰³ См. об этом: *Коконев С. И.* Герои среди нас // *Ведомости Главной военной прокуратуры.* 2003. № 1. С. 45; *Пантелеева Н.* Необъявленная война // *По ту сторону свободы: Очерки истории исполнительной системы Курганской области.* Курган, 2003. С. 45.

⁸⁰⁴ Эта ситуация рассмотрена в следующем параграфе.

посткриминальному воздействию, рекомендуется проведение с ними помимо допросов, также и следственных экспериментов, проверок показаний на месте, сопровождаемых видеозаписью, — для *последующего оглашения в суде протоколов этих следственных действий и демонстрации видеозаписи, поскольку они содержат те же сведения, что и протоколы допросов*. Это возможно, поскольку, в отличие от оглашения показаний, то есть сведений, которые, согласно ст.ст. 78 и 79 УПК РФ, сообщены потерпевшими и свидетелями на допросе, оглашение *протоколов следственных действий* по общему правилу (в соответствии со ст. 285 УПК РФ) допускается без согласия сторон.

Предлагаемая мера безопасности находится в русле рекомендаций международного сообщества. В частности, в п. 27 Приложения к *Рекомендации Совета Европы № R (97) 13 «По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты»* говорится: «Если возможно, показания, даваемые на досудебной стадии, следует записывать на видео с тем, чтобы избежать очного контакта свидетеля с обвиняемым и излишних повторных допросов, могущих травмировать свидетеля. Во время судебного разбирательства аудио-, видеоматериалы могут быть использованы для того, чтобы компетентные органы могли заслушать заинтересованные стороны без их присутствия»⁸⁰⁵. В то же время при применении рассматриваемой меры безопасности следует учитывать позицию ЕСПЧ о неотъемлемости права подсудимого задавать вопросы тем, кто свидетельствует против него⁸⁰⁶, однако в решениях ЕСПЧ речь не идет о праве подсудимого задавать вопросы *непосредственно* допрашиваемому, вопросы подсудимого могут передаваться допрашиваемому судьей: в решении по *делу С.Н. (S.N.) против Швеции* (2002 г.) ЕСПЧ отметил: «Нельзя считать, что подпункт «d» пункта 3 Статьи 6 Конвенции требует во всех случаях, чтобы вопросы (потерпевшему. — *Примеч. авт.*) задавались *непосредственно* обвиняемым или его адвокатом»⁸⁰⁷.

Для обеспечения безопасности участников уголовного процесса можно рекомендовать также при установлении лиц, владеющих важной доказательственной информацией, и, в то же время, при наличии иных

⁸⁰⁵ Цит. по: Рекомендация № R (97) 13 «По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты» Комитета министров государств-членов Совета Европы // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 41.

⁸⁰⁶ См., в частности: решение ЕСПЧ в деле *Кракси (Craxi) против Италии* (2002 г.) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 5. С. 25–27.

⁸⁰⁷ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 1. С. 34.

доказательств, *достаточных* для составления обвинительного заключения, не допрашивать этих лиц в ходе предварительного расследования, в стадии же судебного разбирательства государственным обвинителям принимать меры к их явке в суд и заявлять ходатайства об их допросе, в том числе в условиях, предусмотренных ч. 5 ст. 278 УПК РФ (согласно ч. 4 ст. 271 УПК РФ ходатайство о допросе в качестве свидетелей лиц, явившихся в суд по инициативе сторон, подлежит удовлетворению⁸⁰⁸).

Заслуживают внимания и зарубежные рекомендации по обеспечению безопасности лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами:

— передавать минимум информации о свидетелях при радиопереговорах, в любом случае не сообщая их имена и адреса;

— воздерживаться от посещения мест проживания свидетелей сразу после совершения преступления, если это не вызывается настоятельной необходимостью; посещать свидетелей в гражданской одежде;

— предпринимать сплошной обход жилого сектора с тем, чтобы избежать прямого указания на место проживания свидетеля, сотрудничающего с правоохранительными органами;

— для того, чтобы «сбить со следа» тех, кто может оказывать посткриминальное воздействие, допрашивать сотрудничающих со следствием свидетелей вновь среди других лиц, которые не обладают доказательственной информацией либо отказываются от сотрудничества с правоохранительными органами⁸⁰⁹.

Изложенные в параграфе меры безопасности могут сочетаться с *оперативно-розыскными мероприятиями*, поскольку в соответствии с п. 6 ст. 14 Закона об ОРД осуществляющие эту деятельность органы обязаны содействовать обеспечению безопасности и сохранности имущества участников уголовного судопроизводства и их близких. Следователи же на основании п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ вправе давать органам дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ. Если же участниками следственных действий являются лица, содержащиеся в исправительных учреждениях, к ним дополнительно могут

⁸⁰⁸ Данная мера уже нашла применение в России (см.: Справка прокуратуры Свердловской области «О применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного процесса» от 15 декабря 2003 г. исх № 15/2–12–03; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ).

⁸⁰⁹ См.: Грэхем П. Меры, обеспечивающие защиту участников уголовного судопроизводства (защита потерпевших, лиц, содействующих правосудию, свидетелей, прокуроров и судей). Программы защиты свидетелей и органы, их осуществляющие — опыт Великобритании // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 159; Келли К.М. Указ. соч. С. 239, 241.

применяться меры безопасности, предусмотренные Уголовно-исполнительным кодексом РФ⁸¹⁰.

Следует также учитывать, что применение уголовно-процессуальных и иных мер безопасности может влечь *активизацию* посткриминального воздействия, в частности поиск преступниками защищаемого лица, высказывание в его адрес более откровенных угроз и совершение иных деяний, делающих посткриминальное воздействие менее завуалированным, переход к формам воздействия, запрещенным УК РФ. Все это способствует установлению *оснований* для возбуждения уголовного дела в отношении лиц, осуществляющих воздействие, по признакам преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ, то есть для уголовного преследования этих лиц.

Содержание рассмотренных в параграфе уголовно-процессуальных мер безопасности не противоречит общим условиям производства в судебных стадиях, они признаны допустимыми ЕСПЧ и Европейской комиссией по правам человека⁸¹¹, вследствие чего не существует каких-либо препятствий доктринального характера для использования рассмотренных мер безопасности в отечественном уголовном процессе.

§ 4. Меры безопасности в ходе судебного производства

Законодательное установление мер безопасности в ходе судебного производства должно осуществляться с учетом его *общих условий*, предусмотренных УПК РФ. Тем не менее, при решении законодателем вопроса о допустимости конкретных мер безопасности определяющее значение, исходя из признаваемого Россией *примата международного права*, имеют нормы Европейской конвенции, приведенные ниже прецеденты ЕСПЧ и документы международного сообщества, указанные в

⁸¹⁰ Подробно эти меры безопасности рассмотрены в § 6 настоящей главы.

⁸¹¹ Упразднение Комиссии в 1998 г. не умаляет значения созданных ею прецедентов. Как отметил Л. Вильдхабер (Председатель ЕСПЧ в 1998–2006 гг.), «слияние Комиссии и Суда в новый постоянно работающий Суд направлено на создание более быстрой, эффективной и действенной системы европейской защиты прав человека. Однако инновации происходят на процессуальном уровне. На уровне сути решений существующая практика и доктрина прецедента должны соблюдаться, если для отхода от них нет непреодолимых, серьезных и объективных причин. Именно этого ждут как государства-участники Конвенции, так и заявители, и это наиболее полным образом соответствует требованиям правовой стабильности и предсказуемости, верховенства права и эффективной защиты прав человека» (Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском Суде по правам человека // Европейский судебный вестник (пробный номер журнала). М., 2001. С. 12).

§ 1 главы II. Именно на международно-правовых нормах основаны выводы автора о допустимости в российском уголовном процессе мер безопасности, рассмотренных в настоящем параграфе.

Меры защиты от посткриминального воздействия необходимы еще до открытия судебного заседания, поскольку до его начала участники процесса находятся в одном помещении, что приводит к конфликтам между родственниками, друзьями подсудимого и лицами, изобличающими его в преступлении. За рубежом эта проблема решается с помощью *безопасных комнат ожидания для потерпевших и свидетелей обвинения*⁸¹². Наряду с оборудованием таких комнат следует использовать опыт США, где человек может ожидать вызов на допрос не в здании суда, а по месту жительства или на работе в готовности прибыть в суд в течение определенного времени с момента вызова по телефону, и, при необходимости, обеспечивается транспортом и охраной⁸¹³. В России проверка явки свидетеля в порядке ст. 262 УПК РФ в этом случае заключается в проверке по телефону его нахождения в определенном месте и готовности явиться в суд.

В рамках же собственно судебного заседания предложено *оборудовать зал суда так, чтобы потерпевшие и свидетели были «отгорожены» от подсудимого и присутствующих в зале граждан, но «открыты» для суда, прокурора и защитника подсудимого*⁸¹⁴. Данная мера безопасности нашла применение в российских и украинских судах⁸¹⁵ — для ограничения круга тех, кому защищаемый становится известен *визуально*.

Этой же цели служит *запрет председательствующим фотографирования, видеозаписи и (или) киносъемки в судебном заседании*, если указанные способы фиксации хода судебного процесса вызывают боязнь граждан давать показания, исполнять другие уголовно-процессуальные обязанности перед объективами фото-, видео- и кинотехники. В ч. 3 ст. 101 УПК Казахстана такой запрет непосредственно указан в качестве меры безопасности; в США сложилась практика запрета доступа в зал суда не только с фотоаппаратами, но и с мобильными телефонами, имеющими встроенную цифровую камеру: телефоны отбираются на входе в зал судебного заседания и возвращаются по его окончании⁸¹⁶. Часть 1 ст. 71 УПК Швейцарии прямо запрещает фотосъемку и звукозапись судебных действий как в здании суда, так и за его пределами.

⁸¹² См.: Brocker L. Op. cit. S. 421–422; Ривз Х. Указ. соч. С. 46–48; Келли К.М. Указ. соч. С. 238.

⁸¹³ См.: Квашиц В.Е. Основы виктимологии. М., 1999. С. 112.

⁸¹⁴ См.: Комиссаров В. Указ. соч. С. 50–51.

⁸¹⁵ См.: Хайруллин Ф.А. Указ. соч. С. 118; Бояров В.И. Указ. соч. С. 132.

⁸¹⁶ См.: http://trubka.ru/cellular/news.php?id_news=219

В России рассматриваемая мера безопасности может применяться на основании ч. 5 ст. 241 УПК РФ. Указанный запрет согласуется с рекомендацией Совета Европы о том, что «ведение средствами массовой информации прямых трансляций из залов судебных заседаний и съемка ими таких заседаний должны быть запрещены, кроме случаев, когда это прямо разрешено законом или компетентными судебными органами. Подобные трансляции и съемки могут разрешаться только в тех случаях, когда они не представляют серьезной опасности с точки зрения оказания влияния на потерпевших, свидетелей, стороны уголовных разбирательств...»⁸¹⁷

Далее, еще в соответствии со ст. 12 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», в качестве меры безопасности было предусмотрено *закрытое судебное разбирательство*, то есть отечественный законодатель допустил исключение из общих условий судебного разбирательства для случаев, когда гласность сопряжена с угрозой безопасности лиц, содействующих правосудию, и, следовательно, представляет угрозу собственно правосудию. Данная мера безопасности российскими юристами предлагалась уже с середины 80-х гг. прошлого века⁸¹⁸.

На актуальность защиты граждан в залах судебных заседаний обращалось внимание представителями судебной власти⁸¹⁹ и прокуратуры⁸²⁰, как на региональном⁸²¹, так и на общегосударственном уровне: в 2000 г. на пленарном заседании Совета судей РФ по подготовке V Всероссийского съезда судей России было принято Постановление «Об обеспечении безопасности судей, охраны зданий (помещений)». В постановлении кон-

⁸¹⁷ Рекомендация № R (2003) 13 «О предоставлении через СМИ информации относительно уголовных процессов» (http://www.medialaw.ru/laws/other_laws/european/rec2003-13.html). Защита от посткриминального воздействия может способствовать и удаление из зала суда нарушителей порядка, но следует учитывать, что такое удаление — санкция, то есть реакция на уже высказанную угрозу и иные формы посткриминального воздействия, а не мера его предупреждения. В то же время если ранее, в соответствии со ст. 263 УПК РСФСР, удаление подсудимого было возможно лишь после повторного нарушения порядка судебного заседания, то ст. 258 УПК РФ допускает удаление при первом же нарушении.

⁸¹⁸ См., в частности: *Подольная М.* Доказывание по делам о преступлениях организованной группы // Сов. юстиция. 1990. № 2. С. 23–24; *Ворожцов С.* Обеспечение процессуальной безопасности потерпевшего и свидетеля // Росс. юстиция. 1996. № 11. С. 25; *Леви А.А.* К вопросу об обязанностях и правах свидетеля в уголовном процессе // Правоведение. Известия вузов. 2000. № 1. С. 157.

⁸¹⁹ См.: *Лебедев В.* От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Росс. юстиция. 2000. № 3. С. 3.

⁸²⁰ См.: *Маевский В.* Допустимость доказательств, полученных органами дознания до возбуждения дела // Росс. юстиция. 2000. № 6. С. 37.

⁸²¹ См.: Постановление Конференции судей г. Санкт-Петербурга от 19 ноября 1999 г. // Росс. юстиция. 1999. № 2. С. 2.

статировалась устойчивая тенденция роста угроз совершения терактов в зданиях судов, содержалось решение о подготовке раздела «Безопасность судов Российской Федерации» для включения в Федеральную целевую программу по усилению борьбы с преступностью на 2001–2003 гг.⁸²², но проблема безопасности судебных заседаний не решена и по сей день: на VI (2004 г.) и VII (2008 г.) всероссийских съездах судей на эту проблему вновь обращалось внимание⁸²³.

Данная проблема существует и за рубежом, поэтому в Германии применяются проверка документов и обыск всех лиц, допускаемых в зал суда⁸²⁴. Во Франции и Германии же судебное разбирательство возможно не в здании суда, а в более безопасном месте⁸²⁵; необходимость создания «специальных центров», в которых судьи и свидетели смогут находиться в безопасных условиях круглосуточно в течение всего периода судебного процесса, в 2009 г. признана Минюстом России⁸²⁶. Далее, в Дании, Германии, Италии и США (штат Сев. Каролина) решением суда отдельным лицам может быть запрещен доступ в судебное заседание; в Германии, Франции и США (штат Калифорния) допускается допрос отдельных свидетелей в отсутствие публики и при открытом (в целом) судебном разбирательстве⁸²⁷.

Ранее автором уже было высказано мнение о необходимости предусмотреть в России эти действия в качестве самостоятельных мер безопасности в рамках открытого процесса, а проверку документов

⁸²² См.: Началась подготовка к съезду судей // Росс. юстиция. 2000. № 7. С. 2–4. См. также: Постановление V Всероссийского съезда судей «О судебных приставах по обеспечению установленного порядка деятельности судов» // Росс. юстиция. 2001. № 2. С. 6.

⁸²³ См.: Доклад Председателя Совета судей Российской Федерации. Материалы VI Всероссийского съезда судей // Росс. юстиция. 2005. № 1–2. С. 11; п. 3.2. Постановления VII Всероссийского съезда судей от 4 декабря 2008 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» // Росс. юстиция. 2009. № 1. С. 50.

⁸²⁴ См.: Шредер Ф. Гласность в западногерманском уголовном судопроизводстве // Материалы IV советско-западногерманского симпозиума по проблемам криминологии, уголовного права и процесса. Киев., 1990. С. 70.

⁸²⁵ См.: Kertesz I. Op. cit. 195. old.; Меньших А.А. Указ. соч. С. 94.

⁸²⁶ См.: Кузьмин В. Мой суд — моя крепость // Российская газета. 2009. 29 июля.

⁸²⁷ См.: Хьертенберг Дж. Указ. соч. С. 166; Предупреждение неправомерных действий, связанных с угрозами свидетелям по делам об организованной преступности и незаконному обороту наркотиков (доклад Министерства юстиции США, ноябрь 1996 г.) // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 284; Нем К. Правовое положение потерпевшего в рамках судебного процесса // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 4. С. 192; Судебные системы западных государств. М., 1991. С. 140.

и обыск — и при проведении закрытого судебного разбирательства в отношении лиц, вызываемых в зал суда⁸²⁸.

- *Допрос в отсутствие публики отдельных лиц* в России стал возможным в соответствии с ч. 3 ст. 241 УПК РФ, где установлено, что решение суда о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании может быть вынесено «в отношении всего судебного разбирательства либо соответствующей его части» (под «соответствующей частью» судебного разбирательства следует понимать не только, например, судебное следствие в целом, но и допрос отдельного участника процесса).
- *Проверка документов, личный досмотр и досмотр вещей граждан, находящихся в судебных помещениях*, — возможны в российском уголовном процессе с 2007 г.: данными мерами безопасности дополнен п. 2 ст. 11 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах»⁸²⁹ (в рамках российского конституционного судопроизводства эти меры применяются уже более 10 лет⁸³⁰). Согласно п. 2 ст. 11 Федерального закона «О судебных приставах» *досмотр* проводится «при наличии достаточных оснований полагать», что граждане имеют при себе оружие и ряд других предметов (средств) и веществ. Представляется, что досмотр должен проводиться при наличии достаточных оснований полагать не только о том, что граждане *имеют* вышеперечисленные предметы и вещества, но и *могут иметь* их. В отличие от досмотра, основанием *проверки документов* граждан является одно лишь их желание войти в здание суда.

Возвращаясь к закрытому судебному разбирательству, стоит отметить, что в качестве меры безопасности оно широко применяется за рубежом (в Италии, Германии, Белоруссии, Болгарии, Казахстане, Эстонии, Франции, Украине⁸³¹ и в других странах). В таком качестве оно предусмотрено

⁸²⁸ См.: *Брусницын Л.В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001. С. 182.

⁸²⁹ Указанная новелла предусмотрена Федеральным законом от 3 марта 2007 г. № 29-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О судебных приставах».

⁸³⁰ В соответствии с ч. 2 ст. 54 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2001. № 7. Ст. 607; 2001. № 51. Ст. 4824).

⁸³¹ См.: Процессуальная защита свидетелей обвинения в ФРГ // *Борьба с преступностью за рубежом*. М., 1991. № 11. С. 42–43; *Сукало В.О.* Правосудие и проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией в Республике Беларусь // *Прокурорская и следственная практика*. 2001. № 1/2. С. 42; *Беленски Р.* Указ. соч. С. 63; Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики (с изменениями и дополнениями на 1 августа 1998 г.) // *Правовые акты Эстонии*. Таллин, 1998. № 65–67. Ст. 1385; *Прадэль Ж.* Защита

и в п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, что соответствует ст. 14 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 1 ст. 6 Европейской конвенции, где сказано: «Печать и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части... когда гласность нарушала бы интересы правосудия». Под нарушением же интересов правосудия понимается в том числе посткриминальное воздействие; именно «в интересах правосудия» Европейской комиссией признано допустимым закрытое слушание «для защиты испытывающих большой страх свидетелей»⁸³².

УПК РСФСР не предусматривал закрытое судебное разбирательство для безопасности его участников, тем не менее еще в 1997 г. Президиум Верховного Суда РФ со ссылкой на ст. 14 (1) Международного пакта подтвердил допустимость этого⁸³³. Очевидно, именно данное решение обусловило указание в ряде отечественных источников последующих лет на возможность закрытых процессов для предупреждения посткриминального воздействия⁸³⁴, и такие процессы проводились⁸³⁵.

Согласно ч. 2¹ ст. 241 УПК РФ в решении суда о проведении закрытого разбирательства должны быть указаны *конкретные, фактические* обстоятельства, на основании которых суд принял такое решение. Поэтому, если угроза посткриминального воздействия возникла уже в ходе досудебного производства, целесообразно указать на это обстоятельство в сопроводительном письме к уголовному делу при его направлении в суд (со ссылками на листы дела, если соответствующие фактические обстоятельства нашли в нем отражение). О применении закрытого судебного заседания, в отличие, например, от такой меры безопасности, как использование псевдонима, могут ходатайствовать все участники уголовного судопроизводства. Решение о рассмотрении

свидетелей от давления. Аспекты французского уголовного права // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 220; ст. 20 УПК Украины.

⁸³² См.: Толкования международных норм справедливого судебного разбирательства Европейской комиссией и Судом по правам человека. Добавление к третьему докладу Комиссии по правам человека ЭКОСОС «Право на справедливое судебное разбирательство: признание в современных условиях и меры по его укреплению» // Док. E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1. 15 may. 1992. P. 48.

⁸³³ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 2. С. 10.

⁸³⁴ См.: Пономаренков В.А., Николайченко В.В., Громов Н.А. Процессуальная форма доказания // Следователь. 1998. № 9. С. 32; Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.С. Кобликова. М., 1999. С. 30.

⁸³⁵ См.: Лебедев В. Судейская беспристрастность и социальный контроль за судом // Рос. юстиция. 2001. № 7. С. 4.

уголовного дела в закрытом судебном заседании принимается судьей без проведения предварительного слушания, то есть в порядке, предусмотренном ст. 231 УПК РФ.

Поскольку защита от посткриминального воздействия не может быть обеспечена лишь посредством закрытого судебного разбирательства, его могут дополнять:

- *Отобрание подписки от участников закрытого судебного разбирательства и иных лиц (например, конвоя) о неразглашении данных, ставших им известными в ходе уголовного судопроизводства, и об участии в судебном разбирательстве.* Нормативное закрепление предлагаемой меры должно сопровождаться установлением юридической, в том числе уголовной ответственности за разглашение таких данных. В Германии, например, согласно § 353(d) УК «публичное сообщение» о закрытом судебном разбирательстве либо «о содержании служебного документа, относящегося к делу» в таком разбирательстве, а также разглашение сведений, «если они стали ему (лицу, допустившему разглашение. — Примеч. авт.) известны в ходе закрытого судебного разбирательства или из служебного документа, относящегося к делу», наказываются лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом⁸³⁶.
- *Удаление из зала закрытого судебного разбирательства свидетелей непосредственно после их допросов, если в их дальнейшем присутствии нет необходимости;*
- *Публичное оглашение лишь вводной и резолютивной части приговора.* В этом случае не оглашаются содержащиеся в его мотивировочной части показания свидетелей обвинения, то есть и сведения о последних.

Подобные меры применяются за рубежом. Так, в США в присутствии сторон провозглашается лишь решение о назначенном наказании, а «предприговорный доклад» (presentence report), содержащий результаты расследования, на основании которых и принимается решение о наказании, заинтересованным лицам доводится лишь с согласия судьи, и такое согласие «дается весьма неохотно и далеко не всегда. Чаще всего отказ получают защитники и осужденные, что объясняется стремлением судей оберегать от разглашения конфиденциальные источники информации и препятствовать возникновению на этой почве возможных осложнений (провоцирование мести или ссоры, отказ тех, кто помогает правосудию, сотрудничать в будущем и т.д.)»⁸³⁷. Согласно ст. 84 УПК Швейцарии суд при оглашении приговора лишь «кратко обосновывает его» В соответс-

⁸³⁶ См.: Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996.

⁸³⁷ Гущенко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 268.

твии с § 268 УПК Германии оглашается резолютивная часть приговора, а «основные моменты» его мотивировочной части объясняются⁸³⁸. УПК Эстонии предусматривает, что приговор не провозглашается публично, если это противоречит интересам потерпевшего (ч. 5 ст. 17). В Финляндии приговор по общему правилу не оглашается, сторонам он может сообщаться, в частности, посредством факсимильной связи⁸³⁹.

Данные положения согласуются с позицией ЕСПЧ, не считающего оглашение приговора обязательным: в деле *Претто (Pretto) и другие против Италии* (1983 г.) им установлено, что решение итальянским судом «не было вынесено публично, а лишь занесено в реестр суда вместе с письменным уведомлением сторон о постановляющей части решения». При этом ЕСПЧ отметил, что многие государства — члены Совета Европы «имеют укоренившуюся традицию прибегать к другим средствам, помимо чтения вслух, для обнародования решений» судов, такие, как «внесение приговора в реестр суда, доступный для публики. Хотя редакция данного положения (имеется в виду п. 1 ст. 6, в котором указано: «судебное решение объявляется публично». — *Примеч. авт.*) может навести на мысль о необходимости чтения вслух, ЕСПЧ не считал обязательным принимать буквальное толкование положения о публичном вынесении приговора»⁸⁴⁰. Данное решение — один из примеров *телеологического*, или, по выражению М. Де Сальвиа, *эволюционного*⁸⁴¹, толкования ЕСПЧ конвенциональных положений⁸⁴², в данном случае — п. 1 ст. 6 Европейской конвенции, который, как отмечено в решении по указанному делу, «казалось бы, предполагает, что требуется зачитать решение вслух. Даже различия французского текста («*gendu*» объявлено) и английского («*pronounced*» — произнесено) не меняют этого впечатления»⁸⁴³.

В деле *Аксена* и в деле *Саттера* заявители обжаловали то, что приговоры были вручены сторонам, но не оглашены. ЕСПЧ также сделал

⁸³⁸ См.: *Бойльке В.* Указ. соч. С. 288.

⁸³⁹ Из информации об осуждении гражданки России Р. Салонен судом города Тампере, распространенной по каналам российского телевидения 13 октября 2009 г.

⁸⁴⁰ Док. Е/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1. 15 may. 1992. P. 57–58.

⁸⁴¹ *Де Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. С. 47, 49; *Он же:* Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004. С. 68–69.

⁸⁴² О *телеологическом (эволюционном)* толковании норм Европейской конвенции см. в § 1 главы II.

⁸⁴³ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 432.

вывод об отсутствии в этих действиях нарушений п. 1 ст. 6 Европейской конвенции⁸⁴⁴. Аналогичное по сути решение ЕСПЧ принял в деле *Зуттер против Швейцарии*⁸⁴⁵. Более того, из решения ЕСПЧ в деле *Z. против Финляндии* следует, что при оглашении только резолютивной части приговора и эта часть «может быть скорректирована таким образом, чтобы граждане, чья личная или семейная жизнь должна оставаться тайной, не были идентифицированы»⁸⁴⁶.

В России оглашение только вводной и резолютивной частей приговора, если исходить из содержания ч. 7 ст. 241 УПК РФ, возможно только в том случае, если уголовное дело рассмотрено в закрытом судебном заседании.

- *Допрос защищаемого лица при нахождении его вне зала судебного заседания с использованием видеотехнических средств* — неоднократно рекомендовался международным сообществом, в том числе Советом Европы⁸⁴⁷, и применяется в Австрии, США, Великобритании, Франции, Финляндии, Бельгии, Нидерландах⁸⁴⁸, Украины⁸⁴⁹, Эстонии⁸⁵⁰, Латвии, Молдавии, Белоруссии и в других странах.

При применении рассматриваемой меры безопасности в Италии рядом с защищаемым находится назначаемое судьей должностное лицо, которое удостоверяет личность допрашиваемого и принимает меры «для обеспечения достоверности допроса» (ст. 147bis итальянского УПК)⁸⁵¹.

⁸⁴⁴ Док. E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1. 15 мая. 1992. P. 58.

⁸⁴⁵ См.: Комментарий к статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // http://creditors.chat.ru/EC_article6_comm.html — С. 19.

⁸⁴⁶ Там же. С. 20.

⁸⁴⁷ См.: п. 17 Приложения к Рекомендации Совета Европы № (2005) 9 *О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием*.

⁸⁴⁸ См., в частности: Использование в Великобритании видеопознаний потерпевших при расследовании дел о преступлениях против детей // *Борьба с преступностью за рубежом*. М., 1995. № 12. С. 4–5; Правовые основы защиты свидетелей в Австрии // *Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства...* С. 251.

⁸⁴⁹ См.: *Смирнов М.И.* Дистанционное проведение допроса: перспективы развития // *Правова держава очима молодих дослідників: Матеріали 4-ї звітної щорічної студентської конференції*. Одеса, 2001. С. 181–189.

⁸⁵⁰ См.: *Тетерин И.* Зал для мафии // *Росс. газета*. 1997. 4 нояб.; *Сильнов М.А.* Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 126.

⁸⁵¹ См.: Отдельные положения итальянского законодательства в отношении лиц, сотрудничающих с законом // *Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства...* С. 307.

Данная мера применяется и для защиты подсудимых⁸⁵², причем по делам об организованной преступности в соответствии со ст. 190bis УПК Италии видеозапись показаний защищаемого, сделанная в ходе «одного суда», может применяться «на последующих заседаниях» (в других «судебных инстанциях»), а сам защищаемый освобождается от «повторения» в этих инстанциях данных ранее показаний⁸⁵³.

Специальные органы международного сообщества не раз обращали внимание на необходимость использования видеотехнологий для безопасности несовершеннолетних участников уголовного процесса⁸⁵⁴. Один из последних документов — упоминавшиеся в главе I *Руководящие принципы, касающиеся правосудия для детей-жертв и свидетелей преступлений*, принятые 21 июля 2004 г. ЭКОСОС ООН. К таким принципам отнесены, в частности: применение специальных процедур получения показаний детей (лиц младше 18 лет), в том числе использование в судах видеозаписей их показаний, допросы детей в ходе судебного разбирательства без присутствия обвиняемого (подпункты «а» и «b» п. 32).

В странах, где видеоаппаратура является стандартным оснащением судов, например в США, использование видеотехнологий стало нормой. Уже к 1992 г. в судах 32 штатов использовались «замкнутые телесети» при допросах несовершеннолетних — жертв сексуального насилия. В Мэриленде, например, такая процедура заключается в следующем: ребенок дает показания вне зала суда, если судья установит, что «дача показаний ребенком в зале суда нанесет серьезный ущерб эмоциональному состоянию ребенка, выражающийся в его неспособности разумно излагать свои мысли». Право допрашивать ребенка имеют обвинитель, судья и защитник подсудимого (но не сам подсудимый). В помещении, где ребенок дает показания, могут находиться: обвинитель, защитник подсудимого, операторы телевизионного оборудования, а также — при отсутствии возражений подсудимого — «любое лицо, чье присутствие, по мнению суда, способствует нормальному состоянию ребенка, включая человека, проводившего терапию ребенка по случаю насилия»; во время трансляции

⁸⁵² В соответствии с Законом от 8 июня 1992 г. № 306 «О внесении срочных изменений в новый уголовно-процессуальный кодекс и мерах по борьбе с мафиозной преступностью» (см.: Законодательство Италии о борьбе с организованной преступностью // Законность. 1993. № 11. С. 34–38).

⁸⁵³ См.: *Chiavario M. Aperçus sur la procédure d' audience en Italie entre réforme et «post-réforme»* // *Revue de science criminelle et de droit pénal compare*. Paris. 1994. № 2. P. 212–213; *Борьба с мафией в Италии // Борьба с преступностью за рубежом*. 2000. № 5. С. 16.

⁸⁵⁴ См., в частности: п. 28 *Пояснительной записки к Рекомендации № R (2000) 11 О борьбе с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации*, принятой Советом Европы 19 мая 2000 г.

показаний допрашиваемого судья и подсудимый находятся в зале судебного заседания и имеют возможность общаться с лицами, находящимися в комнате, где ребенок дает показания, посредством телесвязи⁸⁵⁵.

В Айове принят закон, позволяющий детям давать показания по делам о сексуальном насилии, находясь за ширмой⁸⁵⁶. В Техасе при применении метода «телевидения замкнутого цикла» (closed circuit television (CCTV)) в отдельное помещение направляются прокурор, защитник и ребенок; суд и подсудимый остаются в зале судебного заседания. Законодательство Калифорнии и Огайо предусматривает, что ребенок во время дачи показаний должен видеть подсудимого на экране перед собой; Миннесота и Вермонт оставляют решение этого вопроса на усмотрение суда.

Основными факторами, предопределяющими в США возможность применения CCTV, являются возраст свидетеля и вид преступления. В большинстве случаев CCTV применяется в случаях, когда дети являются потерпевшими, реже — свидетелями преступлений, совершенных в отношении третьих лиц. Установленный законами штатов возраст ребенка, до достижения которого может применяться CCTV, варьируется от 10 лет в Калифорнии и Индиане, 12 лет в Оклахоме, Техасе, Вермонте, Юте, 15 лет в Аризоне до 16 лет во Флориде, Миссисипи и Нью-Джерси. Виды преступлений, при расследовании которых допускается применение видеотехнологий, простираются от преступлений лишь на сексуальной почве (Калифорния, Флорида) «через» все насильственные преступления (Джорджия, Луизиана) до любых преступлений, в делах о которых участвуют несовершеннолетние свидетели (Алабама и Айова)⁸⁵⁷.

В США вызвал дискуссию вопрос, что, помимо вышеуказанных условий, должно лежать в основе решения суда о необходимости использования данных мер безопасности. По делу *Мэриленд против Крейг* апелляционный суд этого штата постановил, что мнения эксперта о «возможности нанесения серьезного вреда ребенку... недостаточно для принятия решения о том, что использование телесети необходимо» и потребовал, чтобы «неспособность ребенка давать показания была продемонстрирована в результате попытки допросить его в присутствии подсудимого». Однако Верховный Суд США не признал обязательность такой «строгой де-

⁸⁵⁵ См.: *Thielse L.H.* Beyond Maryland v. Craig: Can and Should Adult Rape Victims Be Permitted to Testify by Closed-Circuit Television? // *Indiana Law Journal*. Bloomington. 1992. Vol. 67. № 3. P. 806–807.

⁸⁵⁶ *Op. cit.* P. 804.

⁸⁵⁷ См.: *Bohlander M.* Der Einsatz von Videotechnologie bei der Vernehmung kindlicher Zeugen im Strafverfahren: Eine rechtsvergleichende Betrachtung der Modelle Englands, der USA und Australien // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. B. 1995. Bd. 107. № 1. S. 97.

монстрации необходимости» и определил «три критерия для выяснения необходимости: (1) суд первой инстанции должен установить, что процедура необходима для защиты данного (конкретного) ребенка; (2) должно быть получено свидетельство, что ребенок испытывает эмоциональную травму именно от дачи показаний в присутствии подсудимого, а не из-за выступления в зале суда; (3) эмоциональная травма должна быть более чем малозначительна. Суд первой инстанции может полагаться на мнение эксперта; подвергать ребенка травме для выяснения, нуждается ли он в защите, не требуется. Верховный Суд отказался детерминировать минимально необходимый уровень эмоционального стресса, поскольку критерий, установленный в законе штата Мэриленд, — «серьезный эмоциональный стресс, не позволяющий ребенку здраво излагать свои мысли», — вполне достаточен, чтобы соответствовать конституционным стандартам. Верховный Суд вернул дело в первоначальную судебную инстанцию, признав ошибочным решение апелляционного суда о том, что на основании одного только заключения эксперта нельзя предвидеть страдания ребенка от эмоционального стресса вследствие дачи показаний в присутствии подсудимого»⁸⁵⁸.

В судах ряда штатов США применяется демонстрация и заранее сделанной видеозаписи показаний. В 1995 г., по данным М. Боландера, по меньшей мере в 14 штатах существовали нормативные акты, допускающие применение видеозаписи (videotaped evidence) при допросах свидетелей в процессе предварительного расследования или же в период предсудебных слушаний («pre-trial deposition»), которые (видеозаписи) заменяют допрос ребенка в суде⁸⁵⁹. В 2002 г. это стало возможным уже в 39 штатах⁸⁶⁰. При применении данной меры безопасности также существуют различные требования: законы многих штатов предусматривают, например, что ребенок при видеозаписи не должен видеть подсудимого (Арканзас, Коннектикут, Канзас и др.), законы некоторых штатов требуют убедиться, что ребенку не будет причинено существенного вреда, если он увидит подсудимого (Миннесота, Юта, Вермонт)⁸⁶¹.

М. Боландером обращается внимание, что «необходимость видеозаписи показаний детей обусловлена тем, что при помощи записи, сделан-

⁸⁵⁸ Thielmeyer L.H. Op. cit. P. 808–809.

⁸⁵⁹ См.: Bohlander M. Op. cit. S. 98–99.

⁸⁶⁰ См.: McGough L.S. Good enough for Government work: the Constitutional duty to preserve forensic interviews of child victims // Law and Contemporary Problems. Durham, 2002. Vol. 665. № 1. P. 181.

⁸⁶¹ См.: Bohlander M. Op. cit. S. 98–99.

ной на возможно раннем этапе предварительного расследования или в специально определенный для этого срок вне рамок судебного разбирательства, удастся избавить ребенка от необходимости рассказывать в суде обо всем произошедшем, будь это даже при помощи метода прямой видеотрансляции. К тому же показания ребенка, данные вскоре после совершения преступления, когда он еще помнит многие детали, намного ценнее, нежели показания, данные им в суде через шесть или девять месяцев»⁸⁶². Указанный автор отметил еще одно обстоятельство: использование видеозаписи показаний приводит к сокращению числа допросов свидетелей не только в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу, но и в рамках других видов судопроизводства, в частности «при рассмотрении дел о родительских правах или опекунстве»⁸⁶³.

К сказанному Л.С. МакГау добавляет и другие аргументы: видеозапись минимизирует необходимость повторных допросов, дает более полное впечатление о сведениях, которыми обладает ребенок, по сравнению с перекрестным допросом, снижает стресс, вызываемый у ребенка процедурой судебного производства, и который (стресс) верно назван «вторичным насилием» над детьми в уголовном процессе, уменьшает количество требований к ребенку рассказать то, что с ним произошло, с учетом того, что с точки зрения ребенка повторный вопрос означает недоверие к его словам, родителей же делает более склонными к даче согласия на допрос ребенка, ускоряет судопроизводство⁸⁶⁴. И еще одно обстоятельство, на которое обращают внимание в США: наличие видеозаписей допросов позволяет дать более точную оценку *всем* показаниям, данным до судебного разбирательства⁸⁶⁵.

В ходе дискуссий в связи с использованием в судах видеозаписи показаний детей рассматривался вопрос о влиянии, производимом видеозаписями на присяжных по сравнению с «традиционными» методами

⁸⁶² Op. cit. S. 99.

⁸⁶³ Op. cit. S. 99.

⁸⁶⁴ *McGough L.S.* Op. cit. P. 182–184.

⁸⁶⁵ Суды США создали немало прецедентов, указывающих на необходимость видеозаписи *всех* показаний несовершеннолетних. Один из них: В деле *Морган (Morgan) против Герца (Gertz)*, штат Колорадо, детектив допросил 7-летнюю девочку, которая, со слов отца, подверглась сексуальным домогательствам отчима. В ходе допроса, записанного на видео, девочка не подтвердила слова отца. После оказания девочке психологической помощи врачами она на повторном допросе подробно описала сексуальные действия отчима. Эти показания, поскольку у детектива не было чистой видеокассеты, он записал, стерев запись первого допроса. Как указал суд, этим были нарушены права обвиняемого — уничтожено доказательство, которое могло говорить о его невинности (см.: *McGough L.S.* Op. cit. P. 206).

судебного разбирательства. Как отмечает М. Боландер, «немногочисленность исследований по этому вопросу не позволяет сделать однозначное заключение. Тем не менее замечена тенденция большей концентрации внимания присяжных во время судебного разбирательства с применением видеозаписей показаний... На фоне укореняющегося общего осознания того, что факт присутствия свидетеля в зале суда существенно не влияет на способность отличать правдивые показания от лжи, научные круги и практики все более приходят к выводу, что использование видеозаписи показаний не имеет существенных недостатков по сравнению с традиционными методами допроса свидетелей»⁸⁶⁶. К таким же выводам пришли и другие исследователи данной проблемы⁸⁶⁷.

Представляется важным, что вывод о допустимости рассматриваемых мер безопасности был сделан Верховным Судом США на основе анализа соответствия этих мер шестой поправке к Конституции Соединенных Штатов, предусматривающей *право обвиняемого на очную ставку в суде со свидетелем обвинения*, и при том, что Верховный Суд указал: «Вероятно, существует мало понятий, по поводу которых Верховный Суд был бы столь же единодушен с остальными судами, как вера в то, что право на очную ставку и перекрестный допрос является неотделимым и фундаментальным условием существования справедливого судебного разбирательства, которое является конституционной целью нашего государства»⁸⁶⁸.

В рамках решения вопроса о допустимости рассматриваемых мер безопасности Верховным Судом США впервые была определена «главная цель» соответствующего пункта шестой поправки к Конституции о праве на очную ставку: «Предотвратить использование против заключенного свидетельств или аффидевита (аффидевит — заявление, подписанное свидетелем и нотариально заверенное. — *Примеч. авт.*), сделанных от имени третьих лиц, вместо личного допроса и перекрестного допроса свидетеля, во время которого заключенный имел бы возможность не только проверить память и подвергнуть испытанию совесть свидетеля. Обвиняемый еще и бросает вызов свидетелю предстать перед присяжными, чтобы они могли увидеть его, оценить, как он ведет себя на месте для дачи показаний во время допроса и стоит ли он того, чтобы ему поверить»⁸⁶⁹. И тем не менее Верховный Суд США установил: «право на очную ставку и перекрестный допрос не является абсолютным. В соот-

⁸⁶⁶ Bohlander M. Op. cit. S. 100.

⁸⁶⁷ McGough L.S. Op. cit. P. 189.

⁸⁶⁸ Цит. по: Thielmeyer L.H. Op. cit. P. 798–799.

⁸⁶⁹ Цит. по: Thielmeyer L.H. Op. cit. P. 799.

ветствующих случаях оно может быть подчинено другим законным интересам, возникающим в ходе уголовного процесса»⁸⁷⁰.

В настоящее время высшая судебная инстанция США «рассматривает пункт о праве на очную ставку в качестве «предпочтения» личной конфронтации, что... предоставляет возможность каждому штату определить, какие интересы перевешивают это «предпочтение». Одним из таких интересов, как показало дело *Крейг*, является защита психики детей — жертв насилия, которые дают показания против предполагаемых насильников»⁸⁷¹ (естественно, рассматриваемые меры служат средством защиты и от посткриминального воздействия). Отмечается, что судебная практика в отдельных штатах основывается на решениях, принятых Верховным Судом США по делу *Мэриленд против Крейга*⁸⁷². В то же время Верховный Суд (в связи с делом *Кой против Айовы*) указал: разрешающий дело суд должен установить, что «конкретный» свидетель нуждается в использовании защитных мер, а не исходить из общей посылки о том, что «дача показаний в присутствии подсудимого может быть травмирующей для ребенка — жертвы сексуального насилия»⁸⁷³.

В последние годы в связи с развитием компьютерных технологий в США стали применяться возможности Интернета: без вызова в суд запрашиваются свидетели, исследуются документы и даже проводятся судебные заседания, участники которых (стороны, свидетели и др.) не находятся в помещении суда, с фиксацией таких действий и принимаемых решений на электронных носителях, которые заменяют обычные письменные документы, отражающие ход судебного разбирательства⁸⁷⁴.

В Великобритании *Законом об уголовном правосудии 1988 г.* предусмотрена установка «замкнутой телевизионной системы» (ССТV), позволяющей ребенку давать показания из соседней с залом суда комнаты, то есть при отсутствии зрительного контакта с обвиняемым. Первоначально данная система была введена в действие в 14 судах Англии и Уэльса и могла быть использована (по усмотрению судьи) для дачи показаний детьми в возрасте до 14 лет при рассмотрении дел о сексуальных и насильственных преступлениях. *Законом об уголовном правосудии 1991 г.* предусмотрено использование ССТV для лиц, не достигших 17 лет и запрашиваемых в делах об изнасиловании.

⁸⁷⁰ Цит. по: *Thiellmeyer L.H.* Op. cit. P. 801.

⁸⁷¹ *Thiellmeyer L.H.* Op. cit. P. 801.

⁸⁷² *Bohlander M.* Op. cit. S. 104.

⁸⁷³ *Thiellmeyer L.H.* Op. cit. P. 805.

⁸⁷⁴ С.м.: *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А.* Указ. соч. С. 272.

По каналам такой телесети изображение транслируется на одну из трех станций, размещенных в зале суда, каждая из которых может получать и передавать изображение и звук. Одна из станций обслуживает судью, другая — сторону обвинения, третья — адвокатов, а телевизионные мониторы установлены таким образом, чтобы видеоизображение ребенка могли видеть присяжные, подсудимый и публика в зале суда. Такая система позволяет суду постоянно видеть и слышать ребенка, в то время как сам ребенок видит и слышит того, кто к нему обращается. Кроме того, судья имеет дополнительную возможность получить изображение, передаваемое видеокамерой, расположенной вверху, для того, чтобы наблюдать за поведением ребенка и находящегося рядом с ним сопровождающего лица и предотвращать возможные подсказки со стороны последнего. Судья и представители сторон по находящимся у них микрофонам могут задавать свидетелю вопросы. Изображение задающего вопрос на экране перед свидетелем появляется с помощью ручной настройки видеоаппаратуры или же за счет применения автоматической «системы активизации голоса» (voice activated systems). Видеоаппаратура в зале суда располагается так, чтобы подсудимый, присяжные и публика не появлялись на экране перед ребенком. Судья вправе воспользоваться и «аварийной кнопкой» (panic button) — с ее помощью он может прервать видеосвязь с ребенком, если тот, например, начнет плакать. В случае, если суд не располагает соответствующей видеоаппаратурой, закон разрешает провести судебное заседание в другом, оснащенном ею месте⁸⁷⁵.

В соответствии с уже упомянутым *Законом об уголовном правосудии 1988 г.* по решению суда CCTV может применяться и для допроса совершеннолетних свидетелей, проживающих за пределами Великобритании⁸⁷⁶ либо опасаящихся расправы со стороны преступников⁸⁷⁷.

В ходе изучения эффективности данной меры безопасности проведено наблюдение за 154 детьми в возрасте от 4 до 13 лет, которые давали показания с использованием видеосвязи в уголовных делах о сексуальном насилии (средний возраст детей составлял 10 лет). Общий вывод об эффективности применения видеосвязи положителен. Независимо от пола и возраста, 40% детей были охарактеризованы как «обладающие уверенностью в себе» во время дачи показаний и лишь 1% как «очень неуверенные». Около 85% детей были отмечены как «достаточно бегло» и «очень бегло»

⁸⁷⁵ Davies G. Children in the Witness Box: Bridging the Credibility Gap // Sydney Law rev. Sydney, 1993. Vol. 15. № 3. P. 286; Bohlander M. Op. cit. S. 90–91.

⁸⁷⁶ См.: Bohlander M. Op. cit. S. 90.

⁸⁷⁷ См.: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Указ. соч. С. 90.

отвечавшие на вопросы во время допроса и перекрестного допроса. При этом внятность речи, традиционно считающаяся проблемой при допросе свидетелей-детей, редко доставляла трудности. Большинство детей (76%) оказались в состоянии давать показания без того, чтобы «разразиться слезами»; «видео-свидетели» были охарактеризованы как более уверенные во время допроса и менее склонные к противоречивым ответам⁸⁷⁸.

У 74% судей и 83% адвокатов, участвовавших в процессах с использованием видеосвязи, сложилось позитивное впечатление об этом новшестве. Видеосвязь внедряется во всех судах Великобритании⁸⁷⁹. На начальном этапе применения CCTV незначительные посторонние шумы вблизи микрофонов нередко приводили к тому, что система активации голоса (voice activated systems) переключала видеокамеры, вследствие чего на экране перед ребенком мелькали разные лица, и это нервировало допрашиваемого (в последующем этот технический недостаток устранен)⁸⁸⁰.

В целом же проведенные исследования привели к следующим выводам:

- психологическая нагрузка на ребенка-свидетеля во время дачи показаний с применением CCTV существенно снижается (в то же время обращено внимание, что использование данного метода не исключает возможность встреч ребенка и подсудимого в коридоре во время перерывов заседания, в связи с чем признано целесообразным сопровождение CCTV такими мерами, как отдельные входы и помещения для ожидания);

- CCTV позволяет изолировать ребенка от незнакомой и угнетающей атмосферы в зале суда;

- дети, которые дают показания посредством телетрансляции (live link), получают гораздо меньший стресс и могут говорить «более концентрированно и бегло»;

- применение CCTV предоставляет возможность давать показания в суде и малолетним⁸⁸¹.

В рамках одного из исследований изучались такие аспекты:

- влияет ли допрос с использованием CCTV на способность присяжных отличать правду от лжи;

- дают ли дети при видеотрансляции такие же детальные показания, как и при непосредственном контакте со «слушателями»;

- какое влияние оказывают различные способы размещения видеокамер на способность присяжных оценивать показания. Было установ-

⁸⁷⁸ См.: *Davies G.* Op. cit. P. 288–289.

⁸⁷⁹ Op. cit. P. 289.

⁸⁸⁰ См.: *Bohlander M.* Op. cit. S. 94.

⁸⁸¹ Op. cit. S. 93.

лено, что вердикт присяжных на 80% основывается на вербальном поведении детей и что применение ССТV «не ведет к радикальным различиям в оценках показаний»; «дистанцирование ребенка-свидетеля от лиц, задающих вопросы, может быть полезно именно в тех областях, где фигурируют неприятные и вызывающие страх факторы... исследование показало, что метод прямой трансляции не создает непреодолимого барьера для эффективной коммуникации между взрослыми и ребенком-свидетелем»⁸⁸². Что касается оптимального размещения видеокамер, то к каким-либо определенным выводам исследования не привели⁸⁸³.

Применение ССТV получило положительную оценку и в исследованиях, предпринятых в США. Сделан, в частности, вывод, что показания детей, дававших показания при помощи видео, были обширнее и точнее по сравнению с показаниями другой группы допрошенных детей. Это касалось как свободного рассказа свидетелей (*free recall*), так и ответов на вопросы. Обращено внимание и на то, что родители, которые принимают решение об участии ребенка в судебном разбирательстве, чаще готовы дать согласие на это, если уверены, что допрос будет произведен с применением ССТV⁸⁸⁴.

Но стоит вернуться к Великобритании. Закон об уголовном правосудии 1991 г. ввел в ее уголовное судопроизводство еще одно новшество: использование предварительно записанных показаний детей вместо их первоначального допроса в суде (что не исключает явку ребенка в суд для перекрестного допроса). Еще ранее, в 1989 г., был опубликован доклад комиссии по изучению применения видеотехнологий в судопроизводстве (комиссия получила название «Комитета Пигот» (*Pigot*) по имени возглавившего ее судьи). Доклад содержал призыв принять законодательные меры, позволяющие полностью исключить появление детей в суде. Согласно докладу это может быть достигнуто путем проведения допроса и перекрестного допроса ребенка в суде в форме предварительно сделанных видеозаписей. В соответствии с предложением указанного Комитета после того, как ребенком сделано заявление о преступлении, он должен быть официально опрошен имеющими специальную подготовку офицером полиции и социальным работником. Полиция предъявляет видеозапись опроса ребенка обвиняемому. Если обвиняемый не признает себя виновным, и возникает необходимость в проведении дальнейших процессуальных действий, видеозапись просматривается судьей, который выносит решение о «весомости видеозаписи как улики».

⁸⁸² Op. cit. S. 94–95.

⁸⁸³ Op. cit. S. 95.

⁸⁸⁴ Op. cit. S. 97–98.

Вслед за этим производится видеозапись слушаний в помещениях, где будут присутствовать судья, обвиняемый, ребенок, а также их официальные представители. Обвиняемый будет иметь возможность наблюдать за слушаниями и отдавать указания своим адвокатам, но будет невидим для ребенка. Для проведения таких слушаний предлагается использовать смежные помещения, разделенные стеклом с зеркальным покрытием. Адвокаты обвиняемого подвергнут ребенка перекрестному допросу по всем пунктам выдвигаемого обвинения. При изменении адвокатами обвиняемого тактики защиты слушания будут возобновлены в идентичных условиях для проведения дополнительного перекрестного допроса. При этом первая видеозапись заменит в суде первоначальный допрос свидетеля, а все последующие видеозаписи заменят перекрестный допрос.

Изложенный план поддержан гуманитарными организациями Великобритании, Ассоциацией адвокатов по уголовным делам и Советом окружных судей. Однако был принят только первый элемент из сделанных предложений: в соответствии с *Законом об уголовном правосудии 1991 г.* разрешается замещать видеозаписью первоначальный допрос свидетеля в суде, но перекрестный допрос ребенка все же требуется проводить непосредственно в суде (обычно посредством видеосвязи)⁸⁸⁵.

Что касается видеозаписи показаний ребенка в досудебном производстве, то процедура ее проведения урегулирована в совместном *Меморандуме (Memorandum of Good Practice)* министерств внутренних дел и здравоохранения Великобритании. Меморандум предусматривает, в частности, проведение допроса в начале, обычно в первые три дня расследования и продолжительностью не более одного часа. Повторный допрос может быть проведен после соответствующей консультации сотрудника полиции (который осуществляет допрос) с *Королевской службой обвинителей (Crown Prosecution Service)* и если имеются основания полагать, что ребенок не сообщил всю информацию, которой обладает⁸⁸⁶ (как показывает практика, на первом допросе дети могут умалчивать о совершенных в отношении них преступлениях⁸⁸⁷). Эти ограничения подверглись критике. Обращается, в частности, внимание, что установленные Меморандумом ограничения затрудняют дачу показаний детьми, «поскольку от них ожидают исчерпывающей информации в течение одного, максимум двух допросов»⁸⁸⁸. Такое

⁸⁸⁵ См.: *Davies G.* Op. cit. P. 289–290.

⁸⁸⁶ См.: *Keenan C., Davis G., Hoyano L., Maitland L.* Interviewing Allegedly Abused Children with a View to Criminal Prosecution // *Criminal Law review*. London. 1999. November P. 864, 869.

⁸⁸⁷ Op. cit. P. 870.

⁸⁸⁸ Op. cit. P. 864–865.

опасение разделяют проводящие допросы сотрудники полиции. Пример тому — отказ в одном из уголовных дел от видеозаписи допроса по той причине, что полицейские «не хотели, чтобы ребенок, ставший жертвой продолжительных развратных действий, был бы вынужден рассказывать обо всем, что произошло, в течение одного допроса... (полицейские. — *Примеч. авт.*) чувствовали, что ребенок мог поведать о таком количестве случаев, что одного часа недостаточно»⁸⁸⁹. В результате исследования правил допроса, установленных Меморандумом, сделан вывод о необходимости их совершенствования, в частности о необходимости разработки правил допросов детей — жертв «длительного» насилия⁸⁹⁰; по выражению авторов исследования, важным его результатом явилось осознание потребности «большей гибкости методов получения показаний детей»⁸⁹¹.

Использование видеосвязи получило широкое распространение и в уголовном судопроизводстве Австралии — при даче показаний детьми, а в некоторых штатах и другими уязвимыми свидетелями (помимо несовершеннолетних к ним относят женщин и престарелых). Квинсленд и Австралийская Столичная Территория внедрили такую практику в 1989 г. В последнем из указанных штатов применение CCTV регулируется специальным *Актом о свидетельстве (о телевидении замкнутого цикла)*⁸⁹² 1991 г. в редакции от 31 августа 1993 г. В этом Акте термин «ребенок» означает лиц моложе 18 лет, причем для применения CCTV не имеет значения то, что свидетель уже после принятия решения о применении CCTV достиг совершеннолетия. Применение CCTV предусмотрено в судах первой и последующих инстанций, и независимо от вида преступления. В отличие от законодательства Великобритании, сам ребенок или его законные представители имеют право подать заявку на применение CCTV. Место, откуда свидетель дает показания, не должно находиться в здании суда. Условием для применения CCTV является собственно техническая возможность организации двусторонней видеосвязи между судом и помещением, где находится допрашиваемый. Наряду с этими условиями закон предусматривает, что решение о применении CCTV может быть принято, если суд уверен, что ребенок при обычном допросе может получить «душевную или эмоциональную травму» или же применение метода прямой телетрансляции облегчит поиск истины. Суд должен учитывать при принятии решения также возраст, уровень развития ребенка

⁸⁸⁹ Op. cit. P. 867.

⁸⁹⁰ Op. cit. P. 872.

⁸⁹¹ Op. cit. P. 873.

⁸⁹² *Evidence (Closed-Circuit Television) Act.*

и обстоятельства, о которых он будет давать показания⁸⁹³. Применение метода CCTV юристами Австралии оценено как «положительная альтернатива традиционному методу ведения допроса»⁸⁹⁴.

За Квинслендом и Австралийской Столичной Территорией последовали Новый Южный Уэльс (в 1990 г.), Виктория (1991 г.) и Западная Австралия (1992 г.), причем законы, принятые в двух последних штатах, предусматривают не только применение видеосвязи, но и иные защитные меры: установку ширм и стекол с зеркальным покрытием в зале суда. Кроме того, предусмотрено, что представители защиты и обвинения не одевают мантии и не встают во время допроса; свидетелю разрешается иметь сопровождающего для психологической поддержки, и последнему разрешается разговаривать непосредственно с ребенком. Некоторые из этих норм действуют и в Новом Южном Уэльсе.

Закон, принятый в Западной Австралии, ввел в практику досудебные слушания, подобные предложенным Комитетом Пиго: судье предоставлено право выбора — принять решение о проведении видеозаписи показаний или провести неформальные досудебные слушания по «схеме Пиго» для избавления ребенка от явки в суд⁸⁹⁵. В Южной Австралии применяется видеозапись показаний (*videotaped evidence*) и, как правило, повторный допрос ребенка-свидетеля в стадии судебного разбирательства не проводится; в Виктории же ребенок, показания которого зафиксированы на видеопленку, подвергается перекрестному допросу во время судебного разбирательства по методу CCTV⁸⁹⁶.

Допрос защищаемого при нахождении его вне зала суда с использованием видеотехники введен в Германии. Впервые допрос несовершеннолетнего свидетеля с использованием видеоаппаратуры в этой стране применен в 1995 г. Земельный суд в г. Майнце решением от 15 мая 1995 г. установил основные его условия:

- допрос производится по методу «*Closes Circuit Television*» («телевидение замкнутого цикла», под которым понимается известный в англо-американской среде метод синхронной трансляции телевизионной картинки из одного помещения в другое, так что ребенок-свидетель дает показания, не переступая порог зала суда, и который (метод) обозначают еще как «*video link*» (видеосвязь) или *live television link* (связь посредством прямой телевизионной трансляции);

⁸⁹³ См.: *Bohlander M.* Op. cit. S. 106–107.

⁸⁹⁴ Op. cit. S. 107–108.

⁸⁹⁵ См.: *Davies G.* Op. cit. P. 290–291.

⁸⁹⁶ См.: *Bohlander M.* Op. cit. S. 108.

- допрос снимается на стационарную видеокамеру и проецируется на экран 4 м² в зале судебного заседания;
- между судебным залом и помещением, где происходит допрос, существует телефонная связь, по которой из зала суда могут передаваться заявления и протесты;
- функции председательствующего, находящегося в помещении с допрашиваемым, принимает на себя другой участвующий в разрешении дела судья, который по телефону передает возможные заявления и протесты⁸⁹⁷.

По окончании судебного разбирательства подсудимые заявили протест, сославшись на то, что описанная процедура противоречит принципу непосредственности в германском уголовном судопроизводстве, и потому их права нарушены. Земельный суд в Майнце протест отклонил, а производство допроса в соответствии с указанными правилами в ФРГ получило название «майнской модели»⁸⁹⁸.

Решение указанного суда вызвало в Германии дискуссию. В вину суду ставилось то, что вышеуказанная процедура противоречит *принципу непосредственности исследования доказательств*. Противники «майнской модели» придерживались мнения, что этот принцип «базируется не только на вербальной коммуникации, в нем заложены более широкие идеи; роль играют не только произносимые слова, но также важно получить личное впечатление от свидетеля. Все нюансы поведения свидетеля во время дачи показаний важны, так, например, плачет ли он, потеет, двигает руками, медлит ли с ответами при затрагивании определенных тем, *бросает ли украдкой взгляды на обвиняемого*. Поскольку эти впечатления при видеотрансляции сводятся к минимуму, а зачастую их вообще невозможно получить, «майнская модель» противоречит § 250 УПК»⁸⁹⁹.

Сторонники же этой модели обращали внимание, что «именно неуверенные и запуганные свидетели часто бывают не в состоянии дать в условиях традиционного процесса детальные показания и даже зачастую склонны к тому, чтобы выйти из данной ситуации, заявляют, что они будто бы ничего не помнят. Между принципами защиты свидетелей и выяснения истины не существует поэтому принципиальных противоречий, в связи с чем ограждение свидетеля от непосредственного контакта с обвиняемым для выяснения правды необходимо... Интерес обвиняемого в непосредственном контакте с допрашиваемым должен отступить

⁸⁹⁷ См.: Brocker L. Op. cit. S. 412–413.

⁸⁹⁸ Op. cit. S. 413.

⁸⁹⁹ Op. cit. S. 414.

перед интересом потерпевшего и свидетеля не подвергаться ненужным душевным нагрузкам. Государство обязано защитить лиц, которых оно использует в качестве свидетелей в уголовном судопроизводстве»⁹⁰⁰. Заключая обзор дискуссии, Л. Броккер пришел к выводу, что применение «майнской модели» не противоречит германскому уголовно-процессуальному законодательству⁹⁰¹.

В настоящее время описанная мера безопасности применяется германскими судами на основании § 247а УПК ФРГ с одним отличием от «майнской модели»: при допросе защищаемого все судьи находятся в зале судебного заседания⁹⁰², что является так называемой «английской моделью», при этом допрашиваемый может находиться в другой комнате суда, в собственной квартире и даже за рубежом⁹⁰³. Надо отметить также следующие предусмотренные в § 247а УПК ФРГ положения: решение суда о применении данной меры безопасности не подлежит обжалованию; транслируемые в зал суда показания защищаемого лица могут записываться на видео для использования видеозаписи в ходе дальнейшего судебного разбирательства.

Использование во внутрисударственном уголовном судопроизводстве современных видеотехнологий для обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей находится в полном соответствии с позицией международного сообщества, выраженной в документах специальных органов ООН и региональных международных организаций⁹⁰⁴.

Средства видеосвязи стали применяться и в российском уголовном процессе. Впервые — в 1999 г. в Челябинском областном суде при кассационном рассмотрении уголовных дел для обеспечения участия в судопроизводстве подсудимых, находящихся в следственном изоляторе, и с тех пор при рассмотрении дел в кассационной инстанции средства видеосвязи этим судом используются регулярно⁹⁰⁵. Данный опыт был одобрен Верховным Судом РФ, в котором при кассационном рассмот-

⁹⁰⁰ Op. cit. S. 414.

⁹⁰¹ Op. cit. S. 415.

⁹⁰² См.: *Seitz H.* Das Zeugenschutzgesetz — ZSchG // *Juristische Rundschau.* Berlin. 1998. Н. 8. S. 311.

⁹⁰³ См.: *Бойльке В.* С. 248.

⁹⁰⁴ См., в частности: Семинар-практикум 2: Укрепление реформы системы уголовного правосудия, включая реституционное правосудие. Справочный документ к одиннадцатому Конгрессу Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию // А.CONF.203/10. 24 february. 2005. P. 10.

⁹⁰⁵ См.: *Вяткин Ф., Зильберман С., Зайцев С.* Видеоконференцсвязь при рассмотрении кассационных жалоб // *Росс. юстиция.* 2000. № 6. С. 11–12.

рении дел, также еще до принятия УПК РФ 2001 г., стала использоваться видеотехника, обеспечивающая связь с подсудимыми, содержащимися в следственных изоляторах⁹⁰⁶. На возможность использования судом *кассационной* инстанции видеотехники («систем видеоконференцсвязи») прямо указано в ч. 3 ст. 376 УПК РФ, и такая техника находит все большее применение. Так, например, уже в 2006 г. в Свердловском областном суде редкий процесс в кассационной инстанции по уголовным делам обходился без видеоконференцсвязи⁹⁰⁷.

К сожалению, допрос защищаемого с использованием видеотехнических средств в качестве *самостоятельной меры безопасности* при разработке УПК РФ оказался не предусмотренным⁹⁰⁸. Лишь анализ ч. 5 ст. 278 УПК РФ приводит к выводу, что это возможно при допросе граждан, участвующих в уголовном процессе под псевдонимом (подробнее об этом будет сказано ниже). И это — еще один явный пример половинчатости закрепленных в УПК РФ мер по защите лиц, содействующих правосудию. Причина же половинчатости, скорее, не в игнорировании, а в незнании отечественным законодателем рекомендаций международного сообщества по использованию указанной меры безопасности.

Возможно, открытие в ноябре 2001 г. для подписания *Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г.*, участником которой является и Россия, ускорит появление в отечественном УПК рассматриваемой меры безопасности (указанный Протокол предусматривает возможность проведения судебных разбирательств в режиме видеоконференции). Во всяком случае, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14 октября 2008 г. № 21 в Государственную Думу ФС РФ был внесен проект закона о дополнении УПК РФ статьей 278¹ «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи» следующего содержания:

«1. Суд, рассматривающий дело, при необходимости может принять решение о проведении допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи. Допрос свидетеля производится по общим правилам, установленным статьей 278.

⁹⁰⁶ См.: Росс. юстиция. 2000. № 6. С. 12.

⁹⁰⁷ Сайт Свердловского областного суда // <http://obsud.utnet.ru/news.php>. 26.07.2006.

⁹⁰⁸ Хотя незадолго до принятия УПК РФ — в октябре 1999 г. в Москве состоялась Конференция генеральных прокуроров, министров юстиции и внутренних дел Великобритании, Германии, Италии, Канады, России, США, Франции и Японии, итогом которой стало коммюнике, в котором подчеркнута важность использования в уголовном процессе «видеопозаказаний» (см.: Конференция министров стран «восьмерки» по проблемам борьбы с транснациональной организованной преступностью // Прокурорская и следственная практика. 1999. № 3/4. С. 8–9).

2. Суд, рассматривающий дело, дает поручение суду, расположенному в месте непосредственного нахождения свидетеля, об организации проведения допроса свидетеля путем использования систем видеоконференцсвязи.

3. До начала допроса председательствующий, устанавливая личность свидетеля, дает поручение судье суда, расположенному в месте непосредственного нахождения свидетеля, удостоверить личность свидетеля. Подписку свидетеля о разъяснении ему прав, обязанностей и ответственности, предусмотренных статьей 56 настоящего Кодекса, и документы, приобщенные по определению или постановлению суда к материалам уголовного дела, судья указанного суда направляет председательствующему».

При этом в *Пояснительной записке* к вышеуказанному законопроекту необходимость видеоконференцсвязи объяснялась проживанием свидетелей на значительном удалении от суда, их физическим состоянием (болезнь, инвалидность), препятствующим явке в суд, нахождением в местах лишения свободы и проблемами этапирования, но не угрозой посткриминального воздействия⁹⁰⁹. Более того, указанный законопроект не предусматривает дополнение ч. 3 ст. 11 УПК РФ ссылкой на ст. 278¹, как предусматривающую *меру безопасности*. Это подтверждает, что авторы законопроекта не рассматривали видеотехнологии как средство защиты от посткриминального воздействия, либо, что более вероятно, проблема защиты от такого воздействия вообще не учитывалась при подготовке законопроекта. Тем не менее, по мнению автора, и в вышеприведенной редакции ст. 278¹ угроза посткриминального воздействия является *основанием* для использования видеоконференц-связи — в случаях, когда нет необходимости предоставлять свидетелю псевдоним, а для его защиты достаточно проведения допроса в указанных в ст. 278¹ условиях. Помимо свидетелей, данная мера безопасности будет применима и в отношении потерпевших, так как вышеуказанным законопроектом предусмотрено дополнение ч. 1 ст. 277 УПК РФ положением, распространяющим указанные в ст. 278¹ условия допроса на потерпевших.

Проникновение видеотехнологий в российское уголовное судопроизводство уже в конце 90-х гг. XX в. повлекло постановку вопросов, требующих решения на законодательном уровне: возможности использования телекоммуникационного общения с лицами, страдающими дефектами речи, слуха, психическими недостатками, допустимости в уголовном процессе

⁹⁰⁹ См.: Официальный сайт Верховного Суда РФ (http://www.supcourt.ru/print_page.php?id=5497).

тех или иных способов преобразования оптических и звуковых сигналов в электронный вид⁹¹⁰; за рубежом (Украина) ставятся вопросы надежности технического соединения при использовании видеоконференции и технических гарантий невмешательства в нее извне⁹¹¹. Эти вопросы требуют специальных исследований, выходящих за рамки настоящей работы.

Еще одна возможная мера безопасности *допрос защищаемых лиц в отсутствие подсудимого* не противоречит п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и п. 3 (d) ст. 6 Европейской конвенции, где установлено, что обвиняемый имеет право «допрашивать показывающих против него свидетелей или имеет право на то, чтобы эти свидетели были допрошены...» Второй из двух допустимых вариантов допроса и будет реализован при применении данной меры безопасности, как он реализован, например, в австрийском уголовном судопроизводстве, где председательствующий может удалить подсудимого из зала суда «на время допроса свидетеля или соучастника» и затем информирует подсудимого об всем, что происходило в его отсутствие (абз. 1 § 250 УПК Австрии)⁹¹². В Германии, согласно § 247 УПК, суд также вправе удалить из зала судебного заседания подсудимого на время допроса соучастника или свидетеля, если имеются основания полагать, что они в присутствии подсудимого не скажут правду. По возвращении подсудимого председательствующий сообщает ему основное содержание показаний, данных в его отсутствие⁹¹³. В германских источниках непосредственно указывается, что данная мера может применяться, если свидетель боится угроз подсудимого⁹¹⁴.

В Швейцарии еще до принятия конфедерального УПК 2007 г. в кантоне Швиц, например, если «свидетель испытывал страх перед визуальным контактом с подсудимым», его допрос проводился в отсутствие подсудимого⁹¹⁵; подсудимый удалялся вновь и на период постановки свидетелю «дополнительных, уточняющих» вопросов и его ответов на эти вопросы⁹¹⁶. И, уже безотносительно того или иного кантона, Г. Хайне отмечал, что предписание закона о проведении очной ставки между под-

⁹¹⁰ См.: Сильнов М.А. К вопросу о допустимости использования цифровых технологий в доказывании при расследовании преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 1998. № 3/4. С. 103–104.

⁹¹¹ См.: Смирнов М.И. Указ. соч. С. 181–189.

⁹¹² См.: Österreichische Strafprozessordnung-Wien., 2008.

⁹¹³ См.: Strafprozessordnung Deutschlands-München, 2009.

⁹¹⁴ См.: Meier B.D. Op. cit. S. 644.

⁹¹⁵ Heine G. Op. cit. S. 68.

⁹¹⁶ Op. cit. S. 68.

судимым и свидетелем не применялось, если свидетель испытывал страх перед подсудимым. В таких случаях обращение к свидетелю со стороны защиты было возможным лишь посредством письменных вопросов, и это допускалось только в случае, если вопросы эти «существенны»⁹¹⁷. В настоящее время допрос защищаемого лица в отсутствие подсудимого возможен в соответствии с п. «b» ч. 2 ст. 149 УПК Швейцарии.

Данная мера безопасности применяется в судах Азербайджана (в соответствии со ст. 14 Закона Азербайджанской Республики «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе»), Казахстана (ч. 3 ст. 101 УПК Казахстана), Украины (ч. 2 ст. 16 Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве»).

В России есть противники такого допроса⁹¹⁸, но определяющим в решении вопроса о его допустимости в отечественном уголовном процессе является позиция ЕСПЧ и Европейской комиссии, которые признали, что хотя свидетели «в принципе» должны допрашиваться в присутствии подсудимого, последний может быть удален на время их допросов, если он угрожал свидетелям или может угрожать им (в частности, при рассмотрении дел о тяжких преступлениях, в том числе о наркотиках)⁹¹⁹. Европейская комиссия отметила, что, «как правило, обвиняемый должен присутствовать при даче показаний на суде. Однако в исключительных обстоятельствах суд, рассматривающий дело, может заслушивать свидетелей в отсутствие обвиняемого. Европейская комиссия сделала вывод, что страх мести, который испытывал свидетель, является достаточно исключительным обстоятельством, тем самым не усмотрев нарушения соответствующих норм... Комиссия также отметила, что, поскольку суд, рассматривавший дело, разрешил адвокату защиты остаться в зале суда и подвергнуть свидетеля перекрестному допросу, право подсудимого на допрос свидетеля не было нарушено»⁹²⁰.

Таким образом, несмотря на то, что в УПК РФ говорится лишь об удалении подсудимого для допроса *несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля и другого подсудимого* (ч. 4 ст. 275, ч. 6 ст. 280), возможно:

- *удаление из зала судебного заседания подсудимого на время допросов защищаемых лиц независимо от их возраста и уголовно-процессуального*

⁹¹⁷ Op. cit. S. 68.

⁹¹⁸ См., например: *Трухачев В.В.* Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: Дисс. ...докт. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 404–405.

⁹¹⁹ См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 134.

⁹²⁰ Док.: E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1. 15 may. 1992. P. 39.

статуса, поскольку такая мера соответствует вышеприведенным нормам международного права и позиции ЕСПЧ. Данная мера безопасности была признана допустимой в российском уголовном судопроизводстве еще в 1996 г. Президиумом Верховного Суда РФ⁹²¹, тем не менее, представляется необходимо ясное нормативное выражение ее допустимости в УПК РФ.

Удаленному на время допросов защищаемых лиц подсудимому после его возвращения должны быть оглашены их показания и предоставлена возможность лично либо в письменном виде через судью задать им вопросы (лишение подсудимого права задать вопросы лицу, допрошенному в его отсутствие, повлекло отмену обвинительного приговора в кассационной инстанции⁹²²). На время ответов на вопросы подсудимый вновь удаляется из зала судебного заседания, а по возвращении ему оглашаются ответы допрошенного.

- *Допрос защищаемого лица судьями в отсутствие не только подсудимого, но и остальных участников судебного разбирательства с последующим представлением подсудимому и его защитнику показаний, данных защищаемым, в письменном виде для постановки вопросов защищаемому.* Данная мера безопасности применялась с 1926 г. в Норвегии при допросах лиц моложе 16 лет в делах о преступлениях «на сексуальной почве». Такие лица допрашивались судьей «вне основного судебного разбирательства» в отсутствие участников процесса, а в зале суда доказательством служил протокол допроса. В 1981 г. в качестве возрастного ценза был установлен 14-летний возраст допрашиваемого, но в то же время такая защитная мера стала применяться не только в делах о сексуальных преступлениях, но во всех делах, «где интересы ребенка-свидетеля требовали проведения допроса вне зала суда». При этом стала проводиться и аудиозапись допроса, а в настоящее время применяется видеозапись. Место проведения таких допросов ставится в зависимость от возраста ребенка, малолетние могут допрашиваться в домашних условиях⁹²³. В настоящее время в России вышеназванная мера безопасности может применяться на основании ч. 5 ст. 278 УПК РФ.

⁹²¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 2. С. 9–11.

⁹²² См.: Справка прокуратуры Свердловской области «О применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного процесса» от 15 декабря 2003 г. исх № 15/2–12–03; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

⁹²³ См.: Brocker L. Op. cit. S. 408.

- *Ограничение доступности сведений о защищаемом лице его фамилией, именем, отчеством.* Данная мера безопасности возможна на основании ч. 2 ст. 278 УПК РФ, которая обязывает председательствующего перед допросом установить личность свидетеля и потерпевшего (допрос последнего, согласно ч. 1 ст. 277 УПК РФ, осуществляется в порядке, установленном ч.ч. 2–6 ст. 278 УПК РФ), а также отношение свидетеля к подсудимому и потерпевшему, но не место жительства допрашиваемого и иные сведения о нем. Данная мера безопасности корреспондирует мере безопасности, возможной в досудебном производстве и заключающейся в том, что согласно п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ адрес и другие данные о личности участников следственных действий указываются лишь «в необходимых случаях». Естественно, изложенная мера безопасности невозможна, если, например, очевидец преступления наблюдал его совершение из окна квартиры, но удаленность ее от места происшествия обуславливает необходимость экспериментальным путем определить, была ли у свидетеля возможность правильно воспринимать обстоятельства совершенного деяния.

Однако в ряде случаев обезопасить лиц, содействующих правосудию, посредством рассмотренных мер невозможно. Свидетельство тому — судебная практика государств, столкнувшихся с проблемой посткриминального воздействия раньше России. Поэтому за рубежом применяется такая мера безопасности, как *допрос должностных лиц правоохранительных органов, которым информация доказательственного характера стала известной от сотрудничающих с этими органами граждан без вызова последних в суд и без разглашения данных о них.*

Эта мера безопасности используется в США, несмотря на общее положение о недопустимости «доказательств по слуху»⁹²⁴ и на конституционное право подсудимого защищать себя посредством перекрестного допроса свидетеля обвинения. Как отмечается, «в некоторых случаях допускается использование данной осведомителем информации без вызова последнего в суд в качестве свидетеля. Роль свидетеля принимает на себя сотрудник полиции, получивший информацию от осведомителя и использовавший ее при досудебном расследовании. Вопрос о допустимости такого рода «показаний по слуху» судья решает в открытом судебном заседании, но в отсутствие присяжных. Судья принимает во внимание конкретные обстоятельства дела, в том числе характер инкриминируе-

⁹²⁴ В США правила 803–808 Унифицированного акта о правилах доказывания предусматривают несколько десятков исключений из этого общего положения, декларируемого в правиле 802.

мого преступления, возможные методы защиты обвиняемого, значение информации, полученной от осведомителя, то обстоятельство, что сотрудники полиции полагались на достоверную информацию, предоставленную надежным осведомителем и др.»⁹²⁵. Использование данной меры безопасности получило поддержку Министерства юстиции США⁹²⁶.

Такая мера безопасности используется и в Германии, причем как в отношении агентов полиции, так и свидетелей, не являющихся таковыми⁹²⁷, в отношении потерпевших⁹²⁸. Применяя данную меру, немецкие суды вправе использовать такое «свидетельство третьих лиц» в приговоре, если оно «основательно проверено и подтверждено другими важными аргументами»⁹²⁹, «подтверждается другими доказательствами»⁹³⁰. Для осуждения подсудимого «недостаточно только показаний свидетеля «со слуха», построенных на сведениях, которые ему доверил агент»⁹³¹. Начало такой практике в ФРГ положено в 1962 г., когда в одном из судебных решений было обращено внимание, что «ни участники процесса, ни суд не могут составить всей картины о личности, характере, мотивах лица, доверившего... сведения другому лицу... что снижает доказательственную ценность его показаний. Поэтому требуется тщательная проверка сведений, переданных этим поручителем третьему лицу. Опирается на них следует лишь в тех случаях, когда эти показания подтверждаются иными важными для суда моментами»⁹³².

Таковыми (подтверждающими) доказательствами, признаются, в частности: 1) по делам о наркотиках — задержание лица на месте совершения преступления или в месте предстоящей передачи наркотиков, изъятие у

⁹²⁵ *Николайчик В.М.* Уголовное правосудие в США // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 6. С. 71–72.

⁹²⁶ См.: Предупреждение правонарушений, связанных с угрозами свидетелям по делам об организованной преступности и незаконному обороту наркотиков (доклад Министерства юстиции США, ноябрь 1996 г.) // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 281, 302.

⁹²⁷ См.: Проверка показаний свидетеля «со слуха» // Борьба с преступностью за рубежом. М., 2000. № 9. С. 18.

⁹²⁸ См.: *Морре П.* Права потерпевшего в ходе расследования (при ведении расследования прокуратурой) // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 4. С. 188.

⁹²⁹ Там же.

⁹³⁰ *Иванов Л., Ляммич З.* О новеллах уголовного законодательства Германии, направленных на противодействие организованной преступности // Уголовное право. 1998. № 3. С. 108.

⁹³¹ Проверка показаний свидетеля «со слуха» // Борьба с преступностью за рубежом. М., 2000. № 9. С. 20.

⁹³² Там же. С. 19.

него наркотических средств; 2) доказанность совершения лицом аналогичных преступлений (в частности, продажи наркотиков); 3) совпадение показаний защищаемого лица «с другими надежными источниками доказательств, по крайней мере по отдельным эпизодам преступления», позволяющее составить «целостную картину» преступления; 4) совпадение показаний двух свидетелей, полученных из разных источников, которые (показания) «связывают отдельные события преступления в одно целое»; 5) непосредственное знание свидетелем «со слуха», то есть сотрудником полиции агента (но одного этого факта, как правило, недостаточно); 6) «тесный контакт» сотрудника полиции с агентом, выражающийся в том числе в фиксации в письменной форме задания агенту до начала операции, в обязательном представлении агентом отчета о выполненном задании⁹³³.

Правомерность рассматриваемой меры безопасности подтверждена решением Федерального суда ФРГ в 1989 г.⁹³⁴, Постановлением Федерального Конституционного Суда от 26 мая 1981 г. и руководящим разъяснением расширенного сената по уголовным делам Федерального Суда от 17 октября 1983 г.⁹³⁵ (в состав Верховного Федерального Суда входят пять сенатов по уголовным делам; расширенные сенаты выносят решения по вопросам, имеющим принципиальное значение для соответствующей отрасли права).

В последнем документе подтверждена допустимость и допроса по судебному поручению свидетеля — агента полиции специально уполномоченным судьей с последующим оглашением содержания протокола допроса в суде⁹³⁶. Данная процедура, помимо указанного судьи, может быть осуществлена также одним или всеми тремя судьями, осуществляющими судебное разбирательство либо другим судьей того же суда⁹³⁷. Кроме того, агент полиции может давать показания в суде под чужим именем, если суд не настаивает на раскрытии его личности⁹³⁸. Если же участие в процессе под чужим именем не обеспечивает безопасность агента, применяется рассмотренное выше «свидетельство третьих лиц» («свидетельство со слуха»)⁹³⁹.

⁹³³ Там же. С. 20–21.

⁹³⁴ См.: Процессуальная защита свидетелей обвинения в ФРГ // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1991. № 11. С. 39–40.

⁹³⁵ См.: Гесснер Р., Херцог У. За фасадом права / Пер. с нем. М., 1990. С. 88, 105–106.

⁹³⁶ Там же. С. 106.

⁹³⁷ См.: Kertesz I. Op. cit. 194. old.

⁹³⁸ См.: Иванов Л., Ляммих З. Указ. соч. С. 107.

⁹³⁹ См.: Проверка показаний свидетеля «со слуха» // Борьба с преступностью за рубежом. М., 2000. № 9. С. 18.

Нарушение одним из немецких судов правила о том, что показания «свидетелей со слуха» должны подтверждаться другими доказательствами, повлекло то, что в 2001 г. в деле *П.С. (P.S.) против Германии* ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении подпункта d. п. 3 ст. 6 Европейской конвенции, поскольку обвинительный приговор был постановлен лишь на основании показаний «свидетелей со слуха»: матери 8-летней девочки, подвергшейся развратным действиям, и полицейского, которому, как и матери, обстоятельства преступления стали известны со слов потерпевшей; сама потерпевшая в суде не была допрошена⁹⁴⁰.

Надо сказать, что допросы должностных лиц правоохранительных органов вместо свидетелей достаточно давно признаны на международном уровне. В «Толкованиях международных норм справедливого судебного разбирательства Европейской комиссией и Судом по правам человека...» (1992 г.) говорится: «Заявитель подал жалобу на то, что национальный суд не вызвал свидетелей для непосредственной дачи показаний и вместо этого заслушал основанные на слухах показания двух должностных лиц, которые отказались сообщить имена людей, от которых они получили соответствующую информацию. Заявитель, обвинявшийся в передаче секретных сведений иностранному государству, отметил, что он не мог допросить показывающих против него свидетелей, поскольку свидетели не присутствовали на суде, и что оба должностных лица, дававшие основанные на слухах показания непосредственно в суде, отказались назвать имена свидетелей. Европейская комиссия пришла к выводу, что национальный суд может по своему усмотрению отказать заявителям в праве допросить свидетелей, если суд считает, что этот допрос вряд ли поможет установлению фактов. Более того, заявитель не доказал, что отказ должностных лиц назвать имена свидетелей обусловил установление судом обоснованности предъявленных ему уголовных обвинений»⁹⁴¹.

В свете вышеизложенного К.Д. Шевченко предложена следующая новелла отечественного УПК: «При рассмотрении уголовных дел об особо тяжких преступлениях, совершенных организованными группами (преступными сообществами), в исключительных случаях, когда имеются достаточные данные полагать, что участие в судебном разбирательстве будет сопряжено для участника уголовного судопроизводства с угрозой его жизни и здоровью, суд с учетом обстоятельств дела может допросить должностное лицо органа дознания, следователя, прокурора или судью

⁹⁴⁰ См.: www.ip-centre.ru/cgi/showdoc.cgi?id=47&idrazd=31

⁹⁴¹ Док.: E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1. 15 may. 1992. P. 40.

об обстоятельствах дела, подлежащих доказыванию, которым эти обстоятельства стали известны непосредственно от участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства. При этом соответствующий участник уголовного судопроизводства в судебное заседание не вызывается...»⁹⁴²

Возвращаясь к Германии, нельзя не сказать о длительной дискуссии, отразившейся и в правоприменительной деятельности немецких судов, вокруг такой меры защиты, как освобождение лица при допросе в суде от обязанности сообщать свой домашний адрес, фамилию и имя. Судебная практика обычно довольствовалась адресом общины; если свидетелем являлся полицейский, то он сообщал только место своей службы. Федеральный Суд ФРГ потребовал указывать населенный пункт, где проживает свидетель. Однако, когда свидетель проживал в небольшом населенном пункте, узнать его полный адрес не представляло труда, в связи с чем признавалось, что данная мера не ограждает свидетеля от опасностей, которые могут исходить от обвиняемого и его окружения⁹⁴³.

Наконец, 15 июля 1992 г. в Германии был принят Закон «О борьбе с нелегальной торговлей наркотиками и другими проявлениями организованной преступности» («Gesetz zur Bekämpfung des illegalen Rauschgift-handels und anderer Erscheinungsformen der Organisierten Kriminalität vom 15. Juli 1992») ⁹⁴⁴. Теперь в случае «повода» опасаться, что сообщение места жительства угрожает свидетелю или другому лицу, свидетелю может быть разрешено вместо места жительства назвать место работы, службы либо другой адрес для вызова. Если же существует повод опасаться, что раскрытие личности свидетеля и его места жительства угрожает жизни, телесной неприкосновенности или свободе свидетеля или другого лица, свидетелю может быть разрешено не давать сведения о себе или сослаться на «более раннюю идентификацию». Документы, подтверждающие идентификацию свидетеля, в этом случае хранятся в прокуратуре и приобщаются к делу, если исчезла угроза посткриминального воздействия. Эти положения отражены в абз. 2 и 3 § 68 УПК ФРГ. В указанном Законе от 15 июля 1992 г. не нашла отражения возможность сохранения в тайне подлинных сведений о лицах, дающих свидетельские показания и являющихся осведомителями, доверенными лицами

⁹⁴² Шевченко К.Д. Указ. соч. С. 200–201.

⁹⁴³ См.: Процессуальная защита свидетелей обвинения в ФРГ // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1991. № 11. С. 40–42.

⁹⁴⁴ См.: Bundesgesetzblatt. 1992. I. № 34. S. 1302–1312.

или тайными агентами⁹⁴⁵, но позже такая возможность была установлена в § 110b УПК ФРГ⁹⁴⁶.

Тем самым законодателем был подведен итог длительной дискуссии: сокрытие указанных сведений о защищаемых лицах от подсудимого и защитника в Германии признано необходимым средством обеспечения безопасности защищаемых и допустимым в уголовном процессе.

Далее, в соответствии с принятым в ФРГ в 1998 г. Законом «О регулировании вопросов обеспечения защиты свидетелей, которым угрожает опасность» при участии в судебном разбирательстве свидетель, анкетные данные которого в целях безопасности ранее были изменены, имеет право назвать только свои прежние данные, а также «отказываться в предоставлении какой-либо информации, которая могла бы помочь сделать заключение о нынешних анкетных данных, местонахождении или месте жительства» (вместо адреса свидетель называет подразделение полиции по защите свидетелей, на которое возложена его охрана), суд не может требовать от находящегося под защитой свидетеля предоставления подлинных сведений о себе, несмотря на отсутствие такой нормы в УПК, «документы, позволяющие сделать вывод о нынешних анкетных данных, не могут являться составной частью следственного дела и остаются в подразделении по защите свидетелей»⁹⁴⁷. Кроме того, согласно абз. 1 § 68 УПК ФРГ свидетели, которые стали обладателями доказательственной информации «в рамках исполнения служебных обязанностей», при допросе вместо местожительства могут указать место своей работы.

В Испании при допросах в судах полицейские лишь предъявляют свои служебные жетоны⁹⁴⁸. В Швейцарии до принятия УПК 2007 г. судопроизводство осуществлялось на основании разнообразных кантональных уголовно-процессуальных законов, и в разных кантонах применялись различные правила фиксации сведений о свидетелях. Но,

⁹⁴⁵ «Осведомители» — лица, готовые в отдельных случаях предоставлять органам уголовного преследования информацию на конфиденциальной основе; «доверенные лица» — лица, которые не относятся к органам уголовного преследования, но готовы оказывать им содействие при расследовании преступлений конфиденциально в течение длительного времени и согласны действовать под чужим именем; «тайные агенты» — служащие полиции, которые принимают участие в расследовании преступлений под чужим именем (легендой) в течение длительного времени (см.: *Бойльке В.* Указ. соч. С. 242).

⁹⁴⁶ См.: *Бойльке В.* Указ. соч. С. 244.

⁹⁴⁷ *Казакова В.А.* Новый закон об обеспечении социальной и правовой защиты свидетелей в ФРГ // Государство и право. 2000. № 9. С. 79–80.

⁹⁴⁸ См.: *Hünerfeld P.* Zeugenschutz durch Verkürzung oder Vorenthaltung von Angaben zur Person des Zeugen // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft.* B. 1993. Bd. 105. № 2. S. 401.

как отмечал Г. Хайне, в этом вопросе проявлялась гибкость: в кантонах Ааргау и Аппенцель-Ауссеррходен, например, свидетелю разрешалось «держать свое имя в тайне», и даже в тех кантонах, где ввиду «недостаточной определенности правовых предписаний» притязания свидетеля на сохранение в тайне его личности отрицались, как правило, по соображениям безопасности протоколирование данных о его месте жительства не производилось; в частности, в судах кантона Берн фиксировался не домашний, а служебный адрес свидетеля⁹⁴⁹. При обосновании использования швейцарскими правоохранительными органами данной меры безопасности выдвигался и такой аргумент: «Если уж есть закон, по которому свидетель может отказаться от дачи показаний, если ему в результате этого угрожают серьезные неприятности (на данное обстоятельство обращалось внимание в § 2 главы II. — *Примеч. авт.*), то почему бы не сохранить в тайне место жительства свидетеля, получив при этом свидетельские показания»⁹⁵⁰. В то же время швейцарские юристы не беспочвенно отмечали, что в эпоху электронных телефонных книг с автоматизированными возможностями поиска данная мера обеспечивала ограниченную защиту⁹⁵¹. В настоящее время сохранение в тайне сведений о личности свидетеля возможно в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 149 и ст. 150 УПК Швейцарии.

Соккрытие сведений о защищаемых применяется в уголовном судопроизводстве США и Великобритании⁹⁵². В Великобритании, кроме того, в соответствии со *II разделом Исключений из Закона о судопроизводстве 1981 г.* суд вправе запретить публикацию имен, адресов и другой информации об участниках процесса в целях их безопасности⁹⁵³.

В Швейцарии запрет «обнародования» данных о личности потерпевшего без согласования с ним этого шага является общим правилом (запрет установлен в абз. 2 ст. 5 *Закона о помощи жертвам преступлений 1991 г.*); исключения составляют случаи, когда такое обнародование необходимо в интересах следствия, например для поиска преступника⁹⁵⁴. Нарушение данного правила квалифицируется как разглашение служебной тайны и влечет уголовную ответственность по ст. 320 УК Швейца-

⁹⁴⁹ Heine G. Op. cit. S. 55, 65, 66.

⁹⁵⁰ Op. cit. S. 65.

⁹⁵¹ Op. cit. S. 66.

⁹⁵² См.: Ривз Х. Указ. соч. С. 46–48.

⁹⁵³ См.: Квашис В.Е. Основы виктимологии. М., 1999. С. 167.

⁹⁵⁴ См.: Killias M. La LAVI comme fruit de recherches sur les attentés et les difficultés des victimes // Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht. Bern. 1993. Bd. 111. H. 4. P. 405.

рии⁹⁵⁵. Российский УПК, в отличие от швейцарского законодательства, запрещает разглашать без согласия участников уголовного процесса лишь сведения об их «частной» жизни (ч. 3 ст. 161 УПК РФ).

Российскими юристами, в том числе автором настоящего исследования, неоднократно предлагалось предусмотреть в отечественном УПК следующие меры безопасности:

- *Демонстрацию в зале суда видеозаписи или оглашение показаний, данных защищаемым лицом в стадии предварительного расследования без его вызова в судебное заседание.* Естественно, это сопряжено с отступлением от общего условия судебного разбирательства — непосредственности исследования доказательств судом, на что и указывают противники данной защитной меры⁹⁵⁶. Тем не менее она нашла широкую поддержку в России⁹⁵⁷, рекомендована специальными органами ООН⁹⁵⁸ и Советом Европы, причем для защиты не только жертв семейного насилия⁹⁵⁹, но и иных потерпевших и свидетелей⁹⁶⁰.

В Дании и Швеции данная мера безопасности применяется при допросах несовершеннолетних, причем с середины 80-х гг. XX в. все чаще используется видеозапись допросов, демонстрируемая затем в суде⁹⁶¹. Эта же мера безопасности применяется в Германии (в соответствии с § 255a УПК ФРГ) и Италии.

⁹⁵⁵ См.: *Weder U.* Das Opfer, sein Schutz und seine Rechte im Strafverfahren unter besonderer Berücksichtigung des Kantons Zürich // *Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht*. Bern. 1995. Bd. 113. H. 1. S. 45.

⁹⁵⁶ См.: *Канафин Д.К.* Проблемы процессуальной формы судопроизводства по делам об организованной преступности: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. С. 125; *Трухачев В.В.* Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: Дисс. ...докт. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 405–406.

⁹⁵⁷ См., в частности: *Тетерин Б.* Законопроект не учел мнение юридической общественности // *Росс. юстиция*. 1994. № 12. С. 17; *Любичева С.Ф.* Защита потерпевшего от преступления: правовые аспекты // *Юридический бюллетень предпринимателя*. М., 1997. № 4. С. 38; *Никитина Е.В.* Указ. соч. С. 101; *Кузьмин С.* Тактика борьбы с преступными группировками в местах лишения свободы // *Человек: преступление и наказание*. Рязань, 1994. № 1(2). С. 25; *Галактионов Е.А.* Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1993. С. 84; *Кеашис В.Е., Вавилова Л.В.* Указ. соч. С. 73; *Тер-Акопов А.А.* Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998. С. 161.

⁹⁵⁸ См.: *Стратегии борьбы с насилием в семье: Справочное руководство*. Нью-Йорк, 1998. С. 44.

⁹⁵⁹ См.: п. 42 Рекомендации Совета Европы № (2002) 5 *О защите женщин от насилия*.

⁹⁶⁰ См.: п. 17 Приложения к Рекомендации Совета Европы № (2005) 9 *О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием*.

⁹⁶¹ См.: *Brockner L.* Op. cit. S. 408–409.

Допустимость такого использования видеозаписи признана ЕСПЧ в делах *Аккарди и другие (Accardi and others) против Италии* (2005 г.), *Магнуссон (Magnusson) против Швеции* (2003 г.)⁹⁶² и *С.Н. (S.N.) против Швеции* (2002 г.)⁹⁶³. Из решений ЕСПЧ следует, что видеозапись может использоваться в суде, если обвиняемый либо защитник на предварительном следствии имели возможность задать через лицо, проводившее допрос потерпевшего, вопросы последнему.

Такова же позиция ЕСПЧ и относительно *оглашения* в суде письменных показаний, данных в ходе предварительного следствия. М. Де Сальвиа отмечает: «Довольно интересный вопрос встает во время слушаний по делу в отношении показаний свидетелей, которые представили свои показания, но отказались выступить с ними в суде. Суд пришел к решению, что сами по себе такие показания не могут считаться не соответствующими ЕКПЧ (Европейской конвенции. — *Примеч. авт.*), но их использование в качестве доказательств обвинения не должно нарушать права защиты. Например, можно считать, что права защиты не соблюдены, если обвиняемый не имел возможности на предыдущих фазах расследования опросить свидетелей, чьи заявления *зачитываются* на судебном заседании»⁹⁶⁴.

Важно обратить внимание отечественного законодателя, что в деле *С.Н. против Швеции* ЕСПЧ отметил: «Нельзя считать, что подпункт «d» пункта 3 Статьи 6 Конвенции требует во всех случаях, чтобы вопросы (потерпевшему. — *Примеч. авт.*) задавались непосредственно обвиняемым или его адвокатом»⁹⁶⁵.

Более подробно следует остановиться на решении в деле *Аккарди и другие против Италии*. В нем ЕСПЧ указал: «Что касается того обстоятельства, что показания детей составляли практически единственный элемент доказательственной базы, которой обосновывались выводы судов относительно виновности заявителей, то у последних должны были бы иметься достаточные возможности осуществлять свои права на защиту в отношении такого рода доказательств их виновности. При производстве по уголовным делам по обвинению в развратных действиях в отношении несовершеннолетних могут приниматься определенные меры для ограждения психики потерпевших — которые часто испытывают душевные страдания

⁹⁶² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2004. № 4.

⁹⁶³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 1. С. 34.

⁹⁶⁴ Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004. С. 213–214.

⁹⁶⁵ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 1. С. 34.

при проведении против их воли очных ставок с обвиняемыми, особенно, когда потерпевшие еще совсем малолетние, — при условии, что такого рода меры не противоречат эффективному осуществлению прав на защиту в достаточном объеме. В настоящем деле заявители и их адвокаты имели возможность наблюдать за ходом допроса потерпевших из отдельного помещения через полупрозрачное стекло. Таким образом, они знали о содержании и характере задаваемых вопросов и поступающих ответов и могли наблюдать за манерой поведения детей. Адвокаты заявителей имели возможность задавать через следственного судью детям любые вопросы, которые они считали необходимым задать в интересах защиты...»⁹⁶⁶

Далее в Германии в соответствии с уже упоминавшимся Постановлением Федерального Конституционного Суда от 26 мая 1981 г. в суде оглашаются протоколы допросов сотрудников *Ведомства по охране Конституции* и их агентов⁹⁶⁷. В Великобритании согласно *Закону об уголовном правосудии 1988 г.* страх свидетеля перед преступниками является основанием для использования в суде полицейского протокола допроса свидетеля (вне зависимости от его возраста) вместо непосредственного допроса защищаемого⁹⁶⁸.

В рамках прошедшей в Германии дискуссии о *демонстрации в суде видеозаписи ранее произведенных допросов* высказано мнение, что по сравнению с видеотрансляцией эта защитная мера позволяет избежать неоднократных допросов и «не последнюю роль играет то, что качество свидетельских показаний может быть выше, поскольку во времени они записываются ближе к моменту совершения преступления»⁹⁶⁹; для обеспечения же права подсудимого задавать допрашиваемому вопросы предлагаются: дополнительный допрос защищаемого и его последующее оглашение в судебном заседании или видеотрансляция такого допроса в зал суда⁹⁷⁰. Высказываются мнения о необходимости использования рассматриваемой защитной меры не только в отношении несовершеннолетних, но и других лиц, в частности, женщин — жертв сексуальных преступлений⁹⁷¹.

В Молдавии оглашение в суде показаний защищаемого либо воспроизведение видеозаписи его показаний стало возможным на основании

⁹⁶⁶ См.: // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2005. № 6.

⁹⁶⁷ См.: Гущенко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 440–441.

⁹⁶⁸ Там же. С. 90.

⁹⁶⁹ Brocker L. Op. cit. S. 416.

⁹⁷⁰ См.: Brocker L. Op. cit. S. 417.

⁹⁷¹ Op. cit. S. 408, 424–425.

п. «г» ст. 12 Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному процессу». В Украине в соответствии с ч. 2 ст. 16 Закона «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» суд в исключительных случаях может освобождать потерпевших и свидетелей от обязанности являться в судебное заседание при наличии письменного подтверждения показаний, данных ими ранее, и эта мера применяется⁹⁷². Белорусский УПК предусматривает освобождение защищаемого лица от явки в судебное заседание и оглашение его показаний, данных в ходе предварительного расследования, воспроизведение звуко-, кино- либо видеозаписи допроса защищаемого с соблюдением мер, обеспечивающих неузнаваемость (ч. 2 ст. 68, п. 3 ч. 1 ст. 333 УПК Белоруссии).

Правомерность оглашения показаний, данных защищаемым лицом в стадии предварительного расследования *вне зависимости от возраста защищаемого*, признана ЕСПЧ. В деле *Эша* заявитель был осужден за избивание женщины, с которой сожительствовал. Женщина отказалась давать показания в суде, в связи с чем национальный суд «исходил из показаний, данных ею до суда полиции, а также из других доказательств, таких, как фотографии избитой женщины и личные впечатления полицейского, производившего арест»⁹⁷³. ЕСПЧ указал, что «показания женщины не являются единственным свидетельством, на основании которого национальный суд принял свое решение», и заключил: «Тот факт, что во время слушания дела не оказалось возможным допросить (женщину)... в конкретных обстоятельствах дела не нарушает прав защиты, и, следовательно, обвиняемый не был лишен права на справедливое судебное разбирательство»⁹⁷⁴. В деле *Ховард (Hayward) против Швеции* (1991 г.) Еврокомиссия также не нашла нарушения Европейской конвенции — на том основании, что показания информатора полиции, оглашенные в суде без вызова в суд самого информатора, не являлись единственным доказательством по делу⁹⁷⁵.

В другом же деле — *А.М. против Италии* (1999 г.) ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении подпункта «d» п. 3 и п. 1 ст. 6 Европейской конвенции, поскольку в этом деле «осуждение решающим образом основывается на приобщенных к делу показаниях свидетеля, допросить которого обви-

⁹⁷² См.: Бояров В.И. Указ. соч. С. 132.

⁹⁷³ Док.: E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1, 15 may, 1992, P. 41.

⁹⁷⁴ Цит. по: Док.: E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1, 15 may, 1992, P. 41–42.

⁹⁷⁵ См.: Маринова Г. Свидетел с тайна самоличност // Съвременно право. София. 2006. XVII. Кн. 2. С. 48–49.

няемому не предоставили возможность ни во время расследования, ни на суде, — права защиты тем самым ограничиваются до несовместимой с требованиями ст. 6 степени»⁹⁷⁶. Аналогичное по сути решение ЕСПЧ принял в деле *Хулки Гюнеш (Hulki Gunes) против Турции* (2003 г.)⁹⁷⁷.

В условиях активного посткриминального воздействия оглашение показаний в суде без вызова ранее допрошенного лица стало применяться в России еще в период действия УПК РСФСР, в частности, при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершаемых ОПГ⁹⁷⁸. При этом неявка свидетеля в суд и оглашение его показаний обосновывались медицинскими документами о стрессовом состоянии свидетеля⁹⁷⁹. О.Х. Галимов приводит сведения об оглашении показаний малолетних свидетелей, обращая внимание, что по каждому третьему уголовному делу об изнасиловании даже в тех случаях, когда малолетние потерпевшие находились в зале судебного заседания, они не подвергались допросу, а оглашались ранее данные ими показания⁹⁸⁰.

В этих сведениях — очередной пример использования мер безопасности, не предусмотренных отечественным уголовно-процессуальным законом. Более того, в применении российскими судами рассматриваемой и других защитных мер, сопряженных с отступлением от общих условий судебного разбирательства и не указанных в УПК РФ, можно усмотреть нарушение конституционных установлений: о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ); об осуществлении правосудия на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ). И в то же время эти меры являются допустимыми в уголовном процессе в соответствии с указанными в настоящем исследовании и ратифицированными Россией международно-правовыми актами, решениями ЕСПЧ, рекомендациями международного сообщества. Однако недостаточная известность в России этих международно-правовых источников, а также незнание либо игнорирование российским законодателем *модельного Закона*

⁹⁷⁶ См.: Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Европейский судебный вестник (пробный номер журнала). М., 2001. С. 27–28.

⁹⁷⁷ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 11. С. 21–23.

⁹⁷⁸ См.: *Абросимова Н.А.* Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с населением в процессе предупреждения и расследования преступлений // Закон и право. 2001. № 8. С. 4.

⁹⁷⁹ См.: Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности. М., 1998. С. 123.

⁹⁸⁰ См.: *Галимов О.Х.* Указ. соч. С. 182–183, 185.

о государственной защите потерпевших⁹⁸¹, предусматривавшего в ст. 6, что «обеспечение безопасности защищаемого лица может быть признано судом причиной, исключающей возможность его явки в суд», обусловили то, что в ч. 2 ст. 281 УПК РФ среди причин, делающих возможным без согласия стороны защиты оглашение (воспроизведение видеозаписи) в суде показаний потерпевших и свидетелей, угроза посткриминального воздействия оказалась не предусмотренной⁹⁸².

Как было сказано выше, в период действия УПК РСФСР оглашение показаний лица, не явившегося в суд из-за страха мести со стороны преступников, обосновывалось его стрессовым состоянием. Представляется, что при наличии соответствующих медицинских показателей и документов, подтверждающих такое состояние и обусловленную этим состоянием невозможность явки в суд, показания потерпевшего и свидетеля, данные в ходе предварительного расследования, могут быть оглашены на основании п. 2 ч. 2 ст. 281 УПК РФ, то есть вследствие препятствующей явке в суд тяжелой болезни.

Тем не менее состояние российского УПК грозит противоречивой судебной практикой: очевидно, что невозможно обеспечить единый подход правоприменителей к оценке допустимости (законности) конкретных мер безопасности, прямо не указанных в УПК РФ. Невозможно, поскольку выводы о допустимости той или иной меры безопасности содержатся не в общеизвестных и доступных международно-правовых актах, а в источниках, не находящихся широкого распространения среди работников российских правоохранительных и судебных органов: в международных документах рекомендательного характера и, прежде всего, в прецедентах ЕСПЧ⁹⁸³. Незнание его решений, имеющих непосредственное значение для выводов о допустимости (о соответствии Европейской конвенции) мер безопасности, демонстрируется российскими юриста-

⁹⁸¹ В 1997 г. данный Закон был рекомендован Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ для использования при разработке соответствующего национального законодательства.

⁹⁸² В свете вышеизложенного автор поддерживает предложение К.Д. Шевченко дополнить ч. 2 ст. 281 УПК РФ указанием на угрозу посткриминального воздействия как на одно из оснований оглашения показаний защищаемого лица без его вызова в суд (см.: Шевченко К.Д. Указ. соч. С. 196).

⁹⁸³ Например, изданный в 2000 г. в России сборник «Европейский Суд по правам человека. Избранные решения» содержал лишь одну десятую часть его решений, причем в сокращенном виде. Лишь с появлением в 2002 г. отечественного издания — «Бюллетень Европейского Суда по правам человека» и с началом периодических публикаций решений ЕСПЧ в журнале «Российская юстиция» возможности российских юристов изучать прецедентное право ЕСПЧ заметно расширились.

ми не только в период, когда в России доступ к решениям ЕСПЧ был ограничен⁹⁸⁴, но и в последующее время⁹⁸⁵.

Учитывая, что прецеденты ЕСПЧ и другие международные правовые акты, содержащие оценки допустимости мер безопасности, основываются на *общепризнанных принципах и нормах международного права*, которые, в свою очередь, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы России, и, согласно ч. 3 ст. 1 УПК РФ, составной частью отечественного законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство, выход из создавшегося положения заключается в приведении в российском законодательстве исчерпывающего перечня мер безопасности, допустимость которых в уголовном процессе признана на международном уровне, что позволит:

- 1) исключить в судебно-следственной практике проблему для правоприменителя каждый раз решать вопрос, соответствует ли та или иная потенциально возможная мера безопасности общепризнанным принципам международного права (при том, что, как правильно отмечается, достаточно сложна сама оценка того или иного положения в качестве *общепризнанного принципа*⁹⁸⁶, ошибка же в такой оценке, произвольное толкование содержания общепризнанных принципов чреваты принятием ошибочных решений и о допустимости той или иной меры безопасности);
- 2) обеспечить единообразную и соответствующую международному праву судебно-следственную практику, соблюдение законных прав участников уголовного процесса⁹⁸⁷.

⁹⁸⁴ См.: Трухачев В.В. Принципы криминалистической деятельности, направленной на предупреждение и разоблачение сокрытия преступлений // Расследование преступлений: вопросы теории и практики. Вып. 7. Воронеж, 1997. С. 42; Турчин Д.А. Против анонимного правосудия (заметки на полях одного законодательного проекта) // Социально-экономические и правовые проблемы восточно-сибирского региона на пороге третьего тысячелетия. Иркутск, 1998. С. 47; Невирко Д.Д. Об анонимности свидетелей в уголовном процессе в контексте иерархии субъективных прав // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2003. № 2. С. 60–61.

⁹⁸⁵ Так, недавно Б.Т. Безлепкиным высказано мнение, что *допрос защищаемого лица в суде под псевдонимом* не соответствует мировой практике защиты свидетелей (см.: Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 403), но такой вывод можно сделать, лишь не зная решений ЕСПЧ либо игнорируя их.

⁹⁸⁶ См. об этом: Толстик В.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 67–77; Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 8.

⁹⁸⁷ О необходимости предлагаемой корректировки УПК РФ говорит и ментальность российских судей: по данным А.С. Таран, 63% опрошенных ею судей ответили, что если при

Возвращаясь к мере безопасности — демонстрации в суде видеозаписи (оглашению) показаний, данных на предварительном следствии, необходимо отметить, что в одном из субъектов Соединенного Королевства — в Шотландии — в соответствии с *Законом о заключенных и уголовном судопроизводстве 1993 г.*, помимо видеозаписи показаний малолетних свидетелей и последующей ее демонстрации в стадии судебного разбирательства, ребенок может допрашиваться в суде за ширмой, отделяющей его от подсудимого⁹⁸⁸. В целях исключения непосредственного контакта между подсудимым и допрашиваемыми детьми «разделительные перегородки» используются также в судах Англии и Уэльса⁹⁸⁹. Кроме того, в Англии в соответствии со ст. 2 (10) *Закона о свидетелях в уголовном судопроизводстве 1965 г.* судья может применить «условный вызов» свидетеля, при котором в суде оглашается «письменное заявление» свидетеля без вызова его в суд. По *Законоу о правосудии по уголовным делам 1967 г.* копия письменного заявления свидетеля, подлежащего «условному вызову», направляется сторонам. В течение 7 дней они могут возразить против «условного вызова», но окончательное решение о таком вызове принимает судья⁹⁹⁰.

разрешении дела они обнаружат противоречие норм УПК РФ общепризнанным принципам и нормам международного права, то применяют отечественный Кодекс (см.: *Таран А. С. Некоторые аспекты обеспечения в уголовном процессе РФ международных стандартов в области прав человека // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции 18–19 декабря 2002 г.*, г. Самара, — Самара, 2003. С. 157–158). В рамках более позднего исследования на вопрос, руководствуются ли они в профессиональной деятельности Европейской Конвенцией, решениями ЕСПЧ и общепризнанными принципами и нормами международного права, положительно ответили лишь 17,54% из 57 опрошенных судей, отрицательно — 50,88% респондентов, 22,81% ответили, что «иногда» руководствуются указанными источниками, 8,77% воздержались от ответа (см.: *Деятова О. В. Решения Европейского Суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 186*). Можно предположить, что такая позиция судей обусловлена не игнорированием ими ч. 3 ст. 1 УПК РФ, а сложностью оценки того или иного положения международного права в качестве его общепризнанного принципа (нормы). Постановление же Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», призванное способствовать изменению правосознания судей, не снимает проблемы оценки положений международного права в качестве его общепризнанных принципов (норм).

⁹⁸⁸ См.: *Галимов О. Х.* Указ. соч. С. 189.

⁹⁸⁹ См.: *Brocker L.* Op. cit. S. 409.

⁹⁹⁰ К причинам роста числа исключений из принципа непосредственности английского судопроизводства, к коим относятся и приведенные положения, профессор Оксфордского университета К. Таппер относит рост грамотности и ослабление религиозности населения:

На допустимость в национальном судопроизводстве для защиты от посткриминального воздействия *экранов, ширм, занавесов и искажающей голос аппаратуры*, причем независимо от возраста защищаемого, указано в п. 17 Приложения к *Рекомендации Совета Европы № R (2005) 9 «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием»*. И эти рекомендации учитываются. Так, согласно п. «d» ч. 2 ст. 149 УПК Швейцарии 2007 г. вне зависимости от возраста защищаемого лица применяются следующие меры безопасности: изменение его внешности, голоса, допрос за ширмой.

В Израиле с 1955 г., если жертвой сексуального преступления является ребенок, он допрашивается имеющим специальную подготовку следователем. Последний вправе принять решение, чтобы в суде вместо допроса ребенка был оглашен протокол его допроса; защита и обвинение могут заявить ходатайство о дополнительном допросе ребенка указанным следователем, которое разрешает судья⁹⁹¹. В этой же стране применяется и дача показаний в суде следователем вместо допрошенного им ребенка⁹⁹². В качестве одной из гарантий полноты таких показаний можно рекомендовать присутствие родителей ребенка при его допросе следователем и при даче последним показаний в суде.

- *Допрос защищаемого субъекта одним из судей вне зала суда с последующим оглашением полученных показаний в суде*. Среди российских юристов есть и сторонники⁹⁹³, и противники⁹⁹⁴ этой меры. В некоторых странах используются сходные меры. Например, в Нидерландах следственный судья, осуществляющий «досудебный следственный

«По мере того, как люди становились более грамотными, письменные документы имели все больше шансов стать точными протоколами произошедших событий, тем самым сокращая потребность в устных показаниях. С ослаблением религиозных верований некогда столь весомое значение показаний под присягой уменьшается» (см.: *Tapper C. Hearsay in Criminal Cases: An Overview of Law Commission Report № 245 // Criminal Law review. L. 1997. November. P. 776*). На необходимость изучения возможности более широкого использования в уголовном процессе вместо устных показаний письменных заявлений лиц, если они находятся за пределами государства, проводящего расследование, обращено внимание в *Рекомендациях группы старших экспертов по транснациональной организованной преступности*, принятых по итогам совещания министров «Группы восьми» в Париже 12 апреля 1996 г. (см.: *Валеводз А.Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференцсвязи // Военно-юридический вестник Приволжского региона: Сб. научных трудов. Вып. 1. Самара. 2003. С. 71*).

⁹⁹¹ См.: *Brockner L. Op. cit. S. 409*.

⁹⁹² См.: *Шнайдер Г.И. Криминология / Пер. с нем. М., 1994. С. 370*.

⁹⁹³ См., например: *Игнатьева М.В. Процессуальные и организационные вопросы соблюдения прав и законных интересов потерпевших и обеспечение их личной безопасности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 188*.

⁹⁹⁴ См., в частности: *Канафин Д.К. Указ. соч. С. 124–127*.

процесс», имеет право заслушивать свидетеля под присягой, если тот «не может... появиться в суде из-за боязни мести со стороны обвиняемого. В таких случаях защитник извещается о действиях судьи и вправе присутствовать при их совершении»⁹⁹⁵.

В Германии в соответствии с абз. 1 § 241 УПК допрос свидетелей до 16 лет проводит только председательствующий судья. Допрос другими участниками процесса: судьями, прокурором, подсудимым, защитником проводится «через посредство председательствующего», однако отмечается, что такая мера обеспечивает лишь минимальную защиту⁹⁹⁶, и, как было показано выше, в этой стране используются и другие защитные меры.

- *Участие защищаемых лиц в судебном разбирательстве под псевдонимом.* В период разработки проекта УПК РФ 2001 г. было немало противников данной меры безопасности, указывавших, что она сопряжена с отступлением от состязательности судебного разбирательства, непосредственности исследования доказательств в суде⁹⁹⁷. Тем не менее согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ, эта мера безопасности стала возможной для потерпевшего, его представителя и свидетеля в стадии предварительного расследования⁹⁹⁸. Соответственно, в стадии судебного разбирательства суд без оглашения подлинных данных об указанных лицах вправе допросить их «в условиях, исключающих визуальное наблюдение... другими участниками судебного разбирательства» (ч. 1 ст. 277 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Данная мера является наиболее часто применяемой российскими судами из всех мер безопасности, предусмотренных УПК РФ и Законом «О государственной защите потерпевших...»⁹⁹⁹.

⁹⁹⁵ Так П.Й. Система уголовного правосудия в Нидерландах в свете новой уголовной политики // Вестник Московского университета. 1997. № 1. С. 66.

⁹⁹⁶ См.: Brocker L. Op. cit. S. 412.

⁹⁹⁷ См., в частности: Шейфер С.А. Проблемы правовой регламентации доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве РФ // Гос. и право. 1995. № 10. С. 102; Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК // Социально-экономические и правовые проблемы восточно-сибирского региона на пороге третьего тысячелетия. Иркутск, 1998. С. 41.

⁹⁹⁸ Эта мера применялась и до введения в действие УПК РФ — для защиты как сотрудников правоохранительных органов, внедренных в ОПГ, так и обычных свидетелей (см. об этом: Маззин В.Т., Шевелев С.М. Некоторые проблемы представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе и их процессуальной защиты // Российский следователь. 2001. № 3. С. 10; Беляев М.В. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы расследования и судебного разбирательства дел о бандализме: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 147–148).

⁹⁹⁹ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 9.

Вместо подлинных сведений о защищаемом лице псевдоним указывается и в приговоре (хотя прямого указания на это в ст. 304 УПК РФ нет, и это послужило поводом высказать мнение о том, что в приговоре псевдоним не может использоваться¹⁰⁰⁰), и в протоколе судебного заседания, поскольку в соответствии с ч. 7 ст. 259 УПК РФ этот протокол может предъявляться сторонам. В противном случае использование псевдонима в ходе судебного заседания лишено какого-либо смысла.

Стоит обратиться к странам, законодательство которых также предусматривает использование псевдонимов в уголовном судопроизводстве.

В Украине псевдонимы применяются с начала 90-х гг. XX в. на основании ст. 15 Закона «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве». В 2000 г. УПК Украины был дополнен ст. 52³, детализирующей, наряду с другими статьями украинского УПК, использование псевдонимов; тогда же ст. 324 УПК Украины была изложена в редакции, обязывающей суд при постановлении приговора разрешить вопрос: «необходимо ли применить к подсудимому меры безопасности» (российский УПК не предусматривает при постановлении приговора разрешение вопросов обеспечения безопасности участников уголовного процесса).

В Латвии применение псевдонимов урегулировано в главе 9А УПК, и, в отличие от российского УПК, латвийский Кодекс предусматривает постановление оправдательного приговора, если доказательством виновности подсудимого являются только показания лиц, данные под псевдонимом¹⁰⁰¹. Такое же, по сути, требование установлено в ч. 8 ст. 110 и ч. 3 ст. 389 УПК Молдавии.

УПК Франции содержит раздел XXI «О защите свидетелей», в соответствии со ст. 706–62 которого обвинительный приговор также не может быть постановлен только на основании показаний, данных под псевдонимом. Кроме того, в отличие от УПК РФ, согласно ст. 706–60 французского УПК личность свидетеля, участвующего в уголовном процессе под псевдонимом, может быть раскрыта стороне защиты только с согласия самого свидетеля¹⁰⁰². Предусмотрена и возможность допроса защищаемого свидетеля не всем составом суда, а одним из судей, назначенным для проведения такого допроса (ст. 706–61 УПК Франции).

¹⁰⁰⁰ См.: Чекулаев Д. Применение мер безопасности в отношении потерпевших и других участников процесса // Законность. 2005. № 5. С. 30.

¹⁰⁰¹ Шешуков М.П. Указ. соч. С. 87.

¹⁰⁰² Code de procedure penale // Legifrance.gouv.fr. Le service public de la diffusion du droit. Mardi 28 juin 2005 // Legifrance — Le service public de l'accès au droit.htm.

В Словакии с 1994 г. применяются различные «степени защиты» свидетеля. В качестве «первой степени» защиты свидетелю «в случае, если существует обоснованное опасение, что ему или другому, близкому ему лицу вследствие указания места жительства угрожает опасность, может быть разрешено взамен места жительства указать место своей работы или другой адрес, по которому он может быть вызван впоследствии. Следующая ступень защиты заключается в разрешении свидетелю не приводить данные о своей личности. Это применяется в случае, если существует обоснованное опасение, что в результате сообщения данных, удостоверяющих личность, либо места жительства или места пребывания свидетеля может возникнуть угроза его жизни, здоровью, или если такая опасность будет угрожать близкому ему лицу... Материалы, которые делают возможным установление личности такого свидетеля, хранятся в прокуратуре, а во время судебного разбирательства — у председателя судейской коллегии (трибунала, суда). К делу они приобщаются лишь по миновании угрозы свидетелю...»¹⁰⁰³.

В Польше в 1995 г. внесены изменения в Уголовно-процессуальный закон, и в настоящее время в соответствии с его ст. 164а разрешается «скрывать данные свидетеля, если существует реальная опасность для жизни свидетеля, его здоровья, свободы или имущества в значительных размерах... Анонимный свидетель дает показания перед прокурором, судом или судьей, назначенным судом из своего состава (еще одно отличие от УПК РФ. — *Примеч. авт.*). При допросе, проводимом судом или назначенным судьей, может присутствовать прокурор. Допрос должен производиться в месте, обеспечивающем сохранение личности свидетеля в тайне, например в здании прокуратуры, в жилище свидетеля, гостиничном номере или в каком-либо ином месте, гарантирующем соблюдение анонимности свидетеля»¹⁰⁰⁴. Обвиняемый имеет право задавать вопросы свидетелю только через суд или прокурора. При этом, отмечает З. Госк, проблемой являются вопросы, дающие возможность обвиняемому распознать личность свидетеля. Поэтому, если такой вопрос передается свидетелю (не отклоняется судом или прокурором), информация, содержащаяся в ответе свидетеля и позволяющая распознать личность свидетеля, обвиняемому не сообщается. Ходатайство о сохранении в тайне личных данных свидетеля может быть подано уже во время заявления о совершенном преступлении (в УПК РФ это оказалось не предусмотренным). В материалы уголовного дела данное ходатайство не включается, как и про-

¹⁰⁰³ Benec S. Op. cit. S. 185.

¹⁰⁰⁴ Gosk Z. Op. cit. S. 67, 69.

токолы последующих допросов свидетеля. Если же ходатайство заявлено и удовлетворено после допроса свидетеля, то соответствующий протокол исключается из материалов дела¹⁰⁰⁵. Кроме того, из материалов уголовного дела по распоряжению прокурора изымаются «все документы, материалы и их фрагменты, которые будут давать возможность раскрыть личность свидетеля»¹⁰⁰⁶; при этом в дело помещаются их заверенные копии (порядок изъятия документов и оформления их копий подробно урегулирован специальным подзаконным нормативным актом — *распоряжением Министра юстиции от 18 июля 2003 г. по вопросу производства о сохранении в тайне обстоятельств, дающих возможность раскрыть личность свидетеля, а также способа обращения с протоколами показаний этого свидетеля*)¹⁰⁰⁷.

Подобные процессуальные процедуры, необходимые в случае, если угроза лицу возникла после его допроса в обычном порядке, в УПК РФ оказались не предусмотренными.

В Болгарии в 1997 г. в УПК были внесены дополнения (ст. 97а), согласно которым в досудебных стадиях и в суде стало возможным «сохранение в тайне личности свидетеля»¹⁰⁰⁸. В соответствии со ст. 99а болгарского УПК, действовавшего до 2005 г., приговор не мог основываться только на показаниях свидетеля, личность которого сохранялась в тайне; показания таких свидетелей оценивались «в контексте со всеми остальными собранными по делу доказательствами»¹⁰⁰⁹. Запрет на постановление приговора, «основанного только на показаниях» указанных свидетелей, установлен и в ст. 124 УПК Болгарии 2005 г. Таким образом, болгарский законодатель установил правило, аналогичное тому, что установлено латвийским, молдавским и французским законодателями (запрет постановления обвинительных приговоров только на основании показаний анонимных свидетелей обусловлен позицией ЕСПЧ, которая более подробно будет освещена ниже).

Кроме того, в болгарском УПК, исходя из цели рассматриваемой меры безопасности — *сохранения в тайне личности защищаемого*, использована более точная по сравнению с УПК РФ формулировка, а именно: соглас-

¹⁰⁰⁵ Op. cit. S. 69–70.

¹⁰⁰⁶ *Wiliński P.* Prawo do obrony a dowód z zeznań świadka incognito w polskim procesie karnym // Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny. Poznań. 2003. Rok LXV-zeszyt 4-S. 35.

¹⁰⁰⁷ Op. cit. S. 36.

¹⁰⁰⁸ См.: *Чанкова Д.И.* Проблемы и тенденции в развитии болгарского уголовно-процессуального законодательства // Гос. и право. 2000. № 10. С. 100; *Беленски Р.* Указ. соч. С. 63; *Чинова М.* Защитата на свидетел — обща характеристика // Съвременно право. София. 1999. Г. X. Кн. 6. С. 63.

¹⁰⁰⁹ *Беленски Р.* Указ. соч. С. 57.

но абз. 5 ст. 280 УПК Болгарии допрос защищаемых лиц «осуществляется способом, не допускающим раскрытия их личности», в то время как в ч. 5 ст. 278 УПК РФ говорится о допросе «в условиях, исключающих визуальное наблюдение» защищаемого «другими участниками судебного разбирательства»¹⁰¹⁰, то есть российский законодатель, во-первых, «забыл» о необходимости сохранения в тайне личности защищаемого не только от участников судебного разбирательства, но и от публики, находящейся в зале судебного заседания; во-вторых, допрос без визуального наблюдения еще не есть гарантия сохранения в тайне личности защищаемого: практика показала, что он может быть узнан по особенностям речи¹⁰¹¹.

УПК Швейцарии 2007 г. содержит ст. 150 «Гарантия анонимности», и одним из ее положений, в отличие от УПК РФ, является именно гарантированность защищаемому лицу участие в судопроизводстве под псевдонимом: данный УПК не предусматривает заявления и удовлетворения ходатайств со стороны защиты о раскрытии личности защищаемого лица; согласно ч. 6 ст. 150 использование псевдонима отменяется лишь при условии, что необходимость в нем «очевидно отпала».

В Эстонии институт анонимных потерпевшего и свидетеля существует с середины 90-х гг. XX в. Участие в уголовном процессе под псевдонимом оформляется мотивированным постановлением следователя по ходатайству свидетеля, потерпевшего либо по инициативе самого следователя (ч. 1 ст. 79¹ УПК Эстонии). При этом в материалах уголовного дела не фиксируются не только имя и адрес защищаемого, но и другие данные о нем, знание которых может привести к установлению его личности (УПК РФ подобной нормы не содержит, но необходимость следования этому правилу очевидна). При упоминании потерпевшего и свидетеля в материалах уголовного дела используется условное имя. Настоящие сведения о них вместе с подтверждающей правильность этих сведений подписью указываются на отдельном листе. Лист вкладывается в конверт, который печатается и хранится отдельно от уголовного дела. С содержанием конверта могут ознакомиться лишь следователь, прокурор и суд, которые после ознакомления вновь печатают конверт и проставляют на нем свои подписи» (ч. 3 ст. 79¹ УПК Эстонии) — процес-

¹⁰¹⁰ И в *модельном Законе о государственной защите потерпевших* использована более удачная формулировка, нежели в российском УПК: согласно его ст. 6 допрос защищаемых лиц осуществляется «в условиях, гарантирующих их безопасность и анонимность».

¹⁰¹¹ См.: Справка прокуратуры Иркутской области «О применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства» от 10 декабря 2003 г. исх. № 15/5-2-2003-385 сл.; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

суальная деталь, которую следовало бы предусмотреть и отечественному законодателю.

В эстонских судах показания, данные защищаемым лицом, оглашаются (п. 4 ч. 1 ст. 246). Если же суд признает необходимым допросить свидетеля, допрос производится в отсутствие участников процесса на основании поставленных ими вопросов. Содержание показаний оглашается в судебном заседании (ч. 8 ст. 243). И еще одно важное позитивное отличие эстонского УПК от российского — согласно ч. 9 ст. 243 УПК Эстонии «свидетель, в отношении которого применен принцип анонимности, может быть допрошен в судебном заседании с участием участников процесса только с его согласия».

В Белоруссии основанием рассматриваемой меры безопасности является ч. 1 ст. 67 УПК, которая гласит: «Неразглашение сведений о личности заключается в изменении фамилии, имени, отчества, других анкетных данных, изменении сведений о месте жительства и работы (учебы) в заявлениях и сообщениях о преступлениях, материалах проверок, протоколах следственных и судебных действий, а также иных документах органов, ведущих уголовный процесс, путем замены этих данных иными. Подлинные данные, образец подписи, который будет использоваться в документах защищаемого лица, и постановление о применении данной меры безопасности незамедлительно направляются органом предварительного расследования прокурору, осуществляющему надзор за предварительным расследованием, и хранятся им по правилам *секретного делопроизводства*»¹⁰¹² (секретный режим хранения сведений о защищаемом лице установлен и в Молдавии согласно ч. 3 ст. 110 УПК). Российский УПК, к сожалению, такой гарантии сохранения в тайне сведений о защищаемом лице не содержит.

Как видно, в зарубежном законодательстве ряд аспектов *института псевдонимов в уголовном процессе* урегулирован более детально, нежели в российском. В последнем оказались допущенными серьезные пробелы — свидетельство не только сложности законодательного урегулирования данного института из-за его новизны в России, но и следствие того, что проблема посткриминального воздействия в период разработки УПК РФ находилась на периферии внимания отечественного законодателя.

Указанные отличия зарубежного законодательства от отечественного могут быть учтены при совершенствовании УПК РФ. Во всяком случае, в нем надлежит предусмотреть: возможность использования псевдонима

¹⁰¹² См.: УПК Республики Беларусь // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. Минск, 1999. № 28–29. Ст. 433.

уже в заявлении гражданина о преступлении; исключение из уголовного дела протокола допроса гражданина, если угроза посткриминального воздействия возникла после производства допроса, и повторного допроса защищаемого лица под псевдонимом (либо приобщения к материалам дела копии существующего протокола допроса с заменой в нем сведений о защищаемом лице на псевдоним); хранение подлинных данных защищаемого по правилам секретного делопроизводства; допрос без псевдонима лица, которому ранее был предоставлен псевдоним, лишь с согласия этого лица; запрет постановления обвинительного приговора, если доказательствами вины подсудимого являются только показания, данные под псевдонимом.

Заслуживает внимания и предложение дополнить ч. 5 ст. 234 («Порядок проведения предварительного слушания») УПК РФ правилом, согласно которому при заявлении одной из сторон ходатайства об исключении доказательства и отсутствии представителя другой стороны¹⁰¹³ вследствие его участия в судопроизводстве под псевдонимом, указанное ходатайство в рамках предварительного слушания удовлетворению не подлежит¹⁰¹⁴. Представляется также, что до появления в УПК РФ указанной новеллы в описанной ситуации судье надлежит выяснить, имеются ли у отсутствующего участника уголовного процесса возражения против вышеуказанного ходатайства, для чего с последним может быть организована телефонная связь либо его мнение судьей может быть получено в письменном виде.

Анализ УПК РФ позволяет дать следующие комментарии его норм, связанных с использованием псевдонимов, и рекомендации по их применению:

Если потерпевший и свидетель были допрошены под псевдонимом в стадии предварительного расследования и основания применения данной меры безопасности с началом судебного производства не отпали, в ходе судебного производства данные лица должны допрашиваться *под псевдонимом и в условиях, исключающих их визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства*, что, конечно, не снимает с суда обязанности, согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ, вынести мотивированное определение (постановление) о производстве допроса в указанных условиях¹⁰¹⁵.

¹⁰¹³ Мнение которого необходимо для разрешения данного ходатайства.

¹⁰¹⁴ См.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 206. Это же правило необходимо и при применении вышерассмотренной меры безопасности в виде демонстрации в зале суда видеозаписи или оглашения показаний, данных защищаемым лицом в стадии предварительного расследования без его вызова в судебное заседание.

¹⁰¹⁵ Производство допроса в указанных условиях без соответствующего постановления председательствующего стало одним из оснований отмены обвинительного приговора //

Очевидно, что при вынесении судом постановления (определения), предусмотренного ч. 5 ст. 278 УПК РФ, условия, указанные в данной части ст. 278 УПК РФ, должны обеспечиваться и при допросе защищаемого лица по ходатайству сторон (согласно ч. 8 ст. 234 УПК РФ) в рамках предварительного слушания.

Представляется (прямых указаний в УПК РФ на этот счет нет), что лицо, которому был предоставлен псевдоним в порядке ч. 9 ст. 166 УПК РФ, может быть допрошено в суде в *обычном* порядке только после вынесения судом мотивированного определения (постановления), содержащего вывод об отсутствии возможной угрозы посткриминального воздействия.

В условиях, предусмотренных ч. 5 ст. 278 УПК РФ, может быть допрошен и человек, который ранее — в ходе предварительного расследования или предшествовавших судебных заседаний — не допрашивался. Такой допрос осуществляется по определению (постановлению) суда, инициированному самим судом, ходатайством государственного обвинителя либо указанного человека¹⁰¹⁶.

Определение (постановление) о допросе под псевдонимом в условиях, предусмотренных ч. 5 ст. 278 УПК РФ, следует выносить в совещательной комнате, что возможно в соответствии с ч. 2 ст. 256 УПК РФ, и оно не должно оглашаться в той части, содержание которой позволит находящимся в зале судебного заседания идентифицировать защищаемое лицо (это является естественным ограничением установленного в ч. 1 ст. 256 УПК РФ правила оглашения определений и постановлений суда).

Если гражданин участвует в уголовном процессе под псевдонимом, то все действия, возможные с его участием в стадии судебного разбирательства: следственный эксперимент (ст. 288 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 289 УПК РФ) и др. — должны осуществляться таким образом, чтобы была сохранена анонимность защищаемого.

В ходе всего судебного производства необходимо исключить доступ к конверту с подлинными данными защищаемого лица всех, кроме судьи, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело. К сожалению, норм, обеспечивающих это, «Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде»¹⁰¹⁷ и «Инструкция по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных су-

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июля 2004 г. № 32-о04-37/сп (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 8. С. 21–22).

¹⁰¹⁶ Такая вариантность прямо указана, например, в ч. 6 ст. 303 УПК Украины.

¹⁰¹⁷ Утверждена Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36.

дах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов»¹⁰¹⁸ не содержат, вследствие чего сведения о защищаемом лице могут стать известными достаточно широкому кругу работников аппарата суда, прежде всего работникам отдела делопроизводства. Во избежание этого конверт с постановлением, содержащем сведения о защищаемом лице, при поступлении с уголовным делом в суд не должен вскрываться работниками отдела делопроизводства, храниться же он должен у судьи, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело (при условии, что кабинет судьи обеспечивает сохранность данного конверта). Представляется, что условия вскрытия указанного конверта и его хранения, в том числе после вступления приговора в законную силу, должны быть отражены непосредственно в УПК РФ и, при необходимости, детализированы в вышеуказанных инструкциях¹⁰¹⁹. Пока же в большинстве случаев конверты с вложенными в них постановлениями о сохранении в тайне данных о личности потерпевших и свидетелей хранятся вместе с уголовными делами¹⁰²⁰.

Очевидно также, что вызов в суд лица, участвующего в процессе под псевдонимом, не должен производиться в обычном порядке, то есть повесткой, оформляемой секретарем судебного заседания, поскольку это сопряжено с вскрытием им конверта, в котором хранится постановление о предоставлении защищаемому лицу псевдонима, и с ознакомлением с подлинными сведениями о защищаемом не только секретаря, но, возможно, и иных лиц, что чревато возникновением опасности для защищаемого¹⁰²¹. В Украине, например, эта проблема решена следующим

¹⁰¹⁸ Утверждена Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 декабря 2004 г. № 161.

¹⁰¹⁹ Высказано также предложение об установлении правила хранения постановлений о сохранении в тайне личностей защищаемых лиц, когда они являются *конфидентами, лицами, внедренными в ОПГ, или штатными негласными сотрудниками осуществляющего ОРД органа*, в соответствующем оперативном подразделении (см.: *Павличенко Н.В.* Допрос под псевдонимом субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности: проблемы согласования норм уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства // *Оперативник (сыщик)*. М., 2009. № 2. С. 20).

¹⁰²⁰ См.: *Малов А.А., Тимошенко А.А.* Указ. соч. С. 18.

¹⁰²¹ При расследовании преступления под псевдонимом был допрошен негласный сотрудник органа, осуществляющего ОРД. После поступления уголовного дела в суд конверт, в котором хранилось постановление с указанием подлинных данных этого свидетеля, был вскрыт неустановленным лицом; через несколько дней свидетель был убит (см.: Справка Управления по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами Генеральной прокуратуры РФ о применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства от 24 декабря 2003 г. исх. № 12/12-03; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ).

образом: в соответствии с ч. 2 ст. 224 УПК Украины в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, указывается адрес правоохранительного органа, через который и осуществляется вызов защищаемого лица в суд; представляется необходимым установить это правило и в УПК РФ. Очевидно также, что в решении этого вопроса должны принимать участие судья, в производстве которого находится уголовное дело, судебные приставы и представители органа, которым было проведено предварительное расследование, а при необходимости сотрудники и иных подразделений правоохранительных органов, в том числе осуществляющих ОРД. В любом случае безопасность защищаемого лица может быть обеспечена при условии, если маршруты его доставки в судебное заседание и удаления из суда не станут известны посторонним. На нерешенность этого вопроса на законодательном уровне в 2008 г. было обращено внимание и прокуратурой Московской области в ходе проверки исполнения законодательства о защите участников уголовного процесса¹⁰²².

В силу самой сущности рассматриваемой меры безопасности:

- к защищаемому лицу не применяются предусмотренные ст. 262 УПК РФ правила проверки явки в суд (проверка может заключаться, в частности, в получении председательствующим информации по телефону о готовности защищаемого лица явиться к определенному времени в суд или в иное место для производства допроса в условиях, предусмотренных ч. 5 ст. 278 УПК РФ);
- при выяснении председательствующим в порядке ч. 2 ст. 278 УПК РФ отношения защищаемого лица к подсудимому и потерпевшему соответствующие сведения могут быть оглашены председательствующим и зафиксированы в протоколе судебного заседания только в той мере, в какой это исключает возможность идентификации защищаемого лица;
- допрос защищаемого лица должен проводиться в условиях, исключающих его визуальное наблюдение не только другими участниками судебного разбирательства (на что прямо указано в ч. 5 ст. 278 УПК РФ), включая секретаря судебного заседания, поскольку тот, согласно ст. 30 УПК РФ, не входит в состав суда, но и публикой в зале судебного заседания (представляется целесообразным внести соответствующие коррективы в ст.ст. 262 и 278 УПК РФ).

Присяжные заседатели, в отличие от секретаря судебного заседания, согласно п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, входят в состав суда. Представляется, что при разрешении дела с их участием независимо от того, допрошено ли лицо, участвующее в уголовном судопроизводстве под псевдонимом,

¹⁰²² См.: <http://www.mosoblproc.ru/news/?id=738&print=1>

(1) в присутствии присяжных заседателей или (2) вне их визуального наблюдения (в Ростовском областном суде, например, применяется второй вариант¹⁰²³), подлинные данные об указанном лице должны остаться известными только профессиональному судье, то есть председательствующему (в польских, германских и французских судах допрос защищаемого лица может проводиться как судом, так и судьей, назначенным судом из своего состава¹⁰²⁴; очевидно, это должно быть предусмотрено и в УПК РФ).

В ч. 5 ст. 278 УПК РФ не указан конкретный способ, исключающий визуальное наблюдение допрашиваемого другими участниками процесса, поэтому возможны три варианта: (1) удаление из зала судебного заседания его участников, кроме судей и лица, подлежащего допросу; (2) допрос защищаемого судьями вне зала суда (в другом помещении в здании суда либо вне этого здания); (3) производство допроса с использованием аудио- либо видеотрансляции, когда судьи находятся в зале суда, а защищаемое лицо в ином месте¹⁰²⁵. Последний вариант является оптимальным. При его использовании должны применяться аудио- и видеопомехи¹⁰²⁶, исключающие возможность узнавания защищаемого лица теми, кто находится в зале суда. Применение таких помех, в том числе с помощью компьютерных программ, признано допустимым Верховным Судом РФ¹⁰²⁷. При этом аудиопомехи должны исключать возможность идентификации защищаемого лица и по присущим ему особенностям речи (из-за несоблюдения этого правила при допросе в условиях, предусмотренных ч. 5 ст. 278 УПК РФ, свидетель был признан подсудимым по одному лишь дефекту речи¹⁰²⁸), а видеопомехи должны препятствовать

¹⁰²³ См.: Допрос под псевдонимом (<http://www.taganrog.su/node/5446>).

¹⁰²⁴ См.: *Gosk Z. Op. cit. S. 69; Paprzycki L. Op. cit. S. 20; Kertesz I. Op. cit. 194 old.*

¹⁰²⁵ Данный вариант, например, прямо указан в абз. 1 ст. 141 УПК Болгарии для обеспечения безопасности лиц, находящихся за границей. В Украине согласно ч. 6 ст. 303 УПК суд выносит постановление о проведении допроса «с использованием технических средств из другого помещения, в том числе за пределами помещения суда».

¹⁰²⁶ Видео- и аудиопомехи применяются в Латвии (см.: *Шешуков М. П. Указ. соч. С. 85*), Белоруссии (ч. 3 ст. 68 УПК), Италии (см.: *Chiavario M. Op. cit. P. 213*), Франции (ст. 706–61 УПК), Эстонии (см.: Уездный суд получил устройство для искажения голоса // <http://ru-sarhiiv.pohjarannik.ee/print.php?sid=8640>), Германии (*Бойльке В. Указ. соч. С. 245*). В Швейцарии они применялись как до принятия конфедерального УПК 2007 г. (см. об этом: *Josef P., Ruckstuhl N. V-Mann-Problematisierung aus der Sicht der Verteidigung // Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht. Bern. 1993. Bd. 111. N. 4. S. 372*), так и в настоящее время на основании п. «d» ч. 2 ст. 149 указанного Кодекса.

¹⁰²⁷ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2006 г. № 43-О06-9 // СПС «Гарант».

¹⁰²⁸ См.: Справка прокуратуры Иркутской области «О применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства» от 10 декабря 2003 г.

идентификации в том числе по характерным для защищаемого лица особенностям поведения: жестах, мимике и проч.¹⁰²⁹

Рассматриваемая мера безопасности, как уже отмечалось выше, нашла достаточно широкое применение в России. Например, в судах Курганской области видеотрансляция осуществляется с помощью персональных компьютеров, подключенных к единой сети и оснащенных веб-камерами; компьютерная программа генерирует видео- и аудиопомехи¹⁰³⁰, только в Шадринском городском суде в 2004 г. было проведено 8 судебных заседаний с использованием видеотрансляции¹⁰³¹. Сходная аппаратура используется в судах Саратовской и Оренбургской областей¹⁰³². В Казани на одном из судебных процессов свидетели были в масках и скрывающей фигу-

исх. № 15/5–2–2003–385 сл.; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

¹⁰²⁹ Представляется уместным привести аргументы П. Вилиньского в ответ на высказанные в польской литературе доводы о том, что невозможность для стороны защиты наблюдать поведение свидетеля во время его допроса нарушает право на защиту: «Очевидно, что спонтанные и неконтролируемые реакции лиц, дающих показания (мимика, телодвижения) могут предоставить дополнительные сведения о самом свидетеле и достоверности его показаний. Могут, но не должны. В действительности никогда не проводились исследования, какое влияние на достоверность и возможность верификации показаний свидетеля имеет его поведение. Чересчур далеко идущими и упрошающими вопрос являются аргументы, из которых следует, что поведение, а не содержание показаний свидетеля является принципиальным фактором. Более того, следует помнить о том, что свидетели, взволнованные фактом дачи показаний в суде, могут обнаружить нервозность в движениях, напряженность, раздражение, бурное реагирование на заданные вопросы, трудности сосредоточения... вводящие в заблуждение тех, кто их слушает. Эти реакции связаны не с содержанием вопросов либо ответов, а с самим фактом дачи показаний. В свою очередь, некоторые лица реагируют иначе, демонстрируя полное внешнее отсутствие эмоций... Наблюдение за свидетелем во время допроса не означает автоматического распознавания достоверности его показаний; в свою очередь невозможность наблюдать реакцию свидетеля не может автоматически отождествляться с нарушением принципа права на защиту. В противном случае нарушение принципа права на защиту происходило бы всегда, когда обвиняемый не участвовал в допросе свидетеля, показания которого были потом оглашены, например, в случае смерти свидетеля либо при других обстоятельствах, о которых идет речь в статье 391 УПК» (*Wiliński P.* Op. cit. S. 40–41).

¹⁰³⁰ См.: Засекреченные свидетели в Кургане дают показания через видеоконференцсвязь // http://www.park.kurgan.ru/news/news_one.php?n=kurgan&num=409.

¹⁰³¹ См.: *Данилов М.В., Останина Л.А.* Применение технологии видеоконференцсвязи по обеспечению мер безопасности участников уголовного процесса в районных (городских) судах Курганской области // http://www.usd.kurganregion.ru/publications.jsp?s_main=33.

¹⁰³² В области осуществляются мероприятия по защите свидетелей // <http://saratov.rfn.ru/rnews.html?id=2801&date=24-03-2005>; *Бормотова Л.В.* Проблемные вопросы практики применения мер безопасности в Оренбургской области // *Безопасность бизнеса.* М., 2006. № 2. С. 17.

ру одежде; их размещали в соседней с залом судебного заседания комнате, где были установлены микрофоны и видекамера. Судья заходил в эту комнату, удостоверился в личности свидетеля и возвращался в зал суда, где все происходящее транслировалось с аудиопомехами на экране¹⁰³³. В одном из судов Ставропольского края использовались микрофоны и акустические мониторы, установленные в помещении, где допрашивались свидетели, и в зале судебного заседания, а также процессор, искажающий голоса допрашиваемых. Сходная аппаратура применяется в судах Башкирии¹⁰³⁴, Кемеровской¹⁰³⁵, Нижегородской¹⁰³⁶, Ростовской¹⁰³⁷ и Ярославской областях, Хабаровского края. В Свердловском областном суде защищаемый свидетель давал показания с помощью системы «видеоконференц-связи», находясь в другой области — в здании Челябинского областного суда, при этом его голос искажался, а изображение лица на экране было «размыто»¹⁰³⁸. В то же время в 2008 г. в качестве основной проблемы, препятствующей использованию рассматриваемой меры безопасности в других субъектах Российской Федерации, указывалось отсутствие в судах специальных помещений и оборудования, в том числе для искажения голоса защищаемого лица, а также специалистов по эксплуатации этого оборудования¹⁰³⁹. О создании таких помещений и оснащении их необходимой аппаратурой принято решение в рамках оперативного совещания Совета Безопасности РФ от 8 мая 2009 г.¹⁰⁴⁰

При отсутствии в суде необходимых технических средств защищаемого допрашивают в смежной с залом судебного заседания комнате при открытой в нее двери, либо за ширмой, установленной непосредственно в зале судебного заседания, либо посредством «громкой связи» с использованием сотовых телефонов. Если существует опасность идентифи-

¹⁰³³ См.: Рылова Э. Жизнь и смерть «казанского феномена». Лидеры оргпреступности Казани получили пожизненный срок // Росс. газета. 2002. 5 февраля.

¹⁰³⁴ См.: Гизатулина А. Нарковдова // <http://www.versia.bashinform.ru/show.php?i=99>

¹⁰³⁵ См.: Семенова Д. Теперь голоса свидетелей в России будут изменять // <http://www.utro.ru/articles/2005/03/21/419830.shtml>

¹⁰³⁶ См.: Кузнецов В. Закон об охране потерпевших и свидетелей // <http://www.sormovich.pnov.ru/archive/1207/>

¹⁰³⁷ См.: Допрос под псевдонимом // <http://www.taganrog.su/node/5446>

¹⁰³⁸ Сайт Свердловского областного суда // <http://oblsud.utnet.ru/news.php> — 26.07.2006.

¹⁰³⁹ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 10.

¹⁰⁴⁰ См.: п. 5 Протокола оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации от 8 мая 2009 г. «О повышении эффективности защиты прав и законных интересов граждан, пострадавших от преступных посягательств» // Официально протокол опубликован не был.

кации защищаемого по голосу, также используют подручные средства, например, в некоторых случаях свидетели, давая показания за ширмой либо будучи скрытыми плащом с капюшоном, говорили в металлическую кружку или стеклянную банку, чем искажались их голоса¹⁰⁴¹. При таких способах допроса не возникает сложности в отобрании у защищаемого лица предусмотренной ч. 2 ст. 278 УПК РФ подписки о разъяснении ему соответствующих прав, обязанностей и ответственности. В случаях же, когда защищаемое лицо будет давать показания из помещения, находящегося за пределами здания суда, разъяснение ему прав, обязанностей и ответственности может быть зафиксировано лишь в протоколе судебного заседания. Очевидно, что в ч. 2 ст. 278 УПК РФ должны быть внесены соответствующие коррективы, при этом может быть использован и зарубежный опыт в части обеспечения правдивости показаний свидетеля. Так, согласно § 67 УПК Германии, если допрашиваемый в суде свидетель ранее был допрошен (в ходе предварительного расследования или в ходе судебного разбирательства), судья вместо того, чтобы еще раз приводить свидетеля к присяге, вправе сослаться на присягу, ранее данную этим свидетелем.

Независимо от способа, исключающего визуальное наблюдение защищаемого лица, сторонам обвинения и защиты, исходя из содержания ч. 3 ст. 278 УПК РФ, должна быть предоставлена возможность задать ему вопросы. Непредоставление судами такой возможности повлекло отмену обвинительных приговоров в кассационном¹⁰⁴² и надзорном порядке¹⁰⁴³ (во избежание судебных ошибок целесообразно указать на право сторон задать защищаемому лицу вопросы непосредственно в ч. 5 ст. 278 УПК РФ подобно тому, как это сделано, например, в абз. 2 ст. 141 УПК Болгарии и в ч. 6 ст. 303 УПК Украины). Предоставление же стороне защиты в ходе судебного разбирательства возможности поставить перед свидетелем вопросы и получить ответы на них, наряду с *мотивированностью* постановления, которым российскими органами предваритель-

¹⁰⁴¹ См.: Елихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве: Мониторинг общественного мнения Республики Коми. Сыктывкар, 2002. С. 27; Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 10.

¹⁰⁴² См.: Справка Управления по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами Генеральной прокуратуры РФ о применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства от 24 декабря 2003 г. исх. № 12/12-03; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

¹⁰⁴³ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 марта 2005 г. № 24-Д04-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6. С. 29.

ного следствия свидетелю был присвоен псевдоним, обусловили вывод Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ об отсутствии нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену либо изменение обвинительного приговора¹⁰⁴⁴.

В ходе аудио- и видеотрансляции вопросы могут задаваться сторонами непосредственно допрашиваемому, а последний может непосредственно в ходе трансляции отвечать на них. При использовании иных способов допроса в условиях, предусмотренных ч. 5 ст. 278 УПК РФ, вопросы задаются «письменно, с использованием технических средств или иным способом»¹⁰⁴⁵. Ответы на них даются также в письменном виде и оглашаются сторонам судьей¹⁰⁴⁶. Независимо от способа постановки вопросов те из них, которые направлены на раскрытие личности допрашиваемого, подлежат отводу. Отводу подлежат также вопросы, полностью либо в соответствующей части, хотя бы прямо и не направленные на идентификацию защищаемого лица, но ответы на которые могут привести к его идентификации. Если ответ на неотведенный вопрос может привести к идентификации, данный ответ не подлежит оглашению и занесению (полностью либо в соответствующей части) в протокол судебного заседания. УПК РФ не содержит соответствующих указаний, но, исходя из цели использования псевдонима — сохранения в тайне личности защищаемого лица, необходимость и правомерность этих мер очевидны. Тем не менее УПК РФ следует дополнить прямыми указаниями:

- на необходимость сохранения в тайне личности защищаемого лица как на основание отвода вышеуказанных вопросов¹⁰⁴⁷;
- на неоглашение и занесение в протокол судебного заседания ответов защищаемого лица, которые делают возможным раскрытие его

¹⁰⁴⁴ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2006 г. № 43-О06-9 // СПС «Гарант».

¹⁰⁴⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 марта 2005 г. № 24-Д04-9. Такие же способы постановки вопросов применяются в судах Польши (см.: *Wiliński P.* Op. cit. S. 38).

¹⁰⁴⁶ Ранее уже отмечалось, что в решении по делу *C. H. (S. N.) против Швеции* (2002 г.) ЕСПЧ указал: «Нельзя считать, что подпункт «d» пункта 3 Статьи 6 Конвенции требует во всех случаях, чтобы вопросы (потерпевшему. — *Примеч. авт.*) задавались непосредственно обвиняемым или его адвокатом».

¹⁰⁴⁷ На этот же аспект обращает внимание П. Вилиньский: «Процессуальный орган должен иметь право отклонять вопросы, направленные на установление не обстоятельств происшествия, а личности свидетеля, для чего следует внести соответствующее дополнение в статью 171 УПК (Польша. — *Примеч. авт.*), ибо даже уклонение свидетелем от ответа может, учитывая содержание вопроса, предоставить обвиняемому определенные сведения. Отклонение вопроса допрашивающим органом связано с меньшим риском» (*Wiliński P.* Op. cit. S. 39).

подлинных данных; наконец, на право защищаемого лица не отвечать на вышеуказанные вопросы, как это предусмотрено, например, в § 162 УПК Австрии¹⁰⁴⁸.

Заслуживает внимания и предложение Н.В. Павличенко — в тех случаях, когда псевдоним скрывает *конфидента, лица, внедренного в ОПГ, или штатного негласного сотрудника осуществляющего ОРД органа, о привлечении для их допроса руководителя соответствующего оперативного подразделения (в качестве специалиста), который будет участвовать в определении как вопросов допрашиваемому, подлежащих отводу, так и ответов допрашиваемого, не подлежащих оглашению* — с целью исключения раскрытия личности последнего¹⁰⁴⁹. Однако такое участие руководителя оперативного подразделения в уголовном процессе станет возможным лишь после внесения в ст. 58 УПК РФ («Специалист») соответствующего дополнения: в рамках существующего статуса специалиста вышеуказанная деятельность руководителя оперативного подразделения невозможна.

Что касается технической стороны неоглашения ответов защищаемого лица, то здесь может быть использован зарубежный опыт: в одном из судов Нидерландов допрос такого лица был организован следующим образом: «Свидетель был допрошен с использованием устройств для передачи звука на расстояние. В ходе допроса он находился в помещении, в котором находились также следователь, секретарь суда и двое полицейских, в том числе один, обслуживающий технические устройства. В другом помещении находились прокурор, защитник обвиняемого, Генеральный прокурор Апелляционного суда в Амстердаме и полицейский, обслуживающий технические устройства. Звуковая связь давала возможность запаздываний в трансляции передачи. Ответы свидетеля прослушивались сначала следователем при выключенной звуковой передаче, а позднее, если следователь считал, что ответы не ставят под угрозу безопасность свидетеля, повторялись при помощи звуковой связи лицам в другом помещении. Свидетель отвечал также на вопросы защиты, в том числе на девяносто вопросов, заранее пересланных по факсу защитником. Следователь не позволил ответить на некоторые из вопросов защитника, указывая в качестве причины отказа чаще всего отсутствие связи с делом или тесную связь вопросов с личностью свидетеля»¹⁰⁵⁰. Сторона защиты обжаловала изложенную процедуру допроса в ЕСПЧ (дело *Кок*

¹⁰⁴⁸ См.: Österreichische Strafprozessordnung. Wien., 2008.

¹⁰⁴⁹ См.: Павличенко Н.В. Указ. соч. С. 20–21.

¹⁰⁵⁰ Цит. по: Wilifski P. Op. cit. S. 33.

(Кок) против Нидерландов, 2000 г.), который не усмотрел нарушения права на защиту изложенным способом допроса¹⁰⁵¹.

Очевидно, что когда российские суды в достаточной степени будут оснащены современной аппаратурой, процедура предусмотренного ч. 5 ст. 278 УПК РФ допроса будет унифицирована на основе компьютерных и видеотехнологий¹⁰⁵². В то же время, как представляется, не следует вносить в УПК РФ изменения, лишающие суд возможности выбрать иной способ обеспечения безопасности защищаемого, если по каким-либо причинам использование современных технологий окажется невозможным.

В соответствии с ч. 6 ст. 278 УПК РФ стороны вправе заявить ходатайство о раскрытии подлинных сведений о лицах, участвующих в процессе под псевдонимом. Исходя из содержания ч. 6 ст. 278 УПК РФ, такое раскрытие возможно и в апелляционной инстанции, поскольку ч. 1 ст. 365 УПК РФ определяет: производство в апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35–39 УПК РФ с изъятиями, предусмотренными главой 44, данная же глава каких-либо изъятий из ст. 278 УПК РФ не предусматривает. В то же время раскрытие сведений о защищаемом возможно лишь в случае, если заявлено соответствующее ходатайство (в первые годы действия УПК РФ имели место случаи раскрытия сведений без заявления такого ходатайства, что, очевидно, являлось следствием недостаточного знания судьями нового Закона). При удовлетворении ходатайства, предусмотренного ч. 6 ст. 278 УПК РФ, возможность ознакомиться с подлинными сведениями о защищаемом лице суд предоставляет *сторонам*, но не иным участникам уголовного судопроизводства и публике, находящейся в зале судебного заседания.

Следует обратить внимание на то, что в ч. 6 ст. 278 УПК РФ допущен отход от естественной и понятной формулы: обоснованное ходатайство должно быть удовлетворено, необоснованное удовлетворению не подлежит. Согласно же ч. 6 ст. 278 УПК РФ суд *вправе* не удовлетворить *обоснованное* ходатайство. Чем же суд должен руководствоваться, отказывая в удовлетворении такого ходатайства? В УПК РФ ответа нет. Нет его и в издании, вышедшем под редакцией заместителя Председателя Верховного Суда РФ, где на вопрос, *обязан* ли суд удовлетворить вышеуказанное обоснованное ходатайство, дана лишь ссылка на соответствующее

¹⁰⁵¹ Op. cit. S. 33.

¹⁰⁵² С 2004 г. в рамках Государственной автоматизированной системы «Правосудие» проводятся мероприятия по созданию региональных систем видеоконференцсвязи с подключением к федеральной системе Верховного Суда России всех субъектов РФ (см.: Видеоконференцсвязь. Пять лет на службе правосудия // http://www.supcourt.ru/print_page.php?id=2500)

право суда, то есть повторено алогичное положение Закона¹⁰⁵³. О явном несовершенстве ч. 6 ст. 278 УПК РФ свидетельствует судебная практика. Так, 18 июля 2006 г. судья Карачаевского городского суда *Ц.* при рассмотрении уголовного дела по обвинению *Д.* и *К.* в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 162 и ч. 2 ст. 222 УК РФ, огласила подлинные данные о личности свидетеля *Ш.* несмотря на протест последнего. После этого в отношении *Ш.* и членов его семьи стали поступать угрозы убийством. Аналогичные действия судьи Мичуринского городского суда Тамбовской области привели к тому, что свидетель, личность которого была раскрыта, подвергся нападению, ему были причинены телесные повреждения¹⁰⁵⁴.

Представляется, что, разрешая предусмотренное ч. 6 ст. 278 УПК РФ ходатайство, суду следует руководствоваться позицией человека, которому обещали защиту от преступников и потому предоставили псевдоним, то есть указанное ходатайство не может быть удовлетворено без согласия защищаемого лица — подобно тому, как это предусмотрено в ст. 706–60 УПК Франции. Здесь следует заметить, что в Украине раскрытие сведений о защищаемом лице на основании ходатайств сторон вообще не предусмотрена¹⁰⁵⁵. Более того, согласно ст. 69 украинского УПК не могут быть допрошены: «4) свидетель, который... дает показания под псевдонимом, — в отношении действительных данных о своей личности; 5) лицо, располагающее сведениями в отношении действительных данных о свидетеле, который... дает показания под псевдонимом — относительно этих данных».

В связи с жалобой на то, что сохранение в тайне данных о свидетеле не позволяет проверить правдивость его показаний, Конституционный Суд РФ в Определении от 21 апреля 2005 г. № 240-О обратил внимание, что, помимо предусмотренного ч. 6 ст. 278 УПК РФ ходатайства, существуют и иные способы обеспечения прав подсудимого: «особенности получения доказательств (предусмотренные ч. 9 ст. 166 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ. — *Примеч. авт.*) не лишают суд и участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне обвинения или защиты и обладающих в состязательном процессе равными правами, возможности

¹⁰⁵³ См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Практик. пособие / Под ред. В.П. Верина. М., 2008. С. 245–246.

¹⁰⁵⁴ См.: Малов А.А., Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 15.

¹⁰⁵⁵ Часть 1 ст. 52⁴ УПК Украины содержит исчерпывающий перечень оснований отмены мер безопасности, то есть и псевдонима: истечение срока конкретной меры безопасности, устранение угрозы защищаемому лицу, систематическое невыполнение защищаемым лицом законных требований субъекта, осуществляющего меры безопасности, если это лицо письменно было предупреждено о возможности такой отмены.

проведения проверки получаемого таким способом доказательств, в частности, путем постановки перед свидетелем вопросов, заявления ходатайств о проведении процессуальных действий, представления доказательств, опровергающих или ставящих под сомнение достоверность этого доказательства (ч. 3 ст. 278, гл. 15 и ст. 86 УПК Российской Федерации)... В уголовно-процессуальном законе, нормы и институты которого применяются в их единстве и взаимосвязи, наряду с перечисленными содержатся *иные* механизмы проверки и устранения доказательств, а также способы обеспечения и защиты прав подсудимого»¹⁰⁵⁶. Нормы УПК РФ, обеспечивающие безопасность потерпевших и свидетелей, обжаловались в Конституционном Суде РФ и позже, однако им было подтверждено соответствие этих норм российской Конституции, причем данный вывод в значительной степени основан на международно-правовых актах (ст. 22 Конвенции Совета Европы от 27 января 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию; ст. 24 Конвенции ООН от 15 ноября 2000 г. против транснациональной организованной преступности; ст. 32 Конвенции ООН от 31 октября 2003 г. против коррупции; п. 17 Рекомендации № R (2005) 9 от 20 апреля 2005 г. Комитета Министров Совета Европы «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием»)»¹⁰⁵⁷. Подробнее о содержании этих актов см. § 1 главы II.

Обращает на себя внимание схожесть изложенной позиции российского Конституционного Суда и результатов исследований, проведенных П. Вилиньским в Польше в 2000–2001 гг.: на вопрос «Влияет ли институт анонимного свидетеля на положение обвиняемого в уголовном судопроизводстве?» большинство опрошенных П. Вилиньским прокуроров и судей (31,4% респондентов) ответили: не влияет, «если обвиняемый воспользуется *всеми* принадлежащими ему правами»; 15,6% респондентов ответили — «совсем не влияет»¹⁰⁵⁸.

В соответствии с ч. 4 ст. 7 и ч. 1 ст. 256 УПК РФ независимо от сущности решения суда по ходатайству, предусмотренному ч. 6 ст. 278 УПК РФ,

¹⁰⁵⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹⁰⁵⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2007 г. № 622-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скепского Владислава Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, пунктом 4 части второй статьи 241, частью пятой статьи 278 и частью шестой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹⁰⁵⁸ См.: *Wiliński P.* Op. cit. S. 31.

решение должно быть облечено в форму *мотивированного* определения либо постановления.

В случае если псевдоним скрывает: (1) *лиц, внедренных в ОПГ*; (2) *конфидентов* и (3) *негласных штатных сотрудников органов, осуществляющих ОРД*, суд не вправе провести соответствующее ознакомление без обращения с запросом к руководителю органа, осуществляющего ОРД, и к лицу, выступающему под псевдонимом¹⁰⁵⁹. Ознакомление состоится, если указанные субъекты согласятся на это, то есть повторно предпримут действия, предусмотренные в ч. 1 и 2 ст. 12 Закона об ОРД. На этот раз — для ознакомления с подлинными данными защищаемого не следователя, руководителя следственного органа, надзирающего за расследованием прокурора и суда, а *сторон* (сведения о перечисленных лицах, согласно ч. 1 ст. 12 Закона об ОРД, составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД; кроме того, в соответствии с ч. 2 этой же статьи предание гласности сведений об указанных лицах допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами).

При выводе суда о необходимости раскрытия сторонам подлинных сведений о защищаемом лице, но при несогласии с этим самого защищаемого либо руководителя органа, осуществляющего ОРД (то есть при отказе выполнить действия, предусмотренные ч.ч. 1 и 2 ст. 12 Закона об ОРД), личность защищаемого останется неизвестной для сторон, и, как представляется, в этом случае его показания суд должен исключить из исследуемого перечня доказательств (такое правило предусмотрено, например, в уже упоминавшейся ст. 706-60 французского УПК; такое же по сути положение содержит ч. 3 ст. 150 УПК Швейцарии, согласно которой при отмене участия лица в уголовном процессе под псевдонимом полученные от него показания не могут использоваться в процессе дознания). При этом, поскольку исключение показаний не обусловлено нарушением норм УПК РФ судом, следователем, органом дознания или дознавателем, не могут быть подвергнуты сомнению законность и обос-

¹⁰⁵⁹ Иначе вопрос безопасности сотрудников, которые, пользуясь отечественной терминологией, осуществляют ОРД, решается в Швейцарии: там, согласно ч. 2 ст. 288 и ч. 4 ст. 289 УПК этой страны, сотрудникам полиции, ведущим «скрытое расследование» (*verdeckte Ermittlung*) и снабженным «легендой», в начале такого расследования совместным решением суда и прокуратуры может быть дана гарантия в том, что подлинные сведения о них не будут раскрыты при их участии в судебном процессе в качестве свидетелей. Согласно п. «b» ч. 1 ст. 151 УПК Швейцарии никакие данные о настоящей личности таких свидетелей не заносятся в материалы уголовного дела.

нованность уголовно-процессуальных решений (об обыске, избрании меры пресечения и проч.), которые были приняты на основании либо с учетом показаний псевдонимов, допустимость других доказательств, полученных благодаря их показаниям.

Положения, содержащиеся в предыдущем абзаце, как и мнение о том, что раскрытие личности человека, дающего показания под псевдонимом, не должно осуществляться без его согласия, были изложены автором вскоре после введения в действие УПК РФ¹⁰⁶⁰, а в последующих исследованиях стали уже общим местом¹⁰⁶¹, и, тем не менее, до настоящего времени не нашли отражения в УПК РФ.

Безопасность потерпевшего и его представителя, участвующих в процессе под псевдонимом, в ходе *прений сторон* может быть обеспечена за счет оглашения их выступлений, переданных в письменном виде государственному обвинителю (поскольку в соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ потерпевший, его представитель и государственный обвинитель относятся к одной стороне — *стороне обвинения*), либо с помощью вышеуказанных технических средств, которые исключают идентификацию потерпевшего, его представителя при их *непосредственном* выступлении.

Если подлинные сведения о защищаемом лице стали известны — вследствие несоблюдения правил хранения постановления и иных документов, содержащих указанные сведения, либо вследствие иных причин, не предусмотренных УПК РФ, — лицу, не имеющему права доступа к ним, об этом надлежит немедленно уведомить защищаемого субъекта (такое требование закреплено, например, в ч. 5 ст. 99 УПК Армении 1998 г.) и, поскольку угроза посткриминального воздействия не устранена, принять в отношении защищаемого другие необходимые меры безопасности, предусмотренные действующим законодательством. В полной мере эта рекомендация относится и к *досудебному* производству. Верно и мнение, что в случае, когда подсудимый либо защитник в судебном заседании называют подлинные сведения о защищаемом лице, суд, несмотря на это, должен до-

¹⁰⁶⁰ См.: *Брусницын Л.* Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК // Росс. юстиция. 2003. № 5. С. 50.

¹⁰⁶¹ См., например: *Василенко Н.Н.* Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе России: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2005. С. 144–145; *Меринев Э.А.* Реализация института недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве (теория и практика): Дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 174; *Каковкин М.С.* Участие свидетеля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: Дисс. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 102; *Халиков А.* Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2008. № 4. С. 124; *Томилова Н.С.* Принципы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 140.

просить защищаемого по правилам, предусмотренным ч. 5 ст. 278 УПК РФ, поскольку подсудимый и защитник могут лишь предполагать, кто скрывается под псевдонимом¹⁰⁶², и этому предположению не следует давать подтверждение, допрашивая защищаемое лицо в обычном порядке.

Возникает вопрос о возможности использования псевдонима в судах кассационной и надзорной инстанции. В отношении скрываемого под псевдонимом свидетеля ответ ясен: УПК РФ не предусматривает возможность раскрытия его подлинных данных в указанных инстанциях. Не могут быть раскрыты в этих инстанциях подлинные сведения и о потерпевшем, если речь идет о его показаниях, данных под псевдонимом. Но потерпевший и его представитель, в отличие от свидетеля, наделены правом кассационного обжалования судебных решений, согласно же п. 2 ч. 1 ст. 375 УПК РФ кассационная жалоба должна содержать данные о потерпевшем (либо о его представителе) и о его месте жительства.

По мнению автора, если потерпевший и его представитель участвовали под псевдонимом в предыдущих стадиях уголовного процесса, то в суде кассационной инстанции они также вправе участвовать под псевдонимом (если, конечно, применение данной меры безопасности не было отменено вследствие устранения угрозы посткриминального воздействия). Иное по сути лишило бы потерпевшего и его представителя права на кассационное обжалование судебных решений и на участие в судебном разбирательстве уголовного дела второй инстанции в ситуации, когда опасность посткриминального воздействия не устранена. Стоит обратить внимание и на то, что обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства отнесено к его принципам (ст. 11 УПК РФ), то есть должно осуществляться во всех стадиях уголовного судопроизводства. Исходя из вышеизложенного, потерпевший и его представитель вправе участвовать под псевдонимом в судебном заседании и при рассмотрении дела судом надзорной инстанции (согласно п. 14 ч. 2 ст. 42 и ч. 2 ст. 407 УПК РФ они вправе принять участие в таком судебном заседании).

Порядок участия потерпевшего (его представителя) под псевдонимом в суде кассационной и надзорной инстанции не урегулирован. Тем не менее их право на участие в этих судах под псевдонимом должно обеспечиваться, в том числе за счет применения — по аналогии¹⁰⁶³ — положений, предусмотренных ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Кроме того, одно из возможных

¹⁰⁶² См.: Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 159.

¹⁰⁶³ Применение аналогии закона в уголовном процессе признано возможным Конституционным Судом РФ в постановлении от 2 февраля 1996 г. № 4-П; от 28 ноября 1996 г. № 19-П; от 2 июля 1998 г. № 20-П.

средств этого в рамках действующей редакции УПК РФ — направление стороне защиты копии кассационной жалобы без указания в ней подлинных сведений о защищаемом лице¹⁰⁶⁴.

Очевидно, что приведенные пробелы нормативного урегулирования использования псевдонимов в отечественном уголовном процессе подлежат устранению. С этой целью п. 2 ч. 1 ст. 375 УПК РФ («Кассационные жалоба и представление») и п. 3 ч. 1 ст. 388 УПК РФ («Кассационное определение») могут быть дополнены следующим предложением: «При применении меры безопасности, предусмотренной ч. 5 ст. 278 настоящего Кодекса, вместо данных о лице, подавшем жалобу, указывается его псевдоним»¹⁰⁶⁵. Данное дополнение позволит также использовать псевдоним:

— в надзорных жалобе и представлении (так как, согласно ч. 1 ст. 404 УПК РФ, они составляются в соответствии с требованиями ст. 375 УПК РФ);

— в определении и постановлении суда надзорной инстанции (поскольку они, согласно ч. 3 ст. 408 УПК РФ, должны отвечать требованиям ст. 388 УПК РФ). Что касается изложенных автором *рекомендаций* по использованию псевдонимов, то представляется, что данные рекомендации также могут найти непосредственное нормативное выражение в Уголовно-процессуальном законе, сделают порядок использования псевдонимов более ясным для правоприменителя.

Надо сказать, что в России есть противники как использования псевдонимов, так и допросов вместо защищаемых граждан сотрудников правоохранительных органов, поскольку данные меры сопряжены с отступлением от правила непосредственного исследования доказательств в суде. Противники данных мер обоснованно обращают внимание на указанное обстоятельство, но их утверждения о несоответствии таких мер нормам Европейской конвенции безосновательны (причина данных утверждений в незнании либо в игнорировании прецедентов ЕСПЧ). Как было показано, такие меры безопасности признаются допустимыми в уголовном судопроизводстве не только зарубежными правовыми доктринами, но и международным сообществом в лице ООН и региональных международных организаций — признание допустимости выражено в нормативно-правовых документах сообщества и в правоприменительной деятельности его специального органа — ЕСПЧ (до 1998 г. и в решениях Европейской комиссии по правам человека). Признание ЕСПЧ допустимости мер безо-

¹⁰⁶⁴ См.: Чекулаев Д. Указ. соч. С. 31.

¹⁰⁶⁵ Аналогичным предложением может быть дополнен и п. 2 ч. 1 ст. 363 УПК РФ («Апелляционные жалоба или представление»).

пасности, сопряженных с отступлением от общих условий судебного разбирательства, есть признание того, что *применение данных мер не является нарушением норм Европейской конвенции*¹⁰⁶⁶. Кроме того, российские противники мер безопасности, сопряженных с отступлением от непосредственности исследования доказательств в суде, почему-то не подвергали в период действия УПК РСФСР и не подвергают в настоящее время критике другие исключения из общих условий судебного разбирательства¹⁰⁶⁷.

Завершая обзор мер безопасности, сопряженных с ограничением общих условий судебного разбирательства, следует обратиться к позиции ЕСПЧ в связи с использованием в стадии судебного разбирательства показаний лиц, выступающих под псевдонимами, или, как их называет сам ЕСПЧ, «анонимных свидетелей». Позиция ЕСПЧ выражена в ряде его решений:

В деле *Костовски (Kostovski) против Нидерландов* (1989 г.) ЕСПЧ указал: «Конвенция не препятствует тому, чтобы на предварительной фазе расследования судебные органы пользовались скрытыми источниками информации, но дальнейшее использование анонимных свидетельских показаний в качестве доказательств, *достаточных* для обоснования обвинения, вызывает сомнения»¹⁰⁶⁸.

¹⁰⁶⁶ Пункт 1 ст. 15 Европейской конвенции предусматривает и отступление от требований Конвенции — *в период чрезвычайного положения, угрожающего существованию нации*. Наличие такой ситуации было признано, например, в 1957 г. в Ирландии. Последняя, основываясь на п. 1 ст. 15 Конвенции, отступила от обеспечения содержащихся в ст. 5 Конвенции прав арестованных: в частности, граждан Ирландии пять месяцев содержался под стражей без суда в связи с «активным членством» в ИРА. ЕСПЧ было признано правомерным применение п. 2 ст. 15 Конвенции и Великобританией, где к подозреваемым в терроризме применялись аресты без судебного контроля (см.: *Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э.* Указ. соч. С. 418–427).

¹⁰⁶⁷ До прекращения действия УПК РСФСР — право суда присяжных не исследовать доказательства при признании подсудимым себя виновным, то есть отступление от установленного в ст. 301 данного Кодекса требования основывать приговор лишь на доказательствах, рассмотренных в судебном заседании; — сокращенное судебное следствие у мировых судей и в апелляционных судах (ст. 475, ч. 3 ст. 492 УПК РСФСР); возможность для апелляционного суда в обвинительном приговоре сослаться на показания лиц, ранее допрошенных мировым судьей. Эти положения воспроизведены в ст.ст. 365, 367 УПК РФ. В настоящее время допускается постановление приговора без проведения судебного разбирательства в соответствии с разделом X УПК РФ — исключение из правила, согласно которому приговор основывается на доказательствах, исследованных в судебном заседании (ч. 3 ст. 240 УПК РФ). И вряд ли противники вышерассмотренных мер безопасности могут привести убедительные аргументы того, что основания приведенных исключений из общих условий судебного разбирательства более значимы, нежели угроза жизни, здоровью участников уголовного процесса.

¹⁰⁶⁸ Цит. по: *Де Сальвиа М.* Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004. С. 215.

В монографической литературе также обращается внимание: «Суд (в деле *Костовски*. — *Примеч. авт.*) отметил, что если на этапе расследования уголовного судопроизводства использование анонимных источников может быть оправданным, то взятие таких показаний за основу с целью добиться осуждения заявителя явно идет в разрез с гарантиями, предусмотренными статьей 6 (Европейской конвенции. — *Примеч. авт.*). Аналогичные факты имели место по делу Саиди (*Saidi*) против Франции, 1993 г. — *Примеч. авт.*), когда обвинительный приговор был основан исключительно на заявлениях двух анонимных лиц, которые опознали в заявителя лицо, причастное к совершению преступления. Обвинение не предоставило никаких дополнительных доказательств в подтверждение их показаний. Суд определил нарушение пунктов 1 и 3d статьи 6»¹⁰⁶⁹.

В деле *Дельта*¹⁰⁷⁰ против Франции (1990 г.) ЕСПЧ пришел к заключению о нарушении п. 1 ст. 6 и подпункта «d» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции исходя из того, что заявитель был осужден «исключительно на основе письменных доказательств, в соответствии с практикой дачи полицейскими показаний, основанных на слухах»¹⁰⁷¹; эти показания полицейского были «приняты судами, ответственными за установление фактов — судом первой инстанции и при апелляции — в качестве решающего доказательства, поскольку никаких других доказательств в материалах дела не содержалось»¹⁰⁷².

Выводы ЕСПЧ о нарушениях Европейской конвенции обусловлены тем, что приговоры основывались исключительно на показаниях анонимных свидетелей. В других источниках также обращается внимание, что ЕСПЧ «усматривал нарушение подпункта d) пункта 3 Статьи 6 каждый раз, когда приговоры основывались на анонимных свидетельствах лиц, которые не были доступны для допроса со стороны защиты (*Костовски* против Нидерландов (1989 г.) и *Виндиш* против Австрии (1990 г.))»¹⁰⁷³; что «нидерландский суд (в деле *Костовски*. — *Примеч. авт.*) основывался» на

¹⁰⁶⁹ Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Указ. соч. С. 254.

¹⁰⁷⁰ «Дельта» — псевдоним заявителя: в соответствии с п. 3 правила 47 Регламента Европейского Суда по правам человека заявитель, не желающий раскрывать свою личность, должен уведомить об этом и изложить причины такого отступления от обычного правила об открытости информации при производстве в Суде. Председатель Палаты вправе разрешить сохранить анонимность в исключительных и обоснованных случаях (см.: Регламент Европейского Суда по правам человека // Росс. юстиция. 2002. № 5. С. 55–69).

¹⁰⁷¹ Док.: E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1, 15 мая, 1992, P. 56.

¹⁰⁷² Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Европейский судебный вестник (пробный номер журнала). М., 2001. С. 21.

¹⁰⁷³ Гомьен Д. Комментарий к «Европейской конвенции о защите прав человека». Страсбург, 1995. С. 41.

таких свидетельствах¹⁰⁷⁴; обвинение основывалось «только лишь» на таких свидетельских показаниях¹⁰⁷⁵; они были «единственным основанием осуждения (в деле *Сауди против Франции*. — *Примеч. авт.*)»¹⁰⁷⁶.

Основываясь на вышеуказанных решениях ЕСПЧ, Верховный Суд Польши отменил обвинительный приговор в отношении *Станислава Т.*, поскольку в решениях судов первой и апелляционной инстанций показания анонимного свидетеля обвинения «не были подкреплены другими доказательствами»¹⁰⁷⁷. Практика Верховного Суда Польши применительно к использованию показаний «анонимных свидетелей» сформировалась в соответствии с вышеизложенной позицией ЕСПЧ¹⁰⁷⁸.

Учтена позиция ЕСПЧ и в Дании¹⁰⁷⁹. В Великобритании в дискуссиях, связанных с принципом английского уголовного судопроизводства — «запретом свидетельствования с чужих слов» (*hearsay*) и исключениями из него¹⁰⁸⁰, в том числе из-за страха свидетелей перед преступниками¹⁰⁸¹, предлагалось установить правило, согласно которому «показания с чужих слов» должны подтверждаться другими доказательствами и, тем самым, исключаться приговоры, основываемые на «показаниях с чужих слов». При этом данное предложение характеризовалось как «соответствующее требованиям Европейской конвенции»¹⁰⁸².

Именно как запрет осуждения, основу которого составляют показания анонимных свидетелей, воспринято в Нидерландах уже упоминавшееся решение по делу *Костовски*. Анализируя данное решение, профессор Муници-

¹⁰⁷⁴ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 134.

¹⁰⁷⁵ *Legeais R.* Op. cit. P. 717.

¹⁰⁷⁶ *Lemond M.* Op. cit. P. 818.

¹⁰⁷⁷ *Hofmański P.* Op. cit. S. 214.

¹⁰⁷⁸ См.: *Hofmański P.* Op. cit. S. 214–215, 218; *Paprzycki L.* Świadek anonimowy — standard europejski a realia postępowania karnego // *Palestra*. Warszawa. 2002. № 1/2-S. 19, 27; *Wiliński P.* Glosa do wyroku Sądu Najwyższego z 9 listopada 1999 r. II KKN 295/98 // *Palestra*. Warszawa. 2001. № 7/8-S. 222–223.

¹⁰⁷⁹ См.: *Хьертенберг Дж.* Указ. соч. С. 164.

¹⁰⁸⁰ В настоящее время обращается внимание: «Характер исключений из запрета *hearsay* таков, что позволяет говорить об устойчивой тенденции к уменьшению реальной роли этого традиционного запрета в доказывании... в 1997 г. комиссия по правовой реформе (*Law Commission*) подготовила заключение № 245, посвященное институту *hearsay*, где рекомендовала сохранить его в качестве общего правила, увеличив, однако, количество исключений, что позволит, «соблюдая традиции, преодолевать определенные затруднения в доказывании» (*Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Указ. соч. С. 91).

¹⁰⁸¹ См.: *Tapper C.* Op. cit. P. 779–780, 782.

¹⁰⁸² Op. cit. P. 782.

пального Университета г. Амстердама А.Х.Дж. Сварт (A.H.J. Swart) заключает: «Обвиняемый не может быть осужден только на основании анонимного показания», и далее отмечает, что после принятия ЕСПЧ указанного решения Верховный Суд Нидерландов «в ряде своих решений (в 1990–1991 гг. — *Примеч. авт.*)... признал правомерность такой практики»¹⁰⁸³ — практики использования в стадии судебного разбирательства показаний анонимных свидетелей. П. Хюнерфельд, говоря о дискуссиях в связи с делом *Костовски* и реформой голландского уголовного судопроизводства, отметил: подготовленный в ходе реформы законопроект предусматривал, что «приговор не может основываться только на анонимных показаниях»¹⁰⁸⁴.

В прецедентах ЕСПЧ второй половины 90-х гг. XX в. — начала XXI в. подтверждена недопустимость постановления приговоров, основываемых только на показаниях анонимных свидетелей.

Так, Л. Вильдхабер (Председатель ЕСПЧ с 1998 по 2006 г.¹⁰⁸⁵) сообщает в связи с делом *Дорсон (Doorson) против Нидерландов* (1996 г.): «Суд постановил, что признание виновным в совершении преступления на основании показаний анонимных свидетелей “не во всех обстоятельствах является несовместимым” с положениями п. 1 ст. 6 и п. 3 d) ст. 6 ЕКПЧ. Все зависит от того, была ли процедура в целом, включая порядок получения показаний, справедливой. Принципы справедливого судебного разбирательства требуют, чтобы интересы защиты были уравновешены с интересами свидетелей или потерпевших в областях их жизни, свободы и безопасности либо их частной и семейной жизни в соответствии со ст. 8 ЕКПЧ. По делу Дорсона, которое касалось торговцев наркотиками, два анонимных свидетеля... были допрошены на апелляционной стадии в отсутствие обвиняемого, однако в присутствии его адвоката, следственным судьей, который знал их подлинную личность, хотя защита этого не знала. Защита была поставлена в такие условия, что могла задавать свидетелям вопросы кроме тех, которые могли привести к раскрытию их подлинной личности, и на все заданные вопросы были получены ответы. Более того, национальный суд не основывался при признании вины “исключительно или в решающей мере” на показаниях анонимных свидетелей»¹⁰⁸⁶.

¹⁰⁸³ Правовая система Нидерландов. М., 1998. С. 288, 381.

¹⁰⁸⁴ *Hünerfeld P.* Op. cit. S. 401.

¹⁰⁸⁵ В 2006 г. на этом посту его сменил Жан-Поль Коста.

¹⁰⁸⁶ *Вильдхабер Л.* Прецедент в Европейском суде по правам человека // Гос. и право. 2001. № 12. С. 15. В этом же деле ЕСПЧ отметил: «Статья 6 специально не требует принимать в расчет интересы свидетелей. Однако, когда на карту ставится жизнь, свобода или безопасность человека, тогда, по общему правилу, вопрос попадает в сферу действия статьи 8 Конвенции. Подобные интересы свидетелей и жертв защищаются в принципе другими

Соответственно к иному выводу, хотя и с небольшим перевесом голосов — о нарушении п. 1 и п. 3 (d) ст. 6 Европейской конвенции Суд пришел в деле *Ван Мехелен (Van Mechelen) против Нидерландов* (1997 г.), поскольку в этом деле им было установлено, что, несмотря на наличие определенной совокупности обвинительных доказательств («вещественных улик», показаний не только анонимных, но и других свидетелей, личность которых не скрывалась от стороны защиты, «расшифровки перехваченного телефонного разговора между женой заявителя и ее матерью»), единственным доказательством, на которое полагался Апелляционный суд Нидерландов, подтверждающим «опознание заявителей в качестве лиц, совершивших преступления, были показания анонимных офицеров полиции. Таким образом, обвинительный приговор заявителей «в решающей степени» основывался на этих анонимных заявлениях». На решение в этом деле повлияло и то, что свидетели, дававшие показания в суде под псевдонимами, были полицейские, вследствие чего ЕСПЧ обратил внимание: «Их положение до некоторой степени отличается от положения незаинтересованного свидетеля или жертвы. На полицейских лежит долг повиновения исполнительным властям государства, и они связаны с прокуратурой; только по одним этим причинам к их использованию в качестве анонимных свидетелей следует прибегать лишь в исключительных обстоятельствах». Кроме того, в основу решения об участии полицейских во внутригосударственном судебном процессе под псевдонимами были положены «оперативные интересы полиции»: возможность дальнейшего осуществления полицейскими оперативных мероприятий, а не только возможная угроза их безопасности¹⁰⁸⁷.

Позиция ЕСПЧ о нарушении Европейской конвенции при постановлении обвинительного приговора, основанного «в решающей степени» на показаниях анонимных свидетелей, подтверждена в 2002–2006 гг. в решениях по делам: *Калабро (Calabro) против Италии* (нарушения Кон-

статьями Конвенции согласно которым Договаривающиеся Государства должны организовать свое судопроизводство по уголовным делам таким образом, чтобы эти интересы не оказывались под угрозой. В таких обстоятельствах принципы справедливого судебного разбирательства требуют также, чтобы в соответствующих случаях интересы защиты соизмерялись с интересами тех свидетелей или жертв, которых вызвали в суд для дачи показаний» (Цит. по.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Электронная энциклопедия (компакт-диск). М.: НПП «Гарант-Сервис», 2001). Часть 1 ст. 8 Европейской конвенции гласит: «Каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции».

¹⁰⁸⁷ См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Электронная энциклопедия (компакт-диск). М.: НПП «Гарант-Сервис», 2001.

венции не установлено)¹⁰⁸⁸, *Виссер (Visser) против Нидерландов*¹⁰⁸⁹ и *Красники (Krasniki) против Чехии*¹⁰⁹⁰. В двух последних делах признано нарушение п. 3 (d) ст. 6 Конвенции.

Говоря о делах *Дорсон и Ван Мехелен против Нидерландов*, Л. Вильдхабер резюмирует: ratio decidendi (мотивировкой) для судей в этих делах было следующее: «Опора на заявления анонимных свидетелей для подтверждения виновности лица в совершении преступления в исключительных случаях может быть признана совместимой с положениями пункта 1 Статьи 6 и пункта 3 (d) Статьи 6 ЕКПЧ, если слушания в целом являются справедливыми, и, в особенности, если причины, по которым свидетель хочет сохранить свою анонимность, являются заслуживающими доверия, уравновешивающие процедуры в достаточной мере компенсируют те ограничения, в условиях которых работает защита, и если решение о признании лица виновным основано не исключительно и не в решающей мере на показаниях анонимных свидетелей»¹⁰⁹¹. Это же условие использования показаний анонимов, уже безотносительно конкретных решений ЕСПЧ, выделяет М. Де Сальвиа, говоря, что ЕСПЧ «твердо придерживается той точки зрения, что обвинение не может основываться только или в основном на анонимных показаниях»¹⁰⁹².

Кроме того, в вышеупомянутом деле *Красники (Krasniki) против Чехии* ЕСПЧ сформулировано еще одно условие использования в уголовном судопроизводстве псевдонимов, а именно: констатируя нарушение пункта 3 (d) ст. 6 Европейской конвенции, в качестве одной из причин нарушения ЕСПЧ указал: «Поскольку в материалах дела не имеется ничего, что бы указывало на причины для дачи свидетельских показаний анонимно, невозможно установить, каким образом следователь и судья суда первой инстанции оценивали обоснованность опасений свидетелей относительно возможных актов мести со стороны заявителя. Областной суд также не исследовал основания для предоставления свидетелям возможности давать показания анонимно»¹⁰⁹³.

Таким образом, ЕСПЧ установлено, что решение о даче защищаемым лицом показаний под псевдонимом должно быть обоснованным (мотивированным). Российский УПК содержит необходимые положения: ч. 9

¹⁰⁸⁸ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2002. № 3.

¹⁰⁸⁹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2002. № 2.

¹⁰⁹⁰ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2006. № 9.

¹⁰⁹¹ Вильдхабер Л. Указ. соч. С. 16.

¹⁰⁹² Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004. С. 214.

¹⁰⁹³ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2006. № 9.

ст. 166 УПК РФ обязывает указать в постановлении об использовании псевдонима причины, то есть основания данного решения; согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ допрос под псевдонимом в суде возможен только на основании определения или постановления суда, которые, в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ, должны быть обоснованными и мотивированными.

Анализ решений ЕСПЧ показывает, сколь важна в национальном законодательстве *детализация* условий применения мер безопасности и, в частности, использования псевдонимов. Российскому законодателю надо принять во внимание, что указания в УПК РФ на возможность использования псевдонимов недостаточно. Само по себе такое указание не обеспечивает законность применения данной меры безопасности. В УПК РФ должна быть ясно выражена позиция ЕСПЧ в связи с использованием этой и других мер безопасности, сопряженных с ограничением общих условий судебного разбирательства, а именно: в УПК РФ должны быть сформулированы условия применения таких мер, указанные в прецедентах ЕСПЧ.

К внесению соответствующих новелл в отечественный УПК обязывает и один из последних нормативных актов Совета Европы — *Рекомендация № (2005) 9 О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием*, которая основана на прецедентах ЕСПЧ. В п. 21 Приложения к Рекомендации указано: «Приговор не должен основываться исключительно или в значительной степени на показаниях, данных анонимными свидетелями»¹⁰⁹⁴. В п.п. 19 и 20 данного Приложения сформулированы и другие условия участия граждан в уголовном судопроизводстве под псевдонимами: такое участие должно являться *исключительной* мерой безопасности, применяться в случае *серьезной*¹⁰⁹⁵ угрозы жизни или свободе лица, обладающего *значимой* доказательственной информацией и заслуживающего *доверия* (соответствующих норм УПК РФ не содержит); участие граждан в судопроизводстве под псевдонимами должно быть сопряжено с возможностью для сторон *оспорить* правомерность использования данной меры безопасности (это предусмотрено в ч. 6 ст. 278 УПК РФ)¹⁰⁹⁶.

¹⁰⁹⁴ Неофициальный перевод *Рекомендации* на русский язык Ю.Ю. Берестнева.

¹⁰⁹⁵ В то же время в данном и в других документах Совета Европы, относящихся к исследуемой проблеме, *серьезность* угрозы не связывается с ее *реальностью*. В качестве основания для применения мер безопасности угроза может быть как *реальной* (существующей), так и *возможной*. Подробнее об этом см. § 2 главы IV.

¹⁰⁹⁶ В польской печати предлагается установить и обязательное участие защитника в судопроизводстве, если свидетели в нем участвуют под псевдонимом (см.: *Zielińska A. Wybrane zagadnienia obrony niezbędnej w nowym Kodeksie postępowania karnego // Pałestra. Warszawa. 1999. № 5/6-S. 39–40*).

Все изложенное в параграфе позволяет сделать еще один важный вывод: на законодательном уровне должен быть установлен *баланс* прав индивидуумов: с одной стороны — подсудимого и с другой — лица, дающего избличающие подсудимого в совершении преступления показания под псевдонимом, *баланс* интересов *публичных* (выразителем которых является государственный обвинитель) и интересов *стороны защиты*. Этот баланс, по мнению автора настоящей работы, обеспечивается, помимо уже предусмотренных положений УПК РФ (в частности, требованием *обоснованности* дачи показаний под псевдонимом) совокупностью следующих, подлежащих законодательному закреплению условий:

- показания псевдонимов не могут составлять основу обвинительного приговора;
- сообщение стороне защиты подлинных данных о лице, выступающем в уголовном процессе под псевдонимом, возможно только с согласия последнего;
- при выводе суда о необходимости раскрытия подлинных данных псевдонима и при несогласии последнего с этим — исключение показаний псевдонима из совокупности доказательств, исследуемых в стадии судебного разбирательства.

Меры безопасности, изложенные в предыдущем и данном параграфах, могут применяться в различных сочетаниях. Например, *участие защищаемого лица в уголовном процессе под псевдонимом* обязательно сопряжено с *производством опознания в условиях вне визуального наблюдения этого лица опознаваемым*. И в том же уголовном деле опознание по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ может проводиться для защиты других граждан, личность которых не скрывается под псевдонимом. В суде допрос защищаемого *в условиях, предусмотренных ч. 5 ст. 278 УПК РФ*, может применяться как при открытом процессе, так и в сочетании с предусмотренным п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ *закрытым судебным разбирательством*. Все эти меры могут сочетаться с мерами безопасности, предусмотренными Законом «О государственной защите потерпевших...».

Представляется, что в целях нормативного урегулирования порядка реализации мер безопасности, рассмотренных в предыдущем и настоящем параграфах, следует не только внести соответствующие новеллы в УПК РФ, но и принять подзаконный нормативный правовой акт. Такой акт необходим для урегулирования сугубо технической стороны¹⁰⁹⁷ *предъявления для*

¹⁰⁹⁷ Например, какой способ — цифровой либо аналоговый допустим для фиксации и передачи изображения, какие технические средства должны применяться для исключения возможности изменений в видеоматериалах и проч.

опознания с использованием компьютерной техники и видеотехники, допроса защищаемого лица при его нахождении вне зала судебного заседания с помощью компьютерных и видеотехнических средств, осуществления видеозаписи показаний защищаемого лица и их демонстрации в суде. Причина нецелесообразности решения технических вопросов на уровне федерального закона заключается в весьма динамичном развитии компьютерных технологий и видеотехнологий, и если урегулировать технические вопросы в УПК РФ, то каждый очередной технологический прорыв, востребованный в уголовном судопроизводстве, повлечет необходимость достаточно длительной процедуры по внесению соответствующих изменений в федеральный закон.

§ 5. Меры безопасности — правоограничения в периоды пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия

Рассмотренные выше меры безопасности не образуют *достаточную систему* средств защиты от посткриминального воздействия, поскольку применение большей их части возможно лишь в пределах ОРД и уголовного судопроизводства. Посткриминальное же воздействие осуществляется и за пределами этих *составляющих* борьбы с преступностью, в том числе — осужденными и отбывшими уголовные наказания, а также их родственниками и иными лицами (на участие друзей и родственников обвиняемого (осужденного) в посткриминальном воздействии указали 53% опрошенных автором следователей и судей). Ситуация усугубляется тем, что нередко потерпевшие испытывают последствия преступных посягательств на протяжении всей жизни, так как им причиняется не только непосредственный, но и так называемый «отдаленный» вред. У жертв насильственных преступлений он выражается в различных неврозах, последствия изнасилований проявляются многие годы в виде травматического синдрома: совокупности чувств страха, унижения, гнева, тревожности.

Изложенные обстоятельства обуславливают подверженность потерпевших посткриминальному воздействию, осуществляемому *из мест*. В целях предотвращения такого воздействия в зарубежных странах применяются соответствующие меры безопасности. Их следует предусмотреть и в России:

- *Ограничения на места работы, проживания и передвижения, встречи с защищаемыми для лиц при их условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и замене наказания более мягким¹⁰⁹⁸, при*

¹⁰⁹⁸ Применяется, например, в Великобритании, США (см.: Ривз Х. Указ. соч.; Барр У. Передача преступников в руки правосудия: соблюдение законности по отношению к

условном осуждении, при отсрочке исполнения приговора, постановлении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания или без назначения наказания, при назначении иных наказаний, не связанных с ограничением, лишением свободы, содержанием в дисциплинарной воинской части и арестом, при помиловании, а также при освобождении лиц из пенитенциарных учреждений после отбытия ими наказания.

Необходимость этих ограничений обусловлена и тенденцией гуманизации российской уголовной и уголовно-исполнительной политики, широко освещаемой в отечественной юридической литературе¹⁰⁹⁹. Вот лишь некоторые свидетельства данной тенденции в России:

1. Если в СССР в 60–70-е гг. XX в. доля лишения свободы составляла не менее 60% от назначаемых уголовных наказаний, то в России начиная с 90-х гг. XX в. по настоящее время — около 30%¹¹⁰⁰. Соответственно, все чаще судами применяется условное осуждение, однако степень рецидива среди условно осужденных заставляет специалистов сомневаться в том, что осужденные правильно воспринимают условное осуждение и что такое осуждение не создает у них чувство безнаказанности¹¹⁰¹.
2. Сокращены минимальные сроки, которые должен отбыть осужденный для условно-досрочного освобождения. Растет число лиц,

жертве / Пер. с англ. М., Фонд ВНИИ МВД РФ, 1993. С. 13–14; Реорганизация службы условно-досрочного освобождения в Великобритании // Борьба с преступностью за рубежом. 2002. № 11. С. 24).

¹⁰⁹⁹ См.: *Тарбагаев А. Н.* Исторические корни и современное состояние института условного осуждения в российском уголовном праве // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 1998. С. 45–49; *Ялунин В. У.* Уголовно-исполнительная система: проблемы и задачи // Закон и право. 1999. № 3. С. 17; *Наумов А. В.* Проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации // Государство и право. 1999. № 10. С. 50–51; *Калинин Ю. И.* Краеугольная задача реформирования (доклад заместителя министра юстиции РФ на заседании Комиссии по правам человека при Президенте РФ) // Преступление и наказание. 2001. № 7. С. 5; *Михлин А. С., Селиверстов В. И.* Проблемы правовой реформы в сфере исполнения наказаний // Гос. и право. 2002. № 6. С. 46–47.

¹¹⁰⁰ См.: *Лунеев В. В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. С. 39; Судебная реформа в России: пределы и возможности. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Выпуск 5. М., 2001. С. 109; Право и дело (интервью с Председателем Верховного Суда РФ В. Лебедевым) // Профиль. М., 2001. № 20. С. 24; *Жевлаков Э.* О состоянии законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовное право. 2005. № 2. С. 94; *Радченко В.* Борьба с преступностью как часть социальной политики // Законность. 2008. № 10. С. 35–39.

¹¹⁰¹ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А. С. Михлина. М., 2001. С. 38.

к которым оно применяется. В 1998 г. их было 100,1 тыс. человек, в 1999 г. — 105,2 тыс.¹¹⁰², в 2007 г. — уже 140 тыс. (каждый шестой осужденный)¹¹⁰³, но растет и число лиц, совершающих преступления в течение неотбытой части наказания. Например, в период с 1993 г. по 1998 г. количество таких лиц возросло в 2,8 раза¹¹⁰⁴.

3. Все чаще объявляются амнистии и применяются помилования. Помиловано: в 1992 г. — 2726, в 1995 г. — 4988, в 1999 г. — 7418, в 2000 г. — уже 12 843 осужденных, причем 76% помилованных в 2000 г. — лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления. Только с 1994 г. по 2000 г. в России было около десяти амнистий, и только в течение одного месяца применения амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне почти треть амнистированных вновь совершили преступления¹¹⁰⁵. Всего в России в 1999–2000 гг. были амнистированы более 230 тыс. человек¹¹⁰⁶, но, по данным криминологов, с ростом числа амнистированных в той же пропорции растет число тех, кто вновь совершает преступления¹¹⁰⁷.

Гуманизация (либерализация) национального уголовного и уголовно-исполнительного законодательства отвечает рекомендациям международного сообщества. Еще в 1980 г. VI Конгресс ООН по борьбе с преступностью и обращению с правонарушителями принял специальную резолюцию об альтернативах тюремному заключению. В рамках VIII Конгресса ООН (1990 г.) была принята резолюция «Принципы и направление исследований, касающихся санкций, не предусматривающих тюремного заключения», в которой рекомендуется активизировать исследования с целью расширения применения уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы¹¹⁰⁸. В январе 1995 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы рекомендовала Комитету Министров этой организации и Европейскому Комитету по проблемам преступности (European Committee on Crime Problems)

¹¹⁰² См.: Работа судов общей юрисдикции в 1999 году // Росс. юстиция. 2000. № 7. С. 60.

¹¹⁰³ По информации, прозвучавшей 1 июля 2008 г. на телевизионном канале «Россия».

¹¹⁰⁴ См.: *Королева М. В.* Изменения преступности лиц, ранее совершавших преступления // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 132.

¹¹⁰⁵ См.: *Миляева Т. Ф.* Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации. М., 2001. С. 212–213.

¹¹⁰⁶ См.: *Гриднева М.* Насильник мил не будет // Московский комсомолец. 2001. 9 июля; Работа судов общей юрисдикции в 2000 году // Росс. юстиция. 2001. № 11. С. 76.

¹¹⁰⁷ См. об этом: *Долгова А.* Преступность и борьба с ней: законотворчество и теоретические устои // Уголовное право. 2001. № 4. С. 91.

¹¹⁰⁸ Более подробно см.: *Лунеев В. В.* Указ. соч. С. 40–41.

акцентировать внимание на исследовании вопросов более широкого применения таких наказаний¹¹⁰⁹.

В декабре 2008 г. на *VII Всероссийском съезде судей* глава государства и представители высших звеньев отечественной судебной власти признали необходимость дальнейшего расширения масштабов гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики¹¹¹⁰, и нет сомнений, что российские законодатель и судьи предпримут соответствующие меры. Но, на что автор настоящей работы хотел бы обратить внимание: рекомендуя либерализацию национальной уголовной и уголовно-исполнительной политики, международное сообщество в то же время обращает внимание на необходимость установления действенного надзора за лицами, в отношении которых эта политика становится все более либеральной. Так, в *Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением* (одобрены VIII Конгрессом ООН; в декабре 1990 г. приняты Генеральной Ассамблеей ООН), рекомендован надзор с целью «сократить рецидивы правонарушителей и содействовать такому включению правонарушителя в жизнь общества, который свел бы к минимуму вероятность совершения преступлений»¹¹¹¹.

В странах, либеральность пенитенциарной политики которых во всяком случае не меньше российской, предлагаемые в данном параграфе правоограничения применяются при назначении «мягких» уголовных наказаний. Так, в Великобритании в соответствии с *Законом о полномочиях уголовных судов 1973 г.* в рамках *пробации* (условного осуждения) осужденному может быть указан район, в котором он должен проживать. Контроль в этой стране осуществляется и за досрочно освобожденными из тюремного заключения¹¹¹². В США при применении пробации суд также может постановить, чтобы осужденный проживал в указанном для него месте (районе) либо воздерживался от проживания в том или ином месте (районе), причем контроль за осужденным достаточно жесткий:

¹¹⁰⁹ См.: *Ананиан Л.Л.* Тюремьы и заключенные. М., 1999. С. 62.

¹¹¹⁰ Эти взгляды нашли отражение в официальном документе Съезда: в п. 1.4. постановления от 4 декабря 2008 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» предлагается шире практиковать назначение уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, применение других мер уголовно-правового воздействия в качестве альтернатив реальному лишению свободы: исправительных и общественных работ, штрафа и др. // *Росс. юстиция.* 2009. № 1. С. 47.

¹¹¹¹ Цит. по: *Уголовно-исполнительное право России: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. А.И. Зубкова.* М., 1999. С. 569–571.

¹¹¹² См.: *Тепляшин П.В.* Parole: английская модель досрочного освобождения от отбывания тюремного заключения // *Правоведение. Известия вузов.* 2003. № 6. С. 114–117.

ежемесячно 20–30 контактов с ним сотрудников специальной службы¹¹¹³ — против контроля условно осужденного «не реже одного раза в квартал» в России¹¹¹⁴. В Швейцарии в рамках «охранительного надзора», устанавливаемого на срок от года до пяти лет при условном освобождении осужденного (ст. 28 УК) и на срок от двух до пяти лет при условном осуждении (ст. 41 УК) судья может указать соответствующему лицу «место пребывания» в течение указанных сроков¹¹¹⁵.

Во Франции при отсрочке исполнения наказания судья, постановивший приговор, либо судья по исполнению наказаний могут возложить на осужденного обязанности: «поселиться в определенном месте» (п. 2 ст. 132–45 УК); «воздерживаться от появления во всех специально указанных местах» (п. 9 ст. 132–45 УК); «воздерживаться от установления отношений с некоторыми лицами, в частности с потерпевшим от данного деяния» (п. 13 ст. 132–45)¹¹¹⁶. Данные правоограничения применяются в том числе для предотвращения посткриминального воздействия¹¹¹⁷. Согласно ст. 434–38 французского УК появление осужденного в запрещенном месте наказывается двумя годами тюремного заключения или штрафом. При осуждении за совершение «террористических преступлений» срок дополнительного наказания в виде запрета проживать и появляться в местах, определенных судом, может достигать 15 лет¹¹¹⁸.

Статья 48 УК Испании предусматривает, что наказание в виде лишения права находиться или посещать определенные местности запрещает осужденному возвращаться в местность, где он совершил преступление или где проживает потерпевший либо его семья». Статья 57 испанского УК гласит, что при совершении насильственных и имущественных преступлений, а также преступлений против общественного порядка суд в качестве дополнительного наказания «может запретить виновному находиться или посещать местность, где он совершил преступление или где проживает потерпевший или его семья» на срок до 5 лет. Запрет на нахождение в оп-

¹¹¹³ См.: Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии). М., 1998. С. 21, 81–82; *Смирнов М. П.* Оперативно-розыскная деятельность полиции зарубежных стран. М., 2001. С. 156.

¹¹¹⁴ Согласно п. 112 «Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (утверждена Приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 // СПС «Гарант».

¹¹¹⁵ См.: Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2000.

¹¹¹⁶ См.: Уголовный кодекс Франции. М., 1993.

¹¹¹⁷ См.: *Lemond M.* Op. cit. P. 817; *Legeais R.* Op. cit. P. 712.

¹¹¹⁸ См.: *Меньших А. А.* Законодательство о борьбе с терроризмом во Франции — гарантия государственной защиты прав личности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 116.

ределенных местностях может быть применен при отсрочке исполнения наказания в виде лишения свободы (ст. 83 УК); при условно-досрочном освобождении (ст.ст. 90, 105 УК); при применении к лицу уголовного наказания, не связанного с лишением свободы (ч. 3 ст. 95, ст. 105 УК)¹¹¹⁹.

В Германии в соответствии с § 68, 68(b), 68(c) УК к лицу, осужденному на срок не менее шести месяцев за преступление, совершение которого влечет возможность установления надзора, такой надзор может быть применен судом на срок от двух до пяти лет и включает запрет «пребывать в определенных местностях, где ему мог бы предоставиться повод или стимул к совершению новых преступных деяний»¹¹²⁰.

В Дании § 39 и 57 УК предусматривают установление судом при условно-досрочном освобождении осужденного от тюремного заключения и при отсрочке исполнения приговора «особых условий, касающихся его места жительства» и «общения с определенными лицами»¹¹²¹. На территории датской автономии — Гренландии — действует свой уголовный закон («Датский Уголовный кодекс для Гренландии»), предусматривающий среди основных наказаний «запрет проживания на определенной территории»¹¹²².

Польские суды при отсрочке исполнения приговора в соответствии с п. 7 § 1 ст. 72 УК могут обязывать осужденных воздерживаться от пребывания в определенных местах¹¹²³. Уместно сказать и о применении в Италии по решению суда в отношении «подозреваемых в принадлежности к организованной преступности» так называемых «мер предупреждения», включающих ограничения на места жительства¹¹²⁴.

В перечисленных странах, за исключением Италии, эти ограничения являются элементами уголовно-правовых санкций. Однако, поскольку ограничения служат в том числе предотвращению посткриминального воздействия, они могут быть предусмотрены и в системе *процессуальных* мер безопасности — в качестве одной из ее подсистем. Конечно, российский законодатель может выбрать тот или иной вариант нормативного закрепления изложенных правоограничений, однако последний вариант более предпочтителен: изложенными правоограничениями следует дополнить Закон «О государственной защите потерпевших...». Это поз-

¹¹¹⁹ См.: Уголовный кодекс Испании. М., 1998.

¹¹²⁰ См.: Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996.

¹¹²¹ См.: Уголовный кодекс Дании. СПб., 2001.

¹¹²² Там же. С. 11–12.

¹¹²³ См.: Уголовный кодекс Польши. СПб., 2001.

¹¹²⁴ См.: Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В. Указ. соч. С. 170–171.

волит правоприменителю видеть группы (подсистемы) мер безопасности в их совокупности и выбирать оптимальное сочетание защитных мер в той или иной ситуации, планировать применение новых мер защиты на случай изменения ситуации и оперативно применять их.

Изложенные правоограничения, вернее, их часть: ограничения на передвижение и встречи с защищаемыми в России необходимы также в отношении лиц, отбывающих наказания в виде ограничения, лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части — при нахождении осужденных за пределами пенитенциарных учреждений. Дело в том, что в России наблюдается тенденция расширения оснований для такого нахождения. Это отвечает современным взглядам международного сообщества на уголовно-исполнительную политику, в частности, нормам *Европейских тюремных правил*, которые, как в предыдущей¹¹²⁵, так и в действующей редакции¹¹²⁶, рекомендуют поддерживать связи осужденных с родственниками и внешним миром, чтобы облегчить их адаптацию в обществе после освобождения, предоставлять осужденным в этих целях отпуска по медицинским, образовательным, профессиональным и другим социальным основаниям. Вкупе с указанной тенденцией осуществление посткриминального воздействия облегчает и то, что все больше осужденных (опять же в соответствии с рекомендациями международного сообщества¹¹²⁷) отбывают наказания в исправительных учреждениях, расположенных на территории тех субъектов Российской Федерации, где они проживали и совершили преступления, то есть вблизи мест жительства потерпевших и свидетелей. Уже в 1999 г. таких осужденных было 83,8%, причем 17% из них отбывали наказания в исправительных учреждениях, расположенных непосредственно в населенных пунктах, где они проживали до осуждения¹¹²⁸.

Основания выездов осужденных за пределы пенитенциарных учреждений были существенно расширены Законом РФ от 12 июня 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный

..

¹¹²⁵ См.: Уголовно-исполнительное право России. М., 1999. С. 565.

¹¹²⁶ См.: «Европейские тюремные правила» — приложение к *Резолюции (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы* (неофициальный перевод: <http://www.prison.org/index.shtml>).

¹¹²⁷ См., в частности, подпункт 1 п. 17 «Европейских тюремных правил» (приложение к *Резолюции (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы*).

¹¹²⁸ См.: *Михлин А. С., Яковлева Л. В.* О некоторых итогах специальной переписи осужденных 1999 года // *Гос. и право.* 2002. № 3. С. 44.

кодекс РСФСР»¹¹²⁹. В 1994 г. более 56 тысяч из них выезжали домой в отпуск и по другим предусмотренным законом основаниям¹¹³⁰; в 1996 г. правом выезда за пределы исправительных учреждений воспользовались 32 тысячи осужденных¹¹³¹. УИК РФ еще более расширил основания нахождения осужденных за пределами исправительных учреждений.

В специальной литературе данный процесс не всегда находил поддержку¹¹³², тем не менее расширение возможностей для осужденных находиться за пределами пенитенциарных учреждений признано необходимым российскими специалистами в сфере уголовно-исполнительного права¹¹³³, ими же обращается внимание и на возможность посткриминального воздействия: при разрешении выезда в отпуск учитываются взаимоотношения осужденного с потерпевшими и свидетелями¹¹³⁴.

Меры безопасности в виде указанных правоограничений, безусловно, сопряжены с ограничением конституционных прав граждан, к которым они будут применяться. Противники таких мер не преминут обратить внимание на данное обстоятельство как на фактор, который, по их мнению, исключает возможность установления предлагаемых мер. Однако не менее существенные ограничения допускались ранее, есть в действующем российском законодательстве и предусматриваются в проектах разрабатываемых законов.

Ранее ограничения сопровождали условное осуждение к лишению свободы и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду: в этих случаях лицо могло быть, например, переведено без его согласия на другую работу, в том числе в другую местность, как правило, обязано было проживать в специально предназначенном общежитии и не покидать пределы административного района

¹¹²⁹ См.: *Селиверстов В.И., Пяткевич И.И.* Краткосрочные выезды осужденных за пределы мест лишения свободы: теоретические и прикладные вопросы // Проблемы исполнения наказаний и деятельности уголовно-исполнительной системы. М., 1997. С. 4.

¹¹³⁰ См.: Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 годы). Аналитический доклад. М., 1995. С. 164.

¹¹³¹ См.: *Шмаров И., Агамов Г.* Европейские правила обращения с заключенными и Уголовно-исполнительный кодекс России // Законность. 1997. № 11. С. 5.

¹¹³² См., в частности: *Лихачев С.* Нужно ли предоставлять отпуск осужденному? // Преступление и наказание. 1997. № 2. С. 32–33.

¹¹³³ См.: *Данилин Е., Середя Е., Яковлева Л.* Отпуска осужденным // Преступление и наказание. 1997. № 2. С. 28–29; *Пяткевич И.И.* Выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. С. 9, 20–21.

¹¹³⁴ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2001. С. 70.

без разрешения осуществляющего надзор органа внутренних дел. Применялись и другие правоограничения¹¹³⁵.

Что касается действующего законодательства, то, во-первых, в соответствии с ч. 2 ст. 79 и ч. 5 ст. 73 УК РФ при условно-досрочном освобождении и условном осуждении суд может возложить на соответствующее лицо обязанности не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления органа, осуществляющего контроль за поведением указанного лица, не посещать определенные места¹¹³⁶, может возложить другие обязанности, способствующие его исправлению; при контроле за поведением условно осужденного уголовно-исполнительная инспекция вправе внести в суд представление о возложении на него дополнительных обязанностей¹¹³⁷.

Во-вторых, при применении наказания в виде *ограничения свободы*, согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ¹¹³⁸ суд устанавливает осужденному следующие ограничения: «не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования..., не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы... Установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным».

Обращаем внимание, что в УК РФ перечисленные правоограничения предусмотрены для *исправления осужденного*, следовательно, собственно угроза посткриминального воздействия не является основанием

¹¹³⁵ См.: Уголовно-исполнительное право России. М., 1999. С. 289–290.

¹¹³⁶ Впрочем, установление для условно осужденных запретов посещать определенные места, общаться с конкретными лицами в судебной практике встречается крайне редко (см. об этом: *Пронников В.В., Нечепуренко А.А.* Содержание условного осуждения и пути оптимизации его назначения // Росс. юстиция. 2007. № 7. С. 39).

¹¹³⁷ В соответствии с п. 123 «Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества».

¹¹³⁸ В редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // СПС «Гарант».

их применения. Кроме того, указанные правоограничения возможны только при условно-досрочном освобождении осужденного, условном осуждении и при применении наказания в виде ограничения свободы, последнее же, согласно ч. 2 ст. 53 УК РФ, может назначаться (в качестве основного вида наказания) за преступления лишь небольшой и средней тяжести, а также в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы, но только в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ.

Ограничения, подобные тем, что перечислены в ст.ст. 53, 73 и 79 УК РФ, планируется предусмотреть и в будущем федеральном законе о контроле за поведением лиц, отбывших уголовные наказания, разработка которого ведется с начала 90-х гг. XX в. (в соответствии с «Федеральной целевой программой по усилению борьбы с преступностью на 1996—1997 годы» такой законопроект должен был появиться еще в 1996 г.).

Изложенное позволяет сделать вывод как о необходимости, так и о допустимости законодательного установления предлагаемых ограничений, близких (в определенной части — аналогичных) предусмотренным в ст.ст. 53, 73, 79 УК РФ, но применение которых будет осуществляться непосредственно с целью обеспечения безопасности лиц, содействовавших правосудию.

Выше было указано на необходимость установления предлагаемых ограничений и *после освобождения лиц из мест лишения свободы в связи с отбытием ими всего срока назначенного судом уголовного наказания*. Предлагаемые ограничения, по мнению автора, допустимы в рамках правового статуса граждан, имеющих судимость: существенное ограничение этих лиц в правах характерно не только для прошлого, но и для настоящего времени¹¹³⁹. Так, например, в соответствии со ст. 179 УИК лица, отбывшие наказание, несут обязанности и пользуются правами, которые установлены для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными федеральным законом для лиц, имеющих судимость. В частности, для таких лиц установлены ограничения при принятии на службу в ряд государственных органов; в соответствии со ст. 13 Закона «Об оружии» имеющему судимость за совершение умышленного преступления запрещается выдача лицензии на приобретение оружия.

Кроме того, согласно ст. 183 УИК РФ, за лицами, освобожденными от отбывания наказания, осуществляется контроль в соответствии с законодательством Российской Федерации. Такой контроль до пога-

¹¹³⁹ Подробно о таких правоограничениях см.: Горобцов В.И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия. Орел, 1995. С. 44—47; и др.

шения или снятия судимости получил название «постпенитенциарного воздействия»¹¹⁴⁰, и его необходимость специалистами отмечается в отношении всех лиц, отбывших наказания¹¹⁴¹. Подробная регламентация контроля предполагается в федеральном законе о контроле за поведением лиц, отбывших уголовные наказания, проект которого, как уже было сказано, разрабатывается.

До 1 января 2010 г. на территории России действовало «Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI)¹¹⁴², и в его рамках были возможны сходные с предлагаемыми превентивные меры — запреты уходить из квартиры в определенное время, находиться в определенных местах города, выезжать по личным делам за пределы района или города (ст. 3 Положения). Эти запреты могли предотвращать встречи с лицами, которые изобличили преступника (административный надзор устанавливался на срок от шести месяцев до одного года; в необходимых случаях он мог продлеваться каждый раз еще на шесть месяцев, но не свыше сроков судимости). Признание названного Указа Президиума Верховного Совета СССР не действующим на территории России¹¹⁴³ еще до введения в действие федерального закона о контроле за поведением лиц, отбывших уголовные наказания, по мнению автора, явилось ошибкой законодателя.

Необходимо отметить, что возможные в рамках действующего законодательства средства постпенитенциарного воздействия, механизм его осуществления специалистами оцениваются как несовершенные, не способные обеспечить цель воздействия — превенцию совершения поднадзорными лицами новых преступлений и правонарушений¹¹⁴⁴. При закреплении в Законе «О государственной защите

¹¹⁴⁰ Одни авторы это воздействие относят к институтам уголовно-исполнительного права, другие полагают, что постпенитенциарный контроль выходит за рамки отношений, регулируемых этим правом. В настоящей работе отраслевая принадлежность постпенитенциарного воздействия не исследуется.

¹¹⁴¹ См., в частности: Уголовно-исполнительное право России. М., 1999. С. 539.

¹¹⁴² См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 597; 1970. № 24. Ст. 206; 1981. № 10. Ст. 232; 1983. № 39. Ст. 584.

¹¹⁴³ В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ.

¹¹⁴⁴ См.: Рыбак М.С. Социальная адаптация лиц, освобожденных от наказания // Вестник Саратовской государственной академии права. 1998. № 4. С. 45; Горбачев В.Н. Организационно-правовые средства обеспечения постпенитенциарного воздействия в отношении отбывших уголовное наказание // Применение нового законодательства в области борьбы

потерпевших...» изложенных правоограничений в отношении лиц, имеющих судимость, эти правоограничения станут одним из элементов постпенитенциарного воздействия, обеспечат его большую эффективность.

Очевидно, что применение мер безопасности в виде предлагаемых правоограничений будет действенным, если несоблюдение ограничений будет влечь соответствующие санкции. В частности, в отношении условно осужденного они могут быть аналогичными тем, что предусмотрены за уклонение от исполнения обязанностей, возложенных на него судом: продление судом испытательного срока (не более чем на один год); отмена условного осуждения и исполнение наказания, назначенного по приговору суда. При нарушении же предлагаемых ограничений, которые будут применяться в рамках постпенитенциарного воздействия (являться элементом этого воздействия), ответственность должна наступать в том же порядке, что и при нарушении иных правоограничений, которые образуют постпенитенциарное воздействие.

Контроль за соблюдением предложенных мер безопасности в виде ограничений на места работы, проживания, передвижения и встречи с защищаемыми лицами целесообразно возложить на *уголовно-исполнительные инспекции*, поскольку они осуществляют контроль за поведением условно осужденных, исполняют наказания в виде обязательных и исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, то есть контролируют лиц, к которым предлагается применять ограничения на места работы, проживания и передвижения, на встречи с защищаемыми. При этом представляется необходимым:

- установить возможность использования в рамках предлагаемых мер безопасности тех же аудиовизуальных, электронных и иных технических средств, использование которых, в соответствии с ч. 1 ст. 60 УИК РФ¹⁴⁵, допущено при исполнении наказания в виде ограничения свободы;
- для реализации рассмотренных мер безопасности наделить работников уголовно-исполнительных инспекций тем же правами, которыми они обладают, осуществляя надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы (согласно ч. 2 ст. 60 УИК РФ при осуществлении такого надзора работник инспекции вправе посещать в любое время суток, за исключением ночного времени, жилище

с преступностью. Домодедово, 1994. С. 121–122.

¹⁴⁵ В редакции, установленной Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ.

осужденного, вызывать его на беседы в инспекцию, истребовать по месту жительства, работы или учебы поднадзорного сведения о его поведении).

В пределах постпенитенциарного периода определенные обязанности по контролю за лицами предложено возложить и на органы, осуществляющие ОРД¹¹⁴⁶.

К сожалению, изложенные в настоящем параграфе меры безопасности до настоящего времени остаются вне поля зрения отечественного законодателя, что исключает создание полноценного законодательства, обеспечивающего безопасность тех, кто содействует правосудию.

§ 6. Меры безопасности в исправительных учреждениях

При разработке системы мер безопасности следует учесть, что осужденный, оказавший содействие правосудию (изобличивший соучастников либо других лиц в совершении преступлений), и представляющие для него угрозу изобличенные лица, а также иные субъекты, действующие в интересах изобличенных, могут содержаться в местах отбывания уголовных наказаний¹¹⁴⁷. Кроме того, угрозу для содействовавших правосудию в этих местах представляют лица, являющиеся носителями *криминальной (тюремной) субкультуры*. Эта субкультура реализуется в неформальных правилах поведения, запретах, санкциях и поощрениях, устанавливает иерархию ее носителей, является нравственной и психологической основой их бытия, особенно — в исправительных учреждениях (ИУ), где субкультурные нормы под страхом расправы со стороны преступного окружения вынуждены выполнять и осужденные, которые эти нормы не разделяют. Криминальная субкультура характерна для любого сообщес-

¹¹⁴⁶ См.: Рекомендации Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России» // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–20 апреля 2002 г.) Вып. 1. М., 2002. С. 451–452.

¹¹⁴⁷ Данному аспекту специально посвящена диссертация С.В. Маркелова «Уголовно-процессуальные и организационные меры обеспечения безопасности участников уголовного процесса в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России» (Владимир, 2006). К сожалению, половина ее текста является плагиатом — заимствована без указания источника из диссертации автора настоящей работы (см.: *Брусницын Л.В.* Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: Дисс. ...докт. юрид. наук. М., 2002).

тва осужденных — независимо от типа и «географии» пенитенциарного учреждения¹¹⁴⁸.

Влияние субкультурных норм в ИУ в значительной степени обусловлено замкнутостью и ограниченностью сферы общения содержащихся в них лиц, их недостаточной дифференцированностью при распределении по ИУ, динамичностью процесса исправления, что приводит к совместному содержанию осужденных, порвавших с преступным прошлым и имеющих прямо противоположные цели.

Одной из *основных* черт криминальной субкультуры является запрет ее носителям сотрудничать в какой бы то ни было форме с правоохранительными органами. Это, в частности, подтверждается результатами социологических исследований. Так, 88% респондентов — следователей, отвечая на вопрос, чем обусловлены затруднения в общении с осужденными, выбрали ответ: соблюдение ими традиций криминальной субкультуры¹¹⁴⁹; с другой стороны, на вопрос о том, что является недопустимым в поведении осужденного, 100% респондентов — осужденных, содержащихся в ИУ, ответили: нельзя доносить правоохранительным органам о преступной деятельности других¹¹⁵⁰.

Видимо, следует согласиться с выводом, что преобладающее число преступлений, совершаемых осужденными,³ — не что иное, как применение к другим осужденным санкций за нарушение норм криминальной субкультуры, и что наиболее часто эти санкции применяются за сотрудничество с администрацией ИУ¹¹⁵¹. Что же касается осужденных, сотрудничавших с органами следствия, то они с первых же дней отбывания наказания подвергаются изошренным издевательствам со стороны сообщества преступников.

Запрет такого сотрудничества — один из давних, неукоснительных и интернациональных. Характеризуя законы французского преступного мира XVII—XVIII вв., Л. Моро-Кристоф писал, что они «хотя и написа-

¹¹⁴⁸ См.: Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Гос. и право. 1996. № 10. С. 72; Мокрецов А.И. Неформальная нормативная система в субкультуре осужденных // Актуальные вопросы совершенствования законодательства и практики деятельности учреждений, исполняющих наказания, в условиях реформы уголовно-исполнительной системы. М., 1996. С. 44.

¹¹⁴⁹ См.: Кузьмин Р.П. Психология предварительного расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях: Дисс. ...канд. психолог. наук. СПб., 2003. С. 234.

¹¹⁵⁰ См.: Анисимков В.М. Криминальная субкультура. Уфа, 1998. С. 24, 164—165.

¹¹⁵¹ См.: Чорный В.М. Безопасность осужденных в условиях лишения свободы: Дисс. ...канд. юрид. наук. Рязань, 1996. С. 105.

ные — исполняются иногда строже, чем писанные законы исполняются честными людьми. Первый из этих законов запрещает измену членам общества»¹¹⁵². Такой «закон» в XVIII—XIX вв. существовал и в российских преступных сообществах — любая «измена», в какой бы форме она не выражалась, влекла за собой смерть¹¹⁵³, в связи с чем и тогда, и позже — в начале XX в. в тюрьмах России были специальные камеры, в которых осужденных укрывали от расправы со стороны других преступников¹¹⁵⁴.

Расправа, чаще всего убийство за сотрудничество с правоохранительными органами, применяется и позже. А. И. Гуров, описывая преступные традиции XX века, обращает внимание, что вору запрещалось «иметь какие-либо контакты с органами правопорядка. Он даже не мог выступить потерпевшим или свидетелем в суде», и далее отмечает: «В случае нарушения основных требований «закона» член группировки не мог рассчитывать ни на какое снисхождение. Изменившего воровской «идеи»... группировка преследовала до тех пор, пока не приводила в исполнение решение сходки... за таким человеком направляли специальный десант. Исполнители приговора совершали преступления, получали срок наказания только для того, чтобы выполнить задачу мести»¹¹⁵⁵.¹¹⁵⁴

Об убийствах, в том числе в ИУ, за сотрудничество с правоохранительными и судебными органами говорят все авторы, описывающие законы российского преступного мира XX века, причем независимо от описываемого периода (двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые годы или последующие десятилетия)¹¹⁵⁶. И вряд ли в будущем можно ожидать позитивных изменений, поскольку существует прямая зависимость уровня насилия в ИУ от динамики насильственных преступлений и преступности в целом в стране¹¹⁵⁷, в России же эти показатели имеют тенденцию роста. Во многом совпадает и структура преступности среди находящихся на свободе и в исправительных учреждениях¹¹⁵⁸, то есть и

¹¹⁵² Цит. по: Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. М., 1995. С. 95.

¹¹⁵³ См.: Лебедев С.Я. Указ. соч. С. 94, 102.

¹¹⁵⁴ См.: Лебедев С.Я. Указ. соч. С. 94, 102; Анисимков В.М. Указ. соч. С. 133–134.

¹¹⁵⁵ Гуров А. И. Красная мафия. М., 1995. С. 107, 110.

¹¹⁵⁶ См., в частности: Чалидзе В. Уголовная Россия. М., 1990. С. 73; Уголовная Россия. Тюрьмы и лагеря. М., 1993. С. 28–29, 73, 98; Анисимков В.М. Указ. соч. С. 89, 142–143; Александров Ю. Тюремный закон. М., 1999. С. 17.

¹¹⁵⁷ См.: Верещагин В.А. Прогнозирование и профилактика противоправного поведения осужденных в местах лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 24.

¹¹⁵⁸ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2001. С. 117.

в ИУ существуют тенденции преступности (рассмотрены в § I главы I), детерминирующие рост посткриминального воздействия.

Помимо убийств, к сотрудничающим с правоохранительными органами применяются и другие «санкции»: избиения, изнасилования, что порой приводит к самоубийствам подвергшихся такой расправе¹¹⁵⁹. Все чаще применяется распространение ложных слухов о принадлежности лица к пассивным гомосексуалистам (это вызвано усилением борьбы с физическими расправами над осужденными и привлечением за это виновных к уголовной ответственности¹¹⁶⁰), что влечет превращение человека в изгоя в среде осужденных. Результаты применения таких форм посткриминального воздействия ощутимы. По данным В.М. Анисимкова, при проведении опроса осужденных, давших показания при расследовании совершенных в ИУ преступлений, 97% опрошенных ответили, что не стали бы вновь оказывать помощь правоохранительным органам (3% затруднились ответить)¹¹⁶¹.

Обеспечение безопасности содействующих (или содействовавших) правосудию при их нахождении в ИУ весьма проблематично и вследствие того, что информация в этих учреждениях о сотрудничестве с правоохранительными органами передается с помощью нелегальных способов. Информация может передаваться между отрядами осужденных в ИУ, между различными ИУ, в том числе в зашифрованном виде. Вот лишь некоторые из применяемых способов шифровки: отдельные буквы сообщения пишутся на листке бумаги на равном расстоянии друг от друга, а промежутки заполняются произвольным текстом, подгоняемым к этим буквам, или же буквами сообщения являются вторая, четвертая, седьмая или иные (заранее оговоренные) буквы в словах произвольного текста. Сообщение может быть сделано на боковой стороне подобранной в известном адресату порядке колоды карт, которая затем тасуется и передается для адресата; применяются и более сложные способы шифровки, но вполне доступные для содержащихся в исправительных учреждениях¹¹⁶². Связь осужденных с волей получила в преступной среде

¹¹⁵⁹ См.: Пищелко А.В., Дебольский М.Г. Психолого-педагогические аспекты профилактики противоправного поведения осужденных // Социально-психологические проблемы организации исполнения уголовных наказаний. Домодедово, 1996. С. 20; Александров Ю. Указ. соч. С. 24; Анисимков В.М. Указ. соч. С. 61, 65–66; Мокрецов А.И. Указ. соч. С. 50.

¹¹⁶⁰ См.: Елеськин М.В., Попов В.И., Филлимонов О.В. Предупреждение организованной преступности в исправительных учреждениях. М., 1998. С. 43.

¹¹⁶¹ См.: Анисимков В.М. Указ. соч. С. 166.

¹¹⁶² Подробнее об этих способах см.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002. С. 396–399, 730–756; Бронников А.Г. Тайные способы связи преступников. Пермь, 1996. С. 13, 14, 22, 28.

название «дорога». 60% опрошенных осужденных подтвердили, что такая связь имеется. В 42% она осуществляется через коррумпированных сотрудников уголовно-исполнительной системы, в 26% — через вольнонаемный персонал ИУ; 12% осужденных шифруют свои послания¹¹⁶³.

При этом информированность профессиональных преступников и способы передачи сведений характеризуются исключительной оперативностью, «при переводе осужденного из одной колонии в другую, не зная заранее, когда именно и куда его направят, преступники через одну-две недели узнавали о его новом месте пребывания и организовывали преследование, если он предавал их интересы»¹¹⁶⁴.

В.Н. Чорным обращено внимание, что от профессионализма сотрудников ИУ, оформляющих перевод осужденного, зависит, станет ли известно его новое место пребывания другим осужденным¹¹⁶⁵. Причиной этого знания, помимо вероятных служебных упущений¹¹⁶⁶, может быть и умышленное сообщение сотрудником ИУ соответствующей информации. В 90-х гг. XX в. недозволенные связи сотрудников ИУ с осужденными и их родственниками получили значительное распространение: в 1993 г. было выявлено 2570 таких связей, в 1994 г. — свыше 4 тысяч¹¹⁶⁷. Конечно, опасность для лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами, далеко не всегда вызывается ненадлежащим исполнением обязанностей персонала ИУ. Как было показано выше, существует немало выработанных веками тюремного быта способов передачи информации между осужденными вне зависимости от того, как персонал исполняет свои обязанности.

Представляется, что для сохранения в тайне нового места пребывания защищаемого лица на законодательном уровне следует установить: перевод в другое ИУ, предпринимаемый в целях обеспечения безопас-

¹¹⁶³ См.: Рыбак С.М. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов, 2001. С. 131–132.

¹¹⁶⁴ См.: Символика тюрем: Нравы уголовного мира всех стран и народов. М., 1996. С. 307–308.

¹¹⁶⁵ См.: Чорный В.Н. Указ. соч. С. 175.

¹¹⁶⁶ Одна из возможных причин таких упущений — высокая текучесть кадров в ИУ, что обуславливает недостаточный уровень профессионализма сотрудников этих учреждений. Так, в одном из исследований обращалось внимание, что в ИУ Нижегородской области рабочий стаж 17% сотрудников ИУ составлял менее 1 года, 40% сотрудников — от 1 года до 3 лет (см.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник... С. 93–94).

¹¹⁶⁷ См.: Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 годы). Аналитический доклад. М., 1995. С. 170–171.

ности осужденного, оформляется по правилам секретного делопроизводства (опыт Италии¹¹⁶⁶).

Ситуация с обеспечением безопасности содействующих правосудию в настоящее время осложняется и тем, что к лицам, совершающим менее опасные преступления, все чаще применяются альтернативные лишению свободы наказания, вследствие чего ИУ стали заполняться наиболее криминогенным составом. В 1999 г., например, в местах лишения свободы среди отбывающих наказание 79,2% составляли осужденные за совершение тяжких, а 8,6% — за совершение особо тяжких преступлений¹¹⁶⁹. В 2000 г. каждый пятый был осужден за убийство или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, неоднократную судимость имели около 60% заключенных¹¹⁷⁰. К концу XX в. удельный вес лиц, осужденных за умышленные убийства, разбой и грабежи, составил треть общего числа осужденных¹¹⁷¹ и продолжает расти. Безусловно, этот фактор способствует усилению позиций преступных группировок в ИУ, и такое усиление констатируется¹¹⁷². Следовательно, усиливается и влияние криминальной субкультуры. Естественным поэтому является то, что среди жертв и очевидцев преступлений, совершенных в ИУ, распространены отказы от дачи показаний, дача ложных показаний¹¹⁷³. Ведь санкции преступного мира за содействие расследованию преступлений несоизмеримо страшнее, чем возможные государственные санкции за отказ выполнять уголовно-процессуальные обязанности потерпевшего или свидетеля.

Обязанность государства обеспечить безопасность осужденного, сотрудничавшего с правоохранительными и судебными органами, прежде

¹¹⁶⁶ См.: Отдельные положения итальянского законодательства в отношении лиц, сотрудничающих с законом // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 331–332.

¹¹⁶⁹ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2001. С. 33.

¹¹⁷⁰ См.: Александров Ю. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации. Обзор проблематики в цифрах и фактах // Правозащитник. 2001. № 1. С. 59.

¹¹⁷¹ См.: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. С. 67.

¹¹⁷² См., в частности: Елеськин М.В. Криминологические проблемы борьбы с организованной преступностью в исправительных учреждениях: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. С. 37, 183; Пищелко А.В., Дебольский М.Г. Указ. соч. С. 15; Буянов А.О. Предупреждение насилия в среде осужденных к лишению свободы: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1996. С. 12–13; Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 годы). Аналитический доклад. М., 1995. С. 105, 168; Хомколов В.П. Указ. соч. С. 113–114.

¹¹⁷³ См.: Попов В.И. Рецидив и организованная преступность. М., 1998. С. 153; Елеськин М.В. Указ. соч. С. 139.

всего вытекает из рассмотренных в начале данной работы международно-правовых и российских конституционных норм, возлагающих на государство защиту от посткриминального воздействия индивидуума, вовлеченного в оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность, и независимо от того, где он находится. Нахождение человека по приговору суда в пенитенциарном учреждении, то есть признание в установленном законом порядке человека преступником не может служить оправданием оставления его без защиты.

Кроме того, обеспечение безопасности осужденных является обязанностью государства вне зависимости от того, оказывают (оказывали) ли они содействие правосудию. К такому выводу приводит анализ собственно правового статуса осужденных. При анализе их статуса представители науки уголовно-исполнительного права констатируют естественность ограничения ряда конституционных прав и свобод граждан. Ограничения: свобода передвижения (особенно в колониях особого режима с содержанием осужденных в камерах и в тюрьмах, где они большую часть суток находятся в запертых камерах); личная свобода (возможность общения с другими лицами по собственному выбору); личная неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни (ограничения сопряжены с обысками осужденных и жилых помещений); ряд других прав и свобод¹¹⁷⁴. Однако представляется неверным вывод, что «ограничения в той или иной степени могут затрагивать все права лиц, содержащихся в исправительных учреждениях»¹¹⁷⁵, то есть нельзя согласиться с выводом о правомерности ограничения любого права человека (здесь уместно обратить внимание, что этот вывод противоречит ст. 10 УИК РФ, согласно которой осужденным гарантированы все права и свободы, не ограниченные уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством России).

В настоящей работе не преследуется цель исследовать перечень прав индивидуума, не подлежащих ограничению в ИУ. Постановка такой цели повлекла бы выход за предмет предпринимаемого исследования. Назовем лишь одно из таких прав — право на безопасность. К выводу о неотъемлемости у индивидуума указанного права при содержании в ИУ приводит анализ международно-правовых актов, в которых содержатся

¹¹⁷⁴ См.: Упоров И. Пределы и характер ограничений прав осужденных // Правозащитник. 1998. № 1. С. 43–49; Бекузаров Г.О. Ограничения общегражданских прав осужденных к лишению свободы: вопросы содержания и правового закрепления // Актуальные вопросы совершенствования законодательства и практики деятельности учреждений, исполняющих наказания, в условиях реформы уголовно-исполнительной реформы. М., 1996. С. 64–66.

¹¹⁷⁵ Упоров И. Указ. соч. С. 50–51.

общие, принципиальные положения, именуемые в пенитенциарной теории *международными стандартами обращения с осужденными*¹¹⁷⁶.

Эти стандарты классифицируются на *универсальные*, которые относятся к правам человека в целом и лишь в отдельных их частях определяют специфическое положение личности в системе исполнения уголовных наказаний, и *специальные* (приняты для установления определенных стандартов при исполнении уголовных наказаний), *обязательные* для национальных пенитенциарных систем и носящие *рекомендательный* характер, *общемировые* и *региональные*.

Универсальные международные стандарты выражены во Всеобщей декларации прав человека и в Международном пакте о гражданских и политических правах. Статья 2 Всеобщей декларации устанавливает, что провозглашенные ею права и свободы относятся ко всем без исключения. В соответствии со ст. 5 Декларации и ст. 7 Пакта никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию. В ст. 10 Пакта говорится, что все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности.

Специальные международные стандарты обращения с осужденными изложены в ряде актов рекомендательного характера, не подлежащих ратификации и не обладающих обязательной юридической силой, но они реализуются государствами, причисляющими себя к цивилизованному мировому сообществу, посредством приведения в соответствие с ними национального законодательства.

Один из таких актов — *Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка* (принят на 34-й сессии Генеральной ассамблеи ООН резолюцией 34/169 от 17 декабря 1979 г.), ст. 2 которого вменяет в обязанность сотрудникам ИУ защиту человеческих прав осужденного, его человеческого достоинства¹¹⁷⁷.

В 1955 г. в Женеве I Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями приняты *Минимальные стандартные правила обращения с заключенными* (далее — Минимальные правила), содержащие основы обращения с заключенными и одобренные Экономическим и Социальным Советом ООН в ряде его резолюций. На основании Минимальных правил Генеральной Ассамблеей ООН приняты:

¹¹⁷⁶ В России до начала 90-х гг. XX в. эти стандарты не были введены в широкий научный оборот, и далеко не за всеми из них признавалось какое-либо значение для российской пенитенциарной системы.

¹¹⁷⁷ См.: Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации (практическое пособие). М., 1996. С. 413–418.

1. В 1988 г. — уже упоминавшийся в настоящей работе *Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме*. Первый из этих принципов гласит, что все лица, подвергнутые «заключению в какой бы то ни было форме, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности». Шестой принцип заключается в том, что ни одно «находящееся в заключении лицо не должно подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Никакие обстоятельства не могут служить оправданием для пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания».
2. В 1990 г. — *Основные принципы обращения с заключенными*, представленные VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Пятый из сформулированных в этом документе принципов гласит, что заключенные имеют все права, данные им соглашениями ООН, за исключением тех ограничений, которые влечет за собой тюремное заключение¹¹⁷⁸.

На региональном уровне — под эгидой Совета Европы разработаны *Европейские тюремные правила* (расширенный вариант Минимальных правил). Один из изложенных в них принципов заключается в том, что *лишение свободы должно осуществляться в условиях, которые обеспечивают человеческое достоинство; обращение с лицами, лишенными свободы, должно поддерживать их здоровье и чувство собственного достоинства*.

В перечисленных международных актах *право осужденных на защиту от угроз других содержащихся с ними лиц* в прямой постановке не было сформулировано. Данное обстоятельство объясняется, во-первых, тем, что разработка указанных актов была предпринята прежде всего с целью предотвращения нарушений прав лиц, лишенных свободы, со стороны администрации соответствующих учреждений, и, во-вторых, тем, что нормам международного права, относящимся к сфере деятельности национальных систем уголовной юстиции, присущ *общий* характер. Учитывая эти обстоятельства, ранее автором было высказано мнение о допустимости вывода, что международное право содержит запрет на нарушения прав содержащихся в пенитенциарных учреждениях (в том числе запрет действий, представляющих угрозу безопасности человека) не только со стороны администрации учреждений, но и со стороны других содержащихся в них лиц; обращено внимание и на необходимость *прямого* ука-

¹¹⁷⁸ См.: Уголовно-исполнительное право России: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. А.И. Зубкова. М., 1999. С. 558.

зания в международно-правовых нормах на обязанность администрации ИУ и мест содержания под стражей защищать содержащихся там лиц от неправомерных действий, от кого бы они ни исходили¹¹⁷⁹. Определенным шагом в этом направлении стало включение в раздел «Безопасность» новой редакции «Европейских тюремных правил» (приложение к *Резолюции (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы*¹¹⁸⁰) следующих положений: «Как только это станет возможным после поступления, должна производиться оценка заключенных на предмет того, создают ли они угрозу для безопасности других заключенных... должны быть разработаны процедуры, обеспечивающие безопасность заключенных...» (п. 52).

Рассмотренные общие (принципиальные) международно-правовые положения подлежат конкретизации во внутрисударственном: конституционном и отраслевом законодательстве. В национальных законах должны быть предусмотрены механизмы осуществления перечисленных выше норм-принципов и гарантии их реализации. В России такую функцию призваны выполнять Уголовно-исполнительный кодекс РФ¹¹⁸¹ и конкретизирующий его нормы подзаконный нормативный правовой акт — «Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений» (утверждены Приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205).

В УИК РФ вопросам правового статуса осужденных посвящена вторая глава. В ч. 2 ст. 10 этой главы впервые установлено, что осужденным гарантируются права и свободы граждан России с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным федеральным законодательством. Действующее законодательство не предусматривает ограничения личной безопасности осужденных. Ограничение права на личную безопасность осужденного в ИУ и не может быть установлено, поскольку ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно лишь по основаниям, предусмотренным в Конституции РФ, ч. 3 ст. 55 которой гласит, что права и свободы гражданина

¹¹⁷⁹ См.: Брусицын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001. С. 257.

¹¹⁸⁰ «Европейские тюремные правила» — приложение к *Резолюции (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы* (неофициальный перевод: <http://www.prison.org/index.shtml>)

¹¹⁸¹ Надо сказать, что еще в 1993 г. в ст. 2 и 13 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» обеспечение безопасности осужденных в этих учреждениях было признано в качестве одной из задач уголовно-исполнительной системы (см.: Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2964; 1998. № 16. Ст. 1796; 2001. № 11. Ст. 1002).

могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Наконец, ст. 10 УИК РФ, установившая *основы* правового положения осужденных, закрепляет, что Российская Федерация обеспечивает их личную безопасность при исполнении наказаний, а ст. 13 УИК РФ непосредственно гласит:

«1. Осужденные имеют право на личную безопасность.

2. При возникновении угрозы личной безопасности осужденного он вправе обратиться с заявлением к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказание в виде ареста, ограничения свободы или лишения свободы, с просьбой об обеспечении личной безопасности. В этом случае указанное должностное лицо обязано незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного.

3. Начальник учреждения, исполняющего указанные в части второй настоящей статьи виды наказаний, по заявлению осужденного либо по собственной инициативе принимает решение о переводе осужденного в безопасное место или иные меры, устраняющие угрозу личной безопасности осужденного.

4. Меры безопасности в отношении осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства, осуществляются начальником учреждения или органа, исполняющего наказание, на основании мотивированного постановления (определения) суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя».

Безусловно, это важные установления, и все же анализ ст. 13 УИК РФ приводит к выводу о допущенных при ее подготовке ошибках, выразившихся в отсутствии должных гарантий рассматриваемого права.

Во-первых, в ч. 2 ст. 13 УИК РФ обязанность должностного лица по обеспечению безопасности осужденного поставлена в зависимость от наличия заявления последнего, которое к тому же должно содержать «просьбу» об обеспечении личной безопасности. Возникает вопрос, обязано ли должностное лицо, которому стало известно об опасности для осужденного, принять меры для его защиты, если такое заявление осужденным по каким-либо причинам не сделано, либо в заявлении, содержащем информацию об угрозах, не сформулирована просьба обеспечить безопасность? Ответ на этот вопрос можно найти в ч. 3 ст. 13 УИК РФ, где указано, что начальник ИУ принимает решение о переводе осужденного в безопасное место или иные меры, устраняющие угрозу

его безопасности, в том числе по его, начальника, «собственной инициативе». Таким образом, обязанность действовать по собственной инициативе установлена для начальника исправительного учреждения, но не для остальных должностных лиц. Следовательно, в ситуациях, предусмотренных в ч. 2 ст. 13 УИК РФ, то есть в большинстве случаев обращений осужденных, поскольку их непосредственное общение с начальником ИУ не является повседневным (обычным), обязанность должностного лица принять меры к обеспечению безопасности возникает только при наличии вышеуказанных содержащихся в ч. 2 ст. 13 УИК РФ условий.

Очевидно, что законодатель не преследовал цель установить такую зависимость. Ведь, как уже было отмечено, обеспечение безопасности осужденных УИК РФ квалифицирует как одну из *основ* их правового положения. Тем не менее приходится констатировать, что существующая редакция ч. 2 ст. 13 УИК РФ может влечь оставление осужденного в опасном для него положении.

Данную проблему не сняли и вышеназванные «Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений» (далее — *Правила внутреннего распорядка, Правила*), поскольку:

- как и ч. 2 ст. 13 УИК РФ, п. 171 *Правил* предусматривает защиту от посткриминального воздействия лишь при *наличии заявления осужденного* о таком воздействии;
- пункт 171 *Правил* уже не требует, чтобы заявление осужденного содержало *просьбу* обеспечить его безопасность, однако, согласно п. 1 *Правил*, последние должны *конкретизировать* соответствующие вопросы деятельности ИУ, указание же в ч. 2 ст. 13 УИК РФ на вышеуказанную *просьбу* осужденного как на одно из условий принятия мер по его защите, и отсутствие этого же условия в *Правилах* есть не *конкретизация* вопросов деятельности ИУ, а *противоречие* подзаконного нормативного правового акта федеральному закону;
- согласно п. 174 *Правил* перевод осужденного в безопасное место (осуществляемый по общему правилу постановлением начальника ИУ) в «экстренных случаях» производится оперативным дежурным, однако таким правом оперативный дежурный может воспользоваться, исходя из содержания ч. 2 ст. 13 УИК РФ и п. 171 *Правил*, опять же только при *наличии заявления осужденного* об угрозе посткриминального воздействия, содержащего к тому же, учитывая вышеуказанное противоречие *Правил* и УИК РФ, *просьбу* осужденного о защите.

Во-вторых, неудачна новелла 2006 г. — ч. 4 ст. 13 УИК РФ¹¹⁸². В соответствии с ее содержанием применение *всех* мер безопасности к осужденному, являющемуся участником уголовного судопроизводства, стало возможным только на основании решения лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Но могут быть ситуации, когда начальнику либо иному должностному лицу ИУ об угрозе посткриминального воздействия станет известно раньше следователя, прокурора, судьи и самого осужденного, которому грозит опасность. Тем не менее, исходя из содержания ч. 4 ст. 13 УИК РФ, вместо *оперативного* применения мер безопасности, не влекущих сложности для производства по уголовному делу (например, помещение защищаемого лица в помещение камерного типа в том же ИУ), начальник ИУ будет вынужден оставить нуждающегося в защите осужденного без таковой и тратить время на направление информации о посткриминальном воздействии лицу, в производстве которого находится уголовное дело, для принятия последним мотивированного решения о применении мер безопасности.

Для решения возникшей проблемы предложено сферу действия правила, установленного в ч. 4 ст. 13 УИК РФ, ограничить мерами безопасности, предусмотренными Законом «О государственной защите потерпевших...»¹¹⁸³, но в этом случае возникает иная проблема — возможность *самостоятельного* перевода начальником ИУ осужденных в другое ИУ (на основании ч. 3 ст. 68 и ч. 2 ст. 81 УИК РФ) без согласования с лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, в котором фигурируют осужденные, что, безусловно, будет влечь возникновение сложностей в производстве по делу. Представляется, что решение проблемы — в ограничении действия правила, установленного в ч. 4 ст. 13 УИК РФ, в отношении лишь такой меры безопасности, как перевод начальником ИУ осужденного в другое ИУ *в порядке, предусмотренном УИК РФ*. Упоминать же в ч. 4 ст. 13 УИК РФ меры безопасности, предусмотренные Законом «О государственной защите потерпевших...», не требуется, ведь их применение, согласно ч. 2 ст. 3 данного Закона, входит в компетенцию лиц, в производстве которых находится заявление о преступлении либо уголовное дело, но не начальника ИУ (если он только не исполняет обязанности *начальника органа дознания* — в этом случае, в соответствии с ч. 1 и п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, он возбуждает уголовные дела, в частнос-

¹¹⁸² Частью 4 ст. 13 УИК РФ дополнена Федеральным законом от 3 апреля 2006 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации».

¹¹⁸³ См.: *Мальцева Н. В.* Правовое регулирование обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей из числа осужденных к лишению свободы: Дисс. ...канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 119.

ти, о преступлениях, совершенных в расположении ИУ, и производит по ним неотложные следственные действия; соответственно, исполняя обязанности начальника органа дознания, начальник ИУ вправе применять меры безопасности, предусмотренные как УИК РФ, так и Законом «О государственной защите потерпевших...»).

В-третьих, в ч. 2 ст. 13 УИК РФ оказалась не предусмотренной возможность обращения осужденного к должностным лицам учреждений, исполняющих наказание в виде *содержания в дисциплинарной воинской части*¹¹⁸⁴, что следует предусмотреть — дополнить ч. 2 ст. 13 после слов «в виде ареста» словами «, содержания в дисциплинарной воинской части».

В-четвертых, в ст. 13 УИК РФ не указана *форма* обращения осужденного об обеспечении безопасности. Лишь в п. 171 *Правил* предусмотрены как *устная*, так и *письменная* форма. В данном случае *Правила*, действительно, не противоречат нормам федерального закона, а конкретизируют их. Тем не менее представляется целесообразным эти формы заявления указать непосредственно в ст. 13 УИК РФ и дополнить данную статью обязанностью должностного лица в случае устного заявления составить соответствующий рапорт, протокол или в иной письменной форме зафиксировать такое заявление¹¹⁸⁵. Это станет дополнительной гарантией того, что обратившийся за помощью получит ее (по данным исследования, проведенного ВНИИ МВД РФ в 90-х гг. XX века, 40% из числа осужденных, сообщавших администрации о грозящей им опасности со стороны других осужденных, заявили, что помощь им оказана не была¹¹⁸⁶; предпринятое через десять лет исследование не выявило устранения проблемы: 75,9% из 891 осужденных-респондентов ответили, что существующие правовые нормы не обеспечивают их безопасность¹¹⁸⁷).

Нередко осужденные боятся обращаться с просьбами об обеспечении их безопасности, поскольку такой поступок расценивается в криминаль-

¹¹⁸⁴ *Содержание в дисциплинарной воинской части*, наряду с иными указанными в ч. 2 ст. 13 УИК РФ наказаниями, является самостоятельным видом уголовных наказаний (п. «к» ст. 44 УК РФ).

¹¹⁸⁵ Такое дополнение необходимо, так как в соответствии с п. 30 *Правил* письменный учет вопросов, с которыми осужденные обращаются к должностным лицам ИУ, обязателен при приеме осужденных в соответствии с графиком согласно главе VIII *Правил* («Личный прием осужденных»). Вопросы же защиты осужденных от посткриминального воздействия урегулированы в иной — XXV главе («Перевод осужденного в безопасное место»).

¹¹⁸⁶ См.: Буянов А. О. Уголовно-правовые и дисциплинарные меры предупреждения насилия среди осужденных к лишению свободы // Проблемы исполнения наказаний и деятельности уголовно-исполнительной системы. Сборник научных трудов. М., 1997. С. 64.

¹¹⁸⁷ См.: Мальцева Н. В. Указ. соч. С. 87–88.

ной субкультуре как недопустимый и влечет бойкотирование, иные негативные последствия для осужденного. По данным В.Н. Чорного, лишь 25,2% опрошенных осужденных высказали готовность обратиться к администрации с подобными просьбами¹¹⁸⁸. Представляется, что позиция значительной части остальных респондентов была продиктована нежеланием (боязнью) нарушать нормы криминальной субкультуры. Поэтому правильно указывается на необходимость обеспечения конфиденциальности при соответствующих заявлениях осужденных¹¹⁸⁹. В УИК РФ конфиденциальность следует установить в качестве общего требования; порядок же ее обеспечения — урегулировать на подзаконном уровне.

Поскольку поведение осужденных зависит от традиций криминальной субкультуры, надо учесть, что возможны случаи, когда администрации ИУ становится известно (например, в результате проведенных в учреждении ОРМ) об угрозах осужденных одному из них, однако тот, следуя субкультурным «законам», не обращается к администрации за помощью. В этих случаях администрация должна применить необходимые меры безопасности вне зависимости от желания самого осужденного и даже вопреки его желанию, для чего могут быть применены и средства принуждения в порядке, установленном УИК РФ. Это необходимо, поскольку оставление осужденного во враждебной среде может привести к совершению преступления как в отношении этого лица, так и последним в отношении угрожающих ему осужденных, к наступлению иных последствий: побегу осужденного, его самоубийству, совершению административного нарушения с целью быть водворенным в изолятор, то есть оказаться в безопасном месте, но без обращения к администрации.

Порядок перевода осужденного в безопасное место установлен главой XXV *Правил внутреннего распорядка*: в качестве безопасных мест, помимо других помещений, могут использоваться камеры штрафных изоляторов, помещение камерного типа (ПКТ) и единое помещение камерного типа — ЕПКТ¹¹⁹⁰ (п. 173 *Правил*). Перевод в безопасное место осуществляется по постановлению начальника ИУ на срок не свыше 90 суток, а в экстренных случаях оперативным дежурным до прихода начальника ИУ, но не более чем на 24 часа; в выходные и праздничные дни оперативный дежурный может продлить срок содержания в безопасном месте еще на 24 часа (п. 174 *Правил*)¹¹⁹¹.

¹¹⁸⁸ См. Чорный В.Н. Указ. соч. С. 86.

¹¹⁸⁹ См.: Попов В.И. Указ. соч. С. 155.

¹¹⁹⁰ В ЕПКТ могут направляться осужденные из нескольких ИУ.

¹¹⁹¹ В Италии в целях безопасности лица, осужденного или задержанного, которое сотрудничает с правоохранительными органами, возможно его перемещение из тюрьмы

Почти 70% респондентов-осужденных считают изоляторы, ПКТ и ЕПКТ наиболее безопасными местами в пенитенциарных учреждениях¹¹⁹²; высказано предложение о необходимости оборудовать в них для защищаемых специальные камеры, что вполне осуществимо, так как эти помещения обычно заполнены на 60–70%.

Поскольку перевод в безопасные, в том числе вышеуказанные места не является наказанием (п. 175 *Правил*), то, согласно п. 176 *Правил*, на защищаемого осужденного не распространяются ограничения, которые предусмотрены для содержащихся в штрафном изоляторе, в ПКТ и ЕПКТ в качестве наказания (перечень этих ограничений указан в главе XXIII *Правил*). Тем не менее следует согласиться с В.Н. Чорным в том, что само пребывание в указанных местах, то есть изоляция человека сопряжена с рядом ограничений (сужен круг общения, ограничено право пользования коммунально-бытовыми услугами и др.), и с замечанием указанного автора, что достичь состояния, когда изоляция осужденного по соображениям безопасности не будет являться и мерой, умаляющей его права, вряд ли возможно¹¹⁹³.

В пределах одного ИУ в качестве безопасных мест используются также: другой отряд либо медицинское учреждение на территории данного ИУ, защищаемое лицо может быть назначено дневальным в комнате проведения свиданий осужденных с родственниками либо в медицинской части; вообще помещение защищаемого лица в безопасное место в том же ИУ — наиболее часто применяемая мера безопасности¹¹⁹⁴.

На обеспечение безопасности осужденных направлены и другие уголовно-исполнительные нормы. Часть 3 ст. 68 и ч. 2 ст. 81 УИК РФ предусматривают:

в «иное место на время, необходимое для разработки программы защиты. В таких случаях прокурор района, на территории которого находится указанное лицо, может санкционировать использование специальных мер — не связанных с досрочным освобождением лица, — которые применяются в качестве альтернативы содержанию лица под стражей» (Отдельные положения итальянского законодательства в отношении лиц, сотрудничающих с законом // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 315–316).

¹¹⁹² См.: Буянов А.О. Уголовно-правовые и дисциплинарные меры предупреждения насилия среди осужденных к лишению свободы // Проблемы исполнения наказаний и деятельности уголовно-исполнительной системы. М., 1997. С. 65.

¹¹⁹³ См.: Чорный В.Н. Указ. соч. С. 173.

¹¹⁹⁴ См.: Мальцева Н.В. Указ. соч. С. 109–110, 129–131.

*перевод защищаемого осужденного в другой арестный дом; защищаемых осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в другое исправительное учреждение*¹¹⁹⁵.

В то же время в УИК РФ перевод оказался непредусмотренным для осужденных военнослужащих, отбывающих наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части и в виде ареста на гауптвахтах, а не в арестных домах. Хотя в п. 177 *Правил внутреннего распорядка* при урегулировании перевода в другое ИУ *виды учреждений*, из которых могут переводиться осужденные, не ограничены, это не делает возможным перевод осужденного в другие исправительный центр, дисциплинарную воинскую часть и гауптвахту: перевод возможен только из ИУ, указанных в УИК РФ (то есть возможен перевод из арестного дома, колонии и тюрьмы — в соответствии с ч. 3 ст. 68 и ч. 2 ст. 81 УИК РФ), а не в подзаконном нормативном правовом акте, каковым являются *Правила внутреннего распорядка*.

Перевод защищаемого осужденного *независимо от вида ИУ* возможен только в ходе уголовного судопроизводства — на основании п. 2 ч. 2 ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...», которым предусмотрен *перевод защищаемого лица из одного места отбывания наказания в другое вне зависимости от вида отбываемого наказания*¹¹⁹⁶. Однако

¹¹⁹⁵ В США для защиты осужденных, изобличающих (изобличивших) в преступлениях других лиц федеральным *Управлением тюрем* оборудуются специальные «тюрьмы внутри тюрьмы». Их поведение строго регламентировано. Драки, употребление наркотиков и другие нарушения режима могут привести к удалению осужденного из такой «тюрьмы» и (или) исключению из Программы защиты свидетелей, или ему будет отказано в защите в рамках данной Программы после освобождения из ИУ. То, что осужденный находился под защитой во время отбывания наказания, само по себе в США не влечет продолжение его защиты после освобождения. Если заключенный просит предоставить ему защиту после освобождения, соответствующий прокурор, которым была сделана первоначальная заявка на включение осужденного в Программу защиты свидетелей, для продолжения защиты должен направить в ОПО (о компетенции этого органа говорилось в § 1 главы III) новый запрос, который подвергается такому же анализу, как если бы свидетель впервые обращался с просьбой стать участником указанной Программы. При этом прокурор должен представить в ОПО «ясные доказательства того, что угроза свидетелю продолжает существовать и после его освобождения и что сам свидетель не будет представлять чрезмерной опасности для населения на новом месте жительства». В ОПО изучается досье свидетеля за период нахождения в специальной «тюрьме», чтобы определить, как он выполнял установленные Программой правила и соответствует ли он требованиям, предъявляемым для допуска в следующую стадию Программы, которая начинается после выхода осужденного на свободу (см.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 45, 47).

¹¹⁹⁶ Статья 14 российского Закона «О государственной защите потерпевших...» может быть дополнена также мерами безопасности, предусмотренными латвийским «Законом об особой защите лиц»: конвоирование защищаемых осужденных отдельно от других осуж-

сфера применения данного Закона достаточно узка, о чем более подробно будет сказано ниже.

Не содержит УИК РФ и прямого указания на такую меру безопасности, как перевод осужденных, *от которых исходит угроза посткриминального воздействия*, хотя в ряде случаев для обеспечения безопасности защищаемого лица оптимален перевод в другое ИУ не его, а тех, кто представляет для него угрозу. Тем не менее представляется возможным перевод в другие арестный дом, колонию и тюрьму осужденных, *от которых исходит угроза ПВ* — на том основании, что в ч. 3 ст. 68 и в ч. 2 ст. 81 УИК РФ установлена возможность перевода осужденных *при исключительных обстоятельствах, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в данном ИУ*. Представляется, что к таким (исключительным) обстоятельствам относится и исходящая от осужденного угроза посткриминального воздействия (в п. 177 *Правил внутреннего распорядка* предусмотрен перевод не только защищаемых лиц, но и *тех, кто им угрожает*; в данном случае подзаконный нормативный правовой акт не противоречит УИК РФ, а конкретизирует его нормы)¹¹⁹⁷.

Очевидно, что перевод осужденных, как защищаемых, так и тех, от кого исходит угроза посткриминального воздействия, *вне зависимости от вида ИУ*, в настоящее время возможен лишь на основании п. 2 ч. 2 ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...», должен быть предусмотрен и в УИК РФ — для защиты осужденных в тех случаях, когда посткриминальное воздействие осуществляется, а использовать Закон «О государственной защите потерпевших...» невозможно в силу *узости оснований* применения предусмотренных в нем мер безопасности¹¹⁹⁸ *перевод в другое ИУ* назван самой эффективной мерой безопасности как сотрудниками ИУ и следователями, так и осужденными — респондентами¹¹⁹⁹, и,

денных (ст. 16); усиленный контроль за контактами охраняемого осужденного с другими осужденными (ст. 17).

¹¹⁹⁷ Тем не менее автор поддерживает предложение Н.В. Мальцевой о дополнении ч. 2 ст. 81 УИК РФ прямым указанием на перевод осужденного для обеспечения безопасности других осужденных (см.: *Мальцева Н.В. Указ. соч. С. 134*), что, безусловно, сделает Закон более «прозрачным», понятным для правоприменителя.

¹¹⁹⁸ Согласно ч. 1 ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших...» предусмотренные им меры безопасности могут применяться лишь при угрозе убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества. Посткриминальное же воздействие, особенно в условиях ИУ, выражается в значительно большем спектре деяний, в частности, к осужденным может применяться воздействие, и не запрещенное уголовным законом, например, некоторые ритуальные формы «обращения» осужденного преступным сообществом в члены касты «отверженных».

¹¹⁹⁹ См.: *Кузьмин Р.П. Указ. соч. С. 137; Мальцева Н.В. Указ. соч. С. 108–109.*

наряду с временным помещением в безопасное место, является наиболее часто применяемой мерой безопасности¹²⁰⁰).

Установление возможности перевода осужденных *вне зависимости от вида ИУ* на уровне федерального закона — в УИК РФ (а не в подзаконном нормативном правовом акте) необходимо и потому, что перевод осужденного, от которого исходит угроза посткриминального воздействия, как и другие меры защиты от посткриминального воздействия, есть мера *превентивная*, то есть не является санкцией за какое-либо допущенное осужденным правонарушение, но, тем не менее, может влечь (особенно при переводе в ИУ в другом регионе) ослабление связей осужденного с родственниками, другие негативные для него последствия. В соответствии же с упоминавшейся ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы индивидуума могут быть ограничены лишь федеральным законом. В то же время замечено, что перевод лица, представляющего угрозу для защищаемого осужденного при невозможности защитить последнего с помощью других мер, соответствует конституционному положению о допустимости ограничения прав человека в целях защиты прав и законных интересов других лиц.

Надлежит учесть и то, что подлежащий переводу осужденный, представляющий угрозу для защищаемого, может быть участником уголовного процесса. Поэтому ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...» может быть дополнена следующим положением: «Если лицо, от которого исходит угроза защищаемому лицу и подлежащее переводу в другое место отбывания наказания, является потерпевшим, свидетелем или иным участником уголовного судопроизводства, решение о его переводе принимается по согласованию с лицом (органом), в производстве которого находится соответствующее уголовное дело».

Возможны также ситуации, когда осуществляющий посткриминальное воздействие осужденный и осужденный, подвергающийся этому воздействию, являются участниками уголовно-процессуальных отношений не в одном, а в *разных* уголовных делах. Очевидно, что принятие решения о переводе в иное ИУ первого из этих осужденных должно находиться в компетенции лица, осуществляющего производство по уголовному делу, в котором фигурирует данный осужденный. Пока этот вопрос в Законе «О государственной защите потерпевших...» и в ст. 13 УИК РФ не урегулирован.

Желание отомстить соучастнику, изблечившему в совершении пре-

¹²⁰⁰ См.: *Лютынский А.М.* Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы: Дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 142.

ступления, может стать очевидным до постановления приговора. Поэтому в п. 1 ч. 2 ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...» в качестве меры безопасности установлено *направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза защищаемому, в разные пенитенциарные учреждения при назначении уголовных наказаний.*

Намерение мести может возникнуть и после постановления приговора, то есть на дату его постановления основания для применения данной меры безопасности будут отсутствовать. Поэтому представляется необходимым дополнить УИК РФ запретом направлять осужденных соучастников в одно пенитенциарное учреждение.

Защите от посткриминального воздействия служит также *цензура получаемой и отправляемой осужденными корреспонденции*, осуществляемая в соответствии с ч. 2 ст. 91 УИК РФ. При этом цензуре не подлежит переписка осужденного с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте РФ, общественной наблюдательной комиссией, созданной в соответствии с законодательством РФ и ЕСПЧ.

Переписка осужденного с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, также цензуре не подлежит, за исключением случаев, если администрация ИУ располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. Такие данные администрация ИУ может получить, в частности, в результате ОРМ, проводимых как в данном учреждении, так и за его пределами, а также от лица, осуществляющего производство по уголовному делу как в отношении осужденных, так и иных граждан. В этих случаях, согласно ч. 2 ст. 91 УИК РФ, цензура корреспонденции осуществляется по мотивированному постановлению руководителя ИУ или его заместителя.

Наряду с цензурой переписки, предотвращению посткриминального воздействия служит и *контроль телефонных переговоров осужденных* на основании ч. 5 ст. 92 УИК РФ. В то же время, в отличие от цензуры переписки, он носит *выборочный* характер, то есть осуществляется по усмотрению администрации ИУ. Контроль осуществляется как на основании имеющихся у администрации сведений о том, что предстоящий телефонный разговор может быть направлен на инициирование, планирование или организацию преступления, иного правонарушения, в том числе и на организацию посткриминального воздействия (представляется, что при наличии таких сведений администрация *обязана* проконтролировать переговоры),

так и при отсутствии сведений о стремлении осужденного использовать телефонный разговор в указанных целях. При контроле телефонного разговора, если он осуществляется с недопустимыми целями, разговор может быть прерван либо зафиксирован с помощью звукозаписывающей аппаратуры. Поскольку данный контроль легален, судебного решения для его осуществления не требуется. Наличие в разговоре, зафиксированном с помощью звукозаписывающей аппаратуры либо в рапорте сотрудника УИ, контролировавшего разговор, признаков преступления является *основанием* для возбуждения уголовного дела в порядке, предусмотренном УПК РФ, в том числе и для возбуждения уголовного дела о посткриминальном воздействии, выразившемся в запрещенных УК РФ деяниях.

В заключение необходимо отметить, что в соответствии со ст. 84 УИК РФ одной из задач оперативно-розыскной деятельности, проводимой в ИУ, является *обеспечение личной безопасности осужденных*. Важный аспект данного обеспечения — выявление угроз посткриминального воздействия в отношении осужденных, сотрудничающих (сотрудничавших) с правоохранительными органами. Выявление таких угроз является *основанием* применения в отношении осужденных необходимых мер безопасности.

Предпринятое исследование системы мер безопасности позволяет дать их определение: *меры безопасности лиц, содействующих (содействовавших) уголовному правосудию* — это превентивные разноотраслевые правовые средства, обеспечивающие в ходе оперативно-розыскной деятельности, уголовного судопроизводства, пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия, а также вне данных видов деятельности государства защиту указанных лиц, их близких и принадлежащего им имущества от запрещенных уголовным законом и иных форм посткриминального воздействия.

Конечно, определение правовой категории, в том числе и данное автором настоящей работы, всегда уже определяемого объекта и потому может быть расширено. Не следует лишь перегружать его второстепенными характеристиками определяемого объекта. Пример таких характеристик — свойство мер безопасности *пресекать* посткриминальное воздействие. Второстепенность этой характеристики обусловлена тем, что основная цель указанных мер — *предотвращение* воздействия, *пресечение* же его допустимо лишь в качестве исключения из общего правила.

Глава IV

ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ

§ 1. Полномочия должностных и иных лиц при применении мер безопасности

Вопросами, от оптимального решения которых также во многом зависит эффективность защиты граждан, содействующих правосудию, являются: (1) перечень субъектов, наделенных полномочиями по применению мер безопасности; (2) распределение полномочий между этими субъектами и (3) формы их взаимодействия при применении мер безопасности.

Что касается совокупности субъектов, которым следует предоставить права по применению мер безопасности, то к ним относятся: (1) субъекты, в производстве которых находятся сообщения о преступлениях и уголовные дела (в большинстве случаев посткриминальное воздействие имеет место именно в рамках уголовного судопроизводства); (2) должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, так как посткриминальное воздействие возможно и в ходе данной составляющей борьбы с преступностью; (3) судьи и прокуроры, которым надлежит предоставить право принимать решения об осуществлении и об отмене мер безопасности вне границ уголовного судопроизводства, ибо посткриминальное воздействие возможно как до, так и по его окончании; (4) администрация мест содержания под стражей и пенитенциарных учреждений.

Обширность приведенного перечня субъектов обусловлена:

— разнообразием содержания и способов реализации мер безопасности;

— необходимостью их применения в ходе не только уголовно-процессуальной, но и оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), а также пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия;

— необходимостью решения вопросов о применении и отмене некоторых мер безопасности и по окончании перечисленных *составляющих* борьбы с преступностью.

К сожалению, многие из этих факторов не учтены в действующем законодательстве. В частности, в Законе «О государственной защите потерпевших...»:

1) не предусмотрено право каких-либо субъектов, например прокурора и судьи *вне уголовного процесса* принимать решения об осуществлении мер безопасности, например о переводе защищаемого осужденного,

не являющегося участником уголовного судопроизводства, в другое место отбывания наказания¹²⁰¹;

- 2) должностным лицам органов, осуществляющих ОРД, не предоставлено право применять меры безопасности, установленные данным Законом, и которые могут оказаться необходимыми, например, когда личность конфиденента стала известной преступникам (подробнее об этом см. § 2 главы III);
- 3) в случаях, когда начальники пенитенциарных учреждений не осуществляют (в качестве органа дознания) уголовно-процессуальную деятельность, предусмотренную ч. 1 и п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ¹²⁰², им не предоставлены полномочия по применению тех мер безопасности (перечислены в ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...»), которые могут использоваться для предотвращения посткриминального воздействия в условиях исправительного учреждения и вне уголовного судопроизводства.

Указанные недостатки порождены тем, что в ч. 1 ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших...» в качестве оснований применения мер безопасности указана только *угроза убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества*¹²⁰³. Естественно, такая угроза подлежит оценке не только для установления основания применения мер безопасности, но и с целью установления оснований для возбуждения уголовного дела, а это возможно только в ходе уголовного судопроизводства — в стадии возбуждения уголовного дела. В свою очередь изложенное объясняет, почему в ч. 2 ст. 3 названного Закона в качестве субъектов, правомочных принимать решение об осуществлении государственной защиты, указаны только суд (судья), начальник органа дознания и следователь, *в производстве которых на-*

¹²⁰¹ Перевод такого осужденного в другое ИУ возможен по решению администрации ИУ в соответствии с нормами УИК РФ (см. об этом § 6 главы III), но предоставление данного права и соответствующим прокурору, судье — субъектам, осуществляющим реагирование на нарушения закона администрацией ИУ, позволит (помимо установления невыполнения администрацией ИУ обязанности обеспечить безопасность осужденного) осуществить *оперативный* (по сути одновременно с констатацией нарушения закона администрацией ИУ) перевод защищаемого в другое место отбывания уголовного наказания. По данным одного из исследований, 40% из числа осужденных, сообщавших администрации ИУ об угрозах со стороны других осужденных, заявили, помощь им оказана не была.

¹²⁰² В соответствии с ч. 1 и п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ начальник пенитенциарного учреждения возбуждает уголовные дела (и производит по ним неотложные следственные действия) в том числе о преступлениях, совершенных в расположении данного учреждения.

¹²⁰³ Критику узости установленных российским законодателем оснований применения мер безопасности см. в § 2 настоящей главы.

ходится заявление (сообщение) о преступлении либо уже возбужденное уголовное дело.

Далее в первоначальной редакции ч. 2 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...» среди субъектов, правомочных принимать решение об осуществлении государственной защиты, был указан прокурор. Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» его полномочия в досудебном производстве по сути сведены к *надзору* за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. После этого Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ в ч. 2 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...» прокурор был исключен из числа субъектов, правомочных принимать указанное решение. Что касается ч. 4 той же статьи, которая, как и прежде, гласит: «Меры безопасности... по уголовным делам, находящимся в производстве суда или прокуратуры, осуществляются по решению суда (судьи) или *прокурора...*», то законодатель, очевидно, просто забыл привести ее в соответствие с новой редакцией ч. 2 ст. 3 названного Закона.

Лишение прокурора права принимать решение об осуществлении государственной защиты находилось в русле изменений его уголовно-процессуального статуса, однако, по мнению автора, шаг этот не был обязательным. Более того, в деле обеспечения безопасности участников уголовного процесса он повлек негативные последствия. Поясним эту мысль. Согласно ч. 2 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...» перечисленные в ней субъекты правомочны принимать решения об осуществлении государственной защиты в тех случаях, когда в *их производстве* находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело. В отношении прокурора УПК РФ (в редакции Закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ) сузил, но не исключил эти случаи:

Во-первых, в *производстве прокурора* находится сообщение о преступлении — до вынесения им согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания. Во-вторых, в *его же производстве* в течение 10 суток находится уголовное дело при осуществлении им полномочий, предусмотренных главой 31 УПК РФ, то есть при принятии прокурором решений, указанных в ст. 221 УПК РФ: об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд и проч. Однако при возникновении в указанные периоды угрозы посткриминального воздействия нуждающиеся в защите лица останутся без таковой, ведь согласно новой редакции ч. 2 ст. 3 Закона «О государственной защите

потерпевших...» прокурор не вправе принимать решение об осуществлении государственной защиты¹²⁰⁴, у следователя же и у суда (судьи) соответствующие полномочия еще не возникли либо — при направлении следователем уголовного дела с обвинительным заключением прокурору — прекратились. По мнению автора, законодателю следует вернуться к первоначальной редакции ч. 2 ст. 3 указанного Закона.

Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ в УПК РФ был введен и новый участник судопроизводства — руководитель следственного органа. До 14 июля 2009 г.¹²⁰⁵ отвечая на вопрос, обладает ли он полномочиями по применению мер безопасности, предусмотренных Законом «О государственной защите потерпевших...», вопреки мнению М.А. Авдеева¹²⁰⁶, пришлось бы ответить — не обладает. Дело в том, что, во-первых, Закон «О государственной защите потерпевших...» не упоминает *руководителя следственного органа*, то есть не является правовым актом, устанавливающим его полномочия. Во-вторых, хотя *руководитель следственного органа* вправе возбудить уголовное дело и провести предварительное следствие, он наделяется при этом, согласно ч. 2 ст. 39 УПК РФ, правами следователя, предусмотренными данным Кодексом, а до принятия Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ в ч. 3 ст. 11 Кодекса было указано право следователя применять мер безопасности, предусмотренные УПК РФ, но не Законом «О государственной защите потерпевших...».

Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ часть 3 ст. 11 УПК РФ дополнена словами: «, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации». Этим проблема наделения руководителя следственного органа полномочиями следователя, которыми последний обладает в соответствии с Законом «О государственной защите потерпевших...», решена лишь частично, поскольку: руководитель следственного органа правомочен применять универсальные меры безопасности, согласно действующей редакции ч. 3 ст. 11 УПК РФ, только к участникам уголовного судопроизводства.

¹²⁰⁴ В ч. 3 ст. 11 УПК РФ прокурор не был исключен из числа субъектов, правомочных применять меры безопасности, предусмотренные УПК РФ (очевидно, законодатель забыл сделать это, как он забыл ч. 4 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...» привести в соответствие новой редакции ч. 2 той же статьи). Однако, учитывая содержание предусмотренных УПК РФ мер безопасности, последние объективно не могут применяться в периоды, когда сообщение о преступлении и уголовное дело находятся в производстве прокурора.

¹²⁰⁵ 14 июля 2009 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

¹²⁰⁶ См.: Авдеев М.А. Указ. соч. С. 17–18.

В статье же 2 Закона «О государственной защите потерпевших...» круг лиц, к которым могут применяться универсальные меры безопасности, шире — помимо участников уголовного судопроизводства (перечислены в ч. 1 ст. 2) в него включены очевидцы, жертвы преступлений, иные лица, способствующие предупреждению или раскрытию преступления — до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 2), а также близкие родственники, родственники и близкие лица для субъектов, указанных в ч. 1 и 2 ст. 2 данного Закона. Такой итог позволяет предположить, что при вышеуказанном дополнении ч. 3 ст. 11 УПК РФ вопрос полномочий руководителя следственного органа по предотвращению посткриминального воздействия находился вне поля зрения законодателя. Решение же этого вопроса заключается в указании руководителя следственного органа в ч. 2 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...» среди субъектов, полномочных принимать решение об осуществлении государственной защиты. До указанного дополнения при нахождении уголовного дела в производстве руководителя следственного органа применение универсальных мер безопасности существенно ограничено *по кругу лиц*, хотя именно по делам, принимаемым к производству данным должностным лицом, вследствие их масштабности высока вероятность посткриминального воздействия не только на участников уголовного судопроизводства, но и на близким им людей¹²⁰⁷.

Далее, очевидно также, что избрание ряда мер безопасности из числа предусмотренных Законом «О государственной защите потерпевших...» должно осуществляться *по согласованию* с субъектом, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело. Прежде всего это относится к мерам безопасности (предусмотрены ч. 2 ст. 13, п. 1 и 2 ч. 2 ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...»), некоторые меры из числа указанных в ч. 1 ст. 6 данного Закона), несогласованное применение которых может повлечь организационные сложности при расследовании преступлений и разрешении уголовных дел судами. Тем не менее до настоящего времени в данном Законе порядок такого согласования не установлен.

Общим правилом является возможность применения мер безопасности, установленных Законом «О государственной защите потерпевших...», во-первых, вне зависимости от *категории* преступления, в связи

¹²⁰⁷ Данные, приведенные Е.А. Галактионовым по трем масштабным уголовным делам: 98% из 398 свидетелей принуждались к даче ложных показаний; при этом принуждение выражалось в угрозе насилием самим свидетелям в 75 случаях (19%), а в отношении их близких — в 102 случаях (26%). См.: Галактионов Е.А. Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1993. С. 86–87.

с которым осуществляется уголовное судопроизводство (категории преступлений указаны в ст. 15 УК РФ), и, во-вторых, вне зависимости от вида уголовного дела (согласно ст. 20 УПК РФ уголовные дела подразделены на дела частного, частно-публичного и публичного обвинения). Исключением из этого общего правила является то, что меры безопасности, предусмотренные п.п. 4–7 ч. 1 ст. 6 Закона «О государственной защите потерпевших...», могут применяться только по уголовным делам о *тяжких* и *особо тяжких* преступлениях, определения которых даны в ч.ч. 4–5 ст. 15 УК РФ.

Статья 22 Закона «О государственной защите потерпевших...» устанавливает обязательность исполнения решений:

— органов, принимающих решение об осуществлении государственной защиты (указаны в ч. 2 ст. 3 Закона);

— органов, осуществляющих меры безопасности (указаны в ч.ч. 3–6 ст. 3 Закона);

— органов, осуществляющих меры социальной поддержки (таким органом является Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию).

Соответственно, решения органа, *принимающего решение об осуществлении государственной защиты*, обязательны для органов, *осуществляющих (реализующих) меры безопасности и социальной поддержки*. В свою очередь, решения органов, *реализующих меры безопасности*, обязательны для исполнения должностными лицами предприятий, учреждений и организаций, которым они (решения) адресованы. Пример решений *органов, осуществляющих меры безопасности*: согласно п. 14 «Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее — *Правила применения отдельных мер безопасности*)¹²⁰⁸ эти органы оказывают защищаемому лицу содействие в устройстве на новое место работы, учебы «с привлечением органов занятости населения, органов образования и органов местного самоуправления». Соответственно, *решение* о «привлечении» перечисленных субъектов обязательно для исполнения их должностными лицами. Обязательность исполнения указанных в ст. 22 Закона «О государственной защите потерпевших...» решений может конкретизироваться в подзаконных нормативных правовых актах. Так, в соответствии с п. 11 *Правил применения отдельных мер безопасности*, организации, ответственные за замену и выдачу документов, удостоверяющих лич-

¹²⁰⁸ Утверждены Постановлением Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630.

ность, «не вправе отказать в их замене и выдаче органу, осуществляющему меры безопасности... Решение о замене иных документов защищаемого лица является обязательным для исполнения должностными лицами организаций, ответственных за их замену и выдачу»¹²⁰⁹.

Применение предусмотренных Законом «О государственной защите потерпевших...» мер безопасности может потребовать участия в их реализации не только государственных, но и иных органов, например — при *обеспечении конфиденциальности сведений о защищаемом лице* в соответствии со ст. 9 данного Закона — акционерных обществах, оказывающих услуги связи. Решения органов, обеспечивающих государственную защиту, обязательны для исполнения должностными лицами предприятий, учреждений и организаций *независимо от их формы собственности*.

В ряде случаев защитить тех, кто содействует правосудию, можно лишь с помощью мер (охрана защищаемого, временное помещение в безопасное место, ряд иных мер), эффективных при условии, если они осуществляются сотрудниками, имеющими специальную подготовку. По такому пути пошли Украина (в рамках ее Службы безопасности, а с 1997 г. и в МВД созданы отделы по защите участников уголовного судопроизводства¹²¹⁰) и Латвия, где в соответствии со ст. 5 «Закона об особой защите лиц» от 31 мая 2005 г. создано «специальное структурное подразделение» Государственной полиции.

О необходимости специальных служб свидетельствует опыт Италии¹²¹¹, Германии¹²¹², США¹²¹³, Израиля¹²¹⁴. Отсутствие в 60-х гг. XX в. такой службы в США сделало для преступников возможными как расправы с защищаемыми свидетелями, так и убийства с 1961 г. по 1965 г.

¹²⁰⁹ Тем не менее, как уже отмечалось в § 1 главы III, российские правоохранительные органы столкнулись с проблемой реализации меры безопасности в виде замены документов: после избрания сотрудниками *ГУ МВД России по Уральскому федеральному округу* данной меры безопасности управление ЗАГС Свердловской области, областные Минобразования и подразделение ФНС отказали в выдаче новых документов из-за «отсутствия законодательно закрепленных процедур реализации государственной защиты указанным способом»; анализ этой ситуации привел к выводу о необходимости внесения соответствующих дополнений в жилищное, трудовое и пенсионное законодательство (см.: *Малов А.А., Тимошенко А.А.* Указ. соч. С. 18).

¹²¹⁰ См.: *Бояров В.И.* Указ. соч. С. 130.

¹²¹¹ См.: *Основы борьбы с организованной преступностью*. М., 1996. С. 81; *Осинкин В.Н.* *Организованная преступность*. СПб., 1998. С. 32.

¹²¹² См.: *Защита свидетелей полицией // Борьба с преступностью за рубежом*. М., 1993. № 9. С. 8–9.

¹²¹³ См.: *Николайчик В.М.* *Уголовный процесс США*. М., 1981. С. 194.

¹²¹⁴ См.: *Сдавать криминальных «авторитетов» станет безопаснее // http://www.cursorinfo.ru/novosti/2004/09/12/witness_protection*

25 сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих безопасность свидетелей¹²¹⁵. Подобный случай произошел и в России (г. Карабулак, Республика Ингушетия): 13 апреля 2008 г., несмотря на охрану защищаемого лица тот был убит выстрелом из снайперской винтовки. Охрану осуществляли сотрудники милиции¹²¹⁶, вряд ли обладавшие специальными навыками для такой защиты.

В США в настоящее время переселение и замена документов защищаемого осуществляется в рамках *Программы защиты свидетелей* Службой маршаллов, располагающей специальным учебным заведением, которое готовит сотрудников для осуществления указанной Программы¹²¹⁷. Очевидно, что это оптимальное и для России решение проблемы профессиональной подготовки тех, кто призван обеспечить безопасность защищаемых лиц. Служба маршаллов по словам ее представителя Дж. Шура (G. Shur) доступна защищаемым в течение всей их жизни, если им необходимо по какой-либо причине вступить в контакт¹²¹⁸. Необходимость таких контактов — еще одно обстоятельство, требующее создания специальной службы.

Одни сотрудники американской Службы маршаллов выясняют состояние здоровья, образование, иные характеристики защищаемого лица, знание которых необходимо для его устройства на новом месте жительства; другие сотрудники выбирают район поселения и средства доставки туда защищаемого; третьи обеспечивают новые документы и так далее. Контакты между сотрудниками предельно минимизированы, чем также обеспечивается безопасность защищаемых¹²¹⁹.

Важная деталь в деятельности сотрудников этой службы — минимизация контактов между ними для предотвращения утечки информации о защищаемых как вследствие служебных упущений со стороны сотрудников, так и в случае их связей с преступниками. По мнению автора настоящего исследования, такую минимизацию следует предусмотреть

¹²¹⁵ См.: *Квашин В.Е.* Основы виктимологии. М., 1999. С. 156–157.

¹²¹⁶ См.: *Малов А.А., Тимошенко А.А.* Указ. соч. С. 8.

¹²¹⁷ См.: Oversight of the Department of justice witness security program. P. 43. В то же время надо отметить, что защита свидетелей — не единственная функция Службы маршаллов (создана в 1789 г.). На ее подразделения в федеральных судебных округах возложено также: исполнение всех приказов и распоряжений федеральных судов, обеспечение исполнения вступивших в силу судебных решений, по делам федеральной юрисдикции — производство (по orderу суда) арестов и обысков, охрана судей и зданий судов, содержание под стражей обвиняемых, осужденных до их помещения в исправительные учреждения.

¹²¹⁸ См.: Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts. P. 31.

¹²¹⁹ См.: *Вавилова Л.В.* Указ. соч. С. 107–108.

при создании соответствующей службы в России, поскольку очевидно, что уровень коррумпированности российских правоохранительных органов, по меньшей мере, не ниже американских. В 90-х гг. XX в. в России были зафиксированы многочисленные коррумпированные связи сотрудников правоохранительных органов с преступными группами: в 1993 г. — 548 случаев, в 1994 г. — 509¹²²⁰, в 1995 г. — свыше 1000¹²²¹. Из более 2 тыс. опрошенных сотрудников правоохранительных органов 55% указали на рост преступности в их среде¹²²²; по мнению 11,5% респондентов — сотрудников прокуратуры и органов внутренних дел, раскрытию убийств по найму препятствует коррумпированность высшего руководства правоохранительных органов¹²²³. В 2003 г. за взятки и превышения служебных полномочий осуждены 1870 сотрудников органов внутренних дел¹²²⁴, в 2005 г. — только за коррупционные преступления осуждены 1345 сотрудников милиции¹²²⁵. По прогностическим оценкам, уже в 2005 г. доля российских ОПГ, располагающих коррумпированными связями, должна была возрасти до 30% в их общем количестве¹²²⁶; в конце XX в. прогнозировался рост и прямого проникновения в правоохранительные органы ставленников организованной преступности¹²²⁷.

¹²²⁰ См.: Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 годы). Аналитический доклад. М., 1995. С. 88.

¹²²¹ См.: *Топильская Е.В.* Указ. соч. С. 77.

¹²²² См.: Состояние законности в Российской Федерации (1998–1999 годы). Аналитический доклад. М., 2000. С. 72.

¹²²³ См.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прокуратуре РФ; ВНИИ МВД России, Департамент уголовного розыска МВД России / Под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М., 2007. С. 350.

¹²²⁴ В этой связи надо сказать о проблеме доверия в России к показаниям сотрудников правоохранительных органов в случаях: 1) дачи ими показаний в судах под псевдонимами; 2) при их допросе в суде вместо потерпевших и свидетелей, то есть при применении мер безопасности, рассмотренных в § 4 главы III. Представляется, что эта проблема будет решена, если при использовании этих мер безопасности неукоснительно будет соблюдаться условие: обвинительный приговор не может основываться «в решающей степени» на таких показаниях (подробно это условие рассмотрено в § 4 главы III).

¹²²⁵ См.: *Куракин А.В.* Административно-правовые средства противодействия коррупции в правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Гос. и право. 2008. № 5. С. 39.

¹²²⁶ См.: *Зминов В.Е., Максимов С.В.* Прогноз развития организованной преступности в России на период до 2000 г.: общие оценки // Труды Московской государственной юридической академии. М., 1997. № 2. С. 124.

¹²²⁷ См.: *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. С. 469.

Эти прогнозы находят подтверждение¹²²⁸ и соответствуют тому, что степень коррумпированности органов юстиции в странах с переходной экономикой, то есть и в России, специализированные органы ООН определяют как весьма высокую¹²²⁹ (по данным международной организации «Трансперенси интернешнл», в 2004 г. Россия по степени коррумпированности занимала 96 место в мире, в 2005 г. — уже 126 место, наряду с Нигером и Албанией).

В России осуществление мер безопасности, предусмотренных Законом «О государственной защите потерпевших...», в качестве *общего правила* возложено на органы внутренних дел, органы федеральной службы безопасности, таможенные органы и органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ч.ч. 3 и 4 ст. 3 названного Закона). Программой «Обеспечение безопасности потерпевших... на 2006–2008 годы» было предусмотрено создание в этих органах соответствующих спецподразделений. К марту 2007 г. они были созданы в Департаменте по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД РФ, в главных управлениях МВД РФ по федеральным округам и в ряде субъектов Российской Федерации. С 2009 г. в соответствии с Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» «центры по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите» создаются на базе подразделений по борьбе с организованной преступностью. В российских Вооруженных Силах возможно возложение этой обязанности на военную полицию, необходимость создания которой давно назрела¹²³⁰.

В России высказывались мнения и о необходимости *единой* специальной службы, что, по мнению сторонников ее создания, позволит при меньших финансовых затратах лучше координировать защиту, выработать единую практику осуществления мер безопасности, создать единую информационную базу, минимизировать угрозу утечки информации, а в случае таковой, вследствие ограниченного круга лиц, обладающих до-

¹²²⁸ В 2001 г., например, было пресечено более 500 попыток внедрения представителей криминальных структур в органы внутренних дел (см.: *Куракин А.В.* Указ. соч. С. 42).

¹²²⁹ См.: *Коррупция: угрозы и тенденции в XXI веке. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом в рамках пункта 5 предварительной повестки XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // A/CONF.203/6, 16 march, 2005, P. 6.*

¹²³⁰ См. об этом: *Федеральная программа РФ по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы. Раздел V. Усиление борьбы с преступлениями в Вооруженных Силах Российской Федерации // Росс. юстиция. 1994. № 11. С. 10–11; Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 апреля 1994 г. № 97-1 «О парламентских слушаниях «Борьба с преступностью и укрепление правопорядка в Российской Федерации» // Росс. газета. 1994. 19 апр.*

ступом к информационной базе, установить источник утечки¹²³¹. По информации И. Чациса¹²³² — представителя *Управления ООН по контролю за наркотиками и предупреждению преступности* (Управление разрабатывает и рекомендаций по созданию национальных программ защиты свидетелей), данный орган ООН также отдает предпочтение созданию *единой* специальной службы, поскольку подразделениям, обеспечивающим защиту свидетелей и при этом находящимся «внутри» иных правоохранительных структур, сложнее сохранять в тайне от других подразделений информацию о защищаемых лицах. За создание *единой* специальной службы высказывается и подавляющее большинство опрошенных сотрудников российских правоохранительных органов¹²³³.

Здесь следует заметить, что независимо от того, будет ли в России создана единая служба или нет, деятельность по реализации универсальных мер безопасности должна быть исчерпывающе урегулирована в одном (специальном) подзаконном акте, а не в разбросанных ведомственных нормативных правовых актах. К сожалению, Программой «Обеспечение безопасности потерпевших... на 2006—2008 годы» была предусмотрена разработка именно ведомственных актов (межведомственными предполагались только *инструкция о порядке взаимодействия* МВД, ФСБ и других структур при обеспечении безопасности защищаемых лиц, а также *инструкция по отчетности о применении мер государственной защиты* (п.п. 2 и 5 Приложения № 1 к указанной Программе)¹²³⁴).

В трех структурах ведомственные нормативные акты приняты:

- Приказом МВД России от 21 марта 2007 г. № 281 утвержден «Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких» (далее — *Административный регламент МВД РФ*);

¹²³¹ См.: *Вавилова Л.В.* Указ. соч. С. 126—127; *Епихин А.Ю.* Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995. С. 92; *Янин С.А.* Указ. соч. С. 49.

¹²³² Участник международной конференции «Безопасность свидетелей в эпоху трансграничной преступности» (Будапешт, январь 2007 г.).

¹²³³ См.: *Новикова М.В.* Указ. соч. С. 52; *Янин С.А.* Указ. соч. С. 49.

¹²³⁴ Тем не менее вышеуказанные *Правила применения отдельных мер безопасности* обращены ко всем правоохранительным органам, на которые Законом «О государственной защите потерпевших...» возложена функция реализации мер безопасности.

- Приказом ФСКН России от 2 ноября 2007 г. № 044 утверждена «Инструкция об организации работы по осуществлению мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ»;
- Приказом ФСБ России от 3 февраля 2009 г. № 39 утвержден «Административный регламент Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства и их близких» (далее — *Административный регламент ФСБ РФ*).

Другими структурами (Минобороны России, ФСИН России, ФТС России и Минздравсоцразвития РФ), на которые согласно п. 3 Приложения № 1 к указанной Программе также была возложена задача разработать подобные акты, на февраль 2009 г. данная задача выполнена не была.

Как и следовало ожидать, разработка нормативных актов в разных ведомствах привела к отличиям в урегулировании вопросов, которые (отличия) вряд ли можно объяснить какой-либо спецификой в деятельности этих ведомств либо иными объективными причинами. Так, например, в п. 23.6 *Административного регламента МВД РФ* указано, что орган, осуществляющий меры безопасности, обязан проинформировать об избранных мерах субъекта, в производстве которого находится соответствующее уголовное дело, в течение суток, а в п. 30. *Административного регламента ФСБ РФ* срок информирования не установлен¹²³⁵.

Возвращаясь к общим вопросам полномочий должностных лиц при применении мер безопасности, следует обратить внимание на особенности защиты *военнослужащих*. Особенности эти заключаются, во-первых, в эффективности одних и недейственности других мер безопасности в зависимости от принадлежности защищаемого лица к той или иной категории военнослужащих (проходящих службу по призыву или же по контракту), и, во-вторых, в отличии порядка применения защитных мер. При правовом урегулировании их применения в воинских условиях надлежит учесть следующие, специфические для войск факторы:

- 1) необходимость использования для защиты военнослужащих специальных (дополнительных) мер безопасности, большая часть которых предусмотрена в ст. 13 Закона «О государственной защите потерпевших...»;

¹²³⁵ Нормы Инструкции, разработанной ФСКН России, здесь не рассматриваются, поскольку она не опубликована в открытой печати.

- 2) организационные сложности при применении этих мер в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, прежде всего офицеров;
- 3) потребность учитывать возможное негативное влияние ряда мер безопасности на способность выполнения воинскими частями и соединениями возлагаемых на них задач;
- 4) возможность обеспечения безопасности военнослужащих при условии взаимодействия правоохранительных и судебных органов с органами военного управления (командованием), которые, помимо своих непосредственных функций, правомочны осуществлять в качестве органов дознания неотложные следственные действия (согласно п. 3 ч. 1 ст. 40 и п. 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ) и функции администраций мест содержания под стражей, отбывания уголовных наказаний (начальники гарнизонных и войсковых гауптвахт, командиры дисциплинарных воинских частей);
- 5) возможность, а в некоторых случаях и необходимость использования для обеспечения безопасности военнослужащих собственных материальных и иных ресурсов войск.

Деятельность органов военного управления (в случаях, не связанных с осуществлением неотложных следственных действий, функции администрации пенитенциарных учреждений и мест содержания под стражей) заключается, во-первых, в исполнении решений лица, осуществляющего производство по уголовному делу, о применении конкретных мер безопасности. Такая форма взаимодействия осуществляется, например, при применении предусмотренного ст. 114 УПК РФ временного отстранения военнослужащего от должности.

В ряде случаев необходимо совместное с командованием определение действий по реализации мер безопасности. Так, при командировании, переводе в другую воинскую часть военнослужащего, проходящего службу *по призыву*, следователю (суду) и командованию необходимо совместно выбрать ту воинскую часть, помещение в которую позволит минимизировать организационные сложности при явке защищаемого к месту производства предварительного расследования и судебного разбирательства.

При избрании специальных мер безопасности для защиты военнослужащих, проходящим службу *по контракту*, следователь, судья совместно с компетентным органом военного управления должны решить вопрос самой возможности применения меры защиты. Потребность в этом обусловлена объективными сложностями в реализации мер безопасности, например, отсутствием для защищаемого соответствующей должности в других воинских частях при его переводе. Необходимость

согласования вызвана и тем, что перед применением защитной меры следует выяснить, как повлияет перевод (командирование) защищаемого на боеготовность подразделения, воинской части. Здесь необходимо заметить, что некоторые общегражданские права военнослужащими осуществляются с ограничениями, однако ограничения в обеспечении безопасности лиц, подвергающихся угрозам из-за сотрудничества с правоохранительными органами, недопустимы в какой бы то ни было социальной сфере. Поэтому невозможность перевода к новому месту службы, неэффективность в воинских условиях ряда других защитных мер не могут быть признаны обстоятельствами, оправдывающим недостаточную защищенность военнослужащего, — в этих случаях его безопасность должна быть обеспечена другими защитными мерами.

Специфические положения, необходимые для обеспечения безопасности граждан в воинских условиях, следует урегулировать в специальном подзаконном акте либо внести их в действующее военное законодательство, в частности, в «Положение о порядке прохождения военной службы»¹²³⁶ и «Руководство по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации солдатами, матросами, сержантами и старшинами»¹²³⁷. Это позволит конкретизировать нормы Закона «О государственной защите потерпевших...» применительно к воинским условиям, создаст необходимую правовую основу обеспечения безопасности военнослужащих, сотрудничающих с правоохранительными и судебными органами.

Проведенное исследование (1) системы мер безопасности и (2) полномочий должностных лиц по их применению позволяет обратиться к вопросу *отраслевой принадлежности* мер безопасности и решений, на основании которых они осуществляются. Решение этого вопроса имеет не только теоретическую значимость, позволяет, например, определить отраслевые правовые науки, в рамках которых подлежат исследованию различные аспекты защиты от посткриминального воздействия, но и прикладное значение, в частности, определяет порядок обжалования решений, которые принимаются должностными лицами в рассматриваемой сфере.

То, что изложенные в монографии меры безопасности принадлежат к разным правовым институтам и даже отраслям, очевидно. Так, меры безопасности, предусмотренные Законом об ОРД, и решения должностных лиц, осуществляющих данную деятельность, о применении этих мер являются элементами оперативно-розыскной деятельности. Не требует дока-

¹²³⁶ Утверждено Указом Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237.

¹²³⁷ Утверждено Приказом министра обороны РФ от 16 января 2001 г. № 30.

зательств принадлежность к уголовно-процессуальным мерам: *опознания без визуального наблюдения опознаваемым опознающего, исключения из материалов уголовного дела перед ознакомлением с ним обвиняемого и защитника сведений о защищаемых лицах*. Уголовно-процессуальными мерами являются также: *задержание лиц, оказывающих посткриминальное воздействие при производстве следственных действий, применение в ходе уголовного судопроизводства «ограничительного приказа»* и ряд других мер. Соответственно и решения о применении этих мер являются уголовно-процессуальными.

Меры защиты (как и решения о их применении) в виде рассмотренных в настоящей работе *правоограничений при назначении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, при условном осуждении, условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и замене наказания более мягким* также являются уголовно-процессуальными, так как цели этих правоограничений отличны от целей уголовных наказаний¹²³⁸. Те же правоограничения (и решения о их применении) в отношении лиц, *освобождаемых после отбытия уголовного наказания*, следует отнести к постпенитенциарному воздействию, что вытекает из общности целей последнего и рассмотренных правоограничений.

Отдельное содержание подозреваемых и обвиняемых в местах содержания под стражей по решению администрации этих мест, принятому в соответствии со ст. 32 и п. 2 ч. 2 ст. 33 Закона о содержании под стражей, есть мера и решение административные. Та же мера и решение о ее применении в отношении осужденного, принятое администрацией исправительного учреждения на основании ч.ч. 1–3 ст. 13 УИК РФ и п. 173 *Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений* — элементы уголовно-исполнительной (пенитенциарной) деятельности. В рамках соответствующих отраслевых правовых наук должны проводиться и исследования конкретных групп мер безопасности.

Можно сделать вывод, что по *общему правилу* меры безопасности при принятии решений об их осуществлении субъектами, производящими оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную, административную, пенитенциарную или постпенитенциарную деятельность, и собственно эти решения являются элементами соответствующей деятельности.

¹²³⁸ Если меры безопасности должны применяться для защиты конкретных лиц и не только от запрещенных уголовным законом, но и иных посягательств, то уголовное наказание в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и «предупреждения совершения новых преступлений». Таким образом, лишь частный случай — предупреждение преступления в отношении защищаемого лица позволяет говорить о частном же совпадении целей мер безопасности и уголовных наказаний.

В этом общем правиле есть и исключение, обусловленное тем, что принятые в МВД РФ и ФСБ РФ нормативные правовые акты, призванные детализировать положения Закона «О государственной защите потерпевших...», отнесены их разработчиками к административным актам (*Административный регламент МВД РФ, Административный регламент ФСБ РФ*)¹²³⁹. Это влечет квалификацию постановлений об избрании мер безопасности, выносимых в порядке ч. 4 ст. 18 Закона «О государственной защите потерпевших...», п. 23 *Административного регламента МВД РФ*, п. 22 *Административного регламента ФСБ РФ*, и соответствующих мер, реализуемых в соответствии с указанными постановлениями, как *административных*¹²⁴⁰. Постановления же (и определения) о применении мер безопасности либо об отказе в их применении, выносимые в порядке ч. 2 ст. 18 Закона «О государственной защите потерпевших...» субъектами, в производстве которых находится заявление о преступлении либо уголовное дело, являются *уголовно-процессуальными* решениями¹²⁴¹.

Квалификация вышеуказанных постановлений (определений) как *уголовно-процессуальных* либо *административных* определяет и порядок их обжалования: *уголовно-процессуальные* постановления (определения), то есть решения, выносимые в порядке ч. 2 ст. 18 Закона «О государственной защите потерпевших...», подлежат обжалованию в порядке, предусмотренном главой 16 УПК РФ «Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство»; *административные* постановления, то есть решения, выносимые в соответствии с ч. 4 той же статьи Закона «О государственной защите потерпевших...», при их обжаловании вышестоящему должностному лицу либо прокурору подлежат обжалованию в соответствии с Федеральным

¹²³⁹ Очевидно, подобные — *административные* — регламенты будут приняты и другими структурами (Минобороны России и проч.), на которые пунктом 3 Приложения № 1 к Программе «Обеспечение безопасности потерпевших... на 2006–2008 годы» была возложена задача разработать ведомственные акты, регулирующие избрание конкретных мер безопасности и их реализацию.

¹²⁴⁰ Исключение — предусмотренная в п. 1 ч. 2 ст. 14 Закона «О государственной защите потерпевших...» мера безопасности в виде *направления защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза посткриминального воздействия, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний*. В силу своей сущности данная мера защиты избирается лицом (органом), осуществляющим производство по уголовному делу; соответственно не только постановление (определение) о применении этой меры, но и сама она является *уголовно-процессуальной*.

¹²⁴¹ Квалификация этих постановлений (определений) при их вынесении в отношении *лиц, содействующих правосудию*, как административных решений в п. 19 *Административного регламента МВД РФ* и в п. 22 *Административного регламента ФСБ РФ* ошибочна.

законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»; а при обжаловании в суд — в порядке, предусмотренном главой 25 ГПК РФ «Производство по делам об оспаривании решений действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих»¹²⁴².

Как было отмечено, вывод о квалификации (отраслевой принадлежности) постановлений, выносимых перечисленными в ч. 3 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...» органами в соответствии с ч. 4 ст. 18 данного Закона обусловлен тем, что вышеназванные *регламенты* МВД РФ и ФСБ РФ определены их разработчиками как *административные*, то есть в основу квалификации постановлений положен формальный признак. Если же вопрос отраслевой принадлежности этих постановлений рассмотреть в рамках доктрины *предмета регулирования уголовно-процессуального права*¹²⁴³, то вывод будет иным.

Одни авторы под предметом регулирования уголовно-процессуального права понимают общественные отношения¹²⁴⁴, другие — деятельность¹²⁴⁵, третьи — и деятельность, и возникающие в ее процессе правоотношения¹²⁴⁶. В русле рассматриваемого вопроса важно то, что, независимо от занимаемой позиции, все авторы выделяют такое условие отнесения и деятельности, и правоотношений к предмету регулирования уголовно-процессуального права, как их связь с расследованием, разбирательством и разрешением уголовного дела. Виды этой деятельности и содержание правоотношений различны¹²⁴⁷, но все они находятся в ука-

¹²⁴² На это автором обращено внимание и в комментарии к Закону «О государственной защите потерпевших...» (см.: *Брусницын Л.В.* Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства. М., 2009. С. 111–112).

¹²⁴³ Предмет правового регулирования признан в качестве основания деления права на отрасли в ходе дискуссий, прошедших в 40–50-х гг. XX века (см.: *Воеводин Л.Д.* Указ. соч. С. 163).

¹²⁴⁴ См.: *Милицын С.Д.* Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. Свердловск, 1991. С. 12 и др.; *Уголовный процесс: Учебник / Под ред. П.А. Лупинской.* М., 1995. С. 32.

¹²⁴⁵ См.: *Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца.* М., 1989. С. 40.

¹²⁴⁶ См.: *Советский уголовный процесс. Кн. 1.* Под ред. А.С. Кобликова. М., 1982. С. 18–19; *Советский уголовный процесс.* Под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. М., 1980. С. 10–21.

¹²⁴⁷ Различны по целям участия граждан в процессе, по направленности их деятельности, отношению к итогам производства по делу и т.д. (см. об этом: *Божьев В.П.* Уголовно-процессуальные правоотношения: Дисс... докт. юридич. наук в форме научн. доклада, выполняющего также функции автореферата. М., 1994. С. 28).

занной связи, имеют общий предмет — «фактические обстоятельства, знание которых позволяют ответить на вопрос о виновности (невиновности) лица и решить иные задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством»¹²⁴⁸.

Потерпевшие, свидетели, избобличающие соучастников обвиняемые и другие лица, содействующие правосудию, осуществляют именно такую деятельность (являются субъектами уголовно-процессуальных правоотношений, реализуют отраслевые уголовно-процессуальные права и обязанности). С этой деятельностью непосредственно связано и оказываемое на них посткриминальное воздействие. Для обеспечения этой — уголовно-процессуальной — деятельности к ним применяются меры безопасности. Соответственно, правоотношения, участниками которых становятся: (1) субъект, осуществляющий властную уголовно-процессуальную деятельность и вынесший постановление (определение) о применении мер безопасности, предусмотренных Законом «О государственной защите потерпевших...», (2) субъект из числа перечисленных в ч. 3 ст. 3 данного Закона, вынесший постановление об избрании конкретных мер безопасности в соответствии с ч. 4 ст. 18 Закона и (3) защищаемое лицо, относятся к предмету регулирования уголовно-процессуального права. Это обуславливает оценку всех мер безопасности, предусмотренных Законом «О государственной защите потерпевших...» и примененных к *гражданам, содействующим правосудию*, как уголовно-процессуальных. То, что они реализуются не осуществляющими властную уголовно-процессуальную деятельность лицами, а иными субъектами, не опровергает данный вывод, ведь не ставится под сомнение уголовно-процессуальная природа такой, например, меры безопасности, как *заключение под стражу* на том основании, что данная мера реализуется администрацией места содержания под стражей, а не судом.

Далее, в отличие от лиц, содействующих правосудию, *их близкие*, также подлежащие защите, не осуществляют какую бы то ни было деятельность, в которой можно усмотреть связь с фактическими обстоятельствами, знание которых позволяет решить задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством (то есть связь с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу). Конечно, возможны случаи, когда посткриминальное воздействие применяется не к содействующим правосудию, а непосредственно к их близким. В этих случаях последние должны быть допрошены об обстоятельствах такого воздействия как свидетели (то есть будут осуществлять уголовно-процессуальную

¹²⁴⁸ Курс советского уголовного процесса / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. С. 49.

деятельность в рамках данного уголовного дела), так как посткриминальное воздействие в отношении них, даже в формах, не запрещенных уголовным законом, подлежит доказыванию в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в качестве обстоятельства, характеризующего личность обвиняемого (если такое воздействие осуществляется им самим или же иными лицами по инициативе или с согласия обвиняемого) либо в качестве вспомогательного (побочного) факта, когда воздействие осуществляется без ведома обвиняемого.

Возможны и случаи, когда посткриминальное воздействие на близких представляет собой запрещенное уголовным законом деяние, что должно влечь возбуждение уголовного дела и, следовательно, осуществление близкими уголовно-процессуальной деятельности в качестве потерпевших в рамках возбужденного дела (возможно и соединение уголовных дел на основании п. 1 ч. 1 ст. 153 УПК РФ — когда воздействие оказывается самим обвиняемым или иными лицами в соучастии с ним).

Такие «переходы» граждан из группы лиц, близких тем, кто содействует правосудию в группу собственно содействующих правосудию, естественно, обуславливают оценку применяемых к ним защитных мер и решений, на основании которых они применяются, как уголовно-процессуальных. Но могут быть, пусть достаточно редко, и иные случаи: когда близкие непосредственно не подвергаются посткриминальному воздействию, а угрозы в их адрес, не запрещенные уголовным законом (что исключает уголовное преследование), высказываются тем, кто содействует правосудию. При применении мер безопасности к близким в этих случаях последние будут наделены правами и обязанностями, предусмотренными для защищаемых лиц, например правом ходатайствовать о применении дополнительных защитных мер и другими правами, перечисленными в ч. 1 ст. 23 Закона «О государственной защите потерпевших...». Однако реализация этих прав и обязанностей не будет иметь отношения к уголовно-процессуальной деятельности (не будет направлена на создание условий для реализации данным лицом уголовно-процессуальных прав и обязанностей в целях установления истины по уголовному делу).

Основываясь на изложенном, следует признать, что в этих случаях близкие лиц, содействующих правосудию, не становятся субъектами уголовно-процессуальных правоотношений. Следовательно, примененные в данных случаях меры безопасности, а также решения, на основании которых они применяются, причем не только постановления субъектов из числа перечисленных в ч. 3 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...» об избрании конкретных мер безопасности, но и постановления (определения) субъектов, осуществляющих производство

по уголовному делу, следует квалифицировать как *административные*. Квалификация в качестве *административных* соответствующих постановлений (определений) субъектов, осуществляющих производство по уголовным делам, не противоречит существующему положению в сфере борьбы с преступностью, где ряд субъектов наделен полномочиями по осуществлению не только уголовно-процессуальной, но и иных видов деятельности, например органы дознания, наряду с уголовно-процессуальной осуществляют оперативно-розыскную деятельность.

Итак, основываясь на учении о предмете регулирования уголовно-процессуального права, надо признать, что квалификация норм в разработанных МВД РФ и ФСБ РФ подзаконных нормативных правовых актах только как административных — ошибочна. Данные нормы являются административными лишь при их применении к тем, кто близок для лиц, содействующих уголовному правосудию, при применении же к последним — уголовно-процессуальными. Сказанное относится и к нормам *Правил применения отдельных мер безопасности*. Соответственно, нормы Закона «О государственной защите потерпевших...» и подзаконных нормативных правовых актов, обеспечивающих реализацию универсальных мер безопасности, могут служить предметом не только уголовно-процессуальных, но и — в соответствующей части — административных правовых исследований.

§ 2. Основания применения мер безопасности

Приступая к исследованию условий применения защитных мер, следует пояснить, что понимается под их *применением*. В применении мер безопасности автором выделяются следующие элементы (этапы): первый — принятие решения об осуществлении мер безопасности¹²⁴⁹; второй — их реализация; третий — принятие решения об отмене мер безопасности.

В ряде случаев эти этапы осуществляются одним субъектом, например следователем при применении меры безопасности в виде опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым

¹²⁴⁹ Применительно к *универсальным* мерам безопасности данный этап состоит из двух последовательных «шагов»: 1) принятие лицом, в производстве которого находится заявление о преступлении либо уголовное дело, решения об осуществлении государственной защите в форме постановления о применении мер безопасности (согласно ч. 2 ст. 3 и ч. 2 ст. 18 Закона «О государственной защите потерпевших...»), и, на основании этого постановления, (2) вынесение одним из субъектов, перечисленных в ч.ч. 3–6 ст. 3 Закона «О государственной защите потерпевших...», постановления об избрании конкретных мер безопасности (в соответствии с ч. 4 ст. 18 указанного Закона).

опознающего. В иных случаях различные этапы могут быть реализованы только разными субъектами, например решение суда о заключении обвиняемого под стражу и осуществление этой меры безопасности.

Как было показано, временные параметры посткриминального воздействия шире, нежели границы уголовного судопроизводства. Однако учитывая, что это воздействие наиболее активно в границах данной составляющей борьбы с преступностью, и, следовательно, большинство решений об осуществлении мер безопасности будет приниматься в ходе уголовного судопроизводства субъектами, осуществляющими властную уголовно-процессуальную деятельность, необходимо определить требования к содержанию и форме решений об осуществлении защитных мер, исходя из положений уголовно-процессуальной науки.

Данной наукой выработана система требований, которым должно соответствовать любое уголовно-процессуальное решение. В то же время конкретное содержание требований определяется принадлежностью решения к той или иной классификационной группе. Правильная классификационная оценка решений об осуществлении мер безопасности позволяет определить содержание требований, которым должны отвечать эти решения.

Решения классифицируются на начальные, промежуточные и итоговые; коллегиальные и единоличные¹²⁵⁰, отдельные и объединенные¹²⁵¹, основные и вспомогательные¹²⁵², существуют и другие виды классификации. В русле настоящего исследования наиболее важна оценка решений в качестве основных и вспомогательных.

К *основным* относят решения, которые содержат ответы на вопросы, составляющие предмет уголовного процесса. Решения, которые способствуют разрешению основных вопросов уголовного дела, носят вспомогательный характер (вспомогательные решения)¹²⁵³. Примеры основных решений: о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительное

¹²⁵⁰ См.: *Лушинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 30–33.

¹²⁵¹ См.: *Якупов Р.Х.* Правоприменение в уголовном процессе России. М., 1993. С. 154.

¹²⁵² См.: *Лушинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. С. 26–27; Она же — Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972. С. 36–38; *Михайленко А.Р.* Составление процессуальных актов по уголовным делам (Теория, методика, примерные образцы документов). Киев, 1989. С. 18; *Смирнов А.В.* Достаточность фактических оснований уголовно-процессуальных решений // Правоведение. Известия вузов. Л., 1983. № 5. С. 82.

¹²⁵³ См.: *Лушинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. С. 26–27.

заключение, приговор, ряд других решений¹²⁵⁴; к вспомогательным относят решения, направленные на реализацию прав участников процесса (постановления о разрешении ходатайств, жалоб и др.), решения о применении мер процессуального принуждения и проч.¹²⁵⁵

Исходя из предназначения мер безопасности, решения об их осуществлении, в том числе и *уголовно-процессуальные* решения, принимаемые в соответствии с ч. 2 ст. 18 Закона «О государственной защите потерпевших...»¹²⁵⁶, также следует отнести к вспомогательным, и это предопределяет содержание требований к ним.

В систему *требований* входят обоснованность, законность, мотивированность, своевременность решений¹²⁵⁷, ряд других требований¹²⁵⁸. Не вдаваясь в анализ их взаимосвязей, поскольку это выходит за рамки нашего исследования, отметим, что одно из основополагающих требований — обоснованность решений¹²⁵⁹. И если обоснованность основных решений предусматривает наличие доказательств, устанавливающих с достаточной (на данном этапе судопроизводства) степенью те или иные обстоятельства, подлежащие доказыванию, то обоснованность вспомогательных решений не связывают с наличием доказательственной информации, то есть к выводу о необходимости и возможности принятия вспомогательных решений правоприменитель может прийти не только в результате уголовно-процессуального доказывания, но и посредством других способов познания в уголовном процессе.

Именно посредством таких способов следователю и иным субъектам, которые наделены правом применять меры безопасности, *впервые*

¹²⁵⁴ См.: Смирнов А.В. Указ. соч. С. 82.

¹²⁵⁵ См.: Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. С. 36–37.

¹²⁵⁶ Высказано и иное мнение — о том, что принимаемые в рамках Закона «О государственной защите потерпевших...» решения об осуществлении мер безопасности следует квалифицировать как *основные* (см. об этом: Шевченко К.Д. Указ. соч. С. 125), однако все вышесказанное приводит к выводу, что данные решения являются именно *вспомогательными*.

¹²⁵⁷ См.: Сморчков А.И. Обоснованность правоприменительного решения (теоретико-управленческий аспект): Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1989. С. 14–15; Якупов Р.Х. Указ. соч. С. 155, 158.

¹²⁵⁸ Целесообразность, справедливость, эффективность, истинность (см.: Дубринный В.А. Общие положения механизма выбора уголовно-процессуальных средств // Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1989. Вып. 4. С. 53; Муравин А.Б. Проблемы мотивировки процессуальных решений следователя: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Харьков, 1987. С. 8; Михайленко А.Р. Указ. соч. С. 36; Якупов Р.Х. Указ. соч. С. 155).

¹²⁵⁹ Об этом свидетельствует прямое указание в ч. 4 ст. 7 УПК РФ на это требование наряду с законностью и мотивированностью.

становится известно о посткриминальном воздействии (из оперативных источников, через непосредственное восприятие такого воздействия при производстве некоторых следственных действий, например очной ставки, или в беседах с субъектами, участвующими в судопроизводстве, и другими лицами¹²⁶⁰). Во всех указанных случаях эта информация является «непроцессуальной» в начале ее восприятия¹²⁶¹, а в ряде случаев она вообще не может быть облечена в форму доказательств — когда информация не относится к предмету доказывания по данному уголовному делу.

Для полной характеристики достаточности фактических оснований решений необходимо знать еще и требуемые пределы их (оснований) установления, которые (пределы) различны для того или иного решения: «уголовно-процессуальные решения делятся на решения, фактические основания которых по общему правилу а) требуют и б) не требуют достоверного установления»¹²⁶². Признаком вспомогательных решений является допустимость вероятности фактических оснований для их принятия¹²⁶³. Это выражено в нормах права: вспомогательные решения принимаются, как правило, при наличии «достаточных данных» (ч. 1 ст. 182 УПК РФ), «достаточных оснований» (ч. 1 ст. 97, ч. 3 ст. 115, ч. 1 ст. 185 УПК РФ) и т.д.¹²⁶⁴ «Обоснованность вспомогательных решений, — отмечает А.В. Смирнов, — как правило, не находится в прямой зависимости от достоверности установления фактических их оснований. Если же достоверность и достигается, то не обязательно носит форму доказанности, поскольку в названном случае доказательства важны с точки зрения не гарантии достоверности, а информативности», вспомогательные ре-

¹²⁶⁰ По данным опроса 255 следователей, первые признаки посткриминального воздействия на потерпевших и свидетелей в 76,2% случаев были обнаружены при наблюдении за их поведением, в 11,1% — при наблюдении за поведением преступников, в 5% — благодаря оперативной информации, сообщениям третьих лиц, при обнаружении материальных следов посткриминального воздействия и др. (см.: *Бобраков И.А.* Воздействие преступника на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 207–208).

¹²⁶¹ См.: *Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 65.

¹²⁶² *Смирнов А.В.* Указ. соч. С. 83.

¹²⁶³ По данным Д.И. Беднякова, более 80% следователей и лиц, производящих дознание, принимают вспомогательные решения, исходя из вероятности оснований их принятия (см.: *Бедняков Д.И.* Указ. соч. С. 87).

¹²⁶⁴ Употребляя указанные термины, отмечает П.А. Лупинская, законодатель имеет в виду, что фактические данные становятся известными «из различных источников, полученных вне процессуального доказывания» (*Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. С. 110).

шения «могут основываться на результатах оценки информации, полученной с помощью как доказательств, так и других средств познания», к ним «не должно выдвигаться требование доказанности фактических обстоятельств. Для них характерна факультативная достоверность... или вероятность установления обстоятельств дела»¹²⁶⁵. Такое понимание обоснованности верно и по отношению к решениям об осуществлении мер безопасности, поскольку последние относятся к группе вспомогательных решений.

Изложенное приводит к выводу, что в качестве *оснований* решений об осуществлении мер безопасности следует определить фактические данные, устанавливаемые как путем уголовно-процессуального доказывания¹²⁶⁶, так и иными способами познания, как с достоверностью, так и с определенной степенью вероятности. И в ч. 3 ст. 11 УПК РФ правильно в качестве оснований осуществления мер безопасности указаны «достаточные данные», а не «доказательства». Термин «данные» использован и в ч. 1 ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших...» (при установлении оснований осуществления мер безопасности в этих законах допущены другие ошибки, но речь о них пойдет ниже).

Одним из условий максимальной действенности решения является его своевременность — еще одно общее требование, предъявляемое к процессуальным решениям¹²⁶⁷. Содержание данного требования применительно к решениям об осуществлении мер безопасности обусловлено целью этих мер, заключающейся в *превенции* посткриминального воздействия¹²⁶⁸. Такое понимание смысла мер безопасности демонстрируется и практическими работниками: 76% из 250 опрошенных следователей и дознавателей указали на то, что меры

¹²⁶⁵ Смирнов А.В. Указ. соч. С. 84.

¹²⁶⁶ Данный способ найдет применение, когда воздействие будет предметом доказывания. Это случаи: а) когда воздействие запрещено уголовным законом; б) когда оно, не будучи таковым, осуществляется обвиняемым либо другими лицами по инициативе или с согласия обвиняемого и подлежит доказыванию в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в качестве обстоятельства, характеризующего его личность; в) когда воздействие осуществляется лицами без ведома обвиняемого, но подлежит доказыванию как вспомогательный (побочный) факт.

¹²⁶⁷ См. об этом: Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. С. 13.

¹²⁶⁸ Такое же по сути мнение высказывается и другими авторами. См.: Трухачев В.В. Принципы криминалистической деятельности, направленной на предупреждение и разоблачение сокрытия преступлений // Расследование преступлений: вопросы теории и практики. Воронеж, 1997. Вып. 7. С. 47; Шапакидзе В.Я. Указ. соч. С. 164; Шевченко К.Д. Указ. соч. С. 114, 127–128; Новикова М.В. Указ. соч. С. 202; Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 8.

безопасности должны *предупреждать* угрозы посткриминального воздействия¹²⁶⁹.

Именно на предотвращение воздействия в качестве цели мер безопасности указано в *Выводах и рекомендациях Совещания Специальной группы экспертов по уменьшению риска насилия в системе уголовного правосудия*, где говорится, что эти меры должны «опережать опасность, а не реагировать на свершившиеся факты нападения или инциденты»¹²⁷⁰. В Заключительном докладе уже упоминавшегося *Европейского семинара, посвященного проблеме лиц, сотрудничающих с правосудием* (1999 г.), подтверждена необходимость защиты лиц, «которые, вследствие готовности лица сотрудничать с правосудием, подвергаются или, вероятно, *могут подвергаться* серьезной и непосредственной опасности»¹²⁷¹. В одном из последних международно-правовых актов — в «Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности» предусмотрено: «Каждое Государство-участник принимает... надлежащие меры, направленные на обеспечение эффективной защиты от *вероятной* мести или запугивания в отношении участвующих в уголовном производстве» (п. 1 ст. 24).

Международно-правовыми актами, в которых необходимость предотвращения *возможных* угроз посткриминального воздействия получила наиболее ясное выражение, являются уже упоминавшиеся документы Совета Европы:

1. Принятая в 1997 г. *Рекомендация № R (97) 13 «По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты»*. Приложение к этому документу содержит такое определение: «Запугивание» означает любую прямую, непрямую или потенциальную угрозу свидетелю, которая может создать помеху свидетелю исполнить свой гражданский долг, связанный с дачей показаний без давления, которое может быть на него оказано со стороны кого бы то ни было. Это понятие включает в себя и запугивание, ставшее возможным благодаря (1) самому факту существования преступной организации, имеющей репутацию организации, совершающей насильственные преступления и способной мстить либо (2) факту принадлежности свидетеля к ограниченной социальной группе и потому находящемуся в уязвимом положении»¹²⁷².

¹²⁶⁹ См.: Новикова М.В. Указ. соч. С. 74–76.

¹²⁷⁰ Док. E/CN.15/1994/Add.3, 25 february, 1994, P. 18.

¹²⁷¹ Цит. по: Заключительный доклад на Европейском семинаре, посвященном проблеме лиц, сотрудничающих с правосудием // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 186.

¹²⁷² Цит. по: Рекомендация № R (97) 13 «По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты» Комитета министров государств-членов Совета Европы // Зарубежный опыт

2. Принятая в 2005 г. *Рекомендация № R (2005) 9 «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием»*. В разделе I Приложения к Декларации указано: (1) «Запугивание» означает любые прямые или косвенные угрозы, которые были или могли быть осуществлены в отношении свидетеля или лица, сотрудничающего с правосудием; (2) «меры по защите» — индивидуальные меры... «от любого запугивания».

Стоит напомнить и о позиции ЕСПЧ в связи с применением такой, в частности, меры безопасности, как удаление подсудимого из зала суда на время допроса защищаемых лиц: его удаление правомерно, если он может угрожать защищаемым лицам¹²⁷³. В деле *Дорсон (Doorson) против Нидерландов* ЕСПЧ обращено внимание: хотя обвиняемый не угрожал свидетелям, наркоторговцы часто прибегают к угрозам и насилию в отношении них, что ЕСПЧ учел при выводе о правомерности участия свидетелей под псевдонимами при разрешении уголовного дела голландским судом. И в зарубежных источниках обращается внимание на данную позицию ЕСПЧ. При этом Г. Маринова так интерпретировала ее: «По сути Суд постановил, что во всех делах, связанных с распространением наркотиков, могут участвовать тайные свидетели, а наличие доказательств конкретной и реальной опасности в отношении свидетелей не имеет значения»¹²⁷⁴. Автор настоящей работы солидарен с мнением зарубежного коллеги. Далее, в решении по делу *Красники (Krasniki) против Чешской Республики*, где ЕСПЧ по ряду причин констатировал нарушение требований пп. «f» пункта 3 ст. 6 Европейской конвенции, тем не менее относительно оснований использования псевдонимов в уголовном процессе указаны именно «возможные акты мести» свидетелям¹²⁷⁵.

Очевидно, что вышеприведенные положения деклараций Совета Европы в значительной мере основаны на судебной практике ЕСПЧ и практике судов государств-членов Совета Европы.

Опыт США: там обращается внимание на необходимость применения защитных мер при «потенциальной возможности запугивания»¹²⁷⁶ и на то,

правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 37.

¹²⁷³ См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 134.

¹²⁷⁴ См.: Маринова Г. Свидетел с тайна самоличност // Съвременно право. София. 2006. Г. XVII. Кн. 2. С. 46.

¹²⁷⁵ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2006. № 9.

¹²⁷⁶ См.: Предложения по снижению числа убийств и актов бытового насилия в США // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1998. № 3. С. 43.

что во вновь вырабатываемых стратегиях защиты свидетелей «делается упор на предотвращение запугивания»¹²⁷⁷. Если преступление совершено ОПГ, то, как отмечают американские специалисты, «даже если нет явно выраженных угроз... потерпевшие и свидетели однозначно отказываются от дачи показаний... общая атмосфера страха и насилия, обычная для районов, контролируемых преступными группами... сама по себе является устрашающей настолько, что «отваживает» свидетелей давать показания»¹²⁷⁸; «...непосредственное запугивание начинается в момент, когда жертва и свидетель осознают, что преступление совершено организованной группой»¹²⁷⁹. В полной мере сказанное относится и к России.

Необходимость превентивного применения мер защиты подтверждает (в данном случае негативный) опыт Украины конца XX в.: правоохранительные органы этой страны нередко пренебрегали превентивным применением защитных мер, обеспечивающих конфиденциальность свидетелей, вследствие чего они становились известными преступникам. Помимо возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью свидетелей, это влекло необходимость применения дорогостоящих мер для их защиты: охраны, переселения и др.¹²⁸⁰

Квалификация мер безопасности как мер превентивных обуславливает необходимость законодательного установления в качестве цели их применения *предотвращение* не только реальных, но и возможных посягательств. При этом *пресечение* осуществляемого воздействия допустимо лишь в качестве исключения из общего (принципиального) правила о предотвращении воздействия.

Все изложенное позволяет сделать выводы: 1) меры безопасности должны применяться при наличии достаточных оснований полагать о *возможном* посткриминальном воздействии¹²⁸¹; 2) при наличии соот-

¹²⁷⁷ Келли К.М. Указ. соч. С. 224. См. также: Witness protection programs in America. P. 16.

¹²⁷⁸ Келли К.М. Указ. соч. С. 227.

¹²⁷⁹ Там же. С. 232.

¹²⁸⁰ См.: Бояров В.И. Указ. соч. С. 130.

¹²⁸¹ Именно так вопрос решается за рубежом: в качестве основания применения мер безопасности в ст. 6 латвийского «Закона об особой защите лиц», наряду с «реальной угрозой жизни, здоровью или другим законным интересам» защищаемого лица, указаны «достаточные основания полагать, что *может существовать* угроза в связи со свидетельскими показаниями или участием... лица в раскрытии, расследовании или вынесении судебного решения по данному преступлению»; основанием защиты свидетеля в соответствии с абз. 1 ст. 123 УПК Болгарии являются «достаточные основания полагать, что... возникла или *может возникнуть*...» опасность для его жизни и здоровья; согласно ч. 1 ст. 215 УПК Молдавии основанием защиты участников процесса являются достаточные основания полагать, что в отношении них «*может быть применена* или применяется» угроза убийством

ветствующих оснований правомочный субъект должен принять решение об осуществлении мер безопасности независимо от того, заявлено ли ходатайство о защите, так как право индивидуума на обеспечение безопасности обусловлено конституционными положениями, его ходатайство является лишь одним из поводов для применения защитных мер¹²⁸² и не должно рассматриваться в качестве обязательного условия их применения (исключением являются меры, которые объективно не могут применяться без согласия лица, подлежащего защите, — временное помещение в безопасное место, замена документов и др., что и учтено в ч. 2 ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших...»).

В свете изложенного указание в ч. 1 ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших...» на условие применения мер безопасности — *реальность* угроз следует рассматривать не как концептуальное и соответствующее нормам международного права установление *оснований* применения мер безопасности, а как вынужденный временный шаг, обусловленный неблагоприятным экономическим состоянием страны и предпринятый с целью сузить применение дорогостоящего закона. С «выздоровлением» российской экономики *реальность* угрозы следует установить в качестве условия применения лишь наиболее дорогостоящих мер безопасности (переселения, замены документов, изменения внешности), подлежащих применению, как обоснованно указано в ч. 5 ст. 10 названного Закона, только в случаях, если безопасность не может быть обеспечена за счет других защитных мер (в этих случаях угроза посткриминального воздействия и становится очевидной, то есть реальной).

В некоторых международно-правовых актах, в том числе в *Рекомендации № R (2005) 9 О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием* встречается такая характеристика угроз, как «серьезность». Однако серьезность угрозы в этих актах квалифицируется не в качестве *основания*

и других деяний; как гласит ч. 1 ст. 149 УПК Швейцарии, меры защиты применяются, «если имеется основание полагать, что жизнь и здоровье свидетеля.. подвергается опасности или ему *может быть* нанесен другой тяжелый урон»; УПК Словакии предусматривает использование мер безопасности, если *может* возникнуть угроза жизни или здоровью свидетеля (см.: *Venes S. Op. cit. S. 185*).

¹²⁸² Наряду с данным ходатайством в качестве *поводов* для применения мер безопасности выделяются:

- ходатайства представителей (законных представителей) лиц, подлежащих защите;
- жалобы участников уголовного судопроизводства в связи с неприменением в отношении них мер безопасности; документы, содержащие результаты проведения контроля и записи телефонных и иных переговоров в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 186 УПК РФ;
- иные материалы уголовного дела, содержащие сведения о возможном посткриминальном воздействии (см.: *Тимошенко А.А. Указ. соч. С. 112–113*).

применения мер безопасности, а как обстоятельство, подлежащее учету при выборе конкретных защитных мер. В частности, обращается внимание на «серьезность» угрозы как на условие использования мер, связанных с ограничением общих условий судебного разбирательства, то есть обращается внимание на необходимость *пропорциональности* характера применяемых мер безопасности характеру угрозы¹²⁸³.

В предыдущем параграфе уже отмечалась узость оснований применения мер безопасности, установленных в ч. 1 ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших...»: угроза убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества. Посткриминальное же воздействие выражается в значительно большем спектре деяний. Не исправляет допущенную законодателем ошибку и упоминание в ч. 2 ст. 18 Закона, помимо перечисленных в ч. 1 ст. 16 деяний, угрозы «иного опасного противоправного деяния». Дело в том, что действующее законодательство не содержит ни определения, ни перечня таких деяний. Да и сама угроза «опасного противоправного деяния», строго говоря, не определена в качестве основания применения мер безопасности, поскольку основаниям специально посвящена другая — ст. 16 названного Закона¹²⁸⁴. Часть 1 ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших...» требует соответствующей корректировки. Кроме того, ранее (в § 2 главы III) было обращено внимание на необходимость применения универсальных мер безопасности не только в ходе уголовного судопроизводства, но и в ходе ОРД. Исходя из этого, ч. 1 ст. 16 названного Закона может быть изложена в новой редакции:

«Основанием применения мер безопасности являются достаточные данные о том, что лицам, заявившим в правоохранительные органы о преступлении или иным образом участвовавшим в его обнаружении, предупреждении, пресечении, в том числе гражданам — участникам оперативно-розыскных мероприятий и уголовного судопроизводства, а также их родственникам и близким могут угрожать либо угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества, а также иными деяниями с целью заставить отказаться от участия в оперативно-розыскных мероприятиях, осуществления уголовно-процессуальных прав и обязанностей либо из мести за указанные виды деятельности».

¹²⁸³ См., в частности: п. п. 14, 20 Приложения к *Рекомендации № R (2005) 9 О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием*.

¹²⁸⁴ Вообще в этом Законе допущен «разнобой» относительно оснований применения мер безопасности: помимо указанного несоответствия содержания ч. 1 ст. 16 и ч. 2 ст. 18, в ч. 3 ст. 2 упоминается «противоправное посягательство», а в п. 1 ч. 2 ст. 14 — «угроза насилия».

Еще одно замечание по поводу оснований применения мер безопасности: в ч. 2 ст. 6 Закона «О государственной защите потерпевших...» говорится, что при наличии оснований, указанных в его ст. 16, могут применяться и другие меры безопасности, предусмотренные российским законодательством. Такое указание является ошибкой законодателя: при применении мер безопасности, предусмотренных иными законодательными актами, надлежит руководствоваться не ст. 16 названного Закона, а нормами соответствующих законодательных актов, поскольку в них установлены *другие основания* применения мер безопасности. В частности, надлежит руководствоваться п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, где установлено *иное основание* для применения такой группы мер безопасности, как меры пресечения. Иные основания применения мер безопасности указаны также в ст. 19 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в ч. 2 ст. 13 УИК РФ и в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Разные основания применения мер безопасности — следствие того, что законотворческая деятельность разобщена, не основана на единой концепции обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию. Последнее свидетельство тому — дополнение в 2009 г. ч. 3 ст. 11 УПК РФ словами «а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации»¹²⁸⁵. Позитивным в этом дополнении является указание правоприменителю на существование мер безопасности помимо предусмотренных УПК РФ. В то же время данное дополнение ориентирует на применение всех возможных (в соответствии с действующим законодательством) мер безопасности по основаниям, перечисленным в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, но, как было отмечено выше, в разных законодательных актах установлены различные основания применения этих мер.

Позитивным является указание в ч. 3 ст. 16 Закона «О государственной защите потерпевших...» на то, что «в случае, если применение мер безопасности затрагивает интересы совершеннолетних членов семьи защищаемого лица и иных проживающих совместно с ним лиц, необходимо их согласие, выраженное в письменной форме, на применение мер безопасности». Но согласие перечисленных лиц должно быть получено и на *отмену* мер безопасности, если отмена затрагивает их интересы. Поэтому, поскольку в ч. 2 ст. 20 рассматриваемого Закона говорится об отмене мер безопасности по письменному заявлению «защищаемого лица», а к

¹²⁸⁵ Дополнение внесено Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

проживающим с «защищаемым лицом» гражданам этот термин, исходя из ст. 2 данного Закона, не применяется, ч. 2 ст. 20 Закона может быть дополнена новым вторым абзацем следующего содержания: «Меры безопасности в виде изменения места работы (службы), учебы, переселения на другое место жительства, замены документов защищаемых лиц отменяются при условии письменного согласия защищаемого лица и совершеннолетних членов его семьи, а также иных проживающих совместно с ним лиц, если отмена указанных мер безопасности связана с изменением их места жительства, работы, учебы либо иным образом затрагивает их интересы».

Теперь стоит обратиться к УПК РФ и рассмотреть основания применения мер безопасности, предусмотренных данным Кодексом. Уже упоминавшаяся ч. 3 ст. 11 УПК РФ гласит: меры безопасности, предусмотренные УПК, применяются при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства «угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями» — формулировка еще более неудачная по сравнению с Законом «О государственной защите потерпевших...».

Если использовать *текстовое (грамматическое)* толкование приведенной нормы, применение мер безопасности оказывается возможным лишь при условии, что угрозы участникам процесса уже высказываются, осуществляются. Но высказанная либо осуществляемая угроза — это уже приготовление к преступлению, покушение на его совершение либо оконченное преступление (например, угроза убийством). Таким образом, исходя из текстового толкования ч. 3 ст. 11 УПК РФ, невозможно *предотвратить* посткриминальное воздействие, его можно лишь пресечь. Однако угрозы уже высказаны и, возможно, достигли цели. Кроме того, *высказанная* угроза — свидетельство того, что данный участник уголовного судопроизводства известен тем, кто осуществляет посткриминальное воздействие, и в этой ситуации уже невозможно применение таких мер безопасности, как дача показаний под псевдонимом и опознание по правилам ч. 8 ст. 193 УПК РФ.

Высказанные угрозы влекут и то, что лица, которым они адресованы, из страха могут скрывать от следователя, суда факты посткриминального воздействия. В этих случаях, если исходить из текстового толкования ч. 3 ст. 11 УПК РФ, оснований для применения мер безопасности не имеется; цели же посткриминального воздействия достигнуты. Могут быть и случаи, когда носители доказательственной информацией испытывают страх перед преступником лишь потому, что он принадлежит к ОПГ либо проживает с ними в одном населенном пункте, где имеет репутацию человека, способного совершить новое преступление, — в отношении тех, кто на-

мерен изобличить его в преступной деятельности. Поэтому угрозы могут и не произноситься, но потерпевший или свидетель из страха все равно будет молчать, и применение мер безопасности в этих случаях, исходя из *текстового* толкования ч. 3 ст. 11 УПК РФ, невозможно. Наконец, следуя *текстовому* толкованию данной нормы, невозможно применить меры безопасности при угрозах одному из свидетелей (даже в случае его убийства) для защиты других свидетелей — ведь им угрозы не высказываются.

Но, кроме текстового, возможно и *распространительное* толкование ч. 3 ст. 11 УПК РФ, когда ее действительное содержание понимается несколько шире, чем словесное выражение¹²⁸⁶. Распространительное толкование заключается в том, что меры безопасности должны применяться при наличии достаточных оснований полагать, что участникам уголовного судопроизводства и их близким не только угрожают, но и могут угрожать убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества, а также совершением иных деяний с целью заставить отказаться от осуществления уголовно-процессуальных прав и обязанностей либо из мести за их осуществление. Именно такое толкование позволяет *предотвращать* посткриминальное воздействие во всех его проявлениях. Тем не менее указанное толкование — лишь одно из возможных, поэтому ч. 3 ст. 11 УПК РФ необходимо изложить в редакции, аналогичной приведенному ее расширительному толкованию¹²⁸⁷. Понимание необходимости это демонстрируют и другие авторы, обращающиеся к проблемам защиты от посткриминального воздействия¹²⁸⁸.

Ранее уже отмечалось, что право ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных в УПК РФ, *непосредственно* указано только среди прав потерпевшего (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и свидетеля (п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Несмотря на это упущение российского законодателя¹²⁸⁹, данным правом обладают *все* участники уголовного судопроиз-

¹²⁸⁶ О видах толкования правовых норм см., в частности: Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 474.

¹²⁸⁷ И другая группа мер безопасности — меры пресечения — применяется, если обвиняемый «может» угрожать участникам процесса (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Подчеркиваем: не угрожает, даже не намеревается, а «может» угрожать. И получается, что по УПК РФ легче заключить обвиняемого под стражу на несколько месяцев, чем назначить длящегося несколько часов либо суток закрытое судебное заседание. Несовершенство УПК РФ очевидно. Основания использования всех групп мер безопасности должны быть едиными.

¹²⁸⁸ См., например: *Бурыка Д.А.* Указ. соч. С. 92—94; *Базюк М.Л.* Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 159.

¹²⁸⁹ В отличие российского, украинский законодатель перечислил (в ч. 2 ст. 52¹ УПК Украины) всех участников судопроизводства — от потерпевшего до понятого — как обладающих

водства, поскольку, во-первых, в ч. 1 ст. 119 УПК РФ установлено право ходатайствовать о принятии процессуальных решений, «обеспечивающих права и законные интересы» (не подлежит сомнению, что к таким решениям относятся и решения о применении мер безопасности¹²⁹⁰), не только для потерпевшего и свидетеля, но и для подозреваемого, обвиняемого, его защитника, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей; во-вторых, несмотря на то, что в ч. 1 ст. 119 УПК РФ не упомянуты специалист, переводчик и понятые, они также обладают данным правом, исходя из ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которая гласит, что меры безопасности применяются к потерпевшим, свидетелям и «иным участникам уголовного судопроизводства»¹²⁹¹. К сожалению, содержание ч. 3 ст. 11 УПК РФ не позволяет правоприменителю сделать однозначный вывод о том, что *ходатайство* участника процесса о применении мер безопасности не есть *обязательное условие* их применения.

Надо признать, что приведенные уголовно-процессуальные нормы разрозненны, «разбросаны» законодателем по УПК РФ и не дают четкого представления правоприменителю, что его обязанность — обеспечить безопасность участников процесса, во-первых, независимо от их процессуального статуса и, во-вторых, независимо от наличия ходатайства о защите, поскольку такое ходатайство является лишь одним из *поводов* применения мер безопасности, но не обязательным условием их применения¹²⁹². Учитывая изложенное, следует согласиться с К.Д. Шев-

«правом на обеспечение безопасности». И это право указано в перечне прав пусть не всех лиц, перечисленных в ч. 2 ст. 52¹ УПК Украины, но, с другой стороны, не только в перечне прав потерпевшего, свидетеля, но и подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта (ст. 43, 43¹, 49, 50, 51, 69¹, 77 УПК Украины).

¹²⁹⁰ Поэтому дополнение ст. 119 УПК РФ указанием на право участников процесса *заявлять ходатайство об обеспечении безопасности* — высказано мнение, что это необходимо для устранения существующего пробела в нормативном урегулировании рассматриваемого института (см.: *Гребенчикова Л.А.* Указ. соч. С. 126), можно рассматривать лишь как допустимую новеллу, обеспечивающую большую «прозрачность» уголовно-процессуальных норм, используемых с целью защиты от посткриминального воздействия.

¹²⁹¹ Вследствие изложенного являются ошибочными:

— мнение В.Я. Шапакидзе о том, что правом заявлять ходатайства о применении мер безопасности обладают лишь свидетель и потерпевший (см.: *Шапакидзе В.Я.* Указ. соч. С. 178);
 — позиция С.А. Янина, полагающего, что в УПК РФ не предусмотрена возможность применения мер безопасности в отношении подозреваемого и обвиняемого (см.: *Янин С.А.* Указ. соч. С. 132–133), хотя для их защиты от посткриминального воздействия могут применяться такие меры безопасности, как закрытое судебное разбирательство, контроль и запись переговоров.

¹²⁹² В этой связи представляет интерес предложение В.В. Трухачева, со ссылкой на опыт Латвии, об урегулировании всех вопросов обеспечения безопасности участников уголов-

ченко, предлагающим дополнить статьи УПК РФ, устанавливающие права иных, помимо свидетеля и потерпевшего, участников уголовного судопроизводства прямым указанием на их право заявлять ходатайства о применении мер безопасности, а статьи УПК РФ, определяющие обязанности лиц, осуществляющих предварительное расследование, — дополнить корреспондирующей указанному праву обязанностью применять, естественно, при наличии соответствующих оснований, меры безопасности¹²⁹³. В то же время следует обратить внимание, что не все участники процесса могут заявить ходатайство о применении *любой* меры безопасности из предусмотренных ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Если таким правом обладают потерпевший и свидетель, то, например, обвиняемый, эксперт, специалист либо переводчик могут ходатайствовать о проведении *закрытого судебного разбирательства*, но не о *предоставлении им псевдонима*, поскольку в ч. 9 ст. 166 УПК РФ установлено, что под псевдонимом в процессе могут участвовать только потерпевший, его представитель и свидетель¹²⁹⁴.

Возникает вопрос, нужна ли в УПК РФ и в Законе «О государственной защите потерпевших...» жесткая корреспонденция между различными *видами* угроз и *конкретными* мерами безопасности. Представляется, что необходимости в ней нет. Не установлена такая корреспонденция и при применении традиционной группы мер безопасности — мер пресечения: в ст. 97 УПК РФ сформулированы *единые* основания для применения всех мер пресечения; ч. 1 ст. 108 УПК РФ лишь устанавливает, что заключение под стражу применяется *при невозможности применения иных, более мягких, мер пресечения*. Сходное положение содержит и ч. 5 ст. 10 Закона «О государственной защите потерпевших...», предусматривающая применение наиболее дорогостоящих мер безопасности в случаях, если невозможно защитить гражданина другими мерами¹²⁹⁵.

ного процесса в специальной главе УПК РФ (см.: *Трухачев В.В.* Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: Дисс. ...докт. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 388).

¹²⁹³ См.: *Шевченко К.Д.* Указ. соч. С. 106, 189. Позже это мнение высказано и другими авторами (см.: *Авдеев М.А.* Указ. соч. С. 14; *Базюк М.Л.* Указ. соч. С. 164–165).

¹²⁹⁴ Предлагается предоставить возможность участвовать в судопроизводстве под псевдонимом и иным его участникам (см.: *Шевченко К.Д.* Указ. соч. С. 168; *Шапакидзе В.Я.* Указ. соч. С. 94–95).

¹²⁹⁵ В то же время заметим, что некоторые зарубежные законы содержат нормы ориентирующего характера: «Вид, объем и интенсивность мер защиты должен быть выбран в соответствии с природой и интенсивностью угрозы» (ст. 3 латвийского «Закона об особой защите лиц»); обеспечение безопасности осуществляется «в соответствии с характером угрозы», меры безопасности и способы их реализации устанавливаются, исходя из «конкретных

При привлечении гражданина к участию в уголовном судопроизводстве ему надлежит разъяснить право на заявление ходатайства об обеспечении его безопасности и перечень мер безопасности, предусмотренных действующим законодательством (практические работники обращают внимание: несообщение участниками процесса о посткриминальном воздействии нередко является следствием их незнания возможных мер безопасности)¹²⁹⁶. Обязанность разъяснения и обеспечения прав участвующих в уголовном процессе лиц возложена на субъектов, осуществляющих производство по делу. Естественно, в пределах уголовного судопроизводства возложение на этих субъектов и разъяснения права на обеспечение безопасности. Причем разъяснение данного права гражданину должно осуществляться не «в случае дачи им показаний, изобличающих виновных лиц»¹²⁹⁷, но, как и других уголовно-процессуальных прав, перед дачей показаний и исполнением других уголовно-процессуальных обязанностей. Обязательна письменная фиксация разъяснения данного права. Соответствующая запись может быть сделана в протоколе следственного действия либо в соответствующем постановлении (о привлечении в качестве обвиняемого, о назначении переводчика и др.). Разъяснение права на обеспечение безопасности должно осуществляться и в местах содержания под стражей, отбывания уголовных наказаний, при производстве оперативно-розыскной деятельности.

§ 3. Иные общие условия применения мер безопасности

Важный вопрос — *форма* решений об осуществлении защитных мер, поскольку она находится в неразрывной связи с правовыми требованиями, предъявляемыми к решениям, является «структурой содержания и в этом качестве через форму решения выражается его содержание»¹²⁹⁸. Российские законодательные акты, регулирующие применение мер безопасности, предусматривают их применение на основании постановления либо определения (ч. 2 ст. 18 Закона «О го-

обстоятельств дела» (ч. 3 ст. 6, ч. 3 ст. 22 Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве»).

¹²⁹⁶ Разъяснение остальных аспектов, связанных с применением мер безопасности (конкретного содержания защитных мер, прав, обязанностей и ответственности защищаемого лица и субъектов, которые будут обеспечивать его безопасность), следует производить в случаях, когда возникают основания для их применения.

¹²⁹⁷ Бояров В.И. Указ. соч. С. 131.

¹²⁹⁸ Курс советского уголовного процесса. М., 1989. С. 482—484.

сударственной защите потерпевших...», Приложение № 1 к *Правилам применения отдельных мер безопасности*, п. 23 *Административного регламента МВД РФ*, п. 22 *Административного регламента ФСБ РФ*), что обусловлено рядом факторов.

Во-первых, в ряде случаев о посткриминальном воздействии соответствующему должностному лицу будет известно от гражданина, подвергающегося такому воздействию, что будет сопряжено с заявлением последним ходатайства об обеспечении безопасности. Наличие ходатайства требует его разрешения, необходимая форма которого — мотивированное постановление (определение) как при удовлетворении ходатайства, так и при отказе в его удовлетворении.

Во-вторых, ряд защитных мер будет реализовываться не непосредственно субъектом, правомочным принимать решение об их осуществлении, а иными субъектами (как специально предназначенными для реализации защитных мер, так и иными, осуществляющими меры безопасности в ходе их обычной профессиональной деятельности). В данном случае правовое основание применения мер безопасности не может быть выражено в какой-либо иной форме, кроме постановления (определения), копия направляется для исполнения в соответствующие органы и службы.

В-третьих, обоснованность и другие требования, которым должно отвечать решение об осуществлении или об отказе в осуществлении защитных мер, могут быть выражены лишь в мотивированном постановлении (определении) для обеспечения возможности проверки законности принятого решения.

Что касается решения об осуществлении некоторых мер безопасности, предусмотренных УПК РФ, то оно может быть принято без вынесения о том отдельного постановления (определения), а отражено в протоколе соответствующего следственного действия (например, решения о производстве опознания вне визуального наблюдения опознаваемым опознающего, о предъявлении лицу видеозаписи показаний другого участника уголовного процесса) или в протоколе судебного заседания в соответствии со ст. 259 УПК РФ. Это согласуется с положением теории процессуальных решений о том, что решения облекаются в различные формы: обвинительного заключения, представления, могут содержаться в протоколах судебного заседания и следственных действий¹²⁹⁹. В последнем случае речь идет как о решении провести собственно то или иное

¹²⁹⁹ См.: *Лушинская П.А.* Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. С. 5; *Дубинский А.Я.* Указ. соч. С. 66; *Михайленко А.Р.* Указ. соч. С. 9; *Якупов Р.Х.* Указ. соч. С. 159.

следственное действие, например предъявление для опознания, так и о конкретных условиях его производства, включая условия, обеспечивающие защиту от посткриминального воздействия.

Выше было сказано о классификации решений на отдельные и объединенные (совмещенные)¹³⁰⁰. В литературе, посвященной процессуальным решениям, поддерживается практика принятия совмещенных решений и целесообразность законодательного расширения их применения¹³⁰¹. На взгляд автора, решение об осуществлении мер безопасности, установленных УПК РФ, также может являться элементом совмещенных решений и содержаться, например, в постановлениях о возбуждении уголовного дела, о назначении судебного заседания. То, что решение об осуществлении мер безопасности является вспомогательным, не препятствует его включению в основное процессуальное решение, поскольку в основных уголовно-процессуальных решениях разрешаются и второстепенные вопросы.

Эффективность мер безопасности в значительной степени зависит от надлежащего поведения защищаемого лица. Практика применения мер безопасности в зарубежных странах позволила выработать и законодательно закрепить требования, соблюдение которых защищаемыми лицами является не только необходимым условием обеспечения безопасности непосредственно этих лиц, но и гарантией эффективности в целом механизма обеспечения безопасности субъектов, содействующих правосудию. Как уже отмечалось, в США, например, защищаемое лицо обязано принимать необходимые меры во избежание раскрытия другими лицами фактов, касающихся защиты, выполнять все обоснованные просьбы должностных лиц, осуществляющих защиту, регулярно информировать их о своей деятельности и местонахождении. Возложение на подлежащего защите субъекта этих и ряда других обязанностей фиксируется в специальном документе — меморандуме (договоре).

В российском Законе «О государственной защите потерпевших...» сходные обязанности защищаемого лица нашли выражение в ч. 2 ст. 23 названного Закона и потому должны исполняться независимо от наличия договора. Договор же, согласно ч. 6 ст. 18 названного Закона, заключается органом, осуществляющим меры безопасности, и защищаемым лицом в

¹³⁰⁰ Примеры совмещенных решений: постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, постановление о приостановлении предварительного следствия и объявлении розыска подозреваемого, обвиняемого.

¹³⁰¹ См.: *Муратова Н.Г.* Процессуальные акты органов предварительного расследования. Казань, 1989. С. 24; *Якунов Р.Х.* Указ. соч. С. 155.

случае необходимости¹³⁰², в том числе при изменении внешности защищаемого лица, если такое изменение не связано с медицинской операцией (в соответствии с абзацем вторым п. 11 *Правил применения отдельных мер безопасности*). В случае же проведения медицинской операции по изменению внешности заключение договора *обязательно*, причем трехстороннего: между органом, осуществляющим меры безопасности, защищаемым лицом и соответствующим медицинским учреждением (согласно абзацу второму п. 13 указанных *Правил*). Кроме случаев заключения указанного трехстороннего договора, в иных случаях договор может быть заключен как до избрания и начала осуществления мер безопасности, так и в ходе их реализации. Поскольку договор заключается в соответствии с гражданским законодательством РФ, к нему применимы нормы подраздела 1 «Общие положения об обязательствах» и подраздела 2 «Общие положения о договоре» раздела III ГК РФ, в частности ст. 420 — 422 ГК РФ.

При заключении договора в нем могут быть предусмотрены *дополнительные* права и обязанности сторон, поскольку, как уже было отмечено выше, для реализации прав и обязанностей, предусмотренных в ст.ст. 23 и 24 Закона «О государственной защите потерпевших...», заключать договор не требуется (указанные в ст.ст. 23 и 24 названного Закона права и обязанности договором могут быть детализированы, но не изменены). Договор может устанавливать также: конкретные условия применения избранных мер безопасности (если эти условия не урегулированы *Правилами применения отдельных мер безопасности*), меры гражданско-правовой ответственности сторон за нарушения условий договора, основания и порядок его *расторжения*. Здесь следует заметить, что в качестве основания отмены мер безопасности ч. 1 ст. 20 Закона «О государственной защите потерпевших...» устанавливает не расторжение договора, а нарушение защищаемым лицом его условий, которое (нарушение) обуславливает невозможность дальнейшего применения мер безопасности. Тем не менее представляется соответствующим смыслу ч. 1 ст. 20 названного Закона указание в договоре на его расторжение (вследствие указанного нарушения его условий) как на основание отмены мер безопасности.

Учитывая зарубежный опыт, в договоре на защищаемое лицо могут быть возложены обязанности: сообщить полные сведения о семей-

¹³⁰² *Возможность* заключения такого договора предусматривается также в ч. 4 ст. 22 Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве». В Латвии же и в Румынии орган, осуществляющий меры безопасности, и защищаемое лицо в *обязательном порядке* заключают: письменное соглашение (ст. 15 латвийского «Закона об особой защите лиц»), протокол-соглашение (ст. 10 румынского Закона от 19 декабря 2002 г. № 682 «О защите свидетелей»).

ном и имущественном положении, имеющих гражданско-правовых обязательствах, о возбужденном в отношении его уголовного дела или административного производства; не разглашать сведения не только о *применяемых* в отношении его мерах безопасности (такая обязанность предусмотрена п. 4 ч. 2 ст. 23 Закона «О государственной защите потерпевших...»), но и сведения об этих мерах после их отмены, а также другие обязанности, например «воздерживаться от любой деятельности, которая может подвергнуть опасности защищаемое лицо, либо представлять угрозу срыва Программы защиты, или скомпрометировать ее», «не вступать в контакт с лицами из преступных сообществ»¹³⁰³.

Институт обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, порождая правоотношения между государственными органами и данными лицами, обуславливает, помимо предоставления сторонам прав и возложения на них обязанностей, установление ответственности сторон за неисполнение обязанностей.

В ст. 27 Закона «О государственной защите потерпевших...», в которой говорится об ответственности защищаемого лица, не указан *вид* юридической ответственности при совершении перечисленных в этой статье деликтов. Поскольку отношения между государственными органами, выдавшими средства защиты, и защищаемым лицом, не урегулированы административным законодательством, они регулируются нормами гражданского права, и совершение перечисленных в ст. 27 указанного Закона деяний, не запрещенных УК РФ, влечет гражданско-правовую ответственность защищаемого лица в соответствии со ст. 1064 и иными нормами Гражданского кодекса РФ. В случае нарушения защищаемым лицом условий договора, заключенного в соответствии с ч. 6 ст. 18 Закона «О государственной защите потерпевших...» и нормами гражданского законодательства РФ, применяются также нормы главы 25 ГК РФ («Ответственность за нарушение обязательств»). Наступление же в результате уничтожения или повреждения защищаемым лицом выданного имущества последствий, предусмотренных ст.ст. 167, 168 УК РФ, влечет его уголовную ответственность. Кроме того, защищаемое лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности в соответствии со ст. 160 УК РФ в случае *присвоения* или *растраты* имущества, вверенного ему в связи с применением мер безопасности.

Должностные лица, виновные в непринятии решения об осуществлении госзащиты или в ненадлежащем ее осуществлении, согласно

¹³⁰³ Приведены пункты «с» и «д» ст. 11 Закона Румынии от 19 декабря 2002 г. № 682 «О защите свидетелей».

ст. 25 Закона «О государственной защите потерпевших...» несут ответственность, предусмотренную российским законодательством. Таким образом, совершение указанных в этой статье деяний, повлекших последствия, предусмотренные ст. 293 УК РФ («Халатность»), влечет наступление *уголовной* ответственности, а иных нарушений требований по обеспечению госзащиты, в том числе не повлекших каких-либо негативных последствий — *дисциплинарной* ответственности должностного лица в соответствии с ведомственным законодательством, регулирующим его привлечение к этой ответственности.

Как гласит ст. 26 Закона «О государственной защите потерпевших...», разглашение сведений о защищаемом и применяемых в отношении его мерах безопасности лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью, влечет ответственность, предусмотренную российским законодательством. Такая ответственность *должностных лиц* установлена в ст. 311 УК РФ. Кроме того, специалисты в сфере уголовного права при комментировании этой статьи обращают внимание: к лицам, которым доверяются сведения о мерах безопасности, относятся и сами *защищаемые*, то есть последние являются субъектом преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ¹³⁰⁴. Такое толкование представляется обоснованным, ведь разглашение защищаемыми лицами сведений о применяемых или применявшихся в отношении них мерах безопасности может влечь неэффективность этих мер при их применении к другим участникам уголовного судопроизводства, поставить под угрозу их жизнь, а также жизнь осуществляющих защиту сотрудников правоохранительных органов, привести к тяжким последствиям.

Представляется также, что ответственность по ст. 311 УК РФ наступает:

1. Не только при разглашении сведений о мерах безопасности, примененных к участникам уголовного процесса, перечисленным в разделе II УПК РФ, но и при разглашении сведений о мерах безопасности, примененных в стадии возбуждения уголовного дела к лицам, указанным в ч. 2 ст. 2 Закона «О государственной защите потерпевших...», то есть к *заявителю, очевидцу, жертве преступления и иным лицам, способствующим предупреждению или раскрытию преступления*, — если в этой стадии они стали участниками уголовно-процессуальных правоотношений, то есть «участниками уголовного процесса».

¹³⁰⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006 (СПС «Гарант»).

2. При разглашении сведений не только о примененных мерах безопасности из числа предусмотренных Законом «О государственной защите потерпевших...», но и при разглашении сведений о мерах безопасности, примененных в соответствии с некоторыми иными нормативными правовыми актами из числа указанных в ст. 5 названного Закона, например, при разглашении сведений о личности человека, которому был предоставлен псевдоним в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Вред, причиненный гражданину деяниями, указанными в ст.ст. 25 и 26 Закона «О государственной защите потерпевших...», подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации в соответствии со ст. 1069 ГК РФ — как вред, причиненный в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов либо должностных лиц этих органов. При этом согласно п. 3 ст. 158 Бюджетного кодекса РФ в судах Российскую Федерацию по искам к ней о возмещении вреда, причиненного физическому лицу в результате незаконных действий государственных органов и их должностных лиц, представляет *главный распорядитель средств федерального бюджета по ведомственной принадлежности* (например, для органов внутренних дел РФ таковым является МВД России). *Исполнение судебных актов по искам к Российской Федерации, согласно ст. 165 Бюджетного кодекса РФ, возложено на Минфин России.*

Следует отметить, что у Российской Федерации не возникает право регресса к должностному лицу — причинителю вреда, поскольку предусмотренное в п. 3 ст. 1081 ГК РФ право регресса возникает в случаях, указанных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ: когда вред гражданину должностным лицом государственных органов причинен в результате *незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ*, но не в результате деяний, указанных в ст.ст. 25 и 26 Закона «О государственной защите потерпевших...».

Завершая обзор вопросов *ответственности* участников правоотношений в сфере обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, надо отметить, что защита последних может быть обеспечена при условии, если система санкций будет включать и ответственность лиц, от которых исходит угроза посткриминального воздействия, за несоблюдение применяемых к ним в качестве мер безопасности рассмотренных в настоящей работе правоограничений.

К общим условиям применения мер безопасности относятся и основания их *отмены*. Естественным основанием отмены является устранение оснований применения мер безопасности, и это получило

нормативное выражение в ч. 1 ст. 20 Закона «О государственной защите потерпевших...». Это же вытекает из смысла норм УПК РФ применительно к предусмотренным в нем мерам безопасности, хотя УПК РФ, в отличие, например, от УПК Украины¹³⁰⁵, и не содержит нормы, специально посвященной их отмене (исключение — ч. 1 ст. 110 УПК РФ, в которой непосредственно указано основание отмены таких мер безопасности, как меры пресечения).

Кроме того, в ч. 1 ст. 20 Закона «О государственной защите потерпевших...» в качестве основания отмены мер безопасности, предусмотренных этим Законом, указано нарушение защищаемым лицом условий договора, заключенного в соответствии с ч. 6 ст. 18 Закона, которое (нарушение) делает невозможным дальнейшее применение мер безопасности¹³⁰⁶. Помимо указанных оснований отмены мер безопасности основаниями отмены некоторых из них (охраны и др.) могут быть случаи, когда защищаемое лицо, например обвиняемый, скрылся или местонахождение его неизвестно по другим причинам, либо защищаемым нарушены обязанности, предусмотренные п.п. 1, 3 и 4 ч. 2 ст. 23 Закона, то есть обязанности, которые должны исполняться независимо от наличия договора, заключаемого в порядке ч. 6 ст. 18 Закона.

В связи с изложенным, представляются необходимыми соответствующие дополнения ч. 1 ст. 20 Закона. При уточнении оснований отмены мер безопасности может быть учтен и зарубежный законодательный опыт, например, такое основание отмены мер безопасности, как *дача защищаемым лицом ложных показаний* (ст. 17 Закона Румынии от 19 декабря 2002 г. № 682 «О защите свидетелей»).

Часть 2 ст. 20 российского Закона «О государственной защите потерпевших...» предусматривает еще одно основание отмены мер безопас-

¹³⁰⁵ В ч. 1 ст. 52⁴ УПК Украины установлены следующие основания отмены мер безопасности: истечение срока конкретной меры безопасности, устранение угрозы защищаемому лицу, систематическое невыполнение защищаемым лицом законных требований субъекта, осуществляющего меры безопасности, если это лицо письменно было предупреждено о возможности такой отмены.

¹³⁰⁶ Несколько иные формулировки содержат пункт «в» ч. 1 ст. 21 Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве», согласно которому основанием отмены мер безопасности, предусмотренных данным Законом, является «систематическое невыполнение лицом, взятым под защиту, законных требований органов, обеспечивающих безопасность, если это лицо в письменном виде было предупреждено о возможности такой отмены»; пункт 4 ст. 18 Закона Азербайджана «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе», гласящий: меры безопасности отменяются «при постоянном невыполнении защищаемым лицом, несмотря на письменное предупреждение, законных указаний органов, обеспечивающих безопасность».

ности — заявление защищаемого лица об их отмене. Представляется, что при необходимости такое заявление может быть проверено в порядке, предусмотренном п. 1 ч. 1 ст. 24 Закона, для выяснения, не является ли заявление следствием неэффективности осуществляемых мер безопасности, то есть продолжения посткриминального воздействия¹³⁰⁷.

Далее, в п. 23 Приложения к *Рекомендации № R (2005) 9 Совета Европы «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием»* предлагается такое основание отмены мер безопасности как *совершение защищаемым лицом умышленного преступления*¹³⁰⁸, хотя и с оговоркой, что отмена должна осуществляться *в соответствии с конкретными обстоятельствами*. По мнению автора, согласиться с данным предложением нельзя вследствие нижеизложенного:

Очевидно, что отмена защиты повлечет прекращение содействия правосудию. Если при этом цели уголовного судопроизводства останутся достижимыми (за счет использования иных, помимо показаний указанного лица, доказательств), то его привлечение к сотрудничеству с правоохранительными органами и обеспечение безопасности изначально были не нужны. Если же отмена мер безопасности и сопряженный с этим отказ лица от содействия правосудию повлекут невозможность достижения целей судопроизводства, то отменять меры безопасности не следует, ведь их продолжение никоим образом не влияет на уголовно-процессуальную процедуру привлечения защищаемого лица к уголовной ответственности в связи с совершением им преступления (совершенное преступление может лишь негативно повлиять на оценку показаний защищаемого лица в уголовном деле, в котором он сотрудничает с правоохранительными органами).

¹³⁰⁷ В Болгарии, например, если отмене мер безопасности ходатайствует сам защищаемый, такое ходатайство не является достаточным основанием для отмены этих мер. Компетентный орган может провести проверку того, не явилось ли такое ходатайство результатом посткриминального воздействия на защищаемого (см.: *Беленски Р.* Указ. соч. С. 62). В Украине при отказе защищаемого лица от осуществляемой в отношении него защиты не применяются такие меры безопасности, как *выдача специальных средств индивидуальной защиты и извещения об опасности, замена документов и изменение внешности, изменение места работы или учебы, переселение, обеспечение конфиденциальности данных о лице*, но, с санкции прокурора либо по решению суда, могут применяться: *личная охрана, охрана жилья и имущества* (согласно ст. 17 Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве»). Представляется, что подобные положения могут быть предусмотрены и в российском Законе «О государственной защите потерпевших...».

¹³⁰⁸ В Румынии данное обстоятельство, а также «веские доказательства», что защищаемый свидетель вступил в преступную группу или организацию, являются основанием отмены мер безопасности (согласно ст. 17 Закона от 19 декабря 2002 г. № 682 «О защите свидетелей»).

Возвращаясь к Закону «О государственной защите потерпевших...», надо отметить, что нередкими будут ситуации, требующие осуществления мер безопасности, предусмотренных данным Законом, не только в границах уголовного судопроизводства, но и в течение определенного времени по его окончании. Именно поэтому, согласно ч. 7 ст. 20 Закона, суд (судья) при постановлении приговора вправе принять решение о *дальнейшем* применении мер безопасности. Однако в Законе не предусмотрен орган, который после устранения угрозы посткриминального воздействия должен отменить меры безопасности. Представляется, что этим органом является тот же суд (судья), который принял решение о применении мер безопасности при постановлении приговора¹³⁰⁹. Данное положение следует предусмотреть непосредственно в указанном Законе в качестве исключения из общего правила, согласно которому, исходя из содержания ч. 6 ст. 20 и ч. 3 ст. 2 Закона, правом отменять меры безопасности наделены только субъекты, в *производстве которых* находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело.

Решение об отмене мер безопасности по общему правилу должно быть облечено в форму мотивированного постановления (определения). Такая форма предусмотрена для отмены всех универсальных мер безопасности в ч. 3 ст. 20 Закона «О государственной защите потерпевших...». Применение же мер безопасности, изложенных в УПК РФ, объективно прекращается с окончанием уголовного судопроизводства и потому принятия решения об отмене этих мер в форме мотивированного постановления (определения) не требуется.

Теперь необходимо остановиться на основании прекращения подсистемы мер безопасности, которых отечественное законодательство пока не содержит. Речь идет об ограничениях на места работы, проживания и передвижения, на встречи с защищаемыми для лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, и при других указанных в § 5 главы III обстоятельствах. В качестве *основания отмены* таких ограничений следует установить *погашение или снятие судимости*, то есть применение мер безопасности данной группы возможно в течение того же срока, что и правоограничений, образующих *постепененциарное воздействие*¹³¹⁰. Если угроза посткриминального воздействия не минова-

¹³⁰⁹ В модельном Законе о государственной защите потерпевших предложено иное решение: согласно его ст. 20 «отмена мер безопасности допускается... после вступления в силу приговора — на основании решения суда по месту нахождения защищаемого лица».

¹³¹⁰ Очевидно, меньший срок следует установить для меры, называемой «ограничительным приказом» в случаях ее применения к иным, не осужденным лицам. В США, например, такой приказ применяется на срок до 3 лет.

ла по истечении срока постепенитенциарного воздействия, безопасность защищаемого должна быть обеспечена другими мерами, которые должны прийти на смену отменяемым правоограничениям.

Естественно предоставление лицам, содействующим правосудию, права обжаловать решения и действия органов, которые должны обеспечивать их безопасность (п. 6 ч. 1 ст. 23 Закона «О государственной защите потерпевших...», нормы УПК РФ, регулирующие обжалование уголовно-процессуальных решений). Обращает на себя внимание установление в ч. 3 ст. 18 Закона «О государственной защите потерпевших...» сокращенного по сравнению с УПК РФ срока — 24 часов, в течение которых должна быть рассмотрена жалоба гражданина на постановление (определение) о применении мер безопасности либо об отказе в их применении¹³¹¹.

Согласно ч. 1 ст. 21 Закона «О государственной защите потерпевших...» данная защита осуществляется с соблюдением *конфиденциальности сведений о защищаемом лице*. В соответствии с ч. 2 данной статьи Постановлением Правительства РФ от 3 марта 2007 г. № 134 утверждены «Правила защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». При этом в п. 2 *Правил* исправлена ошибка, допущенная законодателем в ч. 1 ст. 21 названного Закона, а именно: к подлежащим защите сведениям отнесены сведения не только *о защищаемом лице*, но и *об осуществлении государственной защиты*. К последним относятся, в частности:

- сведения о сотрудниках правоохранительных органов, осуществляющих меры безопасности;
- сведения о тактических приемах и технических средствах, используемых при реализации мер безопасности;
- информирование суда и других субъектов об избранных мерах безопасности, их изменении, дополнении и результатах применения в порядке ч. 5 ст. 18 Закона «О государственной защите потерпевших...».

Пункт 2 *Правил* соответствует Указу Президента РФ от 23 сентября 2005 г. № 1111 «О внесении изменения в перечень сведений конфиденциального характера, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188», поскольку этот перечень, помимо указания на «сведения о защищаемых лицах», дополнен указанием и на сведения о «мерах государственной защиты», осуществляемой в соответствии с Законом «О государственной защите потерпевших...» и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

¹³¹¹ В соответствии с Федеральным законом «О государственной защите судей...» жалобы лиц, указанных в названии этого Закона, подлежат рассмотрению в еще более короткий срок — «незамедлительно».

Меры же безопасности в виде переселения, замены документов, а в необходимых случаях и другие меры безопасности могут потребовать принятия решения об их осуществлении и самого осуществления не только в конфиденциальном, но и в секретном режиме, однако этот вопрос на законодательном уровне пока не решен.

Проведенное исследование позволяет определить *правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию* (в рамках его нормативистского толкования¹³¹²), как межотраслевой комплексный правовой институт, нормы которого: а) устанавливают систему мер безопасности; б) регулируют оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную, административную, пенитенциарную и постпенитенциарную деятельность должностных и иных лиц по применению этих мер в целях: предотвращения запрещенного законом и иного посткриминального воздействия в отношении граждан, содействующих правосудию, их близких и принадлежащего им имущества; создания условий для реализации этими лицами гражданского долга, конституционных и отраслевых прав и обязанностей как гарантии осуществления уголовного правосудия, а также в целях защиты указанных лиц от мести за оказанное содействие правосудию; в) устанавливают права, обязанности и ответственность подлежащих защите лиц и субъектов, обеспечивающих их безопасность.

¹³¹² То есть без включения в определение правотворческой и правоприменительной деятельности по обеспечению безопасности лиц, содействующих правосудию.

Заключение

Итак, феномен роста посткриминального воздействия детерминирован изменениями самой преступности. Ее общемировые тенденции и российские, находящиеся в русле общемировых, предопределяют то, что данное воздействие и впредь будет являть собой фактор, существенно осложняющий борьбу с преступностью, доступ граждан к правосудию. Единственный адекватный ответ этому — создание национального законодательства, гарантирующего безопасность тех, кто участвует в борьбе с преступностью. Для России решение данной задачи по сути заключается в приведении внутригосударственного законодательства в соответствие со сложившимися во второй половине XX в. международно-правовыми стандартами защиты указанных лиц, изложению которых (стандартов) посвящена значительная часть настоящего исследования.

Не всегда и не сразу государства определяют допустимые правовые средства решения рассматриваемой проблемы. Одним из главных ориентиров при их определении, наряду с международно-правовыми актами нормативного и доктринального характера, имеет прецедентное право ЕСПЧ. Позиция этого наднационального судебного органа во многом определяет развитие и российского законодательства в русле рассматриваемой проблемы.

Автор выражает надежду, что данная книга будет полезна и для отечественного законодателя, и для сотрудников правоохранительных органов при решении задач по обеспечению безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию.

Нормативно-правовые источники и библиография

I. Законы, иные нормативные акты и официальные документы СССР, Российской Федерации и субъектов Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации. М., 2008.
2. Федеральный конституционный закон РФ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «Гарант».
3. Закон РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503; 1993. № 10. Ст. 360; 1993. № 32. Ст. 1231; СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2964; Росс. газета. 1999. 8 апр.; СЗ РФ. 1999. № 49. Ст. 5905; 2000. № 31. Ст. 3204; 2000. № 46. Ст. 4537.
4. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // СПС «Гарант».
5. Закон РФ от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
6. Закон РФ от 24 июня 1993 г. № 3538-1 «О федеральных органах налоговой полиции» // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 29. Ст. 1114; Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 52. Ст. 5086; СЗ РФ. 1995. № 51. Ст. 4973; 2000. № 46. Ст. 4537.
7. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1316; СЗ РФ. 1996- № 25-Ст. 2964; 1998- № 16. Ст. 1796; 2001. № 11. Ст. 1002.
8. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // СПС «Гарант».
9. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СПС «Гарант».
10. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС «Гарант».
11. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Гарант».

12. Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
13. Федеральный закон от 23 февраля 1996 г. № 20-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы и протоколах к нему» // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 775.
14. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // СПС «Гарант».
15. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» // Росс. газета. 1996. 25 дек.
16. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации // СПС «Гарант».
17. Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 2-ФЗ «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
18. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» // СПС «Гарант».
19. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
20. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» // СПС «Гарант».
21. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Гарант».
22. Федеральный закон от 7 августа 2000 г. № 119-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3345.
23. Федеральный закон от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // СЗ РФ. 2001. № 13. Ст. 1140.
24. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «Гарант».
25. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. № 52 (ч. 1). Ст. 4924.

26. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 4-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в федеральные законы «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» и «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 130.
27. Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Росс. газета. 2002. 1 июня.
28. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
29. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
30. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // СПС «Гарант».
31. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
32. Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Росс. газета. 2004. 29 апреля.
33. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».
34. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «Гарант».
35. Федеральный закон от 3 апреля 2006 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».
36. Федеральный закон от 3 марта 2007 г. № 29-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О судебных приставах» // СПС «Гарант».
37. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

- и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Гарант».
38. Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».
 39. Федеральный закон от 30 октября 2009 г. № 244-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
 40. Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» // СПС «Гарант».
 41. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 апреля 1994 г. № 97-Г «О парламентских слушаниях «Борьба с преступностью и укрепление правопорядка в Российской Федерации» // Росс. газета. 1994. 19 апр.
 42. Заключение Совета Федерации Федерального Собрания РФ по результатам парламентских слушаний «Борьба с преступностью и укрепление правопорядка в Российской Федерации» // Росс. газета. 1994. 19 апр.
 43. Заключение Совета Федерации Федерального Собрания РФ по результатам парламентских слушаний «О состоянии борьбы с преступностью и об укреплении правопорядка в Российской Федерации в современных условиях» // Росс. газета. 1997. 1 окт. ✦
 44. Постановление Государственной Думы РФ от 23 декабря 1994 г. «О Федеральном законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» // СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 28.
 45. Указ Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» // СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 804.
 46. Указ Президента РФ от 1 сентября 1995 г. № 891 «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств» // СПС «Гарант».
 47. Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4775; 1998. № 5. Ст. 561.

48. Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // СЗ РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.
49. Указ Президента РФ от 23 сентября 2005 г. № 1111 «О внесении изменения в перечень сведений конфиденциального характера, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188» // СПС «Гарант».
50. Указ Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «Гарант».
51. Инструкция о порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения лицам в связи с их вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд (кроме Конституционного Суда Российской Федерации и арбитражного суда) (утверждена Постановлением Совета министров РСФСР от 14 июля 1990 г. № 245; с изменениями от 2 марта 1993 г., 4 марта 2003 г.) // СПС «Гарант».
52. Постановление Правительства РФ от 17 июля 1996 г. № 831 «О порядке выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите» // СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3723.
53. Постановление Правительства РФ от 10 апреля 2006 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы» // СПС «Гарант».
54. Постановление Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».
55. Постановление Правительства РФ от 3 марта 2007 г. № 134 «Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».
56. Правила оказания услуг телефонной связи (утверждены Постановлением Правительства РФ от 26 сентября 1997 г. № 1235) // Росс. газета. 1997. 15 окт.
57. Федеральная программа РФ по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы // Росс. юстиция. 1994. № 10. С. 10–11; № 11. С. 9–12.
58. Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 годы (утверждена Постановлением Правительства РФ от 17 мая 1996 г. № 600) // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2696.

59. Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1999–2000 годы (утверждена Постановлением Правительства РФ от 10 марта 1999 г. № 270 // СЗ РФ. 1999. № 12. Ст. 1484; 1999. № 52. Ст. 6403; 2000. № 7. Ст. 820; 2000. № 17. Ст. 1887; 2000. № 31. Ст. 3291; 2000. № 33. Ст. 3394).
60. План подготовки проектов федеральных законов на 1999–2000 годы (утвержден Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 1999 г. № 803-р) // СЗ РФ. 1999. № 23. Ст. 2876; 1999. № 38. Ст. 4553; 1999. № 42. Ст. 5098.
61. Протокол оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации от 8 мая 2009 г. «О повышении эффективности защиты прав и законных интересов граждан, пострадавших от преступных посягательств» // Официально не опубликован.
62. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (утверждены Приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205) // СПС «Гарант».
63. Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими (утверждены Приказом Министра обороны России от 29 июля 1997 г. № 302) // Правовая система «Гранат».
64. Инструкция «О порядке исполнения судебными приставами распоряжений председателя суда, судьи или председательствующего в судебном заседании и взаимодействия судебных приставов с должностными лицами и гражданами при исполнении обязанностей по обеспечению установленного порядка деятельности судов и участия в исполнительской деятельности» (утверждена Приказом Минюста России от 3 августа 1999 г. № 226 // <http://zakon.kuban.ru/nd/pr`226.htm>).
65. Инструкция «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (утверждена Приказом ФСНП России, ФСБ России, МВД России, ФСО России, ФПС России, ГТК России, СВР России от 13 мая 1998 г. № 175/226/336/201/410/56 // Новые правила документирования результатов оперативно-розыскной деятельности: Справочное пособие. М., 1999. С. 3–10.
66. «Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (утверждена Приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142) // СПС «Гарант».
67. Инструкция «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (утверждена Приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС, СВР России, ФСИН России, ФСКН

- России, Минобороны России от 17 апреля 2007 г. № 368/ 185/ 164/ 481/ 32/ 184/ 97/ 147) // СПС «Гарант».
68. Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (утверждены Приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189) // СПС «Гарант».
69. «Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких» (утвержден Приказом МВД России от 21 марта 2007 г. № 281) // СПС «Гарант».
70. «Инструкция об организации работы по осуществлению мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» (утверждена Приказом ФСКН России от 2 ноября 2007 г. № 044) // В открытой печати не опубликована.
71. «Административный регламент Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства и их близких» (утвержден Приказом ФСБ России от 3 февраля 2009 г. № 39) // СПС «Гарант».
72. Закон Республики Башкортостан от 14 октября 1994 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» // Законы Республики Башкортостан. Уфа, 1995. Вып. IX.
73. Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 597; 1970. № 24. Ст. 206; 1981. № 10. Ст. 232; 1983. № 39. Ст. 584.
74. Закон СССР от 12 июня 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 26. Ст. 495.
75. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1993.
76. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. М., 1993.
77. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. М., 2000.

II. Определения и постановления Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ, приказы и указания Генерального прокурора РФ

78. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» // СЗ РФ. 2000. № 9. Ст. 1066.
79. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева» // СЗ РФ. 2001. № 48. Ст. 4551.
80. Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О «По жалобе гр. Ковалева С.В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 УПК РФ» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2).
81. Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
82. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2007 г. № 622-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скепского Владислава Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, пунктом 4 части второй статьи 241, частью пятой статьи 278 и частью шестой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
83. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (по состоянию на 10 января 1997 г.) с Приложением. М., 1997. С. 245-253.
84. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 8 декабря 1999 г. № 84 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2.

85. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.
86. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 октября 2008 г. № 21 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ: http://www.supcourt.ru/print_page.php?id=5497
87. Приказ Генерального прокурора РФ от 3 августа 1998 г. № 50 «Об организации международного сотрудничества прокуратуры Российской Федерации» // Сборник основных приказов и указаний Генерального прокурора Российской Федерации. М., 1999. С. 507–512.

№

III. Бюллетени Европейского Суда по правам человека и Верховного Суда РФ

88. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2002. № 2.
89. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2002. № 3.
90. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 1.
91. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 2.
92. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 5.
93. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 11.
94. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2003. № 12.
95. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2004. № 4.
96. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2005. № 4.
97. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2005. № 6.

98. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2006. № 9.
99. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1982. № 5.
100. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 2.
101. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 8.
102. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 6.

IV. Международные акты и документы

103. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: Сборник международных универсальных и региональных документов. М., 1990. С. 28–34.
104. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: Сборник международных универсальных и региональных документов. М., 1989. С. 45–65.
105. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.
106. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью // Сов. юстиция. 1992. № 9/10. С. 39–40.
107. Рекомендация № R(85) 11 о положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса (принята 28 июня 1985 г. Комитетом Министров стран-участниц Совета Европы) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 114–116.
108. Доклад Генерального секретаря ООН «Меры по осуществлению Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» // Док. E/AC.57/1988/3, 8 July, 1988.
109. Миланский план действий, принятый VII Конгрессом по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.144/INF.2, 11 May, 1990.
110. Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка, принятые VII Конгрессом по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.144/INF.2, 11 May, 1990.
111. Рекомендации по осуществлению Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, принятые резолюцией ЭКОСОС 1989/57 от 24 мая 1989 г. // Док. A/CONF.144/INF.2, 11 May, 1990.

112. Руководство для сотрудников системы уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, принятое резолюцией ЭКОСОС 1990/22 от 24 мая 1990 г. // Док. A/CONF.144/20, 7 June, 1990.
113. Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней. 11 сессия. Вена. 5—16 февраля 1990 г. // Док. E/AC.57/1990/3, 15 december, 1990.
114. Руководство о роли прокуроров (утверждено в 1990 г. VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями) // Док. ST/HR/UN.
115. Практические меры борьбы с организованной преступностью, сформулированные Международным семинаром по борьбе с организованной преступностью. Суздаль, 1991 г. // Док. E/1992/92 (Suppl.1).
116. Программа ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, принятая резолюцией ГА ООН 46/152 от 18 декабря 1991 г. // Док. A/RES/46/152, 7 april, 1992.
117. Толкования международных норм справедливого судебного разбирательства Европейской комиссией и Судом по правам человека. Добавление к третьему докладу Комиссии по правам человека ЭКОСОС «Право на справедливое судебное разбирательство: признание в современных условиях и меры по его укреплению» // Док. E/CN.4/Sub.2/1992/24/Add.1, 15 may, 1992.
118. Предварительная повестка IX Конгресса по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.169/PM.1, 27 July, 1993.
119. Выводы и рекомендации Совещания Специальной группы экспертов по уменьшению риска насилия в системе уголовного правосудия // Док. E/CN.15/1994/4/Add.3, 25 february, 1994.
120. Национальное законодательство и его соответствие требованиям борьбы с различными формами организованной преступности; надлежащие руководящие принципы для принятия законодательных и иных мер на национальном уровне. Справочный документ // Док. E/CONF.88/3, 25 august, 1994.
121. Соответствующие методы и руководящие принципы предупреждения организованной транснациональной преступности и борьбы с ней на национальном и международных уровнях. Справочный документ // Док. E/CONF.88/5, 19 september, 1994.
122. Неапольская политическая декларация и Глобальный план действий против организованной транснациональной преступности // Док. A/49/748, 2 december, 1994.

123. Стратегии в области предупреждения преступности, в частности в отношении преступлений в городских районах и преступности среди несовершеннолетних с применением насилия, включая вопрос о потерпевших: оценка и новые перспективы // Док. А/CONF.169/7, 24 January, 1995.
124. Доклад IX Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Каир, 29 апреля — 8 мая 1995 г. // Док. А/CONF.169/16, 12 May, 1995.
125. Доклад Генерального секретаря Организации Объединенных Наций «Положение в мире в области преступности и уголовного правосудия» на X Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. А/CONF.187/5.
126. Обзор первоочередных тем. Стандарты и нормы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Добавление: Рекомендации Совещания группы экспертов по вопросу о жертвах преступлений и злоупотребления властью в международном контексте // Док. E/CN.15/1996/16/Add.5, 26 February, 1996.
127. Заключение № 193 (1996) по заявке России на вступление в Совет Европы, принятое 25 января 1996 г. Парламентской Ассамблеей Совета Европы // Росс. юстиция. 1996. № 4. С. 5–7.
128. Права человека: Сборник международных документов. М., 1990. 205 с.
129. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными // Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации (практическое пособие). М., 1996. С. 388–412.
130. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка // Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации (практическое пособие). М., 1996. С. 413–418.
131. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме // Содержание под стражей. Сборник нормативных актов и документов. М., 1996. С. 229–238.
132. Межгосударственная программа совместных мер борьбы с организованной преступностью и иными видами опасных преступлений на территории государств — участников Содружества Независимых Государств на период до 2000 г. (утверждена Советом глав государств СНГ 17 мая 1996 г.) // Росс. газета. 1996. 22 июня.
133. Стратегии борьбы с насилием в семье: справочное руководство. Нью-Йорк, 1998. 122 с.

134. Рекомендации № R (96) 8 по политике борьбы с преступностью в изменяющейся Европе. Приняты Комитетом Министров стран-участниц Совета Европы 5 сентября 1996 г. // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1999. № 10. С. 23–27.
135. Руководство по применению Декларации ООН по основным принципам правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Проект, подготовленный Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию // Док. E/CN.15/1997/CRP.9, 25 april, 1997.
136. Рекомендация № R (97) 13 «По вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты» Комитета министров государств-членов Совета Европы. Принята Комитетом министров 10 сентября 1997 г. // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства. Сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / Под общ. ред. В.В. Черникова. М., 2000. С. 36–72.
137. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 6 декабря 1997 г. № 10–14 «О модельном законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» // <http://pravo.kulichki.com/zak/megd/meg02399.htm>.
138. Римский Статут Международного Уголовного Суда. ^{принят} Принят на Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного Уголовного Суда в июле 1998 г. // Док. A/CONF.183/9.
139. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Принята Комитетом Министров стран-участниц Совета Европы 4 ноября 1998 г. // Чистые руки. 1999. № 3. С. 69–79.
140. Нормы профессиональной ответственности и декларация основных прав и обязанностей прокуроров (утверждены Международной ассоциацией прокуроров 23 апреля 1999 г.) // Материалы региональной конференции по вопросам межгосударственной организованной преступности. Будапешт, 17–21 июня 2002 г.
141. Доклад Регионального подготовительного совещания стран Латинской Америки и Карибского бассейна к десятому Конгрессу Организации Объединенных наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/RPM.4/1.
142. Доклад Африканского регионального подготовительного совещания к десятому Конгрессу Организации Объединенных наций по предуп-

- реждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/RPM.3/1.
143. Укрепление законности и упрочение системы уголовного правосудия. Рабочий документ X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/3, 14 december, 1999.
144. Правонарушители и жертвы: ответственность и справедливость в процессе отправления уголовного правосудия. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом к X Конгрессу ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/8, 15 december, 1999.
145. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке. Справочный документ к семинару-практикуму по борьбе с коррупцией X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/9, 31 december, 1999.
146. Женщины в системе уголовного правосудия. Информационно-справочный документ для семинара-практикума по вопросу о женщинах в системе уголовного правосудия X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/12, 2 march, 2000.
147. Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века. Принята X Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Док. A/CONF.187/4/Rev.3, 15 april, 2000.
148. Доклад Генерального секретаря ООН «Финансирование Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января по 31 декабря 1994 года» // Док.: A/55/12, 23 october, 2000.
149. Доклад Подготовительной комиссии для Международного Уголовного Суда. Добавление. Часть I. Окончательный проект текста Правил процедуры и доказывания // Док.: PCNICC/2000/1/Add.1, 1 november, 2000.
150. Рекомендация № R (2000) 11 «О борьбе с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации» (принята Советом Европы 19 мая 2000 г.) и Пояснительная записка к ней // [http://www.coe.int/t/r/human_rights/\[rus_docs\]/%5BEquality_docs%5D/RecR\(2000\)1](http://www.coe.int/t/r/human_rights/[rus_docs]/%5BEquality_docs%5D/RecR(2000)1)

151. Рекомендация № R (2000) 19 «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» (принята Советом Европы 6 октября 2000 г.) и Пояснительная записка к ней // Журнал российского права. 2001. № 8. С. 65–92.
152. Резолюция № 1 «Борьба с международным терроризмом». Принята на 24-й Конференции министров юстиции государств — членов Совета Европы (4–5 октября 2001 г., Москва) // Росс. юстиция. 2001. № 12. С. 3–4.
153. Рекомендация № (2002) 5 «О защите женщин от насилия» (принята Комитетом Министров Совета Европы 30 апреля 2002 г.) и Пояснительная записка // [http://hrlibrary.ngo.ru/russian/euro/RRec\(2002\)5.html](http://hrlibrary.ngo.ru/russian/euro/RRec(2002)5.html)
154. Рекомендация № R (2003) 13 «О предоставлении через СМИ информации относительно уголовных процессов» (принята Комитетом Министров Совета Европы 10 июля 2003 г.) // http://www.medialaw.ru/laws/other_laws/european/rec2003-13.html
155. Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Электронная энциклопедия (компакт-диск). М., НПП «Гарант-Сервис», 2001.
156. Регламент Европейского Суда по правам человека // Росс. юстиция. 2002. № 5. С. 55–69.
157. Руководящие принципы, касающиеся правосудия для детей-жертв и свидетелей преступлений (приняты ЭКОСОС ООН 21 июля 2004 г.) // E/2004/INF/2/Add.2.
158. Доклад Азиатско-Тихоокеанского регионального подготовительного совещания к одиннадцатому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // A/CONF.203/RPM.1/1.
159. Доклад Регионального подготовительного совещания стран Латинской Америки и Карибского бассейна к одиннадцатому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // A/CONF.203/RPM.2/1.
160. Семинар-практикум 3: стратегии и наилучшие методы предупреждения преступности, в частности применительно к преступности в городах и молодежи, относящейся к группам риска. Справочный документ к одиннадцатому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // A.CONF.203/11, 11 february, 2005.
161. Экономические и финансовые преступления: вызовы устойчивому развитию. Рабочий документ к одиннадцатому Конгрессу ООН

- по предупреждению преступности и уголовному правосудию // А.CONF.203/7, 23 february, 2005.
162. Семинар-практикум 2: Укрепление реформы системы уголовного правосудия, включая реституционное правосудие. Справочный документ к одиннадцатому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // А.CONF.203/10, 24 february, 2005.
163. Семинар-практикум 1: Укрепление международного сотрудничества в правоохранительной сфере, включая меры по выдаче. Справочный документ к одиннадцатому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // А.CONF.203/9, 2 march, 2005.
164. Коррупция: угрозы и тенденции в XXI веке. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом в рамках пункта 5 предварительной повестки одиннадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // А/CONF.203/6, 16 march, 2005.
165. Семинар-практикум 4: Меры по борьбе против терроризма согласно соответствующим международным конвенциям и протоколам. Справочный документ к одиннадцатому Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // А.CONF.203/12, 21 march, 2005.
166. Проект Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия» // А/CONF.203/L.5, 23 april, 2005.
167. Recommendation Rec (2005) 9 of the Committee of Ministers to members states on the protection of witnesses and collaborators of justice (Рекомендация № R (2005) 9 «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием»; принята Советом Европы 20 апреля 2005 г.) // <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=849237&BackColorInternet=9999CC&BackColorPaper=999999>
168. «Европейские тюремные правила» — приложение к Резолюции (2006) 2 Комитета Министров Совета Европы (неофициальный перевод: <http://www.prison.org/index.shtml>).
169. «Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства», заключенное странами — участниками СНГ 28 ноября 2006 г. в Минске // СПС «Гарант».

V. Законодательные акты зарубежных стран

170. Закон Азербайджанской Республики от 11 декабря 1998 г. № 585 ПГ «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» // <http://stracker.bos.ru/laws/0585-1g.html>.

171. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2000 г. № 72-II ЗРК «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе» // <http://pmicro.kz/db/busn/govern/Laws/Act/2000/Advocacy.htm>.
172. «Закон об особой защите лиц» Латвийской Республики от 31 мая 2005 г. // Текст Закона на русском языке распространен среди участников международной конференции «Безопасность свидетелей в эпоху транснациональной преступности» (22–26 января 2007 г., Будапешт, Венгрия).
173. Закон Республики Молдавия от 28 января 1998 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному процессу» // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 99–105.
174. Закон Республики Польша от 25 июня 1997 г. «О главном свидетеле» // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 79–81.
175. Закон Румынии от 19 декабря 2002 г. № 682 «О защите свидетелей» // Текст Закона на русском языке распространен среди участников международной конференции «Безопасность свидетелей в эпоху транснациональной преступности» (22–26 января 2007 г., Будапешт).
176. Закон Украины от 23 декабря 1993 г. «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» (с изменениями и дополнениями на 6 февраля 2003 г.) // Уголовная юстиция: Сборник нормативных актов. Издание четвертое, исправленное и дополненное. Харьков, 2006. С. 374–386.
177. Отдельные положения итальянского законодательства в отношении лиц, сотрудничающих с законом // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 303–337.
178. Распоряжения Совета Министров Республики Польша от 30 декабря 1998 г. № 1196 «Об определении условий, области и порядка предоставления и отмены охраны и помощи главным свидетелям и иным лицам» // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 82–87.
179. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдавия 2003 г. // Текст Закона на русском языке распространен среди участников международной конференции «Безопасность свидетелей в эпоху транснациональной преступности» (22–26 января 2007 г., Будапешт).

180. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. Минск, 1999. № 28–29. Ст. 433.
181. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // <http://lawlib.freenet.uz/laws/kazah/upkaz/12.html>.
182. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (с изменениями и дополнениями на 1 января 2008 г.). Харьков, 2008. 264 с.
183. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики (с изменениями и дополнениями на 1 августа 1998 г.) // Правовые акты Эстонии. Таллин. 1998. № 65–67. Ст. 1385.
184. Уголовный кодекс Дании. СПб., 2001. 230 с.
185. Уголовный кодекс Испании. М., 1998. 218.
186. Уголовный кодекс Польши. СПб., 2001. 234 с.
187. Уголовный кодекс Франции. М., 1993. 212 с.
188. Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996. 202 с.
189. Уголовный кодекс Швейцарии. М., 2000. 138 с.
190. Code de procedure penale // Legifrance.gouv.fr. Le service public de la diffusion du droit. Mardi 28 juin 2005 // Legifrance — Le service public de l'accès au droit.htm. (УПК Франции).
191. Gesetz zur Bekämpfung des illegalen Rauschgifthandels und anderer Erscheinungsformen der Organisierten Kriminalität vom 15. Juli 1992 — Bundesgesetzblatt. 1992. I. № 34. (Закон ФРГ от 15 июля 1992 г. «О борьбе с нелегальной торговлей наркотиками и другими проявлениями организованной преступности»).
192. Loi № 2004-204 du 9 mars 2004 portant adaptation de la justice aux évolutions de la criminalité // Legifrance.gouv.fr. Le service public de la diffusion du droit. Le Journal officiel de la République Française. Mardi 28 juin 2005. // Legifrance — Le service public de l'accès au droit.htm. (Закон Франции № 2004-204 от 9 марта 2004 г., касающийся адаптации правосудия к изменениям преступности).
193. Österreichische Strafprozessordnung-Wien, 2008. 501 s.
194. Strafprozessordnung Deutschlands-München, 2009. 320 s.
195. Schweizerische Strafprozessordnung vom 5. Oktober 2007. Bern. 2009.
196. Victim and Witness Protection Act of 1982. Public Law. 97-291-Oct.12. 1982 (Закон США о защите жертв и свидетелей преступлений от 12 октября 1982 г.).
197. Наказательно-процесуален кодекс на Република България 2005 г. // Държавен вестник. София. Брой 86. 28 октомври 2005 г.

VI. Монографии и отдельные издания

198. *Александров Ю.* Тюремный закон. М., 1999. 288 с.
199. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М., 1975. 263 с.
200. *Альхименко В.В., Жданов Ю.Н.* Организационно-правовые основы международного сотрудничества в борьбе с преступностью. М., 1998. 59 с.
201. *Ананиан Л.Л.* Жестокость в семье. М., 2000. 103 с.
202. *Ананиан Л.Л.* Тюрьмы и заключенные. М., 1999. 102 с.
203. *Анисимков В.М.* Криминальная субкультура. Уфа, 1998. 169 с.
204. *Апшиниекс Э.Н.* Понятие и признаки серийного убийства (уголовно-правовой и криминологический аспекты) // Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002. С. 70–71.
205. *Бабаева Э.У.* Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления. М., 2001. 164 с.
206. *Баландин В.Н., Павлушина А.А.* Принципы юридического процесса. Тольятти. 2001. 150 с.
207. *Бальзамо У., Карпоци Дж.* Мафия. Первые 100 лет. М., 1996. 447 с.
208. *Барр У.* Передача преступников в руки правосудия: соблюдение законности по отношению к жертве / Пер. с англ. М., Фонд ВНИИ МВД РФ, 1993. 16 с.
209. *Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. 208 с.
210. *Безлепкин Б.Т.* Уголовный процесс России. Общая часть и досудебные стадии (курс лекций). М., 1998. 320 с.
211. *Бойков А.Д.* Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. М., 1997. 264 с.
212. *Бородин С.В., Ляхов Е.Г.* Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М., 1983. 199 с.
213. *Бронников А.Г.* Тайные способы связи преступников. Пермь, 1996. 87 с.
214. *Брусницын Л.В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001. 400 с.
215. *Брусницын Л.В.* Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. М., 1999. 108 с.

216. *Брылев В.И.* Некоторые проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сфере наркобизнеса. Екатеринбург, 1994. 190 с.
217. *Васильев В.Л.* Избранное: Статьи. СПб., 2001. 60 с.
218. *Вафин Р.Р.* Вымогательство (рэкет) — криминалистические проблемы. Екатеринбург, 1993. 161 с.
219. Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Нью-Йорк, 1993 г. 298 с.
220. *Газизов В.А., Филиппов А.Г.* Видеозапись и ее использование при производстве следственных действий. М., 1997. 80 с.
221. *Гасанов Э.Г.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с наркотиками. Одесса, 1998. 400 с.
222. *Гесснер Р., Херцог У.* За фасадом права / Пер. с нем. М., 1990. 224 с.
223. *Гомьен Д.* Комментарий к «Европейской конвенции о защите прав человека». Страсбург, 1995. 136 с.
224. *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. 600 с.
225. *Горобцов В.И.* Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия. Орел, 1995. 160 с.
226. *Горячева С.П.* Законодательные инициативы в области защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации и растления как средство профилактики преступлений в России // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–20 апреля 2002 г.). Выпуск 1. М., 2002. С. 40–46.
227. *Гриффин Д.А.* Правильное и неправильное использование тайных осведомителей // Материалы региональной конференции по проблемам расследования и уголовного преследования коррупции на публичной службе. Будапешт, 15–19 июля 2002.
228. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002. 1088 с.
229. *Губанов А.В.* Полиция запада. М., 1993. 104 с.
230. *Гуров А.И.* Красная мафия. М., 1995. 373 с.
231. *Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. М., 2001. 480 с.
232. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 3. М., 1990. 555 с.

233. Данилов М.В., Останина Л.А. Применение технологии видеоконференцсвязи по обеспечению мер безопасности участников уголовного процесса в районных (городских) судах Курганской области // http://www.usd.kurganregion.ru/publications.jsp?s_main=33
234. Де Сальвиа М. Европейская конвенция по правам человека. СПб., 2004. 267 с.
235. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. 1072 с.
236. Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии) / Пер. с англ. М., 1997. 640 с.
237. Долгосрочный прогноз развития криминальной ситуации в Российской Федерации. М., 1996. 66 с.
238. Дубинский Д.Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы. Киев, 1984. 184 с.
239. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М., 2000. 856 с.; Т. 2. М., 2000. 808 с.
240. Еникеев З.Д. Принципы применения мер пресечения по уголовным делам. Уфа, 1997. 178 с.
241. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве: Мониторинг общественного мнения Республики Коми. Сыктывкар, 2002. 142 с.
242. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001. 512 с.
243. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. М., 1997. 138 с.
244. Законодательство зарубежных государств. Обзорная информация. Вып. 4. М., 1991. 62 с.
245. Засекреченные свидетели в Кургане дают показания через видеоконференцсвязь // http://www.park.kurgan.ru/news/news_one.php?n=kurgan&num=409
246. Квашиш В.Е. Основы виктимологии. М., 1999. 280 с.
247. Квашиш В.Е., Вавилова Л.В. Зарубежное законодательство и практика защиты жертв преступлений. М., 1996. 128 с.
248. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. 111 с.
249. Корниенко Н.А. Судебная видеозапись. СПб., 1995. 124 с.
250. Криминальная ситуация в России и ее изменения. М., 1996. 80 с.

251. *Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В.* Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999). М., 2000. 200 с.
252. *Лебедев С.Я.* Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. М., 1995. 167 с.
253. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1999. 516 с.
254. *Лупинская П.А.* Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972. 79 с.
255. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. 168 с.
256. *Макарова З.В.* Гласность уголовного процесса. Челябинск, 1993. 177 с.
257. *Малов А.А., Тимошенко А.А.* Состояние законности и проблемные аспекты применения мер государственной защиты к потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства. М.: Генеральная прокуратура РФ. 2008. 26 с.
258. Материалы для занятий с российскими прокурорами и следователями. Документ Управления по уголовным делам Департамента юстиции США. 103 с. (распространен среди участников международной научно-практической конференции «Компромисс как эффективное средство в борьбе с преступностью», состоявшейся в сентябре 1999 г. в Москве).
259. *Махов В.Н.* Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. 296 с.
260. *Мацкевич И.М., Эминов В.Е.* Преступное насилие среди военнослужащих. М., 1994. 95 с.
261. Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. Пособие для российских судей. М., 1993. 176 с.
262. *Милицин С.Д.* Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. Свердловск, 1991. 110 с.
263. *Минна Р.* Мафия против закона / Пер. с итал.; под ред. Ф.М. Решетникова. М., 1998. 344 с.
264. *Миньковский Г.М., Побегайло Э.Ф., Ревин В.П., Целинский Б.П.* Наркотизм: профилактика и стратегия борьбы. М. 1999. 156 с.
265. *Миняева Т.Ф.* Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации. М., 2001. 320 с.
266. *Михайленко А.Р.* Составление процессуальных актов по уголовным делам (Теория, методика, примерные образцы документов). Киев, 1989. 199 с.

267. *Михайлов В.А.* Меры пресечения в уголовном судопроизводстве. Тюмень, 1994. 272 с.
268. *Михлин А.С.* Осужденные — кто они? М., 1992. 59 с.
269. *Москалькова Т.Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. 125 с.
270. *Муратова Н.Г.* Процессуальные акты органов предварительного расследования. Казань, 1989. 118 с.
271. *Нафиев С.Х., Васин А.Л.* Европейские стандарты обеспечения конституционных прав личности при расследовании преступлений. Казань, 1998. 223 с.
272. *Николайчик В.М.* Уголовный процесс США. М., 1981. 224 с.
273. *Образцов В.А.* Выявление и изобличение преступника. М., 1997. 336 с.
274. *Овчинский В.С.* XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001. 148 с.
275. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1991. 916 с.
276. *Осипкин В.Н.* Организованная преступность. СПб., 1998. 40 с.
277. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996. 406 с.
278. *Павлов Н.Е.* Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон (соотношение и проблемы применения). М., 1999. 223 с.
279. Поиски выхода. Преступность, уголовная политика, места заключения. М., 1996. 240 с.
280. *Попов В.И.* Рецидив и организованная преступность. М., 1998. 192 с.
281. Правовая система Нидерландов. М., 1998. 432 с.
282. Преступность в России и проблемы борьбы с ней / Под ред. А.И. Долговой. М., 2001. 244 с.
283. *Решетников Ф.М.* Правовые системы стран мира. Справочник. М., 1993. 255 с.
284. *Ржевский В.А., Чепурнова Н.М.* Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. 216 с.
285. *Ривман Д.В., Устинов В.С.* Виктимология. СПб., 2000. 332 с.
286. *Романова Л.И.* Наркотики: преступления, ответственность. Владивосток, 2000. 280 с.

287. Российское законодательство: проблемы и перспективы / Под ред. Л.А. Окунькова. М., 1995. 478 с.
288. *Рыбак С.М.* Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов, 2001. 212 с.
289. *Салимов К.Н.* Современные проблемы терроризма. М., 2000. 216 с.
290. Символика тюрем: Нравы уголовного мира всех стран и народов. М., 1996. 512 с.
291. *Смирнов М.П.* Оперативно-розыскная деятельность полиции зарубежных стран. М., 2001. 240 с.
292. Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 годы). Аналитический доклад. М., 1995. 200 с.
293. Состояние законности в Российской Федерации (1996–1997 годы). Аналитический доклад. М., 1998. 92 с.
294. Состояние законности в Российской Федерации (1998–1999 годы). Аналитический доклад. М., 2000. 110 с.
295. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прокуратуре РФ; ВНИИ МВД России, Департамент уголовного розыска МВД России / Под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М., 2007. 383 с.
296. Судебные системы западных государств. М., 1991. 238 с.
297. *Тер-Акопов А.А.* Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). М., 1998. 196 с.
298. *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. 240 с.
299. *Топильская Е.В.* Организованная преступность. СПб., 1999. 256 с.
300. *Уайнреб Л.* Отказ в правосудии: Уголовный процесс в США / Пер. с англ. М., 1985. 191 с.
301. Уголовная Россия. Тюрьмы и лагеря. М., 1993. 287 с.
302. Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект. М., 1995. 296 с.
303. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии). М., 1998. 352 с.
304. Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2001. 464 с.
305. Характеристика подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах: По материалам специальной переписи 1999 г. / Под ред. А.С. Михлина. М., 2000. 160 с.

306. *Харитонов А.Н.* Государственный контроль над преступностью: (Теоретические и правовые проблемы). Омск, 1997. 240 с.
307. *Химичева О.В., Данилова Р.В.* Допустимость доказательств в уголовном процессе (по материалам уголовных дел о преступлениях, совершенных организованными группами). М., 1998. 74 с.
308. *Хитрова О.В.* Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве. М., 1998. 80 с.
309. *Хомколов В.П.* Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. М., 1999. 191 с.
310. *Чалидзе В.* Уголовная Россия. М., 1990. 395 с.
311. *Шестакова С.Д.* Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. 220 с.
312. *Шнайдер Г.Й.* Криминология / Пер. с нем. М., 1994. 504 с.
313. *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. 41 с.
314. *Энтин М.Л.* Международные гарантии прав человека (практика Совета Европы). М., 1992. 240 с.
315. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. 2-е изд., доп. М., 1987. 528 с.
316. *Якубович Н.А., Батищева Л.Б., Радутная Е.С., Пичкалева Г.И.* Охрана конституционных прав личности на предварительном следствии. М., 1989. 90 с.
317. *Якупов Р.Х.* Правоприменение в уголовном процессе России. М., 1993. 195 с.

VII. Статьи, информация в Интернете

318. *Абабков А.* Защитить права потерпевшего // Росс. юстиция. 1997. № 3. С. 16–17.
319. *Абабков А.В.* Право потерпевшего на судебную защиту // Вестник Московского университета. 1996. № 5. С. 84–93.
320. *Абросимова Н.А.* Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с населением в процессе предупреждения и расследования преступлений // Закон и право. 2001. № 8. С. 2–4.
321. *Авдеев Ю.И.* Основные тенденции современного терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 157–173.

322. *Александров Ю.* Уголовно-исполнительная система Российской Федерации. Обзор проблематики в цифрах и фактах // Правозащитник. 2001. № 1. С. 58–62.
323. *Алексеев А.И., Журавлев М.П., Миньковский Г.М.* Концептуальные проблемы уголовно-правовой и процессуальной защиты жертв преступлений // Актуальные проблемы управления и правового регулирования деятельности органов внутренних дел. М., 1994. С. 39–50.
324. *Алексеев В.И., Андреев В.Н., Семенченко И.Н.* Права лиц, содержащихся под стражей, гарантированы законом // Актуальные вопросы совершенствования законодательства и практики деятельности учреждений, исполняющих наказания, в условиях реформы уголовно-исполнительной системы. М., 1996. С. 81–86.
325. *Алиев Х.* Борьба с преступлениями террористической направленности // Законность. 2002. № 4. С. 2–8.
326. *Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Калманов Г.Б.* Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Гос. и право. 1996. № 10. С. 72–79.
327. *Аргунова Ю.Н.* Государственная защита экспертов, специалистов и других участников уголовного судопроизводства // Независимый психиатрический журнал. 2004. № 4 (<http://www.npag.ru/journal/2004/4/protection.php>).
328. *Арлакчи П.* Создание международных альянсов для борьбы с организованной преступностью // Организованная преступность, миграция, политика. М., 2002. С. 150–155.
329. *Арнольд Й.* Ограничения правового государства в германском уголовно-процессуальном праве // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. М.—Чикаго. 1999. № 3. С. 22–30.
330. *Аширбекова М.Т.* О правах потерпевшего на предварительном расследовании // Современные проблемы расследования преступлений. Волгоград, 1992. С. 59–61.
331. *Бабаева Э., Ефимов И.* Противодействие изменению показаний обвиняемыми и свидетелями // Законность. 1995. № 9. С. 5–8.
332. *Багаутдинов Ф.* Закон об адвокатуре: взгляд с другой стороны // Росс. юстиция. 2001. № 5. С. 8–10.
333. *Багаутдинов Ф.* Опознание // Законность. 1999. № 10. С. 19–23.
334. *Барabanов П.К.* Следует ли сохранить право ознакомления стороны защиты с материалами предварительного следствия (дознания) // Росс. юстиция. 2009. № 2. С. 40–43.

335. *Безнасюк А., Абабков А.* Государственная защита лиц, содействующих уголовному судопроизводству (зарубежный опыт, отечественные проблемы) // Росс. юстиция. 1997. № 8. С. 38–40.
336. Безопасность человека и преступность. Материалы научно-практической конференции // Гос. и право. 1995. № 12. С. 108–131.
337. *Берестнев Ю.* Меры общего характера. Влияние практики Европейского Суда на реформирование национальных правовых систем // Росс. юстиция. 2001. № 12. С. 65.
338. *Бецуков А.* Опознание по «фейсменеджеру» и видеозаписи // Законность. 2000. № 3. С. 29.
339. *Бойков А.Д.* Гласность и правосудие // Сов. гос. и право. 1989. № 8. С. 16–18.
340. *Бойченко Л.Д.* Кризисные центры в Норвегии, Швеции и Финляндии // <http://www.owl.ru/content/openpages/p52488.shtml>
341. *Борбат А.В., Гладких В.И., Гриб Н.Н.* Общая характеристика преступности и прогноз развития криминогенной ситуации на территории Московской области // Следователь. 1998. № 2. С. 14–16.
342. *Бормотова Л.В.* Проблемные вопросы практики применения мер безопасности в Оренбургской области // Безопасность бизнеса. 2006. № 2. С. 16–18.
343. Борьба с мафией в Италии // Борьба с преступностью за рубежом. М., 2000. № 5. С. 13–26.
344. *Бояров В.И.* Защита свидетелей в уголовном судопроизводстве // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 2. С. 129–133.
345. *Брусицын Л.В.* Международно-правовые и конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию // Гос. и право. 1996. № 3. С. 100–109.
346. *Брусицын Л.* Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК // Росс. юстиция. 2003. № 5. С. 48–50.
347. *Бурданова В.С., Гуняев В.А.* Программа раскрытия убийств, совершенных по найму // Южно-Уральские криминологические чтения. Вып. 7. Уфа, 1999. С. 12–19.
348. *Буянов А.О.* Уголовно-правовые и дисциплинарные меры предупреждения насилия среди осужденных к лишению свободы // Проблемы исполнения наказаний и деятельности уголовно-исполнительной системы. Сборник научных трудов. М., 1997. С. 60–67.
349. *Быков В.М., Журавлева Э.Г.* Защита прав потерпевших от преступлений — конституционный принцип уголовного процесса // Государ-

- ственно-правовые проблемы обеспечения и защиты прав граждан. Тверь, 1997. С. 56–64.
350. В области осуществляются мероприятия по защите свидетелей // <http://saratov.rfn.ru/gnews.html?id=2801&date=24-03-2005>
351. *Вандер М., Исаенко В.* Объективизация и защита доказательств по уголовным делам // Законность. 1996. № 10. С. 2–5.
352. *Вандышев В. В.* Воздействие на жертву преступления как средство побуждения ее к участию в противодействии расследованию // Человек против человека. СПб., 1994. С. 155–165.
353. *Ведерникова О.* Фонд для жертв преступлений // Соц. законность. 1990. № 11. С. 25–28.
354. Видеоконференцсвязь. Пять лет на службе правосудия // http://www.supscourt.ru/print_page.php?id=2500
355. *Вильдхабер Л.* Европейский Суд по правам человека как символ Европы // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. М., 2006. № 8.
356. *Вильдхабер Л.* Прецедент в Европейском Суде по правам человека // Европейский судебный вестник (пробный номер журнала). М., 2001. С. 5–12.
357. *Вильдхабер Л.* Прецедент в Европейском суде по правам человека // Гос. и право. 2001. № 12. С. 5–17.
358. *Власенко Н., Иванов А.* Опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение // Законность. 2003. № 6. С. 22–23.
359. *Власихин В.* Операция «АБСКЭМ». Жучки, маячки и жало в борьбе с коррупцией // Чистые руки. М., 1999. С. 39–52.
360. *Воеводин Л. Д.* Конституция России и проблемы уголовного права, уголовного процесса и судопроизводства. Материалы круглого стола // Гос. и право. 1994. № 8/9. С. 195–206.
361. *Воеводин Л. Д.* Конституция Российской Федерации и правовые отрасли: проблемы соотношения // Вестник Московского университета. 1994. № 5. С. 31–37.
362. Военная полиция: реальный шаг на пути реформ // Красная звезда. 1996. 28 нояб.
363. *Вои Ф. Л.* Меры по привлечению к сотрудничеству с органами правосудия лиц, участвующих или участвовавших в преступных группировках или иных преступных организациях // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 167–174.

364. *Волеводз А.Г.* Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференцсвязи // Военно-юридический вестник Приволжского региона: Сб. научных трудов. Вып. 1. Самара, 2003. С. 70–96.
365. *Волобуев А.Ф.* Противодействие расследованию экономических преступлений и его преодоление // Гос. и право. 2002. № 4. С. 42–47.
366. *Воложанин В.П.* Судебная реформа и принципы судопроизводства // Российский юридический журнал. 1996. № 4. С. 3–7.
367. *Ворожцов С.* Обеспечение процессуальной безопасности потерпевшего и свидетеля // Росс. юстиция. 1996. № 11. С. 25.
368. *Вяткин Ф., Зильберман С., Зайцев С.* Видеоконференцсвязь при рассмотрении кассационных жалоб // Росс. юстиция. 2000. № 6. С. 11–12.
369. В России на программу защиты свидетелей будет ежегодно выделяться \$25 млн // <http://main.news.izvestia.ru/index.cgi?id=99380&rubr=0&por=1>
370. *Гаврилов В.* 10 миллионов за Масхадова // Труд. 2005. № 044. 16 марта.
371. *Галактионов Е.А.* Угроза убийством... // Жизнь и безопасность. СПб., 1996. № 2. С. 28–35.
372. *Галушко Д.М.* Несовершеннолетние жертвы преступлений и культура возмещения причиненного им ущерба // Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002. С. 56–59.
373. *Гамаюнов И.* Кто защитит Геракла // Росс. газета. 2003. 26 марта.
374. *Гармаев Ю.П., Раднаев В.С.* Конфиденциальность свидания адвоката с клиентом: каковы ее пределы? // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 56–61.
375. *Гизатуллина А.* Нарковдова // <http://www.versia.bashinform.ru/show.php?i=99>
376. *Головко Л.В.* Реформа уголовного процесса во Франции // Гос. и право. 2001. № 8. С. 89–98.
377. *Гондолф Э.* США: Исследования насилия в семье // Правоведение. Известия вузов. 1997. № 3. С. 110–114.
378. *Гончаров В.Б., Кожевников В.В.* Проблемы безопасности участников уголовного процесса // Гос. и право. 2000. № 2. С. 49–56.
379. *Горобцов В.Н.* Организационно-правовые средства обеспечения постепенитенциарного воздействия в отношении отбывших уголовное

- наказание // Применение нового законодательства в области борьбы с преступностью. Домодедово, 1994. С. 120–122.
380. *Горяинов К.К.* Жертвы насилия и их защита // Человек против человека. СПб., 1994. С. 54–65.
381. *Гриднева М.* Насильник мил не будет // Московский комсомолец. 2001. 9 июля.
382. *Гришко Е.А.* Проблемы борьбы с преступными сообществами // Московский журнал международного права. 1999. № 1. С. 85–95.
383. *Громов Н.* Охрана прав и свобод, чести и достоинства граждан как принцип уголовного процесса // Правозащитник. 1998. № 2. С. 55–57.
384. *Громов Н.А., Николайченко В.В.* Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Гос. и право. 1997. № 7. С. 33–40.
385. *Грэхем П.* Меры, обеспечивающие защиту участников уголовного судопроизводства (защита потерпевших, лиц, содействующих правосудию, свидетелей, прокуроров и судей). Программы защиты свидетелей и органы, их осуществляющие — опыт Великобритании // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 154–159.
386. *Данилин Е., Серeda Е., Яковлева Л.* Отпуска осужденным // Преступление и наказание. 1997. № 2. С. 28–29.
387. *Де Сальвиа М.* Будущее Европейского Суда: интенсификация деятельности или реформирование системы? // Росс. юстиция. 2003. № 7. С. 7–11.
388. *Деева Е.* Мифы и факты в деле Холодова // Московский комсомолец. 2001. 8 июня.
389. *Демин А.* Контракты в сфере оперативно-розыскной деятельности // Росс. юстиция. 1997. № 6. С. 10–11.
390. Доклад Председателя Совета судей Российской Федерации. Материалы VI Всероссийского съезда судей // Росс. юстиция. 2005. № 1–2. С. 8–11.
391. *Долгова А.* Преступность и борьба с ней: законотворчество и теоретические устои // Уголовное право. 2001. № 4. С. 88–93.
392. *Дольник А.* Американский кошмар, или Усама бен Ладен и оружие массового уничтожения // Независимая газета. 2001. 18 сент.
393. *Дубриный В.А.* Общие положения механизма выбора уголовно-процессуальных средств // Вопросы уголовного процесса. Межвузовск. сб. научн. статей. Саратов, 1989. Вып. 4. С. 45–53.

394. *Дьячков В.* Адвокатов будут прослушивать // Итоги. 2001. № 45 (283). С. 8–9.
395. *Дюрягин И.Я.* Гласность и тайна в уголовном процессе // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 1995. № 4. С. 36–47.
396. Европейский Суд по правам человека: Избранные постановления 1999–2001 гг. и комментарий / Под ред. Ю.Ю. Берестнева и А.О. Ковтуна. М., 2002. 624 с.
397. *Евтехова Е.В.* Защита свидетелей и потерпевших // Амурская заря. 2002. 12 июня.
398. *Еникеев З.Д.* Проблемы развития законодательства об уголовно-процессуальном законодательстве // Российский юридический журнал. 1996. № 3. С. 56–61.
399. *Жевлаков Э.* О состоянии законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовное право. 2005. № 2. С. 94–96.
400. *Жумабеков О.И.* Проблемы защиты прав жертв преступлений в Казахстане // Прокурорская и следственная практика. 2000. № 3/4. С. 32–36.
401. *Зажицкий В.И.* Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Гос. и право. 1996. № 11. С. 92–98.
402. *Зажицкий В.И.* Связь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса // Гос. и право. 1995. № 6. С. 57–67.
403. Заключительный доклад на Европейском семинаре, посвященном проблеме лиц, сотрудничающих с правосудием // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 185–190.
404. Законодательство зарубежных государств. Обзорная информация. Вып. 4. М., 1991. 62 с.
405. Законодательство Италии о борьбе с организованной преступностью // Законность. 1993. № 11. С. 34–38.
406. *Замылин Е.И.* Социально-правовая природа безопасности в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 2 (11). С. 86–95.
407. Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений (сборник нормативных актов и официальных документов) / Под общ. ред. О.О. Миронова. М., 2003. С. 352.
408. Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М., 2003. 64 с.

409. Защита свидетелей полицией // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1993. № 9. С. 7–9.
410. *Иванов Л., Ляммих З.* О новеллах уголовного законодательства Германии, направленных на противодействие организованной преступности // Уголовное право. 1998. № 3. С. 105–113.
411. *Ильясов Р.Х.* Право личности на судебную защиту и его обеспечение Верховным Судом РФ в уголовном процессе // Юрист. 1997. № 11. С. 35–43.
412. Интервью с начальником Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России О.В. Зиминым // [http: www.mwd.ru/struct/10000153/10000225/6498/6498/](http://www.mwd.ru/struct/10000153/10000225/6498/6498/)
413. Интервью с начальником Управления по обеспечению охраны лиц, подлежащих государственной защите, О.В. Зиминым // [http: www.soprotivlenie.org/?id=53&eid=75&t=v](http://www.soprotivlenie.org/?id=53&eid=75&t=v)
414. Информационно-справочные материалы о деятельности подразделений государственной защиты (официальный сайт МВД РФ) // [http: www.mwd.ru/struct/10000153/10000227/](http://www.mwd.ru/struct/10000153/10000227/)
415. Информация прокуратуры Нижегородской области «О результатах обобщения практики применения мер безопасности участников уголовного процесса, предусмотренных УПК РФ» от 11 декабря 2003 г. исх. № 15–01–2003; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.
416. Информация Управления общественных связей Административного департамента, Правового департамента и Департамента по борьбе организованной преступностью и терроризмом МВД РФ «О реализации органами внутренних дел положений Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 10 февраля 2006 г. // [http: www.mvdinform.ru/index.php?docid=3891](http://www.mvdinform.ru/index.php?docid=3891).
417. *Ипполитов К.Х., Гончаров С.А.* Разрастание угрозы терроризма в регионе Северного Кавказа // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 105–119.
418. *Исаенко В.* Серийные убийства // Законность. 2002. № 6. С. 21–26.
419. Использование в Великобритании видеопозаказаний потерпевших при расследовании дел о преступлениях против детей // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1995. № 12. С. 3–5.
420. Исследование феномена насилия // Борьба с преступностью за рубежом. М., 2001. № 2. С. 35–40.

421. *Казакова В.А.* Новый закон об обеспечении социальной и правовой защиты свидетелей в ФРГ // Гос. и право. 2000. № 9. С. 74–80.
422. *Калинин Ю.И.* Краеугольная задача реформирования (доклад заместителя министра юстиции РФ на заседании Комиссии по правам человека при Президенте РФ) // Преступление и наказание. 2001. № 7. С. 3–7.
423. *Кашенов В.* О приоритетах в законодательстве об уголовном судопроизводстве // Уголовное право. М., 1998. № 3. С. 45–53.
424. *Квашиш В.* Преступность и правосудие: ответы на вызовы XXI века // Росс. юстиция. 2000. № 9. С. 34–35.
425. *Квашиш В., Вавилова Л.* Поможем жертвам преступлений // Росс. юстиция. 1994. № 4. С. 48–50.
426. *Келли К.М.* Запугивание потерпевших и свидетелей. Исследование проблемы и результаты // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 223–248.
427. *Кларк М.* Специальная группа помогает свидетелям // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 191–194.
428. *Ковалев А.И.* Тактика предъявления для опознания живых лиц // Актуальные проблемы правопедения в современный период. Томск, 1996. С. 183–184.
429. *Кожевников И.* Упорядочить полномочия следователя // Росс. юстиция. 1997. № 12. С. 22–23.
430. *Козина Т.В.* Актуальные проблемы гласности в судебном разбирательстве // Актуальные проблемы уголовного процесса. Тюмень, 1994. С. 3–10.
431. *Коконов С.И.* Герои среди нас // Ведомости Главной военной прокуратуры. 2003. № 1. С. 45.
432. *Колдин В.А., Громов Н.А., Соловьев В.В.* Некоторые аспекты создания новых организационных форм по борьбе с организованной преступностью // Межвузовский сб. научн. тр. Международная академия бизнеса и банковского дела. Серия: Юриспруденция. Тольятти, 1998. № 2. С. 33–36.
433. *Колмогоров В.В.* Задачи предварительного следствия органов прокуратуры в укреплении правопорядка в Российской Федерации // Прокурорская и следственная практика. 2000. № 1/2. С. 90–101.

434. Колоколов Н.А. Защита интересов жертв преступлений: возможные пути совершенствования процессуального закона // Юрист. М., 1999. № 2. С. 48–49.
435. Колоколов Н.А. Продление срока содержания под стражей в стадиях судебного разбирательства (ст. 255 УПК РФ): судебная практика // Уголовный процесс. М., 2008. № 11. С. 22–33.
436. Комиссаров В.И. Предъявление для опознания и допрос опознающих // Правоведение. Известия вузов. 2001. № 4. С. 170–176.
437. Комиссаров В. Предъявление для опознания живых лиц // Законность. 1994. № 9. С. 30–34.
438. Комиссаров В. Свидетель и потерпевший в уголовном судопроизводстве // Росс. юстиция. 1994. № 8. С. 50–51.
439. Комментарий к статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // http://creditors.chat.ru/EC_article6_comm.html — 81 с.
440. Кондратьев Е.Е. Новый УПК: защита свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса // Гос. и право. 2003. № 8. С. 48–53.
441. Конференция министров стран «восьмерки» по проблемам борьбы с транснациональной организованной преступностью // Прокурорская и следственная практика. 1999. № 3/4. С. 8–9.
442. Координация действий в борьбе с преступностью // Росс. юстиция. 1999. № 5. С. 36–39.
443. Коробейников В.Н. Организационные и тактические вопросы оперативно-розыскного обеспечения расследования преступления // Вестник Удмуртского университета. 1998. № 1. С. 108–113.
444. Королева М.В. Изменения преступности лиц, ранее совершавших преступления // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 128–133.
445. Коряковцев В.В. О расширении доказательственной базы в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1995. Вып. 2. С. 107–114.
446. Краткий анализ состояния преступности в России (январь—июль 2000 г.) // Росс. юстиция. 2000. № 10. С. 58–59.
447. Краткий анализ состояния преступности в России в 2001 году // Росс. юстиция. 2002. № 4. С. 77–78.
448. Кудряцев В.Н. Современные проблемы борьбы с преступностью в России. Доклад на заседании Президиума Российской академии наук // Вестник Российской академии наук. 1999. Том. 69. № 9. С. 790–797.

449. *Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д.* О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. Известия вузов. 2001. № 4. С. 162–170.
450. *Кутуев Э.К., Лебедев В.В.* Участие свидетеля в уголовном судопроизводстве: опыт совершенствования уголовно-процессуальной защиты при расследовании преступлений экономической направленности // Российский судья. 2008. № 10. С. 32–34.
451. *Кузнецов В.* Закон об охране потерпевших и свидетелей // <http://www.sotmovich.nnov.ru/archive/1207/>
452. *Кузьмин В.* Мой суд — моя крепость // Российская газета. 2009. 29 июля.
453. *Кузьмин С.* Тактика борьбы с преступными группировками в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. Рязань, 1994. № 1(2). С. 25–29.
454. *Кулаков Д.* Процессуальная защита свидетелей и потерпевших // Законность. 2000. № 4. С. 35–37.
455. *Кулешов Ю.И.* Пути совершенствования правовых средств защиты интересов правосудия на современном этапе // Актуальные проблемы уголовного права и правоприменительной деятельности органов внутренних дел в новых социально-политических условиях. М., 1992. С. 106–111.
456. *Куликов В.* Свидетелю положен автомат // Российская газета. 2002. 29 марта.
457. *Куракин А.В.* Административно-правовые средства противодействия коррупции в правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Гос. и право. 2008. № 5. С. 39–48.
458. *Курочкина Л.* Потерпевший и свидетель в уголовном судопроизводстве // Законность. 2009. № 3. С. 50–52.
459. *Курченко В.* Отказ от института народных заседателей оправдан // Росс. юстиция. 2004. № 1. С. 18–19.
460. *Куусимяки Р.* О статьях пятой и шестой Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Московский журнал международного права. 1997. № 4. С. 67–80.
461. *Ландау И.Л.* Видеозапись как эффективный способ фиксации и оценки доказательств // Проблемы уголовного судопроизводства в условиях правовой реформы. Калининград., 1991. С. 109–118.
462. *Лаптев П.А.* Европейский Суд по правам человека и российское правосудие // Интеграция и опыт правовых преобразований в условиях вызова мировому правопорядку: Сборник материалов Международ-

- ной научно-практической конференции (Москва, 17–18 октября 2003 г.) / Под. ред. Г.П. Давыдова. М., 2003. С. 123–128.
463. *Ларин А.М.* О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК // Социально-экономические и правовые проблемы восточно-сибирского региона на пороге третьего тысячелетия. Иркутск, 1998. С. 38–44.
464. *Лаусон Р.А., Шермерс Х.Г.* Обзор основных положений Европейской конвенции о защите прав и основных свобод (из книги «Избранные дела Европейского Суда по правам человека») // Бюллетень № 2. Правоохранительная деятельность и соблюдение прав человека. Научно-практический семинар, 3–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 124–127.
465. *Лебедев В.* От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы // Росс. юстиция. 2000. № 3. С. 2–5.
466. *Лебедев В.* Судейская беспристрастность и социальный контроль за судом // Росс. юстиция. 2001. № 7. С. 2–4.
467. *Левин А.А.* К вопросу об обязанностях и правах свидетеля в уголовном процессе // Правоведение. Известия вузов. 2000. № 1. С. 152–157.
468. *Лихачев С.* Нужно ли предоставлять отпуск осужденному? // Преступление и наказание. 1997. № 2. С. 32–33.
469. *Лукашова Е.А.* Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека. Материалы круглого стола // Гос. и право. 1994. № 10. С. 3–32.
470. *Лукашук И.И.* О применении международного права судами России // Гос. и право. 1994. № 2. С. 106–115.
471. *Лунеев В.* Патологическая анатомия организованной преступности // Уголовное право. М., 1999. № 2. С. 101–106.
472. *Лунеев В.В.* Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Гос. и право. 2000. № 4. С. 99–111.
473. *Лунеев В.В.* Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Гос. и право. 2009. № 1. С. 36–56.
474. *Лунеев В.В.* Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Гос. и право. 2002. № 2002. С. 35–39.
475. *Любичева С.* О состоянии преступности в России // Уголовное право. 1997. № 4. С. 81–88.
476. *Любичева С.Ф.* Защита потерпевшего от преступления: правовые аспекты // Юридический бюллетень предпринимателя. М., 1997. № 4. С. 5–40.

477. *Ляхович М.Б.* Кассационное обжалование судебных решений, принимаемых в ходе досудебного производства: статья 375 УПК РФ // Уголовный процесс. М., 2009. № 2. С. 11–18.
478. *Маевский В.* Допустимость доказательств, полученных органами дознания до возбуждения дела // Росс. юстиция. 2000. № 6. С. 37–39.
479. *Маевский В.* Организованной преступности можно противостоять // Законность. 1996. № 2. С. 7–10.
480. *Мазеин В.Т., Шевелев С.М.* Некоторые проблемы представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе и их процессуальной защиты // Российский следователь. 2001. № 3. С. 8–10.
481. *Максимов С.В.* Организованная преступность в России: состояние и прогноз развития // Юридический бюллетень предпринимателя. 1998. № 4. С. 121–128.
482. *Малько А.В.* Правовое государство (лекция) // Правоведение. Известия вузов. 1997. № 3. С. 137–146.
483. *Манаев Ю.В.* Применение норм гражданского и административного права в решениях по уголовному делу // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 32. М., 1980. С. 111–120.
484. *Маркин А.Н.* Некоторые вопросы процессуальной регламентации прослушивания телефонных и иных переговоров // Современные проблемы расследования преступлений. Волгоград, 1992. С. 81–83.
485. *Масленникова Л.* Обжалование ареста в суд: трудности практики // Законность. 1993. № 6. С. 37–42.
486. *Мельников А.* Судебные приставы — исполнительная власть // Росс. юстиция. 2000. № 4. С. 26–27.
487. *Мельниковский М.* Подсудимый имеет право допросить свидетеля обвинения // Росс. юстиция. 1997. № 8. С. 37.
488. *Мертен У.* Меры по защите уязвимых лиц, программы защиты свидетелей и органы, их реализующие // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 180–184.
489. *Меньших А.А.* Особенности расследования и рассмотрения дел о террористических преступлениях по законодательству зарубежных стран // Журнал российского права. 2004. № 2.
490. *Митц К.* Австрийская программа защиты свидетелей // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 249–250.

491. *Михлин А.С., Селиверстов В.И.* Проблемы правовой реформы в сфере исполнения наказаний // Гос. и право. 2002. № 6. С. 46–53.
492. *Михлин А.С., Яковлева Л.В.* О некоторых итогах специальной переписи осужденных 1999 года // Гос. и право. 2002. № 3. С. 39–47.
493. *Млечин Л.* Неудачники идут в свидетели // Известия. 1996. 10 янв.
494. *Мокрецов А.И.* Неформальная нормативная система в субкультуре осужденных // Актуальные вопросы совершенствования законодательства и практики деятельности учреждений, исполняющих наказания, в условиях реформы уголовно-исполнительной системы. М., 1996. С. 43–51.
495. *Морре П.* Права потерпевшего в ходе расследования (при ведении расследования прокуратурой) // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 4. С. 184–190.
496. *Москвитина Т.А., Соколов А.Ф.* Проблемы совершенствования уголовно-процессуальных норм, регламентирующих предварительное следствие, и практики их применения // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1997. С. 161–163.
497. *Назаркин И.В.* Причинный комплекс терроризма в современной России // Борьба с организованной преступностью и терроризмом. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. М., 1998. С. 199–207.
498. *Наумов А.В.* Проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации // Гос. и право. 1999. № 10. С. 45–51.
499. Началась подготовка к съезду судей // Росс. юстиция. 2000. № 7. С. 2–5.
500. *Невирко Д.Д.* Об анонимности свидетелей в уголовном процессе в контексте иерархии субъективных прав // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2003. С. 58–62.
501. *Нем К.* Правовое положение потерпевшего в рамках судебного процесса // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 4. С. 191–193.
502. *Никандров В.* Заинтересованные лица в уголовном процессе // Сов. юстиция. 1987. № 13. С. 20–22.
503. *Никандров В.И., Пономарев Г.Е.* Проблемы кассационной проверки постановления судьи по жалобе на арест // Труды Кировского филиала МГЮА. Киров, 1998. № 2. С. 46–52.
504. *Никешкин В.А.* Проблемы квалификации и доказывания преступлений, связанных с организованной преступностью // Следственная практика. М., 2002. № 1 (155). С. 244–255.

505. *Николайчик В.М.* Уголовное правосудие в США // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 6. С. 70–86.
506. О защите прав жертв преступлений в США // Проблемы преступности в капиталистических странах. М., 1990. С. 18–23.
507. О защите свидетелей в уголовном процессе // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1991. № 5. С. 37–43.
508. О случаях убийств детей в Швейцарии // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1993. № 11. С. 49–53.
509. Обеспечение безопасности свидетелей при угрозе преследования преступниками // Борьба с преступностью за рубежом. 2002. № 2. С. 27–35.
510. Обзор практики применения программ по защите свидетелей Канадской королевской конной полиции // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 345–352.
511. Обзорная справка прокуратуры Рязанской области о применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства (исх. № 15–916–03 от 15 декабря 2003 г.; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ).
512. Организованная преступность в ФРГ на этнической основе // Борьба с преступностью за рубежом. 2001. № 1. С. 25–34.
513. *Осипкин В.* В защиту прав потерпевшего // Законность. 2000. № 2. С. 34–35.
514. *Павличенко Н.В.* Допрос под псевдонимом субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности: проблемы согласования норм уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства // Оперативник (сыщик). М., 2009. № 2. С. 17–21.
515. *Пантелеева Н.* Необъявленная война // По ту сторону свободы: Очерки истории исполнительной системы Курганской области. Курган, 2003. С. 45.
516. *Парий А.* Защита прав жертв преступления в российском уголовном процессе // Правозащитник. М., 1997. № 1. С. 43–49.
517. *Петрищев В.Е.* Антитеррористическое законодательство за рубежом // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 217–234.
518. *Петрищев В.Е.* Российское законодательство: профилактика терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 200–216.

519. *Пешков М.* Прослушивание и электронное наблюдение в уголовном процессе США // Росс. юстиция. 1997. № 4. С. 55–56.
520. *Пешков М.А.* Мера пресечения — залог (правовой опыт судов США) // Законность. 1998. № 12. С. 47–52.
521. *Пищелко А.В., Дебольский М.Г.* Психолого-педагогические аспекты профилактики противоправного поведения осужденных // Социально-психологические проблемы организации исполнения уголовных наказаний. Домодедово, 1996. С. 14–24.
522. *Плоткин Д., Ищенко Е.* Борьба с бандитизмом: системный подход // Законность. 2001. № 11. С. 15–19.
523. *Плоткин Д.М.* Расследование тяжких преступлений, совершенных членами организованных преступных сообществ // Прокурорская и следственная практика. 2001. № 3/4. С. 205–212.
524. По количеству убийств Россия уступает только ЮАР // http://naviny.by/rubrics/criminal/2009/02/09ic_articles_123_161153
525. *Подольная М.* Доказывание по делам о преступлениях организованной группы // Сов. юстиция. 1990. № 2. С. 23–24.
526. Политика борьбы с преступностью и уголовное право в изменяющейся Европе // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1999. № 10. С. 23–36.
527. Полиция десяти стран Балтики — за единую систему защиты свидетелей // <http://rus.delfi.ee/archive.php?id=7033075>
528. Полиция и борьба с преступностью за рубежом (информационный сборник). М., 1991. 206 с.
529. *Полозова А.* В суд — под чужим лицом // Областная газета. Свердловск, 2005. 26 авг.
530. *Пономарев Г., Никандров В.* Лжесвидетельство — угроза правосудию // Сов. юстиция. 1991. № 18. С. 8–9.
531. *Пономаренков В.А., Николайченко В.В., Громов Н.А.* Процессуальная форма доказывания // Следователь. 1998. № 9. С. 27–35.
532. *Попов В.И.* Рецидив и организованная преступность. М., 1998. 192 с.
533. Постановление V Всероссийского съезда судей «О судебных приставах по обеспечению установленного порядка деятельности судов» // Росс. юстиция. 2001. № 2. С. 5–6.
534. Постановление VII Всероссийского съезда судей от 4 декабря 2008 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» // Росс. юстиция. 2009. № 1. С. 44–54.

535. Постановление Конференции судей г. Санкт-Петербурга от 19 ноября 1999 г. // Росс. юстиция. 1999. № 2. С. 2–3.
536. Постановление Совета судей РФ от 20 апреля 2001 г. «О ходе исполнения Федерального закона «О судебных приставах» // Росс. юстиция. 2001. № 7. С. 10.
537. Право и дело (интервью с Председателем Верховного Суда РФ В. Лебедевым) // Профиль. 2001. № 20. С. 20–24.
538. Правовые основы защиты свидетелей в Австрии // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 251–252.
539. *Прадэль Ж.* Защита свидетелей от давления. Аспекты французского уголовного права // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 215–222.
540. Предложения по снижению числа убийств и актов бытового насилия в США // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1998. № 3. С. 39–48.
541. Предупреждение неправомерных действий, связанных с угрозами свидетелям по делам об организованной преступности и незаконному обороту наркотиков (доклад Министерства юстиции США, ноябрь 1996 г.) // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 257–302.
542. Приветствие Председателя Европейского суда по правам человека Л. Вильдхабера V Всероссийскому съезду судей // Росс. юстиция. 2001. № 2. С. 7.
543. Приложение к решению Ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ от 25 ноября 1998 г. // Проблемы защиты жертв преступлений. М., 1999. С. 80–81.
544. *Пристанская О. В.* Применение уголовно-правовых норм, направленных против жестокого обращения с несовершеннолетними // Журнал российского права. 2001. № 8. С. 112–122.
545. Проблемы укрепления законности и борьбы с преступностью на региональном уровне (наркотики и преступность). Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право на рубеже веков (материалы международной научно-практической конференции) // Гос. и право. 2000. № 4. С. 112–115.
546. Проверка показаний свидетеля «со слуха» // Борьба с преступностью за рубежом. М., 2000. № 9. С. 18–22.

547. Программа защиты свидетелей — мощное оружие в борьбе с наркотиками // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 195–200.
548. *Пронников В.В., Нечепуренко А.А.* Содержание условного осуждения и пути оптимизации его назначения // Росс. юстиция. 2007. № 7. С. 37–39.
549. Процессуальная защита свидетелей обвинения в ФРГ // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1991. № 11. С. 38–43.
550. Работа судов общей юрисдикции в 1999 году // Росс. юстиция. 2000. № 7. С. 57–60.
551. *Радченко В.* Борьба с преступностью как часть социальной политики // Законность. 2008. № 10. С. 35–39.
552. Рекомендации Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России» // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–20 апреля 2002 г.). Вып. 1. М., 2002. С. 444–453.
553. Рекомендации о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров (приняты на Всероссийском совещании 24 декабря 2002 г.) // Росс. юстиция. 2003. № 3. С. 6–8.
554. Реорганизация службы условно-досрочного освобождения в Великобритании // Борьба с преступностью за рубежом. 2002. № 11. С. 22–25.
555. *Ривз Х.* Великобритания: забота о пострадавших // Преступление и наказание. 1993. № 4/5. С. 46–48.
556. *Рисдал Р.* Проблемы защиты прав человека в объединенной Европе // Защита прав человека в современном мире. М., 1993. С. 122–133.
557. *Рогова О.И.* Некоторые аспекты проявления диспозитивности в деятельности свидетелей // Применение нового законодательства в области борьбы с преступностью. Домодедово. 1994. С. 72–75.
558. *Романова Л.* Депутаты готовятся одобрить судебную реформу // Независимая газета. 2001. 18 мая.
559. *Рыбак М.С.* Социальная адаптация лиц, освобожденных от наказания // Вестник Саратовской государственной академии права. 1998. № 4. С. 43–48.

560. *Рыжков Ю.М.* Проблемы предупреждения организованной преступности и наркомании // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–20 апреля 2002 г.) Вып. 1. М., 2002. С. 134–144.
561. *Рылова Э.* Жизнь и смерть «казанского феномена». Лидеры оргпреступности Казани получили пожизненный срок // Росс. газета. 2002. 5 февр.
562. *Сальников М.В.* Право и закон в правовом государстве // Правоохранительная деятельность и правовое государство. СПб., 1995. С. 14–24.
563. *Сафир Г.* Программа защиты свидетелей в Соединенных Штатах Америки // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 201–207.
564. Сдавать криминальных «авторитетов» станет безопаснее // http://www.cursorinfo.ru/novosti/2004/09/12/witness_protection
565. *Селиверстов В.И., Пяткевич И.Н.* Краткосрочные выезды осужденных за пределы мест лишения свободы: теоретические и прикладные вопросы // Проблемы исполнения наказаний и деятельности уголовно-исполнительной системы. М., 1997. С. 4–13.
566. *Селянин А.Н.* О некоторых аспектах психологической характеристики личности преступников, совершающих убийства по найму // Актуальные проблемы правовой науки и практики. Сб. научн. тр. Кемерово, 1999. С. 444–450.
567. *Семенова Д.* Теперь голоса свидетелей в России будут изменять // <http://www.utro.ru/articles/2005/03/21/419830.shtml>
568. *Сильнов М.А.* К вопросу о допустимости использования цифровых технологий в доказывании при расследовании преступлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 1998. № 3/4. С. 103–104.
569. *Скобликов П.А.* К вопросу о создании в России самостоятельной федеральной службы для борьбы с организованной преступностью // Гос. и право. 2000. № 2. С. 22–29.
570. *Смирнов А.В.* Достаточность фактических оснований уголовно-процессуальных решений // Правоведение. Известия вузов. 1983. № 5. С. 80–86.
571. *Солдатенко В.Ф.* Проблемы расследования преступлений, совершаемых организованными группами // Российское законодательство и

- правоприменительная деятельность органов внутренних дел. Ростов-на-Дону, 1995. С. 101–102.
572. Справка прокуратуры Иркутской области «О применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства» от 10 декабря 2003 г. исх. № 15/5–2–2003–385 сл.; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.
573. Справка прокуратуры Свердловской области «О применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного процесса» от 15 декабря 2003 г. исх. № 15/2–12–03; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.
574. Справка Управления по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами Генеральной прокуратуры РФ о применении норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства от 24 декабря 2003 г. исх. № 12/12–03; архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.
575. Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Европейский судебный вестник (пробный номер журнала). М., 2001. С. 15–30.
576. *Стефанович С.С., Смирнов В.А.* Состояние и меры противодействия преступности в крупных городах зарубежных государств // Криминологические проблемы борьбы с преступностью в сверхкрупном городе. М., 1994. С. 93–105.
577. *Стулин О.* Как препятствовать противодействию расследованию // Законность. 2000. № 2. С. 26–27.
578. *Стулин О.Л.* Классификация видов противодействия // Российский следователь. М., 1999. № 5. С. 37–41.
579. Судебная реформа в России: пределы и возможности. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 5. М., 2001. 112 с.
580. Судья пожалел «вора в законе» (информация о пленарном заседании Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации) // Росс. юстиция. 2000. № 2. С. 55–56.
581. *Сукало В.О.* Правосудие и проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией в Республике Беларусь // Прокурорская и следственная практика. 2001. № 1/2. С. 37–43.
582. *Сумин А.* Вопросы борьбы с терроризмом // Законность. 1999. № 11. С. 2–5.

583. *Сурков К. В.* Некоторые вопросы ограничения прав и свобод личности в условиях борьбы с тяжкими преступлениями // Правоохранительная деятельность и правовое государство. СПб., 1995. С. 142–146.
584. Существенные разделы общих докладов Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Бюллетень № 2. Правоохранительная деятельность и соблюдение прав человека. Научно-практический семинар, 3–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 64–120.
585. *Так П. Й.* Система уголовного правосудия в Нидерландах в свете новой уголовной политики // Вестник Московского университета. 1997. № 1. С. 57–76.
586. *Таран А. С.* Некоторые аспекты обеспечения в уголовном процессе РФ международных стандартов в области прав человека // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции 18–19 декабря 2002 г., г. Самара. Самара, 2003. С. 150–158.
587. *Тарбагаев А. Н.* Исторические корни и современное состояние института условного осуждения в российском уголовном праве // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 1998. С. 36–53.
588. *Тепляшин П. В.* Parole: английская модель досрочного освобождения от отбывания тюремного заключения // Правоведение. Известия вузов. 2003. № 6. С. 107–118.
589. *Тертышник В., Щерба С.* Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения // Уголовное право. 2001. № 4. С. 73–79.
590. *Тетерин Б.* Законопроект не учел мнение юридической общественности // Росс. юстиция. 1994. № 12. С. 16–17.
591. *Тетерин И.* Зал для мафии // Росс. газета. 1997. 4 нояб.
592. *Тихомиров Ю. А.* Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 3–12.
593. *Толстик В. А.* Общеизвестные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 67–77.
594. *Трухачев В. В.* Принципы криминалистической деятельности, направленной на предупреждение и разоблачение сокрытия преступлений // Расследование преступлений: вопросы теории и практики. Воронеж, 1997. Вып. 7. С. 39–50.

595. *Туйков В., Ковалев Л.* Развитие прокуратуры: взгляд из региона // Законность. 2000. № 4. С. 18–20.
596. *Турчин Д.А.* Против анонимного правосудия (заметки на полях одного законодательного проекта) // Социально-экономические и правовые проблемы восточно-сибирского региона на пороге третьего тысячелетия. Иркутск, 1998. С. 46–48.
597. *Тушев А.А.* Действие принципов и норм международного права в уголовно-процессуальном законодательстве России // Юридическая наука в Кубанском государственном университете. Краснодар, 1995. С. 247–251.
598. Углубление социального контроля преступности — одна из предпосылок решения социально-экономических проблем (материалы круглого стола) // Гос. и право. 1999. № 9. С. 60–86.
599. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации // Росс. юстиция. 2002. № 5. С. 73–74.
600. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации // Росс. юстиция. 2000. № 9. С. 61–62.
601. *Упоров И.* Пределы и характер ограничений прав осужденных // Правозащитник. 1998. № 1. С. 43–51.
602. Усиление международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью // Борьба с преступностью за рубежом. М., 1999. № 11. С. 16–34.
603. *Федотов И.* Актуальные вопросы обеспечения безопасности малолетних, потерпевших от насильственных преступлений // Уголовное право. 2009. № 3. С. 111–116.
604. *Филиппов А.Г.* Использование помощи общественности и граждан в борьбе с организованной преступностью // Вопросы организованной преступности и борьбы с ней. М., 1993. С. 54–58.
605. *Филиппов В.* Юстиция умывает руки // Известия. 1997. 24 окт.
606. *Фоков А.П.* Конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод граждан в современном уголовно-процессуальном законодательстве Франции // Гос. и право. 2001. № 2. С. 71–74.
607. *Францифоров Ю.* Терроризм вчера и сегодня // Правозащитник. 1999. № 4. С. 27–31.
608. *Халиков А.* Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2008. № 4. С. 121–125.
609. *Хайруллин Ф.А.* Опыт и рекомендации по обеспечению безопасности свидетелей и потерпевших в уголовном процессе // Прокурорская и следственная практика. 2000. № 1/2. С. 116–124.

610. *Хитрова О.* Тенденции и перспективы развития института понятий // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.—Тюмень, 1996. С. 53—57.
611. *Хьертенберг Дж.* Вопросы соблюдения прав человека в связи с применением мер поощрения лиц, содействующих уголовному судопроизводству, и мер обеспечения их защиты // Зарубежный опыт правового регулирования и практика его применения по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства... С. 160—167.
612. *Центров Е.* Наводящий вопрос и оглашение показаний на допросе // Росс. юстиция. 2003. № 4. С. 28—30.
613. *Чанкова Д. И.* Проблемы и тенденции в развитии болгарского уголовно-процессуального законодательства // Гос. и право. 2000. № 10. С. 98—103.
614. *Чекулаев Д.* Применение мер безопасности в отношении потерпевших и других участников процесса // Законность. 2005. № 5. С. 30—32.
615. *Чельшева О. В.* Психологические особенности следственных действий с участием малолетних потерпевших // Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. СПб., 1997. Вып. 2. С. 95—97.
616. *Чуглазов Г.* Срок между окончанием следствия и направлением дела в суд // Законность. 1999. № 5. С. 30—32.
617. *Шейфер С. А.* Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Гос. и право. 2003. № 2. С. 55—60.
618. *Шейфер С. А.* Проблемы правовой регламентации доказывания в уголовно-процессуальном законодательстве РФ // Гос. и право. 1995. № 10. С. 97—103.
619. *Шешуков М. П.* Латвийское законодательство о защите лиц, содействующих правосудию по уголовным делам // Гос. и право. 1999. № 2. С. 84—88.
620. *Шишов Е.* Об использовании специальных познаний для получения криминалистически значимой информации в ходе расследования // Уголовное право. 2001. № 4. С. 80—82.
621. *Шкрябач С. Я.* Состояние борьбы с серийными убийствами и проблемы их раскрытия и расследования // Следственная практика. 2003. № 4. С. 18—29.
622. *Шмаров И., Агамов Г.* Европейские правила обращения с заключенными и Уголовно-исполнительный кодекс России // Законность. 1997. № 11. С. 2—6.

623. *Шредер Ф.* Гласность в западногерманском уголовном судопроизводстве // *Материалы IV советско-западногерманского симпозиума по проблемам криминологии, уголовного права и процесса.* Киев., 1990. С. 69–75.
624. *Эминов В.Е., Максимов С.В.* Прогноз развития организованной преступности в России на период до 2000 г.: общие оценки // *Труды Московской государственной юридической академии.* М., 1997. № 2. С. 119–132.
625. *Яблоков Н.П.* Общеметодические проблемы оперативно-розыскной деятельности в борьбе с организованной преступностью // *Вестник Московского университета.* 1996. № 2. С. 45–53.
626. *Яблоков Н.П.* Проблемы методики расследования преступлений, совершенных организованными преступными сообществами // *Вестник Московского университета.* 1993. № 5. С. 21–27.
627. *Якимович Ю.К.* Проект УПК и процессуальное положение потерпевшего // *Проблемы защиты жертв преступлений.* М., 1999. С. 17–19.
628. *Ялунин В.У.* Уголовно-исполнительная система: проблемы и задачи // *Закон и право.* 1999. № 3. С. 13–17.
629. *Venes S.* Pravne aspekty ochrany svedka // *Pravny obzor.* Bratislava., 1997. Roc. 80, c. 2. S. 184–190.
630. *Bohlander M.* Der Einsatz von Videotechnologie bei der Vernehmung kindlicher Zeugen im Strafverfahren: Eine rechtsvergleichende Betrachtung der Modelle Englands, der USA und Australiens // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft.* B. 1995. Bd. 107. № 1. S. 82–116.
631. *Brockler L.* Der Schutz Kindlichen Opferzeugen // *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform.* Köln etc. 1996. Jg. 79. H. 6. S. 406–425.
632. *Chiavario M.* Aperçus sur la procedure d' audience en Italie entre reforme et «post-reforme» // *Revue de science criminelle et de droit penal compare.* Paris, 1994. № 2. P. 207–215.
633. *Davies G.* Children in the Witness Box: Bridging the Credibility Gap // *Sydney Law review.* Sydney, 1993. Vol. 15. № 3. P. 283–291.
634. *Gosk Z.* Zaris instytucji swiadka anonimowego w polskiej procedurce karnej na tle rozwiazan europejskich // *Palestra.* Warszawa, 1996. № 9/10. S. 66–77.
635. *Heine G.* Zur Recht und Praxis des Spannungsfeldes von Zeugen im schweizerischen Strafverfahren // *Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht.* Bern, 1992. Bd. 109. H. 1. S. 53–76.

636. *Hofmański P.* Glosa do wyroku Sądu Najwyższego z 9 listopada 1999 r. II KKN 295/98 // *Palestra*. Warszawa, 2000. № 2/13. S. 211–222.
637. *Hünerefeld P.* Zeugenschutz durch Verkürzung oder Vorenthaltung von Angaben zur Person des Zeugen // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. B., 1993. Bd. 105. № 2. S. 396–404.
638. *Joset P., Ruckstuhl N.* V-Mann-Problematik aus der Sicht der Verteidigung // *Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht*. Bern, 1993. Bd. 111. H. 4. S. 355–374.
639. *Keenan C., Davis G., Hoyano L., Maitland L.* Interviewing Allegedly Abused Children with a View to Criminal Prosecution // *Criminal Law review*. London, 1999. November. P. 863–873.
640. *Kertesz I.* A tanu vedelemre szorul // *Magyar Jog*. Budapest. 1993. 4. sz. 193–199 old.
641. *Killias M.* La LAVI comme fruit de recherches sur les attentes et les difficultes des victimes // *Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht*. Bern, 1993. Bd. 111. H. 4. P. 397–412.
642. *Legeais R.* L' utilisation de temoignages sous forme anonime ou deguisee dans la procedure des juridictions repressives // *Revue internationale de droit compare*. Paris, 1998. A. 50. № 2. P. 711–718.
643. *Lemonde M.* La Protection des temoins devant les tribunaux francais // *Revue de science criminelle et de droit penal compare*. Paris, 1996. № 4. P. 815–821.
644. *McGough L.S.* Good enough for Government work: the Constitutional duty to preserve forensic interviews of child victims // *Law and Contemporary Problems* — Durham, 2002. Vol. 665. № 1. P. 179–208.
645. *Meier B.D.* Zwischen Opferschutz und Wahrheitssuche // *Juristenzeitung*. Tübingen, 1991. № 13. S. 638–645.
646. *Paprzycki L.* Świadek anonimowy — standard europejski a realia postępowania karnego // *Palestra*. Warszawa, 2002. № 1/2. S. 18–31.
647. *Seitz H.* Das Zeugenschutzgesetz — ZSchG // *Juristische Rundschau*. Berlin, 1998. H. 8. S. 309–313.
648. *Tapper C.* Hearsay in Criminal Cases: An Overview of Law Commission Report № 245 // *Criminal Law review*. London, 1997. November. P. 771–784.
649. *Thielmeyer L.H.* Beyond Maryland v. Craig: Can and Should Adult Rape Victims Be Permitted to Testify by Closed-Circuit Television? // *Indiana Law journal*. Bloomington, 1992. Vol. 67. № 3. P. 797–816.
650. *Weder U.* Das Opfer, sein Schutz und seine Rechte im Strafverfahren unter besonderer Berücksichtigung des Kantons Zürich // *Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht*. Bern, 1995. Bd. 113. H. 1. S. 39–55.

651. *Wiliński P.* Głosa do wyroku Sądu Najwyższego z 9 listopada 1999 r. II KKN 295/98 // *Palestra*. Warszawa, 2001. № 7/8. S. 221–230.
652. *Wiliński P.* Prawo do obrony a dowód z zeznań świadka incognito w polskim procesie karnym // *Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny*. Poznań, 2003. Rok LXV-zeszyt 4. S. 27–42.
653. *Zielińska A.* Wybrane zagadnienia obrony niezbędnej w nowym Kodeksie postępowania karnego // *Palestra*. Warszawa, 1999. № 5/6. S. 38–43.
654. Oversight of the Department of justice witness security program: Hearing bevore the Committee on the judiciary US Senate, 104 th Congr., 2 nd session on The effectiveness of the Department of justice witness security program created under the organized crime act of 1970 to protect witnesses who testify against traditional organized crime figures, June 18, 1996, Serial № J. 104-87. Washington, 1997. 73 p.
655. Witness intimidation: Showdown in the streets — breakdown in the courts: Hearing bevore the Subcommittee on crime and criminal justice of the Committee on the judiciary, House of representatives one hundred third congress second session, August 4, 1994, Serial № 81. Washington, 1994. 94 p.
656. Witness protection programs in America: Hearing bevore the Subcommittee on crime of the Committee on the judiciary, House of representatives, 104 th Congr., 2 nd session, Nov. 7, 1996. Washington, 1999. 53 p.
657. *Беленски Р.* Някои аспекти на процесуалната организация на разпита на защитен свидетел по чл. 97а от НПК // *Съвременно право*. София, 1999. Г. X. Кн. 1. С. 55–64.
658. *Маринова Г.* Свидетел с тайна самоличност // *Съвременно право*. София, 2006. Г. XVII. Кн. 2. С. 42–55.
659. *Смирнов М.И.* Дистанционное проведение допроса: перспективы развития // *Правова держава очима молодих дослідників: Матеріали 4-ї звітної щорічної студентської конференції*. Одеса, 2001. С. 181–189.
660. *Чинова М.* Защитата на свидетел — обща характеристика // *Съвременно право*. София, 1999. Г. X. Кн. 6. С. 56–66.

VIII. Диссертации и авторефераты

661. *Авдеев М.А.* Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.

662. *Акрамходжаев Б. Т.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1992. 212 с.
663. *Андреева О. И.* Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: Дисс. ... докт. юрид. наук. Томск, 2007. 443 с.
664. *Базюк М. Л.* Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: Дисс. ...канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 226 с.
665. *Бадаиханов В. И.* Народный элемент в уголовном судопроизводстве в современных условиях: Дисс. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1993. 238 с.
666. *Белоцерковский С. Д.* Рэкет: криминологическая характеристика. Меры общего и специального предупреждения: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. 190 с.
667. *Беляев М. В.* Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы расследования и судебного разбирательства дел о бандитизме: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. 186 с.
668. *Блинников В. А.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты лжесвидетельства: Дисс. ...канд. юрид. наук. Ставрополь, 1998. 161 с.
669. *Бобраков И. А.* Воздействие преступников на свидетелей и потерпевших и криминалистические методы его преодоления: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. 210 с.
670. *Бобровский И. В.* Социальная обусловленность квалифицированного вымогательства и его расследование: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1996. 175 с.
671. *Божьев В. П.* Уголовно-процессуальные правоотношения: Дисс. ...докт. юрид. наук в форме научн. доклада, выполняющего также функции автореферата. М., 1994. 39 с.
672. *Брусницын Л. В.* Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. 185 с.
673. *Булатов В. А.* Обеспечение следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей: Дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 223 с.
674. *Бурыка Д. А.* Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2005. 235 с.

675. *Буянов А. О.* Предупреждение насилия в среде осужденных к лишению свободы: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1996. 22 с.
676. *Быков А. Г.* Первоначальный этап расследования вымогательств, совершенных группами лиц: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1994. 185 с.
677. *Вавилова Л. В.* Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995. 215 с.
678. *Валеев М. Х.* Криминалистическая характеристика и особенности первоначального этапа расследования вымогательств: Дисс. ...канд. юрид. наук. Уфа, 1997. 282 с.
679. *Варфоломеев Е. В.* Противодействие расследованию убийств, совершаемых военнослужащими, и криминалистические методы его преодоления: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2002. 184 с.
680. *Василенко Н. Н.* Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе России: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2005. 205 с.
681. *Верещагин В. А.* Прогнозирование и профилактика противоправного поведения осужденных в местах лишения свободы: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. 36 с.
682. *Войников В. В.* Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: Дисс. ...канд. юрид. наук. Калининград, 2002. 185 с.
683. *Воронцов А. В.* Совершенствование взаимоотношений милиции и населения: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. 160 с.
684. *Галактионов Е. А.* Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1993. 145 с.
685. *Галимов И. Г.* Проблемы борьбы с организованной преступностью: Дисс. ...канд. юрид. наук. Казань, 1998. 226 с.
686. *Галимов О. Х.* Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием малолетних: Дисс. ...канд. юрид. наук. Омск, 1997. 233 с.
687. *Глазырин В. Ф.* Особенности расследования «заказных» убийств на начальном этапе (отдельные аспекты): Дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 159 с.
688. *Гребенчикова Л. А.* Уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. 199 с.
689. *Гринько С. Д.* Борьба с терроризмом и захватом заложника (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1998. 34 с.

690. *Девятова О.В.* Решения Европейского Суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования: Дисс. ...канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. 287 с.
691. *Дынник С.В.* Правовые и организационно-тактические основы документирования преступной деятельности по сбыту наркотиков: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. 162 с.
692. *Елеськин М.В.* Криминологические проблемы борьбы с организованной преступностью в исправительных учреждениях: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. 219 с.
693. *Епихин А.Ю.* Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995. 212 с.
694. *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: Дисс. ...докт. юрид. наук. М., 1999. 446 с.
695. *Зайцев О.А.* Теория и практика участия свидетеля в уголовном процессе: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1993. 250 с.
696. *Золотарев А.С.* Теоретические и практические проблемы расследования корыстно-насильственной организованной преступной деятельности: Дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 244 с.
697. *Игнатьева М.В.* Процессуальные и организационные вопросы соблюдения прав и законных интересов потерпевших и обеспечение их личной безопасности: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2000. 229 с.
698. *Каковкин М.С.* Участие свидетеля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: Дисс. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 175 с.
699. *Канафин Д.К.* Проблемы процессуальной формы судопроизводства по делам об организованной преступности: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. 180 с.
700. *Кирюшина О.М.* Предварительное расследование уголовных дел о взяточничестве (процессуальные и тактические аспекты): Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. 25 с.
701. *Князев В.В.* Правовые и организационные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков за рубежом. Автореф: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. 30 с.
702. *Козловский А.Б.* Участие общественности в борьбе с правонарушениями: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. 153 с.
703. *Ковтун Ю.А.* Обеспечение прав и законных интересов личности при контроле и записи переговоров: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2006. 166 с.

704. *Колдин С.В.* Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 235 с.
705. *Корнуков В.М.* Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: Автореф: дисс. ...докт. юрид. наук. Харьков, 1987. 35 с.
706. *Крайнов В.И.* Особенности государственной защиты потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. 198 с.
707. *Краснюк Г.П.* Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: Дисс. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 208 с.
708. *Кузьмин Р.П.* Психология предварительного расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях: Дисс. ...канд. психолог. наук. СПб., 2003. 240 с.
709. *Кузьмина С.С.* Лжесвидетельство (уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты): Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 1991. 207 с.
710. *Лакаева О.А.* Особенности допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами: Дисс. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 196 с.
711. *Левченко О.В.* Уголовно-процессуальные меры безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, содействующих правосудию: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. 189 с.
712. *Лившиц Л.В.* Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних: Дисс... канд. юрид. наук. Уфа, 1998. 251 с.
713. *Лившиц Ю.Д.* Теоретические проблемы воспитательного воздействия советского уголовного судопроизводства: Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. М., 1977. 33 с.
714. *Литвинцева Н.А.* Процессуальный статус свидетеля в российском уголовном судопроизводстве: Дисс. ...канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 205 с.
715. *Лютынский А.М.* Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы: Дисс. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 198 с.
716. *Мальцева Н.В.* Правовое регулирование обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей из числа осужденных к лишению свободы: Дисс. ...канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 230 с.

717. *Марченко С.Л.* Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1994. 182 с.
718. *Меньших А.А.* Законодательство о борьбе с терроризмом во Франции — гарантия государственной защиты прав личности: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2000. 131 с.
719. *Меринов Э.А.* Реализация института недопустимости доказательств в уголовном судопроизводстве (теория и практика): Дисс. ...канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 199 с.
720. *Мешкова В.С.* Изобличение лидера (организатора) преступной группы в ее создании и руководстве: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. 166 с.
721. *Мешкова В.С.* Изобличение лидера (организатора) преступной группы в ее создании и руководстве преступной деятельности: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. 23 с.
722. *Минеева Г.П.* Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1993. 21 с.
723. *Минеева Г.П.* Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1993. 197 с.
724. *Москаленко А.В.* Особенности государственной защиты участников уголовного процесса в ходе судебного разбирательства: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2006. 186 с.
725. *Муравин А.Б.* Проблемы мотивировки процессуальных решений следователя: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Харьков, 1987. 20 с.
726. *Никитина Е.В.* Проблема совершенствования средств доказывания: Дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 229 с.
727. *Новикова М.В.* Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: Дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 234 с.
728. *Новичков В.Е.* Применение уголовно-правовых норм, поощряющих или обязывающих граждан оказывать помощь правоохранительным органам: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1991. 185 с.
729. *Пастухов П.С.* Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России (досудебное производство): Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. 202 с.
730. *Полстовалов О.В.* Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе: Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2009. 55 с.

731. *Пяткевич И.И.* Выезды осужденных к лишению свободы за пределы исправительных учреждений: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. 24 с.
732. *Самолаева Е.Ю.* Теория и практика предъявления для опознания людей: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2003. 205 с.
733. *Сильнов М.А.* Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1998. 208 с.
734. *Скурту И.Г.* Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних: Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 1996. 216 с.
735. *Сморчков А.И.* Обоснованность правоприменительного решения (теоретико-управленческий аспект): Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1989. 24 с.
736. *Стражевич Ю.Н.* Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 22 с.
737. *Стулин О.Л.* Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 1999. 171 с.
738. *Тимошенко А.А.* Сохранение в тайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как уголовно-процессуальная мера безопасности: Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 2006. 221 с.
739. *Тирских Г.И.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с вымогательством: Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 1996. 160 с.
740. *Тихонов А.К.* Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевшего и свидетеля: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1995. 196 с.
741. *Томилова Н.С.* Принципы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2009. 181 с.
742. *Трухачев В.В.* Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: Дисс. ...докт. юрид. наук. Воронеж, 2001. 477 с.
743. *Тямкин А.В.* Теоретические основы, организационно-правовые и тактические проблемы государственной защиты прав личности в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел России: Дисс. ...докт. юрид. наук. Воронеж, 2005. 367 с.

744. *Фадеева М.П.* Теория и практика государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2006. 192 с.
745. *Хаклендер У.* Борьба с организованной преступностью в Федеративной Республике Германии (оперативно-розыскной аспект): Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1996. 217 с.
746. *Хачаровев Х.Д.* Организация и тактика оперативно-розыскного обеспечения расследования корыстно-насильственных преступлений: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1997. 202 с.
747. *Чорный В.М.* Безопасность осужденных в условиях лишения свободы: Дисс. ...канд. юрид. наук. Рязань, 1996. 250 с.
748. *Шапакидзе В.Я.* Обеспечение процессуальной безопасности частных лиц в досудебном уголовном производстве: Дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 239 с.
749. *Шапошников А.Ю.* Криминалистическая характеристика преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота наркотических средств: Дисс. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 285 с.
750. *Шевченко К.Д.* Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2004. 242 с.
751. *Шевчук И.В.* Уголовно-процессуальные, психологические и тактические аспекты предъявления для опознания лиц на предварительном следствии: Дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 229 с.
752. *Шестакова С.Д.* Проблемы состязательности в российском уголовном процессе: Дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 1998. 184 с.
753. *Юнусов А.А.* Обережение участников уголовного процесса и их близких: Дисс. ...канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1998. 168 с.
754. *Янин С.А.* Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: Дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 189 с.

IX. Комментарии, учебники, учебные, методические и научно-практические пособия

755. *Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие.* М., 2001. 536 с.

756. *Балибалова Д.И., Глуценко П.П., Тихомирова Е.М.* Социально-правовая защита женщин. Предотвращение насилия в отношении женщин и детей: Научно-методическое пособие. СПб., 2001. 179 с.
757. *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 656 с.
758. *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм. / Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск, 2004. 352 с.
759. *Брусницын Л.В.* Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства. М., 2009. 304 с.
760. *Брусницын Л.В.* Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. Методические рекомендации. М.: НИИ при Генеральной прокуратуре РФ, 2002. 29 с.
761. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. М., 1997. 304 с.
762. *Дворкин А.И., Бабаева Э.У., Токарева М.Е., Чернова К.Т.* Расследование убийств, совершенных организованными вооруженными группами: Методическое пособие. М., 1995. 96 с.
763. *Елеськин М.В., Попов В.И., Филимонов О.В.* Предупреждение организованной преступности в исправительных учреждениях. М., 1998. 60 с.
764. *Кобликов А.С.* Конституционные принципы правосудия в СССР: Учеб. пособие. М., 1980. 66 с.
765. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.А. Чекалин; под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006 (СПС «Гарант»).
766. Комментарий к Федеральному закону «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» / Под ред. А.С. Михлина и В.И. Селиверстова. М., 1999. 191 с.
767. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постатейным приложением нормативных актов и документов. Автор-составитель А.Ю. Шумилов. М., 1999. 263 с.
768. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. М., 1997. 716 с.
769. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. 640 с.

770. Минин А.Я., Попов В.И., Кудин В.А. Практика и порядок проведения тайных действий и операций против организованной преступности в США: Учеб. пособие. М., 1999. 82 с.
771. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000. 830 с.
772. Основы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. В.Б. Рушайло. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2000. 720 с.
773. Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности. М., 1998. 444 с.
774. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Практ. пособие / Под ред. В.П. Верина. М., 2008. 589 с.
775. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учеб. пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. М., 2001. 580 с.
776. Семенцов В.А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 1995. 115 с.
777. Советский уголовный процесс. Кн. 1 / Под ред. А.С. Кобликова. М., 1982. 212 с.
778. Советский уголовный процесс / Под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. М., 1980. 568 с.
779. Соловьев А.Б. Использование доказательств при допросе на предварительном следствии: Методическое пособие. М., 2001. 136 с.
780. Уголовно-исполнительное право России: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. А.И. Зубкова. М., 1999. 614 с.
781. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.С. Кобликова. М., 1999. 384 с.
782. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. П.А. Лупинской. М., 1995. 544 с.
783. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. В.В. Николюка. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 198 с.
784. Химичева Г.П., Ульянова Л.Т. Конституция Российской Федерации и вопросы уголовного процесса: Учеб. пособие. М., 1995. 62 с.

785. *Чечетин А.Е., Буряков Е.В.* Опыт борьбы с организованной преступностью в США: Учеб. пособие. Омск, 1998. 84 с.
786. *Шумилов А.Ю.* Основы уголовно-розыскного права (правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности). Общая часть: Учеб. пособие. М., 2000. 196 с.
787. *Южанин В.Е.* Методические рекомендации по работе с вновь прибывшими осужденными в исправительные учреждения. Рязань, 1996. 38 с.
788. *Якупов Р.Х.* Принципы уголовного процесса: Лекция. М., 1997. 33 с.

Х. Проекты законов

789. Правовое регулирование борьбы с организованной преступностью. Проект Федерального закона и комментарий. М., 1994. 54 с.

Оглавление

Введение	3
Глава I. ПОСТКРИМИНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ	6
§ 1. Тенденции преступности, обуславливающие феномен посткриминального воздействия	6
§ 2. Характеристики и последствия посткриминального воздействия	28
Глава II. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ	57
§ 1. Международно-правовые основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию ...	57
§ 2. Российские конституционные основы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию ...	89
§ 3. Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, — принцип российского уголовного процесса	101
Глава III. СИСТЕМА МЕР БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ	112
§ 1. Универсальные меры безопасности	112
§ 2. Меры безопасности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	151
§ 3. Меры безопасности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования	168
§ 4. Меры безопасности в ходе судебного производства	248
§ 5. Меры безопасности — правоограничения в периоды пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия	323
§ 6. Меры безопасности в исправительных учреждениях	335
Глава IV. ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ	356
§ 1. Полномочия должностных и иных лиц при применении мер безопасности	356
§ 2. Основания применения мер безопасности	375
§ 3. Иные общие условия применения мер безопасности	390
Заключение	402
Нормативно-правовые источники и библиография	403

Брусницын Леонид Владимирович

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ,
СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ:
МИРОВОЙ ОПЫТ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Монография

Выпускающий редактор Киреева Е.В.

Лицензия ЛР № 066272 от 14 января 1999 г.
Сдано в набор 7.12.2009. Подписано в печать 29.02.2010.
Формат 60X88/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 29
Тираж 3000 экз. (1-й завод — 1000 экз.) Заказ 3174—10

ООО Издательство «Юрлитинформ»
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6.

Отпечатано в ОАО «12 ЦТ»
119019, г. Москва, Староваганьковский пер., д. 17
Тел.: 697-73-48

**Издательство «Юрлитинформ»
предлагает вниманию читателей книги
серии «Библиотека криминалиста»**

Панькина И.Ю. Презумпция невиновности: теория и практика реализации в российском уголовном процессе

Костенко Р.В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств

Валеев А.Т., Лютынский А.М., Морозов Р.М., Помаслов А.Б. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования пенитенциарных преступлений

Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы формирования коллегии присяжных заседателей

Данилова С.И. Выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в стадии предварительного расследования

Лазарева В.А. Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве по уголовному делу

Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию

Козьявин А.А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства

Чебуренков А.А. Основы теории расследования

Тетюев С.В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный и криминалистический аспекты)

Долотов Р.О. Преступные посягательства на объекты интеллектуальной собственности: механизм уголовно-правового регулирования

**Заявки на приобретение издаваемой нами литературы,
а также отзывы о ней, свои предложения и рекомендации
о необходимой тематике направляйте по адресу:**

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6

000 Издательство «Юрлитинформ»

тел. (495) 697-77-45, тел/ факс (495) 697-16-13

E-mail: zakaz@urlit.ru

ISBN 978-5-93295-624-3

9 785932 956243 >

